

ПЕРВОЕ
СЕРБСКОЕ
ВОССТАНИЕ
1804-1813 ГГ.
И РОССИЯ

ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ 1804-1813 ГГ. И РОССИЯ

Предлагаемая публикация представляет собой сборник дипломатических документов из архивов СССР, которые впервые систематизированно освещают политику России в сербском вопросе в период 1804—1807 гг., знакомят с положением сербского народа и других балканских славян в период Первого сербского восстания 1804—1813 гг. и отчасти характеризуют отношение заинтересованных европейских государств к освободительному движению балканских славян.

В книгу включены донесения русских дипломатов из Константинополя, Вены, Белграда, Бухареста, Ясс, Котора и других городов Османской и Австрийской империй, инструкции МИД России русским дипломатам, докладные записки русских министров царю, приказы, распоряжения и рапорты русского командования Молдавской армии, прошения и письма вождей и депутатов сербского и черногорского народов к русскому правительству и другие сопутствующие им материалы, относящиеся к периоду 1804—1807 гг.

Сборник документов подготовлен к печати совместно советскими и югославскими историками.

ПЕРВОЕ
СЕРЬСКОЕ
ВОССТАНИЕ
1804-1813 гг.
И РОССИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ИСТОРИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ МИД СССР

СЕРБСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
И ИСКУССТВ

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ПРВИ
СРПСКИ
УСТАНАК
1804-1813 г.г.
И РУСИЈА

Књига прва
1804-1807

ИЗДАВАЧКО ПРЕДУЗЕЋЕ
• НАУКА •
МОСКВА 1980

ПЕРВОЕ
СЕРБСКОЕ
ВОССТАНИЕ
1804-1813 гг.
И РОССИЯ

Книга первая
1804-1807

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •
МОСКВА 1980

Публикация подготовлена совместно советскими и югославскими историками. В сборник включены донесения русских дипломатов из Константинополя, Ясс, Бухареста, Вены и других городов Османской и Австрийской империй, переписка вождей сербского народа с русским правительством, военными властями и дипломатами. Документы показывают основные этапы Первого сербского восстания, позицию России по отношению к сербскому национально-освободительному движению, ее финансовую, военную и дипломатическую помощь повстанцам. Большая часть документов публикуется впервые.

Редакционная коллегия:

Советская часть:

С. А. НИКИТИН

ответственный редактор

В. П. ГРАЧЕВ

Ф. И. ДОЛГИХ

В. И. МАЗАЕВ

К. К. МИРОНОВА

Е. П. НАУМОВ

Ю. А. ПИСАРЕВ

Н. П. ДАНИЛОВА

Ответственный секретарь

Е. К. ВЯЗЕМСКАЯ

Югославская часть:

Академик

В. ЧУБРИЛОВИЧ

ответственный редактор

С. ГАВРИЛОВИЧ

К. ДЖАМБАЗОВСКИЙ

Д. ЯНКОВИЧ

Н. МАДЖАРЕВИЧ

П. МИЛОСАВЛЕВИЧ

Б. ПАВИЧЕВИЧ

Р. САМАРДЖИЧ

Ответственный секретарь

Н. МАДЖАРЕВИЧ

Составители:

В. П. ГРАЧЕВ, Н. П. ДАНИЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исполнилось 175 лет с начала сербского восстания 1804—1813 гг., явившегося важнейшим историческим событием не только для Сербии, но и для всего Балканского полуострова. В ходе этого восстания в Белградском пашалыке была подорвана турецкая военно-ленная феодальная система и были заложены основы сербской государственности. Восстание было одним из первых массовых вооруженных выступлений угнетенных народов Балканского полуострова в XIX в. против Порты. Вслед за ним в Османской империи произошли новые революционные катаклизмы: в 1815 г. — второе сербское восстание, в 1821 г. — восстание в Валахии под руководством Т. Владимиреску, в 1821—1829 гг. — национально-освободительная революция в Греции. Реакционная военно-феодальная Османская империя, переживавшая острейший внутривластный кризис, была не в состоянии приостановить социальную и национально-освободительную борьбу угнетенных ею народов.

Хотя в 1813 г. султанское правительство жестоко подавило восстание в Сербии, оно не смогло полностью реставрировать свою власть в стране. Возникли условия для свободного крестьянского землевладения. В Сербии стал создаваться аппарат национальной государственной власти.

Подчеркивая историческую важность Первого сербского восстания, современная югославская историография считает, что оно сыграло роль буржуазно-демократической революции и имело две главные особенности — антифеодальный характер выступления крестьянских масс и национально-освободительный аспект всего движения.

В борьбе с Османской империей сербы искали поддержку великих держав — прежде всего России и Австрии. Габсбургская монархия, опасаясь волнений в югославянских землях Австрии, соглашалась лишь на посредничество в примирении с Портой, а в дальнейшем отказала в какой-либо помощи и заняла позицию нейтралитета.

Политика России на Балканах, напротив, сыграла объективно положительную роль в ходе событий на Юго-Востоке Европы. «Когда в 1804 г. вспыхнула сербская революция, — писал Ф. Энгельс, — Россия немедленно взяла под свою защиту восставших «райя» и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в двух договорах независимость их страны во внутренних делах»¹. Политические контакты сербов с правительством Александра I играли важную роль на всех этапах Первого сербского восстания.

В октябре 1804 г. в Петербург прибыла сербская депутация; которая подала прошение от имени сербов-инсургентов царю Александру I и была принята товарищем министра иностранных дел А. А. Чарторыйским.

Сербские посланцы получили в Петербурге обещание, что Россия будет поддерживать перед Портой требования повстанцев. С этого времени между обеими странами установились благоприятные для Сербии отношения.

Признание необходимости оказания сербам всей возможной помощи в условиях сохранения мира с Османской империей — вот что определяло русскую политику в сербском вопросе в 1804—1806 гг.

В эти годы русская дипломатия в сложной международной обстановке, чреватой военными столкновениями, не могла взять на себя какие-либо другие обязательства, кроме обещания дипломатической поддержки интересов сербов в Константинополе, оказания им помощи деньгами и оружием. Это видно из публикуемого в сборнике письма А. А. Чарторыйского царю от 11 января 1806 г., написанного в связи с новым обращением вождей восстания к России. Указывая на возможность разгрома сербов Османской империей и в то же время предупреждая об угрозе французского вмешательства, А. А. Чарторыйский писал: «То и другое из сих событий будет совершенно противно пользе империи Российской». Во избежание этого он предлагал оказать сербам немедленную помощь: осуществив дипломатическое давление на Порту, снабдив инсургентов деньгами и договорившись с Австрией о предоставлении сербам оружия².

Чтобы понять политику царской России, необходимо учитывать международную обстановку того времени, во-первых, и традиционные принципы российской дипломатии на Балканах, во-вторых.

Начало XIX в. в Европе было периодом наполеоновских войн, в которых России пришлось принять непосредственное участие. Нестабильность международной обстановки на Европейском континенте заставляла царскую дипломатию искать союзников. Среди них не на последнем месте были Австрия и Османская империя. В Петербурге опасались наполеоновских захватов на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Повстанческое движение в европейских провинциях Османской империи могло послужить предлогом для вторжения Наполеона на Балканы. Усиление наполеоновской Франции или какой-либо другой великой державы на Балканах могло привести к потере влияния России в этом регионе.

Россия традиционно поддерживала балканские народы, как единоверцев и единоплеменников, устанавливая с ними политические и культурные контакты. Это сотрудничество проявилось в Черногории еще в период царствования Петра I и его войн против Турции (миссия полковника М. А. Милорадовича в Черногорию в 1710 г. для подготовки там восстания). Искали поддержку России в XVIII в. и сербы, проживающие в Габсбургской монархии, чтобы защититься от влияния католической церкви и получить поддержку своему стремлению к независимости в борьбе как против Османской империи, так и против власти Габсбургов в Венгрии. Во второй половине этого столетия ряд представителей сербского народа пришел к выводу, что создание независимой Сербии может быть осуществлено лишь благодаря усилиям самого народа при активной поддержке со стороны защитницы славян — России. Об этом убедительно свидетельствует меморандум генерала Неранджича, брата генерала Зорича, князю Г. А. Потемкину в 1784 г.³ В данном направлении действует в это время не только владыка Черногорский Петр I Негош, но и большая часть вождей сербского народа в Австрии и Османской империи. Это подтверждает и секретный меморандум карловацкого митрополита Стефана Стратимировича, направленный русскому правительству в 1804 г.

Между тем, решение сербского вопроса имело ряд сложностей для царского правительства.

Одна из них состояла в том, что после начала русско-турецкой войны у главнокомандующего Молдавской армией было мало войск для операций в поддержку сербов. Руководители же восстания обнаруживали недостаточное понимание этого. Некоторые из сербских воевод, отказываясь учитывать реальное положение вещей, пытались опереться на поддержку Австрии, что встречало настороженность Петербурга. Другим фактором, осложнявшим русско-сербские отношения во время восстания, были несогласованность действий и даже соперничество руководителей повстанческого движения. Нередко они обращались с взаимными жалобами к России. Однако эти моменты не имели решающего значения. Россия неизменно проявляла готовность содействовать сербам, а последние были заинтересованы в сохранении с ней добрых отношений.

Оказывая постоянную помощь Сербии на протяжении всех лет восстания, предоставляя повстанцам значительные суммы денег, оружие, поддерживая их по дипломатической линии, в 1806—1812 гг. Россия вела совместно с ними вооруженную борьбу против Османской империи. Ничего подобного не делало и даже не обещало сделать ни одно другое европейское государство.

В истории отношений Сербии и России в период Первого сербского восстания можно выделить следующие периоды: Россия и Сербия накануне и в начале восстания (1804 г.), Россия и восстание до русско-турецкой войны (1804—1806 гг.), война России против Турции 1806—1812 гг. и сербское восстание, поход Наполеона на Россию 1812 г. и поражение Первого сербского восстания в 1813 г. При периодизации следует учитывать динамику самого восстания. Из мятежа против дахивов (1804 г.) оно переросло в общенародную войну всего населения Сербии с Османской империей (1805—1806 гг.). В течение этих лет инсургенты вели успешные боевые действия против турецких войск, одержав победу в битве при Иванковце (1805 г.), а также в боях при Мишаре у Шабача и у Делиграда близ Ниша в 1806 г.

Политика Османской империи в сербском вопросе не была неизменной и зависела от международной ситуации в Европе в период наполеоновских войн. Порты то прибегала к попыткам военным путем подавить восстание в Сербии (1805—1806 гг.), то пыталась разрешить этот конфликт мирным путем. Осенью 1806 г. султанское правительство согласилось на мир с сербами и приняло условия, которые были ей представлены через посланца повстанцев Петра Ичко. Согласно этим условиям Сербия становилась вассальным государством без турецких гарнизонов в городах и с одним представителем турецкой власти — мухасилом — в Белграде (Ичков мир между Турцией и Сербией). В период перемирия сербы заняли Белград и Шабач и тем закончили освобождение страны от османского ига.

В конце 1806 г. Россия вступила в войну с Османской империей, что привело в начале 1807 г. к возобновлению войны между Портой и сербами. Повстанцы подхватили призыв русского военного командования в Валахии поддержать военные действия России на балканском фронте. На заседании правительствующего совета сербского от 19/31 марта 1807 г., проходившем под председательством одного из руководителей инсургентов князя Симы Марковича, Ичков мир был отвергнут. «Сербия, — заявил князь, — считает себя совершенно независимым государством. Она не будет платить никакой дани Турции».

Выступив совместно с Россией против Османской империи, Сербия включилась и в войну против Наполеона. Каждая из воюющих сторон имела в этой войне свои планы. В Петербурге согласно плану министра иностранных дел А. Я. Будберга рассчитывали организовать военный

поход из Валахии через Сербию и Боснию и совместно с сербскими повстанцами выйти навстречу французской армии в Далмации. В свою очередь командующий французской армией маршал Мармон хотел направить свои войска через Боснию, преследуя цель усмирить Сербию и вытеснить русские войска из Валахии и Молдавии с последующей перспективой похода южного крыла наполеоновских войск в глубь России. И та и другая сторона — и Россия и Франция — ставили своей задачей создать единый фронт от Балтийского до Черного моря (см: док. № 196). Вожди Первого сербского восстания, учитывая планы русского командования, вели наступательные действия в направлении Боснии и Герцеговины и южной Моравы, имея в виду соединение с русской армией в Валахии и Восточной Сербии.

Однако после неудачного наступления в Боснии и Старой Сербии руководитель повстанцев — Карагеоргий — был вынужден повернуть свои главные силы в Восточную Сербию, чтобы освободить воеводу Миленко Стойковича, окруженного турецкими войсками около Штубика. Ему на помощь пришли русские войска в Валахии, перешедшие р. Дунай. Карагеоргий установил непосредственную связь с русской армией. Это был весомый, но единственный результат русско-сербского сотрудничества в войне против Турции в 1807 г. После побед Наполеона, одержанных в сражениях с русской армией в Польше и Восточной Пруссии, был заключен франко-русский мирный договор в Тильзите от 25.VI—6.VII 1807 г., за которым последовало русско-турецкое перемирие в Слободзее от 12—24.VIII 1807 г.

Военные и иные связи между Сербией и русским правительством, а также главным командованием русской армии и российским министерством иностранных дел осуществлялись через постоянного представителя России в Сербии и русских консулов в Молдавии и Валахии, что отражено в документах, публикующихся в настоящем сборнике.

Эта документация весьма интересна. В переписке с русской стороны участвовали правительственные чиновники, главнокомандующие армией, командиры отдельных ее отрядов, представитель МИД в Сербии К. К. Родофиникин и российские консулы, а с сербской стороны — Карагеоргий и другие старейшины; имела место также переписка духовных лиц с той и с другой стороны. Эти документы составляют основное содержание настоящей публикации. Материалы сборника отражают различные стороны русско-сербских отношений — военное сотрудничество, дипломатическую помощь со стороны России, денежную поддержку сербам, присылку военных специалистов и т. п. Многообразна тематика документов и сербской стороны: обращения сербов-повстанцев к русскому правительству с просьбой о военно-политической поддержке и помощи, планы совместных боевых действий, сообщения о борьбе сербских старейшин за власть, материалы о сербо-австрийских отношениях и пр.

Документы из русских (советских) архивов имеют особое значение, поскольку сербские источники сохранились плохо⁴. Одна часть этих материалов была утрачена во время разгрома восстания турками, другая — позднее⁵. Первые опыты освещения истории восстания, действий его участников были осуществлены сербским просветителем Вуком Караджичем на основе местных источников (документов, рассказов современников и пр.). Он же совместно с немецким историком Л. Ранке предпринял первую попытку дать более общую картину событий. Эта книга, на которой была обозначена фамилия одного Л. Ранке⁶, привлекла внимание широкого круга ученых. В 1829 г. она была издана на немецком языке, в 1854 г. — на русском.

В России впервые разработка архивных материалов по истории сербского восстания 1804—1813 гг. была начата еще в XIX в. русскими военными историками. О русско-турецкой войне 1806—1812 гг. писал известный исследователь периода царствования Александра I А. И. Михайловский-Данилевский. В работе «Описание турецкой войны с 1806—1812 гг.» он впервые осветил вопрос о военной помощи России сербам, описав историю совместных боевых действий и деятельность российских дипломатов в Сербии. В работе был использован ряд важных документов, впервые извлеченных им из архивов⁷.

В 1863 г. в журнале «Русский вестник» появилось исследование другого известного военного историка Н. Ф. Дубровина «Сербский вопрос в царствование императора Александра I»⁸, в котором он использовал материалы военных архивов шире, чем его предшественник, и, кроме того, отдельные документы опубликовал в приложениях. В 1864 г. в «Военном сборнике» была напечатана статья того же автора «Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806—1812 гг.», написанная на основе данных русских военных архивов⁹. В 1869 г. появилось двухтомное исследование профессора Н. А. Попова¹⁰, которое представляло собой первый после книги Л. Ранке широкий по хронологическому охвату, опиравшийся на разнообразные русские и сербские материалы очерк русско-сербских отношений. Работа Н. А. Попова вызвала отклики как в России, так и в Сербии и послужила толчком для издания публикации русских документов, посвященной этому вопросу, — книги В. Богшича «Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия».

Исследователь при подготовке книги получил возможность познакомиться с документами российского министерства иностранных дел по изучаемой проблеме. Эта публикация, в состав которой были включены важные документы, не утратила своего значения до наших дней¹¹.

Во второй половине 80-х—первой половине 90-х годов XIX в. произошло дальнейшее пополнение документации о Первом сербском восстании. В 1885 г. значительная часть этих материалов вошла в трехтомное исследование видного военного историка А. Н. Петрова по истории войны 1806—1812 гг., в него были включены документы о русско-сербских отношениях в период Первого сербского восстания¹². Та же тематика нашла отражение в публикации документов из архивов русского и французского министерств иностранных дел под названием «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона»¹³. В этом издании имеются важные материалы о Сербии, Которе, Черногории и Боснии.

В последние годы XIX в. в русских архивах вел работу сербский историк Миленко Вукичевич. В 1904 г. сербский историк Стоян Новакович опубликовал работу о возрождении сербского государства¹⁴. Книга самого М. Вукичевича «Карагеоргий», в которой еще более широко были использованы материалы из русских архивов, появилась позднее, первый (вводный) том был издан в 1907 г., второй (1804—1807 гг.) — в 1912 г.¹⁵ Следует отметить также изыскания В. А. Ульяницкого о русско-турецких дипломатических переговорах, в которых нашли отражение и материалы по сербскому вопросу¹⁶. Вновь сербская тема прозвучала лишь много лет спустя, после окончания второй мировой войны в двух публикациях, которые по тематике косвенно связаны с проблемой русско-сербских отношений. Первая из них — сборник документов «М. И. Кутузов», подготовленный к изданию Институтом истории АН СССР совместно с Главным архивным управлением; третий том этого издания¹⁷ содержит документы о связях русской армии с сербами и о помощи, оказанной Россией Сербии боеприпасами, войсками, продовольствием, деньгами, меди-

каменными и др., а также материалы о совместных боевых действиях русских войск с сербскими повстанцами.

Вторая публикация документов — «Внешняя политика России XIX и начала XX века» — была подготовлена к печати Комиссией по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР. В эту публикацию включены документы министерства иностранных дел России по различным аспектам внешней политики Петербурга, в том числе и по русско-сербским отношениям¹⁸.

В шестидесятые годы в журнале «Исторический архив» была опубликована часть русских военных архивов за 1806—1812 гг.¹⁹

Все сказанное свидетельствует о том, что в распоряжении исследователей имеется уже большое количество документов о Первом сербском восстании. Однако эти документы или привлечены издателями крупных публикаций попутно, так как эти публикации посвящены другим темам, или же являются более или менее специальными небольшими подборками, освещающими какой-то небольшой вопрос и основанными на ограниченном круге архивных фондов. Поэтому, несмотря на наличие в научном обороте значительного числа русских документов о Первом сербском восстании, многое оставалось неизвестным. Недостаток же источников сербского происхождения делал источники из советских архивов по ряду вопросов особенно важными.

* * *

В 1967 г. Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Сербской Академией наук и искусств (САНИ) было заключено соглашение о совместном издании документов по истории Первого сербского восстания. С советской стороны к работе над публикацией были привлечены учреждения Историко-дипломатического управления МИД СССР и Главного архивного управления при Совете Министров СССР, с югославской стороны — Отделение исторических наук Сербской Академии наук и искусств. Было решено издавать две книги документов советских архивов под названием «Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия». Такая формулировка темы диктовалась самим характером русских материалов, на основе которых подготовлено настоящее издание.

В предлагаемой первой книге содержатся документы о русско-сербских отношениях до русско-турецкого перемирия, заключенного в Слободзее в 1807 г.

В отличие от всех указанных выше изданий, чаще всего строившихся на основе материалов одного из архивов (архива МИД или военных архивов), настоящее издание подготовлено в результате обследования различных архивов как центральных, так и местных. Публикация впервые дает систематический подбор основных русских документов, характеризующих важнейшие моменты в русско-сербских отношениях этого периода.

Настоящий сборник включает в себя как неопубликованные, так и повторно публикуемые документы; повторная публикация вызвана редкостью изданий, в которых документ опубликован впервые, или важностью документа.

При подготовке настоящего издания были обследованы следующие архивы: Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР (АВПР), Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР), Центральный государственный

исторический архив СССР (ЦГИА СССР), Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ СССР), Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Центральный государственный архив Молдавской ССР, Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), Государственный архив Одесской области (ГАОО), а также материалы из отделов рукописей библиотек: Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Библиотеки Академии наук в г. Ленинграде (БАН), Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде.

При подготовке документов к печати редакция придерживалась следующих правил.

Археографическая обработка документов осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Документы публикуются полностью, на языке оригинала. К документам на французском языке даны переводы на русский язык, к сербским документам приводятся сноски с разъяснением непонятных слов.

Текст документов, написанных на русском и французском языках, передается по принятой в настоящее время орфографии с сохранением языковых и стилистических особенностей своего времени и языковых влияний (русизмов, сербизмов, церковнославянизмов). Документы сербского происхождения, написанные на сербском языке, публикуются по современной сербохорватской орфографии. Документы, написанные на русском и славяно-сербском языках, даны современной русской графикой. Буква *j* и все языковые особенности сохраняются.

Транскрипция собственных имен и географических названий в тексте воспроизводится в соответствии с оригиналом. В переводах имена и географические названия даются приближенно к тексту документа. В Указателе географических названий даны как варианты названий, встречающиеся в документах, так и правильные наименования.

Вводятся общепринятые унифицированные сокращения терминов. Во французских текстах введено сокращенное обозначение титулов: (*voire excellence* — *v. ex.*, *Sa majesté impériale* — *s. m. i.* и пр.). Утраченные и сокращенные части слов восстановлены в квадратных скобках, а в случае невозможности их восстановления делается оговорка в подстрочных примечаниях. Там же оговариваются неразборчивые места текста. В документах сербского происхождения в квадратных скобках восстанавливаются пропущенные буквы.

Резолюции и пометы общего характера воспроизводятся после текста документа, в том числе — пометы о его подписании, получении и отправлении. Пометы частного характера указаны в подстрочных примечаниях. Там же раскрываются неполно или неправильно обозначенные имена и др. Примечания редакции даются под текстом без специального обозначения.

Документы в сборнике расположены в хронологическом порядке, снабжены редакционными заголовками. В заголовках должностное положение автора и адресата указано только при первом упоминании или при последующем изменении.

Документы снабжены датами, которые приводятся по старому стилю. В документах, имеющих двойную датировку (по старому и принятому в Европе новому стилю), приводятся обе даты. Даты, установленные составителями, оговорены в подстрочных примечаниях.

Место написания документа указано в заголовке только в том случае, если оно имеется в оригинале.

Все документы сопровождаются легендами, в которых указываются место хранения источника (поисковые данные), его подлинность, оговорено наличие печати, предшествующая публикация.

Комментарии помещаются вслед за документом.

Работа по подготовке издания была проведена сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР, Архива внешней политики России, Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Центрального государственного военно-исторического архива СССР. В ней приняли участие сотрудники Института балканистики Сербской Академии наук и искусств.

Публикацию документов готовили советские и югославские историки. Выявление документов в архивах СССР осуществляли: В. П. Грачев, Н. П. Данилова, Е. М. Заблудовская, Е. П. Наумов, Д. Ф. Пошлыко (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), В. М. Хевролина, Н. И. Хитрова (Институт истории СССР АН СССР), Э. В. Науменкова (АВПР), К. К. Миронова, Е. П. Воронин, Л. Н. Воскобойникова, Б. Д. Нешенко, Л. Я. Саг, И. И. Терехина, Н. А. Тесемникова (Главное архивное управление при Совете Министров СССР).

Составителями публикации документов являлись В. П. Грачев и Н. П. Данилова.

В ходе подготовки сборника к изданию в Москве и Белграде проводились заседания совместной советско-югославской редколлегии и рабочих групп. Первоначально в состав редколлегии, помимо лиц, указанных на титульном листе, входили: академик В. М. Хвостов, К. С. Кузнецова,

В. А. Дьяков (СССР), академик Й. Тадич и Д. Перович (СФРЮ). Рабочие группы произвели отбор документов. В их заседаниях участвовали В. П. Грачев, Н. П. Данилова, Э. В. Науменкова, К. К. Миронова (СССР), а также С. Гаврилович, Н. Маджаревич и К. Джамбазовский (СФРЮ).

Документы сборника комментировали В. П. Грачев, Н. П. Данилова, Н. И. Казаков, С. А. Никитин, В. Г. Сироткин, Н. И. Хитрова (СССР) и С. Гаврилович, П. Милосавлевич (СФРЮ).

Переводы с французского на русский язык осуществлены Е. М. Заблудовской и И. Г. Усачевым, редактирование переводов — И. В. Козменко, Е. М. Заблудовской и частично сотрудниками Главархива СССР.

Археографическая подготовка и составление заголовков проведены В. М. Хевролиной. В археографической подготовке документов принимали также участие: русских — Е. П. Воронин, французских — Е. М. Заблудовская и С. С. Неретина, славянских и славяно-сербских — сотрудники группы этнолингвистики и славянских древностей Института славяноведения и балканистики АН СССР И. Е. Можяева и Т. Ф. Семенова при научной консультации Н. И. Толстого, а с югославской стороны — С. Гаврилович, А. Маджаревич и И. Иванович.

Ответственным секретарем издания является Е. К. Вяземская. Научно-техническая подготовка издания к печати проведена группой сотрудников сектора новой истории балканских народов Института славяноведения и балканистики АН СССР — Е. К. Вяземской, А. В. Карасевым, О. В. Соколовской, Е. Ю. Чепыжевой, М. В. Гурьевой.

В технической работе над материалами сборника принимали также участие сотрудники АВПР — О. А. Глушкова, В. Р. Любачев, М. Ф. Орехов, К. Ф. Поклад, Е. И. Чекисова.

Иллюстрации подобраны югославскими историками.

Редакционная коллегия выражает свою признательность рецензентам данного издания документов, а также всем югославским историкам, принявшим участие в обсуждении публикации.

Заслуженный деятель науки РСФСР,
профессор С. А. Никитин

Академик САНИ и АН СССР
В. Чубрилович

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 32.

² См.: док. № 120.

³ Имеется в виду обращение с изложением пужд сербского народа, переданное Г. А. Потемкину, когда он был новороссийским, азовским и астраханским губернатором.

⁴ Это побуждало историков Первого сербского восстания обращаться к изучению документов венских, парижских, земупских и других архивов (см. публикации М. Гавриловича, А. Ивича и др.).

⁵ См.: *Пић Т.* О архивама i архивалијама prvog srpskog ustanka i njihovom propaganju. — *Arhivist*, 1954, 2, с. 9—31; перечень сохранившихся сербских документов см.: *Новаковић С.* Устаник на дахије 1804. Београд, 1954, с. 1—23; *Први српски устаник: Акта и писма на српском језику.* Београд, 1977, књ. 1. 1804—1808, с. 5—47.

⁶ Последнее сербское издание: *Ранке Л.* Српска револуција. Београд: Српска књижевна задруга, 1965; *Он же.* История Сербии по сербским источникам. 2-е изд. М., 1876.

⁷ *Мизайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. СПб., 1849, т. III.

⁸ *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I. — *Русский вестник*, 1863, т. 46.

⁹ *Дубровин Н. Ф.* Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806—1812 гг. — *Военный сборник*, СПб., 1864, т. XXXVI.

¹⁰ *Попов Н. А.* Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства с 1804 по 1856 г. М., 1869, т. 1, 2.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Грачев В. П.* История Первого сербского восстания в собраниях В. Богинича. — В сб.: *Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время.* М.: Наука, 1974, с. 271—291.

В те же годы были опубликованы некоторые отдельные документы этого периода: Записка Самборского, петиция сербов к Александру I, 1806 г. в «Чтениях Общества истории и древностей российских» (1868, т. I; 1871, т. III).

¹² *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806—1812 гг. СПб., 1885—1887, т. 1—3.

¹³ Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона. — *Сборник Русского исторического общества* (далее: РИО). СПб., т. 70; 1891, т. 77; 1892, т. 82; 1893, т. 88.

¹⁴ *Новаковић С.* Васкрс државе српске. Београд, 1904.

¹⁵ *Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1907, књ. 1; 1912, књ. 2.

¹⁶ *Ульяницкий В. А.* Материалы по истории Восточного вопроса 1808—1813 гг., извлеченные из архивов имп. русского константинопольского посольства. — *Чтения ОИДР*, 1901; т. IV.

¹⁷ *Кутузов М. И.* Сборник документов. М.: Воениздат, 1952, т. III.

¹⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1, М.: Госполитиздат (далее: ВПР), 1960, т. I, 1961, т. II; 1963, т. III; 1965, т. IV; 1967, т. V.

¹⁹ Из истории помощи России сербскому народу в период Первого народного восстания. — *Исторический архив*. М., 1960, т. 1.

1804

ГОД

Документы № 1—33

№ 1

Донесение русского консула в Бухаресте Л. Г. Кирико русскому генеральному консулу в Яссах А. А. Жерве со сведениями о восстании белградских сербов и просках французских эмиссаров в Болгарии и Румелии

13 (25) марта 1804 г. Бухарест

Monsieur! J'ai l'honneur de vous adresser la réponse ¹ ci-jointe à la dernière circulaire du Collège impérial des affaires étrangères, en vous priant, Monsieur, de vouloir bien l'acheminer d'après votre complaisance ordinaire. L'on dit ici que le gouvernement de Corfu vient de s'intéresser auprès de la Porte en faveur des Suliotes et qu'elle a promis de porter Aly pacha de leur rendre cette ancienne forteresse.

Ici l'on est inquiet sur l'approche de Karafeis avec ses kirgialis aux environs du Danube, nombre d'émigrés en passant de ce côté cherchent leur salut en Valachie.

L'on affirme ici que l'ayan de Filipople intentionné de s'opposer à l'arrivée et aux opérations du rumelivalissy, on a déclaré aux Turcs de sa dépendance le projet d'une opposition ouverte; cependant, le neveu de ce rumelivalissy est entré dans Bazargik avec 6000 hommes à sa suite, et le pacha destiné à combattre les kirgialis avec les troupes réformés de la Porte l'y a aussi suivi, c'est pourquoi croit-on que cet ayan équivoque tient à ces environs-là les kirgialis de Karafeis qui lui a promis de diverser en sa faveur. Ces circonstances font supposer des scènes peu favorables en Turquie².

Les habitants serbes de Belgrade viennent derechef de s'y soulever contre les Turcs du partie adverse qui ayant tué 5 de leur knies, les chrétiens ont fait main basse sur tous les Turcs qu'ils rencontrèrent dans la forteresse et aux faubourgs; le pacha presque singulièrement, voyant ses jours à la licence des parties en guerre civile, mais d'autres croient que la Porte y soutient sous main cet esprit de partie pour s'en défaire, par le canal des affidés, de ces anciens révoltés.

Pazvand-oglu, assurent-on, vient d'y expédier deux de ses officiers avec des troupes au secours de ces Bosniaques turcs, ses partisans et satellites déclarés qu'il protège d'ancienne date en faveur de son système d'opposition.

Le commissaire de France M. St. Luce, ayant reçu de son ambassadeur de Constantinople plusieurs jolies armes à feu et blanches de Paris pour en régaler les Turcs commandants aux bords du Danube et en Romélie, vient d'en adresser à Tersenikoglu de Ruschiuk avec une lettre flatteuse en y vantant singulièrement Bonaparte et sa république et louant les exploits de ce commandant actif contre ses ennemis, et surtout dans sa conduite vers

Manaf, ses sectateurs, et l'y disposant de son mieux en faveur de la nation française.

Tersenikoglu vient de lui répondre avec politesse et lui a envoyé un cheval de selle en cadeau.

Le commissaire Mechaire de Yassy ayant, assurent-on, l'ordre de son ambassadeur de se rendre à Galatz, a eu aussi diverses de ces armes de Paris et l'ordre de faire l'acquisition de diverses pièces de draps fins et d'autres étoffes en or, pour les distribuer aux commandants et chefs des parties à Braïla et Silistria et aux autres bords du Danube; qu'ils tâchent de s'attirer par des largesses en ce genre; l'on assurent aussi que St. Luce doit en adresser aussi à Pazvandoglu, mais qu'il ne sait point, par quel canal les lui y faire parvenir avec le succès qu'il en attend.

Parmi les manifestes distribués en Turquie, Bulgarie et Romélie par les Français et leurs émissaires secrets, il y en a, affirment-on, aussi d'écrits en langue bulgare et d'autres imprimés par la mission française de Constantinople.

Le courrier de Constantinople m'apporte, Monsieur, les détails suivants: la situation des affaires en Egypte est réellement allarmante; le gouverneur Aly pacha, ayant été invité par les beys de venir au Caire pour traiter avec eux, s'y était rendu en effet à la tête de ses troupes; arrivé près du Caire, les beys l'ont persuadé de congédier ses troupes, il a consenti et y est entré avec une suite peu nombreuse. Les beys lui ont cherché querelle, ils lui signifièrent de quitter l'Egypte, l'ont conduit prisonnier jusqu'à Elharich, d'où il devait se rendre en Syrie, mais ils l'ont fait attaquer en chemin, et Aly pacha a été décapité avec 150 hommes de sa suite. La Porte a nommé Gezar pacha missr-valissy et seraskier, mais il reste à voir comment il se prendra pour réprimer les beys.

L'on continue, m'y marquent-on de Constantinople, très fortement à dire, que la Porte aura une guerre prochaine avec la France. Dieu sait d'où partent ces bruits, mais ils ont fait tellement peur aux négociants français, que plusieurs ont cherché à changer de protection.

On arme toujours à l'arsenal, beaucoup du monde suppose que la flotte ira en Egypte.

Le prince m'a chargé de ses civilités et n'ayant rien à mander cette fois-ci, je me borne à mes rapports ci-dessus et j'ai l'honneur d'être avec une haute estime, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

Luc de Kirico

Помета: Полу[чено] 17 марта 1804 г.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 97, л. 141—142. Автограф.

Перевод

Милостивый государь! Честь имею направить Вам прилагаемый при сем ответ¹ на последний циркуляр императорской коллегии иностранных дел и просить Вас, милостивый государь, с присущей Вам любезностью сообразованно дать ему ход. Здесь говорят, что правительство Корфу хотело действовать перед Портой в пользу султанов и последняя обещала заставить Али-пашу вернуть им эту старинную крепость.

Здесь встревожены приближением Карафеиза с его кирджалиями к окрестностям Дуная. Многие беженцы, переходя на эту сторону, ищут спасения в Валахии.

Утверждают, будто аян Филиппополя, вознамерившийся противиться прибытию и действиям румели-валиси, сообщил зависимым от него туркам план открытого сопротивления; тем временем племянник румели-валиси вошел в Базарджик в сопровождении 6 тыс. человек, и паша, который должен был выступить с обновленными войсками Порты против кирджалиев, последовал туда же за ним; вот почему полагают, что этот подозрительный аян держат в этих окрестностях кирджалиев Карафеиза, который обещал ему осуществить отвлекающий маневр в его пользу. Подобные обстоятельства заставляют думать о мало приятной обстановке в Турции².

Сербские жители Белграда вновь поднялись против турок враждебной им партии, которые убили 5 их князей. Христиане перебили всех попавшихся в крепости и в пригороде турок; паша, видя, что его судьба зависит от сторон, ведущих гражданскую войну, весьма рискует. Но другие считают, что Порты тайком использует борьбу партий, чтобы избавиться с помощью верных людей от старых мятежников.

Как уверяют, Пазванд-оглу направил двух своих офицеров с солдатами на помощь турецким боснякам, своим сторонникам и откровенным приверженцам, которым он давно покровительствует согласно своей системе оппозиции.

Французский комиссар Сен-Люс, получив от своего посла в Константинополе большое число огнестрельного и холодного оружия из Парижа для раздачи турецким комендантам на берегах Дуная и в Румелии, обратился к Терсеник-оглу рущукскому с ласкательным письмом, особенно превозносящим Бонапарта и республику и восхваляющим действия этого активного полководца против его врагов, и, в особенности, его поведение в отношении Мапафа и его приверженцев; комиссар всячески старался склонить его в пользу французской нации. Терсеник-оглу вежливо ответил ему и послал в подарок скакуна.

Комиссар Мешер из Ясс, получивший, как уверяют, распоряжение своего посла отправиться в Галац, также распространял оружие, прибывшее из Парижа, и получил распоряжение приобрести различные тонкие сукна и ткани с золотом для раздачи комендантам и предводителям отрядов в Браиле и Силистрии и в других местах на Дунае, чтобы привлечь их подобной щедростью. Утверждают также, что Сен-Люс должен обратиться к Пазванд-оглу, но совсем не знает, каким путем переслать ему эти вещи, чтобы добиться ожидаемого успеха.

Среди воззваний, распространявшихся французами и их тайными эмиссарами в Турции, Болгарии и Румелии, имелись, как утверждают, тексты на болгарском и других языках, отпечатанные французской миссией в Константинополе.

Курьер из Константинополя доставил мне, милостивый государь, следующие сведения. Положение дел в Египте действительно тревожное. Губернатор Али-паша, приглашенный беями в Каир для переговоров с ними, действительно, явился туда во главе своих войск. Когда он подошел к Каиру, беи убедили его отослать войска. Он согласился и вошел в город с малочисленной свитой. Беи спровоцировали его на ссору, они приказали ему оставить Египет. Его довели как пленника до Эльхарифа, откуда он должен был отправиться в Сирию, но на него напали в пути, и Али-паша был обезглавлен так же, как и 150 человек его свиты. Порты назначила Джебзар-пашу миср-валиси и сераскером; теперь увидим, как он укротит беев.

Как мне сообщают из Константинополя, весьма уверенно говорят о том, что Порты в скором времени будет втянута в войну с Францией. Бог знает, откуда исходят эти слухи, но они вызвали такой страх у французских негодяев, что многие постарались поменять покровителя.

В арсенале все время вооружаются. Многие предполагают, что флот пойдет к Египту.

Князь одарил меня своей любезностью и, не имея на сей раз никаких просьб, ограничиваясь вышеизложенными донесениями и имею честь быть с глубоким почтением, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга

Лука Кирико

¹ Имеется в виду донесение русского консула в Бухаресте Л. Г. Кирико русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италискому от 11/23 марта 1804 г. Сообщая о восстании христианского населения Белградского пашалыка против режима непослушных султану янычар и кирджалиев, Л. Г. Кирико предполагает, что Порты сознательно поддерживает там эти распри, чтобы таким образом уничтожить непослушных ей предводителей янычар (дахиев) и кирджалиев.

Одновременно Л. Г. Кирико обращает внимание А. Я. Италиского на то, что в различных районах Турции, и особенно в Болгарии, французские агенты распространяют манифесты на болгарском и других языках. Французский консул в Яссах Сен-Люс, по собранным Л. Г. Кирико сведениям, уже получил большое количество оружия, которое он переправил с письмом в Рущук Терсеникли-оглу в надежде склонить его на сторону Франции (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 860, л. 101 и об.).

² Речь идет о процессе дезинтеграции в Османской империи, который стал особенно заметен в конце XVIII — начале XIX в., и о стремлениях некоторых гражданских и военных чиновников империи на периферии, особенно на северных границах государства — на Дунае и на Балканах, выйти из-под контроля султанского правительства. Особую роль при этом играли кирджалии — турецкие мятежники, занимавшиеся грабежом, которых часто использовали в своих целях турецкие пашы в качестве наемников. Кирджалии появились во Фракии в конце XVIII в. (см.: Мутафчиева В. Кирджалийско време. София: Наука и изкуство, 1977).

*Донесение русского посланника в Константинополе А. Я. Италинского товарищу министра иностранных дел А. А. Чарто-
рыйскому о намерении турецкого правительства оказать по-
мощь сербам в их борьбе против дахийцев*

№ 127

16 (28) марта 1804 г. Пера

Сиятельный князь, милостивый государь! В предыдущих депешах моих к его сиятельству государственному канцлеру имел я честь донести о неблагоприятном для сулиотов окончании десятилетнего почти ратоборствования их с янинским пашею Алием. В отвращение такого происшествия чинил я неоднократно представления Порте. Оные всякий раз были от нее признаваемы основательными и полезными, но справедливое сие мнение не имело никогда силы заставить ее принять деятельное попечение о сохранении одного храброго народа в бытии или доставлением ему средств для обороны, или употреблением против Али-паши таких мер, которые могли бы воздержать его от настояния в неприятельских своих видах на селения одного народа. Ныне Порта сожалеет, чувствует, сколько сильнее сделался Али-паша приобретением Сулии, но по странному своему упованию на благоприятное ей стечение обстоятельств ласкает себя, что откроется такое, которое по желанию ее послужит к гибели Али-паши. Впрочем остается тверда в уверении, что он настоящего своего могущества не употребит ни в каком случае в пользу французских против Порты умыслов.

Бесчисленные во внутренности империи сей случившиеся происшествия представляют Порте некоторое основание уповать на судьбу. Такие между прочим суть: избавление ее от Манав-Ибрагима и многих сообщников его, от Абдул-Вегаби, от Гюрджи-Османа. Вероятность есть, что к происшествиям сего рода принадлежать будут последние приключения в Белграде, которое место давно уже состоит почти в совершенной от нее независимости.¹ О приключениях оных уведомил меня князь Ипсиланти письмом, с которого прилагаю у сего копию.² Донося об оных также Порте, советовал он дать некоторое пособие ополчившимся сербам. Порта намерена воспользоваться советом сим, и ежели исполнит такое намерение, бунтовщики, владеющие Белградом, истреблены будут, на какой конец поныне не были со стороны ее употреблены никакие важные старания.

Имею честь быть с преданностию и высокопочитанием, сиятельный князь, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Андрей Италинский

Помета: Получено 18 апр[еля] 1804 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, ч. 1, л. 400—402 об. Подлинник.

¹ Имеется в виду период правления дахийцев, который начался в Белградском пашалыке с 1801 г. Дахии были командирами янычарских гарнизонов, которые отказались признавать власть Порты.

² В своем письме от 7 (19) марта 1804 г. господарь Валахии князь К. Ипсиланти сообщает А. Я. Италинскому полученные им сведения о событиях в Белграде, об убийстве сербских кнезов янычарами, о роли Пазванда-оглу в сербских делах. По мнению К. Ипсиланти, «сербское дело» будет иметь серьезные последствия, так как сербы смогли бы создать армию по меньшей мере в 50 тыс. человек (см.: АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1804, д. 35, л. 16—17; *Вукићевић М. Карађорђе*. Београд, 1912, кн. 2, с. 182.

В Петербурге знали о симпатиях К. Ипсиланти к России, его считали главой «русской партии» в Дунайских княжествах и стремились оказывать ему всяческую

поддержку. Еще в 1803 г. министр иностранных дел А. Р. Воронцов писал посланнику в Константинополе А. Я. Италиинскому: «Сношения Ваши с князем Ипсиланти весьма похвально. По приверженности господаря сего к России и по благонамеренности его вообще не оставляйте при всяком случае с своей стороны подкреплять его» (см.: ВПР. Сер. 1, т. I, с. 433). Как господарь Валахии К. Ипсиланти внимательно следил за ходом сербского восстания 1804 г., которое ему казалось предвестником общего выступления всех народов Балкан за свою национальную свободу. В этой связи большой интерес представляют письма К. Ипсиланти, адресованные А. А. Чарторыйскому, в которых он освещал, кроме сербских дел, и общую политическую обстановку на Ближнем Востоке (см.: *Богущиц В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». — В кн.: Отчет о 13 присуждении наград Уварова. СПб., 1872, с. 124—132 (письма за февраль—апрель 1806 г.); *Panaitescu P.* Corespondența lui Constantin Ipsilanti cu guvernul rusesc 1806—1810. București, 1933, с. 27—72 (письма за июль 1806 г.—июль 1807 г.).

№ 3

Донесение А. А. Жерве А. А. Чарторыйскому об укреплении турецких крепостей и о восстании сербского населения Белграда

17 марта 1804 г. Яссы

Mon prince! La réparation des forteresses continue toujours sans interruption. Outre celle de Hottin, de Bender et d'Ibraïla, il y a ordre de la Porte de réparer aussi les fortifications d'Akerman, de Kilia et d'Ismaïl. La Porte a envoyé dans ce dernier endroit un nouveau pacha nommé Derviche, qui, à ce qu'on assure, a beaucoup de connaissances dans la partie du génie et qui doit diriger tous ces ouvrages. On attend des munitions de guerre dans toutes les forteresses mentionnées. Je suis en mesure pour être instruit incessamment de la nature et de la quantité de ces munitions.

Karafeis, l'un des chefs de brigands qui infectent la Bulgarie, fait des préparatifs pour se rapprocher du Danube du côté de Widdin. On craint à Bukorest qu'il ne s'unisse à Paswan-oglou, qui avec ce secours pourrait bien tenter de nouveau quelque expédition contre la Vallachie. Cette province continue à être le refuge d'une foule de Bulgares et d'autres habitants de ces contrées qui sont forcés de quitter leurs foyers.

Les habitants serbes de Belgrade viennent de se soulever de nouveau contre les Turcs à l'occasion du massacre de cinq de leurs chefs. Ils ont fait main basse sur tous les musulmans qu'ils ont trouvés dans la ville et les faubourgs. Le pachâ se tient renfermé dans la forteresse. On assure que Paswan-oglou y a envoyé un détachement de troupes sous prétexte d'apaiser la révolte, et qu'il a chargé les chefs de ce détachement de s'emparer de la forteresse s'ils en trouvaient l'occasion. On sait que Paswan-oglou a toujours convoité la possession de Belgrade, ce qui donne quelque vraisemblance au bruit que je viens de rapporter.

Le commissaire de France à Bukorest St. Luce a reçu de l'ambassadeur Brune plusieurs armes à feu et blanches de la manufacture de Versailles pour en faire des cadeaux aux pachas et autres commandants turcs dans les places sur le Danube.

Il a déjà envoyé une paire de pistolets et une sabre à Tersenik-oglou, ayan de Rusczuk, qui en retour lui a fait présent d'un cheval de selle. St. Luce doit également adresser un cadeau de ce genre à Paswan-oglou, mais il n'a pas encore trouvé d'occasion sûre pour le lui faire parvenir avec le secret qui lui a été recommandé.

On assure que les émissaires secrets de la France ont répandu un grand nombre de manifestes en Bulgarie, Romélie et autres provinces turques adjacentes. Parmi ces manifestes imprimés à Constantinople sous la direction

de la mission française, il y en a dans toutes les langues en usage de ce côté-là.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus respectueuse, mon prince, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Gervais

Помета: Получ[ено] апреля 3-го 1804 г.

АВРР, ф. ГА I-9, 1802 г., п. 19, д. 7, л. 9—11 об. Подлинник.

Перевод

Князь! Восстановление крепостей продолжается без остановки.

Помимо крепостей Хотина, Бендер и Ибраила, есть приказ Порты восставить также укрепления Аккермана, Килии и Измаила. Порты направила в последний пункт нового пашу по имени Дервиш, который, как уверяют, весьма осведомлен в нижеперном деле и должен руководить всеми работами. Ожидают отправку боеприпасов во все упомянутые крепости. Я располагаю возможностью постоянно иметь сведения о характере и количестве этих припасов.

Карафеиз, один из предводителей разбойников, заполонивших Болгарию, проводит приготовления, чтобы подойти к Дунаю со стороны Видина. В Бухаресте опасаются, как бы он не соединился с Пазванд-оглу, который при такой поддержке мог бы вновь соблазниться каким-либо походом на Валахию. Эта провинция продолжает оставаться прибежищем для массы болгар и других жителей этих мест, вынужденных покидать свои жилища.

Сербское население Белграда снова восстало против турок в связи с убийством пяти его предводителей. Они перебили всех мусульман, которые попадались им в городе и пригородах. Паша укрылся за стенами крепости. Уверяют, будто Пазванд-оглу послал туда отряд войск под предлогом усмирения мятежа и обязал командующих этим отрядом, если представится случай, захватить крепость. Известно, что Пазванд-оглу всегда желал овладеть Белградом, и это придает некоторое правдоподобие слухам, передаваемым мною.

Комиссар Франции в Бухаресте Сен-Люс получил от посла Брюна большое количество огнестрельного и холодного оружия, изготовленного в Версале, чтобы одарить пашей и других турецких комендантов в крепостях на Дунае.

Он уже послал пару пистолетов и саблю Терсеник-оглу, румшукскому аяну, а тот в ответ подарил ему скакуна. Сен-Люс должен равным образом направить подарок такого же рода Пазванд-оглу. Но он еще не нашел надежной okazji, чтобы, как это ему рекомендовано, тайком доставить его. Утверждают, что тайные эмиссары Франции распространили большое количество воззваний в Болгарии, Румелии и других сопредельных турецких провинциях. Среди воззваний, отпечатанных в Копстапти-пополе по инициативе французской миссии, имеются тексты на всех языках, распространенных здесь.

Имею честь быть, князь, с глубочайшим почтением вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Жерве

№ 4

*«Записка бухарестских и задунайских известий» о военных успехах сербских повстанцев под Белградом и действиях мятежных пашей и кирджалиев в Сербии и Болгарии*¹

10 апреля 1804 г.

28-го прошлого марта переехал через Букурест в Царьград французский чиновник с депешами правительства к послу, дешетний комиссар препроводил его куньером при господарьском калараше, сказав своим, что он послан от Бонапарте для уверения Порты о мирных мыслях и для уничтожения слухов, разнесшихся, что будто французское войско имело проект сделать нападение на Турецию. Он же уверяет, что назначенный в Молдавию комиссаром Флори отправил из Парижа в Яссы своего брата, поручив ему на время тот пост. Здесь слух носится, будто Франция намерена занимать Королевство датское ради способнейшего нападения на Англию и продолжения сей войны на счет своих соседей.

Здесь говорят, что тихое поведение в Белграде Хассан-паши может потушить смятение сербов в той стороне и усмирить возмущенных турок; однако, напротив того, последние известия из Турции гласят, что якобы и сам оный паша, видя крайнюю опасность в блокировке сербами крепости белградской и их намерение не щажать ни одного турка, уже принужден выйти и искать себе убежища в цесарской крепости Землине². Уверяют, что помянутые сербы заперли в одном месте Джелил-оглы и Кусанчали-Халила с их кирджалиями, кои посланы Пасванд-оглом в окрестность Ниса и, убив из них более 200 человек, продолжают свое сильное нападение, желая истребить вовсе. Пасванд-оглу же делается сторонним и не хочет признавать их своими.

Елик-оглу претерпел некоторый урон в своих военных возле Силистрии, имея дело на прошлой неделе с войсками рушцукского Пехливан-бимбашия. Терсеник-оглу объявляет свое намерение атаковать союзными силами того возмутительного соседа и божится, что он не отстанет стараться истребить его яко завистного человека и не терпимого ни Портою, ни близкими; поелику же проект Терсеник-оглов есть, чтоб, выгнав Елик-огла из Силистрии, поставить тамо аяном из своих известного Батал-оглу против желания жителей и воли Порты, то сие самое и причиняет бесконечно разорительную войну в краях Дуная.

Серский аян Исмаил-бей и рушцукский Терсеник-оглу, апробовав поведение и старание настоящего румель-валесия, послали к последнему обыкновенные подарки, обещиваясь, со своих сторон, стараться на пользу порученной ему Портою комиссии о доставлении Румелии желаемого доброго порядка и покоя в краях Дуная.

Приезжающие из Турции уверяют, что румель-валесий идет в поход при 20 тыс. своих верных славунов к Монастыру и Софии; что его квартирмейстеры по дороге, удерживая себя от всякого притеснения жителей, получают за наличные деньги все надобное для войска, что сим самым провиантмейстеры Порты принуждены оставить обыкновенные свои наглости и что румель-валесий разослал свои буюрукции нарочные ко всем аянам и командующим в Румелии, предписывая, дабы непременно объявлены и посланы были к нему все кирджалии те, кои могут найтись в их уездах, без чего он принужден будет сам взыскать и наказать противление их именным повелением владеющего султана. Таковое строгое поведение дает надежду, что кирджалийское зло в Турции истреблено будет.

Известный Ходжамат, бывший участник Манафа, соединившийся было с Карафеизом по уходе из рушцукских владений, разбит авангардою войск румель-валесия и потерял убитыми знатное число своих кирджалиев, а посему он и его военные, видя строгое за ними преследование, выбрав из арнаутов, нашедшихся между ними, несколько человек, послали депутатам к румель-валесию, прося извинения и обещиваясь служить впредь под его командою или возвращаться во свой жилища.

Пасванд-оглу велел убить знатного разбойника Госка при 60 человек его участников, который ретировался было, по многим сделанным им шалостям, в Фетюль-ислам, Кладово и сею смертью не допустил его ехать сейчас к вышеозначенным кирджалиям возле Белграда; таким поведением желает он содержать свой кредит.

Примечают, что Порта с удовольствием видит успех реченных сербов против возмутительных белградских жителей.

10-го числа сего месяца поутру сделалось было в городе Букуресте смятение: христиане над евреями начинали распрю свою, подобно бывшей за время последней бытности здесь господарем князя Мурузия.

Однако не могло распространиться, поелику принятым и господарем Ипсилантием мерами потушено скоро.

Кирджалии начали опять по той стороне Балканов чинить разбои, особливо над проезжими людьми и татарами возле Карнабата, где Карафеиз со своими успевае, и тем опять проезд курьеров немалую опасность терпит.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 97, л. 163—164 об. Подлинник.

¹ Среди разнообразных дипломатических донесений особое место занимают документы, озаглавленные «Записка бухарестских и задунайских известий» (иногда — новостей). Они составлялись русским генеральным консулом в Яссах и русским консулом в Бухаресте, начиная с конца XVIII в. и по 1806 г. включительно.

Вначале, как правило, «Записку» писал консул в Бухаресте (с 1800 по 1806 г. — Л. Г. Кирико), затем на ее основе, несколькими днями позже генеральный консул в Яссах писал новый вариант, отбирая из первой наиболее важные, на его взгляд, факты. В зависимости от количества и важности материалов эти документы составлялись от одного до трех раз в месяц и рассылались в МИД России, посольства и консульства, аккредитованные в Турции, Австрии и других странах, а также командованию Молдавской армии, генерал-губернаторам пограничных с Османской империей губерний и по другим адресам. В «Записке» в хронологической последовательности излагались наиболее важные факты из экономической, политической и военной жизни Валахии, Молдавии и других Задунайских областей Европейской Турции. В большинстве случаев авторы «Записок» особо оговаривали степень достоверности сообщаемых данных, о чем можно найти сведения в более поздних «Записках» и других документах. Большая часть «Записок» с 1797 по 1806 г. включительно уже издапа в СРР в сб.: *Documente privind istoria României. Colecția E. de Hurmuzaki (Ser. nouă)* (далее: *Documente privind istoria României. . .*). București, 1974, vol. IV. *Raportele diplomatice ruse (1797—1806)*.

² Австрийские источники не подтверждают этого факта. По их свидетельствам, паша в это время был уже переведен из Белграда фирманом султана. О позиции белградского пашы см.: *Списи бечких архива о првом српском устанку* сост. А. Ивић (далее: *Списи. . .*). Београд, 1935, кн. 1, с. 78—83, 97; *Арсенијевић-Баталака Л. Историја српског устанка*. Београд, 1898, кн. 1, с. 136—138; *Ђорђевић М. Ослободилачки рат српских устанка 1804—1806*. Београд: Војноиздавачки завод, 1967, с. 69.

№ 5

*Договор, заключенный сербскими повстанцами и командованием турецкого гарнизона крепости Шабца*¹

19 апреля 1804 г.

Уговор мира

Данас, под 19. априлом 1804 године, између Кленка и Шабца, на воде Сави, међу војеводом сервијанске војске Иаковом Стефановићем, от једне, и Турци шабачкии, от друге стране, на веру и на бога следујући, мир учини се и завеза се.

1. Мусага, бившиј комендат шабачкиј, са све своји момци, Туртоглија и сви његови момци и са свим њи[х]овим добром из града ума изићи и никуда на другу страну отити, но управо у Биоград отити; а њине же[не] и децу на личии у Босну цесарском страном отпраћени бити.

2. Војевода Иоан обећаваје с његовом својим војском, и на веру узита, да без сваке штете, с добрим ч[у]ванем, како њеп Турке у Биоград, тако жене и децу у Босњу одпратити.

3. Како овии, више поменути Турци, из Шабца изиђу, и куд је у одређени отиду; у граду, од страни Турака, за старшине и поглаваре онии кому за ферманом царевим да остану; и[ј]ошт 3 о[т]шабчана које по себе избере, старшине, да буду; а остали сии шабачки Турци, са своими же-

нама и децом на миру у својим кућама, како у граду, тако и у баиру да седе, да раде и трговину своју досиде * воде; шабанске Турки да имаде Иаков у своје места испратити.

4. Војевода Иаков да може слободно у Шабац са својим људима ући, и о как за себе, за господина владикку и за своје људе у баиру узате и слободно стојати и по закону живити; а како народ сербскии, тако и Турци, своје поалове радити, трговину водите, у град из града, у баир и из баира слободно ходити.

5. Како у третјему пункту упоменуто јест, који хоће од турске страни поглавари и судије бити, тако Иаков, војевода, от своје стране, а колико за поглаваре от своји људе да избере, којима ће он, као I судија управљат; а када он куда отиде, да може место себе једно[г]о старејшину оставити, ко х[о]ће са оним другим судијама судити; и тако да не могу Турци без Иакова и јеговини људи, нити Иаков без Турака никакова суда чинити; но све штогод раде у договору с оба две страни да буде.

6. Турци шабачки, да имаду свем околним Турком на знани[је] и хабер дат, да су се они на једно времја умирили, докле се и целиј мир от царја у Биограду учини; дакле да и они, и Сервијапци, в миру живе; нити да они откуд помоћи требају тражити.

7. Ако би који странији Турци на град или нахију пошли, и раји радити не би дани, и зулуме какве чинили, дак имаду шабачкији Турци заједно з договором Иакова царев град и рају бранити. Иаков такођер ш његовом војском то ко то чинити, за град и нахију добар стојат и у љубови са Турци шабачкији живити.

8. Овај уговор мира остаје тврдо уговорен и завезан от једне и друге стране, докле и у Биоград од стране цареве мир и наредба учинисја и одма како царскиј ферман завеже, онако ћемо остати.

Зато два једина на писму уговора учинисмо, које, на бога и веру, од једне и другоје стране наши имени и презимени подписујемо и утврђајемо, за које ми како од једне, тако и од друге стране, јесмо господина оберштера митровачког Истојичевића за свидетељство и бољшег веројатија и потврђденија ради позвали и пред њим све горње пунктове садашњег мира са задовољштином и разумно је к једне и друге стране закључили и потврдили.

(М. п.) Солејман-Ефендиј
(М. п.) Асеин-ага Гурначија
(М. п.) Јаија, диздар
(М. п.) Хаџи-Симет
(М. п.) Асан Алајбеговић
(М. п.) Омер-баша

(М. п.) Алил-ага Асеџа
(М. п.) Хаџи-Јапја Асеџија
(М. п.) Усеин-Ефендиј
(М. п.) Амет-ага
(М. п.) Хаџи-Абдула
(М. п.) Мемед

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 861, л. 72—73. Копия. Пер. с тур. яз.

¹ О договоре сербов во главе с воеводой Яковом Стефановичем Ненадовичем и турок города Шабац см.: *Јакшић Г.* Борба за слободу Србије 1788—1816. — В кн.: *Српски народ у XIX веку.* Београд, б. г., књ. 1, с. 6—7; *Списи. . .*, књ. 1, с. 111; *Ненадовић М.* Мемоари. Београд, 1867, с. 79—83.

* *Следует читать:* као до сада да воде.

*«Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями
об укреплении кирджалиев в Белградской крепости*

Не ранее 28 апреля 1804 г. *

Известии из Турции касательно возмущения в Белградском округе гласят, что восставшие против турецких субашиев и кирджалиев пасвандогловых сербы продолжают с успехом свое нападение. Пасвандоглу показывает вид своего удовольствия в неудачах военных Кусанчали-Халила, говоря, что как он не мог удержать их от участия в замешательстве, то ныне рад избавиться от них вовсе. Помянутые субашии заперлись в цитадели Белграда числом до 2 тыс. человек. Они забрали и забирают продукты и фураж от райи и принуждают жителей форштата копать ретраншементы для воспротивления соперникам. Хассан-паша, уверяют, не соглашается более мешаться в сей спор, принимающий уже вид явного смятения. Примечают, что Порта сама продолжает под рукою действовать на пользу сербов, поелику она назначила только 1000 человек военных настоящего румель-валесия против толь знатного количества, коих артиллерия, уверяют, хорошо снаряженная, действует против всякого нападения на них и коих военная амуниция и провиант изобильны.

13-го числа сего месяца переехал чрез Букурест французского царьградского посла курьер с депешами в Париж. Он привез сюда письмоводителя из французов к здешнему комиссару Сен-Люсу, который был представлен последним к господарю. Сен-Люс старается ныне уничтожить, по примечанию господаря, слухи относительно несогласия между Франци и Порты и разнесшегося известия, что будто французские войски в Епире учинить намерены десант, что будто-де война воспоследовать должна непременно во время, когда оба правительства стараются подтверждать свои мирные намерения к пользе коммерции и покою народов с обеих сторон.

20-го переехал чрез Букурест турецкого посла в Париже чиновник курьером с депешами к Порте, который препровожден отсюда господарем при калараше в столицу. Сей курьер говорил о парижских известиях, что будто Пишегрю убит в тамошнем его аресте, что Моро осужден к смерти, что 25 тыс. человек сумнительных французов арестовано, что Бонапарте настаивает при Порте, дабы она не принимала в Египте селимского войска и чтоб турецкие удовольствовались в срок шестимесячный решенною суммою денег — 16 тыс. мешков — за убыток, потерпленный французскою нацією во время последней войны.

Генерал граф Бельвиль, находящийся в службе при господаре здешнем в звании секретаря по иностранным делам, получив позволение от его светлости отлучиться на 3 месяца, готовится к отъезду с своею дочерью, намерение же свое объявляет следовать чрез Вену в Париж, где хочет стараться под званием иностранного к пользе потерянного своего во Франции имения. Говорит притом, однако, что ежели настоящие замешательства в Париже продолжаться станут, то он только в пределах французских держаться будет и оттоль действовать по своим делам.

Здесьняя полиция открыла на прошлых днях компанию воровжеев, которая своими обманами обохотила некоторых сего города бояр и жителей заниматься вместе с нею выведением в одном погребе из земли денежного золотого клада и употребить на сей случай 35 мешков денег,

* Датируется по содержанию.

которые в лице пожелавших сей добычи похищены и за всем строгим испытанием не отыскиваются. Главный начальник ворожейства содержится ныне под крепким караулом и строгим допросом, и с коего взыскивается вся сумма.

Разбойники по той стороне Балканов продолжают свой грабеж на проезжих.

Терсеник-оглу переехал в Джуму и Шумлу для соглашения тамошних аянов и их войск к действию с ним против Елик-огла. Он же на прошлых днях явил было свое неудовольствие на господаря за то, что приняты были в Валахии тюфекчи-башни и татар силестрийского Юсуф-паши, однако, ныне опять они между собою помирились.

Карафеиз с Аджаскатом и Кадиром вошел при 4 тыс. человек из кирджалиев в Карнабату. Все они вступили совершенно в город, укрепленный ретраншементами и защищавшийся вооруженными жителями, ограбили имения и зажгли жилища. Есть сумнение, что между жителей тамошних партия согласилась действовать в пользу разбойников, занимающих все те стороны Балканов, не имея причины сомневаться или опасаться нападения от румель-валесия, коего войски находятся в Филиппополе, Монастыре и Софии.

24-го переехали 2 аглинские курьера с депешами царьградской миссии: один из них адресован в Вену, другой — в Триест.

28-го господарь получил официально известие из-за Дуная об успехе большой партии жителей Карнабата, которой удалось отдалить Карафеиза и его соучастников, не допустив вовнутрь города и учинив на кирджалиев нападение. Разбойники принуждены отступить и взяли дорогу на Бургаз.

Порта отправила вновь мубашира нарочного с ферманами в Силистрию, требуя, чтоб Елик-оглу выдал ограбленные у известного аглинского курьера вещи непременно.

Господарь, призвав бояров в диван 28-го числа, поручил им, во уважение хати-шерифов, назначение предписанного нового порядка касательно взыскания с земли сей податей, чем они занимаются и будут представлять господарю для того письменное свое мнение.

В крайовских уездах появилась, говорят, партия разбойников из сербов и арнаутов, для истребления которой послан отсюда корпус валахских пандуров.

Вышесказанные разбойники-кирджалии, взяв дорогу к Варне, занимают там черноморские берега и намерены следовать на Силистрию в помощь Елик-оглу, который их позвал к себе для действия против Терсеник-огла.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 97, л. 178—179 об. Подлинник. Частично опублик. в кн.: Documente privind istoria României. . . , vol. IV, p. 559—560.

№ 7

Обращение сербских князев и представителей духовенства к А. Я. Итальянскому с жалобами на бесчинства дахийев и с просьбой о помощи и покровительстве России

3 мая 1804 г. Остружница

Ваша эксцелленция, высокоблагородный и высокопочитаемый господине, господине непобедимого Руссического царства тайный советнике, нам же, христианом, благодею!

Свем четирем частем света великодушие и непобедимое владение святого двора всея Русиския держави познато, от коего вси противостоящи врази ужас и трепет имеют и мнози иноплеменицы к покрову сему под крепкою верою подклоняющися, спасение и утешение обретоша, коль ми паче христиане, иже токмо единое упование и защищение на Руссию возлагают и у утешению пребывают, единожды под игом агарянским стенащее христианство, ходатайством святого двора руссиского избавление получитьи.

О блаженн, о преблаженн избавителю! Поспешн и нас, у Сервии живущее христианство, яко же и прочие неисчисленные пределы (провинции), под угнетением агарянским мучимо бывшее, избавити и от остроты меча наша выи освободити.

От времени, когда христианство под область и владение турецкое подпаде, е да ли за грехи наших предков благодать божия, осуди сей род мучим быти или да во вере нашей крепчайши будем, всеблагии промысл неба и земле весть.

Вся наша туги, беда и гонения несносная ово же утешения и избавления чающе, ово же за наша согрешения вменяюще, претерпехом. Обаче от времени, когда после последнего рата или бывшия войны с турками яничари у Белград вспять возвратилися, оное гонение варварское, еже против христиан у губерниуму Белградском наношено бе, несть возможно описати, такожде претерпесмо. Нине пак, когда яничари еще вящше воссирепились и крепость вящшу приобрели, употребили средства Белград от Мустафа-паше военном руком отъяти и его живота лишати, и потом целое владение от Сервие на себе восприяти, от коих 4 дане, именован Фоч-огли, Кутчук-али, Аган-али, Мула Иосуф и пятый — Мусса Фоч-огли, цели губерниум измежду себе разделиша и нас, подайнике цареве, в нем живущие, иже самии христиане, коих число скоро 100 тысяч душ суть, под раболепство взяша. И абие начали нас тако немилосердно и горько мучити, да напоследок иния помощи не бе, разве оружием себе от нападения турецкого бранити. И через 3 лета неисчисляема зла претерпехом, от коих токмо следующая zde именуем.

1. Наше свете церкви и монастыре турци огню предаша и опустошиша, монахи же и священнике, аки волхви свирепи незлобивие овцы распуща*.

2. Недорастиле дети наша мужеска пола оскверниша и женские девства лишиша, лепия же жени и девицы сылою взяша и во мохаметанскую веру прейти принудиша, и ни един отец детей своих или муж жени властель есть, но каждо собственим очесом насиллие турков над своими детми и сродники неутешимо взираше.

3. Несамозово называемый [х]арач по ферману, у [1]793 лет изданому, принуждени бехом отдавати, но и порез от дайах на нами наложен бе, да вси назн остоах и никакко еще себе откупити возмогохом, ибо речени даие прещением меча принудиша наша кнезови и кметови целу Сервию под зовомый чифлук дати и игу нестерпимому подлеци.

4. У каждой веси (мест, селу) от стран дайах стоит непременно по един субаша и кроме того по един ханчпа **, который всяка по 50 тунеедцев при себе имеет, и тия народ препитавати и вся, что они потребуют, отдавати принужден есть под лишением жизни.

5. Сии агаряне наше архипастыре и священнике из числа закононаблюдателей совсем исключиша, и они в супружестве брачная руки их вло-

* Т. е. — разогнали.

** Хозяин постоянного двора (хана).

Саша Стцелленца
Высокополагородной, и высокопочинаемый Гдне Гдне
неисовбужтагы Россисагы Царства гайитий Свдвистине
натъ феураіанотъ 'Благоуды'

Свѣтъ гсцарствъ гасцствъ сѣдѣа великоудий, и несовбужтосе Владѣ
ніе сѣдѣа Грога всея рхсиснѣ Герурувані по Энасаге, въ поемъ все
противосавбвднѣ владнѣ, гурасѣ и гасцсав ітѣгав, и тѣодн ітѣ
гасцсавнѣднѣ нѣ авнурогъ сѣтѣ, авднурогъ Грога, погнѣа гасцсавнѣ
Свасеніе, и гасцсавнѣ авднурогъ, погнѣа гасцсавнѣ Грѣіанѣ, нѣднѣ авн
тѣ сѣдѣа Гасцсавнѣ, и Гасцсавнѣ на Россіа авднурогъ, и гурасѣ
нѣднѣ авднурогъ, сѣднурогъ погнѣа гасцсавнѣ авднурогъ нѣднѣ
нѣднѣ Грѣіансавнѣ, авднурогъ сѣдѣа Грога Россисагы
авднурогъ гасцсавнѣ.

Съ сѣдѣа, и гасцсавнѣ авднурогъ гасцсавнѣ, и нѣднѣ
гурасѣ гасцсавнѣ Грѣіансавнѣ, гасцсавнѣ и гасцсавнѣ нѣднѣ сѣдѣа Грѣ
іанѣ. Гурасѣ гасцсавнѣ гасцсавнѣ авднурогъ гасцсавнѣ гасцсавнѣ
сѣдѣа, и авднурогъ, и гурасѣ гасцсавнѣ гасцсавнѣ авднурогъ.

Гурасѣ гасцсавнѣ гасцсавнѣ авднурогъ гасцсавнѣ, и Владѣннѣ гасцсавнѣ
погнѣа гасцсавнѣ, сѣдѣа Гасцсавнѣ нѣднѣ авднурогъ Владѣннѣ Гасцсавнѣ
авднурогъ, сѣдѣа Гасцсавнѣ гасцсавнѣ, и авднурогъ гасцсавнѣ гасцсавнѣ
авднурогъ, авднурогъ Гасцсавнѣ гасцсавнѣ, и Гасцсавнѣ гасцсавнѣ.

Все наша гасцсавнѣ, авднурогъ, и Гасцсавнѣ нѣднѣ, авднурогъ гасцсавнѣ
и авднурогъ гасцсавнѣ, авднурогъ Гасцсавнѣ гасцсавнѣ авднурогъ, авднурогъ
авднурогъ. авднурогъ гасцсавнѣ гасцсавнѣ авднурогъ гасцсавнѣ гасцсавнѣ

ані нашему Благоду востраїше подвизаючого брата наше
іє Висавіє облівають, і тала до велика азостя, чинить
Вои исаиоас ради нив Країае нещеврди, но Карагаий.
савонь Ваиша Студавезіи и Давидиш.

З скарбованими іаюнь Оржн в сегоиіиіи Герцрави правнореск,
оцелываеть зрете зводнеиі, и жаравь нашитов гдзеваниі.

З Сервіи нбсав Оларфрнжн веданно и Филсрада гре П. Маіа
Дана 1804.

Гуиш Влас Нарага Сервіи нбсав Говоріиіи Влугадсав
и нбсав и Д. П. Претрив ессавиіиіиіи.

Георгиу Ресаровиц Князь, и Верологий Вривога.

Сита Милловиц. Князь.

Янни Казим. Князь.

Янни Сосифовиц. Князь.

Гуиш Влас Кира Мотамеиов

Сава Ісуменз

Митіра Раданиц

Іосифъ Ісуменз

Митіра Каленіа.

Гуиш Влас Кира Рвѣиіиіиіи

Алеуіе протпретрив
Босоратскі.

Магса Алеуіе Пичь

протпретрив Вальваски

Милос Провандревілард

Гайдиш

Іосифъ Мотиритиц

Протпретрив: Пофаревон

жиша, жени от муж законосочетаних аще в животе расставляют и с ними чрез священике сылоу венчати у обычай привели. Единим словом рещи, оны закон христиански и церкви по их хотению опровергают, и никто им противостати дерзнет.

6. Не токмо да ми, подайницы (христиане), спяхияма своима уречени десяток отдаемо, но такожде и дайма трегубо отдавати, а потом от глада с нашими детьми и домашними умirati морамо.

7. Турци яничари нас, христиане, тако немилостиво гонут, да ти дае, иже прежде просяци и худии людие биша, себе толь силою обогатиша, да всякий по неколику миллионов новцов и злата пристяжали суть.

8. Аще бы пришел буди кто от турков в кою-либо весь, тому подайницы принуждени суть под лишением живота вся взыскаемая без плати отдавати.

9. Мы, подайницы, несмо в власти наша скота, си ест воли, овци и прочая торговцу или купцу по цене продавати, но дае сылоу меча такоуе от нас по их хотению отимают и потом трегубо препродавают.

10. И о тим не быша дае с их союзники и единомысленики удоволствовани, кое народ горко через 3 лета терпяше, но спроразумешася вся князи и кметови и прочие старешини мечем у целой Сервии избити, а потом всяк мужеский пол от 15 лета старши такожде остроти меча предаши, чтоб ни един во животе остал, иже бы им противостати возмогл. Кое намерение начаша и действовать и уже токмо во один день от князей и прочих оттенков людей 150 жизни своя невинно лишишися. Потом, когда ми прочи сие жалостное позорище и безбожное поступление турков усмотрели, убояхомся, оставихом доми, скоти, воли, овци и вся имения наша и взяхом бегство в дубрави и леса, токмо свирепства турецкого избегнути. И сие приключися в месяце январии во зимном времени, трающу коем многое число жен и незлобивих детей ово же от студени, ово же от глада под ведрим небом изумроша. Ми пак иже оружие носити можем, такожде день—ночь бодрствующе и с турками сражения творити, мнози изгибохом.

От жалости неописана, от плачу неутешими ми, бедни сервианцы, доми своя оставихом и по дубравам с детьми нашими скитаемса и горко слезами нашими древесна и землю окропляемо. Поля наша неуделани ждуд делатели, и ни единого прибежища не имеем. О, небо, ты в помощь призываемо, отверзи недра твоя и пошли страшния громи и молния, да нас побьют или земле, мати наша, отверзе утробу твою и нас прождери, и от ига несносного агарянского освободи. Аще тако вины ести или вселися, пресветае девице, в сердце наших защитников, чтоб нас от сея беди и мучения освободили.

Ми нине не имеем иныя помощи и надежди, разве под крыло светого трона русиского прибегнути, чтоб омофором светым нас, бедния христиан, яко же и многи сия прочия провинции — Корфу, Валахию, Молдавию и прочая, покрили, да не би нас число скоро 100 тысящ христиан у Сервии остротою меча скоро поражени били.

Наше желанье есть, чтоб ходатайством светим русиския непобедимия держави свободу получили наше христианство хранити, церкви и монастыри воздвигати и от нестерпимого ига турецкого избавитися. Ми против не стоим султану урок отдавати, но токмо чтоб от прочих тягостех и гонений турецких освобождени были. Ибо паша или губернатор сервианский, в Белграде находящийся, ни каковыя власти имеет, но и он сам у страхе и опасности живит, но дае его аки немощного роба держут.

У Сервии уже нас, христиан, под оружием 25 тысящ находится, и доднесь всю Сервию от врагов наших и царя султанових освободихом,

токмо еще неколико тысяч турков в Белграде находятся, и тия с помощью всевишнего надеемся поразити. Но что потом делати будем, когда прочая сила турецкая на нас найдет? Аще светое крыло всеросиское нас, христиан, не покрит, то тогда ми купно с детми нашими изгинути будем.

Вчера даје диван держали и заключили: целу Сервию опустити, у коей причини и депутирце си есть, моасила и кихая-бега у Константинопель отправиша, чтобы ови един ферман и од дивана исходатайствовали нас, христиан, у Сервии живуще, искоренти.

Для сего еще едино писание молебное наш белградский господине а[рхи]епископ с нашим народным согласием аки митрополит всея Сервии чрез блаженейшего патриарха на султана днесь отправляет. А ми притом вашу эксцелленцию аки нашего благодее всенижайше коленопреклоно, слезами наше сие писание обливающе, от мала до велика просимо, чтоб бога истинного ради нас, христиан, не презрели, но ходатайством вашеа эксцелленции избавилися.

У страхопочитанию светому трону всеросиския держави кланяющеся, пребываем, ждуще утешения и ранам нашим уврачевания.

У Сервии, места Остружницы, недалеко от Белграда, дне 3-го майа, лета 1804.

У имя целого народа сервианского губерниума Белградскаг, который из 12 пределов составляется:

Георгий Петрович, княз и верховный войвода

Сима Маркович, княз

Янко Катич, княз

Яков Стефанович, княз

У име целог клера монашеског:

Сава, игумен монастыра Раванице

Иосиф, игумен монастыра Каленича

У име целог клера свещеническог:

Алексе, протопресвитер београдски

Матеа Алексиевич, протопресвитер валевски

Милое, протопресвитер јагодински

Иосиф Момирович, протопресв[итер] пожаревачки

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 36, л. 271—277. Подлинник. Опубл.: Вукићевић М. Карађорђе. Београд, 1907, књ. 1, с. 402—406; Први српски уставнак: Акта и писма на српском језику. Београд: Народна књига, 1977, књ. 1, 1804—1808, с. 69—72.

№ 8

«Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями об укреплении турецкого гарнизона в Белграде и о послании константинопольского патриарха к сербам

15 мая 1804 г.

Приезжающие из Турции уверяют, что Ибраим-паша скутарский, нынешний румель-валесий, следуя с войском своим [в] Турцию по маршруту чрез Албанию, нашел немалое препятствие от стороны янинского Али-паши, который, заняв своими арнаутами дороги, пресекает ему дальнейшую путь. Военные румель-валесия из Сливен, имея приказание удерживаться от всяких споров с арнаутами, остановились при границе владения Али-паши. Ибраим-паша рапортовал Порте, требуя наставления для сего неожиданного случая. Порта же, уверяют, отвечала ему, чтоб он во избежание внутрешней войны в тех сторонах изыскал способ пройти дру-

гою дорогою к исполнению поручений в предписанных ему местах Румелии.

2-го числа майя здесь получено неприятное известие, что Кусанчали-Халил, пользуясь замешательством при случае последней вылазки белградского гарнизона на сербов, обманным образом вошел с 800 своими кирджалиями в крепость и соединился с тамошними бунтующими турками, отчего и настает опасность, что белградское смятение впредь продолжаться может и походом Пасванд-огла, поелику оный Кусанчали-Халил, емиссар разбойников, есть точный соучастник старого виддинского бунтовщика.

Уверяют, что царьградский патриарх послал к сербскому епископу свое предписание, назначая ему самому следовать в лагерь воюющих сербов, советовать им не противиться воле Порты и держать их всегда склонными к оной, побуждая между тем, чтобы те старались истребить бунтовщиков и защищать храбростию свои права.

На сих днях господарь велел средством спатаря взять под караул боярина пихарника Факу и другого грека царьградского, брата спатаря господарского, по сумнению на них в какой-то тайной переписке с агентами бывших господарей Суцов. А как таковое сношение, известно, запрещено для пользы сего княжества, то потому допрос над виновниками с строгостию чинится, и первый из них сослан уже 6-го числа в ссылный монастырь Синай.

Нашлись между валахских постельничелов две такие особы, которые занимались деланием подлогов правительству здешнему, вырезывая из господарских старых бумаг печать и прилепляя оную на разных приказах и патентах. Они, будучи обличены в преступлении, разжалованы и сосланы в Синай. Мухордар и дивийтар, бывшие хранителями господарской печати, сменены от должностей. Приказано нарочным. . . * Вистнарини, чтоб она объявила всем, дабы впредь господарская печать существовала при собственном подписании его светлости на самой бумаге, где только надобно оную прикладывать.

Некоторые из бояров, занимающихся изысканием средств к основанию порядка для сбора податей с земли, по содержанию новых хати-шерифов примечают, что как многие священники, скотельники и послужники против старых привилегий находятся в новом списке привилегированных во вред валахским. . . *, то и надобно будет сократить их число к облегчению бедного народа.

6-го приезжал из Силистрии сюда мубашир Порты, сосланный туда с Ферманами и визирскими письмами к Елик-оглу, Юсуф-паше и тамошней мехкеме, коими точно приказано, чтобы отысканы были все бриллианты и вещи, ограбленные у аглинского курьера, или чтобы вместо оных выслано было от жителей 700 мешков денег для удовлетворения претендателя, почему и принужден Елик-оглу все нашедшиеся в Силистрии вещи вручить Юсуфу-паше при обстоятельном плане общества тамошней мехкеме.

Сей чиновник тут говорил, что Елик-оглу дает ему два пакета с своими отношениями к Порте, прося о верном их доставлении и назначая ему дорогу к столице Дунаем, а отнюдь не проезжать чрез владение Терсеник-огла. Он же являлся у здешнего аглинского консула, коему поручил письма от посланника аглинского в Царьграде, и получа на оные ответ, возвратился в Силистрию для выполнения предписанного ему ответа. Признавался при том, что по реестру, данному ему в Царьграде, четырех

* Слово неразборчиво.

из тех вещей не нашлось, кои почитаются пропальми, ценою до 100 мешков денег и что обещано ему от аглинской миссии за труды 15 мешков денег.

Здесьшний цесарский агент отозвался сообщениями своими к французскому комиссару и аглинскому консулу, пребывающими здесь, уведомляя их о полученном им от двора повелении, что для избежания дальнейших злоупотреблений, могущих причиниться от проезжающих отсюда чрез Цесарию иностранцев, последние должны быть снабжаемы пашпортами его агента или подписью на тех пашпортах, которые они будут иметь от своих министров.

10-го приехал из Вены в Букурест известный французский генерал Екиое, который проект имел в Царьграде принимать службу тут для обучения реформированного турецкого регулярного войска: он чрез 5 дней намерен отправиться в Царьград.

Нашлась в городе Букуресте в старых деревянных домовых крышах пожарная материя, подложенная худомыслящими народами, вследствие чего господарь велел выслать за Дунай всех находящихся здесь без дела турков, равно и таких людей, кои были в военной службе, но ныне отставлены, сомневаясь на них.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 97, л. 190—191 об. Подлинник. Опубл. с пропусками: Documente privind istoria României. . ., vol. IV, p. 560—561.

№ 9

«Записка бухарестских и задунайских известий» о блокаде сербскими повстанцами Белграда и о попытке переговоров с осажденными

31 мая 1804 г.

16-го числа сего месяца военные терсеник-огловы поймали султана Шагин-оглу-Гирей, продолжающего до сего три года разбой в округе Айдоста и убитшего аглинского янычара, с депешами в Царьград следовавшего, который попался им в руки с 30-ю человеками, бывшими при нем участниками, при выезде из Силистрии и следованию к Карафейзу для приглашения последнего на помощь Елик-оглу. Люди все убиты, а сам он, султан, держится под караулом до получения на представление, учиненное Терсеник-оглом, ответа из столицы.

Часть кирджалиев Карафейза заняла при черноморском берегу Игрибазар, остальные же находятся той стороны в местечке Титое, чиня разбой на жителей и караванов до самых Балкан. Все сии кирджалии намерены переехать в сей . . . * к Елик-оглу Силистрию.

20-го узнано в Букуресте, что Юсуф-паша силистрийский назначен Портою мухафизом в Измаиле, а на его место поступает зять по сестре янинского Али-паши Пиас Али Мехмед-паша, который будет иметь при себе до 5 тыс. арнаутов.

21-го прибыл в Руцук комиссар Порты, имеющий поручение ехать в Земли для поиска и доставления от цесарского края в Белград съестных припасов к тамошним Хасан-паше и гарнизону по причине, что сербы, окружая сию крепость, не допускают во онаю ни провианта, ни фуража. Сербы покрепляют сильно проезды из Виддина к Белграду, стараясь сим пресечь всякое сообщение Пасванд-огла со тамошними кирджалиями при Кусанчали-Халиле.

* Слово неразборчиво.

22-го получено известие здесь, что сербы, умножая свое число вооруженных до 40 тыс. человек, заняли форштаты Белграда и все укрепления снаружи крепости, что вошли было в переговоры с запертыми внутри крепости турками, претендуя, дабы впредь их знатный князь Черни Георгий . . . * признан был согласно с папшею Порты начальником над всею сербскою нациею, чтоб дагии-турки не имели права владеть на них, ни же мешаться в правление земских их дел и чтоб виновные между оных дагиев были посланы в ссылку. Примечательно, что между таковым разговором был один сербской протопоп, который, не хотевши принимать примечание турков, причинил новые споры между обеих партий. Цесарский генерал, показавший себя в виде их медиатора и желателем помирить, давая под рукою сербам военные припасы и оружие, позволил до 400 человек волонтиров цесарских причислиться к ним против турок, запретив между тем при папше и гарнизоне употребление осадных пушек, находящихся в крепости, почитая их принадлежащими Цесарии.

23-го здесь узнано, что Кусанчали-Халил успел войти в крепость посредством денежных подарков, за кой помог ему один серб, который потом пойман своими и повешен. Кусанчали-Халил являлся с 30 кирджалиями у Хассан-паши, объявляя ему желанье вступить в его службу со всеми при нем военными, причем начальник дагиев ругал его за такую поступку, и происходили споры между кирджалиями и дагиями в самой крепости. Кусанчали-Халил ныне требует от дагиев 12 тыс. червонных для пополнения убытков, причинившихся ему в разных перепалках на пользу белградских турков против сербов. Хассан-паша старается ласкать и, сомневаясь в его доверенности, ищет средства, чем бы избавиться [от] сего беспокойного человека. Впрочем генерально в народе думают, что сербы успеют занять Белград.

24-го узнано, что Бекир-паша, босне-валесий, имеет поручение от Порты помирить сербов с белградскими турками.

26-го переехал чрез Букурест французский курьер с депешами царьградского посла в Париж, а 27-го переехал же французского правительства курьер с депешами и известием о назначении Бонапарте императором; последний препровожден отсюда каларашем господарским в Царьград.

26-го прибыл сюда аглинской в Царьграде миссии курьер с депешами Лондона, который, имея поручение стараться поспеть в Вену сколько возможно скорее и прежде вышеписанного первого французского, тотчас и отправился. Сей объявлял известие о смерти Дезар-паши в Сирии, о убитии его мусулима жителями дамасскими и замешательстве тамошнего народа.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 97, л. 212—213. Подлинник. Опубл.: Documente privind istoria României. . . , vol. IV, p. 561.

№ 10

Депеша А. А. Чартэрийского А. Я. Италинскому о распоряжении турецкого правительства снабдить сербов военными припасами и о необходимости противодействовать французскому проникновению в Сербию и Черногорию

1 июня 1804 г. С.-Петербург

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич! В одном из донесений вашего превосходительства от 17-го числа прошедшего апреля месяца¹ помещено примечание Ваше, что зловердные внушения, которые генерал

* Слово неразборчиво.

Брюн беспрестанно старается делать Порте противу России, хотя и могут иногда причинить сей державе некоторое беспокойство, но не в силах поколебать доверенность ее, каковую она по сие время оказывает к нашему двору.

Такое Ваше примечание и употребляемую Вами внимательность на сей предмет государь император, признавая действием ревности Вашей к службе, уверен, что от бдительности Вашей не утаится ни малейшая отмена мыслей Порты. Не могу, однако же, не сказать Вам в откровенности, что необходимо нужно, не полагаясь совершенно на сообщения, чинимые Вам рейс-ефендием и бейзаде Мурузием, стараться, поколику возможно, изыскивать совсем посторонние средства к достижению истины, ибо Порта потщится, конечно, сохранить от Вас в тайне перемену своих мыслей, если бы таковая имела место.

Здесь с удовольствием известились о мерах, принятых Портою для защищения ее владений; об отличных достоинствах сераскер Ибрагим-паши и нерасположении теперешнего капитан-паши к Франции. При таком положении Турецкой империи, если она станет продолжать держаться союза с нашим двором и с Англиею, то, не подвергаясь ни малейшей опасности, может твердо противиться всяким неприличным требованиям французов. Ваше превосходительство не оставите при случае приметить турецкому министерству, что чем менее оно покажет внимания к угрозам первого консула и чем более утвердится в дружбе с нами и Англиею, тем легче отклонит от себя грубые требования французского правительства и что тем самым принудит переменить тон его с Портою.

Совет, данный князем Ипсилантием сербам (как то видно из выписки его письма, вашим превосходительством ко мне доставленной)², дабы они представили Порте, что подняли оружие единственно для защищения себя от своих угнетателей, и просили о ее покровительстве и вспоможении, весьма приличен и, конечно, произведет доброе действие, если только повеления, данные Портою Ибрагим-паше, снабдить их военными припасами действительны и не содержат таких оговорок, которые бы соделали подозрительным доброе сие расположение Порты в рассуждении их, открыв, что оно таково было в единой наружности, и тем самым не принудили их переменить свои к ней чувствования. Порта весьма благо-разумно поступит, когда постарается привязать к себе сербов приведением в действо повеления, данного ею, по словам ее, помянутому паше, ибо нельзя не предполагать, чтобы французское правительство, бдительно изыскивающее средства повсюду вселять возмущения, если только усмотрит малейшую охладу сербов к Порте, не приспело к ним с помощью доставлением им денег и других нужных военных снарядов, искупив оные в ближайших местах посредством своих эмиссаров, от чего самые вредные последствия для Оттоманской империи произойти могут.

В заключение остается мне поручить вашему превосходительству изъявить рейс-ефендию удовольствие его величества за данные предписания Ибрагим-паше о дружественном сношении с генерал-лейтенантом графом Ивеличем. Отправление сего генерала имеет в виду единственную пользу Оттоманской империи, и для того приятно государю императору видеть, что Порта, уверясь в сей истине, содействует к успешному произведению в действо данных помянутому генералу предписаний, состоящих в том, чтоб отклонить черногорцев от приверженности к Франции и соделать ничтожным влияние, которое сия преудспела иметь над архиепископом * и старшинами тамошнего народа.

* *Правитель Черногории, митрополит Петр I Петрович Негош.*

Пребываю впрочем с совершенным почтением, вашего превосходительства покорнейший слуга

кн. Адам Чарторыйский

Помета: Получ[ено] 28 июня 1804 г.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 39, л. 157—160. Подлинник.

¹ Имеется в виду донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому от 17 (29) апреля 1804 г., в котором сообщается, что французский посол в Константинополе генерал Гийом Брюн систематически передает Порте клеветнические измышления, которые сочиняет первый консул Бонапарт. Последние, хотя и возбуждают у Порты беспокойство, не могут, по словам Италинского, серьезно «поколебать доверенность ее к России». Италинский далее пишет, что даже, если во французо-турецких отношениях произойдут все же некоторые изменения, то и они не останутся тайной. В донесении перечисляются меры, принимаемые Портой для обороны Кипра, Родоса, Кандии, Мореи, берегов Албании и других областей Османской империи от возможного нападения со стороны Франции.

Характеризуя события в Румелии, А. Я. Италинский останавливается на деятельности видинского правителя Пазванда-оглу, который, как пишет А. Я. Италинский, «... по случаю возбуждения сербов против белградских турков находится в беспокойствии и старается изъявлениями подданнических расположений к Порте, скромным поведением в рассуждении подчиненной ему провинции и окрестных уездов доставить себе продолжение безопасного пребывания во владениях, пожалованных ему». Пазванд-оглу, сообщает Италинский, посылал отряд своих войск на помощь белградским туркам, но он был разбит и изгнан сербами. Чтобы предотвратить волнения населения Видинской области и соседних с ней районов, Пазванд-оглу казнил 60 разбойников-кирджалев вместе с их вождями за их грабежи в районе Кладова (АВПР, ф. Каццелария, д. 2241, л. 596—602).

² Имеется в виду письмо К. Ипсиланти А. Я. Италинскому от 7 (19) марта 1804 г. (см. коммент. 2 к док. № 2), из которого видно, что К. Ипсиланти в одном из своих донесений Порте советовал ей послать подкрепление восставшим против дахиев сербам. Согласно донесению А. Я. Италинского от 16 (28) марта 1804 г., «Порта намерена воспользоваться советом сим и ежели исполнит такое намерение, бунтовщики, владеющие Белградом, погребены будут. . .» (см. док. № 2).

№ 11

«Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями об осаде сербскими повстанцами Белграда и о блокаде Семендрии

15 июня 1804 г.

3-го числа сего месяца приехал из Царьграда чрез Исмаил и Яссы сюда секретарь бонапартиев Жобер, будучи препровожден переводчиком французской миссии, который принят здесь господарем Ипсилантием с церемониею, а 5-го отправился на почтовых к границе цесарской с двумя французскими курьерами, следуя в Вену, где, как он говорил, ожидать должен приказаний из Парижа для дальнейшего его пути чрез Италию. Комиссар Сен-Люс, получа печатное расписание новому порядку французского правления, отправил его немедленно в Царьград к генералу Брюну, который по оному назначен фельдмаршалом.

По снятии мирных договоров в белградском деле, турки, стараясь снискать съестные припасы для города, учинили было нападение на сербов, но последние, заняв укрепление, при Белграде сделанное во время войны фельдмаршалом цесарским Лавдоном, производили перепалку, при коей турки потеряли одного своего бей и 70 человек убитыми. Сербь, завладев укрепленным местом Сабас *, блокируют Семендрию. Белградский гарнизон, почитающийся количеством до 10 тыс. человек с дагиями,

* *Шабац.*

терпит совершенный недостаток в провианте и фураже. Сербь, влагая свою надежду в храбрость своего начальника Черни Георгия, продолжают действовать против турок.

Цесарский пограничный генерал, опасаясь худых следствий из таковых споров и шалостей турецких, могущих произойти во вред цесарской торговле, объявил Белграду, что долго терпим быть не может сей беспорядок. Сербь посылали, уверяют, депутатов своих к Пасванд-оглу в Виддин, спрашивая сего пашу, хочет ли он заниматься защищением белградских янычаров в настоящих спорах, на что будто он отвечал, что оставляет их, а советует только сербам заниматься работаньем земли и не мешаться более в военные дела.

Настоящий румель-валесий ожидается в Софию, где и назначается главная его квартира. Регулярные * войска Порты идут, уверяют, походом в Андрианополь для установления там нового порядка в правлении против противления жителей.

Кирджалии Карафеиза вошли в Татар-Базарджик и зажгли сей город и селения, отколь многие из жителей ушли до Дуная, а некоторые перешли в Валахию, спасая свою жизнь.

Пишут из Янины сюда, что города Превеза, Вонца и Прага, причисляя себя между островов Ионийской республики, поддались к Росийской империи и что тамошние народы вымогают ныне от Али-паши Янинского трехгодичный их доход, взятый до сего оным пашею с земл их.

Порта вторично приказала Пласали Мегмед-паше поспешать к назначенному ему посту в Силистрию, равно же и босно-валесию Бекир-паше стараться помирить белградских сербов с турками.

14-го получено здесь из Рущука известие, что по нарочному хатолу и особливому ферману Терсенк-оглу велел отрезать головы у содержавшегося под караулом султана Шах-Герай-огла и известного Сари-Омера, начальника силистрийских разбойников.

Здешний французский комиссар ожидает из Парижа чрез Вену сюда французского штаб-офицера с нарочным поручением к их послу в Царьграде.

АВВР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 97, л. 221 и об. Подлинник. Опубл.: Documente privind istoria României. . . , vol. IV, p. 562.

№ 12

Обращение сербских военачальников к Александру I с просьбой о помощи и защите интересов сербов перед турецким правительством

15 июля 1804 г. Лагерь под Топчидером

Ваше императорское величество! Понеже всеблагий бог возвысил всероссийский престол паче престолов всея вселенныя, и ваше императорское величество избрал мужа по с[е]рдцу своему, и на оном высочайшем престоле посадил не на которой другой цель и конец, но ради хранения защищения святыя своея церкви и за избавление православных христиан, от толких веков горце стенающих под тяжчайшим и несносным игом безбожнейших агарян и свирепейших лвов и тигров. Мы убо в Сервии суще под областью Белиграда, како оно ни было тяжкое иго, мы оное с великим трудом и сносили и повиновалися. Теперь некие янпчаре, от-

* «Регулярные» еписано вместо зачеркнутого «реформированные».

торгавшись от власти своего султана, убили прежде бывшего пашу * и другого **, на место посланного, своей власти подчинили, и по многим утеснениям, чинимим нам, изишли вооруженною рукою в селения наша, и почели сряду убивати нас кроме всякой пощади. Мы, видевше нечаянную смерть, сложилися все единодушно и встали с оружием противо их, да и многократно согнали их в Белиград с многою их укратою. И проча вся места области Белиградския меншия грады, вси, в них же турки живут, все оное пространство, между реками Дреном и Моравом, кончавшихся от границ немецких Дунаем и Савом, све покорили. Теперь держим Белиград в обседении, понеже не имеем таковых военных орудий, с коим бы могли быть онаи. Обаче, всячески надеемся помощию божию онима завладети. Обаче по завладении оного, естли ваше императорское величество не прострет свою всемилостивейшую руку, то мы совсем пропали. Правда, что султан обещает нам свою милость и оставляет нами дани на 9 лет. Но кто от врага христианского может надеяться милости, понеже по изгнании сил ребелантов послет султан другой гарнизон, и они начну поступать с нами тем же образом, да еще и горше будут делати отмщение над нами. Они и доселе не слушали султана, а теперь они все султани. Всуе нас уволяет султан от податей, когда они все сряду от нас податей емлют, но и над всем тим естли турком град в одержание паки приидет, то мы совсем пропали. Мы от султана не отторгаемся, мы готови его подати и все приходи отдавать точию, бы сия земля, нами завоеванная от его ребелантов, на одержание наше остала.

Ваше императорское величество, мы и сие веми, что Вы чрез политику теперь в союзе любви с султаном. Но с всем тем, ваше величество, можете дружеский нам сие исходатайствовати, понеже Ваше слово силно не точию у султана, но и у всех. Ваше прошение к султану будет сильная заповест. Ваше величество, естли мы останем свободни, то во время, когда поищет потреба, то мы всегда полезни будем Вашему империиуму. К тому ваше величество, дабы нам в сем обстоятельстве помогли нам некоею суммою денег; и естли мы останем свободни, то мы скорим временем и благодарением возвратити будем. Ваше величество, помните, что мы не точию верою, но и беседою и кровию Вам сродни.

Теперь, ваше величество, живот и смерть нас, наших жен и детей зависит от Вас. Естли не обратите Ваш милостивейший взор на нас бедных, то мы будем несчастнейшии, паче всех несчастий, кои искусили наши предки с сии четыре века от безбожных агарян.

Мы прочее вси малци и великии подвергаем святейшим ногам и ожидаем с надеждою всемилостивейшии помощи и заступления и изумираем. Писано под Белиградом у логору код Топчидера юлиа 15-го дня 1804 года. Вашего императорского величества всепокорнейшии рабы

Георгий Петрович, первый
предводитель,
Яков Стефанов,
Сима Марков,
Янко Катий,
Васа Велимиров Чарапий,

Живко Ђорђевић,
Живко Дабић,
Никола Гербић,
Бранко Николић,
у име целе Сервие

Помета о получении: 29 сентября 1804 г.

АВПР, ф. ГА I-8, 1804 г., п. I, д. 2, л. 2—3. Копия. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 192.

* Белградский визирь Хаджи-Мустафа-паша.

** Валия и мухасил никопольский Хасан-паша.

Записка русского посольства в Константинополе в МИД со сведениями о восстании в Сербии, полученными от господара Валахии К. Ипсилянты

16(28) июля 1804 г.

Informations du prince Ypsilanthy relativement
aux serviens¹

L'insurrection des Serviens prend un caractère plus sérieux: les délations des Autrichiens ayant confirmé les nouvelles que le commandant d'Orsava avait envoyées à la Porte sur les dispositions de quelques chefs des insurgés, elle a cru devoir donner les ordres les plus injustes et les plus imprudents, qui n'auraient pas manqué de porter au comble du désespoir ces malheureux Serviens, qui déclarent être fidèles à leur souverain, mais qui ne veulent point des dais qui gouvernent par leur autorité, sans obéir aux ordres de la Porte. Heureusement, après une réflexion plus mûre, on a révoqué ces ordres. Le prince observe qu'il ne convenait pas à la dignité de la maison d'Autriche d'être la délatrice de ces malheureux que le désespoir a obligé de recourir aux armes, et que le ministère ottoman croit que quelque arrière-pensée aura porté le ministère autrichien à faire cette communication extraordinaire.

La Porte a ordonné au prince d'envoyer auprès des Serviens un de ses boyars avec les instructions nécessaires pour apaiser leur fermentation et tâcher de concert avec Bekir pacha de rétablir l'ordre dans ce pays.²

L'exécution de la chose paraissant très difficile au prince, à cause de la multiplicité des ordres que la Porte y a envoyés, et des différents agents qu'elle a cru devoir employer, le prince a beaucoup hésité s'il devait le faire ou non, mais que le désir d'être utile à ces malheureux l'a décidé, et qu'il a envoyé un homme d'intelligence, qui doit agir avec le commandant d'Orsava, l'un des chefs de cette expédition.

Le prince ajoute que si le pacha se prête aux conseils de son homme, il est persuadé que l'affaire prendra une heureuse tournure, mais que si le pacha agissait en sens contraire, le prince a donné ordre à son commissaire de revenir sur ses pas, parce qu'aucune considération ne saurait le porter à tromper des hommes qui se battent pour leur propre existence, et que les injustices et les cruautés les plus inouïes ont porté à cette extrémité.

*Помета: Полу[чено] 14 августа 1804 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, л. 151—152 об. Подлинник.*

Перевод

Сведения князя Ипсилянты, касающиеся сербов¹.

Восстание сербов принимает все более серьезный характер.

Поскольку доносы австрийцев подтвердили сообщения, направленные Порте комендантом Орсовы, о настроениях некоторых вождей повстанцев, то она сочла нужным отдать самые несправедливые и самые неосторожные распоряжения, которые бы не замедлили довести до крайнего отчаяния несчастных сербов, заявляющих, что они остаются верными своему государю, но не хотят терпеть дахнев, самовольно правящих ими и не подчиняющихся Порте. К счастью, по зрелому размышлению, эти распоряжения были отменены.

Князь заметил, что доносы на этих несчастных, которых лишь отчаяние побудило взяться за оружие, не соответствуют достоинству австрийского дома и что оттоманское министерство думает, будто бы какие-то замыслы заставили австрийское правительство сделать подобное чрезвычайное заявление.

Порта приказала князю послать к сербам одного из своих бояр с инструкциями, необходимыми для того, чтобы успокоить их волнение и попытаться вместе с Бекир-пашой восстановить порядок в этой стране ².

Но осуществление этого оказалось весьма затруднительным для князя вследствие многочисленных приказов, направленных туда Портой, и различных агентов, которых она нашла нужным использовать, и он сильно колебался, должен ли он это делать или нет, но так как стремление принести пользу этим несчастным перевесило в нем, то князь послал одного смышленного человека, который должен действовать вместе с комендантом Орсовы, одним из руководителей этой экспедиции.

Князь добавляет, что если папа будет прислушиваться к советам этого человека, тогда, как он убежден, дело примет счастливый оборот, на случай же, если папа будет поступать противоположным образом, князь приказал своему комиссару отказаться от каких-либо действий, ибо никакие соображения не смогут заставить его обманывать людей, борющихся за само свое существование и доведенных до этой крайности самыми неслыханными жестокостями и несправедливостями.

¹ См. коммент. 2 к док. № 2.

² В Сербию был послан из Валахии боярин Манолаки с заданием усмирить сербов и рассеять их страхи и опасения.

№ 14

Депеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с инструкциями о характере переговоров с сербами и об отношении к восстанию в Сербии турецкого и австрийского правительств

17 июля 1804 г.

Votre réserve à répondre par écrit à la lettre que les Serviens vous ont adressée ¹ et toutes vos réflexions, aussi que la conduite que vous vous proposez de suivre dans une affaire aussi délicate, ont rencontré l'entière approbation de s. m. i., et on ne saurait vous donner de meilleurs instructions.

Il est plus que probable que quoique la Porte au commencement de l'insurrection des Serviens ait paru leur être favorable, ce n'est que parce qu'elle n'a pas voulu les déclarer rebelles avant d'être en état de les soumettre et que, malgré qu'elle ait tout lieu d'être mécontente des daïs de Belgrade, elle les favorise en secret et préférerait qu'ils prissent le dessus plutôt que de voir une province chrétienne prendre trop de consistance par la prise de cette place.

La réponse que le Divan a donné à M. l'internonce * sur la 1ère demande qu'il lui avait faite par ordre de sa cour, pour apprendre lequel des deux partis la Porte désire de soutenir, prouve qu'elle n'est pas favorable aux Serviens. D'un autre côté les approvisionnements, que les Autrichiens fournissent pour la forteresse de Belgrade, font preuve qu'ils sont plutôt disposés en faveur des daïs, comme vous l'observez aussi vous-même et nous accédons pleinement à votre avis, qu'il ne nous convient pas encore d'intercéder pour les Serviens auprès du ministère turc, ce qui ne produirait aucun bien pour eux et ferait soupçonner que nous sommes en intelligence avec ce peuple. La nouvelle démarche que vient de faire l'internonce d'une manière assurément très gauche, donne encore plus de poids à ces considérations et fera prendre probablement à cette affaire une tournure plus défavorable pour les malheureux Serviens. La Porte gardera à leur égard encore moins de ménagement et employera les moyens à sa disposition pour les réduire, tandis que nous aurons encore moins de possibilité de parler maintenant en leur faveur. Pour ce qui est de la cour de Vienne, quelques soient les motifs qui l'ont engagée à compromettre les Serviens en apparence aussi gratuitement, elle n'a probablement pour le moment aucune arrière-pensée

* Австрийский посланник в Константинополе Штюрмер.

de s'emparer de cette province, car sans doute ce ne serait pas de cette façon qu'elle s'y prendrait. Pour votre information je joins ici la copie d'une communication, qui vient de m'être faite par l'ambassadeur comte de Stadion * sur le même objet. Ce qui pourrait sans doute arriver de plus heureux aux Serviens serait si l'on parvenait à inspirer à la cour de Vienne d'autres sentiments à leur égard et à l'engager de les aider sous main à prendre Belgrade, sans prétendre pour cela les soustraire à la domination turque. C'est à quoi le ministère impérial s'emploiera autant qu'il en trouvera la possibilité et que la prudence le permettra. La forteresse de Belgrade une fois entre les mains des Serviens, ainsi que vous l'observez très bien, nous pourrions alors nous interposer efficacement dans leurs affaires et leur procurer des conditions avantageuses de la Porte. Mais n'ayant ni artillerie, ni munitions et les Autrichiens fournissant des vivres à la garnison, la réussite de cette entreprise paraît difficile.

Les Serviens sont à une trop grande distance des endroits, par lesquels nous pourrions leur envoyer secrètement les secours nécessaires, et une somme d'argent ne leur serait d'aucune utilité, vu que les Autrichiens ne sont pas disposés à leur fournir des munitions.

En attendant, comme nous ne pouvons pas rester indifférents au sort de ce peuple, vous ne sauriez rien faire de mieux que de suivre la marche que vous vous êtes prescrite et par une occasion dont vous seriez sûr, qu'elle ne pourra pas vous compromettre, leur faire savoir verbalement notre bonne disposition à leur égard; mais en même temps il faudra les instruire des obstacles qui s'opposent à ce que nous leur fassions parvenir des secours; leur conseiller qu'ils mettent tout en œuvre pour s'emparer de Belgrade, afin d'obliger par ce moyen la Porte d'entrer avec eux en négociation; leur faire entendre que ce n'est qu'alors que nous pourrions nous employer en leur faveur, leur obtenir des conditions avantageuses et en les garantissant, acquérir le droit de les protéger à l'avenir. Il sera en même temps nécessaire de leur faire sentir, combien ils ont agi impolitiquement en levant l'étendard de la révolte contre la Porte; qu'ils doivent au plutôt à ce sujet faire amende honorable et déclarer qu'ils veulent toujours rester soumis à leur souverain. Il serait bien qu'ils se retraitent même à ce sujet vis-à-vis de la cour de Vienne et sans faire semblant de se ressentir des griefs qu'ils devront naturellement avoir contre elle, qu'ils continuent à solliciter des munitions en appuyant que ce ne serait pas agir contre la neutralité que de les protéger, puisqu'ils ne veulent nullement se soustraire à la domination turque et qu'il résulterait pourtant beaucoup d'avantage pour l'Autriche d'avoir pour voisin une nation qui lui serait dévoué et si la cour de Vienne cède jamais à ces sollicitations, ce ne sera sans doute que grâce aux insinuations que la Russie lui aura fait à ce sujet. Tel serait à peu près le sens du message que vous pourriez leur faire transmettre en outre, si les circonstances amenaient la possibilité que vous puissiez employer, Monsieur, vos bons offices auprès de la Porte en faveur des Serviens, sans courir risque que cela tournât à leur préjudice ou pût porter atteinte à la confiance que la cour ottomane nous témoigne, vous êtes autorisé de vous y prêter et de contribuer de votre mieux au bien-être et à la prospérité de la nation servienne.

Je suis. . .

Резолюция Александра I: Быть по сему.

Июля 16-го дня 1804 г.

Помета: Подписана и отправлена с турецкою почтою 17 июля 1804 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, л. 345—349 об.

Отпуск. Частично опубли.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 186—187.

* *Австрийский посланник в Петербурге.*

Ваша сдержанность в отношении письменного ответа на письмо, адресованное Вам сербами¹, все Ваши рассуждения, а также поведение, которого Вы намерены держаться в столь деликатном деле, встретили полное одобрение его императорского величества, и нельзя было бы Вам дать лучших инструкций.

Весьма вероятно, что, хотя в начале восстания сербов Порты казалась к ним благосклонна, по лишь потому она не захотела объявить их мятежниками, что не была в состоянии их подавить; несмотря на то, что она имеет все основания быть недовольной белградскими дахиями, она втайне поощряет их и предпочитает, чтобы они одержали верх, чем видеть христианскую провинцию, значительно укрепившуюся после взятия этой крепости.

Ответ, который Диван дал г. интернунцию на первый запрос, сделанный им по приказу его двора, чтобы выяснить, которую из двух партий Порты намерена поддержать, подтверждает, что она не благосклонна к сербам. С другой стороны, спажбене австрийцами Белградской крепости служит доказательством того, что они скорее расположены в пользу дахий, как Вы сами это отмечаете, и мы полностью присоединяемся к Вашему мнению, что нам пока еще не следует вступаться за сербов перед турецким министерством, это не принесет им никакого добра и вызовет подозрение, что мы поддерживаем связи с этим народом. Новый демарш, предпринятый недавно интернунцием, безусловно, весьма неуклюжий, придает еще более веса этим соображениям и, возможно, вследствие него это дело примет оборот, более неблагоприятный для несчастных сербов. Порты еще менее будет их щадить и прибегнет к находящимся в ее распоряжении средствам для их подавления, тогда как у нас тогда станет меньше возможностей выступить в их защиту. Что касается венского двора, то каковы бы ни были мотивы, побудившие его столь беспричинно скомпрометировать сербов, он в настоящий момент, по-видимому, не имеет скрытых планов овладения этой провинцией, так как в этом случае он бы действовал иначе.

Присоединяю при этом для Вашего сведения копию сообщения, сделанного мне недавно послом графом Стадионом по этому же предмету. Было бы счастьем для сербов, если бы удалось внушить венскому двору иные чувства в отношении сербов и побудить его тайно помочь им овладеть Белградом, не претендуя при этом на избавление их от турецкого владычества. Вот к чему будет стремиться императорское правительство, поскольку это будет возможно и насколько позволит осторожность. Вы удачно заметили, что как только Белградская крепость окажется в руках сербов, мы сможем действительно вмешаться в их дела и добиться от Порты выгодных для них условий.

Если же у них не будет ни артиллерии, ни боеприпасов, а австрийцы будут снабжать гарнизон продовольствием, то успех этого предприятия окажется затруднительным.

Сербь находятся слишком далеко от мест, через которые мы могли бы тайно переправить им необходимую помощь, а денежная сумма не принесет им никакой пользы, так как австрийцы не склонны доставлять им боеприпасы.

Тем временем, поскольку мы не можем оставаться безразличными к судьбе этого народа, Вам лучше всего следовать предписанному Вам пути, и в случае, если будете уверены, что это не сможет Вас скомпрометировать, выразите им устно наше к ним благорасположение; в то же время нужно уведомить их о претensions, мешающих нам оказать им помощь, и посоветуйте им приложить все силы для овладения Белградом, чтобы тем самым заставить Порту вступить с ними в переговоры; дайте им понять, что только тогда мы могли бы действовать в их пользу и добиться для них выгодных и гарантированных условий и права покровительствовать им в будущем. Такие необходимо дать им понять, насколько неполитично они действовали, подняв знамя мятежа против Порты, что они должны были скорее принести покаяние и заявить, что они хотят оставаться покорными своему государю. Было бы хорошо, если бы они отказались от своих слов в отношении венского двора и, не подавая виду, что они им недовольны, продолжали бы хлопотать о боеприпасах, подчеркивая, что покровительствовать им — не значит действовать против нейтралитета, так как они не хотят избавления от турецкого владычества, и что для Австрии будет весьма выгодно иметь соседом народ, ей преданный, и что если венский двор когда-нибудь удовлетворит эти ходатайства, то только благодаря влпущениям России по этому поводу. Таков приблизительно смысл сообщения, которое Вы можете сверх того им передать, если обстоятельства дадут Вам возможность, милостивый государь, выступить перед Портой в пользу сербов, не рискуя, что это обернется им в ущерб или подорвет доверие, проявляемое к нам оттоманским двором. Вам дозволяется прибегнуть к этому способу и как можно более способствовать благополучию и процветанию сербского народа.

Остаюсь. . .

¹ Речь идет о письме, которое повстанческие старейшины направили А. Я. Италинескому из Остружницы 3 мая 1804 г. (см. док. № 7).

Письмо черногорского митрополита Петра I Негоша Александру I о притеснениях христианского населения со стороны турецких пашей и о готовности черногорцев выступить против них

16 августа 1804 г. Цетинье

Всемилоостивейший государь! Народы единоверные и единоплеменные нам и сопредельные нашим границам, а особливо из Герцеговины, нередко приходя ко мне, ваяяс у ног, с плачем представляли, что от турок-ребе-лионов никак далее жить не могут, ибо оные, по их буйству и необузданности, причина им крайние притеснения, грабительство и истребление мечем род христианский, принудили всех чрез своих нарочных как словесно, также и писменно всеприлежнейше просить меня, бога ради, дать им пособие о избавлении такового несносного тиранства, дабы совершенно от злейшего намерения ребе-лов не были истреблены. Черногорцы, покровителствуемы вашим императорским величеством, всеохотнейше готови им воспомоществование учинить, но без моего повеления в таковые действия и шармиции вступить не осмеливаются, а я без высочайшей воли вашего императорского величества черногорцам и бердяном позволение дать не могу. Притом же и о сем приемлю смелость вашему императорскому величеству всепокорнейше донести, что турки, граничащие с нами, по обыкновенному их буйству и самоволию, невзирая на существующий союз с Россиею своего султана и не уважая высочайшего вашего величества над нами покровительства, частия и на предели наши дела нападения, хищным образом причиняют всякие пакости и грабительства, и перемирие, иногда заключаемое, никогда в ненарушимости не сохраняют, но без опасившихся наших черногорцов и бердянов вероломно и неожиданно убивают. И посему народ весьма на меня негодовать начал, что я не допущаю ему на таковых бунтовщиков наступательство учинит. А сие единственно я по той причине делаю, что между империею вашего императорского величества и Портою Оттоманскою союз состоит, но нам от неповинующихся султанской воле отслушников величайший вред наносится. А хотя наши черногорцы и защищают себя, однако ж, без моей воли наступить на оных ребе-лов не могут, и дабы они чрез такое ежедневно причиняемое им беспокойствие и злодеяние самоволцов из терпения не вышли, за долг себе поставляю предупредительно на высоко-монаршее вашего императорского величества благорасмотрение всепокорнейше предоставить, полагая к тому со всяким благоговением и верною мое мнение.

Всемилоостивейший государь! Народ черногорский, имея весьма законные и нравилные причины поднят оружие против ребе-лов, имеет удобное время не толко для присоединения помянутых христиан под высокославное покровительство вашего императорского величества, но и самых турок, в немалом количестве ищущих от меня и черногорцов пособия против бунтовщиков и желающих с принятием прародителской веры христианской с нами покоится под счастливейшею сен вашего священнейшего величества. И если толко высокомонаршее благоволение Ваше будет снабдеть меня по тайности извещением, то я, все меры и способы употребя, при помощи господ сил надею оное произвести к совершенному благоугодию вашего величества, и, о всем вышеозначенном донося, предаю на благоутребнейшее и высокомонаршее внимание и благорасмотрение Ваше, припадая к освященным стопам вашего императорского величества,

и есмь вашего императорского величества всеблагопокорнейший и вернейший митрополит черногорский

Петр Петрович Негош

Помета: Получено 8 декабря 1804 г.

АВПР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 4, л. 3—4. Автограф.

Опубл.: Драговић М. Материјали за историју Црне Горе. Прилог III. Гласник српског ученог друштва. Београд, 1886, т. LXV, с. 196—197; Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 216—217.

№ 16

Письмо сербских военачальников к пивскому архимандриту Арсению и всем герцеговинцам с призывом присоединиться к борьбе сербского народа против турок

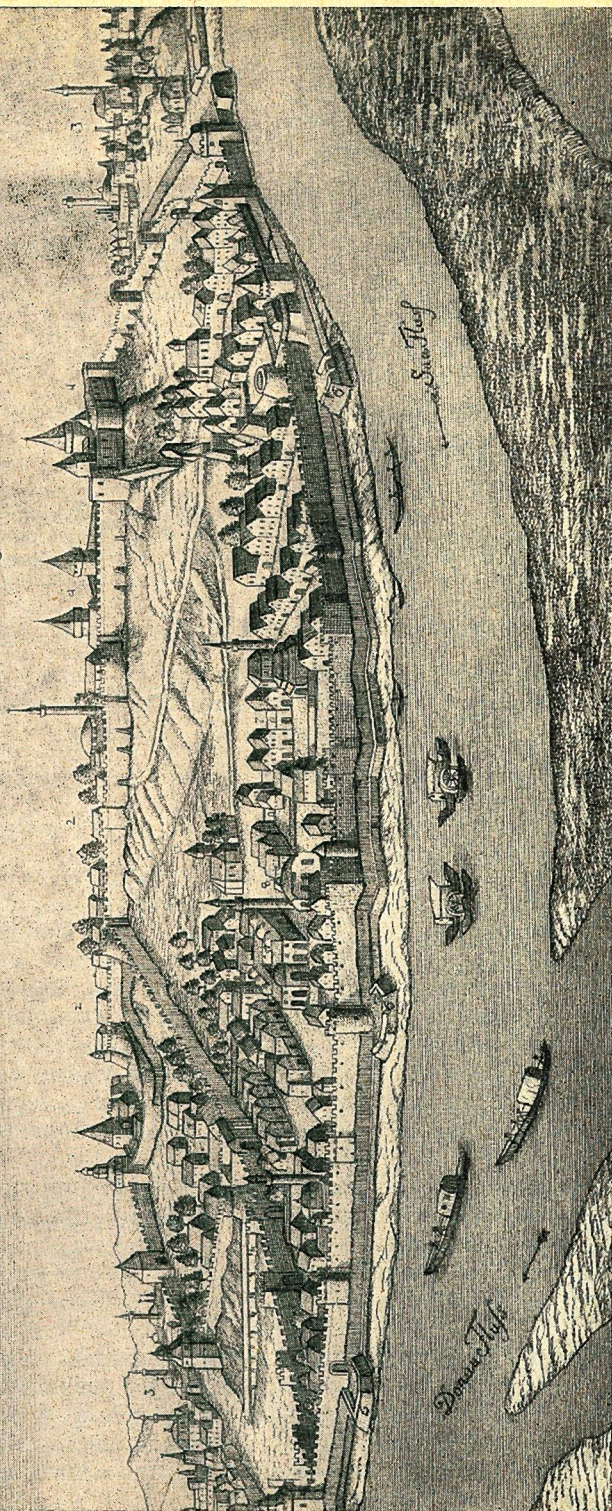
27 августа 1804 г. Под Белградом в таборе сербском

Пречестнейшему господину архимандриту Хаџи-Арсенију пивскому и всем духовним чинам, а особливо благородним господам оберкнезовом, кнезовом, војеводам, сердарјам и всеј браћи херцеговцам љубезноје и милоје поздравленије.

Није потреба, љубезно браћо моја, да ви ја пространо пишем како се ми с Турци бијемо, јер је то данас свему свету познато и чувено. И зашто се ми бијемо, то нико не може веровати ни знати него они људи који под тешкијем игом и јармом турскијем живе, како и ви сви, љубазна моја браћо, Сербљи. Ми смо видели последњи конац или ти крај биједнога нашега живљења, које било дошло; или сви да погинемо или да поштено живимо. И то је нас нагнало да подигнемо сви оружије наше противу нашијех мучитеља и да се от зла бранимо, и хвала господу богу, све градове и касабе и од Мораве до Дрине освојисмо, осим Биограда. И њега би освојили, али дође Бећир-паша тер ухвати веру међу нама и биограђанима; и сад се договарамо, како и на чем ћемо остати и у чим ће рукама Биоград остати; зашто ми смо сви у име божије намислили и здоговарали се да нам више Турци-јарамази не суде, него ми сами да се судимо и да цару нашему будемо верни, и отсеком да му дајемо на годину колико је право и како он заповеда.

Зато, љубезна браћо моја, ево ви сада вријеме и случај да се и ви ослободите и с нами соједините. Немојте поштедити, ка[о] и ми последњу каплу керви пролити за веру христијанску, за свете цркве и манастире и за слободу Отчества својего, сложите се сви заједно. А ето ви чојек који ће ви научити; а има и други чојак такви у Босни која је сва готово подигнута да се соједини с нами, само чека на вас; зато, љубезна браћо, не упустите из вашијех рукама срећно вријеме и случај, но сви једно и заједно помолити се вишњему богу створитељу помошнику христијанскому и удрите ви о[т] те стране, а ми ћемо от ове с неустрашимим духом и с помоћију божијеју. Прије ће месец дана настаће нам се војске у Сарајево. Неизчитајемо и безмернаја сокровишта које су Турци от нас и нашијех старијех пограбили, ми кад почнемо сами за своје отечество за частни крест војевати, сваки цар христијански хоће нам помоћ дати, зашто ми ништа туђе нећемо тицати собствено наше от старинах које је свему свијету познато да је рођено наше, хоћемо возвратити. То је поштено пред свијем светом и, по законам божијам и царскијем, нико нам неће бранити, него још сваку помоћ дати. Зато, љубљена браћо моја, соједините ваше оружије с нашијем и гоните љутога мучитеља нашего, пак ћемо бити слободни ка и браћа наша, черногорци, који се данас находе

BELGRAD

Белград 1788 г. Гравюра. Фото Б. Лукича

под покровителство великога императора росискога, благочестивога цара Александра Павловича, да живит на многаја лета. За друге ствари чућете и разуметп от свога чојка који ви ово писмо преда. Ми сви желимо вами што и сами себи, и да сте здраво.

Писато под Биоградом у табору сербскоме 27 августа 1804 г.
Вама доброжелател првије војеначалници:

Кара Ђорђије Петровић
Јаков Стефанов
Васа Велимиров Чарапић
Јанко Катић
Сима Ђорђевић
Живко Дабић

Никола Гербић
Бранко Николић
Капетан Идадић Петровић

у име целе Србије.

[Печатъ] Јаков Стефановић, секретар народни, верно преписах из копије и печатом народнијем печатих

АВПР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 6, л. 3—4 об. Копия, заверенная печатью. Опубл.: Димитријевић С. Грађа. . . — Споменик, 1922, LII, с. 95—96; Вукићевић М. Карађорђево писма. — Нова искра, Београд, 1904, књ. VI, с. 272; Димитријевић С. Карађорђево устанак. . . — Братство, Београд, 1931, књ. XXV, с. 27—29; Први српски устанак. . . , књ. I, с. 92—93.

№ 17

Полномочие сербского народа о защите его интересов, выданное отправляющимся в Россию депутатам П. Новаковичу, М. Стефановичу и И. Протичу

28 августа 1804 г. Лагерь на Врачаре под Белградом

Властительное полномощное писание от целого народа сербского

У име бога и неговога благога провидения и наставления.

От нас, священнического чина протопресвиторов, пароха и монаха, от кметова и князова, от военпочначальника и всех войск сербского воинства, от малого и великого и единомушно от всего сербского народа, днесь у Србији живущего, сим трем персонам, народне избранным: господину Петру, Чардаклии, пречестнейшему господину отцу Матвею Стефановичу, протопресвитору валеvскому, и господину Иоанну Протичу почуvочкому * дается полномощие, да могут у име сербского народа, у Србији живущего, на всяком месту всяко добро дело, народа сербского касающееся, уледующима * полновластительно творити, делати, совершати и заключати:

1. Что годи сие трый вышеименовате персоне говорити, искати, просити и за народ сербский молити буду, то сербский вышеименоватый народ говори, ище, проси и моли.

2. Что годи сие трый именовате персоны у име народа сербского кому обещаваю, по чему-нибудь кого увероваю, то Србија обещава и такового уверова.

3. Что годи ове трый именовате персоне нибудь с ким за род сербский учине и соверше, тое дела Србија учинила и совершила.

И, следователно, каковогод-нибудь где овима трема персонами добропомилование, поверение и милость народа рады сербского учинкие, то такова милость, помощ, поверение и помилование с низжайшим благо-

* Так в тексте.

дарением от служаемой и никогда забораваемо именоватому сербскому народу буде се учинити, нечто меньше и кто сие трии именовате персоне делом или словом нибудь у чем увреда и има успрепятствуе, то таковой сербский народ увредить и ему препятствовати буде всячески.

В сем истинном полномоцци, от сербского народа именоватим трем персонам датому, мы, от Сербии поглавари и коменданты, нашими подписанными именами и презыменами и собственными печатами большего рады вероятия каждого читателя уверенамо и утверждевамо.

Дано от сербского народа у лагера на Врачару код Биограда у Сербии августа [28]-го 1804 г.

(М. п.) Хачи Мелентије Стефанович, архимандрит монастыря Раче

Хачи Константин, игумен монастыря Чокешена

Иеромонах Мелентие, посланик монастыря Студенице

Алемриа Лазаревич, протопресвитер биоградский

Радоица Живович, протопресвитер рудничкий

Поп Лука Лазаревич, парох шабачкий

Поп Петр Пантелич, парох валеvский

Сафроније, и[г]умен монастыря Рибнице

(М. п.) Поп Лекра Астрич, парох пожеровачкий

(М. п.) Кара Чорч Петрович, комендат от Сербии

(М. п.) Яков Стефанович, комендат шабачкий, и валеvский, и зворничкий

(М. п.) Янко Катич, князь биоградский

(М. п.) Сима, князь биоградский, презименом Маркович

(М. п.) Никола Тербович, князь валеvский

Миленко Стойкович, беньбаша пожировацкий

Васа Чарапич, князь трочанский

Станое Главаш, буюк-баша

Младен Милованович, князь

Милан Обрадович, князь

Живко Давич, буюк-баша

Живан Георгиевич, буюк-баша

Станко Петрович, князь шабачкий

Степан Живкович, гражданин биоградский

Феодор Воинович, чето-баша зворничкий

Василий Протич от Пожеравца

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 861, л. 74—75. Копия. Опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 178—179.

№ 18

Письмо Карагеоргия и Я. Стефановича (Ненадовича) Ф. Филиповичу (Б. Груйовичу) с просьбой принять полномочие сербского депутата в России и содействовать защите интересов сербского народа¹

28 августа 1804 г. Лагерь на Врачаре под Белградом

Высокопочитаемый господин Феодор Филипович, отрасли рода нашего любезнейшая! Здравствуйте о госпoде бoзе на многая лета! Когда Вы у нас были, видели Вы и наше состояние глаза Вашими и нужду нашу из уст наших слышали, и Вы нам обещались и обязались, что Вы для нас в Россию пойдете и что Вы для нас за целого рода избавление там делати будете с брати, которых мы с Вами в Россию послати определили. Для того мы поверение к Вам имеюще, как что добро знаем, что Вы счастье и несчастье

наше и целого рода и Ваших единокровных братьий усердно делите, из недр наших посилаем братию сию нашу: Петра Чардаклию, протонеря Матея Стефановича и Ивана Протича, которых мы, как из полномочия их видели будете, там отслали, чтоб за нас делать. Мы их к Вам послали и им наложили с Вами советоваться и совокупно с Вами о добре целого нашего народа делать. И таким образом мы Вам от страны целого народа препоручаем и аманет (святый налог) народный Вам посилаем, и оно самое полномочие, которое мы им дали, и Вам с сим писмом даем и в имя народа налагаем, да Вы с ними содружитесь и о будущем рода нашего благополучии, якоже наилучше знаете, да согласно с ними делаете. Мы им наложили, да они в полномочие свое, которое мы им дали, и Вас возмут, и да без Вас ничего не начинают делать. Мы вами сие представили, когда Вы у нас были, а и Вы нам в сем при Вашем в Россию отшествии слово Ваше дали. Вы знаете добро и ощущаете, да всякий сербин Россию за спасительницу свою держит, и да благочестивейший великий император всероссийский един есть в свете царь, на которого мы, яко же на бога, уповаем и которого мы, яко сынови отца, любим, и о которого благоденствии бога молим, и от коего мы целое счастье наше, спасение и избавление ожидаем, и и за коего мы вси живот наш положити готовы. Вы согласно с братьями нашими мнение сие, желание и волю наши всевысочайшему двору согласно явите; нашу надежду и упование добро знаете, имейте попечение, чтоб оно исполнилось. Сице да Вам бог поможет, и святей отец Николай и вси святыи в последнем часе в помощь были.

Писано в лагере на Врачаре при Белграде августа 28-го 1804 г.

Черный Георг Петрович, комендант Сербии,
Иаков Стефанович, комендант валеvский
и шабачкий с[војом] р[уком]

Высокоученому господину Феодору Филипповичу, доктору, рождением из Румы, писмо сие в собственные руки с честью да отдастся в Киеве, либо где будет.

АВВР, ф. ГА I-8, 1804 г., д. 2, п. 1, л. 21 и об. Копия. Опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 180.

¹ Документ представляет собой полномочие Федору Филипповичу (Божидару Груйовичу), написанное «собственноручно» М. Ненадовичем в период пребывания сербских депутатов в Харькове, в соответствии с которым он вошел в состав сербской делегации как полноправный член. Подробнее см.: *Ненадович М.* Мемоари, с. 113—116; *Вукићевић М.* Карађорђе, књ. 2, с. 180.

№ 19

*Письмо Л. Г. Кирико А. А. Жерве о прибытии в Бухарест
сербских депутатов, направляющихся в Россию*

8 сентября 1804 г.

Secret

Monsieur! En ce moment-ci à 7 heures du soir se presenta chez moi le nommé Peter Novakovitch, sous titre de Chardakly, Servien de nation et jadis le capitaine de cavalerie chez les Autrichiens, en exposant qu'il avait trois autres compagnons de voyage, un knies Ivan Protisch, un prêtre Mateo Alexiz Protopresbyter Paroha et leur domestique Gabriel Vujanoviz; il m'assura qu'il manquait depuis 8 jours de Belgrade, et qu'ils sont envoyés de par toute leur nation en qualité de députés et de plénipotentiaires en Russie, pour réclamer la protection de s. m. l'empereur dans leur situation actuelle; il m'a montré une pièce signée et cachetée par les patriotes, conçue en lan-

gue servienne, qui en donnent aux susmentionnés les pleins pouvoirs requis à cet effet, il m'a aussi communiqué la copie du dernier traité de paix avec les Turcs de Schabas, qui n'ayant pas été observé de leur part, ils ont, dit-il, tout lieu de s'en méfier à l'avenir. Il m'a dit, qu'ils devaient passer à Kieff, où ils ont ordre de s'annoncer chez un évêque * et où un certain docteur Philipoviz les attend. Je l'ai, Monsieur, accueilli en lui recommandant le plus grand secret de sa mission, et l'ai invité de passer, lui et ses compagnons, sous titre de marchands russes provenant de l'Allemagne **, et qui devant passer pour affaires de leur commerce à Yassy, demandent des chevaux de poste d'ici en Moldavie de la manière usitée.

J'ai cru, Monsieur, essentiel ce déguisement plausible pour éviter tout soupçon et inquisition de la part des gouvernants valaques, surtout en ce moment de rigueur adoptée sur l'article des passants depuis le dernier incendie. Ils devront s'annoncer chez vous, Monsieur, dès leur arrivée à Yassy.

J'ai tiré copie par pure précaution et sous secret des pièces susdites et les conserverai soigneusement dans mes archives prêtes à toute réquisition de la part de mes chefs.

Je l'ai cru, Monsieur, devoir vous en prévenir incessamment en profitant du retour de votre exprès de Yassy, porteur de ma réponse relativement à la commission des mille moutons ordonnés de par s. ex. M. le comte de Kotschoubey; et ne manquerai point de rapporter à s. ex. M. l'envoyé d'Italinsky tous les détails secrets ci-dessus, avec le courrier de Russie, pour ma décharge.

J'ai l'honneur d'être. . .

P. S. Ci suivent les deux copies ¹ susmentionnées.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 861, л. 76 и об. Копия.

Перевод

Секретно

Милостивый государь! Сейчас, в 7 часов вечера ко мне явился назвавшийся Петром Новаковичем по прозвищу Чардакля, серб по национальности, в прошлом капитан кавалерии австрийской службы. Он сообщил, что с ним едут еще трое: князь Иван Протич, священник Матео Алексич — протонерей пароха, и их слуга Габриэль Вуянович. Он заверил меня, что выехал из Белграда 8 дней назад, что вся пацня направила их в качестве полномочных представителей в Россию, чтобы при нынешнем ее положении просить покровительства его величества императора. Он показал мне документ на сербском языке, подписанный и скрепленный печатями соотечественников, которые наделили вышеуказанных лиц надлежащими для сей цели полномочиями. Он передал мне также и копию последнего заключенного в Шабаце мирного договора с турками, и поскольку он не соблюдался ими, то сербам не приходится, по его словам, надеяться на договор в будущем. Он сказал, что они должны выехать в Киев, где приказано явиться к епископу и где их ожидает некий доктор Филипович.

Я принял его, милостивый государь, порекомендовав ему хранить в самой строгой тайне свою миссию, и посоветовал ему и сопровождающим его лицам путешествовать под видом русских купцов, едущих из Германии, которые должны по торговым делам быть в Яссах и потребовать почтовых лошадей для проезда отсюда в Молдавию, как это принято здесь. Я полагал, милостивый государь, необходимым такое правдоподобное прикрытие, дабы избежать всяких подозрений и расспросов со стороны правителей Валахии особенно теперь, когда после последнего пожара применяются такие строгости в отношении путешественников. Они должны обратиться к Вам, милостивый государь, по прибытии в Яссы.

Я тайком снял копии с указанных документов только по соображениям предосторожности и буду тщательно хранить их в моем архиве, доступном любым запросам моих начальников.

Я счел долгом, милостивый государь, немедленно предупредить Вас об этом, воспользовавшись возвращением Вашего нарочного из Ясс, который доставит мой ответ отно-

* *Имя епископа установить не удалось.*

** *Так в документе, правильно: Австрии.*

спительно поручения о тысяче овец, данного его превосходительством графом Кочубеем, и для отчета по премину сообщить его превосходительству посланнику Италиинскому все вышеуказанные секретные детали с курьером из России.

Имею честь быть и пр.

P. S. При сем следуют две вышеуказанные копии.¹

¹ См. док. № 5 и 17.

№ 20

Письмо Л. Г. Кирико А. А. Жерве об осаде сербами Белграда и с изложением их требований к турецкому правительству

8 сентября 1804 г.

Monsieur! Je m'empresse de vous rapporter les détails précis que les plénipotentiaires susmentionnés m'ont communiqués: il y a dans Belgrade Hassan pacha, Bekir pacha, Soleiman pacha, Regiebaga et un pacha à deux queueés de la Bosnie; Cherni Giorghy bloque avec 20 000 Serviens Belgrade, ils ne quitteront point les armes avant que de n'avoir reçu la réponse sollicitée par le canal de ces émissaires de Russie; ils demandent que les janissaires et les kirgialis soient renvoyés de Belgrade, qu'il y ait un pacha avec une petite suite pour former la garnison, dont la moitié devrait être composée des Serviens; ils désirent effectuer que leur patrie sous titre de principauté de Servie soit constituée désormais à l'instar de la Moldavie et Valachie, et qu'elle ait des princes choisis parmi leurs knies indigènes, sous la protection et les auspices de la haute cour impériale de Russie; sans quoi ils sauraient armer 100 mille Serviens pour la défense de leur cause et appeler à leur secours les Serviens de l'Autriche, qui se joignant à eux se sacrifieraient tous, avant que de se soumettre sous le joug onéreux des Turcs. Ils reçoivent des vivres et munitions des Autrichiens contre argent comptant et ils ne manquent que d'armes, pour augmenter leurs troupes montées en guerre.

Voilà, Monsieur, ce que j'ai pu relever et je les expédie le grand matin en poste pour Yassy, en leur donnant les instructions nécessaires pour le salut de leur route.

J'ai l'honneur d'être etc.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 861, л. 77. Копия.

Перевод

Милостивый государь! Спешу доложить Вам о точных сведениях, которые сообщили мне вышеупомянутые полномочные представители: в Белграде находятся Хасан-паша, Бекир-паша, Солейман-паша, Реджеб-ага и один двухбунчукный паша из Боснии. Георгий Черный блокирует Белград силой в 20 тыс. сербов. Они не сложат оружия до тех пор, пока не получат от России испрашиваемого ответа через посредство этих эмиссаров. Они требуют, чтобы янычары и кирджалии были высланы из Белграда, чтобы оставался один паша с небольшой свитой, образующей гарнизон, половина которого должна состоять из сербов; они желают добиться такого положения, при котором их родина стала бы по примеру Молдавии и Валахии княжеством сербским и имела государей, выбранных среди местных князев, под защитой и покровительством высокого российского императорского двора; если этого не будет, то они смогут вооружить 100 тыс. сербов на защиту своего дела и призовут на помощь сербов Австрии, которые, присоединившись к ним, скорей пожертвуют собой, нежели подчинятся тягостному турецкому гнету. Они получают провиант и припасы от австрийцев за наличные и им недостает лишь оружия, чтобы увеличить численность войска, поднявшегося на войну.

Вот, милостивый государь, какие сведения я смог достать и рано утром я отправил их перекладными в Яссы, дав необходимые указания для благополучной их доставки.

Имею честь быть и пр.

Донесение А. А. Жерве А. А. Чарторыйскому о приезде в Яссы сербской депутации, направляющейся в Россию, и со сведениями о требованиях сербов и их вооруженных силах

14 сентября 1804 г. Яссы

Secret

Mon prince! Aujourd'hui s'est présenté chez moi le nommé Pierre Nowakowicz dit Czardakli, Servien de nation, autrefois capitaine de cavalerie au service de l'Autriche. Il vient en droiture du camp des Serviens sous Belgrade, qu'il a quitté le 1er de ce mois avec le knies Ivan Proticz, le prêtre Matheo Stephanowicz et un domestique * qui l'accompagnent. Il m'a exhibé un plein pouvoir signé et scellé par les principaux de sa nation en me disant qu'il allait à Kiew pour y joindre un docteur Philipowicz et que de là ils se rendraient à St. Petersbourg afin d'implorer la protection de l'empereur contre l'oppression des Turcs, leurs ennemis.

Je joins ici une copie du plein pouvoir en question, donné au nom de toute la nation servienne aux Srs. Czardakli, Stephanowicz et Proticz. Votre excellence observera qu'il n'y est fait aucune mention de la commission dont ces députés sont chargés. Ayant interrogé Czardakli sur cet objet, il m'a assuré qu'on avait évité à dessein de désigner notre auguste cour, pour prévenir les suites fâcheuses qu'aurait pu avoir pour les Serviens la découverte de leur projet, si par quelque accident l'existence d'un pareil plein pouvoir avait pu être soupçonné dans ce pays-ci.

En égard à toutes ces circonstances, j'ai cru devoir faciliter au Sr. Nowakowicz les moyens de se rendre en Russie avec sa suite. Je leur en ai délivré un passeport en qualité de sujets de sa majesté impériale, et je les en ai acheminé vers Mohylew sous la dénomination de marchands russes, en prévenant toutefois le directeur de la quarantaine de leur vraie qualité et en le priant de les retenir le moins que possible.

De ce que m'a dit Nowakowicz j'ai pu inférer: que les Serviens armés sont au nombre de plus de 20 m; qu'ils bloquent étroitement Belgrade; qu'ils pourraient bien prendre cette place d'assaut, si l'avantage de la posséder pouvait compenser la perte de 10 m. hommes qu'ils croient que coûterait cet assaut; qu'en cas de besoin, et si on leur fournissait des armes et autres munitions de guerre, ils pourraient mettre en campagne jusqu'à 150 m. hommes; qu'ils ont une grande idée de leur chef Cara-George (Czerni-George) qu'ils ont demandé la protection de la cour de Vienne, mais sans succès; que cependant les Autrichiens leur fournissent des provisions de guerre et de bouche pour de l'argent; qu'ils ont résolu de ne rien entreprendre de décisif avant d'avoir reçu une réponse de leurs députés sur les dispositions de notre cour; qu'ils demandent que les janissaires et kirdgialis soient expulsés de Belgrade; qu'un pacha avec une petite suite y soit établi, que la moitié de la garnison soit composée de Serviens; et qu'enfin ils espèrent tout de l'appui et de la protection de sa majesté l'empereur, notre auguste souverain.

J'ai cru de mon devoir de rendre compte à votre excellence de tous ces détails, et j'ai l'honneur d'être avec la considération la plus respectueuse, mon prince, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Gervais

*Помета: Пол[учено] 29 сентября 1804 г.
АВПР, ф. ГА 1-9, 1802 г., д. 7, п. 25, л. 4—6. Автограф.*

* *Гавриил Вуянович.*

Князь! Сегодня ко мне явился некий Петр Новакович, по прозвищу Чардаклия, по происхождению серб, в прошлом кавалерийский капитан австрийской службы. Он прибыл прямо из сербского лагеря под Белградом, который покинул 1-го сего месяца вместе с князем Иваном Протичем, священником Матео Стефановичем и сопровождающим их слугой. Он предъявил мне полномочие, подписанное вождами нации и скрепленное печатями, и сказал, что едет в Киев, чтобы присоединиться там к доктору Филиповичу, а оттуда они отправятся в С.-Петербург, чтобы умолять императора о защите от притеснений их врагов — турок.

Прилагаю здесь копию вышеупомянутого полномочия, выданного от имени всей сербской нации гг. Чардаклии, Стефановичу и Протичу. Ваше сиятельство заметите, что там совсем не упоминается поручение, возложенное на этих депутатов. На мой вопрос к Чардаклии по этому предмету он заверил меня, что они намеренно избегали упоминать наш августейший двор во избежание неприятных для сербов последствий, к коим может привести раскрытие их планов, если случайно возникнет подозрение о существовании в этой стране подобного полномочия.

Из-за всех этих обстоятельств я почел долгом облегчить г. Новаковичу и его товарищам возможности поездки в Россию.

Я выдал им паспорт как подданным его императорского величества и отправил их в Могилев под видом русских купцов, предупредив, однако, директора карантина о том, кто они на самом деле, и прося его по возможности меньше их задерживать.

Из того, что мне сказал Новакович, я смог заключить: что число вооруженных сербов — более 20 тыс. человек; что они осаждают Белград и могли бы взять эту крепость штурмом, если бы выгода владения ею могла компенсировать утрату 10 тыс. человек, чего, как они считают, будет стоить им это взятие; что в случае необходимости и если им доставят оружие и боеприпасы, они могли бы выставить до 150 тыс. человек; они высоко ценят своего вождя Карагеоргия (Георгия Черного); они просили покровительства у вепского двора, но безуспешно; однако австрийцы за деньги доставляют им продовольствие и боеприпасы; сербы решили не предпринимать ничего серьезного до получения ответа от депутатов о намерениях нашего двора. Они требуют, чтобы янычары и кирджалии были изгнаны из Белграда, чтобы туда был назначен паша с небольшой свитой, чтобы половина гарнизона состояла из сербов; наконец, все свои надежды они возлагают на поддержку и покровительство его императорского величества, нашего августейшего государя.

Я счел своим долгом доложить вашему сиятельству обо всех этих подробностях и имею честь быть, князь, с глубочайшим почтением вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Жерве

№ 22]

Предписание А. А. Чарторыйского А. А. Жерве о готовности России оказать содействие в переговорах сербской депутации с турецким правительством

18 сентября 1804 г. С.-Петербург

Государь мой Андрей Андреевич! Здесь на сих днях получены известия, что с преданием смерти 4 даев, бывших причиною возмущения славено-сербов, утихло оно совершенно и что народ сей прибегнул к венскому двору с искательством посредства сего у Порты, который изъявил на это охотливость свою¹. Обстоятельство сие не могло не обратить внимание его величества по особенному участию, приемлемому в жребии сей единоплеменной нам нации, и по желанию утвердить благоденствие ее на будущее времена.

Зная положительно, что посредство Австрии хотя и будет уважено Портою, не может быть ей приятно видеть, что чрез то увеличится влияние сего двора на подданных ее, оному сопредельных. Напротив того, ходатайство наше нимало тревожить ее не может по отдаленности сербов от России. Предписано посланнику нашему в Цареграде подкрепить своим

заступлением у турецкого министерства депутатов их, туда прибыть имеющих, буде о том просить его станут. А как сербы, полагая, что мы взираем на дела их равнодушно, может быть, не обратятся к г. Италинскому, без чего не будет он иметь поводу ходатайствовать за них, то и препоручается Вам употребить старание чрез посредство ли надв[орного] сов[етника] Фацардия, другого кого-либо или же и самого господаря князя Ипсилянтия, на которого, кажется, положиться можно по преданности его, всегда к России оказываемой, внушить сербскому народу, что участие нашего двора в жребии их и посредничество оно у Порты может наиболее соделать прочными права их, утверждения коих они теперь ищут, и при том дать им понятия о необходимости, чтоб они для сего обратились с прошением на высочайшее имя к г. Италинскому или и к Вам. Вы же можете тогда оное ему доставить.

Но дабы сие благое намерение наше, основанное единственно на желании видеть сию нацию в наилучшем состоянии и совершенно спокойную, не подало поводу как венскому двору, так и самой Порте думать, что мы имеем тут особенные какие-либо виды, то для сего нужно, чтобы ни сербы, ни же кто-либо другой не мог проникнуть, что сии внушения им учинены по предписанию, отсюда Вам данному, в каковом смысле имеете объяснить с господарем Ипсилянтием, есть ли решитесь чрез его посредство привести в исполнение поручаемое Вам дело, приметив ему при сем случае, что доверием им *, нам оказываемое, приобрело ему в полной мере и наше. Об успехах же по оному донося сюда, не оставите в то же время уведомлять и г. Италинского. Пребываю впрочем с почтением Ваш, государя моего, покорный слуга

кн. А. Чарторыйский

Помета: Получ[ено] 1 окт[ября] 1804 г.

Отв[ет] 16 октября 1804 г.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 75, л. 21—22 об. Подлинник. Частично опублик.: Вукићевич М. Карађорђе, кн. 2, с. 189—190.

¹ Докладывая Селиму III о характере конфликта сербов с янычарами Белградского пашалыка, великий визирь еще весной 1804 г. обратил внимание султана на то, что при создавшейся ситуации с помощью восставших сербов можно было бы сначала ликвидировать непослушных султану дахив — 4 пачальников янычарских отрядов в Белградском пашалыке, а затем и главных предводителей сербских повстанцев. Селим III одобрил это предложение и распорядился поручить выполнение этой авантюры боснийскому визирю Бекир-паше, который взялся за это только в июле 1804 г. Видя безнадежность своего положения, дахий тайно покинули Белградскую крепость и отплыли на лодках по Дунаю в направлении г. Пореч. По распоряжению Бекир-паша, сербы догнали беглецов и в схватке 6 августа 1804 г. убили их.

Об этих событиях, о колебаниях сербов по поводу дальнейшего развития восстания и об их отношениях с венским двором см.: Историја Београда. Београд: Просвета, 1974, кн. 2, с. 15—21; Новаковић С. Вакрс државe српске. Београд, 1904; Поповић В. Европа и српско питање у периоду ослобођења, 1804—1918. Београд, 1939; Гавриловић С. Војводина и Србија у време првог устанка. Нови Сад: Просвета, 1974.

* Так в тексте. Следует: его.

Обращение герцеговинских кнезов от имени герцеговинского народа
к И. П. Милетичу с просьбой содействовать принятию Герце-
говины под покровительство России

24 сентября 1804 г.

Высокоблагородному и высокопочтенному российско-императорскому
господину майору Иоанну Петровићу от Милетић.

От нас, ниже подписание, по согласию свега херцеговачкога народа
доверность

Тяшкие окови, наложение на нас од безбожние агаряна, разрушения
церкава и монастыра, мучения, угнетения, лишения движимого и недви-
жимого имения, наконец, и самого живота под различитими неправил-
ными оклеветаниями довели нас до тога, что, ако не буде с кое стране
помоћи, принуждени будемо сами себе живота лишать или махометанску
веру примить. И тако будући у последнему отчаянню и не знаюћи, что
чинить, вашего высокоблагородия, како единоземца и единоплеменого
нашега просимо, и како фамилия Ваша издревле первенствующая у нас
и предки Ваши предводителями и управителями нашими били и отече-
ству своем животом жертвовали, а при том како ваше высокоблагородие
у служби великого государя российского и милосерднейшего покровителя
свие восточного исповедания, а особито единоплемение и единояз[ы]чные
народи, то не оставите о свием овим бедствиям и страданиям нашим его
величеству представить. И что мы слезно просимо, даби под височайшее
покровительство примить нас соблаговолил, за что о благо его величества
и свога нам единоверного и единоплеменного российского народа, всех
благ подателя, просить будемо и нашему благочестивейшему покрови-
телю до последне капли крови вернейшими пребудемо, уполномочивая
Вас. У свему више писаном мы ово вместо нас честнейшему перомонаху
Павнутию Иоанновићу подписать велели и монастырском печати утвердили,
а собственными руками знаки честного креста положили, просећи покорно
ваше высокоблагородие ово наше верующее писмо примить и по оному
действовать тако, како би мы сами действовали, за весь несречни херце-
говачки народ, у чему Вам веримо и что учинить, прекословить не будемо.
Остаемо с нашим почтением к Вам вашего высокоблагородия покорней-
шими слугами,

+Князь Иоанн Стойковић	+Князь Лука Гавриловић
+Князь Радоица Михайловић	+Князь Евто Иововић
+Князь Иоанн Поповић	+Князь Никола Теодоровић
+Князь Евто Комненовић	+Князь Илия Иоановић
+Князь Савва Стиеповић	+Князь Петар Станимировић
+Князь Евто Вуядинович	+Князь Тома Стефановић

Доверност принадлежит сия его высокоблагородию российско и им-
ператорскому г-дину майору Иоанну Петровићу от Милетић.

Что више речении князи у присутствию моме по незнанию грамати
перомонаху Павнутию Иоановићу имена своя подписать велели и соб-
ственоручно знаки креста положили, у том подписом моим и том же пе-
чати утверждавам, да и сам по воли свега херцеговачкога народа действо-
вать ко благу онога више реченому г-дину майору от Милетић изверавам.

[Печать]

Херцеговачкога монастыря
игумен Трофим с братиею

АВПР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 5, л. 9 и об. Копия, заверенная печатью. Опубл.: Вуксан Д.
Политичка писма из времена митрополита Петра I. — Записи, 1939, XXII.

Донесение А. А. Жерве А. А. Чарторыйскому о предпринятых им мерах с целью обращения сербов к посредничеству России.

№ 60

16 октября 1804 г. Яссы

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Имел я честь получить предписание вашего сиятельства от 18-го минувшего сентября¹ касательно внушения сербскому народу, чтобы они обратились к г. посланнику Италинскому с прошением на высочайшее имя о покровительстве у Порты, не прибегая для сего к посредству венского двора.

Я немедленно по сему предмету отнесся к г. надворному советнику Фацардию, сообщив ему и копию с предписания вашего сиятельства и предоставив ему условиться с князем Ипсилянтием о удобнейших мерах к достижению желаемой цели. Из ответа г. Фацардии от 13-го сего месяца² сегодня мною полученного, имею честь донести:

И в Букаресте слышно было, что словено-сербы, не могли уже терпеть поступков турецких белградских чиновников и с ними согласиться, принужденными нашлись послать и послали уже от себя депутатов в Константинополь для испрошения от Порты утверждения их привилегий; но к кому именно они адресовали сих депутатов, о том неизвестно. А дабы узнать, что там ныне происходит и для внушения сербскому народу прописанного в повелении вашего сиятельства, г. Фацардия объяснился с князем Ипсилянтием, который сообщил ему известия, на днях отголь полученные, и уверил, что еще вскорости ожидает должно нарочного и тогда также не оставит его уведомить. Известия сии, мнение князя Ипсилянтия по сим делам, равно и посторонние до сего же предмета касающиеся новости прописаны в следующем при сем приложении. До прибытия же ожидаемого нарочного господарь обещал приискать верного человека, знающего сербский язык, который отправлен будет в их лагерь под каким-либо посторонним предлогом. Посланному сему найстрожайше подтверждено будет, чтобы он, разведывая о их обстоятельствах, отнюдь не давал чувствовать, что он от кого-либо послан.

О последствиях сего поручения г. Фацардия уведомит меня немедленно.

Между тем уповательно, что г. посланник Италинский, зная об отправлении сербских депутатов в Россию (ибо к ним доставлена и копия с их полномочи), зная также волю его императорского величества, в отношении вашем ко мне от 18 сентября изъясненную, и узнав, наконец, о пребывании сербских же депутатов в Константинополе, найдет способ привлечь сих последних к себе и тем без дальнего труда достигнет желаемой цели.

Имею честь пребыть с отличнейшим высокопочтанием и неограниченною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Андрей Жерве

Помета: Пол[учено] 1 ноября 1804 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1802 г., д. 7, п. 26, л. 4—5 об. Подлинник.

¹ См. док. № 22.

² Основное содержание донесения Фацардии изложено в публикуемом документе. Донесение Фацардии А. А. Жерве от 13 октября 1804 г. находится в АВПР (ф. Консульство в Яссах, 1804, д. 87, л. 16—17 об.).

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому об отъезде в Россию сербской депутации для ходатайства о помощи сербскому народу

17 (29) октября 1804 г. Буюкдере

Сиятельный князь, милостивый государь! Дешешу вашего сиятельства от 18 сентября¹, содержащую предписания, касающиеся славено-сербского народа, и приложенную при ней выписку с данного генеральному консулу Жерве повеления² по тому же предмету имел я честь получить. Народ оный, однажды учинив ко мне безуспешно отнесение об оказании ему ходатайства, за благо признал прибегнуть на такой конец непосредственно к милосердию его императорского величества. Консул наш в Букоресте надворный советник Кирико уведомил меня, что проехали чрез оный город следующие из Сербии в Санкт-Петербург депутаты, что они тайно были у него, что объявили ему о данном им от духовенства и старейшин поручении просить государя императора о покровительстве и заступлении; что в доказательство верности такого поручения сообщили ему данный им наказ и полномочие, с которых список препроводил он ко мне³. Сие несомненное известие и небытие при Порте никаких от сербского народа депутатов оставляют меня без всякого повода к деятельности, коей свойство и предмет означены мне предписанием вашего сиятельства. Буду ожидать повелений, какие изволите дать мне, когда упомянутые депутаты по презде своим в Санкт-Петербург исполнят вверенное попечению их дело. Между тем воспользовался я случаем последней моей конференции и сделал министерству турецкому довольно важные ходатайственные внушения о сербском народе.

Посредством венского двора не может оный народ доставить себе от Порты никаких выгод. Интернунций учинил однажды опыт представить ходатайство свое в пользу оногo. Рейс-ефенди с оказанием великого неудовольствия требовал, чтобы он не озабочивал Порту таковым участием в деле, которое касается единственно подданных турецких.

Имею честь быть с преданностию и высокопочтанием сиятельный князь, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Андрей Италинский

АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, л. 571—573 об. Подлинник.

¹ Имеется в виду предписание А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому от 18 (30) сентября 1804 г. (см.: ВПР. Сер. 1, т. II, с. 154—155).

² См. док. № 22. ³ См. док. № 17.

Письмо К. Ипсиланти А. Я. Италинскому о положении в Белграде, вооружении сербов и с просьбой о защите Валахии от посягательств турецких наших

21 октября (2 ноября) 1804 г. Бухарест

Monsieur l'envoyé! Je n'ai point perdu de vue le désir de votre excellence d'être instruit des événements et de l'état de la Servie. Elle se rappelle peut-être que je n'ai jamais cru le beau dévouement de Kouchantzali, inspiré par un parfait désintéressement. Sa conduite vient confirmer mon opinion,

ou plutôt mes craintes. Il est décidément maître dans Bellegrade où il se fait payer une solde de 1.600 hommes, 1000 sont aux frais des Serviens et 600 sur le compte de Suleiman pacha, nouveau gouverneur de Bellegrade, envoyé de Constantinople, auquel il a signifié qu'il devait renvoyer tout son monde, parce qu'il lui était fort inutile et que lui, Kouchantzali, lui fournirait les troupes nécessaires au besoin. Békir pacha reste dans l'inaction; il se préparait même à partir, voyant qu'il ne pouvait rien et craignant la défection des Bosniaques qu'il a avec lui, Kouchantzali étant leur compatriote. On dit, en outre, que l'ancien gouverneur, le vieux Hassan pacha et le commandant d'Orsova ne peuvent sortir de Bellegrade, parce que Kouchantzali ne le leur permet pas. Cette nouvelle me paraît d'autant plus vraisemblable que le commandant d'Orsova m'avait, depuis longtemps, annoncé son départ, sans l'avoir effectué jusqu'à présent. Toutes ces circonstances annoncent la détermination de Kouchantzali de s'établir dans Bellegrade. Je suis persuadé qu'il ne tardera point à chasser ou à massacrer Suleiman pacha. Alors, la Sublime Porte se trouvera dans la fâcheuse alternative, ou d'accorder les trois queues à ce chef de brigands, ainsi qu'elle les a accordées à Pasvandoglou, ou de lui faire la guerre.

En attendant l'événement, les Serviens sont en armes. Ils ont vraiment lieu de souffrir avec impatience toutes les variantes de tyrannie, également cruelles pour eux et criminelles envers leur souverain. Il faut admirer que ces peuples simples sachent réprimer en eux ces passions furibondes qui signalent ordinairement le ressentiment d'une multitude opprimée et armée. Leur conduite semble mesurée avec le plus de sagesse. Tranquilles, mais dans l'attitude d'une défense légitime, espérant peu de l'impuissance du gouvernement auquel ils sont soumis, ils ont recours à la puissance protectrice de leur culte. J'ai su, mais tard, qu'ils avaient député trois d'entre eux à la cour impériale. Ces députés se sont adressés ici pour les passeports à M. Kirico qui les leur a donnés comme marchands sans me rien laisser soupçonner. Il devait cette conduite à la règle, mais il est malheureux qu'il n'ait pas donné quelque chose à la confiance qu'il était juste d'avoir en moi. J'eusse pris le parti de lui conseiller d'envoyer ces trois Serviens à v. ex., au moins de les partager entre elle et la cour impériale, ce qui eût fort abrégé le temps sur un intérêt qui, je crois, exige une prompte disposition.

M. Fatzardi est venu ces jours-ci m'informer des ordres qu'il a reçus relativement aux Serviens et qui expriment en même temps les intentions bienfaisantes de la cour impériale pour ce peuple malheureux et la confiance dont elle m'honore. J'ai en conséquence avisé aux moyens convenables pour insinuer aux Serviens les démarches nécessaires à leurs intérêts et à la situation fâcheuse où ils se trouvent; mais après avoir su le passage de leurs députés, j'ai pensé qu'à présent il fallait attendre la réponse qu'ils auront reçue de la cour. Alors, cette affaire sera entre les mains de v. ex. et c'est elle qui en agira suivant les circonstances. Pour le moment, ce qu'il convient de faire, c'est de soutenir leur courage par leur confiance, en attendant les déterminations de la cour impériale. C'est ce dont je m'occuperai.

Lorsque v. ex. me fit l'honneur de me consulter pour savoir qu'elle intervient en faveur de la Serbie, je lui représentai que les choses ayant pris une tournure plus calme, qu'il importait de ménager son intervention pour l'occasion que je prévoyais devoir renaître comme je crois le lui avoir fait présager par les prophéties autrichiennes que mon envoyé avait recueillies en traversant le Bannat et la Transilvanie. Je prie v. ex. de me faire connaître tout ce qu'elle pensera que je pourrais faire d'utile.

D'autres scènes se passent à Vidin. V. ex. aura déjà appris par les informations de mon agent, que Pasvandoglou, a fait massacrer le malheureux

archevêque grec, arrivé en poste de Constantinople, parce qu'il ne lui apportait point l'argent qu'il lui avait promis. Il s'était déjà défilé, peu auparavant, de son chambellan de la même manière. En 14 jours même expédition sur 15 de ses gens, il a aussi fait tuer un négociant grec qui descendait le Danube et s'est emparé de ses effets sous le prétexte qu'il le croyait l'associé de l'un des quatre days de Belgrade. Dernièrement il a fait pendre son premier médecin qui arrivait de Yanina avec son frère, comme amis de feu l'archevêque. Ce tigre semble possédé d'une fièvre dans laquelle il ne peut éteindre sa soif qu'avec du sang. Avant qu'il s'en guérisse, il est plus probable qu'il en versera beaucoup encore.

Plus bas, c'est à dire, à Sylistrie, s'offrent d'autres scènes de carnage. Thersénikoglou fait la guerre à Yilikoglou et bloque la ville de Sylistrie contre les ordres de la Porte, qui lui a signifié de la manière la plus positive qu'elle ne permet pas une guerre ouverte contre cette place. Thersénikoglou se soucie peu de l'ordre et continue son dessein. Qu'ils se mangent comme des loups, peu m'importe; mais ils franchissent leurs bornes et la limite naturelle du Danube, en faisant passer des troupes sur le territoire de la Valachie, l'un pour fermer toute communication entre cette place et la principauté, et l'autre pour l'ouvrir; et ils ne manquent point, dans ces occasions de commettre les plus grands dégâts et de répandre la terreur parmi les habitants de cette contrée. Si ces incursions continuent encore quelques jours, les habitants du district de Yalomitza, qui est le grenier de la Valachie, désertent leurs foyers. Cette violation de territoire et une infraction si manifeste des stipulations peuvent avoir des conséquences incalculables, et telles que je crois absolument nécessaire que v. ex. fasse les plus fortes démarches pour prévenir les maux auxquels cette principauté est exposée. Si ces petits tyrans s'accoutument à passer impunément des troupes en Valachie, il n'y a aucune raison de douter qu'ils ne viennent un jour à Bukarest, et qu'ils ne s'emparent et de cette ville et de toute la principauté. Enfin, il n'existe nulle sûreté pour l'avenir, qui ne laisse voir que tous les périls. Les boyards commencent à le connaître et à se pénétrer des plus justes craintes. Il faut de deux choses l'une, ou que la Porte réprime les brigands, ou qu'elle permette au moins de repousser la force par la force, par tous les moyens que dieu et la protection de s. m. i. nous fourniront.

Il est un autre motif de crainte assez plausible, c'est que Pasvandoglou, ennemi de Tersénikoglou qu'il craint, et qui l'oblige à se tenir sur ses gardes, le voyant occupé contre Yilikoglou, ne saisisse cette circonstance pour faire une course en Valachie, surtout si cette guerre de Sylistrie se prolonge jusqu'au moment des glaces.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération, monsieur l'envoyé, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Constantin Ypsilanti

Помета: К письму посланника Италинского от 17 (29) ноября 1804 г. Получено 18 декабря 1804 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, л. 688—690. Подлинник.

Перевод

Господин посланник! Я никоим образом не забыл желание вашего превосходительства быть осведомленным о событиях и положении дел в Сербии. Вы, возможно, помните, что я никогда не верил в благородную преданность Кусанджали и полное его бескорыстие. Его поведение подтвердило мои взгляды или, скорее, опасения. Он решительно является хозяином Белграда, где он заставляет платить жалование для 1 тыс. 600 человек: 1 тыс. — за счет сербов и 600 — за счет Сулейман-паши, нового губернатора Белграда, присланного из Константинополя, которому он объявил, что тот должен распустить своих людей, так как они ему совершенно не нужны, и что он,

Кусанджали, при необходимости даст ему нужные войска. Бекир-паша пребывает в бездействии; он собирался даже уехать, видя, что ничего не может сделать и опасаясь измены находящихся при нем босняков, так как Кусанджали — их соотечественник. Кроме того, говорят, что прежний губернатор, старый Хасан-паша и комендант Орсовы не могут выйти из Белграда, так как Кусанджали им этого не позволяет. Это известие мне кажется тем более правдоподобным, что орсовский комендант давно уже объявил мне о своем отъезде, который до сих пор не произошел. Все эти обстоятельства говорят о намерении Кусанджали обосноваться в Белграде. Я убежден, что он не замедлит прогнать или убить Сулейман-пашу. Тогда Блистательная Порта окажется перед досадной альтернативой: либо предоставить титул трехбунчужного паши этому главарю разбойников, как она поступила с Пазванд-оглу, либо вести против него войну.

Между тем сербы вооружились. У них есть реальные основания сносить с нетерпением все виды тирании, столь же жестокой в отношении них, сколь преступной к их государю. Достоин восхищения то, что этот простой народ умеет обуздывать пенственные страсти, обычно указывающие на озлобление угнетенной и вооруженной массы. Поведение сербов определяется, по-видимому, большой мудростью. Они спокойны, но занимают позицию законной обороны. Мало надеясь на беспомощное правительство, которому они подчиняются, они обратились к державе-покровительнице их религии. Мне слишком поздно стало известно, что они направили трех своих депутатов к императорскому двору. Эти депутаты обратились сюда к г. Кирко по поводу паспортов, и он выдал их им как кушцам, не вызвав у меня никаких подозрений. При этом он руководствовался правилами, но, к сожалению, не проявил ко мне заслуженного мной доверия. Я бы решился посоветовать ему направить этих трех сербов к вашему превосходительству или, по крайней мере, поделить их между Вами и императорским двором, что бы весьма значительно сократило время в связи с делами, которые, я полагаю, требуют скорого решения.

На днях г. Фацарди сообщил мне о полученных им распоряжениях относительно сербов, которые выражают благорасположение императорского двора к несчастному народу и одновременно удостаивают меня доверием. В связи с этим я размышлял о способах предложить сербам лишь поведения, соответствующую их интересам, в том трудном положении, в котором они находятся; но узнав о приезде их депутатов, я подумал, что теперь надо ждать ответа, который они получат от двора. Тогда это дело окажется в руках вашего превосходительства и Вы будете руководить им в зависимости от обстоятельств. В настоящий момент надобно подтвердить их мужество доверием в ожидании решений императорского двора. Этим я и займусь.

Когда ваше превосходительство оказали мне честь, обратившись ко мне за советом, чтобы узнать, будет ли полезно Ваше ходатайство за Сербию, я Вам ответил, что поскольку дела приняли более спокойный оборот, надобно отложить возможность вмешательства на случай, который, как я предвидел, возникнет; при этом я в своих предсказаниях основывался на австрийских пророчествах, которые мой посланец собрал, проезжая через Багат и Трансильванию. Прошу ваше превосходительство сообщить мне, что я мог бы сделать полезного.

Иные сцены происходят в Видине. Ваше превосходительство уже, по-видимому, узнали из сообщений моего агента, что Пазванд-оглу приказал убить несчастного греческого архиепископа, прибывшего на свой пост из Константинополя, за то, что тот не привез ему обещанных денег. Он уже несколько ранее расправился подобным же образом с его служителем. За 14 дней подобная же расправа над 15 его людьми. Он также велел убить одного греческого купца, спускавшегося по Дунаю, и завладел его вещами под тем предлогом, будто бы он его считает сообщником одного из четырех белградских дахий. Недавно он приказал повесить своего первого врача, который прибыл из Янины, вместе с братом, как друзей покойного архиепископа. Этот тигр, видимо, одержим такой лихорадкой, при которой лишь кровью может утолить свою жажду. Прежде чем он от нее излечится, более чем вероятно, что он немало еще ее прольет.

Ниже, т. е. в Силистрии, открываются другие сцены резни. Терсеник-оглу ведет войну с Илик-оглу и блокирует г. Силистрию вопреки распоряжениям Порты, объявившей ему самым решительным образом, что она не позволяет вести открытую войну против этой крепости. Терсеник-оглу мало заботится об этом приказе и продолжает осуществлять свои намерения. Пусть они, как волки, уничтожают друг друга, меня это мало беспокоит; но они переходят свои границы и естественную границу по Дунаю, проводя войска на территорию Валахии, один для того, чтобы закрыть всякую коммуникацию между этой крепостью и княжеством, другой — чтобы ее открыть; и они не упускают случая учинять самые большие опустошения, повергая в ужас жителей этих мест. Если эти набеги продолжатся еще несколько дней, жители Яломляцкого уезда, являющегося житницей Валахии, покинут свои дома. Это нарушение территориальной неприкосновенности и столь очевидное нарушение постановлений могут иметь неисчислимые последствия и такие, что я считаю совершенно необходимым, чтобы

ваше превосходительство предприняли самые энергичные демарши, дабы предотвратить несчастья, которым подвергается эта провинция. Если эти мелкие тирапы привыкнут безнаказанно вводить войска в Валахию, нет никаких оснований сомневаться, что когда-нибудь они появятся и в Бухаресте. Наконец, нет никакой гарантии на будущее, которое позволяет видеть лишь все эти опасности. Бояре начинают это понимать и проникаться самыми справедливыми опасениями. Из двух одно: либо Порта должна усмирить разбойников, либо по крайней мере позволить отразить силу силой, всеми средствами, которые дадут нам бог и покровительство его императорского величества.

Другой, довольно правдоподобный мотив для опасений, что Пазванд-оглу, враг Терсеник-оглу, которого он боится и который заставляет его держаться настороже, видя, что он занят борьбой с Илик-оглу, может воспользоваться этим обстоятельством, дабы учинить набег на Валахию, в особенности, если эта война в Силистрии продлится до заморозков.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, господин посланник, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Константин Ипсиланти

№ 27

Донесение белградского визиря Сулейман-паши султану Селиму III о нежелании Кусанджали Халила оставить Белградскую крепость и о взаимоотношениях сербского и турецкого населения

26 октября 1804 г. Белград

J'ai reçu par mon tartare les ordres suprêmes que v. a. a daigné m'envoyer. Elle m'y ordonne de me concerter avec Békir pacha pour faire sortir Kouchandjaly Halil de la forteresse de Belgrade. Le parti de Kouchandjaly étant nombreux et les clefs de la forteresse avec toutes les munitions se trouvant entre ses mains, Békir pacha qui y était entré, était sous sa dépendance; et à mon arrivée à Belgrade j'avais pu voir moi-même ce qu'il en était, lorsque Kouchandjaly avait expulsé les days, Békir pacha, de concert avec les princes des Serviens, lui avait donné un engagement par écrit portant pour conditions qu'il demeurerait dans la place, qu'il serait au service de la garnison, et qu'il se soumettrait aux ordres suprêmes et à la volonté du grand seigneur, tandis que bien loin de vouloir en sortir de son propre gré, il s'imagine devoir être récompensé pour les services qu'il a rendus, il est évident qu'on ne peut lui en faire la proposition; il est impossible de l'y obliger par les armes, parce que les maladies et la désertion ont diminué de beaucoup le nombre des troupes de Békir pacha dont il ne reste auprès de lui que fort peu, et il faudrait pour le moins dix mille hommes pour chasser Kouchandjaly. Ne voyant donc d'autre remède à cela que de s'en servir bon gré mal gré de concert avec Békir pacha, je l'ai fait venir chez moi avec le susdit pacha et je l'ai revêtu d'une robe d'honneur, ce dont j'ai rendu compte, il y a une semaine, par les rapports que j'ai envoyés à v. a. Il fallait que Békir pacha de son côté écrivît à v. a. pour lui rendre compte de l'état des choses, mais il a été empêché par la honte, et il a été résolu qu'il écrirait lors de sa sortie de la place.

Aujourd'hui Békir pacha sort de la place et se rend à un endroit appelé Ak-Sou; de là il fera un rapport détaillé des affaires, nous y apposerons tous deux notre cachet et nous l'enverrons incessamment à v. a.

Je transmets ci-inclus à v. a. un état des payes, des fournitures et autres dépenses qu'il faut pour moi, ce qui monte à cinquante trois mille six cents piastres.

Lorsque j'étais à Constantinople, j'avais témoigné, tant à v. a. qu'à leurs excellences les ministres, combien j'étais effrayé et indigné d'un tel état de dépendance, cependant les circonstances ont nécessité cette soumission.

Lorsque les Serviens ont précédemment levé l'étendard de la révolte¹, ils ont mis à leur tête plusieurs officiers autrichiens, se sont pourvus de canons et de munitions, ont commis des hostilités, ont brûlé des palanquas*, ont saccagé le pays et ont massacré tous les musulmans qui leur sont tombés entre les mains. Aujourd'hui même encore les susdits officiers sont parmi eux et continuent à les exercer à la guerre.

Il avait été ordonné aux habitants des palanquas de retourner chez eux, et ceux qui se trouvaient dans le voisinage y sont rentrés; mais je reçois journellement des plaintes contre les Serviens qui ont massacré les uns et renvoyé les autres, après les avoir battus et dépouillés. De sorte qu'aucun musulman ne pouvant plus sortir, la frayeur les a saisis et ils attendent quelque consolation de la part de la Sublime Porte.

Quoique les rayas paraissent vouloir rentrer dans l'obéissance, leurs chefs, cependant, se comportent d'une manière qui ne convient point à des sujets. Cette inquiétude jointe à celle que me cause l'affaire de la paye de Kouchandjaly m'ôte jusqu'à mon sommeil et a depuis quelques jours sensiblement influé sur ma santé.

Si v. a. ne me prive point de son assistance et que les rayas se soumettent et s'apaisent, je pourrai me tirer d'affaire; si, au contraire, les choses prennent une autre tournure, je supplie v. a. de me sauver d'ici. Que je dépense, que je m'endette, je pourrai toujours me soutenir avec la protection de v. a., mais il m'est extrêmement difficile de supporter les frais de la paye des seimens**.

J'ai contracté des dettes considérables envers mon sarraf pour les dépenses de ma place etc. et je viens d'écrire à mon agent à Constantinople de vendre deux fermes que je possède pour payer cette dette. Que dieu donne des jours à v. a., et je ferai le sacrifice de tout mon bien. *L'esclave et tout ce qu'il possède est à la disposition de son maître.* Enfin, l'affaire de la paye de Kouchandjaly ne dépendait pas de nous; nous avons arrangé cela par force, de concert avec Békir pacha.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 38, л. 198—199 об. Пер. с тур. яз. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 143—146.】

Перевод

Получил с моим гошцом высочайшее повеление, которое ваше высочество благоволили мне направить. Вы предписали мне договориться с Бекир-пашой, чтобы заставить Кусанджали Халила выйти из Белградской крепости. Поскольку отряд Кусанджали был многочисленным и ключи от крепости со всеми припасами находились в его руках, вступивший туда Бекир-паша оказался в зависимости от него, и по прибытии в Белград я смог сам увидеть, в каком он положении. Когда Кусанджали выгнал дахиев, Бекир-паша вместе с сербскими князьями дал ему заверение в письменной форме, содержащее условие, что он останется в крепости, будет состоять на службе гарнизона и будет подчиняться высочайшим повелениям и воле великого государя. Он уже далек от желания выйти из крепости по доброй воле и воображает, будто его должны вознаградить за оказанные им услуги; очевидно, что нельзя делать ему подобных предложений. Невозможно принудить его силой оружия, поскольку болезни и дезертирство значительно сократили численность войск Бекир-паши, которых остается весьма мало, а потребовалось бы по меньшей мере 10 тыс. человек, чтобы изгнать Кусанджали.

Не видя иного средства, чем так или иначе войти в соглашение с Бекир-пашой, я позвал Кусанджали к себе вместе с упомянутым пашой, облачил его в торжественные одежды, о чем я доложил неделю назад в донесениях, посланных вашему высочеству. Следовало бы, чтобы со своей стороны Бекир-паша написал вашему высочеству и дал отчет о положении вещей, но ему стыдно, и он принял решение, что напишет об этом после своего выхода из крепости.

* Паланка — небольшой населенный пункт (сербск.).

** Сеимен — офицер конницы (тур.).

Сегодня Бекир-паша покидает эту крепость и направляется в местность, называемую Ак-су. Оттуда он направит подробное донесение о делах, мы оба приложим к нему наши печати и незамедлительно пошлем вашему высочеству.

Препровождаю при сем вашему высочеству отчет о состоянии платежей, поставок и других моих расходов, что составляет сумму в 53 тыс. 600 шастров.

Когда я был в Константинополе, то засвидетельствовал вашему высочеству, а также их превосходительствам министрам, сколь я удивлен и возмущен таким зависимым положением, однако обстоятельства сделали необходимым такое подчинение.

Когда в прошлый раз сербы подняли знамя восстания¹, они поставили во главе своих отрядов нескольких австрийских офицеров, обеспечили себя пушками и боеприпасами, предприняли враждебные действия, сожгли паланки, разорили страну, перебили всех мусульман, попадавшихся им под руку. Еще и сейчас упомянутые офицеры пахоятся среди них и продолжают обучать сербов военному делу.

Жителям паланок было приказано вернуться домой, и те, которые находились по соседству, вернулись. Но ежедневно я получаю жалобы на сербов, которые то убивают одних, то выгоняют других, предварительно избивая и обирая, так что ни один мусульманин не может более выйти из дома. Они охвачены страхом и ждут какой-нибудь поддержки от Блистательной Порты.

Хотя райя, кажется, хотела бы вернуться к повиновению, но ее предводители ведут себя так, как вовсе не подобает подданным. Обеспокоенность по этому поводу вместе с той, которую вызывает дело о жалобах для Кусанджали, даже лишила меня сна и с некоторого времени ощущуто отразилась на моем здоровье.

Если ваше высочество не лишите меня своей поддержки, а райя подчинится и смирится, тогда я смогу справиться с задачей. Если же напротив дела примут иной оборот, то молю ваше высочество выволить меня отсюда.

Сколько бы я не расходовал денег, как бы я не задолжал, я всегда смогу удержаться под защитой вашего величества, но мне крайне трудно выдержать расходы по оплате семенов.

У меня накопились изрядные долги под векселя в связи с оплатой расходов, связанных с моей должностью, и я написал моему агенту в Константинополе, чтобы он продал две принадлежащие мне фермы, чтобы погасить долг. Да продлит господь дни вашего величества, а я пожертвую всем своим добром. *Раб и все, чем он обладает, нагодятся в распоряжении его хозяина.*

Наконец, дело уплаты Кусанджали от нас не зависело. Мы вместе с Бекир-пашой урегулировали это силою.

¹ Подробнее см.: *Павлович Д.* Сербия за време последнег аустријско-турског рата 1788—1791 гг. Београд, 1910; *Пантелић Д.* Београдски пашалук после Свиштовског мира 1791 до 1794 гг. Београд, 1927.

№ 28

Обращение сербских депутатов к А. А. Чарторыйскому с просьбой о политической и военной помощи сербскому народу

3 ноября 1804 г. С.-Петербург

Ваше сиятельство! Ниже подписавшиеся сербского народа полномощники честь имеем с глубочайшим высокопочтанием вашему сиятельству причину восстания сербского, их теперичное положение и управленное к всевысочайшему двору российскому целого народа сербского всепокорнейше прошение нижайше представить.

Неописуемые гонения, беды и неправедност даев и прочих султана ребеллов, чрез три последние года Сербиею произвольно и разбойнически владеющих и все из Сербии султану принадлежащие выгоды самовольно себе присвоивших, и бесчеловечно деемые женам и детям сербским насилия, да, наконец, и на самое бытие всех и, что сего дражайше есть, на православную веру свирепое турков ополчение и конечного уничтожения приуготование, справедливость и необходимость всеобщего сербов восстания и вооружения и основательнейшую к туркам неповеренность доказаннейшу творят и наше к всевысочайшему трону всероссийскому прибежище пред лицом целого света оправдывают¹.

Серби в крайней нужде, сии сначала безоружни почти крайнему бесчеловечию мучителей своих противостали и их до сих пор повсюду побеждали. Но сколь поступки наши счастливей, столь болше умножается число врагов и противных их сил, и нам необходимо нужно лучшее войска нашего учреждение и много крепчай[ши]х сил противопоставление, понеже и в Сербии еще и в окрестных провинциях множество ребеллов турков есть, которые союзники и племянники оных, которых серби уже истребили, суще присный и настоящий нам немир и беду готовят. Султан поступки наши доселе одобрял и, что Белград и Сербию от ребелл освободили, великую нам милость обещал. Сего ради и Бечир-паша в Белград пришел, чтоб нас с добрыми турки помирить, а между тем и на его от страны турков, ребеллов Боснии, нападение готовится. Почему всех сербов согласное и единодушное решение есть прежде оружия из рук своих не выбросить, пока ребелли, враги своя, совсем не изженут * и будущую свою безопасность совершенно утверждenu не увидят. Мы закон положили: ребелли изгнати, а с добрыми турки мирные трактати и капитуляции делать, с которых им безопасность персон и имений их уверяем. При таком трактате с Бечир-пашом, нарочито для примирения в Белград пришедшим, хотели мы иностранного посредственника, свидетеля и гаранта, но ни Бечир-паша сему негодвал, ни Австрия прошенного свидетеля [не] дала.

Народ сербский от древних даже времен истинное избавление свое от едиnorodныя только и единоверныя России ожидающий, в сицевых нынешних утесняемых обстоятельствах отцу своему и единому природному рода и благочестия своего защитнику и покровителю, благочестивейшему великому императору всероссийскому, преллагому и человеколюбивому Александру просяще воздвигает руки и с чадским умилением на колена припадающе, отеческого покровительства, защищения и к избавлению помощи всемирнейше просит и молит!

Недостаток только денег и нужного оружия причиною есть, что серби военные свои поступки желанием своим сходно доселе не распространили. Для того оружие для великого числа к всеобщему востанию готовейших и решеннейших сербов, нужное число пушек с искусными к употреблению их артиллеристи, с порохом и прочею провизиею, несколько регулярного воинства и искусных военных мужей и паче всех большое денег количество в состоянии сербов поставило бы в предприятном освобождения деле в скорейшем паче надежды времени пожелательнейше успети. Великая сия и неопенимая помощь сильным своим и возбудительным движением весь народ сербский так ободрит, да основательно предвидеть можно, что все почти турецкие провинции, в которых серби живут, в одном мгновении соединятся срамное и бесчеловечное тиранов иго свергнут.

А между тем необходимо нужно бы было одного российского конзула в Сербию немедленно и явно послать, который бы посредственником и гарантом мира, с добрыми турки деемого, бывал, а и народу сербскому важную утеху присутствием своим приносил бы.

В сие время Австрия многократные важные и истинные рода сербского заслуги не забудет; и серби совершенное пред лицом целыя Европы имеют, по крайней мере, никакогого препятствия от сей стороны не ожидать. И то на сие от сербов австрийскому дому сотворенные заслуги, то на живое участие, которое важная часть рода сербского, в австрийской державе живущего, в нынешних отечества своего надлежателствах имеет, смотря всемогуще заступление, и сильное великого Александра слово бессумненно расположит Австрию на приятельские к Сербии отношения и сербом с Рос-

* Уничтожат (церковнослав.).

сией соответствования чрез Трансильванию путь свободный и безопасный сотворит.

Никогда сербы согласнее об освобождении отечества своего не думали, никогда единодушнее и усерднее, как теперь, не желали божественные, природные и вечные порода, языка и благочестия, между россияны и сербы сущие союзи, политическими, любезнейшими отношениями освятити и будущее свое счастье таким образом на крепком и непоколебимом основании утвердити, которому чтоб в нынешних важных обстоятельствах первая начала положить. Общее всех сербов междувременное желание есть, чтоб Сербия под именем сербского правления либо под иным сходным наименованием, на пример Семи Островов Республики, под прямым и непосредственным России защищением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелася, нуришимо сохраняя донынешнее к султану обязательство принадлежащую ему умеренную дань отдавать и прибавляя к сему новое на упорные ему ребелли всегда воевать. Кажется, что султан, от разных сторон упорными ребелли убежден, в представлении сем верные для себя выгоды увидит и новому сему установлению на конец согласится будет.

Несть жертвы, которую за великое сие и божественное благодетелство всевысочайшему дому всероссийскому, царской сей и любезнейшей Сербии надежд, верныи сербы на чадского благодарения алтарь с восхищением не бы принесли!

Все сие мы только низжайше опомянути вашему сиятельству отважамся. В прочем как всесовершенное в нынешних надлежателствах наших расположение, так и будущих сербских судьбин определение премудрому отеческого всероссийского кабинета провидению полно и безгранично от страны целого народа вручаем и предаем, всепокорнейше просяще на важность и необходимость скорости решения всемилостивейшего и такового народу сербскому нужнейшего немедленного сообщения милостивейшее признание имети и нас в состоянии поставити точное об нас народу известие сотворити мощи.

Всесмирнейшее сие от страны целого рода сербского прошение умиленнейше ваше сиятельство молим всевысочайшей персоны его императорского величества с природным вашему сиятельству человеколюбием поднести и сильным своим заступлением подкрепить, якоже и высокую имеем честь за милостивейшее нас благоприятие чувствительнейшее благодарение от страны целого народа сербского вашему сиятельству засвидетельствовать, нас в будуще[й] щедрой милости и защищению вручить и в глубочайшем высокопочитании непременно пребыти.

Вашего сиятельства всеусерднейшие, вернейшие и покорнейшие служители, полномощные сербского народа депутаты:

Петр Чардаклии Шучуровски, князь албански, воевода и полномощник сербски,

Протоиерей Матей Стефанович Ненадов, полномощник сербски,

Иван Протич Пожаревачки, полномощник сербски,

Федор Филипович Груйов, полномощ[ник] сербски

АВПР, ф. ГА I-8, 1804 г., д. 2, п. 1, л. 16—18. Копия. Основная часть текста опубликована в: ВПР. Сер. 1, т. II, примеч. 121, с. 663—670; Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 192—194.

¹ О тяжелом положении сербского народа пакануне сербского восстания см.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 1; Караџић В. Прва година српског војевања на даије. — Дапца, 1828; Турски извори о српској револуцији 1804 г. Београд: Историчко друштво Народне републике Србије, 1956, књ. 1. Списи царске канцеларије; Историја Београда, књ. 2.

Письмо А. Я. Италинского К. Инсиланти о значении поездки сербской депутации в Россию и с просьбой о содействии ей

3 (15) ноября 1804 г. Буюкдере

Mon prince! Ce n'est pas un manque de confiance envers v. a. qui a pu déterminer le consul Kirico à lui taire la circonstance du passage par Bucorest de la députation serbienne: mais l'ordre du service exigeait de lui de m'informer préalablement de cet objet et de recevoir mes instructions.

Dans la situation des affaires de l'Europe et dans l'incertitude des événements on peut considérer comme une circonstance heureuse que les Serviens aient songé de recourir à la Russie. J'ignore l'accueil qui sera fait à leurs représentations, mais, cependant, connaissant l'intention de la cour impériale de diminuer le nombre des auxiliaires que les Français cherchent à s'assurer dans l'empire Ottoman pour l'exécution de leurs projets contre la Porte, je m'attends que cette occasion de détourner les Serviens d'un tel parti et de tout autre, nuisible aux intérêts de la Porte, sera saisie et que la cour impériale m'adressera des ordres pour leur être utile et remplir le but si important de les attacher à leur souverain.

Je croisais vous faire tort, mon prince, si je vous observais la nécessité de garder le silence envers la Porte sur cette députation, parce que ce serait compromettre ces malheureux habitants. J'aviserais dans l'occasion aux moyens d'amener notre intervention en leur faveur sans les exposer.

Je compte aussi sur votre concours pour assurer leur bien-être, et je me ferai un réel plaisir de vous rendre aussi à cet égard pres la cour impériale la justice que vous méritez à tant de titres.

J'ai l'honneur etc. . .

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 38, л. 116—117. Копия.

Перевод

Князь! Отнюдь не недоверие к вашей светлости побудило консула Кирико умолчать перед Вами об обстоятельствах проезда через Бухарест сербской депутации, но порядок службы требовал от него предварительно поставить меня в известность по этому поводу и получить мои инструкции.

При настоящем положении дел в Европе и переменчивости событий можно считать счастливым обстоятельством то, что сербы задумали прибегнуть к помощи России. Не знаю, как будут приняты их представления, однако, зная намерения императорского двора уменьшить число приверженцев Франции, которых она стремится обеспечить себе в Оттоманской империи для осуществления своих планов против Порты, я ожидаю, что возможность отвратить сербов от подобной или какой-либо другой ориентации, вредной для интересов Порты, будет использована и что императорский двор направит мне распоряжения, дабы быть полезным сербам и исполнить важную задачу — привязать их к их государю.

Полагаю, ваша светлость, что обидел бы Вас, если бы напомнил о необходимости хранить молчание перед Портой об этой депутации, ибо это значило бы скомпрометировать этих несчастных людей. Если представится возможность, я приму меры для осуществления нашего вмешательства в их пользу таким образом, чтобы не подвергать их опасности.

Рассчитываю также на Ваше содействие, чтобы обеспечить их благополучие, и для меня будет истинным удовольствием воздать Вам должное в этом отношении перед императорским двором, чего Вы с полным правом заслуживаете.

Имею честь быть и пр.

Письмо пивского архимандрита Арсения Гаговича Петру I Негошу с просьбой о совете в связи с обращением сербских военачальников к герцеговинцам относительно поддержки их против турок

6 ноября 1804 г. Монастырь Пива

Ваше высокопреосвященство! Нечаянное пришествие господина Ожеговића к нам из России и Сербии принесло мне великую радость с тем еще, что военачальники сербские изволили писать к нам, герцеговцам, увещательное письмо, даби ми восприняли оружия наша противу общего врага вери агарянина и съединились бы с ним, от чего приложению при сем точную копию Вам посылаю на рассуждение Ваше как главному нашему духовному лицу от страны всемилостивейшего государя нашего всероссийского императора. Того ради я без Вашего совета ничего начинать не хочу и не дерзаю, ибо я клялся быть России верен до конца моего, а между тем, ежели Вы что за благо рассудите, то изволите писать на манастир Острог чрез игумена Петрония и упоменутого господина Ожеговића, котори мне исправно и наискорее достать оные будут. Также и господин Ожеговић будет Вас обо всем уведомить, что касается до усердия и привязанности к России наших народов. А вашему высокопреосвященству известно, что ми не имеем лучшего от Вас наставника и благодетеля во всей нации нашей. И как Ви прикажете со страны российской, так ми будемо поступать. Толко и то чисто повторяю, что бесчеловечие и насиллие турецкое, едва до весны здешней народ терпеть будет. А ежели б я между ними не бил и не имели б надежду на бога и на благочестивого всероссийского государя и на Вас, то б еще сего прошлого лета уже сразились с турками, нашими мучителями. Ваша писма примю сам исправно чрез Голуба нашего и покорно благодарствую за оные. Дожидаая одговора от Вас, пребываю с глубочайшим почтением и са таковою преданостию.

Вашего высокопреосвященства всепокорнейши слуга Ерцеговачкия
митрополия архимандрит Арсений

Иоаннов Гагович

Секретар народни Яков Стефанович

[Печать] верно переписал из матице и печатом народниим печатим

АВВР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 6, л. 1—2. Копия, заверенная печатью. Опубл.: Вуксан Д. Политичка писма. . . , с. 353; Праи српски устанак. . . , књ. 1, с. 99—100, док. 46. В названных изданиях текст опубликован с искажениями и пропусками.

Доклад А. А. Чарторыйского Александру I о цели приезда сербской депутации в Петербург и с предложением об оказании сербам денежной и дипломатической помощи

Не позднее 28 ноября 1804 г.*

Прибывшие сюда депутаты славено-сербские¹ в поданном мне письме, у сего подносимом², изъясняют о предмете возложенности на них от народа сербского, который состоит в ходатайстве у высочайшего двора российского о подкреплении их вспомоществованием, воинскими силами, оружием и снарядами, а паче всего денежным, противу бунтующих властей турецких, устремившихся на сокрушение сербов. Они просят о воз-

* Датируется по помете.

такое же съ согласиемъ Соло уоп
перачдено нугачиельствомъ России
и Австрии.

Дачиель Денуаттамъ,
коидъ предполагается отпра
вить обратно, неслучайно
ли будетъ повелеть выдать
какъ на прощанье, такъ какъ
награждение свободна, иль сущи
на Азиатской Департамента
полоченный по нати сою
сероинный кардому.

Виндичи Ретруингъ Аринду
Финансы 1804 г. 28-го числа 1804.
и виндичи 1804 г. 28-го числа.
на 1804 г. 28-го числа
3,000 руб. 1804 г. 28-го числа
каждому 1804 г. 28-го числа
1804 г. 28-го числа 20,000 руб.
• какъ съесть минимално

коидъ. 1804 г. 28-го числа

Последняя страница док. № 31

зрению милосердным оком на бедственное и беспомощное бытие их, излагая притом, что всемерно весь народ сей желает видеть себя устроенным, в особенности в политическом своем существовании под собственным своим управлением наподобие республики Ионической, то есть, чтобы, завяся от Порты и оной платя определенную дань, быть под гарантию России.

Донося о сем, приемлю смелость представить вашему величеству, что при настоящем положении дел единственное вспомоществование, народу сему возможное, состоять может в деньгах, дабы тем поставить их в положение продолжить военные действия, и которое бы возбудило в Порте внимание к необходимости восстановить прежнюю власть ее над сим народом посредством податливости своей на просимые оным преимущества. Между тем же предписать отсюда посланнику нашему Италиискому, чтобы он исподоволь старался благоразумными внушениями расположить министерство турецкое к принятию посредства нашего в том, чтобы дано было славено-сербам какое-либо образование, власть Порты над народом сим вящше обеспечивающее и по возможности жребий оного улучшить могущее.

Если соизволите, ваше величество, сие апробовать, тогда можно будет денежное вспомоществование, которое достаточным я полагаю на первое время из 20 тыс. пиастров, отправить к генеральному консулу в Яссах Болкунову с предписанием, чтоб доставил сумму сию он сербам надежнейшим образом, а из числа 4-х депутатов двух немедленно послать отсюда с извещением словесным к их народу³ о таковых мерах посредничества нашего у Порты и о вспомоществовании, им чинимом, и для внушения, чтоб они до получения отсюда иных направлений продолжали оставаться вооруженными, укрепляясь поколику возможно, отправив притом к Порте, или с нарочными, буде в том не предстоит им опасности, или иным образом прошение, в коем изложить непременно свое намерение пребыть верными его величеству султану, просить о позволении им управляться собственными своими чиновниками с выплачиванием исправно положенной подати. О выводе навсегда из края, ими обитаемого, всех военнослужащих турецких, обязываясь в замену не токмо оберегать тот край от бунтующих, но и истреблять сих и далее в окружных местах, если бы появились там, и в случае войны иметь в готовности до 5 тыс. человек для действия под своим начальником там, где от Порты им повелено будет в Европе, токмо не против Российской державы, им единойверной. И когда Порты на все сие или токмо на некоторые статьи, достаточно уже улучшающие их участь противу прежнего, согласится, тогда просить, чтобы такое ее согласие было утверждено ручательством России и Австрии.

Двум же депутатам, коих предполагается отправить обратно, не благоугодно ли будет повелеть выдать как на проезд, так и на награждение вообще из сумм, на Азиатский департамент положенных, по 500 червонных каждому?

Помета: Составлен рескрипт министру финансов ноября 28-го дня 1804 г. об отпуске товарищу м[инистра] и[ностранных] д[ел] на известное употребление 3 тыс. гол[ландских] червонных, которые надлежать будут к доставлению сербам вместо 20 тыс. пиастров, о коих здесь упоминается.

АВВР, ф. ГА I-8, 1804—1806 гг., д. 2, п. 1, л. 11—15. Копия. Опубл.: ВПР. Сер. I, т. II, с. 203—204.

¹ Сербская депутация в составе Петра Новаковича Чардаклии, протоиерея Матии Ненадовича, Иована Протича и присоединившегося к ним в Харькове профессора Федора Филиповича (Божидара Груйовича) прибыла в С.-Петербург в последних числах октября. 3 ноября 1804 г. депутаты составили свое прошение (см. док. № 28) и передали его А. А. Чарторыйскому. Ознакомившись с содержанием прошения, Чарторыйский, прежде чем доложить о нем царю, счел необходимым запросить мнение лиц, которые

были в курсе политических событий в Сербии. Наиболее обстоятельный анализ ситуации в Сербии был сделан В. Н. Каразиным, который изложил свою точку зрения сначала в письме от 21 ноября 1804 г., а затем в особом проекте от 28 ноября 1804 г. (Сведения о Каразине и его проекте см.: *Достян И. С.* Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. — Советское славяноведение, 1970, № 5, с. 15—19). В письме от 21 ноября 1804 г. Каразин писал Чарторыйскому, что цель сербской миссии, по его мнению, следует расценивать как просьбу о незамедлительной помощи. Однако при существующей политической ситуации открытая помощь восставшим сербам не смогла бы представить какой-либо «действительности, помимо компрометации так или иначе наших [русских. — В. Г.] отношений с Портой и вероятно также с Австрией». Но в то же время русское правительство и царь, продолжает далее автор письма, не должны «... оставить своих несчастных собратьев на милость самого пагубного бича». Поэтому, чтобы не давать повода для беспокойства другим заинтересованным державам, русское правительство, по мнению Каразина, должно ограничиться молчаливым одобрением восстания, которое способно оказать благоприятное воздействие на сербов (АВПР, ф. Капцелярия, 1804 г., д. 5074, л. 1—2; Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1910, с. 35—40).

Предложенный Каразиным план помощи сербским повстанцам был согласован с Чарторыйским, но не был одобрен Александром I. Несмотря на это, некоторые из предложенных Каразиным идей все же нашли частичное отражение в публикуемом докладе Чарторыйского и в практической деятельности русских дипломатов.

² См. док. № 28.

³ В середине декабря 1804 г. Матия Ненадович и Иован Протич отправились обратно в Сербию, а Петр Новакович и Федор Филипович продолжали оставаться в С.-Петербурге для разработки и уточнения плана взаимодействия сербских повстанцев с русскими дипломатами в Константинополе, Яссах, Бухаресте и других городах Османской империи. Каждому из депутатов на обратный проезд и в качестве награждения из казны было пожаловано по 500 червопцев, а в счет истраченных ими на проезд из Сербии в С.-Петербург дополнительно было выдано по 300 червопцев каждому (подробнее об этом см.: *Вукићевич М.* Карађорђе, кн. 2, с. 198, 635).

№ 32

Депеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с инструкцией дать совет турецкому правительству о предоставлении сербам привилегий и о переговорах с ним по вопросам турецко-французских отношений

4 декабря 1804 г.

Le court intervalle entre l'arrivée de vos rapports du 17 (19)¹ et 18 (30)² octobre dernier et le départ de la poste précédente ne m'ayant pas permis de répondre avec précision sur des articles, sur lesquels le ministère turc avait demandé vos explications, je vais m'en acquitter par la présente. Avant, cependant, que d'entrer dans ces détails, je me fais plaisir, Monsieur, de vous informer que l'empereur a pleinement reconnu la justesse des raisonnements et des observations que vous exposez dans vos rapports susmentionnés et qui répondent entièrement à la façon de penser de s. m. i., tant par rapport à la nécessité d'entretenir la Porte dans le système qu'elle a suivi jusqu'à présent, que sur les avantages qui en résulteront pour la Russie. S. m. approuve toutes les démarches que vous avez faites en conséquence et désire que vous agissiez toujours dans le même sens avec votre zèle, prudence et activité accoutumés.

Les sentiments de s. m. i. à l'égard de l'empire Ottoman et de son souverain sont déjà trop connus pour qu'il soit nécessaire de s'étendre ici en des protestations nouvelles à ce sujet. Sa hauteur doit avoir une confiance illimitée dans l'amitié sincère et le puissant appui de s. m. i. et ne point s'intimider des menaces du gouvernement français. Il n'emploierait pas ces menaces, si à l'aide de ses forces il était à même de réduire la Porte Ottomane à se soumettre aux lois qu'il veut lui dicter et dont elle saura sans doute

se garantir en restant attachée à ses alliés. L'empereur, aussi sensible à la déférence que le sultan témoigne à ses conseils salutaires, que satisfait de sa conduite vis-à-vis les Français n'épargnera rien pour soutenir la dignité et les intérêts d'un aussi fidèle allié de la Russie. Telle est la véritable façon de penser de notre auguste maître qui vous autorise d'en faire part par l'entremise du ministère turc à sa hauteesse, afin de l'encourager à opposer une fermeté soutenue au gouvernement français et à se prémunir contre ses projets. Ce n'est pas par des complaisances que ce souverain parviendra à les rendre nuls; mais par son énergie, par son accord avec ses alliés et les mesures qu'il prendrait en conséquence.

Cette déclaration franche et les sentiments, que je viens d'énoncer de notre auguste maître, doivent donner la certitude au ministère turc que c'est la plus entière sincérité qui dictera la réponse que vous êtes chargé de lui participer sur les cinq points sur lesquels il voulait être éclairci.

Le premier concerne le désir du grand seigneur de ne pas s'exposer à une guerre avec la France pour le seul refus d'accorder le titre d'empereur à Bonaparte. Ce serait très juste, si la concession de ce titre n'entraînerait pas inmanquablement la Porte à accéder à d'autres demandes, aussi graves que difficiles, et qui rendraient sa situation encore plus embarrassante qu'elle ne l'est à présent. Si elle fait cette reconnaissance avant d'en convenir préalablement avec ses alliés, elle doit renoncer à l'espoir que les troupes françaises se retirent de cette partie de l'Italie qui est voisine des Etats turcs et ne plus s'attendre d'obtenir que le gouvernement français modère ses prétentions énormes sur les indemnités qu'il exige et auxquelles, selon toute justice, la Porte a plus de droit que lui, qui était l'agresseur; enfin, elle se mettrait par là dans l'impossibilité de pouvoir traiter avec la France comme puissance égale. Plus le ministère ottoman montrera de faiblesse et sera complaisant à son égard, en témoignant par conséquent moins de confiance en ses alliés, plus la France voudra profiter de sa facilité en augmentant ses demandes inadmissibles. La reconnaissance donc, qu'on exige de la Porte du nouveau titre de Bonaparte, ne doit pas être considérée comme une prétention de peu de conséquence. L'empereur est trop juste et trop intéressé au bien-être de l'empire Ottoman pour insister que cette monarchie s'expose à une guerre pour le seul refus d'un titre; mais il s'agit des suites importantes qui en résulteraient infailliblement, et s. m., en vrai ami et fidèle allié de sa hauteesse, lui conseille de ne pas s'y prêter jusqu'à ce que tout sera préparé pour forcer le gouvernement français à l'arrangement d'un ordre des choses qui puisse garantir la sûreté de l'empire Ottoman et celle de toutes les puissances, dont les Etats se trouvent les plus exposés aux empiétements et oppression de la France. S. m. i. se flatte même que dès la conclusion de notre nouveau traité d'alliance, la Porte contribuera de son côté au rétablissement de cet ordre des choses, en employant des moyens qui seront indiqués et concertés avec elle. La manière, dont l'empereur des Ottomans a fait répondre sur l'affaire de la reconnaissance, ne fournit aucun prétexte au gouvernement français de lui déclarer la guerre; s'il le fait, c'est qu'il était déjà déterminé à le faire, à moins que sa hauteesse ne s'abandonne entièrement à sa disposition et ne se mette dans la même ligne que la Hollande, l'Italie et autres Etats indépendants que Bonaparte traite plus mal encore que ses propres provinces. En accordant le titre en question, la Porte donnera une preuve sûre au gouvernement français, que la peur qu'elle a de lui est au-dessus de toutes les considérations qui l'ont retenue jusqu'ici d'y consentir, et le gouvernement français, enhardi par le succès de ses menaces, ne manquera pas de lui faire les propositions les plus coûteuses et accablantes, soit en imposant des réquisitions et des emprunts

forcés, comme il le fait dans tous les pays où il domine, soit par autres demandes semblables, par lesquelles l'empire Ottoman serait rayé de la ligne des puissances indépendantes, ce qui est le but principal et le projet favori de Bonaparte. Mais quand même il différerait encore pour quelque temps l'exécution de ses funestes desseins, le ministère turc croirait-il, en lui accordant le titre d'empereur, de l'engager à modérer ses énormes prétentions sur les indemnités qu'il réclame, d'obtenir son consentement pour la réforme du tarif et de le porter à s'abstenir d'agir envers l'empire Ottoman avec cette prépotence dont il use jusqu'à présent? A juger par l'absurde assertion que Brune a voulu soutenir, que le traité de Paris annule celui de l'alliance avec la Russie, la Porte doit s'attendre que dès qu'elle aura accordé le titre d'empereur à Bonaparte, il prétendra qu'elle s'allie avec lui et renonce à ses autres alliances; ce qui la mettra dans l'alternative de se déclarer ou contre lui, ou contre la Russie et l'Angleterre. D'après toutes ces considérations, s. m. i. dans sa sollicitude de préserver les puissances, qui n'ont pas encore plié sous le joug de la France, de préserver surtout la sûreté de la Porte, et comme son ami sincère, lui conseille de se tenir ferme à la réponse qu'elle a déjà donnée au gouvernement français au sujet de la reconnaissance en question et de lui déclarer, qu'en vertu de ses engagements avec la Russie et l'Angleterre, elle ne peut l'accorder qu'à la paix générale, lorsque la sûreté de toute l'Europe sera rétablie, et que particulièrement celle de l'empire Ottoman aura été assurée par la sortie des troupes françaises de l'Italie. En suivant ce conseil, la Porte pourra compter avec confiance que quelque tournure que prennent les affaires, la Russie fera cause commune avec elle pour opposer une vigoureuse résistance aux entreprises de la France contre les Etats turcs, jusqu'à ce que leur indépendance et leur intégrité soient pleinement assurées³.

Sur le second point qui est d'établir une croisière dans l'Adriatique, vous ferez savoir au ministère turc qu'indépendamment de la petite escadre de deux vaisseaux de ligne et autant de frégates, qui a été expédiée d'ici pour cette mer, et des vaisseaux qui se trouvent aux îles Ioniennes, on enverra, si la Porte le veut, encore quelques vaisseaux de nos ports de la mer Noire; mais qu'il est à désirer qu'elle augmente aussi quelques frégates à celles qu'elle tient dans l'Adriatique et qu'en rappelant le plus tôt possible Schermet bey, reconnu pour partisan zélé des Français, elle confie le commandement en chef de ses forces navales dans cette mer à un officier de mérite et sur la fidélité duquel elle puisse compter.

Sur le troisième point touchant le passage de l'armée française à travers les Etats autrichiens, vous assurerez le reis-effendi, que connaissant la façon de penser de la cour de Vienne, nous ne saurions seulement concevoir la possibilité qu'elle y puisse consentir. Elle sait par expérience que les Français s'érigent en maîtres partout où ils sont entrés, y vivent de réquisitions et ne quittent le pays sans lui imposer des lois avilissantes. Nous sommes donc fondés à croire que l'Autriche préférera plutôt la guerre avec la France, que d'accorder le passage aux armées françaises par ses Etats, et qu'elle n'y pourrait consentir sans faire cause commune avec la France contre la Porte et ses alliés, ce qui n'est nullement à supposer. Si cependant contre toute attente et probabilité cela arrivait, s. m. i. emploiera tous les moyens qui sont à sa disposition pour défendre efficacement les Etats turcs.

Sur le quatrième point concernant le renouvellement de l'alliance avec la Porte, vous êtes à même de participer à présent au ministère ottoman les déterminations les plus positives de l'empereur à cet égard. S. m. y aurait déjà procédé depuis longtemps, si elle n'avait pas cru devoir consulter la cour de Londres sur les changements à faire aux stipulations de l'alliance exi-

stante, afin de les adapter aux circonstances actuelles. Toutefois la difficulté de communications avec l'Angleterre dans cette saison ne nous a pas permise encore de recevoir les réponses nécessaires de Londres, et l'empereur, pleinement assuré de bonnes dispositions de s. m. britannique à l'égard de la Porte, a fait dresser sans plus de délai le projet de nouvelles stipulations que je vous enverrai accompagné de pleins pouvoirs et d'instructions, si ce n'est par la poste d'aujourd'hui, ce sera par un courrier extraordinaire que j'expédierai incessamment.

Sur le cinquième point qui concerne la mise à exécution du nouveau tarif, vous observerez au ministère turc que quoiqu'en vertu de nos traités l'empereur ait eu le droit d'insister sur le maintien du tarif de 1783, son amour pour la justice, son amitié pour le sultan et son désir de contribuer autant qu'il est en lui aux avantages de l'empire Ottoman, l'ont porté à consentir à ce que l'ancien tarif soit refait conformément au prix actuel des marchandises, sans toutefois nuire aux intérêts de ses propres sujets. Le ministère turc ne saurait ne pas convenir cependant, qu'il serait contraire à la dignité de la Russie que ce nouveau tarif fût mis à exécution à l'égard des sujets russes, avant qu'il ne fût adopté par d'autres puissances, et notamment par la France, et que les sujets russes éprouvassent des désavantages notables en payant des droits plus onéreux que les autres nations. Considérant cependant que le gouvernement français, en s'éloignant de se prêter à la juste demande de la Porte pour la réforme du tarif, ne suit en cela que le principe, qu'il avait adopté, de prédominer sur toutes les autres nations, de chicaner la Porte et de se prévaloir de tout objet susceptible de contestation, afin de créer des griefs pour justifier ses projets perfides, s. m. i., voulant toujours agir en ami loyal de sa hauteesse, consent que le nouveau tarif soit mis à exécution, mais sous les conditions suivantes: que la Sublime Porte s'engage formellement par une note officielle signée du grand visir qu'elle obligerait dès à présent les commerçants français, qui trafiquent dans ses Etats, de payer les droits de douane, tant pour les marchandises qu'ils importent dans les Etats ottomans, que pour celle qu'ils en exportent d'après le nouveau tarif stipulé pour les commerçants russes; que ce tarif commencerait à avoir son effet à l'égard des commerçants russes du moment que les Français payeront les mêmes droits, ou que pour le moins ils seront obligés de mettre en dépôt dans le trésor des douanes de la Porte le montant des droits d'après le susdit tarif jusqu'à ce que le gouvernement français accède à refaire le sien sur le même pied; que dans le cas que cela n'aurait pas lieu tout au plus tard à la paix générale, la Russie rentrera dans les droits du tarif de 1783 et qu'au cas que la Porte s'appropriât alors l'argent qu'elle aura reçu pour les droits des douanes sur les marchandises des commerçants français pendant tout l'intervalle depuis la mise à exécution du nouveau tarif jusqu'à la reprise de l'ancien, la Russie n'exigerait pas non plus la restitution des sommes que dans le même intervalle aura versé au trésor de la Porte la perception des droits de douane sur les marchandises des commerçants russes, au-dessus du taux de l'ancien tarif. L'empereur se flatte que la Sublime Porte reconnaîtra la justesse des conditions sous lesquelles il se prête à satisfaire à son désir, et qu'elle ne voudra pas se prévaloir de la condescendance de s. m. i. pour déroger aux droits et privilèges qu'ont les commerçants russes de jouir de tous les avantages accordés aux nations les plus favorisées dans l'empire Ottoman.

Quant aux mesures de précaution pour le cas d'une attaque de la part des Français, indépendamment de celles que s. m. i. a déjà prises pour garantir les îles Ioniennes, il est instant de convenir mutuellement des autres, qui seraient à employer dans les mers et territoires de la domination de la

Porte. En attendant elle devrait fixer son attention la plus sérieuse à l'effet de mettre dans le meilleur état de défense toutes les forteresses en Morée et sur côte Adriatique et particulièrement celles des Dardanelles, pour garantir sa capitale d'une surprise en cas que la flotte de Toulon échappât à la vigilance de l'escadre anglaise. A juger par l'emportement et la rage de Bonaparte de voir ses projets contre l'empire Ottoman traverser par tant d'obstacles, il n'est pas hors de probabilité que parmi les différentes directions qu'à tout événement la flotte de Toulon doit prendre en sortant en mer, une des principales ne soit celle d'aller droit à Constantinople pour forcer la Porte à souscrire aux conditions les plus avilissantes et les plus oppressives et à lui faire payer des contributions énormes. Vu l'extrême négligence de la Porte à garder les Dardanelles, ce projet peut être envisagé comme le plus facile à exécuter, et sans doute comme plus décisif par ses suites ⁴.

Une des mesures dont le ministère turc pourrait s'occuper le moins, quoiqu'elle soit d'une importance majeure, c'est, comme vous l'avez très bien remarqué aux plénipotentiaires ottomans, de garantir ses sujets chrétiens de la tyrannie et oppression de ses gouverneurs et de tâcher par une administration sage et modérée de rendre leur état supportable, afin qu'ils restent attachés à leur souverain. Il est certain que moyennant cette précaution, la Porte rendrait ses provinces florissantes, améliorerait ses finances et pourrait compter sur la fidélité de ces sujets, qu'elle a le malheur d'envisager comme ses ennemis et qui, par le désespoir que leur état pénible leur inspire, sont prêts à prendre le parti du premier venu qui leur promettrait de les rendre libres. On conçoit bien que la Porte ne peut pas, d'abord et d'un trait, détruire tous les inconvénients de son administration et établir un ordre qui conviendrait à ses intérêts; mais il y a des abus auxquels il serait facile de remédier et dont la cessation lui prouverait l'utilité qui résulterait pour elle de traiter avec plus d'humanité ses sujets chrétiens. Elle a à présent un grand exemple des effets de la tyrannie de ses commandants dans l'insurrection des Serviens. Cette nation lui est réellement attachée, et le ministère turc connaît les motifs qui l'ont portée à s'insurger contre ses tyrans. Les Serviens ne demandent pas mieux que de rester soumis et fidèles sujets de la Porte, pourvu qu'elle leur accorde des conditions qui les mettent à l'abri de la tyrannie des commandants turcs. Ne pouvant pas se fier, qu'en rentrant dans leurs foyers, ils soient en sûreté contre la vengeance des préposés de la Porte, qui ne les voient jamais sans jalousie en état de défense, ils ont demandé l'intervention de la cour de Vienne, ainsi que de la nôtre. Ils ont envoyé à cet effet, au nom de toute leur nation, quatre députés, qui sont dernièrement arrivés ici pour solliciter les représentations amicales de s. m. i. auprès de sa hauteesse, afin d'obtenir que leur sort soit assuré. Par le langage et la façon de penser de ces députés nous avons eu lieu de nous convaincre encore davantage de l'attachement de leur nation à la Porte. Vous ne lui ferez point mystère de l'arrivée de ces députés chez nous, pour qu'elle ne s'imagine pas que leur envoi a été provoqué par notre cour, et vous l'assurerez que l'empereur, très éloigné de s'ériger protecteur des sujets turcs, ni de s'immiscer dans les affaires intérieures de cet empire, compte cependant pour un devoir d'amitié de donner le conseil à sa hauteesse de s'attacher cette nation en lui accordant des privilèges qui la mettrait à l'abri des tyrannies et des vexations qu'elle a souffertes jusqu'à présent. Les Serviens augmenteraient les revenus de la Porte et même ses forces militaires. Ils seraient contents de lui payer chaque année quelques centaines de bourses, indépendamment de leur tribut et autres revenus de leur province, pourvu qu'ils soient sous l'administration d'un gouverneur de leur

nation, et que les autres employés soient également choisis parmi eux, à peu près comme en Moldavie et en Valachie, mais avec cette différence que la conservation de leurs privilèges n'aura d'autre garant que la loyauté de grand seigneur et qu'ils seront obligés, en cas de guerre, de lui fournir un nombre de troupes proportionné à leur population et à leurs facultés financières. Cette mesure serait d'une grande utilité à la Porte et elle ne devrait pas la négliger dans les circonstances actuelles. Au reste, en donnant ces conseils amicales, vous aurez soin de ne pas laisser au ministère turc le soupçon que notre cour veuille se mêler des affaires domestiques de la Turquie ou qu'elle ait quelque arrière-pensée dans cette affaire. Nous n'aurions seulement pas parlé de tout cela, si nous n'avions pas craint, en gardant le silence sur l'arrivée des députés serviens, de donner des motifs à la Porte de nous supposer quelque intelligence secrète avec cette nation.

Avant de terminer cette dépêche, je reviens encore au désir de la Porte que nous contribuions aux mesures de précaution pour la défense de ses Etats. Il est instant, comme je l'ai dit plus haut, qu'elles soient concertées entre les deux puissances. S. m. i. n'est pas éloignée d'envoyer encore quelque troupes à Corfou et quelques vaisseaux dans l'Adriatique, et en outre de tenir prête sa flotte dans la mer Noire et une armée sur ses frontières, pour être employées à garantir l'empire Ottoman; mais il faut que celui-ci augmente aussi ses mesures de défense sur tous les points les plus exposés à l'invasion que la Porte a raison de redouter des Français, qu'elle prépare surtout des magasins entre le Danube et les contrées pour lesquelles, en cas de besoin, elle pourrait demander l'envoi de nos secours. Telles sont les idées préalables que S. m. i. juge nécessaire que vous communiquiez au ministère turc, qui n'a qu'à nous indiquer de son côté celles qu'il croirait convenables, afin que nous puissions réciproquement nous entendre et nous régler selon les circonstances.

Je suis. . .

Резолюция Александра I: Быть по сему. Декабря 1-го дня 1804 г.

Помета: Подписана и отправлена с турецкою почтою декабря 4-го дня 1804 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, л. 480—511 об. Отпуск. Частично опубликовано: Вукићевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 196—197.

Перевод

Краткий промежуток между прибытием Ваших донесений от 17 (29)¹ и 18 (30)² октября сего года и отъездом предшествующей почты не позволил мне должным образом ответить на вопросы, по которым турецкое министерство просило Ваших разъяснений; исполняя это в настоящей депеше. Однако прежде чем войти в детали, с удовольствием сообщаю Вам, что император полностью признал справедливость доводов и соображений, изложенных в Ваших вышеупомянутых донесениях; они полностью соответствуют образу мыслей его императорского величества в отношении необходимости удерживать Порту в системе, которой она придерживалась до последнего времени, и выгод, которые получат от этого Россия. Его величество одобряет, следовательно, все сделанные Вами демарши и желает, чтобы Вы действовали всегда в том же духе с обычными для Вас усердием, осмотрительностью и активностью.

Чувства его императорского величества в отношении Оттоманской империи и ее государя слишком хорошо известны, чтобы надобно было вновь распространяться по этому вопросу. Его высочеству следовало бы проявить безграничное доверие к искренней дружбе и могучей поддержке его императорского величества и не пугаться угроз французского правительства. Оно не осуществит своих намерений, если даже попытается вынудить Оттоманскую Порту подчиниться законам, которые ему захотелось бы ей продиктовать, а от этого Порты могла бы себя обезопасить, оставаясь верной своим союзникам. Император, признательный за внимание, которое проявляет султан к его благодетельным советам, и удовлетворенный его позицией в отношении французов, не пожалеет ничего, дабы поддержать достоинство и интересы столь верного союзника России. Таков подлинный образ мыслей нашего августейшего повелителя, который уполномочивает Вас уведомить об этом через турецкое министерство его высоко-

чество, дабы побудить его выступать с непоколебимой твердостью против французского правительства и оградить себя от его проектов. Не услужливостью, а энергией, своим согласием с союзниками и мерами, которые он соответственно предпримет, этот государь сможет свести эти проекты к нулю.

Такое откровенное заявление о чувствах нашего августейшего государя, сделанное мною, должно убедить турецкое правительство в том, что только полная искренность подсказывает ответ по пяти пунктам, который доверится Вам ему изложить и по которому оно пожелало получить разъяснения.

Первый пункт касается желания великого государя не вступать в войну с Францией только лишь из-за отказа признать за Бонапартом титул императора. Было бы весьма правильно, если уступка в отношении титула неотвратно не привела бы Порту к уступкам другим требованиям, столь же серьезным, сколь затруднительным, которые сделали бы ее положением еще более сложным, чем сейчас. Если она пойдет на это признание до предварительной договоренности с союзниками, тогда ей придется отказаться от надежды, что французские войска выйдут из той части Италии, которая соседствует с турецкими владениями, и она не сможет более надеяться на то, что французское правительство умирит свои огромные претензии на возмещение, на которое по всей справедливости Порты имеет большее право, чем правительство, являющееся агрессором. Наконец, Порты поставила бы тем самым себя в положение, когда она уже не сможет вести переговоры с Францией как равноправная держава. Чем больше слабости проявит оттоманское правительство и чем более услужливым будет оно в отношении Франции, свидетельствуя тем самым меньшее доверие к своим союзникам, тем больше захочет Франция воспользоваться своими возможностями, увеличивая свои и без того чрезмерные требования. Признание нового титула Бонапарта, которого требуют от Порты, не может быть рассматриваемо как претензия с малыми последствиями. Император слишком справедлив и слишком заинтересован в благосостоянии Оттоманской империи, чтобы настаивать на том, чтобы эта монархия подвергалась опасности войны лишь вследствие отказа признать титул императора. Но речь идет о важных последствиях, которые, несомненно, явятся результатом подобного шага, и его величество, как подлинный друг и верный союзник его высочества, советует не идти на это до того, как будет все подготовлено, дабы принудить французское правительство к установлению такого порядка, который мог бы гарантировать безопасность Оттоманской империи и всех держав, чьи владения наиболее подвержены унижению и угнетению со стороны Франции. Его императорское величество льстит себя надеждой, что после заключения нашего нового договора о союзе Порты внесет со своей стороны вклад в установление порядка, используя те средства, которые были бы выявлены и согласованы с ней. То, как оттоманский император повелел ответить по вопросу о признании, не дает французскому правительству никакого предлога для объявления войны. Если оно сделает это, то значит, что оно уже решилось поступить так, если только его высочество не откажется полностью от своей позиции и не займет ту же позицию, что и Голландия, Италия и другие независимые государства, с которыми Бонапарт обращается еще хуже, чем с собственными провинциями. Признавая упомянутый титул, Порты предоставит французскому правительству убедительное доказательство того, что страх, питаемый ею перед ним, превыше всех соображений, которые заставляли до сих пор не соглашаться на признание, и французское правительство, воодушевленное успехом своих угроз, не преминет предъявить ей самые тягостные и обременительные требования в виде ли реквизиций или принудительных займов, что оно сделало во всех странах, где господствует, или же в виде других подобных требований, в результате которых Оттоманская империя окажется вычеркнутой из рядов независимых держав, что и является главной целью и излюбленным приемом Бонапарта. Но даже, если он отложит на некоторое время осуществление своих злокозненных замыслов, то рассчитывает ли турецкое правительство, соглашаясь признать за ним титул императора, склонить его тем самым умирить его претензии на требуемое им возмещение, получить его согласие на реформу тарифа и убедить его отказаться действовать в отношении Оттоманской империи с высокомерием, проявляемым им до настоящего времени? Если судить по абсурдному утверждению, которое желал поддерживать Брюн, что парижский договор аннулирует договор о союзе с Россией, то Порты должна ожидать, что как только она признает императорский титул Бонапарта, он потребует, чтобы она вступила в союз с ним и отказалась от других союзов; это поставит ее перед выбором: либо выступить против него, либо — против России и Англии. Согласно всем этим соображениям, заботясь о том, чтобы сохранить страны, которые еще не подпали под иго Франции, и особенно, чтобы оградить безопасность Порты, его императорское величество в качестве ее искреннего друга советует ей твердо держаться ответа, данного ею французскому правительству по вопросу о признании, и заявить ему, что в силу обязательств перед Россией и Англией она может согласиться на это лишь в обстановке всеобщего мира, когда спокойствие всей Европы будет восстановлено и в частности будет обеспечена безопасность Оттоманской империи путем вывода французских войск из Италии.

Следуя этому совету, Порта может с уверенностью рассчитывать, что какой бы оборот не приняли дела, Россия будет вместе с ней, дабы противопоставить мощное сопротивление прояскам Франции против турецких владений вплоть до полного обеспечения их независимости и целостности³.

По второму вопросу, касающемуся введения крейсерства в Адриатике, Вы дадите понять турецкому министерству, что, помимо небольшой эскадры из двух линейных кораблей и такого же числа фрегатов, которая была послана отсюда в это море, и судов, находящихся в водах Ионических островов, если Порта того пожелает, будет послано еще несколько кораблей из наших портов Черного моря. Однако желательно, чтобы она также добавила несколько фрегатов к тем, которые она содержит в Адриатике, и, отозвав возможно скорее Шермет-бей, известного как горячего сторонника французов, доверила главное командование своими морскими силами на этом море достойному офицеру, на верность которого она могла бы полагаться.

По третьему пункту, касающемуся прохода французской армии через австрийские владения, Вы заверите реис-эфенди, что, зная образ мыслей великого двора, мы не можем даже представить возможность, чтобы он мог на это согласиться. Венский двор знает по опыту, что французы становятся хозяевами повсюду, куда они вошли, живут там поборами и не оставляют страны, не навязав ей унизительных законов. Мы поэтому имеем основание думать, что Австрия скорее предпочтет войну с Францией, нежели предоставит проход французским армиям через свои владения, и она не могла бы согласиться на это, не убедившись с Францией против Порты и ее союзников, что невозможно предположить. Если, однако, вопреки всем ожиданиям и вероятностям, это произойдет, то тогда его императорское величество использует все имеющиеся в его распоряжении средства, дабы эффективно защитить турецкие владения.

По четвертому пункту, касательно возобновления союза с Портой, Вам следует также сообщить теперь оттоманскому министерству о самых позитивных решениях императора по этому вопросу. Его величество давно приступил бы к этому, если бы не полагал своим долгом посоветоваться с лондонским двором относительно изменений, которые надлежит сделать в положениях существующего договора о союзе с тем, чтобы он соответствовал нынешним условиям. Сложность сообщений с Англией в настоящее время года еще не позволяет нам получить необходимый ответ Лондона, и император, полностью уверенный в добром расположении его британского величества к Порте, повелел пезамедлительно составить проект новых статей, которые направлю Вам вместе с полномочиями и инструкциями, если не с нынешней почтой, то с чрезвычайным нарочным, которого я немедленно пошлю.

По пятому пункту, который касается введения нового тарифа, Вы заметите турецкому министерству, что, хотя в силу наших договоров император имел бы право настаивать на сохранении тарифа 1783 г., его любовь к справедливости, его дружба с султаном и его желание елико возможно содействовать Оттоманской империи склонили его к тому, чтобы старый тариф был пересмотрен в соответствии с нынешними ценами товаров, без ущерба при этом интересам его собственных подданных. Турецкое правительство не может, однако, не согласиться, что было бы противно достоинству России, чтобы новый тариф был введен в отношении российских подданных до того, как он будет принят другими державами и, в частности, Францией, чтобы российские подданные испытывали ощутимый ущерб, выплачивая более крупные пошлины, чем другие нации. Учитывая, однако, что французское правительство, уклоняясь от ответа на справедливое требование Порты о пересмотре тарифа, руководствуется усвоенным им принципом превосходства над всеми другими нациями, сужайничества по отношению к Порте и навязывания своей воли во всем, что можно оспорить, дабы создать повод для оправдания своих вероломных проектов, его императорское величество, неизменно желая действовать в качестве верного друга его высочества, соглашается, чтобы новый тариф был введен. Однако он выдвигает следующие условия: Блистательная Порта в официальной ноте, подписанной великим визирем, примет на себя обязательство в том, что отныне она будет принуждать французских коммерсантов, торгующих в ее государствах, выплачивать таможенные пошлины как за ввозимые ими в оттоманские владения товары, так и за экспортируемые ими по повому тарифу, установленному для российских коммерсантов; что этот тариф вступает в действие в отношении российских коммерсантов тогда, когда французы станут платить такие же пошлины или, по меньшей мере, будут вынуждены вносить залог в таможенную казну Порты в сумме пошлин по указашому тарифу до тех пор, пока французское правительство не согласится пересмотреть свой тариф на тех же основаниях; что в случае, если этого не последует самое позднее до всеобщего замирения, то Россия вернется к пошлинам тарифа 1783 г., и если Порта присвоит деньги, полученные в виде таможенных пошлин на товары французских торговцев в течение периода от введения в действие нового тарифа до возврата к старому, Россия также не потребует возмещения сумм, внесенных в казну Порты в течение того же периода в виде таможенных пошлин на товары российских торговцев, сверх сборов по старому тарифу. Император льстит себя надеждой,

что Блистательная Порты признаёт справедливость условий, на которых он готов удовлетворить ее желание, и что она не захочет злоупотреблятьнисходительностью его императорского величества, чтобы нарушить права и привилегии российских коммерсантов пользоваться всеми преимуществами, предоставленными некоторым нациям в Оттоманской империи.

Что касается мер предосторожности на случай нападения со стороны французов, помимо принятых уже его императорским величеством, чтобы защитить Ионические острова, то настоятельно необходимо взаимно условиться о других мерах, которые могли бы быть осуществлены на морях и территориях, находящихся под господством Порты. Тем временем она должна была бы сосредоточить свое самое серьезное внимание на том, чтобы привести в наилучшее состояние обороны все крепости в Мореи и на Адриатическом побережье, и особенно в Дарданеллах, чтобы оградить свою столицу от неожиданности в случае, если тулонский флот ускользнет от бдительности английской эскадры. Если принять во внимание вспыльчивость и ярость Бонапарта при виде того, как его проекты в отношении Оттоманской империи встречают столько препятствий, не исключено, что среди различных направлений, какие тулонский флот должен избрать при любых обстоятельствах при выходе в море, главным должен быть путь на Константинополь, чтобы вынудить Порту согласиться на самые унижительные и стеснительные условия и заставить ее выплатить огромную контрибуцию. Учитывая крайнюю беспечность Порты в деле охраны Дарданелл, такой проект может рассматриваться как наиболее легкий для исполнения и, несомненно, наиболее важный по последствиям⁴.

Одной из мер, о которой турецкое правительство менее всего заботится, хотя она и имеет решающее значение, является, как Вы очень хорошо заметили оттоманским уполномоченным, ограждение его христианских подданных от тирании и угнетения со стороны его наместников и стремление посредством разумного и умеренного правления сделать терпимыми их положение, дабы они оставались приверженными своему государю. Несомненно, что применяя такую предосторожность, Порта сделала бы свои провинции процветающими, улучшила бы свои финансы и могла бы полагаться на верность своих подданных, которых она, к несчастью, рассматривает как своих врагов и которые в отчаянии, порожденном их тяжелым положением, готовы взять сторону первого пришедшего, который пообещает им освобождение. Попятно, что Порта не может вдрут и разом уничтожить все недостатки своей администрации и установить порядок, отвечающий ее интересам. Но есть злоупотребления, которые было бы легко устранить, прекращение их доказало бы Порте пользу от более гуманного обращения со своими христианскими подданными, и сербское восстание для нее — яркий пример последствий тирании ее правителей. Эта нация предана ей на деле, и турецкое правительство знает мотивы, приведшие ее к восстанию против тиранов. Сербь не просят ничего, кроме как иметь возможность оставатьсянокорными и верными подданными Порты, если только она предоставит им условия, ограждающие их от тирании турецких правителей. Не имея возможности положиться на то, что, разойдясь по домам, они будут защищены от мести надсмотрщиков Порты, которые ревниво наблюдают за их оборонительными мерами, они попросили о вмешательстве со стороны венского, а также нашего дворов. С этой целью они послали от имени всей своей нации четырех депутатов, которые недавно прибыли сюда, дабы ходатайствовать о дружественных представлениях его императорского величества перед его высочеством, чтобы добиться обеспечения своей судьбы. Язык и образ мыслей этих депутатов дали нам еще раз основание убедиться в приверженности их народа к Порте. Вы не будете делать какой-либо тайны из прибытия к нам депутатов, дабы Порта не подумала, что их посылка была спровоцирована нашим двором, и Вы заверите ее, что император, весьма далекий от желания делать себя покровителем турецких подданных и вмешиваться во внутренние дела этой империи, считает, однако, по долгу дружбы необходимым дать совет его высочеству привлечь к себе этот народ, предоставив ему привилегии, ограждающие его от тирании и притеснений, которые он терпел до настоящего времени. Сербь увеличили бы доходы Порты и даже ее военные силы. Они были бы рады вышачивать ей ежегодно сотни мешков пиастров, помимо податей и других доходов от их провинции, если только они будут находиться под управлением губернатора их национальности и другие чиновники будут равным образом выбраны из их среды, почти как в Молдавии и Валахии, но с той только разницей, что сохранение их привилегий будет иметь гарантию лишь в лояльности великого государя и что они будут обязаны в случае войны предоставить ему число солдат, пропорциональное их населению и финансовым возможностям. Такая мера была бы весьма полезна Порте, и ей не следовало бы пренебрегать ею при нынешних обстоятельствах. Впрочем, давая такой дружественный совет, Вы должны позаботиться о том, чтобы у турецкого правительства не оставалось подозрения, будто наш двор хочет вмешаться во внутренние дела Турции или же имеет какие-то задние мысли по этому вопросу. Мы вообще не говорили бы обо всем этом, если бы не опасались того, что, сохраняя молчание по поводу приезда сербских депутатов, можем дать Порте мотивы приписывать нам какие-то тайные связи с этим народом.

Прежде чем кончить эту денешу, я еще раз вернусь к пожеланию Порты, чтобы мы оказали содействие мерам предосторожности для защиты ее провинций. Пришло время, как я сказал выше, чтобы они были обсуждены обеими державами. Его императорское величество склонен послать еще некоторое количество войск на Корфу и несколько кораблей в Адриатическое море и, помимо этого, держать наготове свой флот в Черном море и армию на своих границах, дабы использовать их для защиты Османской империи. Но надобно, чтобы и она увеличила свои средства обороны во всех пунктах, наиболее открытых для вторжения со стороны французов, чего Порта резонно опасается, чтобы она в особенности подготовила склады оружия между Дунаем и районами, для которых она может в случае надобности потребовать от нас отправки подкреплений.

Таковы предварительные идеи, которые, как полагает его императорское величество, должны быть переданы Вами турецкому министру, которому надлежит со своей стороны сообщить о том, что оно считает своевременным, чтобы мы могли взаимно договориться, сообразуясь с обстоятельствами.

Имею честь быть и пр.

¹ См. док. № 25.

² Имеется в виду донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому от 18 (30) октября 1804 г., в котором сообщается, что французский посланник в Константинополе Брюн в последнее время усиленно оказывает давление на турецкое министерство иностранных дел с целью склонить Порту к союзу с Францией и отказаться от других союзов. Заметив нерешительность турецкого правительства в данном вопросе, Италинский со своей стороны сделал демарш министерству Порты и имел беседу с реис-эфенди. Далее в донесении подробно излагаются результаты этих переговоров и указываются вопросы, поставленные реис-эфенди Италискому в связи с возможной ситуацией, когда Франция будет угрожать объявлением войны Турции или попытается использовать иные формы активного давления на нее. В связи с этим русский посланник запрашивал соответствующие инструкции своего правительства (АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, л. 580—607).

³ После провозглашения в мае 1804 г. Наполеона императором Франция усилила свое дипломатическое наступление на Балканах, стремясь принудить Порту досрочно отказаться от русско-турецкого союзного договора от 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.), срок действия которого истек в январе 1807 г. На этот раз это наступление велось под прикрытием требования наполеоновского посла в Константинополе Брюна признать императорский титул Наполеона, от чего решительно отказывались все великие державы. Фактически же речь шла о заключении франко-турецкого союзного договора и дипломатическом вытеснении России, Австрии и Англии с Балканского полуострова. Обе главные соперничающие стороны — Франция и Россия — оказывали дипломатическое давление на Османскую Порту. Г. Брюн то грозил высадкой французского военного десанта на западном побережье Балкан или военно-морской атакой Дарданелл, то угрожал затребовать паспорта и покинуть Константинополь, если Порта немедленно не признает новый титул Наполеона (переписку Г. Брюна по этому вопросу см.: *Testa J. Recueil des traités de la Porte Ottomane*. Paris, 1865; *Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman*. Paris, 1900, t. 2 (1789—1856).

Со своей стороны А. Я. Италинский, выполняя директивы Петербурга (см., например, рескрипты Александра I и инструкции А. А. Чарторыйского за апрель—декабрь 1804 г. ВПР. Сер. 1, т. II, док. № 11, 39, 56, 61, 81; Изв. мин-ва иностранных дел. СПб., 1912, кн. V, с. 235—247), делал все возможное, чтобы удержать Турцию в рамках союзного русско-турецкого договора 1799 г., убеждая Диван не признавать императорский титул Наполеона (ноты А. Я. Италинского от 8 октября и 15 декабря 1804 г. см.: ВПР. Сер. 1, т. II, док. № 53, 75). К середине декабря 1804 г. дипломатическая дуэль Брюн — Италинский закончилась победой русской дипломатии. 18 декабря 1804 г. французский посол демонстративно покинул Константинополь, так и не добившись у Дивана признания императорского титула Наполеона (подробнее об этом см.: ВПР. Сер. 1, т. II, примеч. 153—154). Эта акция французской дипломатии усилила беспокойство России за позицию Турции, опасавшейся войны с Францией. Италискому было предписано форсировать заключение нового русско-турецкого союзного договора, обещать Порте активную помощь России (ВПР. Сер. 1, т. II, док. № 96, примеч. 157).

⁴ О слухах относительно возможного десанта Франции на западном побережье Балкан и атаке Дарданелл в 1803—1804 гг., а также о превентивных военно-оборонительных мерах России на Ионических островах подробнее см.: *Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX в. Политика России в Ионической республике, 1798—1807 гг. М.: Наука, 1976, гл. IV и V; Puryear Vernon J. Napoléon and the Dardanelles (1802—1815)*. Berkeley and Los Angeles, 1951; *Mackenzie P. The War on the Mediterranean (1803—1810)*. London, 1957.

№ 33

Депеша А. А. Чарторыйского русскому генеральному консулу в Яссах И. Ф. Болкнунову о намерении России ходатайствовать перед Портой о предоставлении сербам привилегий и о доставке им денежной помощи.

№ 1

17 декабря 1804 г. С.-Петербург

Государь мой Ипполит Федорович! Из дел предместника Вашего * Вы можете обстоятельно узнать все происшедшее в Белграде и причины, побудившие славено-сербов, тот край обитающих, восстать противу угнетавших их; равномерно, что от них были сюда отправлены три депутата ходатайствовать заступление российского двора у Порты. По сему предмету теперь имею Вас уведомить, что по соображению обстоятельств найдено приличным предписать посланнику нашему в Цареграде употребить старания свои к склонению Порты даровать им некоторые привилегии, могущие улучшить состояние одного народа¹. Привилегии сии должны состоять в том, чтоб сербы были освобождены совершенно от присутствия турецких военнослужителей, чтобы могли иметь своего правителя под каким-либо наименованием и своих судей, платя впрочем исправно все подати Порте и держа 5 тысяч войска как для охранения того края от набегов разных разбойнических партий, так и для действия противу врагов Порты. Сие есть предписание, данное Италинскому и в смысле коего должен он основать свои ходатайствия. А дабы Порту принудить податься на оное, то внушено депутатам, ныне отсюда отъезжающим, чтоб они убедили своих соотчичей не покидать оружия и продолжать военные действия свои; между тем послали бы в Царьград прошение к его величеству султану или чрез нарочных депутатов, буде не предвидится для них опасности, или чрез иное какое посредство. В сем прошении должны они изложить все бедствия, ими претерпенные, непрочность их бытия, доколе турецкий начальник ими управлять станет, приверженность свою к Порте и твердое свое намерение пребыть оной верными, буде согласится оставить их на положении, выше уже описанном. И, наконец, когда Порта окажет охотливость свою даровать им просимые права, тогда требовать, чтобы оные были утверждены ручательством России и Австрии.

По мере же получения здесь сведений от г. Италинского о постепенном успехе в его ходатайстве о сербах будете Вы снабжаемы надлежащими предписаниями для сообщения оных сему народу, дабы оный мог согласно с тем направлять и поведение свое. А как неудобно Вам споситься с сербами чрез посторонних людей, могущих каким-либо образом открыть существование таковых сношений, то и находим мы лучшим, чтобы один из депутатов сербских, здесь бывших, или ныне остался в Яссах, или возвратился туда по окончании своей комиссии. В Яссах же жить ему в виде купца и производить какой-либо торг, дабы тем лучше скрыть настоящий предмет его там пребывания. Когда же по даемым Вам отсюда предписаниям получит он какие наставления от Вас для народа, тогда должен сам или чрез верного человека из соотчичей его, если таковой

* А. А. Жерве.

при нем будет, отправлять оные. Вам же остерегаться, чтобы письменно никогда не сообщать что-либо сему депутату, а объяснять ему все словесно.

Изложив таким образом как намерения наши, так и поведение, коему Вы должны следовать, остается мне сказать Вам, что сим депутатам объявлено здесь, что к Вам пошлются 3 тысячи червонных для доставления к Черни-Жоржу на необходимые издержки для его корпуса, которые при сем к Вам препровождаются с тем, чтоб Вы наивернейшим образом доставили оные к помянутому начальнику сербов. Если Вы по новости своей в том крае не сыщете удобного для сего случая, то можете адресоваться к воложскому государю Ипсилантию, который таковой без труда Вам сыщет. Что же по сему предмету Вами учинено будет, имеете донести сюда по первой почте.

Когда депутаты уедут из Ясс (но не прежде), нет надобности скрывать о том, что они были присланы сюда от сербского народа. При том Вы можете отзываться, что Россия, состоя в тесной дружбе с Портою и не желая отнюдь вмешиваться в дела подданных сей империи, нужным сочла ограничиться советованием сим депутатам обратиться прямо к милосердию своего государя. С господарем Ипсилантием можете быть в откровенности по всем сим делам, но от князя Мурузия должны сохранить все в тайне, то есть как намерение наше ходатайствовать за сербов у Порты, так денежное пособие, им чинимое, советы, им нами данные, и пребывание в Яссах одного из депутатов.

Пребываю впрочем с отличным почтением ваш, государя моего, покорный слуга

Адам Чарторыйский

P. S. Из упоминаемых в сей депеше депутатов один токмо поехал чрез Яссы *, прочие обратились чрез австрийские владения. Первый снабжен от меня письмом к Вам и пашпортом российского подданного, он останется жить в Букоресте, дабы быть в возможности получать от Вас сведения, кои отсюда или от г. Италинского Вам будут доставляемы относительно сербского народа, и оные сему с большею удобностию сообщать. Сверх означенных в депеше моей 3 тысяч голландских червонных, всемилостивейше пожалованных Черни Жоржу, государь император повелел возвратить и те 600 червонных, которые даны были депутатам их на дорогу сюда. Сии 600 червонных посылаю равномерно к Вам, которые все, то есть 3 600 червонных доставите самым вернейшим и секретнейшим образом Черни Жоржу.

Письменно по сим делам рекомендую Вам не сообщать ничего ни государю Ипсилантию, ни другому кому бы то ни было из посторонних людей, ни же самим сербам.

Кн. Адам Чарторыйский

Помета: Получ[ено] 6 генваря 1805 г.

Отв[ет] 16 генваря 1805 г.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1804 г., д. 102, л. 1—5, об. Подлинник. Опубл.: ВПР. Сер. 1, т. II, с. 248—250.

* *Петр Новакович Чардаклия.*

¹ Имеется в виду предписание А. А. Чарторыйского А. Я. Италиноскому от 17 декабря 1804 г., с которым ему направлялись также проект письма Александра I султану Селиму III о возобновлении союза между обеими империями и проект договора. Чарторыйский предписывал Италиноскому «возбудить все большие державы принять достаточные меры к удержанию безмерного властолюбия нынешнего правителя Франции» (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 39, л. 420—425). Давая полномочия на согласование с турецким правительством статей русско-турецкого договора, Чарторыйский подчеркивал, что базой для возобновления союза с Портой должно стать достижение договоренности по трем основным пунктам проекта, а также принятие следующей формулировки: «Добиться для России права прибегать в подходящих случаях к посредничеству перед Портой, чтобы обеспечить некоторое облегчение для христианских подданных Османской империи и улучшение их судьбы» (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 39, л. 434—435). Чарторыйский предупреждал Италиноского, что Порта попытается уклониться от принятия этих пунктов. «Поэтому, — писал он, — важно, чтобы вы приложили все ваши старания, чтобы она [Порта. — В. Г.] с ними согласилась». Чарторыйский особо выделял статью VIII проекта, в которой говорилось о покровительстве России всем христианским народам Европейской Турции.

Статья VIII, пишет Чарторыйский, «представляет самое большое значение, ибо только она может уравновесить огорчение, которое испытывает е. и. в-во, принимая обязанность поддерживать и гарантировать существование правительства, которое угнетает или скорее позволяет своим властям угнетать тираническим образом народы, которые исповедуют ту же веру, что и он» (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1804 г., д. 39, л. 434—435). Подробнее о статье VIII см.: ВПР. Сер. 1, т. II. с. 677—678.

1805

год

Документы № 34—116

№ 34

Письмо А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с инструкциями о переговорах с турецким правительством в защиту интересов сербов и в связи с нарушениями границ Валахии турецкими пашами

№ 3

3 января 1805 г.

Vos idées et celles du prince Ypsilanti sur les Serviens répondent entièrement aux vues de notre auguste maître, et le langage que vous avez tenu dans votre conférence avec le ministère ottoman par rapport à la nécessité de ménager cette nation servira de préambule à ce que vous aurez à lui représenter en conséquence des instructions qui vous ont été envoyées par ordre de l'empereur avec le dernier courrier expédié le 17 du mois passé¹. Les plaintes que vous indiquez aussi vouloir porter à la Porte contre la violation du territoire de la Valachie par Tersenikoglou et Ylikoglou doivent lui prouver également, combien il est instant que conformément à la proposition que vous êtes chargé de faire, un corps de nos troupes soit envoyé sur les bords du Danube. Si la Sublime Porte réfléchissait sérieusement sur les circonstances actuelles, elle accèderait avec empressement à l'une et à l'autre de ces propositions et ferait cesser par là et les troubles en Romélie et l'espérance des Français d'avoir pour partisans tous ces mécontents du gouvernement de la Turquie. La Servie érigée en principauté sur le pied, comme il vous a été marqué précédemment, lui servirait en outre d'une grande ressource, tant par l'augmentation de ses finances que de ses forces militaires, et l'apparition d'un corps de nos troupes auxiliaires près du Danube ferait rentrer dans leurs devoirs Paswand-oglou et tous les autres commandants en chef de rebelles qui occupent les pays au-delà de ce fleuve.

La réponse que notre auguste cour a donnée aux députés serviens est tout à fait analogue à ce que je vous ai écrit sur ce sujet dernièrement et dès que le nouveau traité d'alliance sera signé, vous pourrez plus hardiment poursuivre cette affaire si importante pour nous, pour la Porte et pour les Serviens, afin que cette nation, en se trouvant heureuse par la soumission à son souverain légitime, reconnaisse aussi l'utilité d'être dévouée à la Russie.

En attendant le résultat de votre négociation sur ces articles, il est à présumer que la lettre de Fazardi adressée à Paswan-oglou, si vous avez jugé à propos de la lui envoyer, ne restera pas sans effet et que ce pacha s'abstiendra probablement de faire quelque entreprise sur la Valachie et d'incommoder le hospodar par des réquisitions onéreuses.

Резолюция Александра I: Быть по сему. Генваря 2-го дня 1805 г.

Помета: Подписано и отправлено по почте 3 генваря 1805 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, л. 6—8. Отпущ.

Ваши соображения и мнение князя Импиланти о сербах полностью отвечают взглядам нашего августейшего государя. Заявление, которое Вы сделали в Вашей беседе с оттоманским министерством относительно необходимости пощадить эту нацию, послужит преамбулой к тому, о чем Вам надлежит сделать ему представление в соответствии с указаниями, посланными Вам по повелению императора с последней почтой, отправленной 17-го числа прошедшего месяца¹. Упомянутые Вами жалобы против нарушений территории Валахии Терсеник-оглу и Илик-оглу, которые Вы также хотели представить Порте, должны тоже показать ей, сколь важно, чтобы в соответствии с предложением, которое Вам поручено сделать, корпус наших войск был послан на берега Дуная. Если Блистательная Порта серьезно обдумала бы нынешнее положение, то она согласилась бы без промедлений с тем или с другим из этих предложений и тем самым положила бы конец беспорядкам в Румелии и надеждам французов иметь в качестве сторонников всех недовольных правительством Турции. Сербия, возведенная в княжество на основе, обозначенной ранее Вами, стала бы для нее большим резервом как путем увеличения финансов, так и увеличения ее военных сил. Появление корпуса наших вспомогательных войск около Дуная призвало бы к порядку Пазванд-оглу и всех других мятежных вожakov, оккупирующих земли за этой рекой.

Ответ, который паш августейший двор дал сербским депутатам, совершенно аналогичен тому, что я написал Вам недавно по этому поводу. И как только будет подписан новый договор о союзе, Вы сможете с большим усердием продолжать дело, столь важное для нас, Порты и сербов, дабы эта нация, подчинившись своему законному монарху, вновь стала счастливой и осознала пользу преданности России.

В ожидании результатов Ваших переговоров по этим вопросам, надобно надеяться, что письмо Фацарди, адресованное Пазванд-оглу, если Вы сочтете уместным переслать его ему, не останется без последствий, и что этот паша воздержится от каких-либо действий в отношении Валахии и причинения неудобств государю путем обременительных поборов.

¹ См. коммент. 1 к док. №133.

№ 35

Письмо А. А. Чарторыйского Петру I Негошу об отправке черногорцам 3 тыс. червонцев и о задачах миссии С. А. Санжковского в Черногории

19 января 1805 г.

Письмо вашего высокопреосвященства на высочайшее имя, а равномерно и то, коим Вы меня почтили от 16 августа прошедшего года, поднесены мною были на усмотрение его императорского величества¹.

Государь император с особливим удовольствием принять соизволил поданные Вами о всегдашней приверженности Вашей к российскому престолу уверения, утверждаемые донесениями генерала-лейтенанта графа Ивелича, и, не теряя никогда из виду благосостояния черногорского и бердского народа, по наследованному от августейших предков своих благоволению к соотчичам Вашим, желает чтобы изъявленные Вами чувства преданности были неременны в том убеждении, что токмо чрез непоколебимую привязанность Черногории к России возможно будет прочным образом установить благоденствие вверенного архипастырскому управлению Вашему паства.

Пагубные замыслы аббата Долчи², кои обнаружены принятыми мерами графом Ивеличем, довольно доказывают вашему высокопреосвященству, что опасения наши на счет намерений французского правительства были основательны и что отправление в тот край графа Ивелича, можно сказать, спасло Черногорию от угрожавших ей бедствий. Благодаря бога, корень зла ныне истреблен, а потому остается помышлять об утверждении благоденствия черногорского народа. Его величество, желая

ознаменовать сие изъявлением Вам своей монаршей милости, повелел доставить Вам чрез г. статского советника Санковского ³ 3 тыс. червонных, составляющих всемилоостивейше пожалованную черногорскому народу блаженной памяти императором Павлом Первым ежегодную дачу, с 1802 года Вами не полученную ⁴.

Г-на Санковского, которого особенно рекомендую вашему высокопреосвященству яко чиновника, пользующегося доверенностию нашею, признано здесь за благо в удовлетворение желанья Вашего послать к Вам не для того, чтобы удостовериться о преданности высокопреосвященства к российскому престолу, в чем его величество полагается совершенно на сказуемое Вами и надеется, что сие будет оправдано и впредь поведением Вашим, но для уверения Вас лично о высочайшем благорасположении к Вам государя императора и принятия при сем случае от Вас для отправления сюда тех сведений, кои Вы ему сообщите относительно до блага паства Вашего.

Его величеству впрочем приятно будет, если Вы, милостивый государь мой, будете продолжать во всем, относящемся до дел Вашего края, быть откровенным с генерал-лейтенантом графом Ивеличем, которой в донесениях своих сюда всегда с особенным уважением об Вас отзывался.

В ожидании отзыва Вашего о получении всего посылаемого Вам с г. Санковским и препоручив себя архипастырским Вашим молитвам, пребываю. . .

Резолюция Александра I: Быть по сему. Генваря 19-го дня 1805 г.

Помета: Подписано и отправлено с коллежским ассесором Званцовым генваря 27-го дня 1805 г.

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 1, л. 23—27 об. Отпуск.

¹ Имеются в виду два письма Петра I Негоша от 16 августа 1804 г. В одном из них он сообщает о получении посланной ему грамоты с упреками за связь с французскими эмиссарами Франческо Дольчи. Уверяя Александра I в своей невиновности, митрополит просил учредить особую комиссию для расследования предъявленного ему обвинения. Здесь же он благодарил царя за учреждение русского консульства в Которе, на которое возложено рассмотрение черногорских отношений с австрийскими властями (АВПР, ф. ГА I-7, 1804 г., д. 4, п. 4, л. 112—113).

Во втором письме от 16 августа 1804 г. черногорский митрополит извещал русское правительство о насилиях, которые чинили турки в Герцеговине, и о том, что герцеговинцы обратились к нему с просьбой о помощи. Принимая во внимание союзнические отношения России и Турции, митрополит вынужден был придерживаться политики невмешательства до согласования этого вопроса с русским правительством (см., док. № 15).

² Католический священник (аббат) Дольчи, являвшийся секретарем митрополита Петра I Негоша, выступал сторонником французской ориентации. Под его воздействием митрополит стал склоняться к переориентации на Францию в надежде, что она выступит против Османской империи. Изменению черногорской традиционной политики способствовало и то обстоятельство, что в начале 1802 г. Наполеон, направив на Балканы своих эмиссаров, обратил внимание также на Черногорию. Под влиянием Дольчи в начале 1803 г. митрополит предложил Наполеону вооруженную поддержку. Однако надежды на французскую помощь не оправдались, поэтому черногорский правитель вернулся к старой ориентации на Россию (см.: *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784—1830). Цетиње, 1950, с. 142—145).

³ С. А. Санковский — русский представитель в Черногории (1805—1807), на которого была возложена миссия окончательного урегулирования русско-черногорских отношений. Кроме того, он должен был информировать министерство иностранных дел о созданном в Черногории правительстве и содействовать его упрочению. Создание государственной организации Черногории должно было способствовать укреплению боеспособности Черногории, что также соответствовало задачам России, предполагавшей привлечь ее к борьбе против наполеоновских войск в Далмации. Подробнее об этом см.: *Достял И. С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских связях начала XIX в. — В кн.: Балканский исторический сборник. Кишинев: Штиница, 1974, IV, с. 5—39.

⁴ Речь идет об учрежденной в 1799 г. ежегодной безвозмездной субсидии в размере 1 тыс. пехинов (1 тыс. червопцев) на «общественные нужды» Черногории. Санковский передавал Черногории субсидии за 1802, 1803, 1804 годы (см.: *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888, т. 1, с. 518, 524—525, 613, 667).

№ 36

«Записка бухарестских и задунайских известий» с изложением требований сербского народа и о состоянии турецкого гарнизона в Белграде

Не ранее 22 января 1805 г.*

17-го числа сего месяца аглинский здесь консул получил известие от стороны цесарского правительства, что потерянные аглинским же курьером в Трансильвании депеши найдены тамошними мужиками на снегу разброшенные и разодранные, что поставленные по сему делу почтовые чиновники, получив оные депеши и запечатав казенною печатью, поручили их помянутому курьеру, который с ними и отправился на почтовых в Вену, и что дальнейшее следствие о сем предмете продолжается.

На сих днях пронесся было здесь слух, что будто разбойники в Турции убили возле Карнабаты двух аглинских есакчиев, ехавших с депешами из Царьграда сюда. Однако затем скоро оказалось то невероятным, ибо 19-го числа оные есакчи прибыли сюда благополучно (коих депеши по просьбе аглинского консула отправлены с господарским чиновником в Вену), но только рассказывают о великой опасности, особливо между Карнабаты и Кирклисы, где точно существует 600 человек разбойников под управлением одного Дели-Кадрия, бывшего аяном в Карнабате и согнанного оттоль жителями, который старается разбойническою силою вступить на прежнее свое место, имея при себе по большей части отпущенных Карафеизом кирджалиев. Помянутые разбойники, равно как и кирклийские войска, занимая тракты, разоряют лежащие по оным селения и убивают людей, чем опять сухим путем почтовая дорога сделалась немало опасною.

Пасванд-оглу, уверяют, продолжает заниматься интригами, содержащая секретное согласие с некоторыми аянами в Румелии и при Дунае для потеряния румель-валесия и принуждения Порты вручать ему оное звание и власть; всячески же настаивает к защищению Кусанчали-Халила в Белграде, против сербского народа действующего. Отдаление и истребление кирджалиев с их отечества готского грозит и ему, Пасванд-оглу, ружьем.

Говорят, будто Пасванд-оглу послал в подарок французскому послу Леброму в проезд последнего Румелиею верховую лошадь с богатым убором, а от него взаимно получил знатные ружейные вещи французской фабрики.

Возвратились сюда особы, посланные господарем Ипсилантием в Земли для узнания поступков белградских турок и состояния сербов. Они уверяют, что действие сербского народа зависит от ожидаемого там ответа их депутациею, посланной в Россию; что сербы намерены были держаться спокойно до возвращения депутатов, однако несносные шалости кирджалиев и дурные поступки Кусанчали-Халила принудили вооружаться опять против неприятелей и быть в полной силе на случай, ежели Порты не даст скоро на требование их удовольствия; что сербы не показывают себе противными Порте, ни же ее пашам, а делают единогласно,

* Датируется по содержанию.

дабы последние не защищали Кусанчали-Халила, а зло кирджалийское удалено бы было от их земли; что сербы желают поручения от Порты Реджеб-аге, коменданту Орсова, взыскания подати между ними и назначения его под именем мухасила вместо паши в Белграде, а настоящему Исмаил-паше смены; и что сербы же отправили нарочных депутатов своих в Царьград, кои, имея прощение от всего сербского народа на имя султана, должны настаивать при Порте для пользы вышеописанного желания.

Прошлого декабря происходили некоторые сурьезные споры в Белграде промеж кирджалиев и дайев Кусанчали-Халила, арнаутов и янычаров гарнизона. Первые, требуя сильно от своего начальника остального жалованья, большею частью отключились от него и, подкрепив себя в форштатских монастырях и церквах, неприятно действуют. Между тем Реджеб-аге орсовскому удалось обласкать арнаутов, которые обещиваются оставить Кусанчали-Халила, ежели не получат жалованья, и записаться в службу его. Сим средством кирджалийский начальник есть теперь только при 260 кирджалийских и 150 дагийских военных. Таковые обстоятельства преподают надежду сербам ослабивать Кусанчали-Халила и в худое его состояние атаковать.

Господарь Ипсилантий на прошлой неделе назначил к должностям здешнего дивана чины, произведя в первые классы из заслуженных второклассных молодых бояров.

В воскресенье, 22-го, господарь сочетал браком двух своих дочерей, девиц, с двумя греками из придворных его первых чиновников. Свадебная церемония продолжалась чрез всю неделю великолепно, по здешнему старинному обыкновению.

Презжающие из Турции уверяют, что число бунтовщиков и разбойников в Румелии умножилось до 1300 человек, кои распространяют свои грабежи до самой Силистрии. Они зажгли некоторые селения и с успехом противляются военным Порты и андрианопольскому Мехмед-паше; они же просили из Силистрии. . .*, почему Елик-оглу и приготавлиет себя вступить в их партию, не без известия своего союзного Пасванд-огла.

Али-паша отправил, уверяют, партию разбойников более 1000 человек арнаутов против уезда Зитуры возле Мореи, которые и начали уже грабежи в тех краях.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 122, л. 79—80. Подлинник. Опул.: Documente privind istoria României. . ., vol. IV, p. 571—572.

№ 37

Доклад А. А. Чарторыйского Александру I о содержании писем бачского епископа И. Иовановича с планом создания сербского царства под эгидой России

Не позднее 27 января 1805 г.**

Находящийся в Вене посол наш граф Разумовский препроводил ко мне 5 писем, полученных им от сербского епископа епархии Бачкия Сегединския и Егарския Иоанновича¹, из коих одно на имя вашего величества, другое на имя государя цесаревича великого князя Константина Павловича, а прочие на имя здешнего митрополита Амвросия, министров юстиции и внутренних дел и сербского депутата капитана Юговича².

* Слово неразборчиво.

** Датируется по помете.

В письмах сих сербский епископ Иоаннович упоминает об отправлении капитана Юговича ко двору вашего величества в качестве депутата и с полномочием, каковым он снабжен от всего сербского народа, представить вашему величеству о бедствиях, несчастиях и о желании сего народа избавиться из-под ига турецкого. Просит, чтоб ваше величество повелели доставить сербскому народу на 500 тыс. человек оружия и пороху, с каковою помощью и с присоединением войск российских к сербам надеется он совершенно свергнуть иго турецкое и воздвигнуть особенное царство сербов в зависимости и под покровительством России. Предлагает именем всего сербского народа государю цесаревичу престол и скипетр сербский, с тем, однако же, условием, чтобы он именовался и подписывался «царь Сербский Константин Неманя»³. И, наконец, выхваляя помянутого князя Юговича, как ревностнейшего попечителя о благе сербского народа и просвещеннейшего из всех сербов, просит ваше величество о милостивом его принятии.

Изложив, таким образом, вашему величеству содержание подносимых у сего писем сербского епископа Иоанновича, я не стану распространяться о решимости, какие [меры] нужно принять по настоящему предмету, ибо существо самой просьбы явно оную представляет. Донесу токмо, что необходимо нужно сохранить влияние, Россиею приобретенное над славянскими народами, и хотя бы должно было изъявить какой-либо знак особой милости сему епископу, но поелику он состоит в подданстве Австрии, то нужно и от сего воздержаться, ограничиться токмо письмом к нему от здешнего митрополита Амвросия, составленным из генеральных выражений.

Капитан Югович, о коем епископ сербский упоминает, доставил разные книги от помянутого епископа вашему величеству, которые имею счастье у сего поднести.

Онънй Югович, особенно рекомендуемой тем архиереем, просит об определении племянника его в российскую службу, в чем, кажется, можно удовлетворить его просьбу и тем показать уважение к рекомендации епископа сербского. Означенного молодого человека я полагаю определить в ведомство Иностранной коллегии студентом с жалованьем по 100 рублей на год.

Все сие представляя вашему величеству, повергаю высочайшему благоусмотрению

Помета: Представления сии высочайше одобрены, и вследствие того письмо от здешнего митрополита Амвросия к сербскому епископу отправлено с кол[лежским] ассесором Звапцовым генваря 27-го дня 1805 г. В рассуждении же племянника Юговича учинено определение в Госуд[арственную] кол[легию] ипостр[анных] дел о приятии его.

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 7870, л. 13—15 об. Подлинник. Оубл.: Сб. РИО. СПб., 1892, т. 82, с. 12.

¹ О деятельности епископа Иована Иовановича см.: *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. — В кн.: *Славяне и Россия.* М.: Наука, 1972, с. 98—107.

Упоминаемые в документе письма, а также письмо епископа к министру внутренних дел графу В. П. Кочубею и министру юстиции князю П. И. Лопухину находятся в: *АВПР, ф. ГА I-8, 1804 г., д. 2, п. 4, л. 6—23.*

² Софроний Югович — Маркович, серб (вероятно из Воеводины), выдавал себя за потомка князей Юговичей. В 80—90-х годах XVIII в. находился в России на военной службе. После выхода на пенсию (в чине капитана) отправился в турецкие владения (1800 г.).

В 1804 г. снова прибыл в Россию, чтобы ходатайствовать о награждении и устройстве на обучение племянника. Вместе с тем Югович попытался выступить от имени восставших сербов, выдвинув план создания на Балканах при поддержке России обширного Сербского государства (в границах царства Стефана Дупана). Этот план

им изложен в письме С. Стратимировичу в 1804 г. (Опубл.: *Gavrilović S. Plan Sofronija Jugovića o srpsko-ruskoj saradnji*. — В кн.: *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, 1966, кн. IX, с. 87—89).

³ Предложение о создании с помощью России славяно-сербского государства не встретило поддержки со стороны царского правительства, которое в то время находилось в союзнических отношениях с Турцией и стремилось не вызывать подозрений у Австрии относительно целей своей политики на Балканах (см.: *Достян И. С. Планы основания славяно-сербского государства*. . . , с. 98—107).

№ 38

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому об отправке денежных сумм Карагеоргию

№ 3

2 февраля 1805 г. Яссы

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Предписание вашего сиятельства от 16 генваря имел я честь получить ¹.

По встретившимся на первый случай затруднениям, о коих я имел честь представить покорнейшим моим от 16 генваря под № 2, я не мог еще приступить к выполнению данных мне пред сим препоручений, важность которых требовала с моей стороны наивозможнейшей осмотрительности. Не имея еще в получении своего берата и фермана и при том не видя приезда сюда известного депутата из числа трех, в С.-Петербурге бывших, ко мне отправленного, я долженствовал воздержаться до времени от всяких по сему делу сношений. Соображаясь же с настоящим вашего сиятельства предписанием и имея поводом доставление с нарочным присланного ко мне на имя господаря Ипсилантия пакета, я решился по отправлении сей почты для словесных с его светлостию переговоров, для выиграния времени и приступления с лучшею удобностию к исполнению предписанного мне отправить в Букорест на самое короткое время титулярного советника Волкова, вручив оному и хранящиеся у меня 3600 червонцев для доставления с помощью князя Ипсилантия верным посредством к Черни Жоржу. По усердию к службе, по скромности и испытанной верности сего чиновника не меньше, как и по доброму к нам расположению князя, я имею причину надеяться, что посылка сия будет небезуспешна.

Между тем известия, подаваемые консулом Кириком о приуготовлениях сербов, о посылке депутатов их в Царьград с прошением на имя султана, равно и носящиеся здесь слухи о желании их иметь своего князя по примеру князей Молдавского и Волоского, подают причины думать, что депутаты сего народа, посылаемые к высочайшему двору, возвратились уже восвояси.

Касательно слухов по поводу возвращения французского посла во Францию ², тож и разглашений, какие сей рассеять мог в проезд свой чрез области Порты, я не имею на сей раз ничего присовокупить к тем известиям, которые донесены уже отсюда по сообщениям консула Кирика. Но я уже принял нужные меры для получения точнейших по сему предмету сведений и не оставлю донести вашему сиятельству, что до моего сведения дойдет. Французский комиссар Сен-Люс по возвращении из Германштата, куда он провожал своего посла, разглашал в Букоресте, что Брюн публично вызвал австрийскому коменданту, что он чрез 6 месяцев возвратится к своему посту в Царьград тою же самую дорогою.

Граф Белвиль возвратился из Парижа в Букорест, привезя с собою родного своего племянника и воспитанницу. Он, кажется, занимается теперь собственными своими интересами, не входя в дела, прежде на него князем Ипсилантием возлагаемые, вместо же его вверены оные некоему

маркизу из французских эмигрантов Сентилеру, человеку, приобретшему дарованиями своими и честностью отличную похвалу и доверенность господаря.

Отправя посредством г. Кирика присланный ко мне текст на имя надворного советника Фацардия, я сделал нужное поручение о выдаче сему последнему на дорожные его издержки в обратный путь 300 пиастров, если он там будет иметь надобность, иначе же не оставлю выдать ему оные, когда сюда придет.

Впрочем, что касается до поведения моего с князем Ипсилантием, то я не премину сообразовать оное во всей точности наставлениям, кои мне угодно было Вам, сиятельному князю, снабдить меня.

Имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и непременною преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга

Ипполит Болкунов

Помета: Пол[учено] 15 февраля 1805 г.
АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 3, л. 1—3. Подлинник.

¹ Имеется в виду предписание № 3 от 16 января 1805 г., которым Чарторыйский ставит в известность вновь назначенного генеральным консулом в Яссы И. Ф. Болкунова, что в Петербурге еще не имеют известий о его прибытии на место. Несмотря на это, Болкунову поручается проследить за деятельностью в Валахии возвращающегося из Константинополя во Францию посланника Брюна, который намерен «рассеять» там нужные Наполеону I «разглашения». Одновременно генеральный консул должен постараться снискать доверенность господаря Валахии князя К. Ипсиланти и делать ему «... приятное, по коллику то интересам нашим и справедливости в приличных случаях не будет противно» (АВПР, ф. Консульство в Яссах, д. 102, л. 8—10).

² После отъезда из Константинополя посла Брюна (см. коммент. 3 к док. № 32) в качестве управляющего делами во французском посольстве оставался Рюффен. Только в июне 1806 г. был назначен новым послом Франции генерал Гораций Себастиани (см.: *Лекић Д.* Сполна политика... , с. 191).

№ 39

Письмо Петра I Негоша русскому консулу в Которе А. О. Мазуревскому о враждебных намерениях Австрии в отношении России и подготовке ее к занятию Боки Которской

10 (22) февраля 1805 г. Станевич
По секрету

Высокоблагородный господин милостивый государь мой! Уведомлен я чрез моего приятеля, что венский двор, не признавая Черногорию под покровительством всевысочайшего двора российского, и для того единственно генерал Бради отозван отсель, и двор венский, поручая ему вновь 8 тыс. отборного войска ко вступлению с оным в Бок от Катар для учинения предковенний двора нашего благонамерение. Я за долг мой поставляю особливо по преданности моей к его императорскому величеству Александру Павловичу, высокославному протектору нашему, вашему высокоблагородию о том известить и притом объявляю, что, по всем примечаниям, австрийцы под образом альянции¹ и дружбы с двором нашим, сопровождая явные знаки неприязни, что, однако же, не утверждая, Вам может быть лучше известно. Мне кажется, что австрийцы буди подлинно хотят альянцию с двором нашим разорвать, непременно они со стороны какой-либо сильной державы должны быть тайно подкрепляемы, не отважились бы они противу альянции неприятельски поступать да еще много крат сильнейшею себя державою и предпринимая такой вредный подвиг, посылая тайно во всю Сербию своих комиссионеров для обол-

щения обещанием простодушному православному нашему народу избавления от махуметанской тяготеющей власти, и недовольно с своей стороны, но более насчет России употребляя шпионов, волновать народ против Порты, дабы разорвать алианцию двора российского с Портою Оттоманскою ради учинения препоны благонамеренному плану двора нашего. Сего ради покорнейше прошу ваше высокоблагородие, берите и Вы со стороны нашего двора возможные меры, дабы противным нашим учинить предкновение.

Слава богу, мы не унижаем, но к тому потребны способы и также предварительное приготовление на отражение и предкновение лукавых замыслов недоброхотствующих двору нашему и нам, когда мы завременно будем снабжены потребным к военным действиям. Пускай в то время подвиг имеют, но — тщетно будет их преднамерение, а мы при помощи господ сил тщание возмеем разрушить и опрокинуть лукавые их замыслы, не токмо на Черногорию покушению их сделаем предкновение, но и во всей Сербии воздвигнем им камень предкновения, и они останутся с интригами своими под стыдом и поношением вечным. Но и нам бдительность и осторожность весьма нужно иметь.

Имею честь быть с истиннейшим почтением и душевною преданностию повел * мой, вашего высокоблагородия покорнейший слуга митрополит черногорский и ордена святого Александра Невского кавалер

Петр Петрович Негош

АВПР, ф. ГА I-7, 1803 г., д. 4, п. 5, л. 225—226. Подлинник.

¹ Интересы России на Балканах постоянно сталкивались с экспансионистскими устремлениями Австрии, которая ставила своей целью расширение территории в направлении бассейна Дуная и Адриатического побережья.

№ 40

Донесение титулярного советника Е. Волкова И. Ф. Болкуну о передаче сербам денежных сумм через К. Ипсиланти

14 февраля 1805 г. Яссы

По прибытии моем 7-го февраля в Букорест, оповестясь чрез 1-го постельника Маврокордато, я того же дня ввечеру позван был к господарю Ипсилантию, которому, поднеся с изъявлением приличного комплимента врученный мне от вашего высокоблагородия пакет и продолжая несколько приватный разговор, я почел за пристойное откланяться, не упоминая на первый случай о поверенной мне особой комиссии до узнания его светлости из письма Вашего (коего тогда еще не открывал), что имею поручение о существе оной словесно объясниться.

На другой день поутру, быв нарочно позван к князю Ипсилантию, я по изъявленной им откровенности изъяснялся с его светлостью как о посылке в Санкт-Петербург депутатов со стороны славено-сербов, так и об участии, которое высочайший двор в жребии их принимать изволит, о чем он, казалось, имел уже некоторые предварения. При том открыл, что имею с собою 3600 червонных, пожалованные помянутому народу для доставления секретнейшим образом к Черни-Жоржу, прося в том по данному мне наставлению советов и пособия его светлости. Князь Ипсиланти, сколько приметить я мог, с приятным видом принял сей опыт доверенности к нему высочайшего двора, представленной мною ему

* Так в тексте.

в своем виде, и хотя на первый случай предусматривал некоторые в исполнении затруднения, но обещался подумать о безопаснейших средствах и прискаты для сей комиссии надежного человека. А узнав, что при мне находится избранный от вашего высокоблагородия на случай надобности для посылки по сему предмету под секретным видом кадет Джайкович, его светлость полагал, что тем легче можно будет достигнуть желаемого успеха.

Затем по неоднократных о сем переговорах как с его светлостью, равно и с постельником Маврокордато, которой предведомлен уж был от господаря, 10-го числа его светлость, позвав меня в последний раз, объявил, что нужно будет остановить еще на несколько дней сию посылку, дабы отправлением вдруг нарочно не возбудить большого внимания иностранных консулей, и так уже занявшихся приездом моим, но что, впрочем, он постарается тем или другим образом оказать нам сию услугу. Тут сообщил мне, что накануне того дня возвратился его нарочно посланный за несколько пред сим для проведения о сербах, что он имеет верное известие, что сказанные депутаты действительно прибыли уже в свое место и что вследствие сего народ сербский числом до 15 тыс. человек находился в полном восстании и готовности действовать против своих утешителей. Донеся о намерении моем поспешить возвращением в Яссы для избежания могущих быть толкований, его светлость похвалил оное, объявив впрочем, что о последних мерах снесется со мною уже г. постельник.

Следующего дня сей последний, позвав меня к себе, сообщил, что как его светлость в скором времени ожидает из Константинополя повелений относительно сербов и вместе с тем некоего архиерея, посылаемого нарочно для переговоров с ними, то и рассудил за лучшее отправить при свите его доверенную особу с тайным поручением доставить к Черни-Жоржу 3600 червонных, не открываясь отнюдь, что послан от его светлости, и со внушением начальнику сербов прислать для удостоверения о том генерального консула и сообщения нужных предметов секретно от себя человека. Присовокупляя, наконец, постельник, что по сему распоряжению его светлости уже не настает нужды посылать другого нарочного со стороны вашего высокоблагородия, предложил оставить у него упомянутые деньги, что я и исполнил, быв приглашен к нему на обед. Потом, приняв ответное к вашему высокоблагородию письмо, по получении с почты лошадей немедленно выехал в Букорест в обратный путь.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804—1806 гг., д. 5, п. 3, л. 10—11. Копия.

№ 41

Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому о выдаче П. Новаковичу русского паспорта для проезда в Бухарест и Константинополь

№ 14

16 марта 1805 г. Яссы
Секретно

В начале сего месяца известный депутат по имени Петр Новакович отправился отсюда в Букорест, где ожидать будет нужных из отечества своего сообщений или присылки нарочных людей, полагая, что может он уполномочен будет ехать оттуда в Константинополь. Имев у себя паспорт за рукою его сиятельства князя Адама Адамовича Чарторыйского, я почел нужным снабдить его особенным от себя под именем харьковского

мещанина, с прописанием, что следует по торговым делам в Букорест и Константинополь. На всякий случай извещая об оном ваше превосходительство, имею впрочем честь пребыть. . .

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 36 и об. Отпуск.

№ 42

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому об опасениях Порты относительно причастности России к восстанию в Сербии и о ее намерении мирным путем уладить конфликт с сербами

№ 117

17 (29) марта 1805 г. Пера

Monseigneur! Le beizadé Mourouzy m'a fait prévenir ces jours-ci qu'il était parvenu à la Porte des informations qui représentaient la nouvelle insurrection des Serviens comme fomentée par une impulsion étrangère, et avec quelque soupçon que les Russes y sont pour quelque chose.

Qu'un certain Regeb aga, commandant de l'île d'Orsova sur le Danube, chargé dès le principe par la Porte de surveiller les mouvements des Serviens, vient d'adresser une lettre au ministère ottoman, dans laquelle il lui fait part, qu'ayant dû se rendre à Semelin, relativement aux affaires de Belgrade et de la Serbie, il avait été à même de s'assurer que les Serviens s'étaient adressés à la cour de Russie et qu'ils en avaient reçu des réponses satisfaisantes.

Le beisadé Mourouzy m'a fait ajouter qu'ayant été dans le cas de voir Youssouf aga, ce personnage l'avait entretenu de cette nouvelle de Regeb aga, à laquelle on n'ajoutait pas en général grande foi.

Comme jusqu'à présent j'ai cru devoir garder le silence sur l'envoi par les Serviens d'une députation à St. Pétersbourg, j'ai fait répondre au beisadé Mourouzy que je le remerciais beaucoup de l'information qu'il m'avait fait donner; que je n'avais aucune notion sur le recours des Serviens à s. m. i., que cette démarche de leur part était possible, parce qu'il était naturel qu'un peuple, sur lequel pèse tant de maux, s'adresse à un souverain de la même religion et implore son intervention pour être soulagé; mais que si ce recours a eu lieu en effet, j'étais persuadé que la cour impériale m'en donnera connaissance, non pas pour ma propre instruction seulement, mais pour que je donne de sa part au ministère ottoman les conseils que le système existant entre les deux cours exige dans une circonstance si importante; qu'il y aura bien loin d'un tel langage à l'idée de fomentier les troubles dans cette contrée.

Qu'au surplus, je ne serai pas étonné que parmi les membres du ministère ottoman il s'en trouve qui s'arrête volontiers à l'idée d'une impulsion étrangère, et qui ne pouvant pas encore s'accoutumer à voir dans la Russie une amie de la Porte, préfère nous regarder comme les instruments de la décadence de l'empire Ottoman, au lieu de réfléchir que c'est au système oppressif de la Porte, à ses mauvaises dispositions, à l'avidité de ses subordonnés, à la manière encore plus mauvaise dont ils exécutent les mesures que de temps à autre on la voit prendre pour arrêter les progrès du mal, qu'il faut attribuer la triste situation intérieure de l'empire Ottoman que je voudrais demander à de tels personnages, imbus de telles idées, si c'est la Russie qui a excité les daïs de Belgrade à tyranniser les Serviens, à persécuter, à faire périr leurs kniaïses, à porter ce peuple au désespoir, si c'est la Russie qui a engagé Koutchanchali de refuser de reconnaître l'autorité de la Porte

dans Belgrade, d'y retenir, pour ainsi dire, comme prisonnier, le pacha auquel elle a confié le commandement de cette place; si c'est la Russie qui a excité Pasvan-oglou à lever plusieurs fois l'étendard contre la Porte, qui a suscité la guerre civile, qui désole la Romélie depuis tant d'années, qui conseille à tous les agents ottomans dans l'intérieur de l'empire à méconnaître l'autorité du sultan, à se mettre en état de rébellion contre lui, aux ayans, aux derès beys de chaque contrée de l'empire de se faire une guerre à outrance, aux pachas d'être en hostilités continuelles les uns contre les autres; car tel est le tableau que présente l'empire Ottoman en Europe et en Asie.

Que je voudrais interpellier ces mêmes individus, pour leur demander, si ce n'est pas la Russie, au contraire, qui conseille continuellement à la Porte de s'occuper sérieusement de se ressaisir de l'autorité qui lui échappe de tous côtés, et de s'attacher ses sujets, en empêchant les vexations, les tyrannies, sous lesquelles ils gémissent; qu'il en résulterait pour la Porte la plus grande utilité sous tous les rapports; mais que surtout dans les circonstances actuelles de l'Europe il était de la plus majeure importance pour elle d'éviter que les ennemis de l'empire Ottoman ne profitent de cet état de désorganisation, pour exécuter les projets qu'ils méditent, et qu'ils ne trouvent pour l'exécution de très grandes facilités dans la disposition des esprits de ses sujets.

J'ai terminé ces observations que je n'ai faites au beisadé Mourouzy que pour qu'il en fasse usage lui-même dans ses entretiens confidentiels avec les influents et les membres du ministère ottoman, par celle que la Porte devrait se réjouir et désirer que les Serviens dans leur désespoir s'adressent à la cour de Russie plutôt qu'à toute autre puissance, parce que la première ne serait mûe dans cette circonstance que par les mêmes sentiments qui la dirigent dans tout ce qui concerne les intérêts et la sûreté de la Porte, et sur lesquels sentiments il est impossible de se méprendre, par les preuves évidentes qu'elle ne cesse de lui donner; tandis que si les Serviens portaient leurs vues d'un autre côté, la Porte ne pourrait pas se flatter des mêmes dispositions.

Il m'a paru nécessaire de faire au préalable ces insinuations indirectes, jusqu'au moment où je croirais convenable de donner connaissance moi-même à la Porte du recours des Serviens, en me conformant à cet égard aux ordres de v. ex.

Il serait même possible qu'à l'arrivée du courrier, attendu journellement de Pétersbourg, je fasse cette communication. Mais comme il serait aussi utile que les Serviens fassent parvenir au sultan leurs demandes, j'écris par le courrier du jour au consul général Bolcounoff pour qu'il ait à agir en conséquence¹.

Il m'a au surplus informé en dernier lieu, qu'ayant chargé un des officiers du consulat de se rendre à Bucoreste auprès du prince Ypsilanti², et pour exécuter à cet égard les ordres de v. ex., il avait lieu d'être extrêmement satisfait de la bonne volonté et du zèle que le prince Ypsilanti a démontré pour que le but de la cour impériale soit atteint.

Le consul général Bolcounoff aura certainement rendu à v. ex. un compte détaillé de la commission qu'il avait confiée à un des officiers du consulat et de la manière dont elle a été exécutée.

L'agent en cette capitale du prince Ypsilanti qui, ni par lui, ni par moi n'est et ne sera pas dans la confiance du rôle que nous faisons jouer au prince Ypsilanti dans cette délicate affaire, mais qui a l'attention *, comme

* Так в тексте. Правильно: *l'intention*.

l'ordre de son prince, de me communiquer en général, ce qui se passe à la Porte, m'a confié que le ministère ottoman, quoique très allarmé de la nouvelle insurrection des Serviens, ne sait quel parti prendre pour l'étouffer; que pour première mesure, il s'était cependant arrêté à l'idée d'employer les voies de douceur, en chargeant le prince Ypsilanty de les exhorter à la soumission et de les y conduire en envoyant parmi eux une personne de confiance et propre à une telle commission; qu'il avait été même adressé au prince Ypsilanty un hattî cherif du sultan, par lequel ce monarque en exaltant la haute opinion qu'il a de lui, lui exprime l'attente dans laquelle il se plaît à être, que par ses soins les Serviens seront ramenés à l'obéissance, à la soumission envers leur souverain.

L'agent du prince Ypsilanty est très peiné que l'on ait endossé à l'hospodar un tel fardeau, parce qu'il ne conçoit pas comment le prince pourra s'en tirer à la satisfaction de la Porte, et il pense que si les choses viennent au contraire à empirer, les malveillants et même les membres du ministère ottoman, pour leur propre justification, ne manqueront pas d'en jeter la faute sur le prince Ypsilanty, en l'accusant de n'avoir pas su manier adroitement les esprits des Serviens.

Le fait est que la position du prince Ypsilanty sera par là très embarrassante et très délicate. L'idée de la Porte de le charger pour ainsi dire de la pacification de la Servie peut nous être utile sous un certain rapport, puisque cette mesure mettra la prince Ypsilanty dans des relations encore plus étendues à ce sujet avec les Serviens, avec la Porte elle-même et ses agents vers cette contrée, aux moyens desquelles nous connaissons plus positivement la marche de ces affaires, et en conséquence nous pourrons régler la nôtre et la rendre plus certaine.

Il est une circonstance à laquelle nous ne saurions être indifférents et qu'il importe de vérifier. On assure qu'il y a deux partis parmi les Serviens; de cette division entr'eux peut naître des effets fâcheux pour nous. L'animosité, la jalousie des chefs peuvent les porter à se dénoncer les uns les autres, et de là peuvent être dévoilés nos relations avec eux. Je charge aussi le consul général Bolcounoff d'aller aux informations à cet égard. Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

Помета: Пол[учено] 24 апреля 1805 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2249, л. 232—237. Подлинник.

Перевод

Ваше сиятельство! Бейзаде Мурузи известил меня на днях о том, что до Порты дошли сведения, согласно которым новое восстание сербов поддерживается извне и с известным подозрением причастности к нему русских.

Будто бы некий Реджеб-ага, комендант острова Орсовы на Дунае, которому Порта еще вначале поручила наблюдать за продвижением сербов, направил недавно письмо оттоманскому правительству, где сообщает, что будучи вынужден поехать в Землин по делам, связанным с Белградом и Сербией, он смог убедиться в том, что сербы в самом деле обратились к русскому двору и получили от него удовлетворительный ответ.

Бейзаде Мурузи также добавил мне, что он виделся с Юсуф-агой и тот говорил с ним об этом известии Реджеб-аги, которое считают не особенно достоверным.

Так как я до сих пор считал нужным хранить молчание о направленной сербами депутации в С.-Петербург, то я передал бейзаде Мурузи, что весьма ему признателен за сообщенные мне сведения, что я не имею ни малейшего понятия об обращении сербов к его императорскому величеству, но что подобный демарш с их стороны возможен, так как было бы естественно, что народ, обремененный столькими несчастьями, обращается к единовластному государю и умоляет его о заступничестве и облегчении своей участи, но что если бы это обращение действительно произошло, то я убежден, что императорский двор известил бы меня об этом не только для моего личного сведения,

но чтобы я от его имени дал оттоманскому министерству советы, которых требуют отношения, существующие между обоими дворами, при столь серьезных обстоятельствах, что от подобных речей весьма далеко до мысли о разжигании возмущения в этой стране.

Что, кроме того, я не буду удивлен, если кто-нибудь из членов оттоманского правительства охотно остановится на мысли об иностранном подстрекательстве и, еще не призывая видеть в России друга Порты, предпочтет считать нас орудием упадка Оттоманской империи вместо того, чтобы подумать, что печальное внутреннее состояние Оттоманской империи следует приписать свойственной Порте системе притеснения, ее злонамеренности, алчности ее чиновников, тем ужасным способом, какими они осуществляют меры, которые время от времени принимает Порта, чтобы остановить распространение зла. Я бы хотел спросить у лиц, пропикнутых подобными идеями, — разве Россия подстрекала белградских дахиев тирализировать сербов, преследовать, а потом и погубить их князей, довести этот народ до отчаяния; разве Россия склоняла Кусанджали отказаться от признания власти Порты в Белграде, удерживать там как бы в качестве пленника пашу, которому она доверила командование этой крепостью; Россия ли толкала Пазванд-оглу не раз поднимать знамя мятежа против Порты, Россия ли вызвала гражданскую войну, вот уже столько лет опустошающую Румелию, она ли призывает всех оттоманских агентов внутри империи не признавать власти султана, бунтовать против него, аяпов, дересбеев каждой части империи вести между собой войну не на жизнь, а на смерть, пашей — постоянно предаваться междоусобной борьбе, ибо такую картину являет Оттоманская империя в Европе и в Азии.

Мне бы хотелось обратиться к этим лицам с вопросом, разве не Россия, напротив, постоянно советует Порте серьезно заяться восстановлением своей власти, которая повсюду от нее ускользает, и привязывать к себе своих подданных, противодействуя тирании и притеснениям, от которых они стонут; это привело бы к наибольшей пользе для Порты во всех отношениях; но особенно важно для нее при нынешней обстановке в Европе стремиться избежать того, чтобы враги Оттоманской империи не воспользовались этим состоянием дезорганизации для осуществления замышляемых ими планов и не встретились при их исполнении со слишком благоприятными для этого умонастроениями ее подданных.

Эти соображения, которые я высказал бейзаде Мурузи лишь затем, чтобы он их сам использовал в своих доверительных беседах с влиятельными лицами и членами оттоманского правительства, я закончил замечанием, что Порта должна радоваться и желать того, чтобы сербы в своем отчаянии обратились скорее к русскому двору, чем к какой-либо другой державе, ибо Россия будет в этих обстоятельствах движима лишь теми же чувствами, которые управляют ею во всем, что касается интересов и безопасности Порты, и чувства эти обмануть не могут, доказательства чего она непрерывно ей доставляет; тогда как, если бы сербы устремили свои взоры в другую сторону, Порта не могла бы утешаться мыслью о подобных намерениях.

Мне показалось необходимым предварительно прибегнуть к этим косвенным внушениям, пока я не найду уместным лично сообщить Порте об обращении сербов, действуя при этом сообразно с распоряжениями вашего высокопревосходительства.

Возможно даже, что я сделаю это сообщение по прибытии курьера, ожидаемого днями из Петербурга. Но поскольку было бы также полезно, чтобы сербы передали свои требования султану, я пишу с сегодняшним курьером к генеральному консулу Болкупову, дабы он действовал соответственно¹.

Он меня, наконец, уведомил, что, поручив одному из офицеров консульства ехать в Бухарест к князю Ипсиланти², дабы исполнить в этом отношении распоряжения вашего высокопревосходительства, он имел основания быть чрезвычайно удовлетворенным проявленными князем Ипсиланти доброй волей и рвением для достижения цели императорского двора.

Генеральный консул Болкупов, я полагаю, дал вашему высокопревосходительству подробный отчет о миссии, которую он доверил одному из офицеров консульства, и о способе, которым она исполнена.

Агент князя Ипсиланти в этой столице, который ни им, ни мною не был и не будет посвящен в ту роль, которую мы заставляем играть князя Ипсиланти в сем деликатном деле, но который намерен, по распоряжению своего князя, обрисовать мне в общих чертах, что происходит в Порте, доверительно сообщил мне, что оттоманское правительство, хотя и сильно встревожено новым восстанием сербов и не знает, на что решиться, чтобы его подавить, по что в качестве первой меры оно, однако, остановилось на мысли использовать мирные пути, поручив князю Ипсиланти призвать сербов к покорности и привести их к ней, направив к ним своего надежного человека, способного к выполнению подобной миссии; что оно даже послало князю Ипсиланти хат-и шериф султана, где монарх, превознося свое о нем высокое мнение, выражает надежду, что его заботами сербы будут приведены к послушанию и покорности своему государю.

Агент князя Ипсиланти весьма огорчен тем, что его господаря обременяют подобными заботами, так как он не представляет себе, как князь сможет справиться с этим,

чтобы удовлетворить Порту, и думает, что если, напротив, положение будет ухудшаться, недоброжелатели и даже члены оттоманского правительства для своего собственного оправдания непременно взыщут вину на князя Ипсиланти, обвинив его в том, что он не сумел ловко управлять умонастроениями сербов.

Действительно, положение князя Ипсиланти станет весьма затруднительным и щекотливым. Идея Порты возложить на него, так сказать, умпротворение Сербии может в некоторых отношениях быть нам выгодной, ибо эта мера позволит расширить отношения князя Ипсиланти с сербами, с самой Портой и ее агентами в этой стране, через которых мы сможем получать более положительные сведения о ходе этих дел и, следовательно, сможем действовать с большей точностью.

Имеется обстоятельство, к которому мы не могли бы быть безразличны и которое надобно проверить. Уверяют, будто среди сербов существуют две партии; этот разлад среди них может привести к нежелательным последствиям для нас. Враждебность и зависть, существующие в среде вождей, могут толкнуть их на доносы и тем самым могут обнаружиться наши с ними связи. Я также поручаю генеральному консулу Болкунову собрать сведения на этот счет. Почтеннейше остаюсь, милостивый государь, вашего высокопревосходительства низжайший и покорнейший слуга

А. Италинский

¹ См. док. № 43.

² Имеется в виду поездка в Бухарест титулярного советника Е. Волкова, о которой Болкунов сообщил Италинскому 14/29 марта 1805 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 136/1, л. 253—254). Отчет Волкова от 14 февраля 1805 г. об этой секретной миссии публикуется в док. № 40.

№ 43

Предписание А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову согласовать текст прошения сербов к султану с рекомендациями МИД России

№ 17

17 (29) марта 1805 г. Пера

Милостивый государь мой Иполит Федорович! Все письма Ваши от 16 (28) февраля¹ получены мною исправно с последнею с[анкт]-[петербургскою] почтою.

В рассуждении мер, которые по данному Вам касательно славено-сербов поручению должны Вы принять в настоящем стечении обстоятельств, объясняюсь я в прилагаемом письме². Содержание прошения их к султану³ надобно непременно сообразовать с наставлением, которое дано Вам по сему предмету от министерства в прошедшем декабре⁴. Нужно, чтоб они не медлили доставить оное прошение, чрез кого за полезнее признают. В случае небытия иного средства могут отправить оное к здешнему греческому патриарху, который без сомнения доставит Порте чрез драгомана ее. Князь Ипсиланти, кажется, не рассудит взять на себя сие посредничество. Впрочем, примите старание узнать мысли его о сем.

Затем, что сказано в упомянутом прилагаемом письме по делу предпринимаемого возвышения пошлины на скот, выпускаемый из Молдавии за границу, имею только просить Вас осведомиться верным образом и меня уведомить, не имеет ли Молдавское княжество привилегии, утверждающей ему право чинить оный выпуск свободно, руководствуясь в том собственным своим благоусмотрением.

Г-н Панайодорос находится в такой расстройке касательно здравого смысла, что не может делать никакого ни службе, ни себе полезного употребления знаний своих. О сем министерство наше давно уже извещено.

Имею честь быть с совершенным почтением вашего высокородия покорнейший слуга

Андрей Италинский

Помета: Получ[ено] 31-го. Отв[ет] 2 апреля.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 42—43. Подлинник.

¹ Имеется в виду донесение Болкунова Италинскому от 16 февраля 1805 г. о возвращении из Бухареста Волкова (отчет Волкова см. в док. № 40) и о возвращении в Белград двух сербских депутатов, ездивших в С.-Петербург (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1670, л. 30—31).

² Имеется в виду направленная с опубликованным письмом инструкция Италинского Болкунову от 17 (29) марта 1805 г., в которой он по существу повторяет основные положения предписания Чарторыйского Болкунову от 17 декабря 1804 г. (см. док. № 33) по поводу подготовки сербской депутации в Константинополь и оказания ей помощи в этом деле.

³ См. док. № 55, 61. ⁴ См. док. № 33.

№ 44

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о возможном назначении Карагеоргия управителем Белградского пашалыка и о других политических известиях

№ 20

26 марта 1805 г. Яссы

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Пользуясь обратным проездом из Константинополя коллежского асессора Балужева, имею честь вашему сиятельству донести о слухах, здесь носящихся:

Письма из Турции вообще подтверждают смерть Али-паши, убитого в засаде султанскими войсками, тож и отравление Бекир-паши боснийского.*

Черни Жорж, начальник сербов, получил от одного чужестранного министра** присланное к нему из Монте-Негро официальное письмо, вследствие коего созван им был совет и потом в разные места отправлены нарочные. Сербские дела, кажется, отдалены от окончания; вероятно, однако ж, что Черни Жорж получит от Порты во владение оную провинцию по примеру князей Молдавии и Валахии.

Мятеж киприотов день ото дня становится серьезнее и тем более может иметь влияние на дальнейшие последствия, что кажутся они быть поддерживаемы некоею иностранною державою.

Египетские дела приемлют нехороший оборот для Порты, которая опасается потерять сию землю отнятием от нее оной маммелуками или албанцами, неприятелями их и законного их государя, или же коею-либо из иностранных держав, принимающих в оной участие.

Пазвант-оглу собирает войски, отправляет в разные места курьеров и готовится выступить весною в поле.

Аглинский консул в Букоресте с великою деятельностью производит внешнюю свою переписку.

Соединение войск российских около Киева подает повод здешним ожидать занятия оными добровольно или силою сей земли.

Молдавский господарь получил 22 марта нарочного курьера от австрийского правительства с приглашением о предостережении его провинции от желтой лихорадки, которая в Верхней Италии усиливается, по поводу чего и даны от его светлости надлежащие приказанья. Думают, что подобное сообщение есть политический претекст цесарского правительства по случаю происшедшего в Буковине движения жителей, коих слышно более 500 человек перешло в Молдавию.

Как г. Валуев объехал в Букоресте обыкновенную константинопольскую от 1-го сего месяца почту, то и предоставляю себе честь прочие донесения мои к вашему сиятельству с оною отправить.

* См. док. № 46.

** *Министра иностранных дел Австрии.*

Имею честь пребыть с глубочайшим почтением и неограниченною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства, нижайший слуга

Ишполит Болкунов

Помета: Пол[учено] 12 апреля 1805 г.
АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 4, л. 14—15 об. Подлинник.

№ 45

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о слухах по поводу возвращения сербских депутатов из Петербурга в Сербию и о принятых им мерах по организации связи с сербскими повстанцами

№ 22

27 марта 1805 г. Яссы

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Консул Кирико с сею почтою пишет ко мне между прочим, что известный Петр Новакович, выехавший отсюда в Валахию для произвождения с сербами сношений, получил под конвертом его чрез Семлин письмо от соотчичей своих депутатов, в котором они уведомляют его о возвращении своем из России и что они занимаются составлением просьбы на имя султана и назначением нарочных особ для отправления в Константинополь.

Сербы посредством корреспондента в Семлине адресовались к г. Кирико, испрашивая у него некоторых советов, но как сей последний не имел никаких по сему предмету предписаний, то, донеся обо всем к г. чрезвычайному посланнику, между тем просил означенного корреспондента о продолжении и впредь таковыми извещениями.

Я ограничился на сей случай поручением г. Кирико, чтоб он воздерживался от письменных сношений с теми людьми, а предоставил бы сие конфиденту их, в Букоресте находящемуся*.

Третьего дня прибыл сюда из Константинополя нарочный татар с письмами Порты, вследствие которых господарь назначает бана Караджу и другого боярина из греков**, равно и одну духовную особу***, кои отправлены будут к сербам, около Белграда собравшимся. Неизвестно еще о настоящем предмете сей посылки, впрочем, как она делается весьма скрытно, то и не оставлю я стараться впоследствии узнать что-либо положительное¹.

Имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и неограниченною искренностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга

Ишполит Болкунов

Помета: Получено 12 апреля 1805 г.
АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 4, л. 18—19. Подлинник.

¹ Господарь Молдавского княжества князь Мурузи по приказу Порты в глубокой тайне готовился послать к восставшим сербам бана Караджу, бана Ставри и архимандрита Серафима, который был родом из сербов. Выехав порознь, они должны были встретиться в Бухаресте, откуда вместе намеревались двгаться в Сербию. По словам Болкунова, им поручалось «...привести сербов и прочих задунайских болгар в прежнее повиновение Порте» (см. донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому от 31 марта 1805 г. АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 4, л. 41—43).

* Петру Новаковичу Чардаклии.

** Бана Ставри.

*** Архимандрита Серафима.

№ 46

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о назначении Бекир-паши визирем Белградского пашалыка и военных приготовлениях сербов в связи с этим

№ 24

27 марта 1805 г. Яссы

Сиятельнейший князь, милостивый государь! У сего препровождаю на усмотрение вашего сиятельства обыкновенную записку буюрестским и задунайским новостям, а к оной имею честь присовокупить, по уведомлению консула Кирико, что Бекир-паша боснийский назначен будет в Белград на место Сулейман-паши, а сему последнему поручается занять пост в Силистрии. Сербы, немало встревожась таковыми переменами, особливо же, что прежде упомянутый паша намерен, как слышно, вести с собою и несколько тысяч войска, стараются на всякий случай привести себя в состояние отразить могущие быть на них покушения. Посему известия, заключенные в покорнейшем донесении моем под № 20¹ касательно отравления Бекир-паши, некоторым образом опровергаются.

За противными ветрами сей обыкновенный курьер из Константинополя, отправленный вместе с коллежским асессором Валувым, проехавшим здесь вчерашнего числа, пробыл на море 18 дней, всего же в дороге до Ясс 26 дней.

Имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и таковою же преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга,

Исполит Болкунов

Помета: Получено 12 апреля 1805 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 4, л. 23 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 44.

№ 47

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о разногласиях в рядах сербских повстанцев и о скором отъезде П. Новаковича в Константинополь

№ 28

31 марта 1805 г. Яссы

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Г-н чрезвычайный посланник Италинский с сею почтою в ответ на первые донесения мои касательно сербов примечает, что нужно, чтобы они не медлили присылкою известного прошения к султану и что в случае неимения другого средства могут адресовать оное к константинопольскому патриарху для представления, предлагая мне в то же время известить его превосходительство, когда и каким посредством оное исполнено будет, дабы он потому мог расширять свои подвиги у Порты. Сверх того г. посланник изъясняется, что, уверяют, между сербами существуют две партии¹ и что остерегаться должно, дабы каким-либо последствием сего разделения не обнаружилось то особое участие, которое высочайший двор приемлет в настоящих их движениях, а потому и поручает мне стараться обстоятельно разведывать и принять меры к отвращению вреда, могущего произойти от такого расположения умов. Не имея других причин к сомнению, я бы мог, сиятельнейший князь, заключения сии отнести к тем слухам о наклонности упомянутого народа к их соседям, которые между прочим упомянуты в донесении моем под № 26², если бы уверения, поданные депута-

тами, от одного посыланнми, не были достаточным убеждением в единственной прибежности его к нам и твердом со стороны оных последовании советам, которые им преподаны были.

Г-н капитан Петр Новакович при отъезде своем в Букорест полагал, что в недолгом времени должны быть доставлены надлежащие прошения и полномочия — может, ему же самому следовать в Константинополь, где вследствие наставлений, данных ему, первый шаг его будет сообщить о себе г. посланнику. Впрочем, хотя оные еще не присланы, однако же по последним известиям можно ожидать, что сие вскоре место свое займет. На всякий же случай я поручаю г. Кирике, чтоб он, если нужно будет, посредством сего конфидента, снабженного от меня всевозможными наставлениями, подвинул их к скорейшему исполнению того.

Я не оставляю о сем и к г. посланнику отнестись, так как и о дальних последствиях по мере доходящих ко мне сведений сообщать ему для нужных соображений.

Имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и непреложною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга

Ипполит Болкунов

Помета: Пол[учено] 24 апреля 1805 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 4, л. 46—48 об. Подлинник.

¹ В данном случае речь идет не о тех двух партиях, которые возникли в результате стремлений Карагеоргия добиться централизации власти, а о существовании двух течений — радикального и умеренного — в рядах повстанцев. Сторонники радикального течения высказывались за автономию Белградского пашалыка, по образцу Валахии и Молдавии или Ионических островов. Между тем, сторошников умеренного течения удовлетворяло восстановление старых порядков, которые были при Хадже-Мустафепаше (см.: *Новаковић С.* Вакрс државе српске; *Он же.* Устанак на данје 1804 г. Београд, 1954; *Ђорђевић М.* Ослободилачки рат. . .; *Милослављевић П.* Бој на Иванковцу в 1805 г. Београд, 1979.

² Имеется в виду донесение И. Ф. Болкунова под № 26 от того же числа, т. е. 31 марта 1805 г. Основное содержание документа изложено в коммент. 1 к док. № 45. Письмо хранится в АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 4, л. 41—43.

№ 48

Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому о беспокойстве П. Новаковича в связи с задержкой прибытия сербской депутации в Бухарест

1 апреля 1805 г. Бухарест
Secret

Monsieur l'envoyé! Ayant reçu ce jourd'hui l'incluse de notre correspondant de Semlin, j'ai l'honneur de la ci joindre en original¹.

En soumettant les détails y contenus aux hauts lumières de v. ex., j'ai l'honneur d'être, avec profond respect,

Monsieur l'envoyé, de votre excellence
le très humble et très obéissant serviteur

Luc de Kirico

P. S. Le capitaine Petro * Servien, confident des députés de sa nation, qui continue son existence secrète en cette ville, aussi inquiet sur le retard des députés que sa nation devrait envoyer par ici à Constantinople, vient d'écrire à M. de Bolkounoff qu'il compte expédier ces jours-ci un homme

* *Петр Новакович Чардаклия.*

de sa confiance en Servie pour accélérer l'expédition prescrite et hâter l'acheminement de leur affaire, dont les retards onéreux pèsent, dit-il, à tort sur toute la nation.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 863, л. 87. Автограф.

Перевод

Секретно

Господни посланик! Получив сегодня от нашего корреспондента в Землине приложенное к сему [донесение], имею часть препроводить его в оригинале¹.

Представляя содержащиеся в нем сведения высокопросвещенному мнению вашего превосходительства, имею честь быть с глубочайшим почтением, господни посланик, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Лука Кирико

P. S. Капитан Петро, серб, доверенный депутатов его народа, который продолжает тайно пребывать в этом городе, также обеспокоен задержкой депутатов, которых его народ должен послать отсюда в Константинополь; он написал г. Болкунову, что рассчитывает в один из ближайших дней направить доверенного человека в Сербию, дабы ускорить их отъезд и поторопить вероятное продвижение дела, тягостная задержка которого, как он говорит, наносит вред всему народу.

¹ Имеется в виду письмо на греческом языке, полученное Л. Г. Кирико от знакомого ему грека — таможенника, проживающего в Землине (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 863, л. 88—89).

№ 49

Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому об отправке молдавским господарем делегатов в Сербию с посреднической миссией

№ 17

2 апреля 1805 г. Яссы

Со времени последних донесений моих к вашему превосходительству от 16 марта¹ прибыли к здешнему господарю разные нарочные из Константинополя. Не известно, однако ж, о новостях, им привезенных. По получении за несколько предъ сим дней последнего татара Порты, который немедленно затем отправлен обратно, господарь назначил под великим секретом двух бояр из греков — бана Караджу и другого бана Ставри, да одну духовную особу* для отправления к сербам, около Белграда собравшимся. А дабы более скрыть сию экспедицию, они отправятся порознь под предлогом некоторой особенной комиссии в Букорест, где, уже соединясь, поедут далее. Один из сих бояр уже выехал отсюда, а другой, слышу, заболел. По сей час я только узнать мог, что им поручено будто стараться привести сербов и других задунайских болгар в прежнее повиновение Порте.

Примечают, что господарь Мурузи находится в некотором беспокойствии и заботе, которые видны даже на лицах его приближенных, с коими он имеет частые секретные советования. Некоторые сомневаются о предстоящем будто разрыве между Австриею и Портою. Соединение войск российских около Киева также подает здешним повод думать о возможности занятия оными добровольно или силою сей земли.

Здесь слышно, будто между татарами в Буджаке происходят некоторые движения, что мурзы или старшины их частые имеют приезды в Ибраил и сношения с тамошним назыром.

* Архимандрит Серафим.

Третьего дня прибыл сюда из Царьграда некто знатный турок. Того же дня поздно ввечеру господарь посетил одного секретно в бейлике (турецком доме), где он остановился. Сказывают, будто сей чиновник имеет поручение осмотреть пограничные крепости и стараться о приведении их в оборонительное состояние.

Я не в состоянии еще судить, до какой степени можно положиться на вышеупомянутые слухи, здесь носящиеся; тем не меньше, однако ж, почел долгом предупредить об оных ваше превосходительство, так как и не премину впоследствии о справедливости того исследовать.

Имею честь пребыть. . .

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 49—50 об. Отпуск.

¹ См. док. № 41.

№ 50

Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому об отъезде в Бухарест П. Новаковича и о неосновательности слухов о связях сербов с Австрией

№ 19

2 апреля 1805 г. Ясы

Секретно

Ссылаясь на прежние донесения мои к вашему превосходительству о подвигах, которые поныне в возможности моей состояли по имеющимся у меня касательно сербов повелениям ¹, имею честь на полученные мною отношения Ваши сим ответствовать.

Г-н Новакович, один из известных депутатов, посредством которого главнейшие сношения мои министерству его императорского величества угодно было назначить, слишком долго замедлился в дороге. В неизвестности о нем и чтобы выиграть время впоследствии, я решился тогда посылкою в Букорест титулярного советника Волкова сделать первое приступление чрез словесную просьбу к князю Ипсилантию, не будучи уполномочен ни в какие письменные сношения. По сей первой комиссии, которой исполнение требовало особенной тайны, мне оставалось только ожидать с извещением от начальника сербов, как предполагалось было, нарочного человека.

По приезде г. Новакович, достаточно наставленный на всякие случаи для поведения своего, пробыв недолгое время здесь, спешил отправиться в Букорест в чаянии по собственным расчислениям скорой присылки известных прошений от народа, равно и полномочия, как предполагал ему самому следовать в Константинополь, где вследствие данных от меня наставлений первый шаг его быть должен известить о себе ваше превосходительство.

По сим распоряжениям и в доверенности на расторопность помянутого конфидента мог я ожидать наилучшего последствия. С другой стороны, сербы, зная предварительно о пребывании нынешнем сего их соотчича и будучи наставлены, как мне известно, чрез депутатов своих, в С.-Петербурге бывших, в чем должно состоять прошение их, казалось, не могли встретить дальнего затруднения и упущения времени в подлежащем им исполнении.

Между тем, усматривая из уведомлений консула Кирико об отъездах к нему корреспондента из Землина, и, наконец, об ожидании вскоре нарочно посылаемых особ с прошениями сербов ², я на первый раз советовал ему только воздерживаться от письменных по сему предмету сношений,

а предоставить сие confidentу их, в Букоресте находящемуся *. Ныне же, соображаясь с отзывами вашего превосходительства, отношусь к г. Кирике, чтоб в случае замедления со стороны сербов старался он чрез того же confidentа непременно ускорить сей их подвиг, преподав к тому и другие, сколько ему следовало, наставления.

Рассуждение вашего превосходительства касательно того, что слышно, будто между сербами существуют две партии, опасных последований которых остерегаться должно при каком-либо действии сего разделения, я принимаю себе в руководство. Не имея других причин к сомнению, я бы мог, милостивый государь, отнести сие к тем слухам, которые по разным стечениям недавно и здесь носились, о сношениях будто сербов и некоторой склонности к австрийскому двору, если бы уверения, поданные депутатами сего народа, не были достаточным убеждением в единодушной прилежности оного к нам и твердом последовании советам, которые им преподаны были. Впрочем, я не премину стараться наипачнейше разведывать о сем обстоятельстве, так как и всевозможную осторожность наблюдаю в сношениях моих. Равномерно не оставил я принять нужные меры, чтобы со всякою скромностию испытать мнение по сим делам князя Ипсилантия, оказавшего уже опыт доверия к нам и откровенности, и вообще поведение мое в сем случае согласовать буду с наставлениями Вашими.

Имею честь пребыть. . .

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 53—55 об. Отпуск.

¹ См. док. № 41.

² Имеется в виду письмо Л. Г. Кирико И. Ф. Болкупову от 16 февраля 1805 г., в котором идет речь о получении письма из Землина по поводу распоряжений А. Я. Италинского в связи с отъездом сербских депутатов из С.-Петербурга (АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 122, л. 96—96 об.).

№ 51

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о стремлении Австрии к подавлению восстания сербов в связи с боязнью усиления русского влияния в Сербии

4 (16) апреля 1805 г. Пера

J'ai l'honneur d'informer v. ex. que j'ai fait part au ministère ottoman, et dans les termes qu'elle m'avait prescrit, du recours des Serviens à s. m. l'empereur ¹.

Cette communication n'a déterminé jusqu'à ce jour envers moi aucune observation de la part du ministère ottoman. Le r[eis]-effendi lui-même s'est borné à l'entendre; je n'ai point été encore à même de savoir quelle impression elle a faite. Je ne tarderai pas, j'espère, à la connaître.

Je m'attends à voir arriver incessamment les demandes des Serviens au sultan ². D'après les avis que par le dernier courrier M. le consul Kirico m'a transmis, cette expédition se préparait.

Aux informations que j'ai eu l'honneur de transmettre à v. ex. par ma dépêche des 17 (29) mars ³ sur les affaires serviennes, il en est de non moins importantes que j'ai acquises par le même canal du beizadé Mourouzy. D'abord il m'a prévenu que la Porte, dans son inquiétude et dans son irrésolution sur le parti à prendre envers les Serviens, avait pensé de charger les princes de Valachie et de Moldavie, comme de la même religion, d'en-

* *Петр Новакович Чардаклия.*

voyer des personnes de confiance en Servie, pour engager ce peuple à la soumission, pour connaître les motifs de sa nouvelle insurrection et quelles sont ses prétentions; qu'elle se décidait à cette mesure, parce que allarmée d'un côté par le caractère que cette insurrection pourrait prendre, et de l'autre par les dispositions que cet état de choses a produit dans les esprits de tous les mahometans avoisinants cette contrée, elle voudrait éviter le choc qui se prépare; car les Turcs de ces environs ont déclaré à la Porte qu'ils ne pouvaient plus rester tranquilles spectateurs du massacre de leurs frères par des chrétiens, qu'ils se leveraient en masse pour tomber sur les Serviens et les écraser, et qu'ils lui demandaient son autorisation à cet effet.

La Porte ne veut point donner cette impulsion et cherche par tous les moyens de calmer les esprits.

Une circonstance qui a frappé le ministère ottoman et dont le r[eis]-effendi m'a fait aussi la communication très confidentielle, c'est la conduite actuelle des Autrichiens relativement aux Serviens, et le langage que l'internonce Sturmer a récemment fait tenir à la Porte sur leur compte.

Lors de la première insurrection des Serviens les Autrichiens n'ont pas caché au ministère ottoman l'intérêt qu'ils prenaient à ce que ce peuple soit délivré du joug des dais. Aujourd'hui ce n'est plus la même marche. L'internonce Sturmer a fait prévenir le ministère ottoman, que l'insurrection des Serviens prenait un caractère dangereux, qu'il était évident qu'ils suivent une impulsion étrangère, que les conséquences peuvent devenir incalculables pour la Porte, et qu'autant il avait été le premier à conseiller des mesures de douceur envers ce peuple, autant il croit devoir en représentant d'une puissance ami sincère, engager la Porte à faire usage de tous ses moyens pour la comprimer. Il a ajouté même que sa cour serait disposée à seconder la Porte dans cette circonstance.

Dans le moment où l'internonce Sturmer a tenu un tel langage, les Autrichiens à Semlin ont informé Regeb aga qui s'y était rendu pour les affaires des Serviens, que ce peuple avait envoyé une députation à Pétersbourg, qu'elle était déjà de retour, et qu'elle avait reçu de la cour imp[ériale] les assurances les plus satisfaisantes, et que la levée actuelle de boucliers des Serviens en était l'effet. Car tel est le rapport que ce commandant turc a fait à la Porte.

Cette information de Regeb aga et les insinuations de l'internonce Sturmer, s'accordent assez pour ne pas supposer que ce ministre n'ait eu l'intention de nous indiquer comme les moteurs de la situation actuelle des choses en Servie.

Dans cette hypothèse, la cour de Vienne ayant eu connaissance du recours des Serviens, craindrait donc que l'intercession de s. m. l'empereur et les assurances que nous aurons pu donner à ce peuple, ne nous procure une plus grande masse d'influence, exclusivement à ce qu'elle aurait désiré elle-même acquérir en Servie, et dès lors elle aura pensé qu'il était de sa convenance d'inspirer une certaine méfiance contre nous, dans l'espoir de nous faire manquer notre but.

Je crois qu'on ne peut pas autrement interpréter cette conduite. Quoiqu'il en soit, il était de mon devoir de transmettre ces informations à v. ex.

Je suis avec respect.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 42, л. 12—13. Отпуск.

Перевод

Честь имею сообщить вашему высокопревосходительству, что довел до сведения оттоманского правительства в предисланных мне Вами выражениях обращение сербов к его величеству императору¹.

Это сообщение до настоящего времени не вызвало никаких замечаний в мой адрес со стороны оттоманского министерства. Сам реис-эфенди ограничился тем, что выслушал его. Я даже не знаю, какое впечатление произвело это известие. Надеюсь, что не замедлю узнать.

Ожидаю немедленного получения прошения сербов к султану². Согласно сведениям, переданным мне консулом Кирико с последним курьером, такая поездка подготавливается.

В дополнение к сведениям, которые я имел честь переслать вашему высокопревосходительству в даше от 17 (29) марта³ о сербских делах, есть весьма важные, которые я получил через того же бейзаде Мурузи. Прежде всего он предупредил меня, что Порта, будучи обеспокоена и находясь в перешительности, какую позицию занять в отношении сербов, задумала поручить князьям Валахии и Молдавии, как их единоверцам, направить доверенных лиц в Сербию, дабы склонить сей народ к послушанию, выяснить причины его нового восстания и его жалобы. Она решилась на такой шаг ввиду того, что обеспокоена, с одной стороны, характером, какой может приобрести восстание, а с другой, — настроением, вызванным таким положением среди магометан, соседствующих с этой страной. Она хотела бы избежать готовящегося удара, ибо окрестные турки заявили Порте, что не могут более оставаться безучастными свидетелями истребления христианами их братьев, что они поднимутся всей массой, чтобы напасть на сербов и раздавить их, и просят ее разрешения на сей счет.

Порта вовсе не хочет дать толчок этому и пытается всеми средствами успокоить состояние умов.

Одно обстоятельство поразило оттоманское министерство, о чем реис-эфенди сообщил мне весьма конфиденциально, а именно: нынешний курс австрийцев в отношении сербов и заявление, которое недавно сделал Порте на их счет интерпунций Штюрмер.

Со времени первого восстания сербов австрийцы не скрывали от оттоманского министерства своей заинтересованности в том, чтобы этот народ был избавлен от ига дахий. Ныне позиция их изменилась. Интерпунций Штюрмер предупредил оттоманское министерство, что восстание сербов принимает опасный характер и, очевидно, они действуют по внушениям извне; последствия этого для Порты невозможно предвидеть, и поскольку он первый посоветовал мягкие меры по отношению к этому народу, то считает должным как представитель державы, питающей к Порте искренние чувства дружбы, призвать ее использовать все средства, дабы подавить восстание. Он даже добавил, что его двор был бы расположен поддержать Порту в этом деле.

В то время, когда интерпунций Штюрмер делал такое заявление, австрийцы в Землине уведомили Реджеб-агу, который прибыл туда по делам сербов, что этот народ послал депутацию в Петербург, что она уже вернулась, получив от императорского двора самые удовлетворительные заверения, и что нынешнее вооруженное восстание сербов является следствием этого. Такой рапорт отправил Порте турецкий комендант.

Это сообщение Реджеб-аги и внушения интерпунция Штюрмера достаточно связаны, поэтому можно предположить, что посланник имел намерение указать на нас, как на движущую силу нынешней ситуации в Сербии.

Мы можем предположить, что венский двор, узнав об обращении сербов, испугался, как бы посредничество его величества императора и заверения, которые мы могли бы дать этому народу, не обеспечили нам исключительное влияние, каковое он хотел бы сам приобрести в Сербии, и поэтому он, видимо, решил, что в его интересах возбудить известное недоверие к нам в надежде, что мы не достигнем цели.

Я думаю, что невозможно толковать иначе подобное поведение. Как бы то ни было, мой долг передать вашему высокопревосходительству эти сведения.

Пребываю с уважением и пр.

¹ См. док. № 31. ² См. док. № 55, 61. ³ См. док. № 42.

№ 52

Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому о посреднической деятельности молдавского и валашского господарей в переговорах Порты с сербскими повстанцами

15 апреля 1805 г. Бухарест

Secret

Monsieur l'envoyé! S. a. l'hospodar Ypsilanthy vient de me communiquer ce jourd'hui l'avis confidentiel, que l'hospodar Mourousy ayant destiné M. le spothar Vassilaky avec un ighumen de Moldavie à la commission prescrite vers les Serviens, leur avait aussi consigné diverses lettres à l'adresse

de la communauté des Serviens, à Chernoi Ghiorghy et à d'autres, leur ayant prescrit de s'en concerter préalablement avec s. a. ici, afin que les opérations combinées fussent d'accord commun et puissent produire tout l'effet désiré¹; la lettre vers la nation servienne contenait le sens des insinuations que la Porte avait intimé de faire, mais l'autre, dressée en langue grecque pour Chernoy Ghiorghy, contenait en outre l'avis arbitraire de sa part, qu'ils ne devaient nullement fonder de l'espoir, en ce qu'une puissance étrangère quelconque puisse jamais intervenir en leur faveur, ni s'intéresser pour eux d'aucune manière auprès de la Porte, que pour ce motif impérieux il fallait se soumettre absolument aux intimations de sa hauteesse, qui par un rescript exprès les invitait particulièrement de quitter les armes, de se reconcilier avec Regieboga commandant d'Orsova et de se repacifier avec les Turcs de ces environs-là, sans quoi ils endureraient l'indignation de sa hauteesse et sa vengeance. Le prince Ypsilanthy, pour faire éluder l'effet sinistre d'une telle insinuation partielle et présomptueuse et si peu favorable à leur situation actuelle, invita cet émissaire moldave de ne point exhiber cette lettre grecque à Cherni Ghiorghy, qui n'étant pas du tout lettré et qui ignorant surtout le grec, la rejeterait sans doute, et qui d'ailleurs saurait parvenir à la connaissance et entre les mains de Pasvandoglu, que par conséquence il fallait s'en tenir aux simples insinuations prescrites et à l'effet désiré de les voir transmettre leur requête détaillée au sultan par des députés à la Porte, qu'au reste il croyait que les commissaires valaques s'y soient déjà acquittés de leur mission, que M. Vassilaky saurait même les rencontrer en route, que par conséquent il n'était plus à temps de leur en écrire, mais qu'il pourrait leur dire de bouche ce que le prince Mourousy l'avait chargé, et de tâcher de parvenir aux fins salutaires, qui forment le but principal des vœux unanimes de cette nation chrétienne, qui cherche à établir son sort sur une base solide, afin de se mettre pour toujours à l'abri des suites funestes de l'indiscrétion et de l'arrogance de ses voisins, qu'il fallait donc tâcher d'accélérer de toute manière l'expédition de la requête ci-dessus.

Ce boyar moldave est parti aujourd'hui avec le prêtre susmentionné en poste, et le prince Ypsilanthy attend ces jours-ci des nouvelles de ses émissaires, qu'il m'a promis de me communiquer incessamment pour les rapporter confidentiellement à v. ex.

S. a. m'a aussi observé qu'il avait cru nécessaire d'en écrire de son côté à Pasvandoglu, afin de lui faire à croire qu'il voulait s'en consulter avec lui et lui demander avis sur l'exécution des ordres que la Porte venait de lui en intimer relativement aux Serviens, ses voisins; ce pacha de Vidin vient de lui marquer en réponse, qu'il considérait l'exécution de ces ordres de la Porte comme impossible, et que toutes ses démarches y seraient infructueuses, tandis que les Serviens ne quitteront, dit-il, jamais les armes, sans que les kirgialis ne soient point chassés de Belgrade, et qu'il n'y soit nommé un pacha ferme, actif et veillant, comme lui, pour mettre un frein aux uns et parvenir à se soumettre les autres.

C'est dont s. a. m'a chargé de rapporter confidentiellement à v. ex., et sous secret, en évitant, prie-t-il, de votre côté tout ce que saurait l'y compromettre. Je m'empresserai d'en relever et transmettre successivement à v. ex. tous les détails ultérieurs sur cet objet qui intéresse l'auguste service et excite à si juste titre votre attention.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, Monsieur l'envoyé, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Luc de Kirico

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 863, л. 101—102. Подлинник.

Господин посланник! Его высочество государь Ипсиланти сегодня доверительно сообщил мне, что государь Мурузи, поручая г. спатарю Василики и игумену молдавскому предписанную миссию к сербам, доверил им также письма, адресованные общине сербов, Георгию Черному и другим, посоветовав предварительно согласовать все здесь с его высочеством, дабы совместные действия отвечали общему согласию и могли бы привести к желаемому результату¹. Письмо к сербскому народу говорило о целях тех мер, которые Порта намеревалась предпринять, а другое письмо на греческом языке для Георгия Черного содержало, кроме того, собственное мнение [Мурузи], что сербы не должны питать никакой надежды на то, что какая-либо иностранная держава сможет выступить в их пользу, либо ходатайствовать за них каким-либо образом перед Портой; что в силу этого существенного обстоятельства им следовало бы полностью подчиниться предписаниям его высочества*, который специальным рескриптом усердно призывал их сложить оружие, помириться с комендантом Орсовы Реджеб-агой и с местными турками, иначе они вызовут негодование его высочества и его месть. Дабы ослабить злое влияние подобного пристрастного и высокомерного заявления, столь неблагоприятного в их нынешнем положении, князь Ипсиланти посоветовал молдавскому эmissару не показывать греческое письмо Георгию Черному, который вообще не умеет читать, вовсе не знает греческий и, несомненно, его отвергнет, а к тому же содержание письма может дойти до сведения Пазванд-оглу и окажется затем в его руках. Поэтому следовало бы придерживаться предписанных ясных заявлений и ради желаемой цели убедить сербов передать Порте через депутатов свое подробное прошение к султану; впрочем, он полагает, что валахские посланцы уже выполнили свою миссию и г. Василики даже смог встретиться с ними по пути и поэтому уже не время писать им. Однако он мог бы и устно сказать о том, что поручил ему князь Мурузи, и попытаться привести к желаемому концу то, что составляет главную задачу общих устремлений этой христианской нации, которая стремится поставить свою судьбу на прочное основание, дабы навсегда избавиться от печальных последствий несдержанности и заносчивости своих соседей. Посему следовало бы попытаться всемерно ускорить отправление вышеупомянутого прошения.

Этот молдавский боярин отправился сегодня на почтовых вместе с вышеупомянутым священником, и князь Ипсиланти ждет теперь известий от своих эmissаров, о чем он обещал мне сообщить для секретного донесения вашему превосходительству.

Его высочество сказал также, что он со своей стороны счел необходимым написать Пазванд-оглу, чтобы убедить его в своем желании посоветоваться с ним и осведомиться о его мнении относительно выполнения указаний, которые дала ему Порта в отношении его соседей — сербов. Видинский паша сообщил в ответ, что считает невозможным выполнить указания Порты и что все его демарши по этому поводу оказались бы бесплодными, а сербы, как он утверждает, до тех пор не сложат оружия, пока кирджалии не будут изгнаны из Белграда и не будет назначен туда такой же твердый, активный и будительный паша, как он, дабы удержать одних и подчинить других.

Его высочество поручил мне доложить об этом вашему превосходительству конфиденциально и под секретом, и просит избегать с Вашей стороны всего того, что могло бы его скомпрометировать.

Я поспешу получить и тут же переслать Вашему превосходительству все дальнейшие сведения по этому вопросу, который интересует августейшие учреждения и справедливо привлекает Ваше внимание. Имею честь быть с глубочайшим почтением, господин посланник, Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Лука Кирико

¹ Дашное донесение русского консула в Бухаресте (Валахия) Л. Г. Кирико, который, кстати сказать, не пользовался особым доверием российского министерства иностранных дел (см.: ВПР. Сер. 1, т. I, с. 433) показывает, в какой сложной обстановке приходилось действовать русским дипломатическим агентам на Балканском полуострове. Дело в том, что, если государь Валахии К. Ипсиланти считался тайным другом и союзником России, то государь Молдавии А. Мурузи имел репутацию доверенного лица турецкого султана и в то же время — тайного агента французского посла в Константинополе. Поэтому согласовывать их политику в сербском вопросе русским представителям было крайне трудно. Если А. Мурузи был заинтересован выполнить задание турецкого правительства и склонить сербов к покорности, то К. Ипсиланти, зная о тайной поддержке Россией освободительного движения сербов, не мог содействовать миссии, возложенной на Василики (см.: ВПР, т. II, с. 249). Позиция же России в серб-

* В данном случае под «его высочеством» подразумевается турецкий султан (примеч. переводчика).

ском вопросе в 1804—1805 гг. четко изложена в инструкции, направленной товарищем министра иностранных дел А. А. Чарторыйским генеральному консулу в Яссах И. Ф. Болкунову, из которой следует, что Россия, не имея возможности по внешнеполитическим условиям, открыто помогать восставшим сербам, рекомендовала их вождям придерживаться следующей тактики: продолжать через своих депутатов добиваться у султанского правительства получения необходимых привилегий, обещая покорность, и в то же время не поддаваться нажиму из Константинополя и «не покидать оружия и продолжать военные действия» против своих врагов (см.: ВПР, т. II, с. 249). В этой связи посредническая миссия А. Мурузи не могла встретить сочувствия у русских дипломатов.

№ 53

Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову с просьбой о выдаче денег для отправки нарочного в Сербию через австрийские владения

Не позднее 16 апреля 1805 г.* Бухарест

Милостивейший государь генерал-консул! Моего долгого здесь напрасно дожидания можно есть причина моего друга смерть, иначе по нашему уговору толко долго не надобно би було здесь дожидатся. Почем я думаю есть нужно, и очень карашо би було отсюду Ва[м] за исправно известие собственного человека послать, и преко турецкие земли нельзя, но преко Венгрии. И для того Вас молю и от Вас совета прошу, у сему случаю что надобно делать? Здесь, как Вы будете сказать, я буду следовать. За исполнити сие дело я денги не имею.

Господин генерал! Посмотрите, каковие способности времена без денги я здесь пропускаю, которые времена наше дело — тяжко получает. О мне не спужайтесь ничего, я знаю тайну хранить. Вашей милости пребиваю слуга покорнейший

Петар Новакович

Р. S. Пишу Вам из нужди, почем толко позно и еще ни о чем не извещен. Человека я буду послать са паспортом, как купца для венгерского вина. За сие пуд мене надо би употреблиедь до 50 червенцов, таки покорно прошу меня сии денги исправно скорие послать.

Петар Новакович

*Помета: Пол[учено] 16 апреля 1805 г.
ВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 5, л. 16 и об. Подлинник.*

№ 54

Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому о переговорах сербского уполномоченного с черногорским митрополитом относительно помощи Черногории сербам

№ 18

24 апреля (6 мая) 1805 г. Станевич

Мон принсе! ** Имею честь всенижайше донести вашему сиятельству, что некто из чиновников славяно-сербского народа, именуемый Кутивиц, прибыл к черногорскому митрополиту и вручил ему письмо от Карагеоргия и других начальников следующего содержания:

«Высокопреосвященнейший господин наш святыи владыко!

* Датируется по помете о получении.

** Князь! (франц.).

Целой Европе известно, что сербской корень *. Мы же ныне к вашему высокопреосвященству посылаем сего нашего баряктаря Демпьяна Кутивица. Что он вам будет говорить и внушать, то мы все то же самое говорим. Он есть наш верный, потому послан, дабы вы все то, что на сие имеете сказать, могли ему открыть ваши мысли и намерения. Он есть верный сын и баряктарь сербский. Всю братью любезно целуем, а от вас желаем молитвы и благословения. Верные сыны сербские: Карагеоргий Петрович, Ненадович Матвей протопоп валевский, Яков Ненадович, Катич Янко и все прочие.

В Валева 4 марта 1805 г.»¹

В силу такового письма, коим испрашивают сербские начальники у черногорского митрополита иметь к помянутому баряктарю доверенность и положиться на его слова, имел его высокопреосвященство с ним частые разговоры, но со всем тем весьма воздержные, и старался притом наверно узнать нынешнее положение Карагеоргия, и в чем согласие между ими долженствует существовать, и какую помощь от него ожидает сербской народ. Но так как сей баряктарь не мог иных обстоятельных и подробных сведений дать о своей земле, кои не были бы здесь довольно известны, да также не знает за подлинно намерений сербских начальников и какие они распоряжения сделают на случай вспомоществования со стороны Горы, а токмо утверждает, что будто бы протопоп валевский когда находился в С.-Петербурге, то ему приказано было вступить в сношение и заодно действовать с черногорским митрополитом, но на случай, что какие-либо непредвидимые обстоятельства возбраняют его высокопреосвященству преподать сербскому народу желаемую помощь, то Карагеоргий и другие начальники, получа сие известие, не преминут избрать другие меры, дабы немедленно ополчиться противу своего неприятеля. Впрочем сей сербский баряктарь изъявил свое негодование против царцов и сказывал, что до отправления протопопа валевского в С.-Петербург они под рукою посылали несколько своих офицеров к ним в службу, кои, однако же, не были приняты. В отмщение же за сей отказ на возвратном пути протопопа они будто бы неоднократно покушались лишить его жизни. Касательно же до военных припасов, то с начала и поныне покупают у царцов. А за недостатком иногда в деньгах ручается всегда за сербской народ о надежности заплаты митрополит Карловац Стефан Стратемирович, но сие он делает в глубокой тайне, ибо опасается венского двора. Черногорский митрополит, имея желание оказать свою преданность к высочайшему двору, удержал сего сербского баряктаря у себя до моего с ним свидания, дабы в толь важном деле не учинить ничего без ведомства вашего сиятельства; а ныне при отправлении его обратно к Карагеоргию он сообщил мне, что дал ему препоручение словесно объявить сербским начальникам, что черногорский митрополит принимает участие в благополучии сербского народа и желает ему всякое благо и счастье во всех его предприятиях, что для достижения желаемой независимости советует начальникам жить в тесной дружбе друг с другом. Относительно дел положить во всем слепо на созволение и распоряжение единокровного и единоверного всех славяно-сербских великого государя Александра Первого и не предпринимать ничего в противность оного высочайшей воли, хотя бы прочие дворы и обещали им всякое даже неограниченное вспоможение. Что он, черногорский митрополит, имея счастье состоять под покровительством государя императора, будет ожидать дальнего повеления по предлагаемому предмету от стороны Карагеоргия и других сербских

* Так в тексте.

начальников. А когда с согласия всех протопоп валевский согласится отвести сам условленный гарачь * в Константинополь, то тогда нетрудно ему будет, объявя полномочи министру Италинскому свое намерение, иметь чрез его ходатайство верный и безопасный случай вновь быть в С.-[Петер]бурге и там может откровенно представить и объяснить Министерству всю ту пользу, которая воспоследует, естли бы содействовал купно с ними народ черногорский и бердский.

Толь благорассудительный ответ и чистосердечный поступок его высокопр[еосвященст]ва предписал мне долгом службы о всем вышеписанном всенижайше вашему сиятельству донести и отдать должную справедливость о усердии в сем случае черногорского митрополита к высочайшему двору. В убеждении же, что ваше сиятельство благосклонно примете участие, которое я должен принять в подобных сему делах, держаю всепокорнейше просить не оставить меня без вашего милостивейшего наставления.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon prince, de votre excellence le très humble et le très obéissant serviteur **.

Etienne de Sancowsky

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 2, л. 42—46. Дешифрант на автографе.

¹ Текст цитируемого в донесении письма руководителей сербского восстания черногорскому митрополиту Петру I Негошу опубликован в кн.: *Медаковић М. Учествовање Срба на 900-год. прослави у Кијеву*. Нови Сад, 1888, с. 69; *Вукићевић М. Карађорђе*, кн. 2, с. 230. В указанной публикации М. Медаковича текст письма не полон и отличается по стилю от подлинника.

№ 55

*Прошение сербского народа султану Селиму III о предоставлении сербам привилегий*¹

Конец апреля 1805 г.

Печаны

Пресветлејшему и величајимј султану, нам всемилостивејшиј царју! Ми сва покорнејна раја у Београдском пашалуку препадамо, како вернији непрестано у милост височајшего и свјатого довлета. Молимо да би нас от свакаго нападенија у будуште избавили и ослободили. Будући, чрез вашеј пресветлости познати узрока, у пропаст сасвим дошли јесмо, како што ми у нашем понизном арзун[х]алу *** прошасте године покорнејше свјатому довлету, у којему све наше патње и тјаготе описали; к тому молили јесмо, да би ваше пресветлости нас милостивејше у напредак от злих и зулумчија ****, који нама све неизречајуште обиде проузроковали и целога народа чест одузели јесу, на век ослободили и нам начин поставили, да можемо у мирности, како добра и верна раја у вилајету пребивати. Тако јест нас по тому сасвим уфање ***** уживало, да смо се от свих злочинца и нештасних избавили; да би наш живот будуште с покојем проводили; но ми јесмо се у нашем уфању преварени нашли, будући

* Т. е. — гарачь.

** С глубочайшим почтением честь имею быть, князь, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга Степан Санковский (франц.).

*** Арзунал (тур.) — просьба, жалоба.

**** Зулум (тур.) — насилие, неправда.

***** Уфање (сербск.) — надежда.

да за овога време не јеште до хиљаду у Београду пребивају, сву силу при себе имају; и тако исто како оне 4 дајје и много више горе с нама поступати намеравају; и к тому знаке дневно от себе познати давају, да мировати нећеду.

Зато ми принуђени јесмо всепокорнејше молити и представити, да би свјати дозлет на нас своју крепку руку милостиво расширио и нас под своја благодатна крила примио, и свако зашчишченије даровао, и нас, изгубљену и спромашну рају, у будушче спасеније доведе.

Будући да ми, како што у нашем прошасте године предатому арзун-
[x]алу наша сва нужднаја описали јесмо, тако сасвим изнемогли и без крепости остали јесмо; и никаков начин изостао није; такођер и чрез великога трошка, није возможно вилајету у напредак везира обдержавати, будући да ми нисмо могли чрез три године нашу земљу орати и друга дела пословати, да би могли чрез свега овога време нешто заслужити, него да се обдержимо верни и покорни, били смо принуђени нашу марву и прочаја именија под аманет другима давати; и таквим начином у могућство долазили смо. Порез, харач и проче дације, како што су и наши оци и праоци, и свагда без никакове противности давати; зато всепокорнејше молимо и покорнејше представити усуђујемо се.

1. Да би у напредак меште везира једнаго царству верног и вредног мухазила у Београд поставили; и тако да ми от ових зликоваца који сада у Београду пребивају, немир у вилајету чине, ослобођени будемо; и када то усплеђено будет, ондак без сваке сумње хоће вилајет чист от свега пребивати, и у њу мир желејемии уселити се, сваки зулум избегнути и престати. За коју велику и неописану милост обећавамо нашем пресветлејшему царју сваку покорност, како и досада, и пребивати верна и добра раја; к тому еще нећемо изостати непрестано за пресветлејшего царја и великог султана ноћу и дању богу молитву предлагати, да би њему многолетно владеније, невредовит и славниј живот даровао.

2. Да нам милостиво дозвољено будет, да можемо у 12 кадлука по једног оберкнеза поставити, који да буду с баратом *. Такођер да народ једнаго великог кнеза избере, и он истим начином с баратом. Тај исти да буде над они 12 оберкнезова, и како началник целог нашег народа да има у Београдској варошци своје седалишче, и штогод пресветлејши цар чрез мухазила заповедити буде, то све преко нашег началника да се народу објавити имат; и пак штогод буде народ желно и от царства молио, тако исто да има тај народни началник цару и мухазилу представити.

3. Када би се овому народному началнику смрт трефила, или пак ако би он погрешке учинио, чрез које он нужно својег начальства лишен будет, на исти начин и они 12 оберкнезова, тада да је само народу остављено и слободно, себе вредна, верна и добра началника и кнезове избирати, и поставити, који без свакаго странопутија за народ сва попеченија и бригу носити имајет.

4. Харач и порез и прочи данак царскиј, такођер и спајско, и малићане све под једној уговореној и определеној суми како што је у Крајини, да имамо давати; а пресветлејшиј цар нека би из свое хазне спајјама и малићане плаћао из узрока да не би се они у вилајет мешали и по сели своје субаше держали; јер познато јест, да су спајје полак рођациј јаничарскии, и тако верло ласно, да они у вилајет немир проузроковати возможни бити могу.

* Следует: баратом.

5. Нашему великому кнезу да будет само наложено царску мирују и спајско, тако и малићане у вилајету скупити; пак ондак по једном његовим и једним човеку от мухазила у Стамбол послати и тамо великому султану у хазну предати.

6. Да би вилајет у напредак от сваког зулума миран остао и пребивао, такођер и от ајдука; тако да је нашему началнику и мухазилу о томе брига мир у вилајету обдержавати и народ от свакаго нападенїа бранити; што како и прочих наредби у вилајету, порез и харач царский скупити, нужно је да наш началник при себе неко число оружати људи имати мора.

7. Да буде народу у вилајету слободно и незабранито, гдигод нужно и потребно нађесе и види своје цркве и монастыре правити, такођер штогод нашего закона тиче се да не би могао нико на пут стати или усудити се обичаје нашего закона разрушити.

8. Да буде слободно целој раји своје послове и земљу делати, тако и терговати; и то све онако и слободно без сваке препоне; и того ради да не би никаковој другој дацїи подложени били.

9. Без сумње ови садашнии у Београду находјашчи злочинци нећеду драговољно мухазила у град пустити, него сва своја возможнаја употребити буду, да он у Београд не дође; зато нужноје и ми всепокорнејше молимо, да пресветлии довет аустриском двору пише и представи, да не би се у напредак у Београд никакова [х]рана не допустила, с којим начином с временом хоће могућно бити, да мухазил у Београд уђе. Зато опет повторавамо и покорно с коленоприпаданијем молимо, да нестане име керчалп[ј]ско у овоме пределу, будући све што ми от них патили и терпели јесмо није човеку могућно изрећи, нити перетом описати.

Ово наше покорнејше молбено представление моће се чрез наша определена два посланика пресветљејшему нашему царју предложити, који пак и усмено многаја представити наложени јесу, и народ у милост пресветлому и великому султану препоручити.

Ови исти наши посланици имају при себе рачуне от свега учињеног тропка за ово време, такођер што је Бећир-паша, мухазилу и прочим у готову дате, из којих величаимии и пресветли цар видети могу, колику тјаготу овај вилајет носити морао, и то без свакаго својего погрешїа, него от насилија зликовца обрану чинити.

Ми припадамо у милост пресветљејшему нашему великому султану, и јесмо

У Србии априлија 1805.

Нахија Ваљевска:

Матфеј Стефановић, прото-пресвитер,
Пеја Јанкович, кнез,
Живко Дабић,
Весо Велимировић,
Милић Кедрић, кнез,
Бранко Николић,
Живан Калинац,
Која Михајловић,
Марко Хадић,
Јуриша Михајловић.

Нахија Београдска:

Радоје Тернавац,

Всепокорнејша раја:

Церни Георгије Петровић,
Јаков Стефановић,
Јанко Катић,
Симо Марковић,
Миленко, кнез пожаревачки,
Никола Грбић,
Милан Обрановић.

Нахија Пожаревачка:

Милић Дугаиљевић, кнез,
Момир, кнез,
Јеремија, кнез,
Атанасије Смолинчанин,
Тома из Градишта,
Тиол из Звезде,

Михаил Лазаревић,
Теодор Михајловић,
Павле Поповић,
Аксентија Младеновић, кнез,
Јанко Јовановић.

Нахија Шабачка:

Лука Јанковић, протопре-
свитер,
Теодор, кнез,
Станко, кнез,
Михаил, кнез,
Бранко Јелић,
Михаил Ашковић.

Нахија Ђупријска:

Пано Стефановић,
Павле Радовановић,
Ранча Николић,
Милосав Стефановић,
Стефан Ивановић.

Петар Феодоровић,
Павле Мојић,
Георгије Крушевчанин.

Нахије Грочанска:

Васа Чарапић,
Коста Величковић,
Груја Теофиловић,
Радован Рипањац.

Нахија Крагујевачка:

Марко Савић,
Младен Миловановић,
Радован Бетанац,
Теодосија из [К]нића.

Нахија Рудничка:

Лазар Вилотер, кнез,
Стоја Павловић,
Радован Трифуновић,
Петар Стојановић,
Мијат, кнез.

АВПР, ф: *Посольство в Константинополе, 1803—1805 гг., д. 3163, л. 1—3 об. Копия.*
Опубл.: Први српски устанак. . . , књ 1, с. 122—125, док. № 67.

¹ См. комент. 1 к док. № 60.

№ 56

Обращение сербских военачальников к Александру I с выражением благодарности от лица сербов за готовность оказать покровительство Сербии

1 мая 1805 г. Остружница

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь, всещедрый народа сербского отец! Послы наши, которые всевысочайшую милость имели с всенижайшими прошениями нашими у вашего величества благоутробнейше прияти и услышани быти, к нам возвратившиися, весть всерадостную нам принесли, весть, пожелаемые от древних времен утехи, весть сладчайшие милости и отеческого благоутробия, еже ваше императорское величество к единоверному своему и едиnorodному народу сербскому всемилостивейше имеете. И мы уже, до сих пор совсем забвенны и почти потерянные, божественным благодетельством вашего величества, аки из мертвых оживляем. Ниже мы речей имеем, которым пламенную благодарность нашу рода сербского избавителю и оживотворителю изяснити возмогли бы. Слези только, всемилостивейший государь, из благодарнейших сердец наших текущие, слези седых старец, в последние дни своя утешенных, слези юных славянов, оживленных, с новою силою препоясанных, за благодея своего вся смеющих, слези младенцев, без страха уже сосци матерные сосати начавших, слези отдаленнейшего потомства сербского, которыми оно святую си память вашего величества

во веки благословляти будет, коленопреклонно приносим; и со слезами истинное, совершенное и вернейшее во всех послушание и повиновение чадское, всемирнейше моляше отечески нас всегда наставляти и путь к истинному нашему спасению показать.

Священнейшее лице вашего императорского величества первое нам по бозе есть, и мы на земли иного помощника, покровителя и отца не имеем, паче Александра Великого, утеху и гордость всех славянов. Знаем то мы, сладостне ощущают чада наша, чада, о которых мы клятвою родительскою в последнем жизни часе присягнути будем, да вашему императорскому величеству, единому под солнцем истинному благодетелю своему, от рода в род благодарны и во веки верны пребудут.

Примите, великий и единый православия нашего и рода сохранителю и счастья же народного премудрый создателю, благодарение сие народа сербского, народа, ваше величество и всевысочайшии дом ваш обожающего, с оною отеческою благонаклонностию, с которою и плачная стелания наша услышати благоизволите. Нас же, единоверные и единокровные серби ваша, помощью скорою и всещедрым покровительством всеумилнейше просим — помилуйте. Иже всевысочайшим щедротам себе, весь род и потомство сербское коленопреклонно вручающе, изумираем. Вашего императорского величества, всемилостивейшего государя, всепокорнейший, всенижайший и верноблагодарнейший народ сербский:

Черный Георгий Петрович,
Яков Стефанович,
Янко Катич,
Сима Маркович,

воеводы и князи сербские во имя целого сербского народа

АВПР, ГА I-8, 1804—1806 гг., д. 2, л. 1, л. 24—25. Подлинник. Опубл. частично: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 240—241.

№ 57

Полномочие сербской депутации в Константинополь на передачу прошения сербского народа и защиту его интересов

1 мая 1805 г. Остружница

Полномочное писание от всего народа сербского, у Сербии живущего

Во имя бога и его благого провидения, мы, народ сербский, у Сербии живущий, обоего чина и реда, како священнического, тако и мирского; старейшины и начальници, како ти игумени, протопресвитери, пресвитери и диаконы, тако и военачальници и народоначальници, кнезови и кметови, и весь вилает сербский, даемо полномочие и власть господину протопресвитеру Алексию Лазаревичу и господару Стефану Живковичу, београданину, и господину Петру Новаковичу в Цариград ити и там код его величества, нашего всемилостивейшего господина султана и царя, и код святого Довлета, данное им писменное от народа всепокорнейшее прошение представить, о счастье целого народа делати и все, что будет с истинным и постоянным благополучием народа сербского связано, совершити и заключити тако, да штогод они добро за народ сербский соверше, на то народ пристати будет. Молим при сем каждого, которому они

в нужде прибегнут, помощью и любовью им споспешествовати, за которое народ сербский признателен всегда и благодарен будет.

Дано в Сербии у Остружници мая 1-го дня 1805 года.

[Печать] Матвей Стефанович, протопр[есвитер]	Церный Георгий Петровић [Печать] Яков Стефанович Янко Катић
Лука Лазаревич, протоерей	[Печать] Симо Марковић, Миленко, кнез пожеревачки [Печать]
Мелентие, архимандрит	[Печать] Ђуша Вулићевић [оттиск] Милан Обрадовић
Игумен Мойсей боговацки	Васа Чарапич Милован Грбовић
Исане, игумен петковачки	Теодор Воиновић
Иерей Михаил с целым клером	Антон Мартинович, босан[ац] во имя целого народа сербского

АВПР, ф. ГА I-8, 1804—1806 гг., д. 2, п. 1, л. 26 и об. Подлинник. Пять личных печатей и один оттиск. Опубл.: *Први српски устанак*. . . , књ. 1, с. 125—126, док. № 68.

№ 58

Письмо Карагеоргия И. Ф. Болжунову с просьбой переслать письмо сербских военачальников Александру I и оказать содействие сербской депутации в Константинополе

1 мая 1805 г. Остружница

Ваше высокоблагородие! Просим покорнейшее приключенное писание сие его величеству государю императору гласящее, и второе тойже к надобности своей отправить. Известуем за денги, яко к нам уже пришли. Наша депутирци, которые в Константинополь отправляем, просим покорно впутствовати и советовати.

В прочем с высокопочтением пребываем вашего высокоблагородия покорнейший

Черный Георгий Петрович, военачалник сербский

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 6, л. 23. Подлинник.

№ 59

Письмо Б. Груйовича А. А. Чарторыйскому о своем назначении на должность секретаря Правительствующего совета сербского и о благодарности сербского народа за теплый прием депутатов в Петербурге

1 мая 1805 г. Остружница

Ваше сиятельство, милостивейший государь! Высокую честь имею вашему сиятельству покорнейше известить, что я в путешествии моем и в Сербию пришел, где за время должность секретаря народного исполнения собратия моя меня принуждают. Но я до сих пор не имел верных оказии вашему сиятельству об мне низжайше известить. Народ сербский вся своя надлежатства и дела в нынешних определительных обстоятельствах вашего сиятельства премудрости молебно вручает и благодарит

теплейше за показаную себе и своим депутатом высокую милость и благонаклонение. В прочем, меня в будуще щедрой милости и покровительству покорнейше вручив, в глубочайшем высокопочитании пребываю вашего сиятельства, моего милостивейшего государя, покорнейший и нижайший слуга

Федор Филиппович Груйов

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 6, л. 22 и об. Автограф.

№ 60

Письмо Б. Груйовича П. Новаковичу в Бухарест с просьбой войти в состав сербской депутации, направляемой в Константинополь

1 мая 1805 г. Остружница

Très cher et estimable ami! Combien il soit difficile à faire du bien, et vous le savez et nous venons de l'essayer; le motif pour lequel nos compatriotes n'y aient pas pu venir jusqu'ici, ils vous le diront eux-mêmes. Notre vœu et le leur est que vous les accompagniez, c'est pourquoi nous avons laissé une place vide dans le plein pouvoir pour un troisième; et vous y laisserez en votre place Gabriel, ou bien Iovan, s'il y parvient; mais dans tous les cas vous devriez y aller, et n'y agissez au nom de dieu, point autrement; mais en cas que vous prévoyez quelque danger, restez-y, vous le saurez mieux vous-même.

Nous vous faisons savoir en outre, que nous avons dressé une requête et l'avons remise aux boyards, mais elle ne signifie rien ¹, elle n'est faite, si ce n'est que pour éblouir les yeux aux curieux, tandis que notre requête réelle et effective ² est apportée par le révérend père protopresbytre Sopiikianin * et M. Stephan Gifkovisch, qui nous venons de choisir pour envoyer avec vous à Constantinople et qui vous remettra cette lettre.

L'argent transmis est arrivé ici en bon sauvement, je vous en fais part pour votre règle.

Ici, cher frère, tout est bien grâce à dieu, pourvu que vous ci fussiez vous-même, et nous espérons que lorsque vous viendrez chez nous, tout y sera encore mieux.

Gabriel m'y a conduit, et vous verrez qu'il reviendra bientôt chez vous. Ecrivez au révérend père protopope au district Brancovano pour moi, je vous prie d'écrire au consul général de Yassy, pour qu'il rapporte en Russie par rapport à moi, qu'il me faut encore un délai au terme prescrit; pour l'argent vous parlerez avec M. Stephan Gifcovich, vu que je suis ici encore nouveau. Ecrivez-moi sous l'adresse du protopope de Boukorest et de Constantinople sous titre de commerce.

Gabriel vous dira ce que l'on parle de vous dans les Etats autrichiens, combien ils ont questionné et cherché pour vous ici et aux confins, comme ils vous réclament avec M. Radisch en arrière, et qu'en cas que vous n'y revenez point au terme stipulé, l'on vous y entamera un grand procès, et vous saurez concevoir vous-même plus ce que tout cela doit signifier, Radisch n'y reviendra plus; Gabriel vous en dira davantage lui-même à son retour chez vous, je suis à jamais tout à vous et

votre tout dévoué Bojidar Groujévich.

* Протоиерей монастыря Сопочаны Алексей Лазаревич.

P. S. Lorsque vous entreprendrez, mon cher ami, les affaires, acheminez les droitement, n'oubliez surtout pas la garantie et tenez-vous y immanquablement, hâtez-vous y donc un moment plus tôt etc.

signé: Matheo Stephanovich, protopresbytre

P. S. Grâce à dieu tous les nôtres se portent bien partout, hâtez donc la fin le plus tôt possible.

Pour le protopope, c'est un bon homme, mais pour Stephan, dites-lui, d'accord avec le consul, qu'il fasse tout ce que vous lui direz, qu'il s'y comporte comme il convient, afin qu'il ne fasse point quelque faux pas, et il vaut mieux que vous le dirigiez en tout.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 863, л. 116 и об. Копия. Пер. с сербск. яз.

Перевод

Дражайший и уважаемый друг!

Вы знаете, насколько трудно делать добро, а мы только что в этом убедились. О причинах, по которым наши соотечественники не смогли еще приехать, они сами сообщат Вам. Наше и их желание состоит в том, чтобы Вы их сопровождали. Именно поэтому мы оставили пробел в полномочиях для включения третьего лица. А Вы поставьте вместо себя Габриэля или же Иована, если тот окажется на месте. Но в любом случае Вам следует поехать и действовать во имя господне. Однако, если Вы увидите какую-либо опасность, оставайтесь на месте, Вы лучше всего сами это решите.

Впрочем, мы уведомляем Вас, что составили прошение и вручили его боярам, но оно ничего не значит¹. Оно не причинит вреда, так как предназначено для отвлечения внимания любопытных, тогда как наше подлинное и действительное прошение² будет доставлено почтеннейшим отцом протопереем Сопикьяниным и г. Стефаном Живковичем, которых мы выбрали, дабы направить вместе с Вами в Константинополь, они и передадут Вам это письмо.

Пересланные деньги доставлены сюда в полной сохранности, о чем уведомляю Вас для Вашей отчетности.

Здесь, дорогой брат, слава богу все хорошо, если только у Вас самих дело обстоит таким же образом, и мы надеемся, что, когда Вы приедете к нам, то все станет еще лучше.

Габриэль доставил меня сюда, и Вы увидите, что он скоро вернется к Вам. Пишите его преосвященству отцу протопопу в район Бранковины. Что касается меня, прошу написать генеральному консулу в Яссы, чтобы он сообщил обо мне в Россию, продлил мне полномочия на требуемое время. Относительно денег переговорите с г. Стефаном Живковичем, учитывая, что в этом я еще повзвоч. Пишите мне из Бухареста и Константинополя в адрес протопопа как от имени коммерсанта.

Габриэль расскажет то, что говорят о Вас в австрийских землях, как они интересуются Вами и ищут Вас здесь и в прилегающих районах, как требуют Вашего возвращения вместе с г. Радичем, и в случае, если Вы не вернетесь в обусловленный срок, там учинят против Вас громкое дело и Вы поймете сами, что все это должно означать. Радич более туда не вернется. Габриэль сам расскажет больше по возвращении к Вам. Остаюсь навсегда в Вашем услужении.

Весь преданный Вам Божидар Груйович

P. S.: Когда, мой дорогой друг, Вы начнете дело, продвигайте его настойчиво, особенно не забывайте о гарантиях и придерживайтесь их непременно, поспешите сюда, как только будет подписано.

Подпись: Матей Стефанович, протоперей

P. S.: Благодарение богу, все наши чувствуют себя повсюду хорошо, торопитесь поэтому по возможности с скопчанием. Что касается протоспа, то он надежный человек. Но что касается Стефана, скажите ему, по согласованию с консулом, пусть он делает то, что Вы ему скажете, чтобы он вел себя, как приличествует, с тем, чтобы не допустил какого-либо ложного шага, и было бы лучше, если бы Вы руководили бы им во всем.

¹ Причины составления двух вариантов прошения сербов султану Селиму III (от конца апреля 1805 г., см. док. № 55 и 61) современники событий и историки объясняют по-разному. Наиболее вероятной кажется точка зрения тех, которые считают, что существование двух различных вариантов прошения связано с наличием различных

мнений в лагере сербских повстанцев. Этим объясняется намерение сербских депутатов А. Лазаревича и С. Живковича подать султану вначале текст прошения, датированный 1-м мая 1805 г., а если он вызовет возражения со стороны Порты, то немедленно заменить его документом от апреля 1805 г. с более умеренными требованиями. Подробнее об этом см.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 240—243; Ћорђевић М. Ослободилачки рат. . . , с. 112.

² См. док. № 61.

№ 61

Прошение сербского народа султану Селиму III с жалобой на жестокость и беззакония турецких пашей и с просьбой предоставить Сербии привилегии

1 мая 1805 г. Остружница

Ваше императорское величество, всепресветлейший и великодержавнейший великий господине султани, царю наш всемилостивейший! Мы, вашего величества всенижайший, верноподданейший сербский народ, величайшими бедами угнетенный, держаем чадски вашему величеству плач наш и рыдание и с плачем всеумилнейшее прошение наше коленопреклонно поднести. Мы убо толикие беды, напасти и гонения от разных мучителей, которые в разные времена наши начальницы и владетели были, претерпехом, да всякому наших толь страшных судьбин беспристрастному зрителю воистину ужасно дивно видится, каковым начинном мы ярость судьбин наших от дальнейших еще времен претерпети возмогли! Но мы все смиренно носили, все уповающе на бога, помощь его и от вашего величества нам будущую, мирно терпели, понеже мы, на прославленное по целому свету правосудие вашего величества всегда смотряще, твердо знаем, да ежели бы прежде последних сих в странах наших возмущений от разных нами самопроизвольно владеющих мучителей наших нам позволено было высочайшему и святому довлету вашему плач наш всепокорнейше предложить и в человеколюбивые недра вашего величества тужные слезы бедных нас пролити, никогда мы в толикие беспокойствия и мучения впали не были. Но между нами и вашим величеством враги наши непреходимую стену положиша тако, да многократный плач наш и рыдание, колико год страшно и праведно оно ни было, никогда до святого довлета вашего величества слышатися не могло.

Добро поминаем мы, како прежде 30 лет вилает сербский отправил к святому довлету 18 старейшин своих милости всевысочайше просити. От овых 18 шесть могли в Белград возвратитися. И когда начальником града ферман, народ помилующий, показали, все ови оставшии 6 старейшины мечем в главу усечены быша, а вилает люто е гоним был. Многажды мы еще стенания наша к вашему величеству всепокорнейше посылали, но никогда не успели.

Обаче в ни едино время так яростно и бесчеловечно мы озлобляемы не были, как во время даиев, ребеллов вашего величества, которые, пределом нашим завладевши, законные управители наша в Белграде беззаконно разгнали и многие знатные лица мечем побили; а нас потом, что мы долго с пашою им на заповест его противостоямо, до крайнего бесчеловечия мучить начали. Аще бы наша бывшие спяхии с янычарами и даима дружество, приятельство и междуособный уговор на мучение наше сотворили не бы, то никогда ребеллы вашего величества янычары сим пределом завладели не бы. Следовательно, повод и вина всех несчасть наших спяхии наши были, которые нам в оно время повелели пашу оставити; а они 700 числом, с 200 янычарами соединившись, градом и везиром

завладела. Мы убо, несмотря на то, что и тогдашний [х]ачи-Мустаф-паша нас самопроизвольно глобил и чрез свое подчиненье нас, верну вашего величества раю, до того напастовал, да многие из нас, отечество и имение свои оставивши, в цесарскую страну бегати принуждены были, мы, велим, несмотря на его к нам несклонность, но токмо в нем начальника нашего, от пресветлого царя нам данного почитающе, на повеление его востали и вооружились и его самого, и царский град хранили до того времени, док спяхии наши нам под казнию смерти не запретили далее с пашою не держатися. Тяжяжде спяхии заповедали себя агами, а свои кони спяхиими почитати. Сице нам, восвояси возвратившимся, многие верные служители вашего величества ими побиены быша. По том наши князови, кметови и старейшины созданы и насильственно они и народ весь на зулум и на чиф-лук принуждены были. В сие то время беднейшее наше начася состояние. Даии повсюду подчиненных своих поставляли, которые разбойнически с нами поступали. В каждом месте и селе суббаши были суббаши! Ови присныи и непрестанныи глобители и бесчеловечнейшии губители и мучители вилаета! Мы с волами и коньми нашими на земледелие не ходили, а они их нам с дела отнимали; овцы и прочую марву лучшую отгонали; и что год по домах ново или добро увидели, то все освоили они нас; жен и детей наших от дел, которыми пропитание себе доставляем, отводили; на работу свою жезлом гонили; целые дни и многие часа нощи изнуряли без питания и без почивания! Тако да не токмо ести, и в жажде воды пити не дозволяли; но и что нигде на свету слышано нет, и матерям, родившим бедные младенцы свои, покормить грудью времени не дали! Они бесчестныи и бессрамныи, аки зверие, жен и дщерей наших в глазах одревененных супруг, отцов и братьей бесчеловечнейше насильствовали; и многие жены наши, которые их похоти не повинулися, мечем убили! Они девиц и вдов наших вдавали, насильственными себе куми и свати дающе! Они олтари наши разоряли и святые церквы наши в самые торжественные праздники затворяли. И мы должны были за отверстие церков многие суммы пиастров платити! Они — ох, жалости! — да перестанем уже их бесчеловечия далее упоминати. Ничто нам, о всемилостивейший царю наш, ничто в животе кроме воздуха единого свое не было; ни имени, ни честь, ни сигуранция*, ни живото! Но мирность наша и духа терпеливость всю сию судьбины ярость смиренно терпели. И мы токмо от бога и от вашего величества помощь облегчение и от бед освобождение ожидали.

Сицевым мучительством нам, уже изнурившимся, бесчеловечные даии, наконец, ужасный совет сотвориша: весь народ сербский совсем уничтожити, всех от 15 лет старших смерти предав. Диявольский сей божество и человечество попирающий план в 23 генваря месяца 1804 года начася. День сербскому роду жалостнейший и со слезами во веки поминаемый! В сей то день даии, по реченному, то князей, то священных лиц, то старейшин наших невиннейших числом 72 каждого в своем месте и доме убили. Тогда весь народ до крайнейшия чувствительности пришед, озлобился весьма и повсюду возмутился. «Закон убо сохранения бытия своего есть святой всем, вечный и ненарушимый закон. Естество содружественного живота взыскивает, да подложенный власти своей повинуется; а власть да о безбедности подложенных своих печется. И бог заповеда хранити от нападающих невинный живот и всякие к тому средства освятил». Ощутили мы нуждою сие и в предупреждение дальнейшего опустошения нашего противостали, но противостали токмо непокорным ребеллам вашего величества, толиких бед виновникам. Верные же служители вашего вели-

* Т. е. — безопасность.

чества всегда почитали, и никогда мы верность и подданность нашу к вашему величеству не отметали. Да и закон свят междуусобно положисмо верный подданными вашего величества во веки пребыти. И мы всегда пред глазами нашими имеем, да колико мы за сохранение живота нашего и детей наших, толико и за ваше величество и за пользу славного царства вашего против ребеллов вашего величества вооружихомся. То е наше, то будет всегда детей и потомков наших единое и непременное желание и свята должность вашему величеству, нашему всемилостивейшему царю, во веки верными подданными быти.

Токмо мир, покой, от зулума освобождение и вечну между нами, на величайшую нашу и вашего величества пользу, тишину желаем. Мир сей и тишину кто нам другий дать может, ако ваше величество, всемилостивейший монархо, царю и великий господине, нам всещедро не будете дали. Ваше величество любит верных своих подданных. И мы, верные подданные, любим и страхопочитаем чадски ваше величество и в жертву смиреннейшие прошения всегда господа богу за благоденствие вашего величества приносим.

С тою мы чувствительностию, с сим всемирнейшего духа и сокрушеннейшего сердца расположением умильнейше на колена пред ваше величество припадаем и всепокорнейше просим и молим отныне нас бедных зашити и нас в такое состояние и со святым вашего величества дозвлетом отношение поставити всещедро благоизволить, которое и человечеству, и высокому вашего величества достоинству, и преславного царства вашего интересу сходнее до нынешнего будет. Просим всеумильнейше и всенародне всемилостивейше нам дозволити:

1. Да мы отныне наше от народа избранне начальнике имеем и им наследнике избирати можем, которые, под защищением и покровительством вашего величества, яко нашего царя и господина, народом сербским управлять будут на пример иных под защищением вашего величества подданных и платажных провинций.

2. Си народоначальницы с своим из середины их избранным председателем како народом управлять, тако и дань, исправно положенную вашему величеству, принадлежащую от народа, уредно совокупляти и в свои положенные термини чрез единого вилаетского человека, в Константинополе всегда жить имеющего, исправно и аккуратно вашему величеству непосредственно отдавати будут. Дань ову, иначе реченну мирую, не токмо вернейше всегда давати, но и по могучеству и силам нашим за новое сие благодеяние и умножити во свое время обязуемся. А чтоб мир, порядок и тишина постоянны в нашем пределе были, всемилостивейше повелети просим.

3. Да все военнослужители турки из края оног, в котором живем мы, навсегда изыдут, а вместо их мы на себя приемлем обязательство вернейше хранить и обороняти предел сей, границу и города от всяких внешних и внутренних напастей и мятежа. К сему обязуемся на непокорные вашему величеству ребеллы воевати и их в окружных пределах истребляти, а мирные и добрые турки, которые с нами жити и торговлю свою и занат свободно водити будут, аки братию нашу, хранить и от всякого зла обороняти будем.

Сие есть, всемилостивейший господине и великий царю наш, единодушное желание всепокорнейшего вашего народа сербского. Сие есть единое средство, во еже восстановить и утвердити мир, порядок и тишину в пределе нашем. Пожелаемого мира сего мы никогда зде имели не бы, аще бы военнослужители турки, равно же и начальник турецкий отныне в пределе нашем был; понеже после последнего сего смятения частные лица

от обеих сторон смерть сродников и приятелей своих, случившуюся в сей войне, отмщати непрестанно имати будут. И тако между нами и ими вечный мятеж, вечный немир и война следовати необходимо бы имели, якоже явно свидетельствует отмщение Мусаги на Щабце, который после сотворенного с нами (якоже всеижайше под «А» прилагаем) мира*, разбойнически ночью в Шабц со своими пришел, выше 100 лиц мирных граждан и детей погуби из отмщания, татски оттуда паки избег. Многие сицевие, которых сюда числится излишне есть, случай, справедливость и необходимость всеижайшего прошения нашего пред лицом целого света полнейше доказуют.

За сие вашего императорского величества к народу сербскому благодеяние, которое получить от премудрости, правосудия, человеколюбия и неограниченны к подданным своим высочайшие вашего величества милости верно и твердо надеемся. Вкупе же и за отеческое о будущей безбедности нашей попечение народ сербский вашему величеству вечно благодарити; всегда нам, детям и потомкам нашим милое имя отца нашего, великого Селима, благословенно будет; всегда мы бога за долголетний благополучный живот всещедрого благодетеля нашего молити, всегда любезнейшую память превеликого, премилостивого и преблагого царя нашего от рода в род высоко почитати и вечно благословляти будем. Который ныне пред величайшее лицо ваше с смиреннейшим духом припадающе, изумираем, вашего императорского величества, нашего всемилостивейшего царя и великодержавнейшего господина султана всепокорнейший и верно подданейший народ сербский.

На подлинном подписаны:

(М. п.) Матвей Стефанович, протопресвитер, и прочие духовные особы сербские

(М. п.) Черный Георгий Петрович, начальник воевода, и прочие князья, воеводы и народ сербские

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1803—1805 гг., д. 3163, л. 20—24. Копия. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ 2, с. 240—241.

№ 62

Денеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому о переговорах по заключению русско-турецкого союзного договора и с предписанием известить Турцию об обращении сербов к России

4 мая 1805 г.

Les différentes dépêches que vous m'avez adressées le 17 (29) mars¹ dernier me sont exactement parvenues et ont été portées à la connaissance de s. m. l'empereur.

La marche que vous avez adoptée dans l'affaire du tarif a été pleinement approuvée, et vous êtes autorisé, Monsieur, à accéder à la résolution que la Porte a prise sur cet objet, si les autres nations y adhèrent en même temps. Il sera indispensable, cependant, que tout en faisant valoir notre empressement à concourir à ce qui peut être agréable à la Porte, vous déclariez au ministère turc que votre accession n'a lieu que dans la persuasion que la Porte saura trouver moyen d'obliger les Français pour l'arrière de leurs comptes de douanes connue pour le payement à l'avenir à choisir un des tarifs existants parmi ceux des autres nations ou bien à payer les 3% d'après

* См. док. № 5.

le texte précis des anciennes capitulations de la France avec la Porte, et cela le plus tôt que faire se pourra; que dans le cas contraire, notre nouveau tarif sera regardé comme non-venu et que les reliquats des comptes de douane que nos marchands auront payé dans l'intervalle, leur seront restitués ou bien gardés à compte de leurs redevances futures.

Pour contribuer, au reste, autant qu'il dépend de nous, à lever les obstacles apportés par M. Stratton, j'ai écrit par le dernier courrier à l'ambassadeur comte de Woronzow pour qu'il engage le gouvernement britannique à autoriser incessamment soit le dit ministère ou bien l'ambassadeur Arbuthnot à accéder à la mesure générale.

Les changements que les plénipotentiaires turcs ont jugé à propos de faire dans la rédaction de l'introduction et des deux premiers articles du traité patent, sont de si peu d'importance qu'il serait inconvenient à tous égards de ne pas les admettre. Les autres articles de ce traité pourront également subir de pareils changements, sans que cela puisse tirer à conséquence. Il n'en sera pas de même pour les articles secrets. Si la Porte fait des difficultés que vous ne pourrez vaincre, même après avoir épuisé toutes les modifications auxquelles vous êtes autorisé par vos instructions, vous prendrez *ad referendum* les contre-propositions des plénipotentiaires turcs, leurs objections. Ce délai ne manquera probablement pas de donner quelque inquiétude au ministère ottoman. Il sera essentiel alors de le rassurer, autant que possible, en lui représentant qu'il ne dépend pas de vous d'abandonner ou de changer encore la moindre chose à ces articles, vu que notre cour les ayant proposés uniquement parce qu'elle les a jugés les plus propres à pourvoir à la sûreté de l'empire Ottoman et nullement par quelque vue d'intérêt particulier, elle n'avait pu prévoir les difficultés que ces articles viennent de rencontrer; que vos instructions ont été dressées en conséquence, que vous ne sauriez les outrepasser et que vous devez en demander de nouvelles; que cependant, connaissant la ferme résolution de s. m. i. de s'en tenir au système qu'elle a suivi jusqu'ici à l'égard de la Porte, vous espérez recevoir des instructions analogues à ce système et propres à aplanir les difficultés en question.

Au reste il n'y aura pas grand mal à ce retard, parce qu'il nous fournira les moyens de combiner par le développement des circonstances, s'il nous convient ou non d'accéder aux modifications que pourra désirer la Porte.

Les motifs, que vous alléguiez en faveur de M. de Corral, sont très plausibles et auraient sans doute engagé le ministère impériale à faire auprès de la cour de Madrid les démarches que vous indiquez, si M. de Corral n'était déjà rappelé de son poste. Par ce rappel les considérations qui vous ont empêché de remettre sur le tapis l'affaire de la navigation espagnole dans la mer Noire, tombent d'elles-mêmes, et il sera convenable que vous vous occupiez de cet objet incessamment après l'arrivée du nouveau ministre d'Espagne, qui requerra sans doute votre appui et votre assistance pour parvenir d'autant plus facilement au but désiré. Vous vous réglerez dans ce cas sur les instructions qui vous ont été transmises sur ce sujet.²

D'après l'état actuel des choses en Serbie, il paraît instant que vous ne remettiez plus de faire connaître au ministère ottoman la démarche que les Serbiens ont fait auprès de notre cour. Si la Porte venait à acquérir la certitude de ce que nous sommes en relation avec ce malheureux peuple, cela ne pourrait faire qu'un très mauvais effet. Du reste, les insinuations indirectes que vous avez faites à ce sujet par le beizadé Mourousi, ont parfaitement rencontré l'approbation de s. m. i. Je ne doute pas de ce que le consul général Bolkounoff secondera vos opérations dans cette affaire avec tout le zèle et l'intelligence que nous lui connaissons.

Je suis . . .

P. S. Dans le cas possible où quelqu'autre puissance, exceptée la France, ferait des difficultés d'accéder à la mesure générale, que désire établir la Porte relativement au nouveau tarif, cette considération ne devra point retarder votre adhésion. Au contraire, plus vous serez dans le cas de montrer de l'empressement à vous conformer au désir de la Porte dans cette circonstance, et plus vous acquérerez nécessairement d'avantage et de facilités dans les autres parties des négociations qui vous sont confiées. Il sera seulement nécessaire alors d'étendre sur toutes les autres nations non-adhérentes la même clause que vous êtes chargé d'insérer dans votre déclaration à l'égard des Français.

Резолюция Александра I: Быть по сему. Майя 4-го дня 1805 г.

Помета: Подписано и отправлено 4 майя 1805 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, л. 109—114 об. Отпуск.

Перевод

Различные депеши, адресованные мне Вами от 17 (29) марта с. г.¹, доставлены своевременно и доведены до сведения его величества императора.

Действия, предпринятые Вами по делу о тарифе, полностью одобрены, и Вы, милостивый государь, уполномочены согласиться с решением, которое приняла Порта по этому вопросу, если одновременно другие нации присоединятся к нему. Однако, прилагаю усилия, чтобы было оценено наше стремление содействовать тому, что может быть приятно Порте, необходимо, чтобы Вы заявили турецкому правительству, что Ваше согласие действительно лишь при уверенности в том, что Порта сумеет изыскать средства обязать французов в будущем, при погашении их просроченных таможенных счетов, выбрать один из существующих тарифов из числа тарифов других наций или же выплатить 3% согласно точному тексту прежних капитуляций Франции с Портой, и сделать это возможно скорее, ибо в противном случае наш новый тариф будет рассматриваться как не существующий, а педоимки по таможенным счетам, которые наши торговцы тем временем выплатят, будут либо возмещены, либо учтены в счет их будущих платежей.

Чтобы содействовать в том, что зависит от нас в деле устранения помех, созданных г. Стратоном, я с последним курьером в письме к послу графу Воронцову предложил склонить британское правительство немедленно уполномочить или министерство или посла Арбутнота присоединиться к общим мерам.

Изменения, которые турецкие полномочные представители сочли нужным сделать при редактировании введения и двух первых статей патентного договора, имеют столь малое значение, что во всех отношениях было бы неудобно их не принять. Другие статьи этого договора могли бы быть изменены в том же смысле без каких-либо последствий. Иначе обстоит дело с секретными статьями. Если Порта будет создавать трудности, непреодолимые для Вас даже тогда, когда будут исчерпаны все модификации, на которые Вы уполномочены инструкциями, то контрпредложения турецких полномочных представителей, их возражения и пр. Вы примете к сведению. Эта отсрочка не замедлит, паверное, вызвать некоторую обеспокоенность оттоманского правительства. Важно поэтому по возможности успокоить его, заявив, что от Вас не зависит отказ или же малейшее изменение этих статей, учитывая, что наш двор предложил их только потому, что считал их наиболее подходящими для обеспечения безопасности Оттоманской империи, а вовсе не в силу каких-либо особых интересов. Он не мог предвидеть затруднения, которые вызвали эти статьи. В связи с этим Ваши инструкции составлены так, что Вы не можете их превышать, а должны запросить новые. Зная, однако, твердую решимость его императорского величества придерживаться системы, которой он следовал до настоящего времени по отношению к Порте, Вы надеетесь получить инструкции, соответствующие этой системе, способные уладить указанные трудности.

Впрочем, не было бы большой беды от этой задержки потому, что она предоставит нам возможность взвесить в свете обстоятельств, следует ли нам соглашаться с изменениями, желательными Порте.

Мотивы, на которые Вы сослались в пользу г. Коррала, весьма весомы и, песомненно, побудят императорское правительство предпринять перед мадридским двором умянятые Вами демарши, если г. Коррал еще не отозван со своего поста. В случае его отзыва сообщения, которые помешали Вам выдвинуть вопрос об испанском судоходстве в Черном море, отпадают сами по себе, и следовало бы, чтобы Вы занялись этим вопросом немедленно по прибытии нового посланника Испании, который, несомненно, будет искать Вашей поддержки и содействия с тем, чтобы возможно легче достичь желаемой цели. В таком случае Вы уладите все согласно инструкциям, посланным Вам на сей счет².

В связи с существующим положением дел в Сербии кажется необходимым, чтобы Вы не откладывали более извещение оттоманского правительства о демарше сербов, с которым они обратились к нашему двору. Если Порты удостоверится в том, что мы поддерживаем отношения с этим несчастным народом, это могло бы произвести лишь весьма плохое впечатление. Впрочем, косвенные намеки, сделанные Вам по этому вопросу через бейзаде Мурузи, встретили полное одобрение его императорского величества. Я не сомневаюсь в том, что генеральный консул Болкунов поддержит Ваши действия в этом деле со всем рвением и способностями, известными нам.

Остаюсь и пр.

Р. S. В случае, если какая-либо другая держава, помимо Франции, станет создавать трудности в присоединении к общим мерам, которые Порты захочет установить в отношении нового тарифа, то это обстоятельство нисколько не должно задерживать Ваше присоединение. Напротив, чем более в данном случае Вы проявите стремления считаться с пожеланиями Порты при таких обстоятельствах, тем неизбежнее Вы получите больше преимуществ и возможностей в отношении других предметов в доверенных Вам переговорах. Необходимо лишь распространить на другие неприсоединившиеся нации те же самые условия, каковые Вам поручено включить в Вашу декларацию по вопросу о французах.

¹ См. док. № 42.

² В ходе переговоров 1804—1805 гг. о заключении нового русско-турецкого союзного оборонительного договора русский проект был утвержден Александром I 17 (29) декабря 1804 г. (ВПР, т. II, примеч. 157), а сам договор подписан в Константинополе 11 (23) сентября 1805 г. (там же, док. № 184). Итальянский одновременно поднял вопрос о заключении нового русско-турецкого экономического (тарифного) соглашения, предусматривавшего, помимо усиления развития прямых торговых связей России и Турции (главным образом — путем выдачи бератов — лицензий), права коммерческого плавания под русским или турецким флагами, чем широко пользовались преимущественно греческие купцы, и свободный доступ в Черное море судов тех держав, на которые не распространялся режим капитуляций второй половины XVIII в. Так, 17 (29) декабря 1804 г. Чарторыйский предписал Итальянскому выступить посредником при переговорах Португалии с Турцией «об исходатайствовании купеческому их флагу позволения свободного плавания по Черному морю» (ВПР, т. II, док. № 81). В феврале 1805 г. аналогичная инструкция была направлена в отношении Швеции и Дании (там же, док. № 101).

Еще ранее свободного прохода в Черное море добивалась Испания, однако подписанный в 1804 г. испанским посланником в Константинополе Корралом испано-турецкий торговый договор о свободном доступе испанских купцов в Черное море не был ратифицирован испанским королем из-за статьи, обусловившей обязательный обмен испанских пиастров на турецкие в Константинополе. В ноябре 1804 г. посланник Испании в Петербурге г. Норонна просил Россию выступить посредником при новых торговых переговорах с Турцией и поддержать требование Испании об исключении обязательного требования об обмене «сильных» испанских пиастров на более «слабые» турецкие. В декабре 1804 г. А. А. Чарторыйский ответил согласием, предписав 13 (25) декабря 1804 г. Итальянскому, а также новому посланнику России в Мадриде Г. А. Строганову в инструкции от 12 (24) мая 1805 г. оказывать всяческое содействие заключению нового торгового соглашения Испании с Турцией без дискриминационной статьи об обязательном валютном обмене. Подробнее об этом см.: ВПР, т. II, док. № 130, примеч. 20, 208.

№ 63

Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о прибытии в Бухарест сербских депутатов и получении от них документов

№ 36

11 мая 1805 г. Бухарест
Секретно

Милостивый государь Исполит Федорович! Спешу сим донести вашему высочородию, что депутаты из Сербии прибыли сюда 8-го числа сего месяца. Они вручили мне бывшие при них бумаги: первое — запечатанный пакет на имя его императорского величества¹, второе — запечатанное письмо к его сиятельству князю Адаму Адамовичу Чарторыйскому² и третье — открытое письмо, к консулату принадлежащее, которые

у сего влагаю³, равно как и четыре копии: 1-ю — прошения сербского народа к султану от 1 мая 1805 г.⁴; 2-ю — такого ж прошения от апреля месяца, которое почитается недействительным⁵; 3-ю — письма сербского конфидента Бозидар Груевича к г. Петру Новаковичу⁶ и 4-ю — моего донесения, учиненного при отправлении депутатов в Константинополь к его превосходительству г. чрезвычайному посланнику, полномочному министру и кавалеру Андрею Яковлевичу Италинскому⁷. По сим бумагам ваше высококорodie изволите увидеть, что содержит сербская депутация и прочие в обстоятельстве происшествия.

Г-н Новакович заплатил мне 50 червонцев, взятые было им на свои надобности, почему и прошу Вас всепокорнейше возвратить его расписку для отдачи ему.

Имею честь быть с должным высокопочитанием и совершенною преданностью, милостивый государь, вашего высококородия всепокорнейший слуга

Лука Кирико

Помета: Получ[ено] 15-го. Отв[ет] 17-го.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 122, л. 7 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 56. ² См. док. № 59. ³ См. док. № 58. ⁴ См. док. № 61.
⁵ См. док. № 55. ⁶ См. док. № 60.

⁷ В донесении от 11 мая 1805 г. Л. Г. Кирико сообщал А. Я. Италинскому о возвращении из Сербии в Бухарест двух валашских бояр, которые были посланы по приказу Порты князю К. Ипсиланти в лагерь сербских повстанцев с целью уговорить их подчиниться власти султана. Вместе с вернувшимися боярами в Бухарест прибыли и сербские депутаты, которые везли с собой прошение сербских повстанцев султану Селиму III. В Бухаресте сербские депутаты были приняты К. Ипсиланти, которому они передали письмо Карагеоргия, показали один из вариантов прошения на имя султана и просили князя помочь им в их сложной миссии (АВПР, ф. ГА 1-9, 1805 г., д. 5, ч. 1, п. 6, л. 34—36 об.).

№ 64

Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову о своем отъезде с сербской депутацией в Константинополь

11 мая 1805 г. Бухарест

Милостивейши господин генерал-конзул! Од Сербие депутиртов майя месеца 8 у Букуресд дошле. Од народа им наложено, да со мною у Константинополь поидудь, и султану преставим народское прошение. И я поиду. Наместо мене други остается.¹

С прочим депутиртов буле смо здешному Фиршу, кои нас милостиво приял и ва Костдандинополь своим агентом препоручил. Шо будед следовало од Цариграда свепокорнейше Вам писати буду. Прочем препоручем се у милости Вами на служби свепокорнейши

Петар Новакович.

Молим свепокорнейше приклученое писмо одцу Самборскому милостиво вручид у Петербурк.

Здешному господину конзулу в займ узати 50 червенцов я возвратил з благодарением.

Покорнейше прошу, ако би какво писмо на мене було, зделайте милост, пошлите у Цариград, а кад ви знаете да я могу добид.

Помета: Получ[ено] 15 майя.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 106, л. 1—2. Автограф.

¹ Вместо отправившегося с депутацией Петра Новаковича до его возвращения в Бухаресте для связи с руководителями сербских повстанцев был оставлен Габриил Вуянович (см. док. № 66).

«Записка бухарестских и задунайских известий» о намерении сербов блокировать Белград и о бесчинствах турок в Болгарии.

Не ранее 17 мая 1805 г.*

Уверяют: турки в разных местах, прилежащих к Сербии, обольстив жителей-христиан разными обманчивыми своими предложениями, напали на них и несколько убили, чем последние принужденными нашлись обратиться свое внимание к сербам, своим соседям, и, следуя их примеру, вооружились против несносной тягости, терпимой ими от неприятелей.

Военноначальник Сербии Черни Георгий объявил Кусанчали-Халилу в Белграде, что ежели сей не воздержит от всяких шалостей своих кирджалиев, то он принужден будет блокировать крепость и угнетать их голодом, вследствие чего тот турецкий начальник послал в сербский лагерь 30 человек из своих верных для примирения. Турки требовали от цесарцев, чтоб офицеры и прочие люди, которые водят сербское войско в действиях, непременно ретированы бы были из турецких пределов, в чем и воспоследовало удовлетворение под видом приятельских при границе сношений.

Господарь Ипсилантий удержал от всякого действия одно письмо, попавшееся к нему в руки между других бумаг на греческом диалекте, писанное епископом нисским, который, как кажется, принужден был турками извиниться и от себя пред Портою против сербов, свидетельствуя возмутительное их поведение в том городе против начальников турецких.

Господарь примечает: Терсеник-оглу, будучи чрезвычайно сердит на продолжительное противление Порты к вытеснению, по его требованию, Елик-огла из Силистрии, начинает ныне свои поступки против Ибраила и тамошнего назыря, почитая последнего в согласии с Елик-оглом.¹ Уже ограбил несколько селений Силистрийского уезда и зажег покрепленное место Мачин. Объясняет дело, что он намерен напасть на Ибраил и разорить оный. Войска сего гордого рущуцкого аяна, заняв Ени-базар и Добрицу, распространяются своими шалостями до самой Варны. Диликадрий, соединив свои разбойнические силы с кирджалиями Карафеиза, разоряет Филиппополь и округ около без всякой пощады, намерен же атаковать и Турново.

Карафеиз, ожидая от румель-валесия обещанного исходатайствования при Порте для него прощения и вида, что оное не выходит, седьмой месяц уже есть, как начал позволять себе всякие шалости.

Знатное количество из разоренных фамилий болгарских принуждены были, оставив имение свое за Дунаем, искать спасения жизни: они при переправе на валахскую сторону захвачены были таможенными турецкими посередине Дуная, где лишились и последних пожитков, так что остались почти голые.

Бекир-паша отказывается от поста, который Порта назначила ему в Белграде, прося уволения из службы. Солейман-паша, будучи задержан в Белграде кирджалиями, не успеет переехать в Силистрию, где Порта определила быть ему по отбытии Юсуф-паши.

Господарь Ипсилантий, представляя Порте в свое время нужду в перемене начальников турецких, требовал Елик-огла из Силистрии выместить посылкою в Варну, чем бы утишить Терсеник-огла, на место же его назна-

* Датируется по содержанию документа.

чить из Царьграда верного турецкого аяна, а для заступления пашийского места — одну способную особу. Елик-оглу к сему прежде был согласен, но после, видя, что прошло два месяца, а Порта ничего не сделала, заметил господарю, что силистрийский турецкий народ противляется отпустить его из крепости и что поетому он находит себя несостоятельным сдержать слово. Таково состояние дел в Румелии, и недействия румельвалесия много кажутся смутными. Надобно предвидеть сильное разорение сего места в краях Дуная, смотря особливо на явные поступки Терсеник-огла, который, пренебрегая всякое предложение и совет Порты, не принимает в уважение никаких ее предписаний, и кажется готовность его есть к возмущению, чем немало компрометируется покой Валахской провинции.

17-го сего месяца переехал чрез Букурест в Вену ишпанский курьер, следуя из Царьграда с французскими и ишпанскими депешами, содержащими известие о смерти ишпанского министра Демороль. Сей курьер рекомендован был к здешнему цесарскому агенту.

Узнано здесь: в начале сего месяца проехавший через Букурест в Царьград французский курьер был какой-то генерал французский и имел при себе несколько подарков от стороны Бонапарте для употребления между греков в Фанаре, желая снискать у них доброе расположение к пользе видов настоящего французского правительства.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 122, л. 170—171 об. Подлинник.

¹ О позиции пограничных с Белградским пашалыком пашей и аяпов подробнее см.: *Мутафчиева В. Кърджалийско време; Грачев В. П. К вопросу переселения болгар в Россию в начале XIX века.* — В кн.: *Болгарское возрождение и Россия. София, 1980.*

№ 66

Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому о содействии К. Ипсиланти сербской депутации в Константинополь при ее проезде через Бухарест

18—20 мая (30 мая—1 июня) 1805 г.

Monsieur l'envoyé! Le 11 de ce mois v. st. j'ai eu l'honneur d'adresser à v. ex. avec mon janissaire Gligory Ghivkovitz, parti d'ici voie de Varna, mes rapports détaillés et secrets datés le 11 mai avec tous les papiers¹ relatifs à l'expédition des députés serviens, porteurs de la requête de leur nation au nom du grand seigneur, et j'espère qu'à l'heure qu'il est, il aura déjà remis en bon sauvement en mains propres de v. ex. toutes ces pièces intéressantes et que ces députés que l'hospodar Ypsilanthy avait fortement recommandé à ses agents à Constantinople, auront déjà eu occasion d'entretenir v. ex. sur les détails qui concernent leur commission importante.

Ils sont aussi porteurs d'une lettre de recommandation de la part de leurs chefs au patriarche, mais ils passent tout leur espoir à l'appui et l'assistance sollicitée auprès de v. ex., espérant qu'elle daignera les diriger en tout ce qui concerne les intérêts de leur patrie, d'après le vœu unanime de leur nation énoncé dans leur requête et lettre susmentionnée.

L'hospodar Ypsilanthy, en faisant des vœux pour le succès de l'affaire de cette nation opprimée, qui a excité sa juste compassion, avoue les torts infinis que les Turcs de Belgrade font arbitrairement souffrir à ces pauvres chrétiens, qui soumis aux ordres du sultan, se voient forcés de pourvoir aux mesures nécessitées pour leur propre défense contre des agresseurs, si impitoyables que barbares.

Le prince s'étant prêté avec sa loyauté caractéristique à tout ce que les chefs de cette nation servienne y avaient énoncé, et accédé à tout ce que leur confident ici Petro Novacovich lui avait confié et de vive voix et par mon organe, n'a rien omis de son côté pour acheminer et faciliter de son côté secrètement leur affaire; il m'a observé encore en dernier lieu, que quoique leur requête d'avril lui paraissait mieux conçue, dit-il, sur l'article qui concerne les Turcs, vu qu'il croit inadmissible la prétention énoncée dans celle du 1 mai, où ils n'admettent aucun chef turc dans la place forte; il les avait cependant invité de s'en tenir au vœu unanime de la nation; s. a. observe, que si les Serviens avaient pris Belgrade d'assaut et massacré les kirgialis, ils auraient eu une espèce de droit au moins en apparence, dit-il, d'insister auprès du sultan à l'expulsion de tout officier turc, quoique l'article des mosquées et celui du mehkieme, et des kadis etc. serait toujours très difficile à y admettre, que cependant le tout dépendra de la direction que v. ex. voudra bien leur y indiquer, d'après les intentions et instructions que la haute cour impériale peut, dit-il, avoir énoncé sur l'égard de cette affaire délicate.

Le nommé Iovan Protich va retourner d'ici en Serbie, après l'arrivée du consul général de Yassy ici, en prenant la route de Semlin, comme plus sûre et moins exposée aux Turcs; nous sommes convenus avec le prince, que je ne dois lui remettre aucun écrit en réponse aux papiers reçus et transmis à leurs adresses respectives, pour éviter tout ce que saurait nous compromettre vers les étrangers, et c'est pour cet effet, que je l'ai chargé de rapporter à ses chefs, à son arrivée chez eux, que toutes les pièces consignées par leurs députés ont été remises et transmises à qui de droit exactement et sans délai, d'après leur vœux et souhaits, et qu'ils peuvent être tranquilles sur cet égard; qu'ils pourront m'adresser ici, sous l'enveloppe confidentiel du confident affidé du prince, les lettres qu'ils voudront adresser à leurs compatriotes à Constantinople, vers qui je les acheminerai incessamment dans mes rapports d'office immédiate à v. ex.

Le nommé Gabriel, homme de confiance de Petro Novacovich, avait expédié à Semlin, pour accélérer l'expédition susdite ici, vient d'arriver, il m'a dit de me donner une lettre pour son maître et je l'insérerai ici; il attendra ici incognito son retour de Constantinople.

Le prince m'avait témoigné son désir sur ce que le consul général eût été ici pendant le séjour des députés serbiens en Boukorest.

J'ai l'honneur d'être avec profond respect, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Luc de Kirico

P. S. S. a. m'avait aussi observé dans cette occasion, qu'elle tenait en mains une lettre écrite de la part de l'évêque grec de Nissy, dans laquelle il se plaît de dénoncer et déclarer (probablement y étant forcé et malgré lui) à la Porte que la conduite des Serviens y tient à une révolte formelle, qu'ils étaient des mauvais sujets et des gens injustes, qu'ils méritaient d'être traités en rebelles et mille autres horreurs en ce genre; s. a. a. soustraie cette lettre scandaleuse et la retenir de toute expédition ultérieure, tout en critiquant la conduite peu uniforme d'un prélat qui trahit la confiance de sa nation par la crainte des Turcs, ou pour d'autres égards. J'ai cru devoir rapporter incessamment cette circonstance-ci.

P. S. M. de Bolkounof, en m'accusant aujourd'hui la réception de toutes les pièces transmises relatives à l'affaire des Serviens avec le dernier courrier, approuvé ma conduite dans cette affaire délicate, me recommande d'intimer au nommé Gabriel l'ordre de tenir secrète son existence ici et

l'objet de sa dernière mission à Semlin, et me charge de faire parvenir l'obligation ci-jointe déclarée au nommé Petro Novacovich à qui elle revient, et je prie v. ex. de vouloir bien la lui remettre pour ma décharge.

J'ai l'honneur d'être avec profond respect, etc. Ut in litteris

Luc de Kirico

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 863, л. 152—153. Подлинник.

Перевод

Господин посланник! 11-го сего месяца по старому стилю я имел честь направить вашему превосходительству с моим янычаром Глигори Живковичем, выехавшим отсюда через Варпу, подробные секретные донесения от 11 мая со всеми бумагами¹, отосланными к поездке сербских депутатов — подателей прошения народа на имя султана, и надеюсь, что сейчас все эти интересные документы переданы в полной сохранности в руки вашего превосходительства и что депутаты, которых господин Инсилапти настойчиво рекомендовал своим агентам в Константинополе, уже имели возможность изложить вашему превосходительству подробности, касающиеся их важной миссии.

Они также имеют при себе рекомендательное письмо своих предводителей к патриарху, но возлагают все свои надежды на поддержку и содействие вашего превосходительства, надеясь, что Вы благоволите руководить ими во всем, что касается интересов их родины, согласно единодушному желанию их народа, изложенному в вышеупомянутом прошении и письме.

Господин Инсилапти, желая успеха делу этого угнетенного народа, который вызвал его справедливое сострадание, признал нетерпимыми те муки, которым турки в Белграде подвергали несчастных христиан, которые, подчиняясь повелениям султана, оказались вынужденными искать необходимые средства для своей защиты от безжалостных и варварских агрессоров.

Поскольку князь с присущей ему честностью проникся всем тем, что заявили предводители сербской нации, и согласился с тем, что здешнее доверенное лицо сербов Петр Новакович сообщил непосредственно ему и через меня, он, со своей стороны, не упустил ничего, дабы тайно продвинуть и облегчить их дело. Он сообщил мне, наконец, что хотя их прошение от апреля ему показалось лучше продуманным, но в разделе, который касается турок, есть недопустимая, по его мнению, претензия сербов, выдвинутая в прошении от 1 мая, не допускать ни одного турецкого предводителя в крепость. Он предложил им, однако, придерживаться единого мнения народа. Его высочество заметил, что если бы сербы взяли Белград приступом и перебили бы кирджалиев, то сербы, по его словам, по меньшей мере обладали бы видимостью какого-то права настаивать перед султаном на удалении всех турецких офицеров, хотя статьи о мечетях, а также о мехеме и кадиях будет трудно принять. Все, однако, будет зависеть от направления, которое ваше превосходительство благоволите указать им относительно намерений и инструкций, какие высочайший императорский двор может, как он говорит, дать в отношении этого деликатного дела.

Иован Протич должен по приезде из Ясс генерального консула вернуться отсюда в Сербия через Землин — наиболее надежным и менее доступным для турок путем. Мы условились с князем, что в ответ на полученные и переданные по назначению бумаги мне не следует вручать ему что-либо в письменном виде с тем, чтобы избежать всего того, что могло бы скомпрометировать нас перед иностранцами. Именно поэтому я поручил ему доложить своим предводителям по прибытии к ним, что все документы, переданные их депутатами, вручены и пересланы точно и без задержки в соответствии с их волей и пожеланиями и что они могут быть спокойными в этом отношении.

Они могут обращаться ко мне сюда через доверенное лицо князя с посланиями, которые они желали бы направить своим соотечественникам в Константинополь, которым я немедленно перешлю эти письма с моими срочными служебными допесениями вашему превосходительству. Упомянутое доверенное лицо Габриэль, направленный Петром Новаковичем в Землин в целях ускорения упомянутого передает только, что прибыл сюда. Он сказал, что передаст мне письмо для своего начальника. Я устрою его здесь. Он в качестве инкогнито будет ждать его возвращения из Константинополя.

Князь засвидетельствовал мне свое желание, чтобы генеральный консул находился здесь во время пребывания сербских депутатов в Бухаресте. Имею честь быть с глубочайшим почтением вашего превосходительства низжайший и покорнейший слуга

Лука Кирико

P. S. Его высочество сообщил мне также по сему поводу, что в его руки попало письмо, написанное от имени греческого епископа Ниссы, который якобы с удовольствием для себя изобличает [сербов] и заявляет Порте (возможно, что он был принуж-

ден к этому вопреки своему желанию), что поведение сербов близко к настоящему восстанию; что они плохие подданные и несправедливые люди; что они заслужили, чтобы к ним относились, как к мятежникам, и выдвигает против них тысячу других наветов в подобном же духе. Его высочество сумел изъять это скандальное письмо и задержать его дальнейшую отправку, полностью осуждая поведение, мало подобающее священнику, предающему доверие нации из страха перед турками или по другим соображениям.

Я счел своим долгом немедленно доложить об этом обстоятельстве.

P. S. Г-н Болкунов, подтверждая сегодня получение с последним курьером всех пересланных документов относительно дела сербов, одобряет мое поведение в этом деликатном деле, рекомендует мне дать упомянутому Габриэлю указание хранить в тайне свое пребывание здесь и цель своей последней миссии в Землин и обязывает меня обеспечить пересылку прилагаемого нарушенного обязательства Петру Новаковичу, которому оно возвращается, и я прошу ваше превосходительство сообразоваться вручить его для того, чтобы освободить меня от него. Имею честь быть с глубочайшим почтением

Лука Кирико

¹ См. коммент. 7 к док. № 63.

№ 67

Денеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с оценкой действий австрийского посланника в Константинополе Штюрмера

№ 29

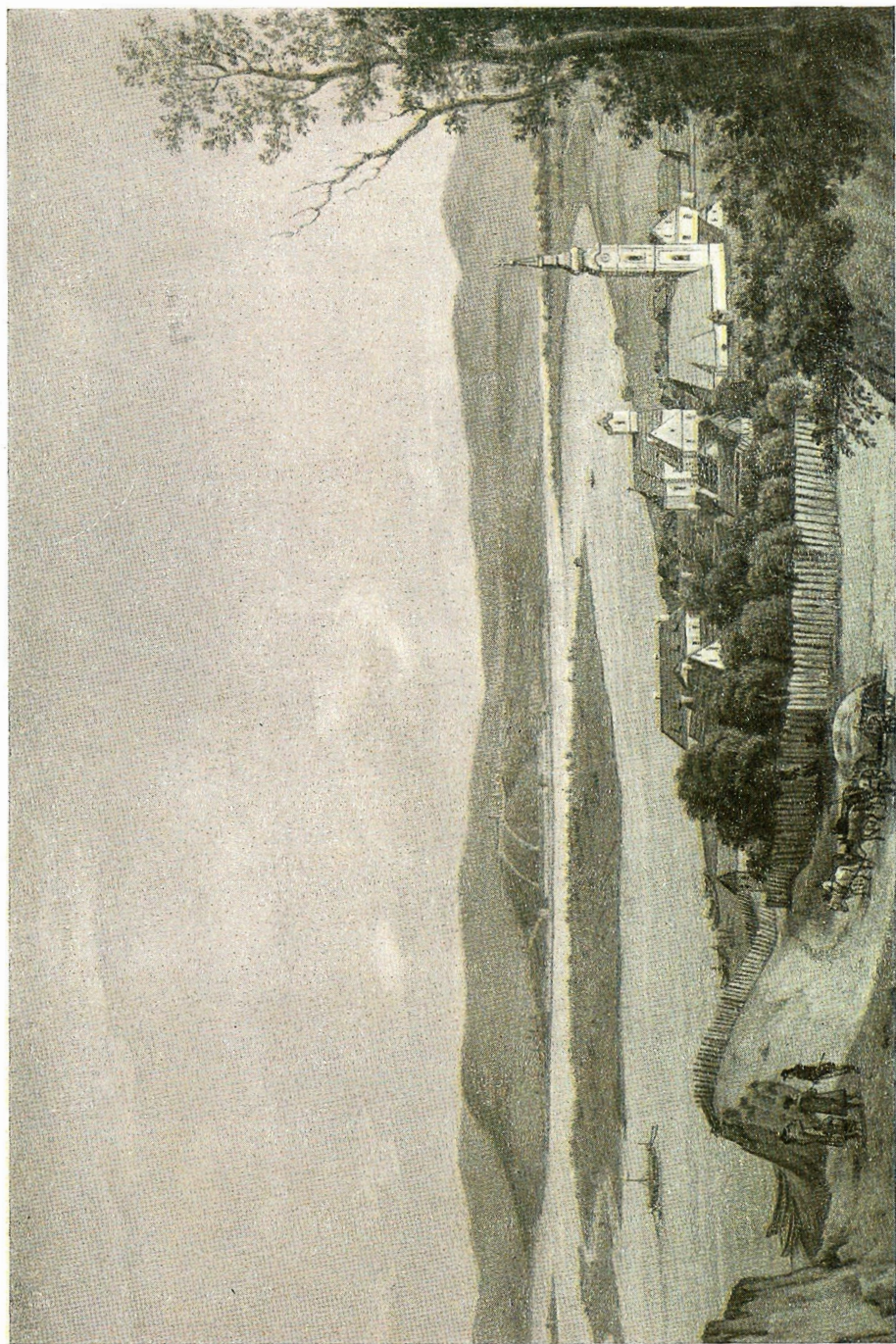
20 мая 1805 г.

Les insinuations que l'internonce Sturmer a faites à la Porte relativement à nos liaisons avec les Serviens, cadrent parfaitement au système des Autrichiens qui de tous temps ont vu d'un oeil jaloux et envieux notre influence dans les affaires de la Turquie; à plus forte raison ont-ils dû être inquiets de nos relations avec un peuple qui avoisine leurs Etats et sur lequel ils ont probablement des vues. En partant de ce principe, je crois que M. de Sturmer n'aura agi que d'après les ordres de sa cour, quoiqu'il soit en même temps présumable qu'il les aura outrés dans l'exécution, vu ses dispositions personnelles envers nous, et surtout les principes connus de son premier drogman Testa. Quoiqu'il en soit et malgré le silence du reis-effendi sur cette matière, je crois qu'il ne vous sera pas difficile de détruire jusqu'au moindre soupçon qu'auraient pu faire naître, sur la droiture de nos intentions, les insinuations de l'internonce. Le simple et véridique exposé de nos relations avec ce peuple doit suffir pour tranquilliser parfaitement le ministère ottoman à cet égard.

Pour prévenir, autant du'il dépendra de nous, de pareilles tracasseries, j'écrirai incessamment à notre ambassadeur à Vienne pour qu'il tâche de faire donner à l'internonce des instructions plus analogues à la bonne harmonie qui règne entre les deux cours impériales, et j'espère que lorsque le cabinet de Vienne sera instruit du vrai point de vue sous lequel nous envisageons les affaires de la Servie, il revoquera les ordres qu'il peut avoir donné à M. de Sturmer sur des notions fausses.

J'ai communiqué à l'ambassadeur britannique résidant ici les plaintes que vous a portées le négociant russe Ourazoff à l'égard des vexations par lui essayées de la part d'un armateur anglais. Lord Gower en écrira à sa cour, et dès qu'il recevra quelque réponse satisfaisante, j'en serai instruit et vous en ferai part.

En vous envoyant ci-joint le déchiffré de la lettre du consul Flory, dont vous m'avez fait parvenir copie avec l'une de vos dépêches du 2 (14) avril,

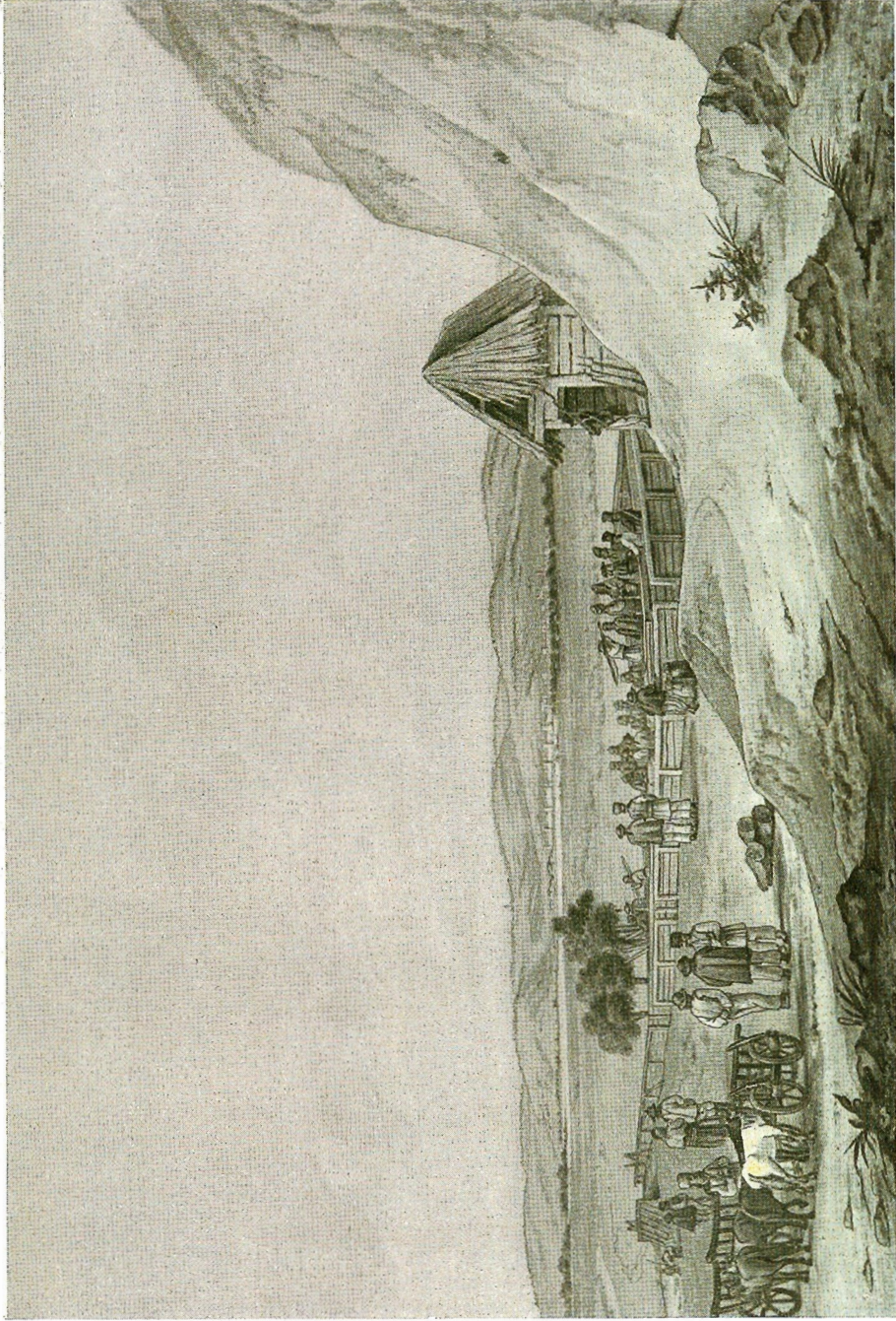

Вид на Белград со стороны Земун
Акварель. Художник Ф. Яшкеа. Народный музей. Белград. Фото Б. Лукича

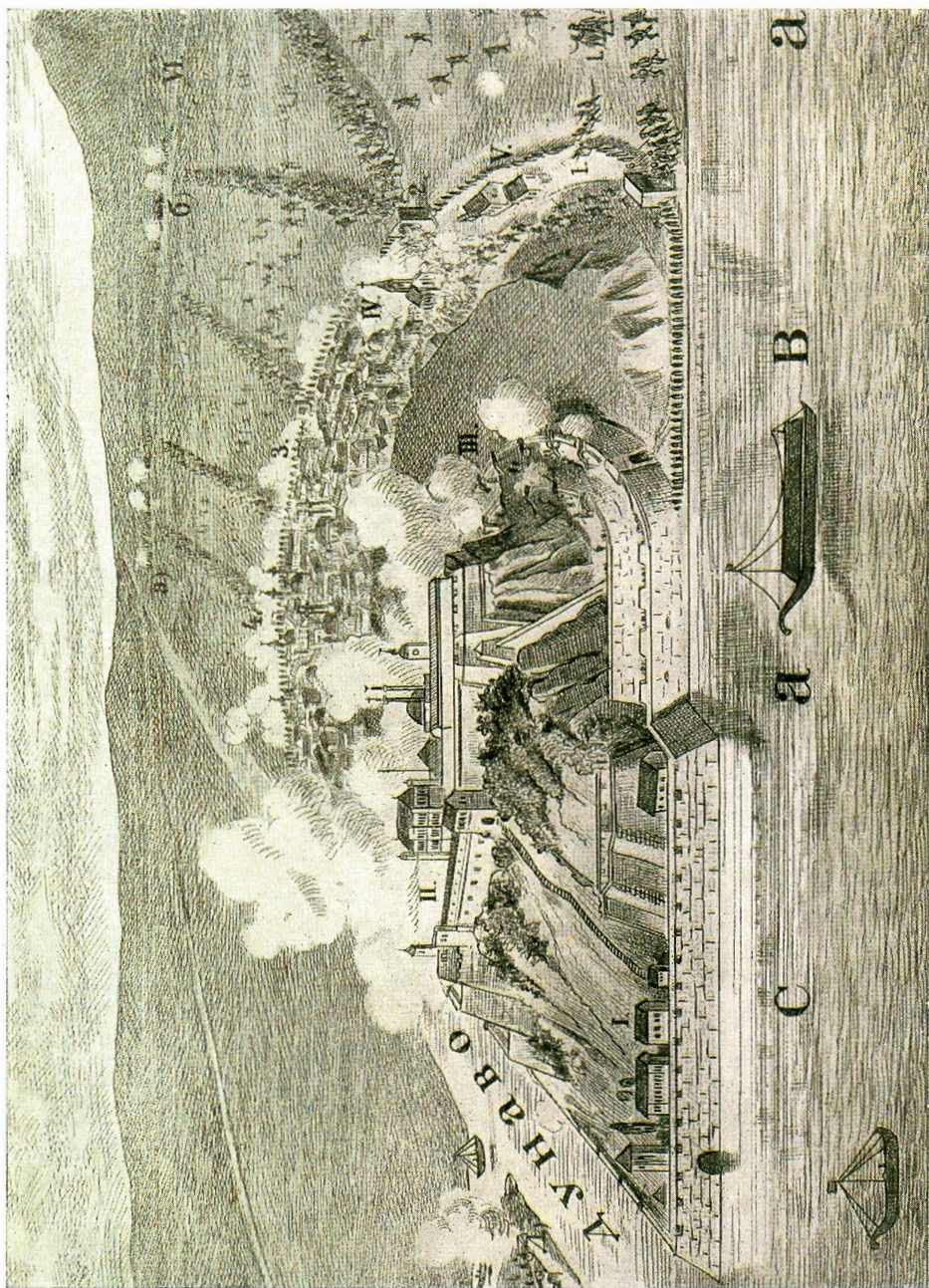

Брза Паланка

Литография Ф. Вольфа. Народный музей. Белград. Фото Б. Лукича

Вид на Смедерево со стороны Баната
Акварель. Художник Ф. Яшкеа. Народный музей, Белград. Фото Б. Лукича

Взятие Белграда. XIX в.
Реконструкция битвы. Гравюра. Музей города Белграда

je ne manquerai pas de vous expédier incessamment un exemplaire du chif-
fre confié à ce consul.

Je suis. . .

Резолюция Александра I: Быть по сему. Майя 17-го дня 1805 г.

Помета: Подписано и отправлено на «Gasperut» 20 майя 1805 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, л. 137—141. Отпуск.

Перевод

Внушения, сделанные интернунцием Штюмером Порте относительно наших связей с сербами, вполне совпадают с системой австрийцев, которые всегда смотрели завистливо и ревниво на наше влияние в делах Турции; с тем большим основанием их должны были встревожить наши отношения с народом, живущим по соседству с их владениями и относительно которого они, вероятно, имеют свои виды. Исходя из этого принципа, я думаю, что г. Штюмер действовал по распоряжениям своего двора, хотя в то же время представляется возможным, что он превысил их при осуществлении, принимая во внимание его личное отношение к нам, и в особенности известные принципы его первого драгомана Тесты. Как бы то ни было и несмотря на молчание реис-эфенди на этот счет, я думаю, что Вам будет не трудно устранить даже мельчайшее подозрение, которое могли бы породить инсинуации интернунция относительно прямоты наших намерений. Простого и достоверного изложения наших отношений с этим народом было бы достаточно, чтобы полностью успокоить оттоманское правительство на этот счет.

Для предотвращения, насколько это в нашей власти, подобных неприятностей, я немедленно напишу нашему послу в Вене, чтобы он попытался заставить дать интернунцию инструкции, более сообразные с доброй гармонией, царящей между обоими императорскими дворами, и надеюсь, что когда венскому кабинету станет известна наша истинная точка зрения на дела Сербии, он отменит распоряжения, которые он мог дать г. Штюмеру, исходя из ложных сведений.

Я передал находящемуся здесь британскому послу жалобы, поданные вам русским купцом Уразовым в связи с оскорблениями, нанесенными ему английским судовладельцем. Лорд Говер напишет об этом своему двору, и как только он получит сколько-нибудь удовлетворительный ответ, я буду об этом уведомлен и сообщу вам.

Направляю вам при сем дешифрованное письмо консула Флори, копию которого вы мне прислали с одной из ваших депеш от 2 (14) апреля, и не премину немедленно вам выслать экземпляр шифра, доверенного этому консулу.

Остаюсь. . .

№ 68

Донесение А. Я. Итальянского А. А. Чарторыйскому о прибытии в Константинополь сербской депутации

№ 147

2 (14) июня 1805 г. Буюкдере

Monseigneur! J'ai l'honneur d'informer v. ex. de l'arrivée en cette capitale des députés serviens. Le prince Ypsilanty et M. le consul Kirico m'ont transmis en même temps les renseignements nécessaires, au sujet desquels je n'entrerai dans aucun détail avec v. ex., puisque les rapports de M. le consul général Bolkounoff ne doivent lui avoir rien laissé désirer à cet égard, et je me bornerai à tenir désormais v. ex. au courant des négociations de ces députés avec la Porte, en assurant v. ex. que pour ce qui concerne la part que j'y dois prendre, je me conformerai à ses ordres, et que je saisirai aussi avec empressement toute circonstance favorable qui pourra se présenter, pour que cette affaire soit conduite au but désiré.

Ces députés ont été logés chez le patriarche, et quoi qu'il y ait déjà près de huit jours qu'ils sont en cette capitale, ils n'ont fait aucune démarche pour s'aboucher avec moi; c'est apparemment l'effet de la très grande circonspection qu'ils doivent mettre à cet égard, et naturellement aussi de la surveillance que la Porte doit exercer sur eux, pour s'assurer si réellement

ils ont avec nous les relations que de tous côtés on prétend subsister entre la cour impériale et les Serviens.

Je ferai cependant en sorte d'établir avec ces députés des communications que l'on ne puisse pas découvrir.

Jusqu'à ce jour, ils n'ont eu aucune explication avec la Porte: il est une circonstance que les Serviens considéreront, sans doute, comme d'un mauvais augure sur les dispositions de la Porte à leur égard; c'est la nomination du pacha de Nissa * au gouvernement de Belgrade, car ce pacha est leur plus grand ennemi, à ce qu'il m'a été assuré.

D'un autre côté, ce qui pourra mettre des entraves à la mission des députés, c'est que l'on assure aussi que la nation servienne n'a pas été consultée dans les représentations à faire à la Porte, et que ce n'est que le vœu de quelques individus que ces députés voudraient présenter comme celui de la nation entière. Il paraît que ces soupçons ont été élevés par des individus même de ce peuple, ce qui désignerait une division sur laquelle j'avais déjà quelques données que j'ai communiquées dans le temps à v. ex.

Je me propose ces jours-ci, à l'effet de donner à la Porte une impulsion de renouvellement, à l'occasion de l'arrivée de ces députés, le langage que je lui ai déjà tenu, en lui annonçant que la nation servienne avait eu recours à s. m. i. J'espère par là déterminer le ministère ottoman à entamer les explications avec les députés que j'aiderai de mes conseils.

Il est bien à regretter que la place de Belgrade ne soit pas tombée entre les mains des Serviens; c'était sans contredit le moyen le plus efficace pour obtenir de la Porte toutes leurs demandes, parmi lesquelles, dans la situation actuelle, celle pour l'éloignement des Turcs de la Servie ne sera certainement pas consentie.

Les Autrichiens auraient pu faciliter aux Serviens la prise de Belgrade, en ne fournissant pas des vivres et des munitions, comme ils l'ont fait et le font encore; et je pense que s'il devient nécessaire que les Serviens entreprennent d'occuper cette forteresse, la première mesure à prendre devrait être de lui couper les vivres du côté des Autrichiens; mais ce n'est pas des Serviens que cette opération pourra dépendre; il faudrait y déterminer la cour de Vienne. Resterait à savoir, si sur les insinuations de la cour impériale, le ministère autrichien s'y prêterait de bonne foi.

C'est une question que je ne suis pas en état de juger.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

*Помета: Пол[учено] 29 июня 1805 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2249, л. 456—458 об. Подлинник.*

Перевод

Ваше сиятельство! Имею честь сообщить вашему высокопревосходительству о прибытии в столицу сербских депутатов. Князь Ипсиланти и г. консул Кирико одновременно передали мне необходимые сведения, по поводу которых я не буду входить в какие-либо подробности с вашим высокопревосходительством, так как донесения г. генерального консула Болкунова не должны оставлять желать ничего лучшего в этом отношении; я ограничусь лишь тем, что буду отныне держать ваше высокопревосходительство в курсе переговоров этих депутатов с Портой, заверив ваше высокопревосходительство, что в том, что касается участия, которое я должен в этом принять, я буду действовать сообразно с Вашими распоряжениями и воспользуюсь любым могущим представиться благоприятным обстоятельством, чтобы это дело привело к желаемой цели.

* *Хафиз-паша.*

Депутаты поселились у патриарха, и хотя уже почти неделя, как они в столице, не предприняли никакой попытки связаться со мной, по-видимому, из-за величайшей осторожности, которую они должны проявлять в этом отношении, и, естественно, также вследствие наблюдения за ними со стороны Порты, стремящейся убедиться, действительно ли они имеют с нами связи, которые будто бы, как утверждают повсюду, существуют между императорским двором и сербами.

Тем не менее, я попытаюсь установить с этими депутатами связи, которые не могут быть обнаруженными.

До сего дня они не имели никаких объяснений с Портой: имеется одно обстоятельство, которое сербы, несомненно, сочтут за проявление недоброжелательства Порты по отношению к ним, это назначение нишского паши белградским губернатором, ибо этот паша, как меня уверяли, их самый большой враг.

С другой стороны, препятствием для миссии депутатов может также стать утверждение, будто бы относительно их представлений Порте не было запрошено мнение сербской нации и что эти депутаты хотят выдать стремление нескольких лиц за чаяния всего народа. По-видимому, эти подозрения были возбуждены лицами этой же национальности, что указывает на раскол, о котором я уже имею некоторые сведения, о чем я в свое время сообщал вашему высокопревосходительству.

Чтобы побудить Порту в связи с прибытием этих депутатов вернуться к нашему прежнему разговору, я намерен на днях объявить ей, что сербская нация обратилась за помощью к его императорскому величеству. Этим я надеюсь заставить оттоманское министерство приступить к объяснениям с депутатами, которым я буду помогать советами.

Весьма прискорбно, что Белградская крепость не попала в руки сербов, это было бы, бесспорно, наиболее эффективным средством добиться от Порты согласия на все их требования, из которых, при нынешней ситуации, требование об удалении турок из Сербии, несомненно, не будет принято.

Австрийцы могли бы облегчить сербам взятие Белграда, прекратив доставку боеприпасов [в крепость], что они делали и продолжают делать, и я думаю, что, если будет необходимо, чтобы сербы решились на захват этой крепости, то первой мерой должно стать прекращение поставок продовольствия со стороны австрийцев. Но эта операция зависит не от сербов, следовало бы склонить к ней венский двор. Остается выяснить, даст ли свое согласие австрийское правительство на предложения императорского двора.

Этот вопрос вне пределов моего суждения.

Почтеннейше остаюсь, ваше сиятельство, вашего высокопревосходительства пийайший и покорнейший слуга

А. Италинский

№ 69

*Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому со сведениями
о военных силах сербов и об их взаимоотношениях с Австрией*

№ 46

4 июня 1805 г. Бухарест

Секретно

Приехав в Букорест, я застал уже здесь возвратившегося из Сербии человека г. Новаковича *, который послан был от него по известным вашему превосходительству препоручениям и которому в отсутствии его поручено, оставаясь здесь, продолжать сношения с народом [сербским]. Сверх того нашлись здесь еще два другие полномочные сербской нации: один — бывший депутатом в Санкт-Петербурге ** и потом назначенный в том же качестве в Константинополь на случай, если бы капитан Новакович не мог почему-либо сам отправиться, а другой — тайный секретарь Черни-Георгия Стефан Евтич, присланный сюда единственно с словесными извещениями. Оба князем Ипсилантием удержаны были до приезда моего в Букорест и за несколько дней пред сим, получа ответные от его светлости письма, а от меня достаточные словесные наставления, отпра-

* Гавриил Вуянович.

** Иован Протич.

вились порознь в свое отечество. Они утверждали согласно, что Черни-Георгий имеет всегда в готовности до 20 тыс. и более войска, хорошо вооруженного, часть коего состоит в пехоте, а другая в коннице, при крайнем же случае может выставить от 40 до 60 тыс. человек и что положение их, послушность и привязанность к своему начальнику, с одной стороны, а с другой, преимущества, которые испытали они уже при многих случаях над своими врагами, не подают туркам даже и тени надежды успеть в своих против них покушениях. Сербы запасы всякими военными снарядами, получая оные за деньги от австрийцев, а частию и от самих турок.

О расположении славяно-сербов к Австрии сказанные полномочные уверяли, что, кроме естественных причин, разделяющих один народ от другого, сербы имеют другие основательные [причины] не входить с оною в близкие сношения и что, напротив, поведение австрийцев снабдением вопреки просьбам их белградских турок припасами и даванием убежища в своих пределах некоторым из неприятелей сербов, избегшим праведного их мщения, без сомнения рождает в них недоверчивость и остуду к своим соседям.

Известные молдавского господаря нарочные поныне не возвратились из Сербии. Черни-Георгий конечно предупрежден уже на всякий случай, естли бы могли они делать какие от своего князя внушения. Князь Ипсиланти открывался, что Мурузи писал к нему письмо в колких выражениях, изъясняя неудовольствие свое, что волосские, не дождавшись прибытия его депутатов для совместного действия, упредили своим отъездом, но Ипсиланти не рассудил на то ему ответствовать. В самом деле молдавские нарочные не знали о содержании настоящей просьбы к султану; здешний господарь послал оную от себя в выписке князю Мурузию, но его светлость, сообщая мне тогда в копии другую, об оной вовсе умолчал.

Князь Мурузи чрез своего постельника отзывался письменно к здешнему постельнику, спрашивая, будто в неизвестности, о жребии депутатов своих, посланных в Сербию. Сею уловкою, по-видимому, Мурузи хотел скрыть свои замашки по делам сербов, ибо князь Ипсиланти удостоверил меня, что Мурузи имеет беспрерывно переписку чрез цесарские области как с помянутыми депутатами, так и с корреспондентом в Семлине, который быв и прежде уже в его службе, без сомнения принял его сторону. Вследствие чего я не оставил вновь подтвердить консулу Кирике, чтоб он удалялся от всяких с Семлином по сему предмету сношений.

Имею честь пребыть. . .

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 82—84 об. Отпуск.

№ 70

Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому по поводу просьбы герцеговинцев о покровительстве России и помощи Черногории в борьбе против турок

№ 28

4 (16) июня 1805 г. Берчел

Мои гринсе, имею честь всенижайше доложить вашему сиятельству, что в бытность мою в Доброте прибыл туда архимандрит Аксенти, живущий близ Никшича, с воеводою, князьями и главарями герцеговинскими числом 30 человек с просьбою, дабы государь император принял их под свое явное покровительство так, как и Черногорию. По здешнему обыкно-

вению за неимением великих домов всегда собираются по каким то ни было делам на открытом месте. Итак, от герцеговинцов и от черногорского митрополита был я туда приглашен. Рассуждая, что для подобных свиданий сие место не очень способно, не вступил с ними в великие разговоры, но просто объявил, «что поелику они подданные турецкие, то должны повиноваться Порте Оттоманской и платить харач, а естли в самом деле и по справедливости они жалуются на злых турков и послуш[иков] воли султанской, кои чрез свое варварство выводят их из терпения, то доставили бы оные жалобы в Константинополь. Впрочем я удостоверен, что как послушание есть наивысшее благо для народа, то я им советую повиноваться во всем своим начальникам, кои одни в состоянии переменить их жребии принятием благоразумных мер, могущих хотя на время их, герцеговинцов, обеспечить и сделать недействительными коварные умысления и покушения злых турков, а между тем, может быть, откроются другие какие-либо для них счастливые обстоятельства, кои непременно должны воспоследовать, естли они имеют крепкое упование на бога православной веры». Сия речь не была герцеговинцам очень приятна, ибо они желали, чтоб я их уверил, что наш император будет их покровитель. Архимандрит Аксенти с тремя главарами имел со мною наедине конференцию, в которой домогался вновь, чтоб я склонил высочайший двор даровать свое покровительство. Тогда я дал им восчувствовать, что государь император принимал и принимает искреннее участие в их благоденствии, но что политические обстоятельства еще не позволяют о сем явно объявить; следственно они должны себя благоразумно вести и не чинить нападений, но токмо в случае нужды защищать себя против злых турков. Сии главари, а именно; архимандрит Аксенти, воевода Стоян Караджич, поп князь Милютин Церович и поп Иоан Коюнжич тоже клятвою обещались быть мне в том послушны и не предпринимать ничего в противность воли высочайшего двора, а как пребывание сих герцеговинцов могло навлечь на меня некоторое подозрение, то для избежания вредных толкований советовал им немедленно отправиться на базар Речки Черневича¹, куда часто турецкие подданные приезжают. Черногорский митрополит по своим надобностям также туда с ними ездил; но я пока не узнал, что они оттоль чрез два. . . * обратно отъехали восвоися, не отлучался из Доброты. По возвращении же черногорского митрополита из Речки Черневича он мне объявил в откровенности, что вышеозначенные главари требовали от него помощи на случай, что они не в силах будут себя защищать против иска везира травникского под командою капиджи-паши, который угрожает их оружием покорить. Но естли он, черногорский митрополит, не заблагорассудит им оказать явное вспомоществование людьми и военною амунициею, то тогда, по крайней мере, прислал бы им тайным образом некоторое количество пороху и свинцу и дал им предводителем своего брата или племянника. Владыко не согласился на таковые их требования, представляя, что он не может им дать подобной явной помощи без воли государя императора, но, однако ж, дал им восчувствовать, что естли действительно будет настоять для них опасность, которую, однако же, он не может еще предвидеть, то тогда он не запретит никому, да не будет также одобрения делать тем черногорцам, которые пойдут их защищать своих пограничных стражей турок **. Таковое внушение черногорский митрополит учинил в предмете, дабы их не привести в уныние и не удалить от себя и от верности и приверженности к всероссийскому

* Пропуск в тексте.

** Так в тексте.

императору. При сем случае черногорской митрополит дал мне примечать, что приуготовления паши албанского несколько его беспокоят единственно по той токмо причине, что он претерпевает недостаток в порохе и свинце. Итак, на случай, что Ибраим-паша его атакует, то едва он имеет довольно военной провизии дать одну баталию.

Неизвестно еще заподлинно намерение Ибраима-паши, но сказывают, что будто бы он получил повеление идти опять против румельских бунтовщиков, что для того уже собрано войско в Воскополе, где его ожидают, и что на содержание сего войска послано туда множество тысяч мешков денег от султана. Но другие известия утверждают, что он укрепляет Скутар, что не хочет повиноваться приказанию своего государя и что приносит извешение, что естли он оттоль тронется, то черногорцы завоюют все его владения.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon prince, de votre excellence le très humble et le très obéissant serviteur

Etienne Sancowsky *

Помета: Получено 22 июля 1805 г.

АВПР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 4, л. 36—39. Дешифрант на автографе.

Речь идет о Риеке Црноевича — наиболее развитом торговом центре Черногории, который был расположен на стыке торговых путей Северной Албании и Герцеговины. В Риеку Црноевича приезжали торговцы из Турции, Далмации и Италии.

№ 71

Депеша А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкуну с выражением надежды на удовлетворение требований сербского народа турецким правительством

№ 50

4 июня 1805 г. С.-Петербург

Милостивый государь мой Ипполит Федорович! Разные отношения Ваши с последнею почтою получены здесь исправно, равномерно все присланные Вами при оных бумаги касательно до депутатов от сербской нации, в Константинополь отправляемых, из коих с удовольствием усмотрел я, что все исполнено согласно с внушениями, бывшим здесь депутатам сделанными.

Я пишу по сей же почте посланнику Италинскому употребить ходатайство свое в пользу сербов, поколику то настоящее положение дел ему позволит, не сомневаясь впрочем, чтобы Порта, видя ощутительную для себя пользу от дарования нации сей прав, ею просимых, не утвердила оные.

Поручая тщательной деятельности Вашей стараться быть в известности о всем происходящем между христианами и магометанами тех краев и о всем доносить сюда без отлагательства и со всеми подробностями, пребываю с истинным почтением

Ваш, милостивого государя моего, послушный слуга

кн. Адам Чарторыйский

Помета: Получено 19 июня 1805 г. Отв[ет] 20 июня 1805 г.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 102, л. 42 и об. Подлинник.

* С глубочайшим почтением честь имею быть, князь, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга Степан Санковский (франц.).

№ 72

Предписание А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому о содействии сербской депутации в Константинополе

4 июня 1805 г. С.-Петербург

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич, генеральный консул Болкунов уведомил нас, что сербские депутаты отправились уже в Константинополь с прошением от своего народа к султану. С одного прошения получили мы также копию, из коей увидели все преимущества и права, коих домогаются они от Порты.

Известив уже ваше превосходительство до сего об образе мыслей наших относительно до сербского народа, должен токмо ныне сказать Вам, что поведение Ваше при ходатайствах в пользу той нации, Вами чинимых у министерства турецкого, должно быть самое осторожное и более под образом советов, извлекаемых дружбою нашею к самой Порте, нежели в виде домогательств, дабы тем избежать все то, что может при настоящем положении дел возбудить недоверчивость Дивана.

Депутатов сербских в Константинополе Вы не оставите впрочем наставлениями Вашими по всем делам их, дабы оградить их от всякой вредной ошибки и обмана, коим по неопытности своей легко подвергнуться могут, и притом по местным сведениям Вашим руководствуйте их к наилучшему и успешнейшему достижению цели приезда их в Константинополь. В то же время рекомендуйте им, чтоб отнюдь не открывались ни пред кем об особенном участии, российским двором в пользу их приемомом.

В ожидании уведомления Вашего, каким образом депутаты те приняты Портою и какую можно иметь надежду в успехе предприятия их, пребываю впрочем с истинным и совершенным почтением, вашего превосходительства покорнейший слуга

Адам Чарторыйский

Помета: Получ[ено] 27 июня 1805 г.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 45, л. 138—139 об. Подлинник.

№ 73

Депеша А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкунову о необходимости усиления сербских войск и посылке Карагеоргию 3 тыс. червонцев

№ 51

4 июня 1805 г. С.-Петербург.

Секретно

Милостивый государь мой Ипполит Федорович! Предполагая, что Вы теперь уже в Букоресте, где будете иметь все способы видеться лично и объяснить с тем, который остался на место капитана Новаковича, я нужным счел изложить Вам здесь некоторые примечания относительно до нации сербской. Желание, которое мы имеем видеть оную совершенно счастливою и спокойствие и безопасность ее утвержденною навсегда, заставляет нас помышлять о мерах, кои по стечению обстоятельств наилучшими кажутся для достижения сего предмета.

Добродушие сербов и неопытность их в политических делах могут легко подвергнуть их ошибкам, кои совершенно погубят сию пацию.

Нет ни малейшего сомнения, что настоящее министерство турецкое, дабы восстановить спокойствие в том крае, согласится на требования сербов. Положась на сие, они разойдутся по своим жилищам и будут спокойно пребывать в оных, надеясь на данные им обещания. Но оные при перемене министерства турецкого легко также перемениться могут, и тогда сербская нация лишится вновь преимуществ, кои теперь получит, и подвергнется вящим бедствиям, которые при настоящем вооруженном положении своем без труда отклонить может. Для сего необходимо, чтобы Черни-Жорж не токмо с корпусом своим оружие не покидал, но чтоб старался всеми мерами оный усилить, чтоб избрал какое-либо укрепленное место и там бы учредил для корпуса своего магазейн и небольшое депо артиллерийских своих снарядов, коими равномерно запастись, по колику положение его позволяет. Естьли на все то нужно ему денежное пособие, то в таком случае оное ему дано будет от нас как теперь, так и впоследствии, смотря на благоразумие, с каковым он станет действовать, и на охотливость его следовать в точности спасительным советам нашим.

Известно, что Черни-Жорж сколько бы ни укреплялся, никогда не будет в возможности удержаться противу армии оттоманской, естьли бы Диван рассудил таковую противу него поставить. Для сего самого должно ему всеми силами стараться заставить Порту принимать поведение его в прямом виде и быть уверенною в преданности и любви к туркам и что он приял орудие единственно для защищения себя от угнетавших отечество его, от разбойнических партий, повсюду усиливающихся, и от Пасвант-оглу, грозящего непрерывным нападением.

Дабы в сем успеть, нужно, чтоб Черни-Жорж и все сербы обходились с турками (разумеется, с теми, кои противу них не вооружаются) благосклонно и дружественно, ибо нельзя им не ведать, что сии турки суть соотчичи их, по временам от заблуждения переменившие веру, коих чтоб обратить на путь истины, не тиранство, но изъявляемая им любовь и благосклонность поспешествовать могут. Желательно, чтоб сербы и с самыми врагами своими из турков ограничивали свое мщение на том, чтоб, обезоружив такового, посылать к своим сотоварищам в деревни для употребления в работу по хлебопашеству, а отнюдь не умерщвлять.

Вы не оставите внушить все сие оставшемуся в Букоресте на место капитана Новаковича, дабы он сообщил Черни-Жоржу, или съездив сам к начальнику сему, или чрез верную особу, на которую можно бы положиться. С сим же имеете доставить оному предводителю сербов 3 тыс. голландских червонных, которые к Вам препровождаются запечатанные, каковая сумма, по мнению нашему, весьма достаточна на первое заведение магазейна и закупку военных снарядов. Паче всего Вы должны объяснить сербскому поверенному, коликo нужно, чтобы соотчичи его пребывали в согласии и единомыслии, без которого рано или поздно они подвергнут себя крайним бедствиям, и что естьли двор наш узнает положительно, что они вместо того, чтоб заниматься мерами, долженствующими оградить на будущие времена спокойное существование их, вдаются в раздоры и междоусобные вражды, то в таком случае престанет совершенно их покровительствовать.

Зная благоразумие Ваше и опытность в делах, я остаюсь уверенным, что Вы поручаемое Вам дело выполните с крайнею осторожностью, дабы ни в каком случае не могло быть разглашено, что Вы состоите в прямом сношении с сербскою нацією, по делам коей естьли признаете нужным продолжение пребывания вашего в Букоресте, можете там остаться несколько времени под предлогом болезни.

Не излишне также будет дать понять сербскому депутату необходимость для собственной пользы сербов сохранить в непроницаемой тайне сношения Ваши с ним, и чтоб о сем и в стане Черни-Жоржа не было разглашено.

Я с нетерпением ожидаю сведения, кои от Вас требовал относительно до числа вооруженных сербов, под командою Черни-Жоржа находящихся, откуда достают они воинские снаряды и какое влияние имеет у них австрийский двор. Не менее того рекомендую Вам изведать, кто, кроме Черни-Жоржа, из вооружившихся сербов наиболее пользуется доверенностью народа.

Пребываю впрочем с истинным почтением ваш, милостивого государя моего, послушный слуга

кн. Адам Чарторыйский

Р. S. Хотя и пишу я в депеше моей, что посылаются к Вам 3 тыс. червонных для сербов, но так как не успели их уложить, то и оставлены до будущей почты, а между тем Вы можете предупредить сербского депутата о сем посылаемом для народа пособии и изыскать заблаговременно средство к верному доставлению той суммы. Князю Ипсилантию можете сообщить, что государь император, внимая бедному положению, в коем ныне должны находиться сербы, всемилостивейше соизволил пожаловать им 3 тыс. червонных.

Ut in litteris *

кн. Адам Чарторыйский

Помета: Получено 19 июня 1805 г. Отв[ет] 30 июня 1805 г. АВВР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 102, л. 43—48. Подлинник. Частично опубликовано: Вукићевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 253—255.

№ 74

Депеша А. А. Чарторыйского С. А. Санковскому о дружественном отношении России к Черногории и о характере помощи черногорцев сербам

11 июня 1805 г.

Государь император, усмотрев из донесений Ваших должное уважение, которое Вам оказано было в Черногории, добрые расположения и искреннюю к России приверженность его высокопреосвященства митрополита Негоша, повелеть мне соизволил поручить Вам объявить сему архипастырю особенное благоволение его величества и уверить при том в высочайшей милости и покровительстве верному народу черногорскому и бердскому.¹

Отзыв, učinенный митрополитом присланному от Черни Жоржа, основан на благоразумии и прямом понятии интересов славено-сербской нации, тем паче, что мы не видим, в чем бы могла состоять помощь, которую черногорцы подать бы могли, или содействие их в пользу сербов при настоящем положении дел сих последних. Она, конечно, по мнению нашему, не в ином чем заключаться теперь может, как в советах. И те, кои дал митрополит депутату сербскому, были без сомнения наилучшие

* Латинское выражение «Как в письме» становилось после постскриптума или приписки взамен повторения формул вежливости, находящихся после основного текста.

и соответственные нынешним обстоятельствам, что не оставите сказать его высокопреосвященству.

Пребываю. . .

Резолюция Александра I: Быть по сему. Июня 11-го дня 1805 г.
Помета: Подписано и отправлено 13 июня 1805 г. с инженер-капитаном Тейлепом.
АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 2, л. 69—70. Отпуск.

¹ О русско-черногорских отношениях в данный период см.: *Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе; *Вуксан Д.* Политичка писма. . ., и др.

№ 75

Письмо сербских военачальников К. Ипсиланти с просьбой о посредничестве в переговорах с Портой

13 июня 1805 г. Топола

Ваша светлость, милостивейший государь! Якоже счастливи бежом, благоразумнейшие бояри, от вашей светлости к нам посланные, с радостью прияти и наша претерпенные беди и нынешняя наша обстоятелства тужная с утешением исказати. Тако и светлейший игемон Молдавии щедрую к нам показал милость, к нам с милостивейшими увещаниями архонта своего послати. Которое мы с нижайшим благодарением за великую нашу честь почитаем, еже мы и писмено нижайше благодарим. Благодарим убо, благодарим усерднейше и покорнейше вашей светлости, якоже истинному нашему благодетелю и отцу, за отеческо Ваше в наших обстоятелствах участие, умилнейше моляще посланики наша и истинная прошения наша могущим Вашим заступлением и отеческим действительным милостивейшим посредством ущедрити. При сем высочайшую имеем честь вашей светлости явити, да мы ныне принуждени есмы в войне бити с Карановчани, котории останки даёв суть; котории тиранским образом и безбожно един наш монастырь, две божие церкви и несколько окрестных сел опустошили и многие невынная христианы, беснуя, побили.

Просим убо покорнейше вашу светлость исходатайствованием все-нижайшим прошений наших, нас в военных возмущениях сущих что скорейше можно отечески утешити в желаемый мир и тишину поставити, обостранная же кровопролития прекратити благоизволили. В прочем умилнейше высочайшей милости и отеческим щедротам вручении в глубочайшем высокопочитании есмы вашей светлости, милостивейшего государя покорнейшии, нижайшии и благодарнейшии серби

(М. п.)

Георгий Петровић, главный военачальник,
Яков Стефановић,
Янко Катић,
Сима Марковић, воеводи,
с целым народом сербским

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 8, л. 33 и об. Копия.

№ 76

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о протесте сербов против назначения нишского аяна Хафиза белградским пашой

№ 44

14 июня 1805 г. Букорест

Сиятельнейший князь, милостивый государь! У сего имею честь препроводить на усмотрение вашего сиятельства обыкновенную записку

здешних и задунайских новостей и таковую ж секретного вестника, а к тому присовокупляю: Порты назначила комендантом в Белграде нисского аяна на место Бекир-паши, которой просил увольнения. Сербы, узнав о сем и ведая его с давна большим себе неприятелем, протестовали против такого определения; они, вооружась в больших силах, приняли такие меры, что отнюдь не можно ожидать, чтоб он успел занять помянутый пост.

Терсеникли-оглу поступками своими явно идет против Порты, не уважая никаких ее предложений и советов. Сей рущуцкый начальник в гордости и надеянии на свою силу думает, что как он саблюю своею и собственным искусством, а не милостию Порты доставил себе настоящие преимущества, то она и лишитъ его оных никак не может. Он не только действует с успехом против Силистрии, но ищет также силою выгнать ибраилскаго назыра. Завладел вновь двумя укрепленными местами — Базарджиком и Хиршово — и приказал своим войскам жечь и истреблять селения в Ибраилском округе. Таким образом своевольства и беспорядки турок, непрестанно беспокоящие Валахию в пределах ее, неизбежно коснутся и до провинции Молдавской.

По отправлении сего курьера я располагаюсь без потери времени выехать отсюда в Яссы. О чем донеся Вам, сиятельнейший князь, емь с глубочайшим почитанием и непременною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга

Ипполит Болкунов

Помета: Пол[учено] 29 июня 1805 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 7, л. 19—20. Подлинник.

№ 77

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о переговорах с Портой в связи с прибытием в Константинополь сербской депутации и о своих сношениях с депутатами

№ 158

18 (30) июня 1805 г. Буюкдере

Monseigneur! Conformément à ce que j'ai eu l'honneur d'annoncer à v. ex. par ma dépêche des 2(14) juin¹, j'ai rappelé au reis-effendi le langage que j'avais tenu à la Porte au sujet des Serviens et à l'occasion de la députation qu'ils avaient envoyé à Pétersbourg. J'ai ajouté que s. m. i. les ayant fait engager à la soumission envers le sultan, en les assurant qu'ils obtiendraient de sa clémence ce qu'ils désirent et que de son côté elle intercèderait pour leur nation auprès de lui, et ce peuple attendant dès lors l'effet de cette assurance, mes ordres étaient d'engager le ministère ottoman d'accorder aux Serviens les demandes contenues dans l'arz mahzar dont leurs députés récemment arrivés en cette capitale sont porteurs, que, pour connaître particulièrement leurs demandes, je désirais que leur arz mahzar me soit communiqué; qu'enfin il n'était pas moins indispensable que je sache du ministère ottoman si je peux annoncer à s. m. i. que le sultan avait reconnu la sagesse de ses conseils à ce sujet et voulait les suivre.

Mahmoud effendi m'a fait répondre qu'il n'avait pas encore vu l'arz mahzar, parce qu'il n'était pas encore traduit; qu'ainsi il ignorait quelles étaient précisément les demandes des Serviens; mais qu'il pouvait en général m'assurer que le gouvernement était disposé à les favoriser, que la nomination du nouveau pacha de Belgrade avait été faite dans cette vue, et afin que conjointement aux Serviens avec lesquels il avait toujours été uni,

il put forcer à la retraite Kouchandjaly et sa troupe, au moyen de quoi ce peuple délivré de ces nouveaux tyrans, comme il l'avait déjà été des yamaks, pourrait avoir ensuite une existence tranquille.

Il se trouve en effet que l'arz mahzar a subi des longueurs dans sa traduction. Il était conçu en servien, il a fallu le mettre en russe, ensuite en grec et enfin en turc; j'ai su que cet ouvrage n'a été achevé que le 15 de ce mois, il devait être mis au net le lendemain et il doit être présenté ensuite à la Porte.

Quoique son contenu me soit connu, par la copie qui m'en a été transmise de Buccorest, j'ai dû auprès de la Porte paraître l'ignorer pour éviter des soupçons, d'ailleurs il devient important que j'en obtienne d'elle la communication, parce que par là elle m'aura pour ainsi dire autorisé à m'immiscer plus particulièrement dans cette affaire et à la discuter avec elle.

C'est alors aussi que j'observerai au ministère ottoman la nécessité que la Porte s'occupe elle-même de la définition des réclamations des Serviens, au lieu de s'en rapporter sur un objet si délicat à un pacha, encore moins à celui de Nissa dont la nomination au gouvernement de Belgrade est faite pour aigrir les esprits bien loin de contribuer à mettre fin à ces troubles.

Mes communications avec les députés sont aussi parfaitement établies et j'ai eu une entrevue avec l'un d'eux: Petro Nowacowitch; celui-ci ne paraît pas avoir une très grande confiance dans un de ses collègues *, envers lequel il se tient dans une certaine réserve. Il m'a demandé même de pouvoir le déterminer à retourner en Servie; je lui ai observé, que si son départ pouvait être volontaire et s'il n'en résultait pas quelque inconvénient pour l'affaire, sans doute, son éloignement serait convenable.

Ce député m'a fait part, que depuis leur arrivée, ils ont été présentés au kehaya bey, dont le langage, s'il était sincère, serait d'un bon augure, puisque ce second personnage de l'Etat leur a assuré que les demandes de la nation servienne seraient prises en considération par le sultan, qui voulait assurer leur tranquillité et leur bonheur.

C'est une assurance d'autant plus vague, d'autant plus insignifiante, que le kehaya bey ne connaît pas encore le contenu de l'arz-mahzar.

Petro Nowacowitch m'a ajouté aussi qu'on ne cesse de leur faire des insinuations, pour que ce soit un prince grec, qui les gouverne. Sans contredit les fanariotes qui n'appartiennent pas aux princes actuels de Valachie et de Moldavie et qui voient devant eux encore quatre années à courir, avant de pouvoir aspirer à une principauté, doivent désirer que l'affaire des Serviens ait ce résultat, et leurs mouvements seront dirigés en conséquence.

Quoique le député Petro Nowacowitch m'ait assuré que lui et ses collègues ont répondu à de telles insinuations de manière à ne donner aucun espoir aux fanariotes, cependant, je lui ai particulièrement recommandé de rejeter nettement de pareilles propositions.

Il ne paraît pas que l'internonce Sturmer, qui doit avoir appris l'arrivée des députés serviens, ait fait aucune insinuation à la Porte.

J'ai vu par la dépêche de v. ex. du 20 que son intention était d'entrer dans quelques explications avec le cabinet de Vienne à l'égard de la conduite de ce ministre.

Cette démarche aurait ses avantages, mais il me semble aussi, qu'elle pourrait aussi amener le silence à l'avenir du reis-effendi, sur ce qui concerne l'internonce Sturmer; car celui-ci pourrait reconnaître que Mahmoud effendi ne nous a pas laissé ignorer ses communications avec lui et se plaindre à ce ministre de nous avoir instruit d'un langage que l'intérêt seul de la

* С. Живоичу.

Porte avait déterminé. L'internonce Sturmer pourrait aussi présenter à la Porte, comme une preuve de notre concert avec les Serviens et de nos vues, la peine que nous avons ressentie de ses observations et de ses conseils au ministère ottoman.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

Помета: Полу[чено] 14 июля 1805 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2243, л. 578—583. Подлинник. Опубл. частично: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 261—262.

Перевод.

Ваше сиятельство! В соответствии с тем, о чем я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству в моей депеше от 2 (14) июня¹, я напомнил реис-эфенди то, что я говорил Порте относительно сербов и в связи с депутатацией, которую они направили в Петербург. Я добавил, что поскольку его императорское величество призвал их к покорности султану, заверив в том, что они добьются от его милосердия того, что желают, и что со своей стороны его императорское величество будет ходатайствовать перед султаном за их народ, который с тех пор ожидает результатов этого заверения, то мои инструкции предписывали мне побудить оттоманское правительство удовлетворить требования сербов, содержащиеся в арз-махзаре, который привезли с собой их депутаты, недавно прибывшие в столицу; для того чтобы более подробно узнать их требования, я бы хотел, чтобы их арз-махзар был показан мне; наконец, мне было также необходимо узнать от оттоманского правительства, могут ли я объявить его императорскому величеству, что султан признает мудрость его советов по сему предмету и желает им следовать.

Махмуд-эфенди передал мне, что он еще не видел арз-махзара, так как он еще не переведен, поэтому ему неизвестно, каковы в точности требования сербов, но что он может в общем заверить меня, что правительство расположено отнестись к ним благосклонно, что с этой целью был назначен новый белградский паша, дабы сообщая с сербами, с которыми он всегда объединялся, он мог бы принудить Кусанджали и его войска к отступлению, благодаря чему этот народ, освободившись от этих новых тиранов, как прежде он освободился от ямаков, мог бы затем вести спокойное существование.

На самом же деле оказалось, что перевод арз-махзара затянулся. Он был составлен по-сербски, пришлось перевести его на русский, затем на греческий и, наконец, на турецкий; я узнал, что эта работа была закончена лишь 15-го сего месяца, он должен был быть начисто переписан на другой день и затем представлен Порте.

Хотя мне было известно его содержание по копии, присланной мне из Бухареста, я должен был перед Портой делать вид, что я не знаю его, дабы избежать подозрений. Кроме того, было важно, чтобы я добился сообщения его мне, так как тем самым Порта дозволила бы мне войти в это дело более подробно и обсудить его вместе с ней.

И тогда я укажу оттоманскому министерству, что необходимо, чтобы Порта сама занялась определением требований сербов, вместо того чтобы полагаться в этом столь деликатном предмете на пашу и, менее всего, на пишского пашу, назначение которого белградским губернатором, отнюдь не способствуя прекращению волнений, может лишь ожесточить умы.

Мои отношения с депутатами также прекрасно устроились: я имел беседу с одним из них — Петром Новаковичем. Мне показалось, что он не питает полного доверия к одному из своих коллег, с которым он несколько сдержан. Он даже просил меня попробовать склонить его к возвращению в Сербию; я заметил ему, что если отъезд его будет добровольным и не повлечет за собой какого-либо неудобства для дела, то, несомненно, его удаление было бы допустимо.

Депутат этот сообщил мне, что по прибытии они были представлены кяхья-бею, речь которого, если она была искренней, явилась бы добрым предзнаменованием, так как это второй человек в государстве; он заверил их в том, что просьбы сербского народа будут приняты во внимание султаном, который желает обеспечить их спокойствие и благополучие.

Это заверение неопределенно и не имеет особого значения, поскольку кяхья-бею еще не известно содержание арз-махзара.

Петр Новакович добавил мне, что им непрерывно внушают мысль о том, чтобы ими управлял греческий князь. Бесспорно, фанариоты, которые не принадлежат к нынешним князьям Валахии и Молдавии и которые видят необходимость ждать 4 года, чтобы иметь возможность претендовать на княжество, должны желать, чтобы дело сербов привело именно к этому результату, и их действия будут соответственно направлены.

Хотя депутат Петр Новакович и заверил меня, что так отвечали на подобные внушения он и его коллеги, дабы не дать никакой надежды фанариотам, однако я ему настоятельно советовал решительно отклонять подобные предложения.

Не видно, чтоб интернуций Штюрмер, который должен знать о прибытии сербских депутатов, делал какие-либо представления Порте.

Я увидел из депеши вашего высокопревосходительства от 20-го, что Вашим намерением было войти в некоторые объяснения с венским кабинетом по поводу поведения этого его представителя.

Демарш этот имел бы свои преимущества, но мне кажется также, что он может в дальнейшем склонить реис-эфенди к молчанию на счет интернуция Штюрмера, так как последний мог бы признать, что Махмуд-эфенди не оставил нас в неизвестности относительно своих связей с ним, и пожаловаться этому министру на то, что нас посвятили в переговоры, значение которых может определить лишь одна Порта. Интернуций Штюрмер мог бы также указать Порте на то огорчение, которое вызвали в нас его замечания и советы оттоманскому министерству, как на доказательство нашей договоренности с сербами и наших целей. Почтительнейше остаюсь, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

А. Италинский

¹ См. док. № 68.

№ 78

«Записка бухарестских и задунайских известий» о взятии сербами Карановца и о действиях турецких пашей в Болгарии и Сербии

28 июня 1805 г.

Настоящее согласие между Пазвант-оглу и Терсеникли-оглу, воследовавшее по старанию эмиссаров Порты, подает немалое сомнение валахскому правительству, поелику оба оные турецкие начальники, угнетая народ, всячески стараются не допускать болгар к соединению с воюющими сербами.

Аян из Рахова, получив удачу в захвачении насильно из Крайовских уездов более 300 семейств под видом бежавших с той стороны Дуная, недавно требовал от тамошнего каймакама выдачи оставшегося после оных имения, как-то: вещей, скота и посеянного хлеба. По сему господарь Ипсиланти послал к берегу против Рахова корпус пандуров до 300 человек для удержания турок в случае набегов в Валахию, а между тем занимается истребованием обратно из числа вышеупомянутых тех семейств, кои суть настоящие валахские.

Верховный визирь присылал одного чиновника своего в Силистрию к Иликли-оглу, который, продержав его у себя три дни, отправил обратно с бумагами в Царьград, а сам на другой день поехал в Ибраил. Примечают, что Иликли-оглу по совету визиря намерен заключить с ибраилским назыром союз против непослушного Порте Терсеникли-оглу.

Приезжие из Сербии уверяют, что Черни-Георгий и Кусанчали-Халил согласно объяснили нисскому Солейман-паше *, что они его пропустят в Сербию и принять в Белграде не могут, хотя Порта и пожаловала ему для сего знаки трехбунчужного паши.

Турки в Карановацы, призвав к себе на помощь 1700 человек янычар из Новицы, напали нечаянно на сербский военный отряд и оный разбили. Черни-Георгий, огорчась сим известием, послал немедленно свои войски, которые взяли приступом местечко Карановацы и убили всех нашедшихся там турок, пощадив из них только жен и детей. Паши турецкие в Ниссе, Лесковцы и коменданты в Енибазаре опубликовали, что кто из турков

* Имя паши указано ошибочно; правильно: Хафиз-паша.

охотно вооружится против сербов и запишется в службу, таковой получать будет сверх провианта и фуража по 15 пиастров в месяц жалованья.

24-го прибыли сюда из Лондона чрез Вену агглинские полковник и капитан, следуя с депешами в Индию, и на другой день отправились в Царьград.

О моровой язве в Валахии не слышно.

АВПР, ГА I-9; 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 7, л. 38—39. Копия. Опубл.: *Documente privind istoria României*. . . , vol. IV, p. 582.

№ 79

Донесение И. Ф. Болжунова А. А. Чарторыйскому о получении 3 тыс. червонцев для сербов и со сведениями о предводителях сербских повстанцев

30 июня 1805 г. Яссы

Секретно

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Предписания вашего сиятельства от 4 сего июня ¹ застали меня уже на самом отъезде из Букореста. Затем, равно и по неполучению тогда всемилостивейше пожалованных в помощь сербскому народу 3 тыс. червонных не мог я приступить вдруг к выполнению препоручений, коими по сему случаю снабдить меня изволили.

Получив ныне при другом вашего сиятельства отношении от 19-го сего же месяца свыше упомянутую сумму ², я немедленно по отправлении сего займусь посылкою с оными в Букорест под посторонним предлогом нарочного; а там, по предварительному соглашению моему с князем Ипсилантием, равно и по отзыву к нему вашего сиятельства, следуя удобности, сей же самый нарочный в случае надобности поедет далее, ибо две из доверенных от сербской нации особ, бывшие в Букоресте *, давно уже возвратились восвою, а имеющийся ныне там хотя известен уже в Сербии и поведения непоприцаемого, но будучи не что иное как служитель капитана Новаковича, я не осмелился вверить ему комиссию толикой важности. Каким образом предположения сии выполнены будут, я не премину с будущим курьером донести в подробности.

Представив уже вашему сиятельству в донесении моем от 28 минувшего мая ³ сведения, почерпнутые мною из верных источников, как о числе сербов, действительно ныне под оружием состоящих, так и о других обстоятельствах, я ныне имею честь донести, что из числа знаменитых сербов суть: Яков Степанович, Миленко, командующие войсками; Чарапич Васа, Сима, Гирба, Младен, все четверо князья; Станой Главач, адъютант Черни-Жоржа; Гирша, адъютант Миленков; Янко Катич, штаб-офицер. Сии все, сиятельнейший князь, сколько я удостовериться мог, после Черни-Жоржа наиболее пользуются доверенностью сербского народа.

Известный комиссар здешнего господаря спатарь Калигари на днях только возвратился из Семлина в Букорест. Он продолжал пребывание свое там под предлогом болезни, в самом же деле интриговал, не без успеха, к склонению сербов на проекты и виды своего князя, что будучи известно князю Ипсилантию, он по приезде сего боярина не рассудил даже и спрашивать его о тамошних новостях, зная наверно, что не скажут ему правды.

* С. Ефтич и И. Протич.

По искательству Порты чрез емисаров ее, кажется, восстановлено ныне, по крайней мере, в политическом образе поведения согласие между Пазвантом-оглу и рущудким начальником. Соединение сие, предположить можно, послужит к сугубому угнетению задунайских жителей. Оба сии начальника по ненависти к христианам все способы употребляют к приведению болгар в повиновение и удержанию от побегов и соединения с сербами.

В заключение, препровождая на усмотрение вашего сиятельства список последнего письма ко мне г. посланника Италинского по делам сербов, имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и непрременною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга

Исполит Болкунов

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. I, п. 7, л. 40—42 об. Подлинник.

¹ См. док. № 73.

² В письме от 19 июня 1805 г. Чарторыйский извещает генерального консула в Яссах о получении его донесений по сербским делам и о направлении в его адрес 3 тыс. червонцев, которые Болкунов должен передать Карагеоргию с помощью К. Ишланты «самым скрытнейшим и секретнейшим образом» (АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 102, л. 50).

³ Текст донесения Болкунова Чарторыйскому от 28 мая 1805 г. повторен в его же донесении Италинскому от 4 июня 1805 г. (см. док. № 69).

№ 80

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о предпринимаемых им усилиях для получения текста обращения сербов к турецкому правительству и о сношениях с сербским депутатом П. Новаковицем

№ 163

2 (14) июля 1805 г. Буюкдере

Monseigneur! L'arz mahzar des Serviens a été présenté le 20 juin au kehaya bey par le drogman de la Porte, accompagné d'un rapport par écrit sur une conversation avec lui des députés et explicative de leurs demandes et de leurs offres.

Je suis revenu encore à la charge auprès du reis-effendi, pour avoir une copie de cet arz mahzar, en prenant mon texte de la démarche de cette nation à Pétersbourg, de la réponse qui lui avait été donnée et de la communication que j'en avais faite à la Porte.

Le reis-effendi m'a fait répondre qu'il avait lu chez le grand vizir une partie de cette longue pièce, qu'elle contenait plusieurs chefs de demandes dont quelques-unes étaient susceptibles de succès, et les autres ne pouvaient pas l'être, telles, par exemple, que celles de se gouverner eux-mêmes et d'être absolument indépendants du pacha de Belgrade; que cette pièce serait mise sous les yeux du sultan, et qu'ensuite il demanderait la permission de me la communiquer.

Le 1er drogman Joseph Fonton a proposé au reis-effendi de permettre au drogman de la Porte d'en donner une copie. Mahmoud effendi a répondu à cette insinuation avec assez de froideur, qu'il ne le pouvait pas sans y être autorisé lui-même, puisque c'était un *objet étranger*.

Je ne suis pas éloigné de croire que cette communication sera éludée. Je dois cependant tendre à ce qu'elle me soit faite; car c'est le seul moyen de pouvoir raisonner avec le ministère ottoman sur les demandes des Serviens, sans faire naître des soupçons.

De toute manière, sans contredit, ma conduite dans cette affaire doit être prudente et elle l'a été; encore plus le doit-elle être, depuis la présentation du 3e article secret ¹; et sous ce rapport, je mettrai la plus grande attention à me conformer aux ordres que v. ex. m'a fait l'honneur de m'adresser dans sa dépêche du 4 juin.

J'ai déjà particulièrement recommandé au député Petro Novacowitch de mettre la plus grande circonspection dans ses communications et de bien prendre garde de ne pas faire entrevoir que ses compatriotes sont en relations avec nous. Je lui ai ajouté qu'il devait se borner à donner à entendre à la Porte, que par eux-mêmes ils sont en état, sans le secours de personne, de résister à toute oppression que l'on voudrait exercer envers eux.

Je réitérerai à ce député cette recommandation à la première entrevue.

Il paraît que la Porte a toujours l'intention de remettre à un pacha la connaissance des demandes des Serviens et les moyens de les satisfaire.

J'ai acquis pour ainsi dire une certitude à cet égard, et j'en ai fait prévenir le député Novacowitch, pour que si le ministère ottoman venait à lui faire quelque insinuation à cet égard, il eut à observer l'inutilité et les inconvénients de cette mesure, en ajoutant l'assurance qu'elle ne sera pas accueillie par ses compatriotes, qu'elle ne fera que les exaspérer.

J'ai représenté aussi à ce député la convenance qu'il fasse passer des avis en conséquence en Servie pour que cette proposition de la Porte soit rejetée avec quelque démonstration capable de mettre en considération le ministère ottoman.

Pétro Novacowitch paraîtrait être dans l'intention de quitter cette capitale, pour se rendre, dit-il, en Russie, si la Porte traîne en longueur la définition de l'affaire, ou veut en commettre le soin à quelque pacha.

Je lui ai observé que cette marche ne serait pas convenable, qu'il doit continuer son séjour ici, pour que les Serviens puissent dans chaque occasion répondre aux agents de la Porte, que c'est en cette capitale, où les députés de la nation se trouvent, que ces affaires doivent être traitées.

Pétro Novacowitch, tenant toujours à l'idée de renvoyer en Servie le troisième de ses collègues, se propose d'écrire par cette occasion.

Il m'a informé à ce sujet que son idée avait été d'expédier ce député sans la connaissance de la Porte; mais que l'avis de ses collègues ayant été au contraire que ce renvoi fût fait du su du ministère ottoman, il avait communiqué au drogman de la Porte l'intention de réexpédier ce député, afin qu'il en instruisît le kehaya bey, duquel, en qualité de ministre de l'intérieur, cette affaire relève plus particulièrement. Pétro Novacowitch m'a fait par aussi dans cette dernière communication avec lui, que par des avis indirects il a été informé que le roumeli valissy d'un côté, et le pacha de Nyssa de l'autre, s'avançaient vers la Servie avec des forces considérables, et que les Serviens se portaient aussi à leur rencontre; qu'il en résultera naturellement un choc; qu'en conséquence une quantité de familles serviennes, pour éviter de se trouver dans la bagarre, se sont retirées dans les Etats autrichiens.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

*Помета: Полу[чено] 8 августа 1805 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2249, л. 619—624. Подлинник.*

Перевод

Ваше сиятельство! Арз-махзар сербов был представлен 20 июня драгоманом Порты кяхья-бею вместе с письменным донесением о беседе с депутатами и с разъяснением их просьб и предложений.

Я еще раз попытался объясниться с реис-эфенди, чтобы получить копию этого арз-махзара, взяв с собой текст демарша сербов перед Петербургом и ответа, который был им дан, а также сообщения, которое я сделал по этому поводу Порте.

Реис-эфенди ответил, что он прочитал у великого визири часть сего пространного документа, что он содержит несколько разделов требований, из них некоторые могут рассчитывать на успех, а другие, как, например, просьба о самоуправлении и совершенной независимости от белградского паша, не могут. Он сказал, что этот документ будет представлен на рассмотрение султана и что затем он попросит разрешения показать его мне.

Первый драгоман Жозеф Фонтон предложил реис-эфенди разрешить драгоману Порты передать нам копию документа. Махмуд-эфенди ответил довольно прохладно, что не может этого сделать, не будучи сам на это уполномочен, поскольку это — *иностранный документ*.

Я недалеко от мысли, что он уклоняется от передачи. Однако я должен стремиться к тому, чтобы она состоялась, так как это — единственное средство, не вызывая подозрений, переговорить с оттоманским министерством о просьбах сербов. В любом случае мое поведение в этом деле должно быть, бесспорно, осторожным, да оно и было таковым. И оно должно стать еще осторожнее после представления 3-й секретной статьи¹. И в этом отношении я приложу наибольшие усилия, чтобы действовать согласно указаниям, которые ваше высокопревосходительство сооблаговостили направить мне в своей депеше от 4 июня.

Я уже особо рекомендовал депутату Петру Новаковичу соблюдать строжайшую осмотрительность в своих сношениях и принять меры к тому, чтобы не заметили, что его соотечественники поддерживают отношения с нами. Я добавил, что он должен ограничиваться тем, чтобы дать понять Порте, что сербы в состоянии сами по себе, без чьей-либо поддержки сопротивляться любому оказываемому на них давлению.

Я повторю ему эту рекомендацию при первой же встрече.

Кажется, что Порта все еще держится намерения поручить паше ознакомиться с просьбами сербов и рассмотреть средства их удовлетворения.

Я обрел, так сказать, уверенность на сей счет и предупредил об этом депутата Новаковича с тем, чтобы, если оттоманское министерство сделает какие-либо намеки в этом отношении, то ему следует подчеркнуть бесполозность и неудобство подобной меры и убежденность, что она не будет принята его соотечественниками, а лишь раздражит их.

Я также объяснил депутату уместность того, чтобы он передал соответствующее пожелание в Сербию, чтобы это предложение Порты было отклонено с определенной демонстрацией, которая могла бы быть принята во внимание оттоманским правительством.

Петр Новакович, по-видимому, намерен покинуть столицу, чтобы выехать, как он говорит, в Россию в том случае, если Порта затянёт решение дела или захочет передать его в ведение какого-либо паша.

Я заметил ему, что такой шаг не был бы уместным, что ему следовало бы находиться здесь, чтобы сербы могли в любом случае ответить представителям Порты, что именно здесь, в столице, где находятся депутаты от нации, должны решаться их дела.

Петр Новакович, продолжая придерживаться мысли об отправке в Сербию третьих из своих коллег, предполагает написать с настоящей оказией.

Он сказал мне в связи с этим, что думал о том, чтобы отправить этого депутата, не сообщая об этом Порте. Однако, поскольку мнение его коллег было иным, т. е. что отправка его должна состояться с ведома оттоманского правительства, то он сообщил драгоману Порты о намерении отправить обратно депутата, чтобы тот мог уведомить кяхья-бея, которого, как министра внутренних дел, это дело особенно касается.

Петр Новакович сообщил мне также при этой последней встрече, что из косвенных источников ему стало известно, что румели-валейс, с одной стороны, и нишский паша, с другой, продвигаются по направлению к Сербии со значительными силами и что сербы движутся им навстречу; результатом этого, естественно, будет столкновение; вследствие этого часть сербских семейств, чтобы не оказаться на месте схватки, ушла в австрийские владения.

Почтеннейше пребываю, ваше сиятельство, вашего высокопревосходительства нижайший и покорнейший слуга

А. Италинский

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду 3-я секретная статья русско-турецкого оборонительного договора, подписанного 11 (23) сентября 1805 г. Полномочия русскому послу в Константинополе А. Я. Италинскому были даны Александром I 17 (29) декабря 1804 г., и в течение первого полугодия 1805 г. продолжалась выработка условий этого соглашения, имевшего целью воспрепятствовать наполеоновской Франции осуществить свои планы расчленения Османской империи (см. текст договора: ВПР, т. II, с. 584—

594). Что же касается 3-й секретной статьи, то она касалась соблюдения Блистательной Портой условий ранее заключенной конвенции о предоставлении бывшим венецианским городам и Албании определенных привилегий, которые, по мысли Италинского, видимо, могли бы стать политическим прецедентом для получения таких же привилегий и для борющихся сербов (там же, с. 592—593).

№ 81

Обращение сербских военачальников к К. Ипсиланти об оказании помощи сербской депутации в Константинополе

8 июля 1805 г. Лагерь в Ужицкой нахии

Сиятельнейший и высокоблагородный принц Константин Ипсиланди, далекочувенный господарь земли валахийской, нашему роду сербианскому все милостивейший господин и благодетель, многолетствуйте! Мы, комендаты, войводе, вытези, булюкбаше, кнезови и кметови сербианского народа предела белградскога, от целога овога пашалука поклон и поздравле желећи, союз любви еднога рода и еднога имене христианского, да бог и крест и рог * христианского закона узвиси в бесконечные веки, Аминь.

Припадајући мы вашему сиятельству, кое свагда у сердцах наших благодарность носити имамо, аки на каменной скрижали, за велико Ваше человеколюбие и за страннопримство, и за Ваше благонастояване. И овоме сербианскому народу велико благодеяние показываете, кое целоме свету Ваша к нам добра желания препозната суть, особито пресветла Ваша писания све ово сама засведочаваю, зато сердца наша удержати не могут Вами велику благодарность са овим листом челобитно возписати и пресветлой персоны вашего сиятельства представить. Кое мы, као скудоумнии и доскора утесняемии суще от ига тиранского, поне сердцем мало отдохнутии, вашему сиятельству всепокорнейше просимо и молимо, као овога народа великога ходатая, да бисте изволили из овога приложенога писма увидити можете. Зато всепокорно Вас молимо, да бисте ово писмо на наше посланике послали у Цариград чрез Вашего капићехаю и поред овога пресветлейшей и Блистательнейшей Порты великому султану нашему отписати с Вашим благоразумием. Сами видите, да мы горемо овди от оволико душмана наши, и да бы се сат премогло и тыма нашим посланицыма благонадеждный посао исходатайствовао, и да бы милость Ваш капићехая у Цариграду за то наше прошене настоявао и нашим посланицыма ускорио.

С коим у великой милости вашего сиятельства сви препоручуюћи се, и несумнено у благонадежной милости и остаемо, называюћи се вашего сиятельства всенижайшии:

(М. п.) Кара Георгий Петровић
(М. п.) Яков Стефа[новић] Ненадовић, комен[дант]
(М. п.) Сима Марковић, кнез
(М. п.) Матфей Стефановић, протопресв[итер]
Янко Катић, войвода
Милан Обреновић, войвода
Милован Грбовић, кнез

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1803—1805 гг., д. 3163, л. 14 и об. Копия.

* Сила, слава (церковнослав.).

Письмо М. Стойковича орсовскому коменданту Реджеб-аге о направлении сербской депутации в Константинополь и о боевых действиях в Карановацкой нахии

16 июля 1805 г. Кличев

Љубезно те поздрављајем, Реџеп-ага, ја, Миленко бинбаша. Ако сте ради за нас разумети, фала богу, сви смо живо и здраво; и твоје писмо јесмо примили и разумели шта ви нама пишете, да вам отпишем. Букурешт-бег * писао јесте лијепо и паучаје нас, како ваља се водити; и пише за Афис-пашу: јесу и они разумели, да он купи војску на нас. Он тако у писму говори: није ли он царев везир, пак му дужност цареву рају чувати, а не увредити, које сва царева држава вас знаде да сте царева раја? А прошто би он на вас војско дизао и мира вам не да, каде Високиј Диван вашу покорност јесте разумео, и ваша молебна писма примио и од високога довлета хоћете помиловани бити, а не увређени? А ви вашу чест чувајте и ваш образ. Ако ли би на вас Афис-паша пошао, а ви му немојте с пута свертати; и ми хоћемо му писати, како је он цареви везир, тако сте и ви царева раја; и за вас цар лијепо знаде. И оне наше људе шта смо и послали, он је лијепо оправдио, и у Цариграду седе. И бег како пише, ако буде истина онако, хоће бити добро. Кад смо проучили, а ми смо се обрадовали, како јесу наши људи, и молење предали високому довлету, и разумео да ћемо бити помиловани. И хоће један од оних посланика скоро доћи, и од њега хоћемо лепшу повест добити. И друго ти Реџеп-ага пишем, за Афиз-пашу, како је био посло 1500 турака у Карановац да на нас ударе и да покарају наша села; пак су били нама неколико села покарали и 7 кметова посекали у Карановацкој нахији. Пак се после вилајет дигне и обколе Карановац. И ту су се много били, и од ње много погинуло, док је дошо Ђорђе **. И ту како су били запали, сви(х)тели су изгинути, него посло је пазарскиј паша *** његове људе; те су молили Ђорђа да и пусти; и није мого Ђорђе од атара пазарскога паше да му изађе, него и је све сасвим пустио и оправдио паши. А Карановац све је попалио, и Терстник. И сви те кнезови поздрављамо, Реџеп-ага, што си нама писао за ради оних твојих новаца што имамо да ти дајем, ми то и сами знајем; и видимо да ти је саде нужда за паре, но те молимо да ти јошт причекаш; прошто и чујете, како нам сав вилајет стоји на пушки; а ви мало претерпите докле се ово мало премири и дођу људи својој кући; а ми ћемо одма заћи и вашу мирију купити — перва пара буде ваша. И за Афиз-пашу ако питаш, ми чујемо да он једнако купи војску и говори, да хоће на наш вилајет да удари, да роби, но и ти можеш бегу писати, нек и он знаде; а ми му нећемо с пута свертати, док један очима гледамо. И ми хоћемо писати, али си ти ближи, ти можеш и боље бегу јавити како је од Афис-паше.

(М. п.) Миленко, бинбаша

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 8, л. 34 и об. Копия. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 271.

* К. Ипсиланти.

** Карагеоргиј.

*** Ферат Агич.

№ 83

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому об угрозе сербам со стороны Хафиза-паши

19 июля 1805 г. Яссы

№ 65

Секретно

По некоторым обстоятельствам и по совету воложского господара известная вашему сиятельству из предыдущего донесения моего экспедиция в Сербию, назначенная по день отправления сюда последнего курьера, места своего еще не возымела. Князь Ипсиланти, не находя другой верной оказии, чтобы заменить наряженного от меня нарочного, предвидя затруднения, которых избежать почти невозможно при проезде чрез цесарские области по строгости, наблюдаемой на границе, и зная ненадежность таковой посылки чрез Орсово, отложил оную на короткое время, обещаясь придумать средства беспечнейшие. Таким образом, я надеюсь о последствии сего дела с будущим курьером донести вашему сиятельству.

Боярин воложского господара, посланный к Реджеб-аге в Орсово по делу поправления тамошней крепости, доставил его светлости переписку, которую он по знакомству к нему сербского коменданта Миленка, находящегося недалеко от Орсовы, имел с ним о настоящем положении сербов и в которой сей последний, извиняясь о сумнительном поведении Порты, жалуется при том на неприятельские виды нисского паши, коего приготовления приводят их в беспokoйство, и что они, не видя никакого действия в обещаниях Порты и потеряв почти] всю надежду в оных, принуждены, оставя земледелие, приняться все за оружие, предупреждая тем нападение на них турок.

Помянутый боярин уверял, что Реджеб-ага приметно обходится с сербами ласково и дружественно, стараясь снискать у них доверенность к себе. Он на прошедших днях удержал нападение на них дяди своего из Порицы, где сербские войска, подступя, взяли было на Дунае лодки и скот в поле; но по просительству Реджеб-аги все оное возвращено за порукою последнего.

Имею честь пребыть . . .

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 104, л. 140—141. Отпуск.

№ 84

Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому об отправке в Сербию нарочного с подтверждением обещания России оказать помощь и советы в целях обеспечить вооружение сербских войск

1 августа 1805 г. Яссы

№ 76

Секретно

Секретное отношение вашего превосходительства от 19 (31) июля имел честь получить ¹.

Отправление нарочно посланного от меня в Сербию, последовавшее из Букореста 23 июля чрез Венгрию, признано необходимым по совету благоприятствующего господара и по стечению обстоятельств, которые оказываются ныне по делам сербским. Предмет сей посылки, равно и те предписания, о коих я имел честь упомянуть в предыдущем моем [письме]

от 2 минувшего июля, содержали подтверждения обещанного высочайшим двором покровительства и попечения о благосостоянии сербской нации, советы осторожности, необходимо нужной при какой-либо впредь перемене министерства оттоманского, и образ поведения их как в рассуждении Порты, равно и соседних турок; внушения Черни-Георгию, чтоб он не только не ослаблял настоящего вооружения, но старался бы всеми мерами оное усиливать и запастись корпус свой нужными припасами, поколику положение его позволяет, для достижения чего как ныне дано им нужное вспоможение, так и впредь снабжены будут оным, смотря по благоразумию, с каковым употреблять станут зависящие от них меры и охотливость их следовать спасительным нашим советам. И, наконец, вызов одного из бывших в России депутатов, который найлучше может объяснить двору нашему настоящее положение сербской нации как политическое, так и военное.

Предоставляя себе честь о последствиях помянутой посылки в свое время доносить вашему превосходительству, пребываю с истинным высокопочитанием и такою же преданностию.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 114—115. Отпуск.

¹ В письме от 19/31 июля 1805 г. Италинский благодарит Болкунова за письма, которые он получил 15 июля 1805 г. с прибывшей из Петербурга почтой, и напоминает генеральному консулу, чтобы он выполнял данные ему предписания по сербскому вопросу с большой осторожностью, так как этого непременно требует существо начатых Италинским переговоров с Портой (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 1670, л. 271).

№ 85

Письмо П. Новаковича Г. Вуяновичу о победе сербских войск в сражении при с. Иванковца

11 августа 1805 г.

Мой Гаврило! Я сам тебе вчера писал, да ожидаешь меня в Харькове. Не в Харькове, однако, а в Киеве, потому что не имеешь близь Одесса, у кого, и потому ожидай в Киеве. Извещаю тебя, что сейчас пришел из нашей Сербии человек, сказал нам, что была великая битва июля 27-го на Морави¹. Турок было выше 30 хилюада, и все погинули. А нас здесь хотели подхватить, за то бежимо.

Твой верной друг Новакович

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 9, л. 31. Копия.

¹ Речь идет о сражении у с. Иванковцы, которое было 6 августа 1805 г. В этом бою турки действительно понесли большие потери, но цифра 30 тыс. кажется преувеличенной, так как все турецкое войско, которое участвовало в этом сражении, насчитывало не более 10 тыс. человек (см.: *Милосавлевич П.* Бой на Иванковцу в 1805 г.; *Вукићевич М.* Карађорђе, књ. 2, с. 285—290).

«Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями о боевых действиях сербских войск и о взаимоотношениях сербов с турецкими пашами

14 августа 1805 г.

На прошлой неделе прибыл сюда из Царьграда один из депутатов сербских, который, имея патриаршее письмо к сербскому народу, отправился чрез Орсово в лагерь Черни-Георгия, снабжен будучи от здешнего господаря рекомендацией к Реджеб-аге ¹.

Говорят, будто Порта повелела жителям Раза и окружности оного вооружиться против сербов. Хафиз-паша в Ниссе принял в свою службу кирджалиев, отпущенных Исмаил-беем серским. Он приглашал также к себе военных из Босни, платя на месяц жалованья каждому от 10 до 30 пиастров.

Приезжие из Хиршово говорят, будто в сербском лагере пронесся слух, что сербские депутаты в Константинополе убиты Портою и что сие немало встревожило главнокомандующего.

3-го сего месяца проехал чрез Букорест французский кабинет-куррьер с депешами к миссии своей в Царьграде, а 6-го прибыл сюда же из Константинополя известный французский офицер Луи Тамерлан, который, имев свидание с господарем, отправился другого дня на почтовых в Париж.

7-го приехал сюда турецкого посла в Париже куррьер с депешами к Порте.

На днях прибыли сюда два прусские офицера, имея предметом, как сказывают, закупку лошадей и овечьей шерсти в Валахии.

12-го возвратился сюда из Орсовы известный боярин ключар Манолаккий. Он говорит, что Хафиз-паша перестал набирать войска по приказанию Порты, однако имеет до сего 6 тыс. человек, с коими надеется войти в Белград; что сербы убили одного из четырех кабадиев Фош-огла, нападавшего на них со стороны Ужицы; что Кусанчали Халиль, держа сторону сербов, убил трех знатных дайев и что сербы разбили войски Хафиз-паши, пришедшие против них из Босни ². Он же, боярин, уверяет, что вышесказанный сербский депутат, быв принят хорошо, от Реджеб-аги в Орсово отправился в лагерь Черни-Георгия. Орсовский начальник продолжает доброе согласие с сербами, уверяя, что ежели бы и сама Порта повелела ему напасть на сербов, то он приступить к тому не согласится. Хафиз-паша из зависти к нему называет его диауром * и защитителем сербов. Крепость Орсово хотя поправляется ныне с немалыми издержками, однако и чрез два года строения ее не окончатся.

Известный Дели-кардый с своими кирджалиями продолжает разбой в Чорло и окружности оного, не пропуская никого из проезжих Румелию. Юсуф-паша, прибывший из Анадолии с 4 тыс. человек спагиев, имеет от Порты поручение истребить сего разбойника и других непослушных турок.

О моровой заразе в сем княжестве не слышно.

АВВР, ГА I-9, 1804, д. 5, ч. 1, п. 9, л. 10—11. Копия.

¹ Речь идет о Стефане Живковиче, торговце, который вместе с Петром Новаковичем-Чардаклией и Алексой Лазаревичем был послан в Константинополь в качестве представителя сербского народа с заданием добиться от Порты автономных прав для

* *Искаженное: гяур.*

Сербии. Подробнее о нём см.: *Ристић М. Стефан Живковић Нишлија*. Београд: Просвета, 1956.

² Сербы убили всех четырех дахиев (Агаплию, Кучук Алию, Мула Юсуфа и Мехмед Фочич-агу), а не только Мехмед Фочич-агу, как это видно из публикуемого документа (см. коммент. 1 к док. № 22). Что касается Кусанджали Халила, в этот период сербы заключили с ним договор и поэтому он держался нейтрально, пока сербы воевали на западных и юго-западных границах Белградского пашалыка, а также в период их столкновения с Хафиз-пашой. Сербы не могли разбить всего войска Хафиз-паши, которое пришло из Боснии; они разбили только ту часть его войска, которая была у г. Ниша. Возможно, что автор письма имеет в виду поражение турок у г. Ужице.

№ 87

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о своих представлениях турецкому правительству в защиту сербов и о намерении П. Новаковича покинуть Константинополь

№ 173

17 (29) августа 1805 г. Буюкдере

Monseigneur! La députation serviennne était composée de trois individus. L'un d'eux a été expédié en Serbie, comme j'ai eu l'honneur d'en informer v. ex. ¹ Depuis lors Petro Novacowitch n'a cessé de me témoigner le désir de partir aussi avec son collègue. Il alléguait la probabilité que la Porte n'accueillera pas les demandes de ses compatriotes, l'inutilité dès lors de la continuation de son séjour en cette capitale, et le danger que lui et son collègue couraient depuis que les Serviens s'étaient opposés et s'opposaient encore à l'entrée sur leur territoire du pacha de Nissa et à sa destination au gouvernement de Belgrade.

Quelques soins que j'aie mis à rassurer Petro Novacowitch contre une mesure violente à son égard de la part de la Porte, parce qu'en effet je crois qu'elle ne l'aurait pas exercée, ce député a persisté dans l'intention d'abandonner la commission qui lui a été confiée: il a prétendu qu'anciennement la Serbie s'étant trouvée dans une situation pareille et dix-huit d'entre les principaux de ce peuple ayant été envoyés en députation près la Porte, ils avaient tous été mis à mort en cette capitale ².

Je lui ai observé que les temps n'étaient plus les mêmes. Une nouvelle circonstance a augmenté ses alarmes et lui a fait prendre la résolution de fuir avec son collègue, en se rendant à Odessa, d'où il se propose de passer à Petersbourg: la Porte lui a fait annoncer qu'elle adresserait au pacha de Nissa des instructions convenables pour l'arrangement des affaires serviennes, que lui et son collègue en seraient les porteurs et qu'ils devraient se rendre auprès de ce pacha, pour agir de concert avec lui, à l'effet d'opérer le retour du bon ordre et de la tranquillité en Serbie.

Si la position des affaires dans cette contrée eût été différente de celle du moment, où les hostilités se continuent avec acharnement de part et d'autre, Petro Novacowitch aurait pu accepter cette commission; mais il a pensé, que vu les divers échecs que le pacha de Nissa a éprouvés et la probabilité qu'il en essuyera de plus grands encore, ce serait une imprudence de se mettre à la merci de ce gouverneur, qui dans un accès de rage pourrait le sacrifier, ainsi que son collègue.

Cette crainte était fondée assurément; mais j'avais représenté à ce député, qu'il n'y avait point de nécessité pour lui d'accepter la proposition de la Porte et qu'il n'avait qu'à la décliner. Il m'a objecté qu'il serait possible alors que le gouvernement s'assurât de sa personne et l'envoyât de force, ainsi que son collègue, auprès du pacha de Nissa. Ses appréhensions ont été telles à cet égard, qu'il m'a fait entendre qu'à la première apparence d'un

danger il se revêtirait d'une uniforme russe dont il était muni, et se réclamerait de moi. Je lui ai représenté l'inconvenance de cette mesure; et j'ai réfléchi moi-même combien cette extrémité, à laquelle ce député pourrait se porter, nous compromettrait. Il a paru le sentir lui-même; car il s'est occupé immédiatement de trouver une occasion pour partir. Elle s'est présentée; et il en a profité, ainsi que son collègue. Ils ont demandé que je les munisse de mon passeport, quoiqu'ils soient embarqués sur un bâtiment russe, je n'ai pas voulu mettre entre leurs mains de pareils documents. Je leur ai fait dire, que le capitaine serait porteur d'une lettre pour M. le duc de Richelieu, au moyen de laquelle des passeports devenaient superflus.

En effet j'ai écrit l'incluse à ce gouverneur.

Tel a été le résultat de la députation serbienne. Il n'a pas dépendu de moi de m'y opposer. Autant que les circonstances ont pu le permettre, j'ai conseillé à la Porte de satisfaire ce peuple. J'ai fait des observations au ministère ottoman relativement à la destination du pacha de Nissa au gouvernement de Belgrade, comme il conste par mon rapport à v. ex. des 18 (30) juin dernier³. J'ai prévenu à cet égard ses intentions et ses ordres en date du 4 de juillet⁴. J'ai même tenté d'obtenir de la Porte la communication des demandes des Serbiens pour pouvoir entrer avec elle dans des explications plus particulières. Cette circonstance est aussi connue de v. ex., j'ai eu l'honneur de l'en informer. Mes démarches exigeaient d'autant plus de circonspection, que la première idée donnée au ministère ottoman par Regeb aga, commandant d'Orsova, que nous n'étions pas étrangers aux mouvements des Serbiens, avait pris depuis une plus grande consistance. L'on m'a donné même à entendre que le soupçon d'une intelligence du prince Ypsilanty avec nous à cet égard commençait à s'élever. La situation de nos propres négociations ne permettait point de nous mettre plus à découvert, et c'eût été s'exposer à cet inconvénient que de donner à mes démarches une forme plus prononcée. Je persiste dans l'opinion que j'ai pris la liberté d'émettre dès le commencement des troubles de la Serbie, que la Porte ne prendra aucune détermination favorable en faveur de ce peuple, qu'autant qu'elle y sera forcée par les événements militaires dans cette contrée. Il faut donc qu'il fasse des efforts, s'il le peut, pour obtenir de son courage ce qu'il aurait voulu devoir à l'humanité du sultan.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre exce lence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2250, л. 54—58 об. Подлинник.

Перевод

Ваше сиятельство! Сербская депутация состояла из трех человек. Один из них был отправлен в Сербию, как я имел честь сообщить об этом вашему высокопревосходительству¹. С тех пор Петр Новакович не переставал высказывать мне желание также уехать со своим коллегой. Он ссылался на вероятность того, что Порты не примет просьбы его соотечественников, что делает бесполезным дальнейшее пребывание их в этой столице, и на опасность, которой подвергаются он и его коллеги с тех пор, как сербы воспротивились и продолжают сопротивляться вступлению на их территорию ишского паши и его назначению губернатором Белграда.

Несмотря на приложенные мною старания, чтобы успокоить Петра Новаковича насчет насильственных мер Порты в отношении него, так как я думаю, что на самом деле она их не осуществит, депутат упорствовал в намерении отказаться от поручения, которое было ему доверено. Он утверждал, будто ранее, когда Сербия оказалась в подобном же положении и 18 старейшин народа были посланы с депутацией к Порте, все они были казнены в столице².

Я заметил, что времена уже не те. Новые обстоятельства обострили его тревогу, и он принял решение бежать со своим коллегой, направившись в Одессу, откуда собирается ехать в Петербург. Порты заявила ему, что направит нишскому паше надлежащие инструкции по урегулированию сербских дел, что он и его коллега станут их предъявителями и что они должны явиться к этому паше, чтобы действовать в согласии с ним, в целях восстановления в Сербии полного порядка и спокойствия.

Если бы положение дел в этой стране было иным, чем нынешнее, когда с той и другой стороны продолжаются ожесточенные враждебные действия, то Петр Новакович мог бы принять это поручение. Но он думает, что ввиду различных неудач, испытанных нишским пашой, и ввиду того, что его, вероятно, ожидают еще большие неприятности, было бы неосмотрительно отдавать себя на милость губернатора, который в приступе ярости может пожертвовать им и его коллегой.

Это опасение было, конечно, обоснованным. Но я сказал депутату, что ему вовсе нет необходимости принимать предложение Порты, а нужно лишь отклонить его. Он возразил, что тогда правительство может взять его под стражу и насильно отправить вместе с коллегой к нишскому паше. Его опасения на сей счет были таковы, что он заявил, что при первом же появлении опасности облачится в российский мундир, который у него есть, и выдаст себя за моего человека. Я объяснил ему недопустимость такого шага. И сам я задумался о том, как может скомпрометировать нас такая крайность, если на нее решится этот депутат. Он, видимо, сам почувствовал это, так как немедленно начал подыскивать возможность для отъезда. Таковая представилась, и он с коллегой воспользовались ею. Они просили, чтобы я снабдил их паспортом, и хотя они сели на российский корабль, я не хотел давать им в руки подобные документы. Я сказал, что кашитан будет предъявителем письма к герцогу Ришелье, поэтому паспорта будут излишними.

Я на самом деле написал губернатору приложенное при этом письмо.

Таковы результаты сербской депутации. От меня не зависело воспрепятствовать этому. В той мере, в какой позволяли обстоятельства, я советовал Порте пойти навстречу желаниям народа. Я высказывал замечания оттоманскому правительству по поводу назначения нишского паши правителем Белграда, о чем указывалось в моем допесени вашему высокопревосходительству от 18 (30) июня с. г.³ Я предупредил в этом отношении Вапи распоряжения от 4 июля⁴. Я даже пытался получить от Порты сведения о просьбах сербов, дабы иметь возможность войти с ней в более подробные объяснения. Это обстоятельство также известно вашему высокопревосходительству, и имел честь известить Вас о нем. Мои демарши требовали осмотрительности, тем более, что мнение, высказанное оттоманскому правительству комендантом Орсовы Реджеб-агой о том, что мы не чужды движению сербов, получило затем дальнейшее развитие. Мне говорили даже, что начало возникать подозрение о сговоре по этому поводу князя Ипсиланти с нами. Состояние наших собственных переговоров не позволяло большей откровенности, и придать моим демаршам более открытую форму означало бы поставить себя в неловкое положение. Я продолжаю придерживаться мнения, которое осмелился высказать в начале волнений в Сербии, что Порты не примет благоприятного решения в пользу этого народа, если только она не будет принуждена к нему военными событиями в этой стране. Поэтому следует, чтобы этот народ, если сможет, приложил усилия к тому, чтобы получить благодаря своей отваге то, чего хотелось бы достичь вследствие проявления гуманности со стороны султана.

Почтеннейше пребываю, милостивый государь, вашего сиятельства шжайший и покорнейший слуга

А. Италинский

¹ В состав депутации входили Петр Новакович Чардаклия, Стефан Живкович и протоиерей Алекса Лазаревич. С. Живкович был отправлен из Константинополя в Сербию еще до 18 июля 1805 г. 30 июля 1805 г. он прибыл в Бухарест, откуда выехал в Яссы 3 августа 1805 г., а из Ясс — в Сербию 14 августа 1805 г. (см.: *Вукићевић М. Карађорђе*, кн. 2, с. 294, 298).

² О гибели 18 сербских посланников см.: Причања Гаје Пантелића. Грађа за историју првог српског устанка. Београд, 1954, с. 11; *Новаковић С.* Турско царство пред српски устанак 1780—1804. Београд, 1906, с. 314—315; *Вукићевић М. Карађорђе*, кн. 1, с. 221, 302, кн. 2, с. 240, 242.

³ См. док. № 77.

⁴ Имеется в виду письмо от 4/16 июля 1805 г., в котором Чарторыйский просит Италинского сосредоточить внимание на дипломатических маневрах прусского посла в Константинополе Кнобельсдорфа, являющегося большим поклонником Наполеона I.

Ниже в письме говорится, что возникшие среди руководителей сербского восстания разногласия могут серьезно повредить сербскому движению и даже привести к гибели всего народа. При создавшейся ситуации наиболее эффективный путь к спасению сербов от гибели, с точки зрения Чарторыйского, заключается в удовлетворении их просьб со

стороны Порты. Исходя из этого, он предписывает русскому посланнику придерживаться данных ему ранее инструкций по сербскому вопросу и дополнительно рекомендует обратить внимание оттоманского министерства на то, что назначение нишского аяна Хафиза пашой Белградского пашалыка является неверной и ошибочной мерой, поскольку она еще больше озлобит сербов, которые уже пачали готовиться к тому, чтобы помешать его вступлению в Белград. В связи с этим Италинский должен убедить реис-эфенди в том, чтобы Порта отменила свой приказ о назначении Хафиза и удовлетворила те требования сербов, которые она сочла бы приемлемыми (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 45, л. 170—173).

№ 88

Отношение А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову о безуспешности миссии сербской депутации и отъезде ее из Константинополя

№ 87

18 (30) августа 1805 г. Буюкдере
Секретно

Милостивый государь мой Ипполит Федорович! Прошение, поданное Оттоманской Порте депутатами славяно-сербского народа, не произвело никакого действия, согласного с желанием просителей. После уверений в милостивых султана расположениях, которые неоднократно Порта свидетельствовала депутатам, наконец, объявлено мне, чтоб они отправились отсюда к новому их паше *, снабденному от правительства наставлениями и повелениями касательно мер, которые он должен употребить для прекращения причин, произведших в оном крае всенародное ополчение. Депутаты, не предвидя, чтобы соображение с их стороны с таковым решительным объявлением произвело какую-либо вещественную пользу отечеству, напротив того, почитая оное могущим свергнуть лично их в опасность жизни, признали за благо удалиться из Константинополя и на сих днях отправились морем в Одессу, откуда Новакович поедет в С.-Петербург. Около того времени, в которое депутаты прибыли сюда, приключились и поныне преодолеваются разные обстоятельства, крайне неблагоприятные для них и отечества их. Никакие пощечения и обороты не могли действовать вопреки такому приключению. Впрочем нужны дальнейшие и важнейшие подвиги со стороны нации, решившейся однажды искать оружием отраднейшей участи. Между тем, должно хранить в глубочайшей тайне сношения наши, открытие оных, наипаче при настоящем положении дел, может иметь следствия, в высочайшей степени вредные. Благодаря Вас за секретные сведения, прошу сообщать мне все доходящие до Вас слухи о движении войск наших.

Имею честь быть с отличнейшим почтением, милостивый государь мой, Ваш покорнейший слуга

Андрей Италинский

Помета: Получено 28 августа. Ответ 1 сентября.
АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 134—135 об. Подлинник.

№ 89

Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову о намерении сербских депутатов в Константинополе поехать в Петербург и о налаживании связи с Сербией

19 августа 1805 г. Буюкдере

Високородни господин генерал-конзул, милостивейши благодетелу мой! Я ис Костандинополь августа 11-го доста трудно са моим дружество

* Хафиз-паше; см. док. № 91.

избегов кораблем, пойду во Одеси на другую страну. Никако возможно несть чтобы турком не допался. Од народское прошение всуедно все було ничего не дойзволуд. Ми исправно получили од Сербие известие, что 27 юлия велика бидка була на Ђупри код Морави. Турков було 30 тисешти.¹ Турков тако побешдени було, лудче никогда. Тога ради хотели нас послати у Ниш Хавис-паши, чтобы лудче нихово дело оправиле. Ми теперь пойдемо до Петербурк. Милостиво Вас прошу нашого человека, кои пребивад у Букурешти, одправите у Киеву, что бисмо се ту састали, и ако би какови писма од Сербие дошли илити денги нами за на дороги трошид, зделайте милость, одправите на господина одца Самборскога, док се ми возвратимо од Петербурк. Не одреците милость Вашу на род сербски. Ако би какови други человек, чтобы пребивал у Букурешти ради договор, чтобы ту пребивал до нашего возвращения од Петербурк, да не би оставио почту свою, почем Сербия всех востала спрем турков. Ми смо писали сербскомю народу, чтобы Вам непрестайно известие было, что у Сербие буде. Покорнейши слуга

Петар Новакович

Теперь нама невосможно возвратидся у Сербию. Нужно, чтобы наш человек известие послал у Сербию о нашему случаю, и что не би се преварили од турков до нашего возвращения, и чтобы крепко на турков удержали

Помета: Получено 20 сентября 1805 г.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 106, л. 5 и об. Автограф.

¹ См. коммент. 1 к док. № 85.

№ 90

Письмо Петра I Негоша А. А. Чарторыйскому с выражением благодарности русскому правительству за получение 3 тыс. червонных, переданных С. А. Санковским

23 августа 1805 г. Станевич

Сиятелнейший князь, милостивый государь! Многопочтеннейшее вашего сиятельства письмо, врученное мне г. статским советником Санковским, с величайшим удовольствием получил и 3 тыс. червонных от г. же Санковского принял.

За благоволение нам высокомонаршее, изъявляемое чрез посредство вашего сиятельства, приношу мою вашему сиятельству наичувствительнейшую благодарность.

Наивяще вашему сиятельству обязаны мы и удовлетворены посланием к нам г. Санковского. Сколь бы мы щастливы были, если бы сей чиновник вначале к нам прибыл, доселе бы на другой ноге Черногория была. Но и ныне надеемся на всемогущего бога, что с помощью всевысочайшего двора и посредство вашего сиятельства с таковым благочинным и добродетельным чиновником по воле всевысочайшего двора и по желанию народа обоюдные пользы за свое время последуют.

Не могу же не оставить, дабы вашему сиятельству не известить о происшествии аббата Долчи. Не имея намерения, ни чьего усердия, относящегося к высочайшему двору, опровергнуть и не надлежаще присвоить, и не отважился бы ни под каким видом о том повествовать. Но поелику ваше сиятельство дали мне в[о]счувствовать, и вынужденным себя нахожу

вашему сиятельству благопочтеннейше доложить, что мы в прошедшее время услужностию аббата Долчи были обязаны и потому ему в доме нашем непрепятственно было иметь пребывание. Но никогда не уповали, дабы он столько же был неблагодарный и противу нас злоковарный. Мы не могли пагубные его замыслы приметить ни почему, а о пустословиях его ничего не уважили. Его свойства были хвастливые. До тех пор, поколь граф Ивелич не прибыл в Боку ди Катаро, и требование учинив повелительным образом, дабы мы его, Долчи, прогнали из пределов наших границ. Мы хотя по оному требованию взяли на его, Долчи, подозрение, но по неизвестности преступления его и по волности нашей и независимости не могли решить повелительное требование Ивелича до дальнейшего рассмотрения удовлетворить. А между тем было объявлено от нас с таким предложением ему, Долчи, что впоследствии, если окажется он касательно до Черногории в переписке с правительствами иных держав, дабы по уличении подлежал суждению законам черногорским, где преступление сделал, там и должную месть да примет. Долчи на таковое наше предложение согласился, не надеясь никогда, что бумаги его будут обревизованы. Мы прилежное, но и тайное имели о поведении его наблюдение, а особливо, дабы не ушел, велено кому следует при нашем доме по секрету присмотреть за ним иметь, а как мы в прошлом 1804 г. в ноябре [меся]це намерены были по некоторым нужным народным делам в Церницкую нахию или провинцию из дому нашего отлучиться и там промедлить немалое время, опасаясь при том, дабы зломысленный Долчи не ушел, решился я первее бумаги Долчи обревизовать и тогда в путь свой отправиться, для сей единственно миссии пригласив по секрету на Станевич консула Мазуревского, объявив Долчи, что намерен бумаги его чрез г. консула обревизовать. Но как Долчи не хотел допустить консула бумаги его пресмотреть с таким ответом, что-де он заколет себя, если российский консул бумаги его начнет смотреть. За недопущение консула к обревизованию бумаг взял я совершенное подозрение о преступлении его, тотчас велел арестовать его, а бумаги по прошению моему [обревизовал] консул Мазуревский в присутствии секретаря моего Доментиана Владевича и народного Якова Степановича. По обревизовании всех его бумаг, между коими сысканы переписки касательно до Черногории с правительством французским и другими державами и фальшивая печать и подписи, и как Долчи в преступлении был уличен, то в силу законов черногорских, собрав я сейм, предложил правительству черногорскому поступить с ним, Долчи, по законам, кои он сам себя подвергнул оным, и по силе оных был сужден и принял должную месть. И по исполнении сентенции, правительство черногорское при своем отношении препроводило дело Долчи консулу Мазуревскому для доставления чрез кого следует всевысочайшему двору нашему.

И о сем вашему сиятельству всеблагопочтеннейше и чистосердечно имею честь донести, что по приверженности моей к высочайшему двору и непоколебимому усердию, не точию в Черногории подвиг приемлю, но и далее простираясь, и вне своих пределов и внушение делаю народам единоверным и единоплеменным, дабы по воле высокославного покровителя нашего сопровождались и были спокойны. И по моему влиянию герцеговинцы явившегося между ими под именем российского капитана, возбуждавшего тамошних простодушных христиан принять оружие противу своей законной власти и истреблять всех турков без изъятия, к допросу графу Ивеличу представлен; а и до кончины моего века поведение мое в пользу всевысочайшего двора и пастырству моему вверенного народа сопровождаться буду непоколебимо, если двор будет мне подкреплением, о чем ваше сиятельство и г. Санковский по должности и доверенности его

может уверить, пребывая с глубочайшим высокопочитанием, вашего сиятельства всепокорнейший слуга черногорский митрополит и ордена святого Александра Невского кавалер

Петр Петрович Негош

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 2, л. 169—172 об. Подлинник.

№ 91

Письмо сербских военачальников Реджеб-аге о необходимости устранения препятствий для свободной торговли сербов и турок в районе Смедерева

7 сентября 1805 г. Колар

Љубезно и покорно Вас поздрављајемо, наш добри милостивиј пријатељу Реџеб-Ага, и дајем Вам на знање како сам Ваше писмо пријмио и с великом радостију разумео јесам да се у благополучном здравију находите! И што нам пишете заради Смедерева да на њег не ударамо, и ми не би нипошто ради били с никим кавгу имати нити на ког ударати, а особито, да на Царев град ударамо. То нам ни мало поволиније, али смо баш принуђени на Смедерево ударити, јер истина да је царски град, али су у њему лопови који не препознају ни бога а камоли честитог цара, а да су они поштени Турци, те не би они у вилајету буну подизали, но на вери убише мог једног главног старешину, обер-кнеза Ђушу,* и с ним 3 буљукбаше. Ако да и то заборавимо, буд то учинише зашто бар онолику сиротињу поораше који су с њима увек једини били па скочишећи њиове и дућане поораше и тешко су свој живот сачувани; свр[х] тога, толики триговачки мал, особито, само мога кукуруза што сам за готове новце купио 12 хиљада ока. Ја доћо[х] к Смедереву и изазва[х] смедеревце на разговор, и питам зашто тако чине и што би њима тешко. У том опет рекоше сами да нису лепо учинили и хоће у сваком свој мал натраг дати. Тако опет укабулисмо и њима опростисмо послане мој 30 кола за мој кукуруз. Они се опет натраг од своје речи потргоше и за велику спрдњу примише па ми поруче по рабаџијама. Кажу да сам цар дође, па не би га лако извадио, а камоли ваш Карађорђе, но кад нам дође Хафиз, хоћемо све њему предат-нек му буде за његову војску. А с нама ће ја се сапћи другојаче да говарати и с Хафизом нам сапћи ништо прете, и с њиме све никакав договор имадоше. Бог нам поможе те им Хафиза поштено пречекасмо и натраг вратисмо. Сад време добимо и доћомо Смедеревцем да и питамо хоћ су ли се они поштено један пут владат и њи на разговор звасмо, а они јоште нећ су да изиђу на разговор, но се псују, а пушке бацају. Тако смо наумни звати и два дана чекати. Па ако нек те ну они знаду. И што ми пишете заради лађи, да и моје буљукбаше глобе, ја то до сад нисам чуо, а ни хоћу потражит оне злочинце; а особито можете нам веровати да су све тому смедеревци криви; но ми смо ради срцем и душом да свако трговина слободно и мирно пролазе; и зато се мучимо и злочинце укидамо и сви обштински Вас поздрављамо и покорно захваљајемо што сте нам Стеву курталисали и њему у помоћ чини. То је нама свима драго. И у напредак се у Вашу милост препоручујемо да нас од Вашег скута

* Дж. Вуличевич.

не отресате. Особито љубезно поздрављајем Сали-агу брата Вашег, и, ако да бог да, радићемо да он нам комендант смедеревски буде. Со тим остајемо, Вас покорно поздрављајући и свако добро од бога желејући:

(Подписано) Прво:
Кара Ђорђе Петровић, комендат
Јанко Катић

Черни-Георгије, Симо Марковић и сви обшти, који се скупно находимо
(М. п.)

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, н. 10, л. 41—42. Копия. Опубл. частично: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 295—296.

№ 92

Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову со сведениями о событиях внутривполитической жизни Сербии

№ 108

11 сентября 1805 г. Букурест
Секретно

Милостивый государь Ипполит Федорович! 9-го числа сего месяца возвратился из Ада-Калесы боярин Манолакий, с коим приехал сюда Стефан Живкович, который есть один из депутатов сербских, назначенных было в Константинополь, и который отправился из стана сербского вместе с кадетом Джайковичем, получившим ответные бумаги от Черни Георгия и особое прошение от сербского народа на имя султана при письме к господарю Ипсиланти.

Оный Живкович, явсья у меня, пересказал, что кадет Джайкович, прибыв двумя днями прежде его в сербский стан, успел поручить в собственные руки Черни Георгию посылку и преподать ему словесное поручение¹, соглашая притом профессора Филипповича ехать сюда для отправления его чрез Яссы в Санкт-Петербург по надобности там в нем на время для дел Сербской земли, на что последний изъявлял свою невозможность по причине болезненных своих припадков и признавал кадету в несмелости своей появиться в столице чрез ошибку, сделанную им против данных ему в России наставлений промедлением, которое, однако, по уверению его, произошло не по чему иному, как по болезни, приключившейся от простуды в бывшей зимней пути, а написав обстоятельный свой отзыв на имя вашего высокородия, вручил оный кадету Джайковичу. Он, Живкович, и кадет Джайкович, следуя вместе из Сербии обратно, хотели проехать в Валахию глухим трактом, но, приближаясь к оному, попались в глаза неприятельскому турецкому войску под командою бимбаши Ибрагим-бея, коего люди взяли их под стражу, причем назвались они — первый сербом и депутатом, а последний немцем, каковое их название было полезным тем более, что кадет скоро отпущен и отправился Дунаем на берег цесарский в лазарет Джупанко Хиршова, а Живкович по трех днях освободился посредством Реджеб-аги орсовского. Потом Живкович ездил к помянутому лазарету, где кадет Джайкович признавался ему, что все имевшиеся при нем бумаги брошены им в Дунай, дабы избежать всякого неприятного случая, и что намерен он по выдержании узаконенных дней в карантине следовать чрез Венгрию сюда. Живкович отправил своего человека из Орсова в стан сербский с известием, каким образом пропали бумаги, и с прошением, чтоб наместо оных посланы были сюда другие надежным каналом.

Оный же Живкович в продолжение разговоров своих уведомил меня о внутренних в Сербии обстоятельствах:

1. Хафиз-паша с 15 тыс. военных турок, подошед под сербское местечко Иванковцы, сделал нападение на сербов и союзных болгар, которые, защищаясь храбро, разбили его и гонялись до Паланки уезда Шишит-паши, куда он, Хафиз, с войском ретировался, потеряв много людей убитыми.

2. Черни Георгий намерен соглашать пашу в Травнике, который держится нейтральным, чтобы сей пропустил его с войском чрез свои владения для занятия с той стороны Ниссы.

3. Вся нация сербская, принимая с великим уважением и благодарностью милостивое попечение об ней России, под клятвою обещалась следовать согласно данному наставлению.

4. Сербское собрание из первых и умных людей, между коими почитается и профессор Филиппович, находится ныне в монастыре Волавцы, отсель будет оно переведено в Семендрию по занятии сего места, где и приготовление делается всем нужным военным припасам, для коих, однако, настает нужда в деньгах, ибо всякая ружейная амуниция достается покупкою из цесарских владений, как и недавно искуплено оной более нежели на 150 тыс. пиастров.

5. Черни Георгий ведет себя по сю пору тихо, не зная, хорошо ли смотрено было в Россию, ежели б занимались крепости, и стоит только узнать о мыслях ее о сем, и крепости Нисса и Белград незадолго были б опорожнены турками, которые, будучи ныне преисполнены страхом, начали уже отказываться от повелений Хафиз-паши.

6. Черни Георгий отказался сделать с Кусанчали-Халилом в Белграде союз, требуя от него 500 кирджалиев, несколько пушек, пороху и ядер для употребления при сербском войске с тем, чтоб наместо оных кирджалиев 500 военных сербов вступили в крепость. Кусанчали-Халиль соглашается, но только не принимает толикого числа сербов, а требует взамен четырех только человек из знатных фамилий сербских.

7. Пазванд-оглу отзывался письменно к сербам и, поздравляя их с победою, одержанною над Хафиз-пашею, советует им держаться крепко против сего неприятеля и просит уведомлять его в Виддине о всех происшествиях. Сию ласковость Пазванд-оглу употребляет для того, чтоб сербов отдалить от жителей Виддинского округа — болгаров и чтоб привести Порту к поручению ему дел касательно усмирения сербов и постановления желаемого порядка в Белграде.

8. Как границы областей воюющих сербов и черногорского народа отстоят одна от другой расстоянием только до 30 часов и никакой крепости турецкой между ними нет, то и не трудно б было иметь между ними сообщение.

Стефан Живкович занимается изысканием средств в постановлении переписки между сербского стану и господаря Ипсиланти. Он же будет писать все обстоятельно к Петру Новаковичу и оное письмо поручит Гавриилу, отъезжающему на сих днях к вашему высокородию.

Я 11-го числа послал своего человека на почтовых к лазарету цесарскому для возвращения с оного сюда турецкою стороною кадета Джайковича, который как скоро прибудет, немедленно отправится в Яссы.

Господарь Ипсиланти сделал мне примечание, что как дела сербские ныне хорошо идут против турок, то чтоб я представил вашему высокородию о нужде, какая настает сербам в деньгах, которые чрез вновь открывшуюся цесарскую почту мог бы он переслать верным образом в два раза и до 10 тыс. червонных.

Известный французский эмиссар из греков, которого цесарцы не пропустили к Белграду, ныне пристал в Крайове и находится тамо учителем французского языка.

Донося вашему высокородию о всем вышеписанном, имею впрочем честь быть с истинным высокопочитанием и совершеннейшею преданностью, милостивый государь, вашего высокородия всепокорнейший слуга

Лука Кирико

Помета: Получено 20 сентября 1805 г. Ответ 25 сентября 1805 г.
АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 122, л. 34—36. Подлинник.

¹ В упоминаемой посылке, которую передал кадет Джайкович Карагеоргию, были упакованы 3 тыс. голландских золотых. Эти деньги были отправлены Болкунову Чарторыйским 19 июля 1805 г. В сопроводительном письме указывалось: «Три тысячи червонных для Черни Жоржа, о коих вы уже предупреждены (письмом от 4 июня 1805 г., см. док. № 73) при сим препровождая, поручаю Вам доставить их начальнику сербов самым скрытнейшим и секретнейшим образом» (АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 102, л. 50). О способе пересылки денег и характере советов сербским повстанцам см. док. № 84. Первая посылка денег сербам тоже в сумме 3 тыс. голландских золотых была в январе 1805 г. Титулярный советник Волков и тот же кадет Джайкович по поручению И. Ф. Болкунова передали их Карагеоргию. Письмом от 1 мая 1805 г. на имя И. Ф. Болкунова Карагеоргий подтвердил получение этих денег (см. док. № 58).

№ 93

*«Записка бухарестских и задунайских известий» о действиях
сербских войск против отрядов турецких пашей*

17 сентября 1805 г.

Хафиз-паша, собрав свои войски, готовится к нападению на сербов. Разные его отряды, кои делали покушения на последних, разбиты. Реджеб-ага, продолжая нейтралитет, не мог, однако, избежать нечаянного прохода одного турецкого корпуса, который из уезда возле Ада, где начальствует брат его Ибраим-бей, напал было на сербов, но от бимбашия Миленка разбит.

Уверяют, что сербы имели новые успехи против Хафиз-паши, заняли два укрепленные места на границе Босны и намерены брать приступом крепость Ниссу.

Терсеникли-оглу, наконец, подтвердил прежнего аяна в Варне, объявляя жителям, что он сам наблюдать станет из Руцук за их делами, присвоивая себе право назначать над ними начальника, способного в настоящих их обстоятельствах.

Говорят, будто Кара-феиз убит ночью от повара своего болгара, который, захватя имение умершего, бежал в Филиппополь. Думают, что причиною тому суть сербы, кои, узнав о намерении Кара-феиза соединиться с Хафиз-пашою против них, согласили помянутого повара к такому поступку.

Дели-кардий, заступя место аяна в Боргазе, поручил своим кирджалиям отправление дел касательно полиции и почт в том уезде.

5 сентября прибыл сюда из Парижа французский драгоман Франкини, следуя с депешами в Константинополь, который, имел свидание с господарем, на другой день отправился чрез Варну.

Известный депутат сербский Стефан Живкович возвратился из Сербии сюда вместе с боярином Манолакием, бывшим в Орсове. Он преподал известие о разбитии Хафиз-паши, бывшего в числе 15 тыс. турок, и что сербы после сей победы намерены были занимать Семендрию (Смедерево) и Ниссу.

На днях прибыл сюда из Яссы принц Ангальт-Плесс в звании королевско-прусской службы полковника, который хотя и объявил желание

свое пробить здесь несколько времени приватно, однако господарь Ипсиланти оказывает пристойные породе его почести.

Правительство валахское получило рапорты из уездов, что реки вновь разлились и затопили много сена и хлеба в поле.

Помета: Получено 6 октября 1805 г.

АВПР, ф. ГА 1-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 10, л. 31—32. Копия.

№ 94

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о намерении сербов осадить Белград и Ниш и о необходимости снабжения их деньгами для закупки оружия

20 сентября 1805 г. Яссы

Секретно

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Консул из Букареста доносит с его почтою о прибытии туда из Сербии Стефана Живковича, одного из бывших в Константинополе депутатов, который вместе с кадетом Джайковичем отправлен с ответными от Черни-Георгия бумагами и подтвердительным прошением от лица сербского народа на имя султана при письме к господарю Ипсилантию.

Стефан Живкович сообщал г. Кирике, что он и кадет Джайкович, который по прибытии в сербский стан выполнил с точностью порученное ему дело, следуя оттуда обратно глухим трактом в Валахию, по приближении к Орсову нечаянно усмотрены они неприятельским турецким войском, коим когда схвачены были, то в сем замешательстве и страхе, дабы избежать неприятнейших последствий, бывшие при нем бумаги кадет Джайкович неприметным образом затопил в Дунай, при чем сам, назвавшись немцом, отпущен немедленно на цесарский берег в карантин близ Хиршово, а Живкович после трех дней, освободясь с великою опасностью в жизни из рук турецких, послал нарочно своего человека в сербский стан с извещением о всем происшедшем и просьбою, чтоб присланы были надежнейшим каналом дубликаты с вышеупомянутых бумаг.

Профессор Филиппович на приглашение, сделанное ему чрез кадета Джайковича приехать сюда для известной высокому министерству надобности, извинялся слабостию своего здоровья, признаваясь при том в несмелости своей явиться в столицу чрез упущение времени против данных ему наставлений, которое произошло единственно по болезни, приключившейся ему от простуды, в прошлую зиму полученной. Обстоятельный отзыв его ко мне по делам сербским содержался между другими пропавшими бумагами.

Хафиз-паша с отборным войском около 15 тыс. турок, приближась к местечку Иванковцы, напал на стоявших там в числе 2500 человек сербов, которые, защищаясь храбро, произвели в корпусе его великое поражение и преследовали бегущих даже до Паланки, уезда Шашит-паши.

Черни Георгий старается склонить пашу в Травнике*, чтоб сей пропустил его с войском чрез свои владения для занятия Ниссы. Он же требовал от Кусанчали-Халили в знак подтверждения согласия и союза, существующих между сербами и Белградом, 500 кирджалиев, несколько пушек, пороху и ядер для употребления в сербском войске, предлагая ему во взаимство того 500 человек из своих поставить в крепость. Кусан-

* Бекир-пашу.

чали хотя согласен на все прочие пункты, но толикого числа сербов не принимает, требуя в залог только 4-х особ из знатных сербских фамилий.

Пасвант-оглу отзывался письменно к сербам с изъявлением соучастия своего по случаю победы, одержанной ими над Хафиз-пашею, советуя им держаться крепко против сего неприятеля и прося при том уведомлять его о всех происшествиях. Поведение сие, как думают, употребляет он, дабы, во-первых, отдалить влияние сербов на болгар Видинского округа, а затем поставить Порту в необходимость поручить ему восстановление порядка в Сербии, яко сведущему сии дела. Он, как известно, сдвана имел в виду каким бы то ни было средством получить в свою власть Белград.

Между тем Черни-Георгий в действиях своих против турок ограничивается отражением нападающих, не зная, будет ли апробовано поступление сербов далее против Ниссы и Белграда. Обе сии крепости незадолго были в руках сербов, коим стоит только узнать мысли о сем высочайшего двора и которых теперешнее состояние сил и страх, вперенный в турок, не представляют ни малой в том трудности. Для заведения магазина и сохранения необходимо нужных военных припасов сербы избрали укрепленное место Смедерево, как скоро займут оное. Туда же переведено будет и находящееся ныне в монастыре Воловца Сербское собрание или совет из первых разумнейших людей, в числе коих суть и профессор Филиппович. Наконец, сербская нация, единодушно принимая с достоинством уважением и признательностью почитание высочайшего двора о жребии ее, обещается свято почитать великодушные оного намерения и следовать в точности данным ей наставлениям.

Все сии известия, сообщенные Стефаном Живковичем, мнение по оным господаря Ипсилантия и благоразумные распоряжения Черни-Георгия удостоверяют, что сербы производят дела свои с особливою расторопностью и желаемым успехом и что турки, наконец, почувствуют невозможность противиться справедливым их требованиям.

В заключение князь Ипсиланти, примечая о настоящей сербам надобности в деньгах для покупки оружия и других военных снарядов, коих недавно искупили они в царских владениях более как на 150 тыс. пиастров, предлагал, есть ли угодно будет высочайшему двору, чрез открывшийся ныне верный случай доставить к ним в два раза до 10 тыс. червонных, о чем я долгом почел вашему сиятельству представить, имея честь пребыть с глубочайшим почитанием и непременною преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга

Ипполит Болкунов

Р. S. Здесь имею честь включить небольшое сочинение на случай возмущения белградских сербов и первых их действий, которое титулярный советник Волков, достав под рукою в Букаресте, ко мне переслал. Меня наиболее осмелило представить вашему сиятельству сочинение сие, во-первых, то, что в оном на многих местах упоминается о знаменитых сербах, а во-вторых, что из таблицы, напоследок приобщенной, соизволите усмотреть число сербских округов, состоящих в Белградской губернии, то же селений и церквей православных, большею частию в запустение пришедших.

Ut in litteris

Ипполит Болкунов

Помета: Получено 6 октября 1805 г.
АВРР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 10, л. 5—8. Автограф.

№ 95

Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову с просьбой о выдаче нарочному, едущему в Сербию, паспорта русского подданного

23 сентября 1805 г. Одесса

Милостивейши генерал-конзул! Свепокорнейше прошу Вас, сделайте милост, что показател сего Петар Беркич, сербин, који нужния дела ради пошилаю его ва Се[р]бию, чтобы нам известие принел од сербскога народа, что бисте непрестано известени буле. По тому покорнейше прошу, что бисте милост сделала и нама известиле у Петербурк преку г. одца Андреа Самборскога. Тога ради выше реченому показателу паспорт преку Венгеру, како русискому подайнику и купцу изволите снабдит его.

Остаюсь Вама покорнейши, на служби непрестайни

Петар Новакович

*Помета: Получ[ено] 4 ноября 1805 г. Ответ: 17-го
АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 106, л. 6. Автограф.*

№ 96

Предписание А. А. Чарторыйского С. А. Санковскому об установлении связей с сербскими военачальниками

28 сентября 1805 г. Пулавы

Secret

Monsieur! Jugeant que du lieu de votre résidence il vous serait possible d'établir des relations secrètes et sûres avec les chefs du peuple servien, je vous invite à me faire connaître, si vous pouvez en trouver les moyens, soit par le canal du métropolitite Negosh, soit par toute autre voie. Je vous récom-mande cependant de mettre la plus grande circonspection dans les démarches que vous ferez à cet égard, afin de ne point faire soupçonner même que vous avez reçu une pareille commission.

Je suis avec une parfaite considération, Monsieur, votre très obéissant serviteur

le p[ri]nce A. Czartoryski

P. S. La présente expédition vous parviendra par un exprès que vous adressera le consul général Barozzi de Venise. Vous pourrez garder cet exprès pendant quelque temps à Cattaro, sans cependant l'arrêter trop longtemps, et profiter de son retour pour nous faire parvenir soit votre réponse à la présente, soit toute autre notion qui vous paraîtra assez intéressante pour exiger un secret particulier.

Ut in litteris

le p[ri]nce A. Czartoryski

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. I, п. 2, л. 217 и об. Подлинник.

Перевод

Секретно

Милостивый государь! Полагая, что на месте Вашего пребывания Вы имеете возможность установить надежные тайные связи с вождами сербского народа, я прошу Вас сообщить мне об этом, если Вы сможете найти для этого средства либо через митрополита Негоша, либо каким-нибудь иным путем. Советую Вам, однако, проявлять

самую большую осторожность в демаршах, которые Вы предпримете в этом отношении, чтобы не дать заподозрить даже то, что Вы получили подобное поручение. Остаюсь с совершенным почтением, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

князь А. Чарторыйский.

P. S. Настоящее послание Вы получите с нарочным, которого к Вам пришлет генеральный консул Бароцци из Венеции. Вы можете оставить этого нарочного на несколько дней в Каттаро, однако не задерживайте его слишком долго и воспользуйтесь его возвращением, чтобы передать нам Ваш ответ на настоящее или какое-либо другое сообщение, которое покажется Вам достаточно интересным и требующим особой секретности.

Ut in litteris князь А. Чарторыйский

№ 97

Письмо Петра I Негоша Синан-паше с протестом против притеснения христианского населения Герцеговины турецкими пашами

30 * сентября 1805 г. Цетинье

От нас, Петра Петровича, владике черногорского и росискаго кавалера, свиѣтлому и узвишеному Синан-паше Сиѣрчићу драго пријателско поздрављење. Када си доходио у град Оногошт видио си самоволство Тураках херцеговачкијех, такођер и тешки зулум и неправосудије, које царева раја подноси у Херцеговини и от којегга су многи рајатници принуђени били голи и боси у наша места добежати, која су и својегга народа преко мере пуна; и што се више зулум чини, то све више цареву рају разгони, и виши број рајатниках овамо, а особливо при границам, међу камените и што је рећ неприступне горе ускаче. Пак от велике невоље на све стране иду и серну, те краду и грабе, за не допустит себе и своју чељад да от глади издихшу, а при том и за учинит освету ради зулума њима учињенога постављају своје животе на ризик, и како отчајани, не мислећи за смерт, иду гинут и убиват, и праве, и криве. Ово и ти знаш, свиѣтли пашо, да је истина. И ти беше доша[о] неке године у Никшиће, да учиниш суд; али ти не дадохе они који улефу от цара потеху и који седе те заповиједају; и ово је узрок који не даје међу Црном Гором и Херцеговином учинити тврдога мира. Но како је Смаил-паша, везирски већил, дош[а]о у Оногошт, тако се ја надам да ће он, и с твојом помоћи, не само такми зулум и неправосудије прекратит; него да ћете христијанлуку савершени мир и сваки праветни начин учинити; да он може без зулума својему цару приносити рајатническу корист и службу; и да не буде мене и мојему народу на досаду, како што су и ови више речени ускоци, који нити се имају куд повратити, нит их можеме ми ишћерати. Ти знадеш да у свијема краљевинама, и у сва царства и державе, а највише у високославну империју мојегга всемилостивејшего покровитеља, великого императора и самодер[ж]ца всероссиского, имаде различите вере и народах, и не мали број ваше вере Тураках али они без икаква зулума мирно и благополучно живе. И ја знадем да је такођер воља и заповијед Вашега честитого цара, што би сви народи у његово царство на исти начин живели. Сад, дакле, то стоји у вољу реченога Смаил-паше и у твоју с осталијема заповиједницима от Херцеговине да испуните заповијед својегга законитого цара, и да по вашему благоразумију кроткијем начинном жалосну рају под обрану правосудија приведете у мирно биће. Ово ви, како пријател, пишем, који љубим суседски мир и тишину и желим

* В документе ошибочно: 31 сентября.

да у садашња времена када су наши цари у пријателство садружени не буде, колико на једну, толико и на другу страну; или међу нашим и вашим народом икаквога узрока који би височајшеј вољи наших честитијех царах био неугодан и који би народе увриједио и наше непријатеље овеселио. А ја, с моје стране, нећу поштеђети мојега труда у све оно што се тиче до користи и славе мојега покровитеља и вашег султана, уздајући се да ће и с ваше стране такођер учињено бити; будући смо у дужности тако чинити, и да си здраво.

[Печать] Јаков Стефановић, секретар народни, преписах точно из копије, која се налази у канцеларију правителства

АВПР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 4, л. 50—51. Копия, заверенная печатью.

№ 98

Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому о предупреждении сербов относительно готовящегося против них наступления турецких войск

№ 121

1 октября 1805 г. Яссы

Секретно

Почтеннейшее отношение вашего превосходительства от 1/13-го минувшего сентября имел я честь получить 20-го того ж с обыкновенною почтою ¹.

За несколько часов пред сею прибывшего сюда присланного от Вас, милостивый государь, фелдъегеря Куличковского вследствие предписания Вашего, не задерживая нимало, отправил я к Дубоссарам.

По содержанию сего же письма не оставил я предписать г. Кирике словесно поручить находящемуся в Букаресте известному сербскому депутату Степану Живковичу сообщить сербам о наступающей на них грозе со стороны турецкой, дабы на случай могли они принять надлежащие меры к отражению оной.

А за другие объяснения, в нем же содержащиеся, принося покорнейшую благодарность, имею честь пребыть. . .

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 152 и об. Отпуск.

¹ Имеется в виду письмо от 1/13 сентября 1805 г., в котором А. Я. Италинский информирует генерального консула в Яссах И. Ф. Болкунова о характере поведения французских комиссаров в Галаце, которые под видом коммерческих дел занимаются сбором разведывательной информации. В этом же письме Италинский просит переслать в Сербию полученные им сведения о формировании Портой корпуса войск в количестве до 1 тыс. человек, который, по слухам, якобы будет использован против сербских повстанцев (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 136/1, л. 275—276).

№ 99

Отношение А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову о готовящемся наступлении турецкой армии против сербов

№ 138

3 (15) октября 1805 г. Буюкдере

Милостивый государь мой Исполит Федорович! Отношения Ваши от 1, 6 и 16 минувшего сентября под № 44, 47 и 48 я получил ¹, на которые не имею ничего сказать Вам, кроме, что описанное в № 48 определение публичною армией против Бонапарте неосновательно.

Полученное Портою известие о совершенном разбитии сербами войска, под начальством нисского паши состоящего, поразило чувствительно правительство здешнее, которое, устращась последствий, могущих произойти от дальнейших успехов сего народа, вознамерилось употребить важные силы для приведения оного в надлежащее повиновение. Вследствие сего даны повеления беглер-бею ромелийскому, паше боснийскому и другим, в окружности находящимся пашам следовать с многочисленным войском противу сербов. К оному присовокуплен находящийся в столице здешней корпус регулярных войск с частью конной артиллерии, которому предписано выступить в поход немедленно и следовать как можно поспешнее для соединения с вышесказанною армиею.

По таковым распоряжениям Порты Оттоманской полагать должно, что страна сия соделается театром кровопролитнейшей войны, и опасно, чтоб сей мужественный народ после неудачных сражений не был покорен и не поступил в тягостнейшее порабощение. Судя, однако, по речам Петра Новаковича, который уверял меня, что нация сия в случае нужды в состоянии собрать и поставить 100 тыс. человек войска, надеюсь я, что с столь знатною силою при отличной храбрости сербов могут они не токмо защищаться противу посылаемых ныне сил турецких, но и принудить оные отступить с великим уроном.

Жаль, что с самого начала не обратили они сил своих против Белграда и не взяли сей важной крепости; решительный удар сей заставил бы их о сию пору давать Порте законы и получить ее согласие на все то, что к пользе и выгоде отечества их нашли бы они за благо требовать от нее.

Найдите средство сообщить им о назначенной против них армии.

Имею честь быть с совершенным почтением вашего высочородия покорнейший слуга

Андрей Италинский

Помета: Получено 23-го. Отв[ет] 4 ноября.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 163—164. Подлинник.

¹ В донесении Болкупова Италинскому № 44 от 1 сентября 1805 г. сообщается о получении корреспонденции из Константинополя, о проезде через Яссы английского полковника П. Гиллесpie и прусского полковника принца Ангальта, который намерен поселиться в одном из сел Молдавии (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1670, л. 146).

В донесении № 47 от 6 сентября 1805 г. говорится об отказе принца Ангальта от своего первоначального намерения поселиться в Молдавии, о его выезде в Бухарест, а также о слухах по поводу приближающейся австро-французской войны (там же, л. 151).

В донесении № 48 от 16 сентября 1805 г. содержатся известия о выезде из Ясс в Бухарест и Вены французского комиссара Флори и о слухах по поводу общей численности союзных войск антифранцузской коалиции (там же, л. 152).

№ 100

Донесение И. П. Милетича в министерство иностранных дел о готовности герцеговинцев восстать против турок и об антирусской агитации австрийских агентов в Черногории, Боснии и Герцеговине

11 октября 1805 г.

По возвращении моем из Санкт-Петербурга в Боку де Каттаро был я в Рагузе и соотчичам моим герцеговинцам о прибытии моем дал знать, которые двух поверенных ко мне и прислали, коим объявил, что его императорское величество всемилостивейший государь наш и покровитель

всех восточного исповедания народов с особливим высокомонаршим своим благоволением всенижайшую просьбу чрез меня принять соблаговолил, писанную полезную резолюцию иметь будут. И чтобы на время взяли терпение и с турками дружелюбно обходились и ни малейших к неудовольствию оних причин не подавали. Они же, поверенные, сказали мне, что народ к поднятию оружия в готовности состоит и с нетерпением позволения на то ожидает, на что я вышесказанное оним повторил, и им сильнее подтвердил и с тем обратно оних отправил, которые вторично ко мне пришли по выполнении мною им сказаного, меня уверяли, причем просили, поелику о завладении турками Сербского государства таковое удобное время не бывало, не медлить позволением.

Из Гацка в Герцеговине уведомили меня, что турки дробнякам (из коих до тысячи оружий выходит) * обикновенные обиды чинить стали, а потому последние принуждены были от таковых себя защищать, и для того босанский везирь на реченых дробняков войско собирает. Так же и из прочих частей Герцеговины уведомляют, что турки те христианам великие обиды и угнетения делают и что народ из терпения выходит.

Затем покорнейше донести имею: некто каноник и кавалер Владкович, кroat, кой в последнюю с Австриею и Портою Оттоманскою войну в Сербии, Боснии и Герцеговине христиан против турков бунтовал, находится в Рагузе. Послан от австрийского двора с немалою суммою денег, коему и недавно 3 тыс. червоних прислано. Из Боснии и Герцеговины уведомили же меня, что он, Владкович, чрез знатных турецких особ старается, чтобы до началства их дошло, что российский двор с Портою поступает лицемерно и под видом союза приуготовляет подданных к бунту, что дело сербинцов от России происходит, какая и денег им посылает, и что из Черной Горы несколько легких орудиев и амуницию оным послано. Также чтобы черногорци от российской протекции отступили, а чрез католицких в Боснии и Герцеговине монахов христиан к австрийскому двору склонить; и для того как боснякам, так и герцеговинцам от реченых монахов и прочих тем подобних возмутителей остерегаться и таковым ни в чем не верить сказал.

Другой некто же провинциял Луичи Скок, далматин, прошлой зимой из Вени к упомянутому Владковичу с одним секретарем и немалою суммою ж денег в Рагузу приехал и из оной чрез Каstellново в Скутари отправился, где он все то же, что и Владкович в Рагузе, делал, а притом и чтобы из разных мест турецкому началству одинаковые известия доходили, он же провинциял, недавно обратно в Каstellново приехал и, выстояв в оном мало дней карантину, в Венну отправился.

Майор Милетич

АВПР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 5, л. 4—5. Автограф.

№ 101

Письмо Петра I Негоша С. А. Санковскому о необходимости принятия мер к приостановке наступления турецкой армии в Герцеговину

17 октября 1805 г. Станевич

Милостивой государь мой, каково получил я из Герцеговины от попа Иована и от всех дробняков письмо, с нарочным ко мне присланное, и молбу в оном всего герцеговинского народа о причиняемых турками

* Так в тексте.

ребелами им жестокостей, несносных грабительств, со оного копию с за-
свидетельствованием при сем на благорасмотрение Ваше, милостивой
государь мой, препровождаю и при том всеблагопочтеннейше уведомить
честь имею. Уверяют меня, что войска турецкие из Боснии следуют во
множестве, дабы христиан, в Герцеговине сущих, в пень разорить и истре-
бить. В сем случае надлежит и нам возможные предосторожности при-
нять, дабы не допустить необузданному буйству мусульманов братий
наших единовверных и единоплеменных тирански истреблять. О сем и Ваш,
милостивой государь мой, совет благопотребен, хотя обстоятельства не
позволяют ни на кого наступать, но оборонятся от нахалников и против-
ных своей верховной власти не могут препятствовать. Поколь дворы уз-
нают сущность происшествия, а бедные христиане могут быть от буйных
турков истреблены. Мы не можем, милостивой государь мой, явно герце-
говинцам пособие делать, но можем политическою системою избавить
их от предлежащей гибели. Пребывая с истиннейшим высокопочтанием,
милостивого государя моего всепокорнейший слуга, митрополит черно-
горский и ордена святого Александра Невского кавалер

Петр Петрович Негош

АВПР, ф. ГА I-13, 1804 г., д. 4, л. 54—55. Подлинник.

№ 102

*Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о намечае-
мых Портой мерах по умиротворению сербов и ее отказе удов-
летворить их требования*

№ 213

17 (29) октября 1805 г. Буюкдере

Monseigneur! D'après des informations ultérieures et le dire du reis-
effendi, les troupes régulières ne doivent point marcher, ni le beiler bey
de Romélie lui-même aller contre les Serviens.

Il n'y a jusqu'à présent que le pacha commandant de Nissa qui a ordre
d'aller les soumettre avec vingt mille hommes, et le pacha de Bosnie de se
tenir prêt à agir de son côté, si la chose est nécessaire.

Il est parti de cette capitale deux compagnies d'artillerie, fortes ensemble
de 240 hommes et vingt pièces de canons de campagne.

Elles se rendent à Nissa pour y être à la disposition du pacha de cette
ville.

Si ces mesures ne produisent rien pendant cet hiver, la Porte verra de
prendre au printemps des mesures plus étendues et plus vigoureuses.

J'aisud'un autre côté que le gouvernement, avant d'employer les voies de
force, veut tenter encore celle de la persuasion, et que le patriarche a écrit
par son ordre aux Serviens une lettre pastorale pour les exhorter à rentrer
dans leurs foyers et de mettre bas les armes, moyennant quoi on leur promet
l'oubli et le pardon du passé.

La conversation entre le reis-effendi et le premier drogman Joseph Fon-
ton étant tombée sur les Serviens, et le ministre ottoman ayant parlé des
mesures prises pour le moment, j'ai chargé M. Fonton de saisir cette occa-
sion pour faire en mon nom quelques observations amicales et confidentiel-
les sur cette lutte malheureuse entre ce peuple et la Porte, d'exprimer toute
la peine que la cour impériale ressent, en voyant se prolonger un pareil
état de choses, et le désir qu'elle a, comme intéressée au bien-être et à la
tranquillité de la Porte, que cette plaie soit fermée; que quoi qu'en disent
les Français et leurs partisans, la cour impériale est étrangère à la naissance
et à la continuation de ces troubles, que quoique je ne puisse pas m'imagi-

ner que le ministère ottoman ait ajouté foi à leurs perfides calomnies, cependant, par délicatesse, je m'étais imposé, malgré moi, depuis quelques temps le silence le plus complet sur ces affaires, dans l'espoir que la Porte, consultant ses véritables intérêts, profiterait de la députation serbienne qui avait été mandée en cette capitale, pour prendre en considération les demandes de cette nation, et lui accorderait celles qui peuvent être compatibles avec les principes et les lois de l'Etat; que malheureusement il en a été autrement, puisque non seulement les députés s'étaient retirés, mais encore la Porte avait persisté à opposer aux Serbiens les moyens de rigueur et à maintenir la nomination du pacha de Nissa, contre laquelle ils avaient fait des représentations; qu'il fallait cependant songer aux conséquences qui dans tous les cas résulteraient pour la Porte de l'emploi des mesures violentes; que si elles produisent la soumission forcée des Serbiens, le gouvernement ottoman aura toujours fait une très grande perte, par les efforts qu'il aura dû déployer et par la dévastation de cette contrée; que si au contraire les Serbiens conservaient l'avantage dans la résistance, les suites seraient encore plus funestes; que d'après ces considérations, il était du plus grand intérêt de la Porte de tenter les voies de conciliation, et qu'il me semblait qu'une première mesure serait de révoquer la nomination du pacha de Nissa, considéré par les Serbiens comme leur ennemi le plus acharné, et qu'il serait ensuite utile demander en cette capitale de nouveaux députés, en leur offrant une sauvegarde suffisante.

Le reis-effendi a répondu à mes observations et à mes conseils de la manière la plus affectueuse; en ajoutant que la Porte, bien persuadée des bonnes intentions de la cour impériale, était loin d'ajouter foi aux insinuations des Français; qu'elle avait apprécié la délicatesse de mon silence; que les demandes des Serbiens n'étaient pas de nature à être acceptées; que d'ailleurs la Porte n'était pas dans le cas de traiter avec des sujets en insurrection ouverte; que leurs devoirs envers leur souverain exigeaient d'abord une complète soumission, et qu'ensuite c'était à lui de leur faire éprouver les effets de sa clémence; que la nomination d'un autre pacha à la place de celui de Nissa ne produirait aucun effet sur ce peuple; que l'expérience prouvait l'inutilité de cette mesure; que, sans doute, malgré elle, la Porte s'était résolue de la réduire par la force, mais qu'il fallait bien recourir à cette extrémité, puisque les Serbiens se maintenaient en pleine révolte contre leur souverain.

Il résulte du langage du reis-effendi, que la Porte est singulièrement exaspérée de la résistance de ce peuple et qu'elle considère les moyens de violence comme les seuls qu'elle doit employer.

Cette disposition des esprits bien connue dans la tentative que j'ai faite ces jours-ci, prouve que nos conseils ne ramèneront pas la Porte et qu'il faut mettre dans le courage des Serbiens l'espoir que le gouvernement ottoman pactise avec eux.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

*Помета: Пол[учено] 2 декабря 1805 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2250, л. 393—396 об. Подлинник.*

Перевод

Ваше сиятельство! Согласно последним сведениям и словам реис-эфенди, ни регулярные войска, ни сам румелийский бейлербей не должны выступать против сербов.

До настоящего времени только один комендант, нишский папа, получил приказ выступить против сербов с 20 тыс. человек, для их подавления, а боснийский папа — быть в боевой готовности, если это потребуется.

Из столицы отбыли две артиллерийские команды, имеющие в своем распоряжении 240 человек и 20 полевых орудий.

Они отправляются в Ниссу в распоряжение паши этого города.

Если подобные меры не возымеют действия в течение зимы, Порта будет вынуждена весной принять более широкие и энергичные меры.

С другой стороны, мне стало известно, что правительство, прежде чем применить силу, хочет вновь испробовать путь убеждения и что патриарх по его приказу написал сербам настырское послание, призывающее их разойтись по домам и сложить оружие, за что их обещают простить и забыть прошлое.

Так как беседа между реис-эфенди и первым драгоманом Жозефом Фонтонем коснулась сербов и оттоманский министр заговорил о мерах, принятых в настоящий момент, то я поручил г. Фонтону воспользоваться этим случаем, чтобы сделать от моего имени несколько дружеских и конфиденциальных замечаний о злополучной борьбе между сербским народом и Портой и выразить огорчение, которое испытывает императорский двор, видя, что продолжает сохраняться подобное положение вещей, и его желанье как стороны заинтересованной в благополучии и спокойствии Порты, чтобы зажила эта рана; что бы ни говорили французы и их сторонники, императорский двор не причастен к возникновению и продолжению этой смуты; он должен подчеркнуть, что хотя я не могу допустить, чтобы оттоманское министерство поверило коварной клевете французов, тем не менее, я из деликатности заставил себя против собственной воли некоторое время хранить полное молчание об этих делах в надежде, что Порта, руководствуясь своими истинными интересами, воспользуется сербской депутацией, посланной в столицу, чтобы рассмотреть требования сербской нации и удовлетворить те из них, которые могут быть совместимы с принципами и законами государства; но, к несчастью, все обстояло иначе не только потому, что депутаты удалились, но и потому что Порта упорно настаивала на принятии суровых мер по отношению к сербам, на назначении нишского паши, против чего сербы делали представления. Однако нужно было думать о последствиях, к которым при любых обстоятельствах приведет применение Портой насильственных мер, и о том, что, если они приведут к насильственному покорению сербов, оттоманскому правительству будет нанесен очень большой урон как вследствие тех усилий, которых это будет ему стоить, так и из-за опустошения этой страны; если же, напротив, сербы сохраняют преимущество в борьбе, то последствия будут еще более пагубными. Исходя из этих соображений в интересах Порты было бы испытать пути примирения, и мне кажется, что первой мерой должен быть отказ от назначения нишского паши, которого сербы считают своим самым заклятым врагом; а потом было бы полезно вызвать в столицу новых депутатов, предоставив им достаточную охрану.

Реис-эфенди отвечал на мои замечания и советы самым любезным образом; он добавил, что Порта, вполне убежденная в добрых намерениях императорского двора, далека от того, чтобы поверить инсинуациям французов; она оценила деликатность моего молчания, но требования сербов по своей природе таковы, что не могут быть приняты; кроме того, Порта не видит необходимости вести переговоры с подданными, открыто поднявшими мятеж; что их долг по отношению к государю требует прежде всего полной покорности, и только тогда он сможет оказать им свою милость; что назначение другого паши вместо нишского не произвело бы никакого впечатления на этот народ; опыт доказывает бесполезность этой меры. Порта, несомненно, против собственного желанья решилась покорить их силой, но необходимо пойти на эту крайность, так как открытое восстание сербов против своего государя продолжается.

Из речей реис-эфенди следует, что Порта крайне раздражена сопротивлением этого народа и считает насильственные средства единственными, которые она может употребить.

Это хорошо известное унастроение, выявленное мною при попытках переговоров в эти дни, доказывает, что паши советы не образумят Порту и что нужно в мужестве сербов видеть надежду на то, что оттоманское правительство войдет в соглашение с ними. Почтительнейше остаюсь вашего высокопревосходительства нижайший и покорнейший слуга

А. Италинский

№ 103

Отношение А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову о намерении турецкого правительства отложить выступление регулярного войска против сербов

№ 144

17 (29) октября 1805 г. Буюкдере

Милостивый государь мой Ипполит Федорович! В письме моем от 3 (15)-го сего ¹ течения уведомил я Вас о решительном намерении Порты

употребить немедленно значительный корпус регулярного войска для прекращения сербского возмущения. Ныне узнал я с верной стороны, что ни войско сие, ни начальствующий оным румелийской бейлербей до некоторого времени в поход не пойдут. Поныне послано только к губернатору города Ниссы повеление выступить противу сербов с 20 тыс. человек, а боснийскому паше предписано быть в готовности, дабы в случае надобности мог он подкрепить его действия.

Вслед за сими повелениями отправилсь из сей столицы в Ниссу две роты артиллеристов с 20-ю полевыми пушками. Обе роты сии составляют 240 человек.

Причиною приостановления похода регулярного войска есть надежда, в которой Порты находится, что посредством принятых ею ныне таковых мер и при том увещаний, которые предписано патриарху здешнему учинить сербам, предусеет она склонить их оставить оружие без принятия с ее стороны таких мер, которые могут причинить великое кровопролитие. Естьли же по прошествии зимы надежда ее останется без исполнения, в таком случае твердо намерена она не щадить никаких средств, дабы поработить народ сей прежнему ее игу.

Полагая, что Вы вследствие первого письма моего не оставили уведомить сербов о назначенном противу их ополчении Порты, прошу Вас ныне найти средство дать им под рукою знать о воспоследовавшей перемене в плане Порты противу сего народа.

Имею честь быть с совершенным почтением, милостивый государь мой, ваш покорнейший слуга

Андрей Италинский

Помета: Получено 3 ноября 1805 г. Отв[ет] 4-го.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 110, л. 165—166 об. Подлинник.

¹ См. док. № 99.

№ 104

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о смерти белградского губернатора Хафиз-паши и о просьбе Карагеоргия возобновить ходатайство в пользу сербов перед Портой

№ 217

3 (15) ноября 1805 г. Пера

Monseigneur! Les informations que v. ex. reçoit de la Valachie et de la Moldavie, concernant les affaires de la Servie, pourraient me dispenser de l'entretenir des nouvelles de cette contrée; cependant je crois devoir faire part à v. ex. de celles qui parviennent à ma connaissance.

Haffiz pacha, gouverneur de Nissa, nommé au gouvernement de Belgrade, est mort. On assure que c'est à la suite des blessures qu'il a reçues dans la dernière action contre les Serviens, quoique la Porte ne convienne pas de cette cause de la mort de ce pacha. Elle est au surplus bien aise de cet événement, puisque Haffiz pacha était en horreur aux Serviens et que de l'autre côté le ministère ottoman qui lui avait fait payer sa nomination au gouvernement de Belgrade, se trouvait obligé de le soutenir dans ce poste, bien loin de l'en destituer.

La mort de ce pacha serait un événement heureux pour les Serviens, si on pouvait se flatter que le successeur, que la Porte voudra donner à ce gouverneur, serait animé de sentiments différens; mais cela n'est pas à espérer, le même esprit les domine tous, ou du moins la différence d'un pacha à l'autre sera bien peu sensible.

La Porte n'a point encore nommé un successeur à Haffiz pacha. Elle est très embarrassée dans le choix, tant à cause des Serviens, que de Couchandjaly qui est maître de Belgrade.

Ad interim * c'est le haznadar (trésorier) du beiler bey de Romélie, qui remplace Haffiz pacha.

Il serait possible que les opérations hostiles dont ce gouverneur avait été de nouveau, éprouvassent par cet événement des retards qui faciliteraient celles des Serviens.

On a débité en cette capitale qu'ils se sont emparés de Semendria, qu'ils pressent Belgrade et l'on ajoute que ces progrès de ce peuple inquiètent la Porte.

J'aurai probablement bientôt l'occasion d'entretenir le ministère ottoman de ces affaires; car le consul Kirico m'a informé récemment que Tcherni Georges ayant eu recours au prince Ypsilanty afin qu'il intercède près la Porte, cet hospodar avait conseillé à ce chef des Serviens de m'adresser leurs nouvelles représentations au sultan, afin que je les lui fasse parvenir.

Je ne manquerai pas dans cette occasion de revenir à la charge auprès du ministère ottoman, afin de l'engager à adopter un autre système de conduite envers ce peuple; mais je crains bien que mes représentations, comme les doléances des Seryiens, ne produisent pas plus d'effet que les précédentes; ce n'est pas certes une raison pour cesser d'intervenir en leur faveur. Peut-être que ce qui paraît impossible en ce moment, ne restera pas sans succès dans une autre circonstance.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

Помета: Полу[чено] 23 декабря 1805 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2250, л. 404—406 об. Подлинник.

Перевод

Ваше сиятельство! Сообщения, которые ваше высокопревосходительство получаете из Валахии и Молдавии относительно сербских дел, могли бы избавить меня от необходимости говорить о новостях из этой страны; считаю, однако, долгом уведомить ваше высокопревосходительство о тех, которые стали известны мне.

Нишский губернатор Хафиз-паша, назначенный белградским губернатором, умер; как уверяют, что будто бы от ран, полученных в последнем сражении с сербами, хотя Порты не признаёт это причиной смерти пашы. Впрочем, ей это событие на руку, так как Хафиз-паша внушал сербам пепависть, а с другой стороны, оттоманское министерство, заставившее его заплатить за свою должность белградского губернатора, оказалось вынужденным поддерживать его на этом посту вместо того, чтобы сместить.

Смерть этого пашы была бы счастливым событием для сербов, если бы можно было надеяться, что его преемник, которого Порты пожелает сделать губернатором, будет движим иными чувствами; но надеяться на это нельзя, ибо один и тот же дух господствует у них у всех, или, по меньшей мере, различие между одним пашой и другим будет весьма незначительным.

Порты еще не назначила преемника Хафиз-пашы. Ей трудно сделать выбор как из-за сербов, так и из-за Кусанджали, который является хозяином Белграда. *Ad interim* Хафиз-пашу замещает казнадар (казначей) бейлербея румелийского.

Возможно, военные операции, которые должен был возобновить этот губернатор, будут благодаря этому событию задержаны, что облегчит действия сербов.

В столице ходили толки, будто они захватили Семендрию и вилотную подошли к Белграду; добавляют, что Порты встревожена успехами сербского народа.

Я, по-видимому, в скором времени буду иметь возможность беседовать с оттоманским правительством об этих делах; так как консул Кирико недавно сообщил мне, что Карагеоргий обратился к князю Ипсиланти с просьбой о ходатайстве перед Портой, господарь посовещал сербскому вождю направить мне их новые представления для передачи султану.

* Ко всему этому (лат.).

В этом случае я непременно возобновлю переговоры с оттоманским правительством, чтобы заставить его занять другую позицию в отношении сербского народа; но я весьма опасаясь, что эти мои представления и жалобы сербов произведут не более эффекта, чем предшествующие; конечно, это не довод для прекращения выступления в их пользу. Ибо то, что представляется невозможным в настоящий момент, может не остаться безрезультатным при других обстоятельствах.

Почтеннейше пребываю, милостивый государь, вашего сиятельства пичайший и покорнейший слуга

А. Италинский

№ 105

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о планах турецкого правительства по подавлению восстания в Сербии и об отправке в Петербург Джайковича для информации о положении сербов

№ 150

5 ноября 1805 г. Яссы

Секретно

Его превосходительство г. посланник Италинский писал ко мне от 3 октября ¹, что вследствие полученных Портою известий о разбитии сербами нисского паши правительство тамошнее, опасаясь последствий от дальнейших успехов того народа, вознамерилось употребить против оного важные силы и между прочим корпус регулярных войск, находящийся в столице с частью конной артиллерии, которым предписано следовать в поход немедленно. Для извещения о том сербов я принял нужные меры, примечая оным слегка, что угрозы сии не столько должны тревожить, как усугубить их осторожности и что Порте не в состоянии, особенно в настоящую пору, поставить против них сильную армию. В то же время князь Ипсиланти, ведая о приурочиваниях турок, предуспел прежде сделать сербам согласные с моими внушения и при том советовал им, чтоб они поспешили как скорее доставить другое прошение к Порте уже чрез руки г. посланника. Мнение его было, что сим средством его превосходительство, будучи развязан, вступится в их дело; просьба она может иметь лучший успех, нежели та, которою он, государь, представил.

Я, не получив поныне сверх чаяния известных по последнему к Вам, сиятельнейший князь, донесению моему чрез посредство г. генерала от кавалерии Тормасова сербских бумаг, кои поручены были князем Ипсилантием для перевода г. консулу Кирике, воображаю, что его светлость, сделав свой шаг предложением сербам обратиться с просьбою к посланнику и не предвидя успеха от подвигов своих при Порте, не рассудил, может быть, из оных употребления сделать.

Между тем, г. посланник вновь известил меня, что Порте, отменя прежний план вторжения, повелела только губернатору нисскому выступить против сербов с корпусом своим, в помощь коему отправлено из столицы две роты артиллеристов с 20-ю полевыми пушками, и что Порте решила еще испытать средства увещаний, которые предписано патриарху учинить сербам для убеждения их положить оружие. Его превосходительство, изъявляя свои опасения, чтобы сей мужественный народ после неудачных сражений не подпал прежнему игу, примечает, что если б они в самом начале обратили свои силы на занятие Белграда, то бы в состоянии были о сию пору давать Порте законы и получить все желаемое. Я не оставил в свое время в донесении к вашему сиятельству изъяснить причины нерешимости и сомнений, на коих они колебались сделать сей

шаг, боясь каким-либо неосторожным действием оскорбить высочайшее покровительство. Тогда же имел я честь упомянуть и о надобности в денежном для сего народа пособии, которое признано необходимым как по совету князя Ипсилантия, равно и по отзывам тамошнего Совета.

Все сии обстоятельства, предвидение вскоре нового кровопролития в Сербии, имеющего последовать за увещаниями патриарха, которые сербы найдут конечно неудобоприемлемыми, и, наконец, твердое намерение Порты по прошествии зимы, естьли настоящие меры недостаточны будут, не щадить никаких средств к порабощению оных, побудили меня принять смелость с сими нижайшими донесениями отправить к вашему сиятельству самого кадета Джайковича, возвратившегося из Сербии, в том предположении, что если бы заблагорассуждено было сделать вновь какие распоряжения в пользу сей нации, то он по надежности и расторопности, оказанной уже при первом поручении, равно как и по знанию сербского и других языков, может употреблен быть с пользою. Я тем наипаче решился на сей поступок, что за отказом профессора Филипповича, который в самом деле находился в трудном положении, он, кадет Джайкович, яко приобретший малое сведение о местном положении того края, образе жизни сербов и их силах и даже участвовавший лично в главном сражении с нисским пашею, может подать некоторые изъяснения.

Со времени отъезда в Константинополь депутатов выдал я по просьбе оных находившемуся в Букоресте confidentу их под расписку 25 червонных, да сверх того учинены мною еще по другим предметам издержки, коих по существу не осмеливаясь внести в счет Государственной коллегии иностранных дел, нижайше прошу ваше сиятельство по приложенной записке мне возвратить.

Есмь с глубочайшим почитанием и непременною преданностью. . .

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 104, л. 268—271. Отпуск.

¹ См. док. № 99.

№ 106

«Записка бухарестских и задунайских известий» о выступлении турецких войск против сербов и о событиях политической жизни Валахии и Болгарии

14 ноября 1805 г.

Приезжие из Турции уверяют, что турецкие войска, хотя не в великом числе, однако со всех сторон идут в поход против Сербии. Многие турки, принадлежащие к артиллерии, отправленной из Андрианополя и Филиппополя к Ниссе, дезертируют. Корпус румель-валисия следует к Филиппополю, а другие задунайские войска соединяются в Пазарджике в намерении, как сказывают, стараться не допустить монтегегринов к соединению с сербами. Порта приказала равномерно действовать с выше-сказанными войсками и Кара-феизу с своими кирджалиями, коих имеет при себе до 5 тыс. человек. По ее же повелению янинский Али-паша должен был выступить против сербов, но он воспротивился тому, требуя, чтоб прежде поручено ему было звание румель-валисия, а тогда с охотою приступит к действию.

Пазвант-оглу на днях известил господара Ипсилантия, что Хафиз-паша умер в Ниссе. С одной стороны, говорят, будто сей паша скончался от ран, полученных им в сражениях с сербами, а с другой, — что смерть ему последовала от досады по причине неудачи и потери, претерпенных

при том случае. Пазвант-оглу по-видимому льстит себя надеждою, что Порты поручит ему сербское дело.

Уверяют, что из Константинополя недавно отправлены морем два отряда артиллерии с частью регулярных турецких войск, которые назначены в Варну и Руцук. Слух носится, что и санджак-шериф незадолго отправится из столицы в Румелию.

5 ноября князь Ипсилантий получил от Порты ферман, коим строго предписано всем турецким начальникам щадить и уважать Валахию во всяком случае; господарю же поручено крепко наблюдать защищение сей провинции против нападающих турок с предоставлением ему власти силою отгонять и наказывать непослушных.

Узнаю здесь, что агличане послали в Румелию секретных своих эмиссаров с поручением набирать людей для службы на их флоте с заплаатою жалованья до 30 пиастров в месяц на человека и что Терсеникли-оглу, узнав, что один из помянутых эмиссаров вступил было в Руцукский округ, приказал всем своим ловить таковых и доставлять к нему в железзах.

Господарь по сильному требованию Иликли-огла принужденным нашелся отправить в Силистрию под охранением арнаутов алмазный камень, принадлежащий аглинской миссии в Константинополе, который есть из числа вещей, ограбленных в прошлом году за Дунаем у аглинского курьера.

Силистрийским туркам удалось исходатайствовать у Порты постановление, чтобы впредь не было паши в их крепости и чтоб кадий в тамошнем мехкеме выбирался из старых аянов.

8-го прибыл аглинский курьер из Вены с известием, что по приближении к той столице многочисленных французских войск жители оной выезжают с своим имением в Венгрию.

9-го проехал чрез Букорест аглинский же курьер, следующий из Царьграда к своему послу в Вене, который и отправлен от пребывающего здесь великобританского консула в Презбурх.

АВПР, ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 12, л. 48—49 об. Копия. Опубл.: Documente privind istoria României. . . , vol. IV, p. 595—596.

№ 107

Письмо И. Ф. Болкунова П. Новаковичу с извещением о смерти Хафиз-паши

№ 155

17 ноября 1805 г. Яссы

Милостивый государь мой! За десять дней пред сим явился ко мне с письмом вашим, писанным от 23 сентября¹ из Одессы, нарочный человек, которого по желанию вашему немедленно выпроводил я с нужными наставлениями чрез Галацы далее к его назначению.

Дела ваших соотечичей, несмотря на вооружения против них турок, идут хорошо. Хафиз-паша помер в Ниссе. О назначении на место его другого еще неизвестно.

Пребываю с истинным к вам почтением, милостивый государь мой, покорный слуга

Ипполит Болкунов

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 12, л. 56. Подлинник.

¹ См. док. № 95.

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о прибытии
в Бухарест нарочного от сербских депутатов

20 ноября 1805 г. Яссы

Секретно

Сиятельный князь, милостивый государь! По отправлении к вашему сиятельству с донесениями моими кадета Джайковича прибыл сюда с письмом Петра Новаковича отправленный в бытность еще оного в Одессе нарочный конфидент из сербов, на коего возложено от тех депутатов отвести некоторые препоручения к их соотичам, коим между прочим советовали они решиться во что бы то ни стало занять Белград¹. Отправив немедленно помянутого нарочного согласно прошению капитана Новаковича под именем российского купца далее к его назначению, я имел случай чрез него с верностью сообщить Черни-Георгию как о дошедших до меня сведениях в рассуждении мер, Портою принимаемых, равно и о других обстоятельствах, до них касающихся.

В письме князя Мурузия, означенном № 18, которое на последней почте в Санкт-Петербург отправлено к известной особе, между прочим уведомляет он, что из Константинополя послана уже к вашему сиятельству желаемая в пользу сего конфидента рекомендация, которая будучи в весьма сильных терминах. Князь надеется, что произведет все свое действие, и он, конечно, вследствие того будет взыскан Вами, советуя ему, впрочем, если бы сие замедлилось, самому явиться по возвращении вашего сиятельства в столицу. В продолжении уведомляет, что бояре в рассуждении известных прибавочных дней умерили свои требования и согласны довольствоваться прибавкою 6-ти дней, о чем и приняты уже меры.

В самом деле государь несколько прежде того сообщил мне представление, поднесенное ему от всех бояр касательно сего предмета, при объяснении, что таковое же доставит он к г. посланнику и что распоряжения сие по некоторым причинам не может быть произведено в действие прежде сентября будущего года. Бояре кроме 18-ти с прежними дней получают от крестьян и некоторые другие выгоды. Список сего определения я буду иметь честь за сим доставить вашему сиятельству с моими, если на что за нужно найду, примечаниями.

Есмь с глубочайшим почитанием и непременною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства покорный слуга

Ипполит Болкунов

Помета: Получено 21 декабря 1805 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 1, п. 12, л. 71—72. Подлинник.

¹ Имеется в виду Стефан Живкович, который в качестве одного из сербских депутатов был послан в Константинополь в начале 1805 г. 18 июня 1805 г. он с письмом константинопольского патриархата был послан в Сербию (см. коммент. 1 к док. № 87). Из Сербии он вместе с кадетом Джайковичем, доставившим сербам деньги, возвращался в Яссы, но по дороге были захвачены в плен турками. Подробнее об этом см. в док. № 92, 94.

«Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями о военных успехах сербских войск и блокаде ими Белграда

28 ноября 1805 г.

Приезжие из Сербии уверяют, что хотя Порта назначила знатное число войск против сербов и притом простила известных разбойников Карафеиза и Деликардия в намерении употребить их в сем деле, однако старания ее есть ласкою и увещаниями склонить помянутый народ к отложению оружия. Сербь, однако, не вверяются ни на какие предложения, продолжая неослабно свои действия. Они по взятии Смедерева (Семендрии), Ужицы и Борицы приблизились к Белграду, убили Ибраим-агу, брата орсовского коменданта *, заняли Фетюль-Ислам, Дюверджени и все паланки до самых Иордатов. Шашит-паша, пребывая в согласии с сербами, заставил проезды из Босни так, что никакой помощи оттуда турки получить не могут.

Сербская армия в числе 40 тыс. человек открыла формальную блокаду Белграда. Черни-Георгий, уверяют, намерен занять Орсово, видя строгие меры, принимаемые Портою против его нации. Пр[им]ечают, что турецкие войска, идущие из Румелии на Сербию, чрезвычайно боятся того народа.

Из турецкого войска множество раненых прислано в Ниссу. Сербь подошли к оной за 12 часов расстоянием.

Пазвант-оглу, беспокоясь удачами сербов и боясь, чтоб остальные болгары в его владении не восстали, уменьшил денежные подати до 5 левов. Сей паша, делающий всегда претензии к Валахии, ныне по мере слухов о успехах французских требует от господаря наличными деньгами до 100 мешков и алмазные вещи, в чем, однако, господарь по возможности ему отказывает.

Об артиллерийских отрядах, посланных из столицы в Варну, из коих будто часть назначена в Руцук, как пред сим упомянуто было, до сих пор ничего в том краю об оном не известно.

23 ноября проехал чрез Букорест французский курьер, возвратившийся из Царьграда, к турецкому послу в Париже, взяв дорогу на Германштат.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 103, л. 51—52 об. Подлинник. Опубл.: Documente privind istoria României. . . , vol. IV, p. 596—597.

№ 110

Обращение Карагеоргия и М. Ненадовича к Александру I с просьбой предотвратить вступление турецких войск в Сербию

30 ноября 1805 г. Смедерова

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь! Ужасная обстоятелства, которая нас ныне от всех стран окружают, принуждают нас вашему величеству всепокорнейше припасти и с всемирнейшим писанием нашим досаждати, и с всенародным плачем всевысочайшия милости и скорыя помощи и защищения умилнейше просити. Хотя убо мы в всех предприятиях наших всякого и малейшего подозрения береглися, ничто меньше враги наши хитрим лукавством своим успели нас

* Реджеб-аги.

Ваше Императорское Величество,
Богородица Государь!

Ужасная обстоятельство, которая
нашъ лишь отъ вѣхъ странъ
опроудаютъ, принуждаютъ насъ
Вашему Величеству все
поговоривше припасти, и въ
всесмирительнѣйшій Писаніе
нашимъ дождать, и въ все
народникъ Писаніе всевы,
Сокращенія милости, и
споря помощи, и Оатми-
женія умильнѣе просити
Хотя убо мои въ вѣхъ предъ
пріятіяхъ нашихъ всяна
то и малѣйшаго подозрѣ-
нія беремися, ничто мен-
ше враги наши Хитривъ
дупавствоавъ Своимъ устьми
нашъ у Его величества
Царя нашего въ подозрѣні
и въ мерзости привести
и. Мои

и ми уже положительно отъ
вѣдѣ Странъ разубави, да
Его Величество Султана
насъ мѣто разсѣвалса сѣтъ,
и да уже выгнаныя Пове
не безиру отъ Босни, и проч
оуженыя близныя и да
ныя Пашамя издалъ на
насъ отъ вѣдѣ Странъ на
деиѣ содѣлати. И уже божь
слѣное войство въ Босни,
и въ Булгарии, и въ близныхъ
мѣстахъ свѣдѣи востали
приготовлялися собиралися.
И въ готовости стоить на
всеполно похубити, и мѣ
денно, и похубо трепетель
Августъ нашу предъ
дверами Эрземе. Мы уже
сведѣли и оуплеи сели.
аже Ваше Величество
природныя, и зѣлоу свѣ
ту познавшия милосер
дїи, и слововоитѣль
Свои, и оудѣи на
вселилостивѣише не содр
тите. Едино Слово Ва
шего Величества, у
Его Величества Султана
Соборны

совершенно спасти можетъ. Сотни
тысятъ душъ за всегудрую
милость снъ Коль опрелонно
ваше величество прошатъ,
Пронатъ! и образуютъ Спа
сеніе у Александра
Беликаго! Правосла
віе и Родъ Вашъ въ край
нби нудятъ снъ радость Не,
вота и Существованія и въ
божественный рудъ Вашего
Величества въ Совершенно
Благонадеждіи ождаетъ, и
въ глубочайшей Страху
почитаніи иудуируетъ.

Вашего Императорскаго Величества
всешлюстившаго Государя

въ Сербін въ Смедеревѣ
Тредъ, 30-го Нолъ, 505.

всполноудіиіи Великокаим
и въро-Благоудіиіиіи Ради
Черны-Геордіи Петрови
вождъ Сербовъ.
Проло-Ерей Маттевей Нека
добуръ Собла Народ. Тредитъ
далектнн

у его величества, царя нашего, в подозрение и в мерзость привести, и мы уже положительно от всех стран разумели, да его величество султан на нас люто разгневался есть и да уже высочайшее повеление везиру от Босны и прочим окружным ближним и дальним пашам издал на нас от всех стран нападение соделати. И уже бесчисленное воинство в Босны, и в Булгарии, и в ближних местах с всеми военными приуготовлениями собирается и в готовности стоит нас всеконечно погубити. И мы денно и ночью трепещем, явную пагубу нашу пред дверми зряще. Мы уже совсем изгублены есмы, аще ваше величество природным и целому свету познанным милосердием и человеколюбием своим беднейших нас всемилостивейше не сохраните. Едино слово вашего величества у его величества султана совершенно спасти может. Сотни тысяч душ за всецелую милость сию коленопреклонно ваше величество просят. Просят! И обряцут спасение у Александра Великого! Православие и род наш в крайней нужде сии радость живота и существования из божественных рук вашего величества в совершенном благонадеждии ожидает и в глубочайшем страхопочитании изумирает.

Вашего императорского величества, всемилостивейшего государя всепокорнейший, всенижайший и верно-благодарнейший раби

[Печать]

Черны-Георгии Петрович, вождь сербов,
Прото[и]ерей Матфей Ненадович, Совета народ[ного] преседател

АВПР, ф. ГА I-8, 1804 г., д. 2, п. 2, л. 8—9 об. Подлинник. Печать Правительствующего совета сербского.

№ 111

Обращение сербского народа к султану Селиму III с изложением причин восстания и требованием удаления турецкой администрации из Сербии

30 ноября 1805 г.

Ваше императорское величество, всепресветлейший и великодержавнейший великий государю султани, царю наш всемилостивейший! Всеобщенародная жалость, и смятение, и ужас, в который нас смутные и отнюдь нечаянны гласы бросиша, принуждают нас крайне горькие народные слезы пред вашим величеством пролити; милости же и милосердия царского всепокорнейше просити. Мы убо с трепетом уразумехом, и уже от всех стран явно гласится, да везир от Босны и прочии и ближнии и дальнии паша с великою воинства силою и с страшным приуготовлением на нас, сербов, от всех стран нападение соделати намеряют, и то по высочайшему нареждению вашего величества. Мы никако поняти, нити веровати не можем, да ваше величество толь немилосердно с нами поступити намерили есте. Понеже да мы принадлежащую дань отдаваем и таковую всегда точно отдавати и по силах наших умножати будем, и мы клянемся пред богом и пред целым светом, да мы никогда ни в уме несмы имели, а много меньше в намерении, да при вашему величеству в малейшую мерзость либо подозрение паднем. Мы всегда осторожнейше хранилися, чтоб ни в малейшем чем подданническую верность нашу не нарушили; и всегда желали и желаем в вечной зависимости от преизящныя Порты жити. Сие мы желим истинно, сие и посредством всенародного прошения нашего под 1 майя сего лета¹ вашему величеству торжественно и все[с]мирнейше изъяснили. И всяко предприятие наше для прогнания токмо зулума и насилия без всякого иного побочного намерения бывало.

Но присныи и ничим примирительныи враги наши, которые конечное наше погубление всегда желали и желают, успели наконец смиренну невинность нашу адским своим лукавством чернейшим образом описати и истинную подданическую верность нашу, кою к вашему величеству имеем и кою животом и кровию нашею освятити всегда готовы есмы, в противные пороки преобразити и нас таким образом в высочайшую немилость привести.

Мы противу диаволю сего опадения и нападения вся дела и предприятия и целое донынешнее поведение наше всевысочайшему благорассуждению вашего величества всемирнейше подносим.

Что до битв карановачкия и ужичкия и иванковачкия касается, которыми, якоже слышим, враги и мучители наши опадания свои подкрепили и в мерзость нас поставити тщалися.

Вси внимательныи нашего поступления наблюдатели, аще токмо с беспристрастным оком наши двогодишныи поступки смотрели, будут яко же повод и причину нашего всенародного востания и вооружения, тако и следовавшее склонение и намерение наше легко уразумети и заключити могут, купно же и увидети, что мы, воставши на зулум, насилие и мучительство дайях, первое намерение имели из самовластного ребеллов ига в законное подданничество вашего величества паки воспоставити, а другое наше намерение и желание было и есть непременно, да будущее состояние наше противу всякого зулума и насилия крепкими законами ограждено будет, а да отишие и безопасие наше высочайшим согласием вашего величества на твердом и непоколебимом основании утверждено будет. Завсегда милость праведная, за которую мы толикаа жертвования всеу сотворихом, понеже враги наши, союзники, сродники и единомысленники бывших дайях, которым нигде ничто свято нест, вечное несчастье наше жаждущии в том самом времени, когда мы за будущее наше отишие старалися, разные лукавства и хитрости и дьявольские коварства употребили, чтоб в спасительном деле сем не успети и чтоб святое и чистое и праведное богу же и вашему величеству и всем истинным человеколюбцам угодное и приятное намерение наше воспятити, очернити и в зло превратити. Для чего они хитрым своим лукавством ни пенязей, ни труда не жалели. Они, в-первых, карановачкие и ужичкие турки, злейшие остатки дайях, на нас раздражили и воздвигли тако: да ужичани и карановчани, несмотря на многократная прошения и представления наша, чтоб нас до высочайшего решения, которое мы, мир со всеми турки утвердивши, в тишине с всякою решительностию ожидали, целых и невредимых оставили, но, напротив того, всяка зла нам причиняли. Они на нас разбойнически нападали, имения путников отнимали; они в наша нахие упадали, сирые дети наши и жены пленили, церкви наша палили и кровопролитием священников осквернили. И бесчисленными беззакония своими старые еще незастаревшие раны наши повреждали, а именно: девяти родным братьям нашим, в Карановице тогда обретшимся, руки и ноги отрубили и тако их, тирански наказанных, еще живых на страшное позорище нам вспять послали.

Страшное сие тиранство и гонение в крайнюю нас нужду поставило противу нападения карановчанов и ужиччанов паки вооружитися. И по случившемся сражении они, которые разбойнического своего обычая не хотели оставити, безопасно из сих мест пропущены изишли, а вси прочии, которые рождены в сем пределе и местах, остали между нами и живут с нами в мире и взаимной любви и в дружестве. И мы их почитаем и любим, и защищаем, и сохраняем, аки нас самих. И никогда мы во внутренности предела нашего толикое безопасие не имели, якоже ныне имеем.

И мы, и с нами соживущие почтенный турецкий сограждане наши, вси мы коленопреклонно просим ваше величество высочайшею властию счастье сие народне не дозволити возмущати. Они пак с торжественным обещанием нам в будуще никаковая зла не причиняти, измежду нас отшедшии злодеи, по разных ближние Босны местах рассеявшиися, новые на нас возмущения готовили, и когда там не успели, прибегли в Ниш к Афуз-паше и к нему прилепилися. Сей Афуз-паша, от давних времен злобюратовавший, искал пособия неприятельски на нас напасти и получил, и прибегшие к нему злодеи наша собранному воинству своему представил. Мы же, услышавши, что Афуз-паша в Белград имеет прийти, готовилися его с благопристойною честью восприняти. Но когда мы положительно уразумели, что он с великим воинством, с великим угрозением и приуготовлением и с нашими непримирительными враги в предел наш с нападением шествует, когда мы увидели, что он не на примирение, но на отмщение и на наше всеконечное уничтожение вся расположения творил, тогда мы в таковой опасности нуждную предосторожность употребити принуждены были. И Афуз-паша, пришед в предел наш с воинством, великое нападение на нас в месте Иванковац сотворил. Бог праведной и невинной стране благоприятствовал. И Афуз-паша, многую невинную кровь сербскую пролив, со тщетою возвратился.

Сия суть от времени оного, от како мы всепокорнейший арзимазар наш к вашему величеству послали, в пределе нашем приключившиися битвы, которых мы не желали, не хотели, но мимоитися в совершенной невозможности были и которых вина и причина всевозмущающий враги наши были. Толикими бедами, которых мы до сего дня претерпели, несытии враги наши крайнее коварство употребили и высочайшую немилость вашего величества наконец на нас нанесли. Бедные мы! Где отселе отрады искати будем? Доколе без послушания и помилования плакати будем? Кому тяготи наша представляти? От кого уврачевания просити? От кого будущего отишия нам и чадам нашим ожидать будем? Аще и ваше величество царское свое лице от нас отвратити? Но совесть наша нас утешает. Правда же, человеколюбие и отеческое за благо подданных своих попечение вашего величества крепкии наши защитницы суть. И мы твердо уверены есмы, да когда во высочайший слух вашего величества плач сей и рыдание невинно бедных сербов ваших придет с совестным нашим исповеданием, да мы единственно оного зулума ни насилия, ни тиранства терпяти не можем, противу коего вооружены есмы и противу коего просили мы посредством посланников наших и просим коленопреклонно и неотступно, да нам ваше величество уврачевание и довольное предохранение всемилостивейшее соделаете. Да тогда нас отечески помиловати, и праведная прошения наша всещедро услышати, и нас вечно счастливых соделати всемилостивейше благоизволили будете!

За сие едино молим и с целим постоянством нашим припадающе просим и просити будем, дондеже царскую вашу милость нам не подаруете! И всегдашнее наше отишие, безопасие и гражданское счастье всемилостивейшим ферманом не утвердите!!!

А ныне с сокрушенным духом и смиренным сердцем пред ноги вашего величества припадаем и всепокорнейше просим и молим, да еще то истина есть, да горепомянутый травничкий везир и прочии паши на нас нападение сотворити намеряют, всемилостивейше благоизволите им таковое предприятие не дозволити, но высочайшею властию запретити и забранити, да не бы ся кровь верных подданных ваших всеу проливалала.

Ты же, господи вседержителю, который вечный закон в сердца наши вселил еси, сладость содружественного гражданского счастья паче самого

живота возлюбити, не даждь всемогуществом твоим нам до отчаяния пострадати и до конца погибнути, но преклони благоутробием твоим человеколюбивого великого султан[а] Селима сердце во спасение народа сербского, народа, иже царя своего, его же дал еси им на земли до обожения любит и страхопочитает.

Вашего императорского величества, нашего всемилостивейшего царя всепокорнейший всенижайший и верноподданнейший народ сербский

Матвей Ненадович, прото[и]ерей
и старейшина Совета народня
Аци Мелентии, архимандрит монастыря
Раче-Григорий, архимандрит свято-благоевещенский
Аци Константин, архимандрит святопетровский
Радоица Жуевич, прото[и]ер[ей] рудничкий
Пантелеймон Дивлянович, прото[и]ерей ядранский
Марко Ненадович прото[и]ерей београдский
Афанасий Попович, прото[и]ерей крагуевачкий
Милое, прото[и]ерей ягодин[ский] и смедеревский
Аци Георгий, прото[и]ерей щабачкий
Милутине, прото[и]ерей пожечкий и ужичкий
Сава, игумен раваннский и намесеник ресавский
Антоний, прото[и]ерей пожарев[ский]
Священник Стефан, наместник гродский
Священник Пантелеймон, наместник валевский с целым священством сербским

В Сербии 30 ноября 1805 г.
(М. п.) Черни Георгий Петрович, верховный военачальник сербов
(М. п.) Яков Стефанович, военачальник и старейшина [Совета] народня
(М. п.) Янко Катич, воевода и старейшина Совета народня
(М. п.) Сима Маркович, кнез и воевода
(М. п.) Миленко Стойкович, воевода и старейшина и Совета народ[ня]
(М. п.) Лука Лазаревич, воевода шабачкий и Совета нар[одня]
(М. п.) Милан Обренович, воевода рудничкий и Совета народ[ня]
(М. п.) Васа Чарапич, воевода Станое Главаш, воевода Стефан, князь рессавский
(М. п.) Евта, кнез ягодинский
Буица, воевода смедеревский
Радич Петрович, воевода драгачевский (М. п.)
Милован Гербович, воевода поцерский (М. п.)
Лазар Мутавчил, воевода ягодинский
Алекса Лукин, воевода ужичкий (М. п.)
Живо Дабић, воевода соколный (М. п.)
Милил Кедрић, кнез ядранский
Милић Лучић, кнез драгачевачкий
Пея, кнез валевский
Младен Милованович, воевода крагуевачкий
Петар Добринец, второй воевода пожаревацкий с целым народом сербским

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 1, л. 12—20. Копия. Частично опубликовано: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 23.

¹ См. док. № 61.

Письмо сербских депутатов А. А. Чарторыйскому о неудаче своей миссии в Константинополе и с просьбой о помощи сербскому народу

7 декабря 1805 г. С.-Петербург

Ваше сиятельство! Честь имеем всепокорнейше ваше сиятельство молить и просить и сие сербского народа всепокорнейше прошение его величеству преставить.

Народ сербский нас низу подписатих яко депутиртов султана молити у Цариград отправил 1 мая 1805 с прошением для следующего и прочего помилования:

Да бы серби собственными начальники, войну взявше на себя, землею и крепостми у Сербии управляли, а турки у землеправление чтобы ничего не мешалися; даи и прочии злии и немирнии турци из Сербие чтобы истр[е]билися, а купцем и прочим мирным турком оставшимся невредимим, и сым образом будущего помеждоусобного отмачения и кровопролития да бы причина истребилася; султановым прошением аустрийский двор чтобы противным турком припаси по границы совсем отказал¹. За таковую милость народ сербский обещает себе султану всегда верным; ему выгодные денги и болше несколько тысяч пиястров как прежде исправно заплатить; са султановым велением ребеллиантов-турков или истребить, или ему покорить у Европе.

Таковое прошение султану у Цариграду мы подали юния 1-го 1805. Султан непременно сербскому народу оное обещал исполнить. Сие султаново обещание исполняемо мы дожидали от 1 юния до 11 августа 1805. Между тем временем Афис-паша ниш[с]кий, получив от султана ферман, белградский паша наименован. Он перво целому сербскому воинству велел оружие себе предать. На сие серби ему не соизволили. Он потом раз[г]ярен у Белград придти, трикрат са сербы сражался и толико раз побежден бывал². На конец, да бы Афис-паша, уже таковой сербов неприятель, свое намерение произвел, султан умыслил нас с татариним (турецкий курир) живих ему у руке послать. Таково агарянскому роду умышление природно мы уразумевше, делу и не кончену, от сего варварского тиранства живот свой избавляюще и спасения себи и народу взыскающе, богу и благодетелю умилнейше прибегаем.

Сего ради за решение прошения 1 мая 1805 г., у Сербии деланого и султану у Константинополю 1 юния 1805., преданного, за теперичное и сербского народа спасение и наше всемилостивейше наставление мы, депутирти от страни целого сербского народа, его величеству, благоутробному добродетелю, обладаждающему покровителю, отеческой милости и великому человеколюбию всеумилнейше моляще и просяще, коленнопреклонно припадаем.

Наша должност была по нашем у С.-Петербург пришествии сей час вашему сиятельству сие всепокорнейше писать. Мы немуще при себе копию от прошения, султану датога, дожидали оную из Сербие по нашему уреждению, которую и до сих пор неполучивше, принуждени вашему сиятельству всепокорнейше писать, только несколько пунктов у прошению, султану датому, опоминяющеса, как и видно. Вашего сиятельства милостивейшега ответа всепокорнейше дожидающии

Петар Новакович,

Алексие Лазаревич протопресвитер, и Гавриил Вуянович, на место Стефана Живковича, депутаты от сербского народа

АВПР, ф. ГА I-8, 1804 г., д. 2, п. 2, л. 10—11. Подлинник.

¹ Об отношениях Австрии и Османской империи см.: *Beer A. Die orientalische Politik Oesterreiche seit 1774. Prag—Leipzig, 1883; Поповић В. Европа и српско питање; Гавриловић С. Војводина и Србија. . .*

² Об этом см.: *Милосављевић П. Бој на Иванковцу 1805 г.*

№ 113

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о совете сербам усилить военные действия для достижения своих требований

№ 160

19 декабря 1805 г. Яссы

Секретно

По получении с последнею почтою от его превосходительства посланника отзыва я не преминул немедленно поручить консулу нашему в Буко-ресте *, дабы он нашел случай секретнейшим образом внушить сербам, что к достижению желаемого успеха по делам их в подлежащей г. посланнику негоциации с Портою и к преодолению всех на пути сем затруднений наиболее способствовать могут они деятельным продолжением военно-действий своих и успехами, а особливо взятием Белграда, и что одно сие событие, конечно, умягчит Порту снизойти на меры, которые ей предложены быть могут в пользу сербской нации. Для оказания же в том пособия г. Кирику отозвался я в одно время письмом своим и к господарю Ипсилантию в приличных терминах.

Донося о сем вашему сиятельству, имею честь и пр.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 104, л. 339 и об. Отпуск.

№ 114

Депеша А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому об опасениях Порты в связи с возможным проникновением французов на Балканы и ее намерении послать войска к границе Сербии

№ 23

25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.) Пера

Monseigneur! C'est les 19 (31) de ce mois que m'est parvenue la dépêche que v. ex. m'a fait l'honneur de m'adresser de Hollich en Hongrie sous la date des 24 novembre (6 décembre).

En admirant l'héroïsme des troupes de s. m. i., en déplorant la perte de tant de braves, je n'ai pu que frémir du danger auquel notre auguste souverain a si généreusement voulu exposer ses jours sacrés.

Grâces soient rendues au très haut qui les a préservés dans la sanglante bataille des 20 novembre (2 décembre) ¹.

La nouvelle de cette action a été connue ici par une lettre de Vienne qui transmettait une proclamation de Bonaparte à la suite de cette affaire, et ces avis, expédiés à la Porte par un des correspondants de son chargé d'affaires à Vienne, ont précédé de quelques heures l'arrivée de l'assesseur Kaissaroff.

* Л. Г. Кирико.

La relation des Français, remplie d'exagérations, était faite pour produire une profonde sensation sur le sultan; aussi l'a-t-elle jeté dans la plus grande consternation. Il a fait appeler aussitôt ses ministres et leur a témoigné toute la peine qu'il ressentait de cette nouvelle, et l'inquiétude dans laquelle cet événement le plongeait.

C'est le reis-effendi qui a entretenu le premier drogman J. Fonton des sentiments qui agitaient le sultan, et ce ministre a vivement désiré d'apprendre de moi les circonstances de cette affaire.

Le premier drogman J. Fonton lui a annoncé alors que j'étais en état de les lui faire connaître, puisque v. ex. m'avait expédié un courrier *ad hoc*.

En effet, avant de faire à la Porte aucune communication sur la bataille, sur le parti auquel s. m. l'empereur d'Allemagne * s'est décidé immédiatement après l'action et sur celui que nécessairement a dû prendre notre auguste souverain, j'avais recueilli de l'assesseur Kaïssaroff plusieurs détails relatifs à cette journée, et j'avais mis à même le premier drogman J. Fonton d'en donner une idée juste au ministère ottoman.

Aussi le reis-effendi après avoir communiqué l'affliction et l'inquiétude éprouvée par le sultan et même par son ministère, quoique lui, Vassif effendi, ait cherché par plusieurs réflexions à calmer ce second sentiment dans ce prince, et après avoir entendu du premier drogman J. Fonton le véritable état des choses, s'est rassuré lui-même et a prié instamment celui-ci de lui consigner par écrit ces détails, bien persuadé que, mis sous les yeux du sultan, ils contribueraient aussi efficacement à sa tranquillité, singulièrement troublée par la relation des Français.

En effet, ceux-ci ont représenté, que le résultat de cette bataille était une défaite totale de notre armée, que cette victoire était le premier fruit de quatre heures de combat, qu'ils comptaient 25 mille prisonniers, parmi lesquels 20 généraux, que la garde impériale avait été détruite, que ce qui n'a pas été pris ou tué, a dû périr dans les marécages par où elle fuyait, que 120 pièces de canons et 40 drapeaux étaient tombés en leur pouvoir, et qu'enfin par ce triomphe ils restaient les maîtres et les premiers soldats de l'Europe.

J'ai été bien aise au surplus de voir que le reis-effendi avait jugé sagement de la situation des choses et de la puissance de la cour impériale et de celle de Londres, en prémunissant d'un côté le sultan contre l'exagération du récit français, en observant de l'autre à ce prince, que, dans l'hypothèse la plus défavorable à l'armée russe dans cette bataille, la puissance de s. m. i. n'a pu en recevoir une atteinte propre à la faire cesser d'être formidable pour ces mêmes Français et d'un grand secours pour les alliés; Vassif effendi a ajouté au sultan que si cette perspective était de la plus grande consolation, on ne pouvait encore ne pas trouver un autre motif d'encouragement et d'assurance dans la puissance maritime bien respectable et bien assurée de l'Angleterre.

Que l'affliction et l'inquiétude du sultan existent, c'est un fait certain, que ses ministres partagent le sentiment de crainte qu'il leur a manifesté, et qu'ils aient cherché à lui présenter quelque consolation, c'est encore un point sur lequel il ne m'est pas permis d'avoir des doutes; mais je ne saurais m'empêcher de voir dans l'épanchement de Vassif effendi et dans l'expression de ses sentiments un premier effet de la note que j'ai remise au grand visir le jour de mon audience.

* Имеется в виду титул австрийского императора, являвшегося также императором Священной римской империи.

Quoiqu'il en soit, comme j'avais été instruit que la Porte n'était pas sans inquiétude sur les suites de cette bataille et sur les mouvements qu'elle croit se préparer en Pologne en faveur des Français, et qu'elle songeait à quelques préparatifs militaires dans cette partie de ses frontières, j'avais chargé le premier drogman J. Fonton de saisir le moment pour observer au reis-effendi que si la Porte doit, comme la prudence l'exige, songer à quelques mesures de défense, son attention devrait se fixer vers la Bosnie et cette partie de ses frontières, lesquelles pourraient être menacées, par un effet de la paix avec l'Allemagne, et non du côté de la Pologne, comme quelques mal intentionnés affectent d'en présenter la nécessité, puisque je pouvais assurer que les forces de s. m. i. vers ce point sont plus que suffisantes pour contenir les malveillants s'il y en a, et en imposer à l'ennemi, s'il osait s'approcher des possessions russes et ottomanes dans cette partie.

Conformément à ces instructions, le premier drogman J. Fonton, après avoir applaudi à la sagesse de la conduite et des observations du reis-effendi, a saisi habilement le moment de démontrer à ce ministre, combien seraient chimériques les appréhensions de la Porte sur des succès des Français en Pologne, et contre les frontières russes hérissées de troupes, et dès lors de quelle inutilité seraient des mesures de défense prises de ce côté, et il lui a indiqué les points des Etats ottomans qui restent à découvert et vers lesquels il est important de porter attention.

Le reis-effendi a senti ou a paru sentir la justesse de mes observations et de mes conseils et a répondu au premier drogman Fonton, qu'en effet la Porte allait s'occuper de quelques mesures de défense, qu'une première précaution serait d'expédier l'ordre au roumeli valissy de se tenir du côté de Sophie avec 40 à 50 mille hommes.

J'ai pu vérifier depuis que cette disposition aura lieu, mais qu'elle aurait le double but d'en imposer aussi aux Serviens, que la Porte craint de voir donner la main aux Français, si par un effet de la paix avec l'empereur et roi, Bonaparte tentait de s'approcher de cette contrée, comme on en a déjà fait entrevoir la probabilité au ministère ottoman, aussi m'a-t-il été assuré, qu'en même temps que la Porte voudra en imposer aux Serviens, par l'attitude du roumeli-valissi, elle songe plus que jamais à employer les voies de douceur et de conciliation pour s'assurer de la soumission de ce peuple.

Je ne fais au surplus que porter à la connaissance de v. ex. les dispositions dans lesquelles je vois le ministère ottoman, soit par ses explications avec moi, soit par les avis qui me sont indirectement donnés; mais on ne peut guère compter sur les bons effets de ses mesures, il ne sait jamais en prendre de salutaires, et s'il peut en concevoir quelques-unes, il n'a pas le moyen d'en assurer l'exécution.

On ne saurait se dissimuler que la Porte est à la veille de se trouver dans la situation la plus critique, et sous ce rapport je supplie v. ex. de vouloir bien me donner éventuellement les ordres et les instructions nécessaires sur la conduite à tenir dans les circonstances épineuses que je prévois.

On doit s'attendre, d'après les démarches précédentes de Bonaparte en cette capitale et d'après son caractère, qu'il voudra profiter de la situation actuelle des affaires pour forcer la Porte, peut-être d'abord à la reconnaissance de son titre impériale, probablement aussi à nous refuser le libre passage par le canal de nos forces militaires, et dès lors à renoncer à son alliance avec la cour impériale; enfin, à la fermeture de tous les ports ottomans aux Anglais.

Il est à présumer aussi que ces demandes seront appuyées de menaces d'invasion, par le libre passage des armées françaises à travers la Hongrie,

ou autres possessions de l'empereur et roi; et c'est en effet le seul point par où la Porte pourrait être attaquée avec succès, les forces de s. m. i. du côté de la Valachie et la Moldavie, d'une part, et la supériorité des Anglais sur mer, de l'autre, ne pouvant pas permettre à Bonaparte de concevoir l'espoir de la réussite de toute autre entreprise.

D'après cette idée que je me suis formé de la position à venir, je sens l'importance et la nécessité que v. ex. me trace la conduite que je devrai tenir dans toutes les hypothèses possibles à prévoir.

On ne saurait certes ne pas reconnaître que, dans tout état de choses, la conservation de Corfou ne soit de la première importance, mais si des chances extraordinaires nous privaient de la facilité d'y pourvoir par nos ports de la mer Noire, sa défense deviendrait bien plus difficile; cette considération ferait peut-être désirer que toutes les troupes du général Lassy soient destinées à ce service et à celui que les circonstances peuvent faire naître.

Si v. ex. en décide autrement et que le retour de ce général doive s'effectuer, je ne manquerai pas de lui rendre à son passage par cette capitale tous les services qui dépendront de moi.

Je n'ai pas cru à propos d'informer la Porte de cette résolution de s. m. i.; j'y serai toujours à temps, lorsque ces troupes arriveront en cette capitale, et d'ici alors peut-être ce retour ne frappera pas tant le ministère ottoman, car je ne peux pas me dissimuler qu'il interpréterait d'une manière défavorable cette mesure; et la malveillance ne manquerait pas d'insinuer que c'est dans le moment du plus grand danger que son allié l'abandonne pour ainsi dire à ses propres forces, en ne laissant à Corfou qu'un corps trop faible pour être ailleurs d'aucune utilité pour les Etats ottomans, avoisinants cette île, et qui peuvent être menacés et envahis par les Français.

Il est de mon devoir de soumettre ces considérations à v. ex.

Je suis au surplus sans avis directs de la position du général Lassy. Si je dois ajouter foi à quelques informations, parvenues à la Porte, le débarquement de nos troupes et de celles des Anglais doit avoir lieu, d'après les circonstances, qui ont forcé l'archiduc Charles à évacuer l'Italie et d'après l'approche d'une armée française.

La probabilité de cette mesure du général Lassy me fait ajouter celle que son retour à Corfou doit être déjà effectué, et que l'expédition des ordres, que v. ex. m'annonce lui avoir faite en dernier lieu, sera surabondante.

Malgré cette conjecture, comme il serait possible qu'il en fût autrement, et qu'il est à craindre que le courrier de v. ex. au général Lassy tarde de lui parvenir et ne puisse pas même atteindre sa destination, j'ai cru devoir de mon côté concourir sous ce rapport aux vues de v. ex., et je me suis décidé par surcroît de précaution de faire passer au général Lassy les avis qu'elle a bien voulu me donner, en profitant pour cet effet de la frégate «Cherson» qui vient arriver ici de nos ports de la mer Noire, avec quatre bâtiments marchands, transportant un détachement de 80 cosaques, et qui doit mettre à la voile incessamment avec son convoi.

J'ose croire que cette mesure de ma part rencontrera l'approbation de v. ex., comme le parti que j'ai pris de faire suivre la destination du convoi.

Les frais de cette expédition étant faits, et considérant l'impossibilité que dans cette saison ces bâtiments regagnent nos ports de la mer Noire et les grandes et inutiles dépenses que leur séjour en cette capitale jusqu'au printemps et même le débarquement de ce détachement de cavalerie occasionneraient à la cour impériale, il m'a semblé qu'il était plus convenable sous tous les rapports de les faire aborder à Corfou, d'où le retour de ces 80 cosaques pourra aisément s'effectuer avec la partie des troupes que le général

Lassy devra ramener, puisque la quantité d'hommes à répartir sur tous les navires, qui seront employés à cette opération, est si petite.

La même frégate escortera aussi un certain nombre de bâtiments chargés de farine pour nos troupes et destinés pour Corfou, et qui se sont arrêtés pendant quelques temps dans le port de cette capitale sur l'avis de l'existence dans l'Archipel de quelques corsaires français.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

Помета: Получено 3 февр[аля] 1806 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2250, л. 502—509 об. Подлинник.

Перевод

Ваше сиятельство! 19 (31) сего месяца до меня дошла депеша, которую ваше высокопревосходительство соблагволили направить из Голича в Венгрии 24 поляря (6 декабря).

Восхищаясь героизмом войск его императорского величества, оплакивая потерю стольких храбрецов, я мог лишь содрогнуться при мысли об опасности, которой столь великодушно пожелал подвергнуть свою священную жизнь наш августейший государь.

Вознесем хвалу всевышнему, сохранившему ее в кровавой битве 20 ноября (2 декабря)¹.

Об этом событии стало известно из письма, полученного из Вены, которое излагало прокламацию Бонапарта в связи с этим сражением, и из сообщений, направленных Порте одним из корреспондентов ее поверенного в делах в Вене; эти новости опередили лишь на несколько часов прибытие ассессора Кайсарова.

Реляция французов, полная преувеличений, была составлена в целях произвести глубокое впечатление на султана; а она ввергла его в глубочайшее оцепенение. Он тут же созвал своих министров и выразил им все свое огорчение, испытанное им от этой новости, и беспокойство, в которое погрузило его это событие.

Реис-эфенди сообщил первому драгоману Фонтону о чувствах, которые испытывает султан, и этот министр изъявил мне живейшее стремление знать обстоятельства этого дела.

Первый драгоман Фонтон передал ему, что я в состоянии их ему сообщить, поскольку ваше высокопревосходительство прислали мне *специального* курьера.

Действительно, до того, как сделать Порте какое-либо заявление о сражении, о решении, принятом его величеством германским императором немедленно после сражения, и о том, что неизбежно должен был принять наш августейший государь, я собрал у ассессора Кайсарова множество более подробных сведений относительно этого дня и тем самым дал возможность первому драгоману Фонтону нарисовать оттоманскому правительству точную картину событий.

Реис-эфенди, сообщив о чувстве скорби и обеспокоенности, испытанных султаном и даже его правительством, хотя он, Вассиф-эфенди, пытался посредством рассуждений рассеять опасения своего государя, и узнав от первого драгомана Фонтона действительное положение вещей, успокоился сам и настойчиво просил Фонтон изложить ему письменно эти сведения в убеждении, что, представленные взору султана, они будут также благотворно содействовать его спокойствию, сильно потревоженному реляцией французов.

Действительно, французы изобразили результаты сражения, как полное поражение нашей армии и будто бы эта победа была первым плодом четырехчасового боя; что они насчитывают 25 тыс. пленных, среди которых 20 генералов; что императорская гвардия уничтожена; что те, кто не был взят в плен или убит, были обречены на гибель в болотах, куда они бежали; что французы овладели 120 пушками и 40 знаменами и что, наконец, благодаря этому триумфу они остаются хозяевами и первыми солдатами Европы.

Мне было легко видеть, что реис-эфенди трезво судил о положении вещей и о могуществе императорского и лондонского дворов, предостерегая султана, с одной стороны, от преувеличений французского рассказа и, с другой стороны, обращая внимание своего властителя на то, что если даже предположить самое неблагоприятное стечение обстоятельств для российской армии в этой битве, то и тогда могущество его императорского величества не могло бы быть столь непосредственно затронуто, чтобы перестать быть внушительным для тех же французов и большой поддержкой для союзников. Вассиф-эфенди добавил султану, что если бы эта перспектива была самым большим утешением, то нельзя также не найти и другое ободряющее и вселяющее уверенность обстоятельство в весьма внушительном и обеспеченном морском могуществе Англии.

Несомненно, что султан опечален и встревожен, что его министры разделяют его чувство страха и пытались его утешить. Это тот момент, в отношении которого мне не дозволено питать сомнений. Но я не могу не видеть в излияниях Вассиф-эфенди и в выражении его чувств первый результат ноты, врученной мною великому визирю в день моей аудиенции.

Поскольку стало известно, что Порта не свободна от тревоги относительно последствий сражения и изменений, которые, по ее мнению, произойдут в Польше в пользу французов, и думает о военных приготовлениях вдоль этой части своих границ, я поручил первому драгоману Фонтону воспользоваться случаем, дабы сказать реис-эфенди, что если Порта должна, как того требует осторожность, думать о мерах обороны, то ее внимание следовало бы обратить на Боснию и ту часть ее границ, которые могут оказаться под угрозой вследствие мира с Германией, а не на границы с Польшей, необходимость чего пытаются представить некоторые враждебно настроенные нам лица. Ибо я могу заверить, что силы его императорского величества в этом месте более чем достаточны, чтобы сдерживать педоброжелателей, если таковые имеются, и отразить врага, если он осмелится приблизиться к российским и оттоманским владениям с этой стороны.

В соответствии с такими инструкциями первый драгоман Фонтон, выразив восхищение мудростью поведения и замечаниями реис-эфенди, умело воспользовался моментом, чтобы показать министру, сколь химеричны опасения Порты насчет успехов французов в Польше и российских границ, на которых сосредоточены войска, и следовательно, сколь бесполезны были бы оборонительные меры, предпринимаемые в этом направлении: он указал пункты оттоманских владений, которые остаются открытыми и на которые важно обратить внимание.

Реис-эфенди понял или сделал вид, что понял справедливость моих замечаний и советов, и ответил первому драгоману Фонтону, что Порта в самом деле намерена заняться некоторыми мерами обороны, что первой предосторожностью будет посылка приказа румели-валииси находиться у Софии с 40—50 тыс. человек.

Я смог затем проверить, что эта диспозиция будет иметь место и будет отвечать двойственной цели — ввести также в заблуждение сербов, так как Порта боится, что они окажут поддержку французам, если, заключив мир с императором и королем, Бонапарт попытается приблизиться к этой стране, вероятность чего уже предвидело оттоманское правительство. Меня также заверили, что в то время, как Порта желала бы оказать нажим на сербов через действия румели-валииси, она больше чем когда-либо думает использовать и мирные средства, дабы обеспечить послушание этого народа.

Впрочем, я лишь довожу до сведения вашего высокопревосходительства намерения оттоманского правительства, о которых я узнаю или в ходе его объяснений со мной, или по косвенным источникам. Но совершенно нельзя полагаться на их хорошее воздействие, ибо оттоманское правительство никогда не умело принимать благотворные меры, а если оно может задумать что-либо подобное, то у него нет средств обеспечить их осуществление.

Невозможно скрыть, что Порта на грани самого критического состояния, и в связи с этим я прошу ваше высокопревосходительство соблагovolить дать мне необходимые инструкции относительно поведения, которого следует мне придерживаться при некоторых обстоятельствах, которые я предвижу.

Следует ожидать в соответствии с предшествующими демаршами Бонапарта в этой столице и с его характером, что он захочет воспользоваться нынешним положением дел, дабы принудить Порту, возможно, поначалу лишь к признанию своего императорского титула, вероятно, также к отказу в свободном проходе наших военных сил через канал, а затем и к отказу от союза с императорским двором; наконец, к закрытию всех оттоманских портов для англичан.

Следует также предполагать, что эти требования будут подкреплены угрозами вторжения путем свободного прохода французских армий через Венгрию или другие владения императора и короля. И в самом деле, — это единственный пункт, откуда Порта может быть успешно атакована. Силы его императорского величества в Валахии и Молдавии, с одной стороны, и превосходство англичан на море — с другой, не могут позволить Бонапарту питать надежду на успех любого другого предприятия.

В соответствии с представлением, которое сложилось у меня о будущем положении, и чувствую важность и необходимость того, чтобы ваше высокопревосходительство указали мне линию поведения, которой я должен придерживаться, учитывая все возможные ситуации.

Нельзя было бы не признать, что при любом положении вещей сохранение Корфу не имело бы первейшего значения. Но если чрезвычайные обстоятельства лишат нас возможности снабжать его через наши порты Черного моря, то его оборона станет намного более сложной. Это соображение, возможно, вызовет пожелание, чтобы все войска генерала Ласси были выделены для этой цели, если для этого возникнет необходимость.

Если ваше высокопревосходительство решите иначе и должно будет последовать возвращение этого генерала, то я не премину оказать ему все зависящие от меня услуги при его проезде через эту столицу.

Я не считал подходящим известить Порту об этом решении его императорского величества — у меня для этого будет время, когда его войска придут в столицу, и тогда, возможно, это возвращение не столь удивит Порту, но я не могу скрыть, что она неблагоприятно расценит эту меру. И недоброжелатели не премнут намекнуть, что как раз в момент наибольшей опасности союзник покидает ее, так сказать, на собственные силы, сохраняя на Корфу слишком слабый корпус, чтобы он мог стать полезным для оттоманских владений, соседствующих с этим островом, которому могут угрожать и которым могут завладеть французы.

Мой долг представить эти соображения вашему высокопревосходительству.

К тому же я не имею непосредственных сведений о позиции генерала Ласси. Если я должен принять на веру некоторые сведения, дошедшие до Порты, то погрузка наших и английских войск на корабли должна была уже иметь место в связи с обстоятельствами, побудившими эрцгерцога Карла эвакуировать Италию и ввиду подхода французской армии.

Я верю в возможность такого шага со стороны генерала Ласси, так как его возвращение на Корфу, по-видимому, уже состоялось, и думаю, что посылка ему распоряжений, которые ваше высокопревосходительство предписали мне сделать в последний момент, будет излишней.

Несмотря на это предположение и поскольку может сложиться по-иному, следует опасаться, что курьер вашего высокопревосходительства к генералу Ласси запаздает и не сможет даже прибыть к месту назначения. Поэтому я со своей стороны считал долгом содействовать в этом отношении намерениям вашего высокопревосходительства и в целях предосторожности решил передать генералу Ласси советы, которые Вы благоволили мне дать для этого; я воспользовался прибывшим сюда из наших портов Черного моря с четырьмя торговыми судами и перевозившим отряд из 80 казаков фрегатом «Херсон», который немедленно должен был выйти в море со своим конвоем.

Осмелюсь думать, что эта мера с моей стороны встретит одобрение вашего высокопревосходительства, как и мое решение следить за продвижением конвоя.

Поскольку на экспедицию были уже выделены средства и невозможно, чтобы в это время года эти корабли вернулись в наши порты Черного моря, а также учитывая большие и бесполезные расходы, которые причинило бы императорскому двору их пребывание в сей столице до весны и даже высадка казаков, мне казалось более подходящим во всех отношениях отправить их на Корфу, откуда возвращение этих 80 казаков могло легко осуществиться с частью войск, которые должен отправить генерал Ласси, ибо численность людей для распределения по всем судам, которые будут использованы для этой операции, так невелика.

Тот же самый фрегат будет эскортировать несколько кораблей, груженых мукой для наших войск и предназначенных для Корфу. Они были задержаны на некоторое время в столичном порту в связи с известием о том, что у Архипелага находятся несколько французских корсаров.

Почтительнейше пребываю, ваше сиятельство, вашего высокопревосходительства нижайший и покорнейший слуга

А. Итальянский

¹ Речь идет об Аустерлицком сражении 20 ноября (2 декабря) 1805 г. между союзными русско-австрийскими войсками, с одной стороны, и французскими — с другой, в результате которого союзники понесли тяжелое поражение, потеряв убитыми и пленными свыше 27 тыс. человек, из которых на долю австрийцев пришлось только 6 тыс. Хотя главнокомандующим соединенными армиями формально числился М. И. Кутузов, фактически руководило военными операциями в этот день находилось в руках российского императора Александра I и австрийского императора Франца I. План же самого сражения был разработан австрийским генералом Ф. Вейротером (см.: История русской армии и флота. М., 1911, т. 3, с. 50—56).

Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому о своей деятельности по предотвращению конфликта между турками и дробняками и об активизации французских эмиссаров в Черногории

№ 62

28 декабря 1805 г. Каттаро

Мон ргінсе, получа верное сведение, что после случившейся драки дробняков с турками, о которой я имел честь доложить вашему сиятельству¹, намерение было некоторых главарей дробняцких поднять против турок всех пивлян и никшицских христиан, купно с ними и наших бердян, чрез что могло бы произойти великое кровопролитие без всякого предмета и пользы, поспешил в начале сего месяца отправить к туркам главаря герцеговинского протопопа Иоанна Ионовича, чтоб он чрез своих друзей внушил Селим-паше весьма оберегаться овладеть силою дробняками, а сим последним чрез черногорского митрополита дал знать, что черногорцы не будут им вспомошествовать ни порохом, ни свинцом. Таким образом принудил дробняков покориться туркам, а сих принять на условиях. А хотя черногорский митрополит пишет, полагаясь на бердян, что дробняков совершенно ограбили турки, со всем тем могу удостоверить ваше сиятельство, что Селим-паша, узнав о некоторых насильствах, кои начали турки из Никшица делать дробнякам, повелел арестовать 7 человек из них и отправить в Травник, чрез что сделал конец дальнейшему покушению чинить грабительства; да притом обещал дробнякам возвратить обратно все то, что было у них похищено.

Изъявленное турками намерение овладеть Морачами, естли оное будет произведено в действо, не может принято быть равнодушно бердянами и черногорцами, ибо сие место безмерно крепкое, есть ключ почти всех Берд. Потому естли я не успею склонить турок отказаться дружелюбно от сего намерения, к чему употреблю всевозможное старание, то непременно воспоследует кровопролитие, ибо ни под каким видом черногорский митрополит и народ не согласятся сию княжину уступить. А естли бы я отважился то им советовать, тогда настает опасность, что не токмо они не послушаются, но еще чрез то могу навсегда лишиться их доверенности; да что всего важнее, что чрез сие самое народ, может быть, потеряет также ту привязанность и усердие, которое поныне имеет к России.

Прибывший сюда турок из знатных жителей Скугаря именем Осман Хаджия, сын любимца паши скутарского, открыл чистосердечно мне, что войско, которое собирается в его отечестве, да еще во всей Боснии, должно быть в готовности первых чисел будущего марта месяца и что оное в силу фирмана султанского определено усмирить Черни Георгия, сделавшегося ослушником Порте Оттоманской, и что против сего начальника народа сербского пошел уже беглербей румелийский.

Таковые движения турок против христиан в здешних странах, а особливо против Черной Горы. Я подозреваю, что лазутчики французские тому причиною, а тем более, что наш генеральный консул Фонтон ныне мне подтверждает, что известные эмиссары, имеющие свое пребывание в доме консула французского в Рагузе, имеют сношение в Боснии и в Епире. Я уверен также, что ненависть герцеговинского митрополита, а может быть и архимандрита пивского против черногор[ского] митрополита открыла способ сим эмиссарам иметь в том некоторый успех.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon prince, de votre excellence le très humble et le très obéissant serviteur

Etienne Sancowsky *

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 2, л. 453—455. Дешифрант на автографе.

¹ Имеется в виду донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому от 4 (16) декабря 1805 г. Наряду с другими сведениями в донесении сообщается о вторжении отряда турецких войск в пределы Пивы и Дробняка, жители которых вступили с ними в сражение и отбили все их атаки (АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 2, л. 381—382 об.).

№ 116

*Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о невозможности
связи с сербами*

№ 163

29 декабря 1805 г. Букурест

Секретно

Милостивый государь Ипполит Федорович! Высокопочтеннейшее отношение вашего высочородия по секрету от 19-го ** я имел честь получить 23-го числа сего месяца, содержание которого сообщено от меня конфиденциальным образом господарю Ипсилантию с прошением открытия мне верного средства для исполнения Вашего поручения. Но как его светлость признался, что он не имеет ныне способного случая, то я не смею пускаться в доверие такой важности кому-либо, не имея из сербской земли никого здесь. Господарь, уверяя, что до сих пор верного известия о взятии Белграда не имеет от Реджеб-аги из Орсова, примечал мне крайнее свое сожаление, что он видит сербского народа, остающегося на собственном счастье и окруженного со всех сторон во время, когда оный всю свою надежду влагал на всемилостивейшее зашитие императорского русского двора. Донося о том вашему высочородию, впрочем пребываю с истинным высокопочтением и совершеннейшею преданностью, милостивый государь, вашего высочородия всепокорнейший слуга

Лука Кирико

Помета: Получено 1 января 1806 г. Отв[ет] 3-го.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 148, л. 185 и об. Подлинник.

* С глубочайшим почтением честь имею быть, князь, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга Степан Санковский (франц.).

** Документ не обнаружен.

1806

год

Документы № 117—192

№ 117

*Прошение сербского переселенца М. Никшича к Александру I
о зачислении его и других сербских переселенцев в Молдавскую
армию*

1 января 1806 г.

Херсонской губ. Тираспольского уезда,
при Балайчуке славяно-сербская
слобода Никшич

Августейший монарх, всемилостивейший государь. С малых моих лет хотя находился я, именованный, в моем отечестве Сербии, но всегда, сражаясь с врагами, восстающими противу державнейшего твоего престола, и достиг за оные отличные мои подвиги ныне носимого на мне чина сербского сердара, а прошлого 1794 г. выехал в Россию от всего сербского народа депутатом ко вселюбезнейшей твоей бабке, блаженной памяти и вечно достойной славы государыне императрице Екатерине II, а за те самые мои оказанные заслуги был награжден золотой медалью, таковою ж и прочие сотрудники мои, бывшие в войне ¹ под началом моим в 1793 г. Удостоен высочайшею грамотою и золотою Вашею медалию от вселюбезнейшего твоего родителя, в бозе почивающего государя императора Павла I. К спокойствию всего моего несчастного семейства и ближайших родственников моих, оставших[ся] от убийства варварского народа, по высочайшему твоему повелению выведены мною под покров твой в Россию и поселены обще собою в Херсонской губернии, Тираспольском уезде, при урочище состоящем, в Балайчуке, славяно-сербском селении Никшич ².

Великий государь, неограниченные для меня и всего ныне бедствующего в недостатке моего семейства благотворительные твоей милости, невзирая, что по малости селения моего хозяйство еще неисправно и чувствуемый в разных по оному нужностях к пропитанию жены, детей и матери недостаток, и на то, что другие мои дела требуют личного моего в Санкт-Петербурге моего бытия, единственно толко по теперешнему военному времени желая и еще теперь оказать усерднейшие против неприятеля мои заслуги яко ревнитель до последней крови капли за веру и отечество вашего императорского величества, осмеливаюсь, верноподданнейший твой, просить высочайше повелеть меня с родным моим братом капитаном, яко всегда сотрудником моим, и находящихся моих родственников на жительстве со мною в одной слободе, чиновников, имевших пожалованные золотые и серебряные медали, равно и неслужащих дворян, да и многих сербов всемилостивейше повелеть о принятии [в службу], кои, изъясняя свое усердие, продолжать обще вашему императорскому величеству

во оную, и отпущением на исправление мне и им денег, сколько высочайше назначить соизволите, и определить в армию под главное начальство генерала от кавалерии Мехилсона в передовой корпус пардиданым *. Имея счастье с благоговением на всю мою жизнь быть вашего императорского величества, всемилостивейшего государя верноподданнейший сербской сердар

Мина Никшич

ГАОО, ф. 1, оп. 218, д. 1, л. 322 и об. Автограф.

¹ Речь идет о русско-турецкой войне 1787—1792 гг., когда в ответ на обращение Екатерины II с манифестом от 17 февраля 1788 г. сербский народ выступил на стороне России. После заключения Ясского мира (3 января 1792 г.) многие сербы, проживавшие в Герцеговинских областях, пограничных с Черногорией, которая участвовала в войне (их дома были сожжены), решили переселиться в Россию. В 1794 г. в качестве делегата от народа был направлен в Петербург сердар Мина Лазаревич Никшич, чтобы добиться решения вопроса о переселении. Поскольку этот вопрос не был решен, то в 1796 г. Мина Никшич был вторично направлен в Россию с ходатайством о переселении 200 человек и пожаловании им земель. Депутат был принят Павлом I. Именно тогда ему была пожалована золотая медаль и вручена грамота от 30 апреля 1798 г., в которой указывалось, что вопрос о переселении будет решен положительно (ЦГВИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 196, 1803—1805 гг., л. 17—22). Подробнее об этом см.: Прошение сердара Мины Никшича от 30 января 1803 г. — В кн.: Казивање старих Требјешана. Никшић, 1973, с. XXXIII—LV; Морозов П. О. Черногорские переселенцы в России, 1803—1838. — В кн.: Исторические материалы из архива министерства государственных имуществ. СПб., 1891, вып. 1, с. 58—72.

² В январе 1803 г. сердар Мина Никшич в третий раз обратился к русскому правительству с просьбой о переселении 15 (на этот раз) семейств и пожаловании им земли. Как следует из публикуемого документа, Александр I дал согласие на переселение. Кроме того, был решен вопрос о переселении славян и предоставлении им льгот: наделении землей, предоставлении пособия в размере 20 червонных на издержки в пути и денежной ссуды на водворение (ЦГВИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 196, 1803—1805 гг., 35 и об).

В 1804 г. вместе с М. Никшичем в Россию прибыло 22 семьи. Им было выделено по 20 червонных на дорожные расходы и, кроме того, 500 червонных за проезд судовщику. Переселенцам был отведен участок из 12 тыс. десятин, удобных к возделыванию, и 800 десятин неудобных. Каждой семье (за ними было признано право дворянства) были выделены по 150 десятин и ссуда на хозяйственное обзаведение (эти семьи получили 3 300 десятин). Сердар М. Никшич, семья которого состояла из 14 человек, получил 500 десятин и ссуду в 1 тыс. рублей (ЦГВИА СССР, ф. 383; оп. 29, д. 196, л. 80—83; Казивање старих Требјешана).

№ 118

Письмо секретаря Правительствующего совета сербского Б. Груйовича А. Я. Италинскому с изложением обращений сербов к султану и константинопольскому патриарху и о бытиях внутренней жизни Сербии

2 января 1806 г. Смедерево

Ваше высококородие, милостивый государь! С последним нашим на Вас писанием от 30 ноября с. г. ¹ прислали мы и прочие сербского народа письма за Константинополь ² и за Петербург. Все сии письма мы чрез г. консула букорестского на Вас отправили и покорно просим известити нам, прияли ли Вы таковые и отслали ли куда надлежало? А теперь чрез сию оказию честь имею Вам известити, что мы на патриаршее писание от 1 октября [1]805 г. ³ ответ теперь на греческом диалекте чрез его светлость князя Валахии Ипсиланти посылаем. Ответ сей сочинили наши епископы белградские и ужиский с подписанием князов сербских по их упутствованию. Существо сего ответа есть, что мы, серби, есмы и всегда быти желаем верные подданныцы его величества султана. Чтоб он единого цар-

* Так в тексте.

ского человека (муасила) к нам послал, который бы без воинства между нами был и которому мы всю положенную дань отдавать будем, кою потом он в Константинополь отсылал бы ⁴. Ответ сей писан есть под 30 декабря [1]805 г. ⁵ и посылается теперь в Букорест. Еще единое писание общенародное всех сербских воевод и старейшин послали мы чрез Болгарию на его величества султана под 24 декабря [1]805 г. ⁶; и то на взыскание Саши-паши лесковачкого, который нам писал, да его величество султан своего человека к нему послал есть с тем наложением, да Саши-паша изъяснение от сербов взизчет, что наше намерение есть и хотим ли рая, сиречь подданицы его величества султана пребыти? И согласуемся ли мы всяку султанову заповесь покорнейше исполняти? И на сии вопросы под горепомянутым датумом 24 дек[абря] [1]805 г. ответствовали мы всенародне на простом сербском диалекте, что мы и были всегда и есмы и желаем навсегда верна рая его величества быти, и что мы едино желаем противу зулума и насилия законопреступников царских защищени навсегда и сохранени быти, и что мы на сей только конец и депутирцы наша с всепокорнейшим арзимазаром нашим к его величеству послали без всякого иного побочного намерения, и чтоб прямо уверити преизящную Порту о нашем истинном подданничестве. Придали мы и сие, дабы его величество султан к нам единого своего человека послал (оба же без воинства, потому что в теперичном нашем мятежном состоянии и в страхе никоему воинству веровати не можем), который бы с несколько служителей своих между нами муасиль был и который бы нам и прощенный чрез депутирцы наша ферман принесл и верный помежду нами свидетель был, как точно мы всякую царскую заповесь исполняем, и коему мы вручали бы дань, царю принадлежащую. К сему придали мы и сие, да мы чтоб и делом засвидетельствовати истинную верность нашу на высочайшую султанову заповесь, всегда готови будем в Европе на неприятели его величества по силах наших воевати, только не противу Российской державы, нам единойверной.

Писание сие мы отправили к Саши-паше с молением таковое без задержания в Константинополь отправить.

И что до внутренних сербских дел касается, вкратце Вам ведомо творю, что серби тепер занимаются мерами, которые нужны суть к сохранению безопасности нашего противу Босни и прочих околных местах, в которых тайно турки собиратися начали противу нас; а притом все силы употребляют во ежебы единою освободитися от разбойничеств гушанцалиских и его злодеющих нам и цесарской стороны опаснейших крчалиях, и сице бы что скорее Белград избавити, которого обсаждение сам Черни-Георгий водит. Новоустановленному Совету народному иже в Смедерове ⁷ ведение всех народных дел с совершенною властью предано есть. Для того, что от коея-нибудь страны сербам писати либо послати что нужно есть заблагорассудитя, все то в тайный сей Совет народный управляти надобно, а не другим.

В прочем высокую честь имею мене Вашей благосклонности вручити с прошением всенижайшее страхопочитание мое высочайшему месту изложити. Иже и в полном благонадеждии, и в отменном высокопочитании честь имею быти вашего высококородия, милостивый государь, покорнейший слуга

Божидар Груевич (Ф) *, сербского Совета народного тайный секретарь

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1806 г., д. 1671, л. 29—31 об. Копия. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 312; Он же. Судови и њихово уређење за време устанка од 1804—1813. — Полицијски гласник, Београд, 1905, 1, с. 278.

* Филипович.

¹ Имеется в виду письмо Правительствующего совета сербского, направленное И. Ф. Болкунову 30 ноября 1805 г., в котором говорится о недостатке у повстанцев пушек, обмундирования и денежных средств (см.: *Вукићевић М. Карађорђе*, кн. 2, с. 303—304).

² Речь идет о прошении сербских повстанцев от 30 сентября 1805 г. султану Селиму III, в котором говорится, что борьба повстанцев направлена против не послушных правительству войск и насильников и что их основной целью является то, чтобы мир и безопасность были гарантированы ферманом султана (см.: *Вукићевић М. Карађорђе*, кн. 2, с. 293, 305—307).

³ Текст письма константинопольского патриарха не обнаружен.

⁴ Вероятно, имеется в виду письмо повстанческих старейшин, направленное султану из Остружницы 12 января 1806 г. (см.: *Списи. . .*, кн. III, с. 8—13; *Први српски устанак. . .*, кн. 1, с. 149—152).

⁵ Текст этого письма не обнаружен.

⁶ Текст этого письма не обнаружен.

⁷ Правительствующий совет сербский создан в августе 1805 г. на скупщине повстанцев в Борке. В первое время он заседал в монастыре Волявча, а затем в монастыре Боговажда. Позднее совет был перемещен в г. Смедерево, а затем в Белград. Идею создания совета как верховного органа власти в Сербии принесли с собой по возвращении из России протоиерей Матия Ненадович и Божидар Груйович. Первый стал его председателем, а второй — секретарем. После смерти Б. Груйовича и ухода с этого поста М. Ненадовича во главе Правительствующего совета сербского стали один из богатейших торговцев Сербии воевода Младен Милованович и его группа.

Цель создания Правительствующего совета сербского заключалась в ограничении власти Карагеоргия и наиболее влиятельных воевод, организации суда и местной власти, взимании пошлины за провоз и палого, проведении переписи населения, решении земельных и торговых споров с соседями Сербии и ведении внешнеполитических дел. Несмотря на то, что Правительствующий совет сербский был составлен из представителей всех 12 нахий, он не только не добился полной независимости от Карагеоргия и воевод, но и сам стал ареной их междоусобной борьбы, которая достигла кульминации в 1811 г., когда произошла реорганизация Правительствующего совета сербского, преобразованного в Великий суд и Попечительство. О Правительствующем совете сербском см.: *Ненадовић М. Мемоари; Караџић В. С. Грађа за српску историју нашега времена. . .*; *Скупљени историјски и етнографски списи*. Београд, 1898, кн. 1, с. 61—109; *Арсенијевић-Баталака Л. Историја српског устанка*, с. 172—192; *Новаковић С. Васкрс државе српске*. Београд: Просвета, 1954, с. 144—155; *Јанковић Д. Правителствујушчи Совјет*. — *Историјски гласник*, Београд, 1954, кн. 1—2.

№ 119

*Нота австрийского поверенного в делах в Петербурге Агилара
А. А. Чарторыйскому об отказе Австрии поставлять серб-
ским войскам оружие и боеприпасы*

4 (16) января 1806 г.

Le soussigné chargé d'affaires de s. m. i. et r. a l'honneur de transmettre ci-jointe à s. ex. M. le prince de Czartoryski une lettre adressée à s. m. i. de toutes les Russies, apportée à Semlin par un député des Serviens¹. Les habitants de ce pays s'étant adressés en même temps à la cour de Vienne pour implorer sa protection et écrit à Monseigneur l'archiduc palatin de Hongrie, pour demander des munitions et des armes², il leur a été répondu que s. m. l'empereur désire vivement voir la fin des troubles qui inquiètent ses propres frontières, et qu'elle sera toujours empressée d'y contribuer par ses bons offices pour autant que cela pourra avoir lieu à la satisfaction réciproque³, mais qu'il serait incompatible avec les relations d'amitié, subsistantes entre l'Autriche et la Porte, de fournir des armes ou des munitions à des troupes prêtes à combattre celles du grand seigneur, et qu'on s'ôterait par là tout moyen de leur être utile dans la suite.

En communiquant par ordre de sa cour au ministère impérial de toutes les Russies le contenu de cette réponse, le soussigné a l'honneur de profiter de cette occasion pour réitérer à s. ex. M. le prince de Czartoryski les assurances de sa haute et très respectueuse considération.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1806 г., д. 50, л. 37 и об. Копия.

Перевод

Нижеподписавшийся поверенный в делах его величества императора и короли имеет честь передать его сиятельству князю Чарторыйскому приложенное к сему письмо, обращенное к его величеству императору всероссийскому и доставленное в Земли сербским депутатом.¹ Жители этой страны обратились одновременно к венскому двору, дабы воззвать к его покровительству, и написали его светлости эрцгерцогу палатину венгерскому с просьбой о боеприпасах и оружии.² Им был дан ответ, что его величество император горячо желает видеть окончание волнений, которые беспокоят его собственные границы, и что он всегда будет стремиться содействовать этому своими добрыми услугами с тем, чтобы это могло привести к взаимному удовлетворению.³ Но было бы несовместимым с дружественными отношениями, существующими между Австрией и Портой, поставлять оружие или боеприпасы войскам, готовым сражаться против войск султана *, и тем лишить себя возможности быть впоследствии им полезным.

Передавая по повелению своего двора императорскому всероссийскому правительству содержание сего ответа, нижеподписавшийся имеет честь воспользоваться случаем, дабы вновь выразить его сиятельству князю Чарторыйскому уверенность в своем почтении и уважении.

¹ См.: *док. № 30; Ненадовић М.* Мемоари, с. 203; *Гаевилович С.* Војводина и Србија. . . , с. 45.

² Содержание просьбы, изложенной в письме, соответствует пунктам прошения сербских повстанцев австрийскому императору Францу I от 12 (24) января 1806 г. (См.: *Списи. . .*, кн. III, с. 16—19).

³ *Вукићевић М.* Карађорђе, кн. 1, с. 305—316; *Ђорђевић М.* Ослободилачки рат. . . , 135.

№ 120

Доклад А. А. Чарторыйского Александру I о мерах по оказанию помощи сербам и предотвращению французского проникновения в Сербию

11 января 1806 г.

Донесения генерального консула Болкунова, равно и все прочие сведения, доходящие сюда из Сербии, Боснии и окрестных областей, все согласны в том, что Оттоманская Порта, раздраженная последнею победою, сербами над турецким войском одержанною, собирает вновь нарочитые силы, дабы с наступления весны паки напасть на сербов, не скрывая притом, что она хочет вовсе истребить их племя.

Начальники народа сербского, столь же славного храбростию своею, сколь и достойного особого внимания по единоверию и всегдашней приверженности к империи Российской, подносимым у сего письмом на высочайшее вашего императорского величества имя молят о заступлении Вашем в пользу их у его султана величества, лаская себя надеждою, что таковой всемилостивейший подвиг со стороны вашего величества соделается всеконечно их спасением¹.

Представляя о сем, осмеливаюсь изложить мнение мое о важности сего события в настоящих обстоятельствах, равно и о приличнейших мерах, дабы не только последствия его не обратились во вред империи Россий-

* В оригинале: «grand seigneur».

ской, но дабы даже извлечь из одного в предстоящих и возможных случаях величайшую для нее пользу.

Достаточно известно, что народ сербский, угнетенный правительством турецким, нашел себя в необходимости низвергнуть с себя иго, соделавшееся наконец несносным. Прогнав чиновников, от Порты постановленных, сербы объявили, что таковых уже у себя не примут; но в самое то время не преставали они представлять Порте со всевозможною покорностию, что они отнюдь не имеют намерения соделаться от нее независимыми и что всегда пребудут верными ее подданными, нося все обязанности, с сим званием сопряженные, лишь бы позволено им было управлять самим собою. Порта, не зная прямой своей пользы, всегда в том отказывала, и наконец уже как сербы, защищая себя, одержали знаменитую победу над пашою нисским, командовавшим турецкими войсками, Оттоманская Порта решилась разорить всю Сербию посредством меча и огня.

Устрашенный неизбежною сею опасностию, народ сербский, припадая к стопам вашего императорского величества, обратился также к императору римскому с просьбою о заступлении в Константинополе и от его величества, также и о снабжении армии сербской некоторым числом военных припасов. Венский двор, обнадежа сербов в исполнении первой части их просьбы, отказал в последней, и так они, кроме надежды на бога, на храбрость свою и на великодушие вашего императорского величества, не имеют иного средства ко спасению.

Из сего явствует, что если надеяние их на помощь вашего императорского величества останется тщетным, то сербы будут или разорены до основания турками, или же, убежденные крайностию и видя французов в близости, они предадут себя их покровительству, и нет сомнения, что французское правительство поспешит воспользоваться сим случаем, дабы увеличить свое влияние в делах турецких и привести в действо виды свои на счет Оттоманской империи.

Весьма ясно, что то и другое из сих событий будет совершенно противно пользе империи Российской, тем паче что и другие единоверные тамошнего края народы, как-то: черногорцы, бердяне, герцоговиняне и прочие, кои по сие время почитали себя отчасти под непосредственным покровительством вашего императорского величества, видя равнодушие, с коим высочайший двор поступает в рассуждении сербов, последую их же примеру, будут искать подпоры со стороны французов.

Во отвращение таковых последствий долгом почитаю представить вашему императорскому величеству о необходимости принять следующие меры.

1. Полученное на высочайшее имя прошение от народа сербского отпрать в Константинополь к посланнику Италинскому *, предписав ему сообщить оное Порте в подлиннике и употребить всевозможное старание, дабы преклонить министерство турецкое к отмене военных против сербов приуготовлений, к доставлению им должной справедливости и к принятию во уважение представлений их касательно будущего области их управления. В сем случае г. Италинский, конечно, с успехом употребить может вышеупомянутое внушение о вероятности, что сербы прибегнут к покровительству Франции, если они доведены будут до крайности.

2. Между тем, по неизвестности, какой будет иметь успех сей подвиг, нужно необходимо поставить сербов в состояние на первый случай противоборствовать турецким войскам, кои на них нападут. Для сего отпрать к ним немедленно 10 тыс. червонных чрез посредство ген[ерального]

* На полях помета: Исполнено 3 февр[аля] 1806 г.²

конс[ула] Болкунова *, и коль скоро объяснится расположение Австрии в последствии Пресбургского мира, отнестись к венскому двору об отпуске сербам по возможности нужного им количества военных припасов. По-видимому, означенный двор твердо намерен сохранить дружеские свои связи с Россиею, в таком случае не подлежит сомнению, что сколь скоро он ведасть будет в подробности о причинах, побуждающих нас к таковому требованию, он согласится на оное.

3. Ген[еральному] конс[улу] Болкунову предписать, чтобы известным ему и наисекретнейшим образом уведомил он начальников сербских о принятых высочайшим двором в пользу их мерах **, советовал бы им защищать себя с признанною храбростию противу турков, стараясь наиболее овладеть Белградом, не упуская притом уверять Порту в готовности своей вступить паки в ее подданство, коль скоро она согласится на справедливые их требования; и, наконец, чтобы он отвращал их от всякого сношения с французами. В таковом же смысле отнестись и к воложскому господарю, который по признанной преданности к высочайшему двору охотно будет делать таковыя же сербам внушения.

Споспешествовав таким образом к спасению сербов, вашему императорскому величеству и на будущие времена можно будет считать на их приверженность к России и на содействие их купно с оною, коль скоро обстоятельства того потребуют. Равным же образом и другие единоверные народы, о коих вышеупомянуто, всеконечно пребудут России верны и преданы.

Предавая мнение сие на все милостивейшее вашего императорского величества рассмотрение, буду ожидать высочайшего вашего разрешения.

Кн. Адам Чарторыйский

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7892, л. 428—433 об. Подлинник.

¹ См. док. № 110 ² См. док. № 125, 126 ³ См. док. № 129 ⁴ См. док. № 129

№ 121

*«Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями
о взятии сербскими войсками Белграда и Борицы*

15 января 1806 г.

2 генваря проехал чрез Букорест в Константинополь г. Ру, секретарь тамошней французской миссии, и некто Дюваль, первый с депешами, а последний по собственной надобности. Они преподали господарю Ипсилантию известие о заключении между Австриею и Франциею мира.

Приезжие из Сербии уверяют, что Черни-Георгий занял форштаты Белграда, что жители и гарнизон согласны уже были сдать ему крепость; но Кусанчали-Халиль, успев захватить на р. Саве цесарские судны с хлебом, привел себя в состояние держаться еще против осаждающих, которые, несмотря на угрожения со всех сторон турецких войск, сильно стесняют оного.

Пазвант-оглу, истощив все средства, к успокоению болгар в Видинском округе, примечал наконец Терсеникли-оглу, что для предупреждения могущего воспоследовать соединения всех христиан за Дунаем с воюющими сербами нужно, чтоб он согласно с ним действовал и на оных,

* На полях помета: Исполнено 18 февраля 1806 г.³

** На полях помета: Исполнено 18 февр[аля] 1806 г.⁴

но Терсеникли-оглу отвергнул сие предложение, отзываясь, что ему приказано послать войска только против сербов, а не трогать болгар.

Турки из Журжи и Руцука, которые по обыкновению выдают вперед деньги валахским жителям для закупки здешних продуктов, истребовали назад розданные суммы будто из осторожности, чтоб настоящие в Цесарии замешательства не коснулись и до сей провинции. Сам Терсеникли-оглу старается всячески набогатеться, поручив ныне купцам искупить на его счет в Валахии до 5 тыс. быков, чем делает немалый подрыв для капалчиев Порты.

Возвратившийся 6-го числа из Орсовы известный боярин волоцкого господаря подтвердил, что кроме белградской крепости сербы блокируют так же и Ниссу. Черни-Георгий принужден был взыскать генеральные подати с жителей, а именно 600 мешков на заплату полученной из Цесарии амуниции, а 700 мешков же для отсылки к султану в уплату трибута, принадлежащего от сербского народа.

8-го получено известие, что Черни-Георгий точно занял Белград.

15-го Реджеб-ага орсовский известил господаря, что корпус до 30 тыс. человек сербов занял крепостцу Борицу возле Орсовы и что Реджеб-ага, предвидя опасность быть атакованным в своем месте, просит помощи войсками и деньгами.

На днях получено известие, что за несколько пред сим отправленный из Царьграда здешней австрийской агенции сержант на пути близ Силлирии убит разбойниками и что бывший с ним провожатый турок, раненный, возвратился в столицу с пакетами, в чемодане сохранными, которые присланы сюда уже с другим курьером.

Верно. Генерал от кавалерии барон Меендорф

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1878, л. 2—3. Заверенная копия. Опубл.: Божишич В. Разбор. . . , с. 64—66.

№ 122

Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о свидании с сербским курьером и соблюдении всемерной осторожности в связях с сербами

№ 174

22 января 1806 г. Букурест
Секретно

Милостивый государь Ипполит Федорович! За отправлением к вашему высокородию последнего моего секретного донесения имел я с позволения господаря Ипсилантия свидание с сербином Николаем Дико, доставившим сюда пакет из Семендрии, полученный Вами и отправленный мною с нарочным в Царьград; причем хотел было преподать сему конфиденту словесно Ваше поручение к президенту Сербского совета г. Матею Ненадовичу. Но как он уведомил меня, что ему именно приказано возвращаться туда с ответом из Царьграда, либо России, а без того отлучиться отсюда не может, то потому, а равно и что сей человек не умеет писать, а я не смею ничего письменно поверять цесарской почте к Землину, наконец, лучшим ожидать способной оказии.

Господарь получил на днях от сербских народов с нарочным ответ на патриаршеское письмо, Стефаном Живковичем доставленное к ним из Царьграда в прошлом году¹, которое, переведя на турецкий диалект, отправил в столицу. В том пакете нашлось письмо под кувертом Николая Дико на Ваше имя, которое поручено мне от господаря для отправления и которое при сем препровождается.

Господарь рассуждает необходимым употребление всевозможной осторожности, чтоб ни он, ни мы не могли компрометироваться в ничем; для чего его светлость советует удерживаться от всякого свидания с находящимися здесь двумя сербскими нарочными, а только обещался позволить мне повидаться с последним, когда он будет отправляться отсюда обратно, и тогда намерен я пересказать ему словесно Ваше примечание касательно дела сербского.

Честь имею пребыть с истинным высокопочитанием и искреннейшею преданностию, милостивый государь, вашего высокородия всепокорнейший слуга

Лука Кирико

P. S. Господарь послал ко мне вчера ввечеру упоминаемого последнего нарочного сербского Георгия Росеть, которому я словесно пересказал ваше поручение; а сего дня отправляется он на почтовых обратно в Семендрию. Другой же нарочный, Николай Дико, остается здесь.

Помета: Получено 31-го. Ответ 7 февраля.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 12 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 118.

№ 123

Письмо П. Новаковича А. А. Чарторыйскому с просьбой обеспечить безопасный проезд его в Сербию через австрийские владения

29 января 1806 г. С.-Петербург

Ваше сиятельство! Испытав в самом деле толь милостивое снисхождение вашего сиятельства и великодушное благорасположение и к сербскому народу, и ко мне лично, я осмеливаюсь ныне еще раз прибегнуть к Вам, милостивейший государь, и испросить себе величайшего для меня благодеяния Вашего. Вступив в австрийскую службу на известном условии в пользу сербского народа, приступал я несколько раз к пресветлейшему престолу австрийскому с моею всепокорнейшею просбою всемилостивейше соблаговолить исполнить монаршее обещание. Двор австрийский не рассудил за благо оное еще исполнить тогда, и мне воспоследовал отказ на таковое мое прошение¹. Между тем, случилось восстание сербов и, запылая всегда тою же любовью к своему роду, оставил в Австрии все свои личные выгоды и перешел в отечество, желая ему служить и пролить за оное свою кровь. Народу было угодно возложить на меня мое нынешнее звание, в котором я имею счастье столько хвалиться Вашим многомилостивым снисхождением. Я слышал, что австрийцы искали меня потом на нашей границе; из сего я заключаю, что, может быть, почивает ныне на мне негодование австрийского двора, и в сем предлагаемом случае для меня мог бы быть опасным мой проезд чрез австрийское владение в отечество. Чтоб удостоверить ваше сиятельство в моей чес[t]ности и невинности пред престолом австрийским, я осмеливаюсь упрашивать Вас, милостивейший государь, возвести милостивый взор свой на бумаги, приложенные здесь. В предполагаемом случае одно могущественное слово Ваше отвратит от меня всякую опасность, и ваше сиятельство таким своим покровом возвеличите все прочие ваши благодеяния и утвердите навсегда счастье человека, душевно преданного Вам и величественной России, возлагающего все свое и сербского народа беспредельное упова-

ние на Ваше великодушие и неисповедимые щедроты всепресветлейшего престола российского и пребывающего с неизглаженным чувством вечной благодарности, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейшим и всепреданейшим слугою

Петар Новакович

АВПР, ф. ГА I-8, 1804 г., д. 2, п. 3, л. 6—7. Подлинник.

¹ В источниках об этом нет свидетельств и имеется лишь упоминание, что П. Новакович служил в австрийском войске, в чине ритмайстера (см.: *Немадович К. Н.* Живот и дела великог Ђорђа Петровића Карађорђа и његових војвода и јунака. Београд, 1903, књ. 2, с. 43).

№ 124

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о подготовке турецких войск к выступлению в Ниш и о просьбе сербов вручить арз-махзар турецкому правительству

№ 98

2 (14) февраля 1806 г. Пера

Monseigneur! La Porte qui avait quelque inquiétude sur les dispositions du roumeli valissy de se porter à Nissa, avec l'armée que lui a été prescrit de rassembler, a reçu l'avis que ce pacha se conformerait à ses ordres.

La réduction des Serviens est toujours une partie essentielle de la destination de ce pacha, pour le camp duquel la Porte poursuit ses préparatifs en hommes, en vivres et en munitions.

Quelques détachements des troupes régulières casernées près cette capitale, deux pièces d'artillerie volante et une centaine de canonniers ont été récemment commandés pour marcher.

Ils peuvent être destinés pour le camp du roumeli valissy, mais la probabilité que Deli Cadir, un des brigands qui s'était approché l'année passée des environs de cette capitale, va de nouveaux reparaitre sur la scène, peut avoir déterminé cette mesure de la Porte.

Quant aux renseignements positifs sur les préparatifs de la Porte du côté de Nissa et dans ses contrées, le prince Ypsilanty est à portée et est en état de se les procurer, et je ne doute pas de son empressement et de son exactitude à les communiquer à v. ex.

Le consul général Bolkounoff aura déjà informé v. ex. que les Serviens se sont adressé à cet hospodar, pour lui faire parvenir un paquet qui en contenait un pour moi de la part des chefs de ce peuple.

Le consul Bolkounoff m'a en effet transmis ce recours des Serviens. Ils désirent que je remette à la Porte un arz-mahzar qu'ils ont annexé à leur lettre pour moi.

J'ai cru nécessaire de différer cette démarche jusqu'à la réception du courrier de Petersbourg attendu journellement, dans l'espoir de recevoir de v. ex. quelques dépêches relatives aux Serviens et d'après lesquelles il me serait possible de diriger ma conduite dans la conjoncture actuelle, et si je dois ou non renouveler mes insinuations en faveur de ce peuple.

Mais je ne saurais dissimuler que la Porte persistera à ne vouloir pas d'intercession étrangère en faveur des Serviens.

Quoique les forces qui seront dirigées contre eux paraissent devoir être très considérables, cependant, il est permis, je crois, de conserver l'espoir qu'elles se briseront contre la résistance d'un peuple brave et poussé au désespoir, et en état, à ce que l'on assure, de braver les bandes indisciplinées des Turcs.

Je terminerai cette dépêche par informer v. ex., qu'un des officiers de Tayar pacha, réfugiés en Crimée et passés ensuite à Bender, s'est rendu de lui-même en cette capitale. Il s'était flatté d'intéresser la Porte en sa faveur, en représentant que c'est à ses mesures qu'elle devait attribuer la dispersion de l'armée de Tayar pacha et la fuite de ce gouverneur.

La Porte l'a puni de mort, et elle réserve le même sort à l'autre officier resté à Bender.

La division, qui avait éclatée entre le grand vesir et le kehaya bey, est en apparence calmée: le sultan ayant fait connaître à ces personnages sa volonté qu'ils eussent à vivre en bonne intelligence.

Youssouf aga continue à vouloir rester dans la nullité. Il a refusé de dire son opinion au sujet de l'affaire de la reconnaissance *.

Une frégate a été expédiée ces jours-ci sur les côtes d'Europe de la mer Noire. Elle doit concourir à la répression de quelques troubles survenus à Bourgas, bourg de ce littoral.

Les deux corvettes qui devaient hiverner à Sinope sont rentrées en ce port ces jours-ci.

Le consul Kogniuschenko m'a prévenu par un rapport qu'il allait se mettre en route pour Trébizonde. Le gouvernement de cette partie a été donné à Horchid pacha, gouverneur d'Alexandrie. Celui-ci était arrivé à Smirne et se proposait d'en partir incessamment pour se rendre à son poste.

Les travaux pour l'équipement de la flotte ont commencé. Elle sera aussi nombreuse que celle qui a mis en mer l'année passée.

Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

Помета: Получено 10 марта.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2257, л. 93—96. Подлинник.

Перевод

Ваше сиятельство! Порта, испытывавшая некоторое беспокойство в отношении намерений румели-валиси двигаться на Ниссу с армией, которую ему было предписано собрать, получила извещение, что паша подчинится ее приказам.

Подавление сербов все еще составляет существенную часть предписаний для этого паши, для его лагеря Порта продолжает свои приготовления в отношении людей, продовольствия и боеприпасов.

Несколько отрядов регулярных войск, размещенных в казармах вблизи столицы, два летучих отряда артиллерии и сотня капониров получили недавно приказ выступить в поход.

Они, возможно, были предназначены для лагеря румели-валиси, но вероятность того, что Дели Кадир, один из разбойников, приближавшихся в прошлом году к окрестностям столицы, вновь появится на сцене, стала причиной принятия Портой этой меры.

Что касается достоверных сведений о приготовлении Порты со стороны Ниссы и ее окрестностей, то князь Ипсиланти имеет к ним доступ и в состоянии их добыть, и я не сомневаюсь в его усердии и готовности сообщить их вашему сиятельству.

Генеральный консул Болкунов должен был бы уже сообщить вашему сиятельству, что сербы обратились к господарю, чтобы передать ему пачку бумаг, среди которых был и пакет для меня от вождей этого народа.

Консул Болкунов действительно переслал мне это обращение сербов. Они хотят, чтобы я вручил Порте арз-махзар, который они приложили к адресованному мне письму.

Я счел необходимым повременить с этим демаршем до получения ожидавшей со дня на день петербургской почты в надежде получить от вашего высокопревосходительства депеши, касающиеся сербов, согласно которым я мог бы выработать свою линию поведения в нынешней обстановке и решить, должен ли я возобновить мои внушения в пользу этого народа.

* Имеется в виду признание императорского титула Бонапарта.

Но я не стану скрывать, что Порта будет упорствовать в своем нежелании допустить постороннее вмешательство в пользу сербов.

Хотя силы, которые будут направлены против них, кажутся весьма значительными, однако можно надеяться, что они разобьются о сопротивление смелого, доведенного до отчаяния народа, который, как уверяют, способен противостоять недисциплинированным бандам турок.

Я закончу эту депешу тем, что сообщу вашему высокопревосходительству, что один из офицеров Тайяр-паши, укrywшихся в Крыму, а затем перебравшихся в Бендеры, по своей воле сдался здесь, в столице. Он рассчитывал склонить Порту в свою пользу, представляя дело так, будто его усилиям Порта должна приписать разгон армии Тайяр-паши и бегство этого правителя.

Порта вынесла ему смертный приговор и она уготовила ту же участь другому офицеру, оставшемуся в Бендерах.

Разногласия, вспыхнувшие между великим визирем и кяхья-беем, по-видимому, уладились, тем более, что султан дал понять этим лицам, что он желает, чтобы они жили в добром согласии.

Юсуф-ага по-прежнему предпочитает оставаться в бездействии. Он отказался высказать свое мнение по поводу признания.

В эти дни к европейским берегам Черного моря послан фрегат. Он должен помочь подавить волнения, возникшие в Бургасе — городе на этом побережье.

Два корвета, которые должны были зимовать в Синопе, на днях вошли в этот порт. Консул Конюшенко предупредил меня рапортом, что собирается выехать в Трапезунд. Управление этой части страны отдано Хоршид-паше, губернатору Александрии. Он прибыл в Смирну и со дня на день намеревается выехать оттуда к месту службы.

Работы по снаряжению флота начались. Он будет столь же многочисленным, как тот, что был спущен на море в прошлом году.

Имею честь быть, ваше сиятельство, вашего высокопревосходительства низжайший и покорнейший слуга

А. Итальянский

№ 125

Предписание А. А. Чарторыйского А. Я. Итальянскому о необходимости настаивать перед Портой на удовлетворении требований сербов

№ 4

3 февраля 1806 г.

Monsieur! La dépêche que je vous adresse aujourd'hui avec la lettre des Serviens à s. m. l'empereur¹, a été rédigée de façon que vous puissiez la communiquer au ministère ottoman *in extenso*; ce qui toutefois ne vous ôte pas la faculté de donner telle autre forme à l'office dont vous êtes chargé.

Vous remarquerez que le caractère prédominant de la lettre en question est la crainte. Si vous avez lieu de croire que le ministère ottoman, en faisant cette observation, pourrait devenir moins disposé à suivre les conseils de la cour impériale, vous observerez que c'est tout autant le désir de se soumettre à leur légitime souverain que le danger dont ils sont menacés, qui a porté les Serviens à s'adresser à s. m. l'empereur, et que si la Porte veut se rappeler la manière dont ils ont déjà précédemment réclamé sa justice en implorant leur pardon, elle se convaincra aisément que ce n'est pas la crainte seule qui les fait agir dans ce moment. D'ailleurs, toute combinaison que la Porte ferait sur cette base, peut bien être fautive, vu que la lettre a été expédiée avant le traité de Presbourg et de la prise de possession de la Dalmatie par les Français².

Il est possible que la Porte voudra adopter un terme moyen, en promettant aux Serviens leur pardon à condition qu'ils se laisseraient gouverner comme par le passé³. Dans ce cas vous aurez soin de faire entendre, que d'après leurs dispositions connues et suffisamment motivées par tout ce qu'ils ont souffert des administrateurs turcs, ils se laisseront plutôt aller aux dernières extrémités, que de consentir au rétablissement de l'ancien régime.

Si vous parvenez à faire comprendre à la Porte quels sont ses véritables intérêts, elle n'hésitera pas sans doute à suivre nos conseils. Dans ce cas il faudrait tâcher de faire établir chez les Serviens un gouvernement à peu près dans le genre de celui des principautés de Moldavie et de Valachie, comme il en a déjà été question dans le temps; avec la différence toutefois que le chef de la nation ne serait point un prince grec du Fanar, mais un indigène; et si le ministère ottoman manifestait quelque doute sur l'exactitude avec laquelle les Serviens rempliraient leurs engagements et surtout l'obligation de payer les impôts, auxquels ils seront soumis, et à fournir leur contingent en troupes, vous pourrez insinuer comme de vous-même, que la cour impériale ne serait pas éloignée de garantir le nouvel ordre des choses, si la Porte accordait aux Serviens un hatticherif ou autre acte qui constaterait leurs privilèges.

A la même époque où les Serviens envoyèrent leur supplique à notre auguste souverain, ils en ont fait parvenir une à peu près pareille à l'empereur des Romains. Vous verrez par la copie ci-jointe d'une note du chargé d'affaires d'Aguilar ⁴, quelle a été la résolution prise dans cette occasion par s. m. i. et r. Vous voudrez bien prendre des informations exactes sur les démarches que l'internonce peut avoir faites à cette occasion, et si vous jugiez sa coopération de quelque poids, vous pourrez vous concerter avec lui, quoique du reste il serait préférable que cette affaire puisse s'arranger par notre intervention exclusivement.

Vous ayant ainsi communiqué tout ce qui de ma connaissance est relatif à l'objet en question, j'abandonne le reste à vos lumières et à votre discernement, et je suis persuadé que vous ne négligerez rien pour remplir autant que possible les intentions de s. m. i.

J'ai l'honneur d'être avec une considération distinguée, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

le p[rin]ce A. Czartoryski

Помета: Получ[ено] 15 марта 1806 г.
АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1806 г., д. 50, л. 35—36 об. Подлинник.

Перевод

Милостивый государь! Денеша, которую я сегодня посылаю Вам с письмом сербов к его величеству императору ¹, составлена так, чтобы Вы могли *подробно* сообщить о ней оттоманскому министерству, что в любом случае не лишает Вас возможности придать любую форму поручению, которое возлагается на Вас.

Вы заметите, что преобладающим настроением упомянутого письма является страх. Если у Вас будет основание полагать, что, придя к такому заключению, оттоманское правительство будет менее склонно следовать советам императорского двора, Вы обратите его внимание на то, что желание подчиниться законному государю в той же мере, сколь и опасность, угрожавшая им, побудили сербов обратиться к его величеству императору, и если Порты соизволит вспомнить, как ранее они взывали к ее справедливости, моля о прощении, то она легко убедится, что не один только страх побуждает их действовать в настоящий момент. К тому же любые комбинации, которые Порты строила бы на такой основе, могли бы оказаться весьма ошибочными ввиду того, что письмо было отправлено до Прессбургского договора и до захвата французами Далмации ².

Возможно, что Порты пожелает избрать средний путь, обещая сербам прощение при условии, что они позволят по-прежнему управлять ими ³. В таком случае позаботьтесь дать понять, что в соответствии с их намерениями, достаточно мотивированными всем тем, что они претерпели от турецких властей, сербы скорее позволят себе пойти на крайности, нежели согласятся на восстановление старого режима.

Если Вам удастся убедить Порты в том, каковы ее действительные интересы, то она, несомненно, без колебаний последует нашим советам. В таком случае надобно было бы попытаться обеспечить установление у сербов правительства, близкого по характеру к правительствам княжеств Молдавии и Валахии, о чем уже шла речь в свое время, с той разницей, что главой нации будет не греческий князь-фанариот, а местный.

И если оттоманское правительство выскажет некоторые сомнения относительно точности, с какой сербы будут выполнять свои обязательства и особенно обязательство выплачивать подати, которые наложены на них, и выставлять свой контингент войск, то Вы можете сказать как бы от себя, что императорский двор был бы склонен гарантировать новый порядок, если Порта предоставит сербам хатт-и шериф или другой акт, который утвердит их привилегии.

В то же самое время, когда сербы послали прошение нашему августейшему государю, они направили почти такое же римскому императору. Вы увидите из приложенной к сему копии ноты поверенного в делах Агилара⁴, какое решение было принято по сему случаю его императорским и королевским величеством. Сблаговолите собрать достоверные сведения о демаршах, которые мог сделать по этому случаю интернунций, и если Вы сочтете, что его сотрудничество имеет какой-либо вес, то Вы можете сговориться с ним, хотя было бы предпочтительнее, чтобы это дело могло уладиться исключительно благодаря нашему вмешательству.

Сообщив таким образом все, что мне известно по этому предмету, я оставляю остальное Вашему просвещенному опыту и на Ваше усмотрение и убежден, что Вы не упустите ничего, дабы выполнить, насколько возможно, намерения его императорского величества.

Имею честь быть с глубоким почтением, милостивый государь, ваш пикайший и покорнейший слуга

кн[язь] А. Чарторыйский

¹ См. док. № 112.

² Речь идет о Прессбургском договоре, заключенном между Францией и Австрией 26 декабря 1805 г. после поражения третьей антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем. Договор положил начало новой дипломатической обстановке в Европе: Австрия была вытеснена из Италии и окончательно потеряла влияние на западногерманские княжества, которые в июне 1806 г. Франция объединила в Рейнский союз под верховным протекторатом Наполеона. Самый тяжелый удар по позициям России на Балканах нанесли статьи 4 и 5 договора, по которым Австрия передавала Наполеону бывшие австрийские владения — Венецию, Истрию и Далмацию с прилегающими к ним островами в Адриатическом море, а также Боку Которскую (см.: *Clercq. Recueil des traités de la France. Paris, 1880, t. II, p. 145—151*).

Тем самым Франция и без военного десанта овладела значительной территорией в западной части Балканского полуострова, что сразу сказалось на политике Турции. Наполеон использовал военное присутствие на Западных Балканах для усиления своего давления на Порту. Последняя быстро пошла на уступки: уже в январе 1806 г. она отказалась возобновить англо-турецкий союзный договор 1792 г. и начала активно саботировать соблюдение русско-турецкого союзного договора 1805 г. Прессбургский мир кардинально изменил расстановку сил на Балканах в пользу Франции.

³ Основу сербского общества того периода составляли патриархальная семейная задруга, село и кнежина в границах сельско-кнежинского самоуправления, официально признанного султанскими ферманами 1790-х годов. Во главе задруги стоял старейшина дома, а во главе села — наиболее авторитетные люди — кметы. Сельский кнез был посредником между селом и турками. Села, связанные между собой географическим положением, составляли кнежину во главе с оберкнезом, несколько кнежин образовывали нахию. Ранее вплоть до реформ Селима III нахийская власть находилась в руках турок, а после упомянутых реформ сербы получили ряд прав. Отныне харач и другие повинности собирали сельские и кнежинские кнезы, которые передавали их затем турецким властям. Они же поддерживали мир и порядок в своей среде, отстранив от этого турецких угнетателей. Сербское общество, основанное на сельском и кнежинском самоуправлении, вело замкнутое натуральное хозяйство и торговлю скотом. Еще до восстания оно успешно соперничало с турками (см.: *Новаковић С. Турско царство пред први српски устанак. . . ; Гузина Р. Кнежина и постанак српске буржоаске државе. Београд, 1955; Ђорђевић М. Политичка историја Србије XIX и XX века. Београд: Просвета, 1956, кн. 1 (1804—1813)*).

⁴ См. док. № 119.

Депеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому о необходимости предотвращения военного выступления Порты против сербов и удовлетворения их требований

3 (15) февраля 1806 г. *

Monsieur! l'empereur vient de recevoir une lettre de la part des chefs de la nation serbienne, par laquelle ils supplient s. m. i. d'intercéder en leur faveur auprès de sa hauteesse le sultan Sélim¹.

Cette lettre nous est parvenue par la voie du nouveau chargé d'affaires d'Autriche, qui est retourné ici tout récemment et qui nous a communiqué en même temps, que les Serviens ont fait une démarche semblable auprès de s. m. l'empereur des Romains.

Dans toute circonstance, le sort de cette nation ne pouvait être indifférent à notre auguste souverain à cause de la conformité d'origine et de religion qui se trouve entre elle et les peuples de la Russie; mais dans le moment actuel s. m. croit devoir mettre un empressement particulier à s'intéresser pour elle, non seulement pour prévenir les conséquences les plus funestes, dont la Sublime Porte serait la première à se ressentir, mais encore pour ménager à celle-ci un surcroît de force et de puissance, qui lui serait de la plus grande ressource, si elle était dans le cas de se défendre contre toute agression étrangère.

Avant même la réception de la lettre des Serviens, nous avons appris de toutes parts que la Porte fait d'immenses préparatifs pour les attaquer de nouveau et pour les réduire à une obéissance, à laquelle au fond ils ne sont jamais refusés. Sans examiner les motifs qui ont déterminé la Porte à ces préparatifs extraordinaires, je me bornerai à observer que, si d'un côté les avantages passagers qu'ont remporté les Serviens peuvent avoir fourni une occasion en quelque sorte plausible pour les attaquer encore, de l'autre il faut convenir qu'après les vexations inouïs, auxquelles ils ont été exposés de la part des officiers ottomans** établis dans leur pays, ils se sont trouvés dans la nécessité absolue de secouer un joug qui devenait insupportable et de supplier sa hauteesse le sultan Sélim, leur souverain, de leur permettre de se gouverner par eux-mêmes, en promettant toutefois de remplir tous les devoirs de sujets fidèles et soumis.

Le peu de succès qu'ont eu leurs représentations à cet égard, malgré votre intervention, peut avoir été une suite de l'espoir et même de la certitude où était la Sublime Porte de réduire tôt ou tard un peuple qu'elle envisage comme rebelle, et qui n'a que sa bravoure pour toute ressource. Mais dans ce moment cette certitude ne saurait plus exister.

Le position géographique de la Servie, qui la met presque en contact avec les nouvelles possessions des Français, le système connu de ceux-ci, qui ne laissent échapper aucune occasion de s'immiscer dans les affaires de leurs voisins pour se les asservir ou acquérir parmi eux une influence dangereuse, enfin, les effets présumables du désespoir des Serviens, s'ils étaient poussés à bout au point d'avoir à opter entre leur anéantissement et la protection des Français, — tels sont les objets essentiels que le ministère ottoman devrait particulièrement prendre en considération avant de se porter à l'exécution de ses projets contre les Serviens. Mais en supposant même que ces projets seraient couronnés du succès le plus complet, quel est l'avantage

* В подлиннике: 4 (15) февраля 1806 г.

** Начальники янычарских отрядов — дахи.

qu'en retirerait la Sublime Porte? Elle affaiblirait ses propres moyens en exposant ses armées à des pertes certaines et n'obtiendrait pour tout résultat que la ruine d'un peuple brave et fidèle, ce qui sans contredit serait toujours un malheur réel et irréparable; tandis qu'en le ménageant, en lui pardonnant généreusement les torts, qu'il peut avoir, et en lui laissant la faculté de déployer toutes les ressources qu'il possède, l'empire Ottoman conserverait ses armées intactes et acquerrait en même temps le boulevard le plus solide du côté de ses Etats qui est évidemment le plus exposé.

En vous transmettant ci-joint la lettre originale des Serviens², je vous recommande, Monsieur, par ordres exprès de s. m. l'empereur, de la communiquer au ministère ottoman et de lui faire connaître en même temps les réflexions contenues dans la présente dépêche. Vous ajouterez qu'en égard à l'état actuel des choses, s. m. i. croit devoir conseiller à son intime allié le sultan Sélim de tirer le rideau sur la conduite passée des Serviens et de ne plus qu'au parti, qu'il pourra tirer de leur bravoure dans l'avenir; de ne plus diriger ses préparatifs militaires contre eux, mais de les concentrer tous sur tel point d'où les armées ottomanes pourront le plus efficacement repousser toute agression étrangère; d'accueillir au contraire la demande que les Serviens ont déjà voulu faire parvenir à son trône pour obtenir la permission de se gouverner par eux-mêmes, en s'obligeant toutefois à payer régulièrement les impôts que la Sublime Porte percevait autrefois de leur pays, d'y ajouter même à fournir leur contingent en troupes, si la Porte se trouvait en guerre et en s'engageant à remplir avec la plus grande exactitude tous les autres devoirs que leur impose leur qualité de sujets de l'empire Ottoman. C'est le seul moyen propre à attacher irrévocablement ce peuple aux intérêts de son souverain légitime, et ce sera avec un plaisir bien sensible que s. m. i. croira avoir contribué à cet heureux résultat, si le sultan Sélim veut bien suivre les conseils salutaires qu'elle lui donne dans cette circonstance. Au surplus l'empereur ne pourra envisager cette déférence de sa hauteur comme une marque bien précieuse de son amitié, à laquelle s. m. i. sera toujours empressée de réciproquer toutes les fois que l'occasion s'en présentera.

J'ai l'honneur d'être avec une considération distinguée, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

le p[rin]ce A. Czartoryski

Помета: Получ[ено] 15 марта 1806 г.

АВПР, Посольство в Константинополе, 1806 г., д. 50, л. 38—40 об. Подлинник.

Перевод

Милостивый государь! Император получил письмо от предводителей сербской нации, в котором они просят его императорское величество заступиться за них перед его высочеством султаном Селимом¹.

Это письмо доставлено через нового австрийского поверенного в делах, который вернулся сюда совсем недавно и который также сообщил нам, что сербы сделали подобный демарш и перед его величеством римским императором.

При любых обстоятельствах судьба сей нации не может быть безразличной для нашего августейшего государя по причине общности происхождения и религии, существующей между нею и русским народом. Но в настоящее время его величество считает своим долгом с особым чувством относиться к ней не только, чтобы предотвратить самые пагубные последствия, которые Блистательная Порты испытала бы первой, но также, чтобы позволить сербской нации обеспечить возрастание сил и могущества, что станет для Порты самым главным источником ресурсов, если она окажется перед необходимостью обороняться от какой-либо агрессии извне.

Еще до получения письма от сербов мы узнали из различных источников, что Порты проводит широкую подготовку, чтобы вновь напасть на сербов и вынудить их к повиновению, от которого они в конечном счете никогда не отказывались. Не вступая в рассмотрение мотивов, которые побудили Порту к столь необычным приготовлениям, я ограничусь замечанием, что если, с одной стороны, преходящие преим-

щества, которых добились сербы, возможно, в какой-то мере и явились правдоподобным предложением для того, чтобы еще раз их атаковать, то, с другой стороны, следует согласиться, что после неслыханных гонений, которым они подвергались со стороны оттоманских офицеров, размещенных в их стране, они оказались перед абсолютной необходимостью сбросить иго, ставшее невыносимым, и просить его высочество султана Селима, своего государя, дозволить им самоуправление, обещая вместе с тем соблюдать обязанности верных и покорных подданных.

Неуспех их представлений на этот счет, несмотря на Ваше вмешательство, мог быть следствием надежды и даже уверенности Порты рано или поздно покорить народ, который она считает мятежным и который не имеет для своей защиты ничего, кроме отваги. Но в настоящий момент такой уверенности у нее уже не может быть.

Географическое положение Сербии, которое ставит ее почти в соприкосновение с новыми владениями французов; известная система последних, когда они не упускают ни одной возможности для вмешательства в дела своих соседей, чтобы поработить их или приобрести на них опасное влияние; наконец, предполагаемые последствия отчаянного положения сербов, если они будут доведены до необходимости выбирать между опасностью своего истребления и покровительством французов, — таковы основные вопросы, которые оттоманское правительство должно особо принять во внимание, прежде чем приступить к осуществлению своих планов против сербов.

Но даже допуская, что эти планы увенчались бы самым полным успехом, какие выгоды извлекла бы Блистательная Порта?

Она ослабила бы собственные силы, подвергнув свои армии несомненным потерям, а взамен добила бы лишь разорения отважного и верного народа, что, бесспорно, навсегда стало бы реальным и непоправимым несчастьем. Тогда как, бережно относиться к нему, великодушно прощая допущенные им ошибки и предоставляя ему возможность проявить все свои способности, Оттоманская империя сохранила бы нетронутыми свои армии и в то же время обрела бы наиболее прочный заслон со стороны своих владений, наиболее подверженных опасности.

Пересылая Вам приложенное к сему письму сербов в оригинале², я рекомендую Вам, милостивый государь, по особому повелению его величества императора сообщить его оттоманскому правительству и вместе с тем довести до его сведения соображения, содержащиеся в настоящей депеше. Вы добавите, что ввиду нынешнего положения дел его императорское величество почитает своим долгом посоветовать своему близкому союзнику султану Селиму предать забвению прошлое поведение сербов и помышлять только о пользе, которую он мог бы извлечь в будущем из их отваги, не вести военные приготовления против них, а сосредоточить свои силы в том месте, откуда оттоманские армии могли бы наилучшим образом отбить любое нападение извне, более того — удовлетворить просьбы сербов, представленные его трону, о получении самоуправления, однако с обязательством регулярной выплаты ранее взимавшихся Блистательной Портой податей с их страны, добавив к этому обязательство выставлять контингенты войск, когда Порта окажется в войне, и обещание самым точнейшим образом выполнять все другие повинности, налагаемые на них положением подданных Оттоманской империи. Это — единственное средство, способное нераздельно связать сей народ с интересами законного государя. И тогда с осязательным удовлетворением его императорское величество счел бы, что он содействовал этому счастливому исходу, если бы султан Селим пожелал следовать этим благотворным советам, данным ему при этих обстоятельствах. Впрочем, император не смог бы рассматривать уступчивость его высочества иначе, как ценное доказательство его дружбы, на что его императорское величество неизменно будет стремиться отвечать взаимностью всегда, когда представится такая возможность.

Имею честь почтеннейше пребывать, милостивый государь, Ваш нижайший и покорнейший слуга,

кн[язь] А. Чарторыйский

¹ См. док. № 130. ² См. там же.

№ 127

Письмо К. Ипсиланти А. А. Чарторыйскому об уходе кирджалиев из Белграда и о восстании в Боснии и Видинском санджаке

№ 249

9 февраля 1806 г.

Mon prince! Je profite du passage d'une estafette que M. d'Italinski a expédié de Constantinople pour informer v. a. de la sortie des kirgialis de Belgrade. C'est aujourd'hui que j'ai reçu cette nouvelle de la part du com-

mandant d'Orsova *, mais il ignorait encore si c'est par capitulation, où s'ils ont quitté cette place par la crainte de tomber dans les mains des Serviens, qui la bloquaient depuis longtemps. Il me promet pourtant de m'envoyer sans délai les détails de cette affaire. D'abord que je les aurai reçus je les ferai parvenir à v. a.

Passvandoglou ayant soupçonné les habitants de trois villages d'avoir eu des intelligences secrètes avec les Serviens, les a tous fait passer au fil de l'épée et brûler leurs femmes et enfants dans leurs maisons. Cette exécution barbare a soulevé tous les habitants de trois districts de sa domination, et ils ont exterminé les officiers de ce monstre de Passvandoglou qui a fait venir du secours de Vidin et du canon pour marcher contre eux.

Plusieurs districts de la Bosnie se trouvent en insurrection et les Serviens leur ont envoyé du secours ¹.

Tous les jours il passe par ici des officiers de la Sublime Porte avec des firmans pour la formation des magasins. Hier il est passé par ici un de ces officiers pour Ibraïl. J'ai lu le firman dont il était porteur. Par lequel il était ordonné au nasir d'Ibraïl de préparer une quantité assez considérable de vivres pour les troupes qui devaient se rassembler à Ismaïl sous les ordres de Bekir pacha. Enfin, mon prince, tout annonce des projets hostiles comme j'eus l'honneur de le lui dire par ma dernière lettre. Je crains beaucoup que les Français ne profitent des dispositions et du mécontentement de tous les sujets chrétiens d'autant plus facilement qu'ils sont actuellement maîtres de la Dalmatie. Je suis obligé de terminer cette lettre pour ne pas faire attendre le courrier de M. d'Italinski.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération, mon prince, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Constantin Ypsilanti

*Помета: Получено 16 февр[аля] 1806 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1882, л. 1 и об. Автограф.*

Перевод

Князь! Пользуюсь проездом парочного, которого г. Италинский послал из Константинополя, чтобы сообщить вашему сиятельству об уходе кирджалиев из Белграда. Я получил сегодня такое известие от коменданта Орсовы, но ему еще неизвестно, является ли это капитуляцией или же они оставили эту крепость из-за опасений попасть в руки сербов, которые давно ее блокируют. Однако он мне обещал без промедления сообщить подробности этого дела. Как только я их получу, я перешлю их вашему сиятельству.

Пазванд-оглу, заподозрив жителей трех деревень в том, что они поддерживали тайные связи с сербами, всех их перебил и сжег их жен и детей в их собственных домах. Такая варварская экзекуция подняла всех жителей трех подвластных ему уездов, они истребили офицеров этого чудовища Пазванд-оглу, который затребовал помощи из Видина и пушек, чтобы выступить против них.

Многие районы Боснии восстали, и сербы прислали им подкрепление ¹.

Ежедневно здесь появляются офицеры Блистательной Порты с ферманами об учреждении провиантских складов. Вчера проехал один из этих офицеров в Ибраил. Я прочитал ферман, который он привез. Этим ферманом предписывается ибраильскому назырю приготовить весьма значительное количество продовольствия для войск, которые должны явиться в Измаил в распоряжение Бекир-паши. Наконец, князь, все предвещает исполнение враждебных планов, о чем я уже имел честь писать Вам в моем последнем письме. Я весьма опасуюсь, что французы могут воспользоваться недовольством всех христианских подданных, и тем легче, что они являются сейчас хозяевами Далмации. Я выпущден закончить это письмо, чтобы не задерживать курьера г. Италинского.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, князь, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Константин Ипсиланти

* *Реджеб-ага.*

¹ В Боснии, действительно, имели место волнения, но до открытого восстания в это время еще не дошло (см.: Чубриловић В. Први српски устанак и босански срби. Београд, 1939, с. 34—35).

№ 128

*Письмо Петра I Негоша Карагеоргию о намерении Черногории занять Котор при приближении французских войск*¹

15 февраля 1806 г. Цетинье

От черногорского митрополита и российского кавалера Петра Петровича Негуша светлomu и благородному господину и славному храбрых славено-сербских войск первоначалному вождю господину Георгии Петровичу и прочим похвално ратоборствующим полководцем, такоже мудрым и благоразумным тайным советникам, любезнейший поздрав и архипастирское благословение.

Разумеюши с превеликим удовольствием и радостью, что Вы сревно и благополучно у величким делам напредуете и что на такво действие имадете и допущене и ферман от честитого цара Отмановича, приносим я славу и благодарение всевышнему богу, коие цареве сердце на то подвигнуо и коие Вами даровао толико неустрашими дух витешке храбрости, да проферате и поразите цареве непослушнике и да жалостну раю испод нихова мучительства изтергнете. Свемогуши бог, коега с теплим молитвам коленнопреклонно просим, да утвердит межу Вами свезь неразрушиме истините христианске любви, единомыслия и совершенного послушания, и да он сам будет неотступным помощником и предводителем Вашим противу свиех непослушниках Вашего цара, кои се находи у наивише дружелюбие с нашим высокославным покровителем, великим Александром, императором и самодержцем всероссийским.

Ви ћете бити досле разумели, како су по учиненному межу цесарским и французским дворами мирному договору *, остануле Млетке Далмацие и Боке от Котора за Французе, кои су явни неприятели нашега всемилоливейшега покровителя и наше слободе, а на исти начин и Блистателне Порте Отоманске, будући они истинито намерены у негову державу неприятелски поступити. Али нека и то вам любезнейшим витезовом будет на знане, да се мы находимо у свако доба готови за честь и славу великого Александра и за нашу предругу слободу и независимость, колико и за православну веру, не пощећети свое крови до последне капле. И да хоћемо при помоћи божией с договором находящегось между нами царского доверенного посланника, господина брегадира Стефана Андреевића Санковскога, на перви глас от приближения французке войске ступити у више поменуते Боке Которске, у кое нас свие единовѣрный едва чекаю, да уедно с нама под крилом христианского царя у слободи остану, куда нас свиех и свакога во обще славено-сербо-иллирического рода христианина единовѣрие, единойазичие и единоплеменност потеже. Межу тием, за потверћене више именоване мое и свега здешнега народа радости, пошилѣши я к Вам нарочнога писмоносца, чрез коега или чрез Вашего навлаштито посланного к мене верного человека желим и нетерпеливо чекам от Вас писменне отговоре, нека я могу впредь чисто како о Вашему быћю и состоянию, тако и о Вашим делам и намерениям, а равномерно и ви о моим разумети и овому царскому посланнику объявити, кои е довольно познан приходив-

* Прессбургский договор от 26 декабря 1805 г.

шему овде Вашему баряктару, и нека наше мисли за честь и славу наших царех и за користь общенародно будут содружене.

В прочтем есам и за вазда остаем Вам истинный доброжелатель.

На подленном подписано тако: вышереченный митрополит

Негуш

[Печать] С точной копии переписал митрополитский секретарь

Дометиан Владевич

Помета: Получ[ено] 9 июня 1806 г.

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 3, ч. 2, л. 24—25. Копия, заверенная печатью.

¹ Карагеоргий и Правительствующий совет сербский получили это письмо 3 апреля 1806 г. и ответили на него митрополиту Петру I Негошу 4 апреля 1806 г. В Петербург письмо дошло только 9 июля 1806 г. Подробнее об этом см.: *Вукићевић М. Карађорђево писма, с. 269—271; Он же. Карађорђе, књ. 2, 369—372.*

№ 129

Предписание А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкунову о доставлении сербам 10 тыс. червонцев и предотвращении возможных сношений сербов с французами

18 февраля 1806 г.

Секретно

Секретное донесение Ваше от 14-го минувшего генваря ¹ получено здесь исправно со всеми приложениями. Содержание оногo, равно и предыдущих донесений Ваших о положении дел в Сербии, ² обратило на себя особое внимание государя императора, и я пользуюсь настоящим курьерским отправлением для сообщения Вам воли его величества по сему предмету, тем более, что и исполнение оной в части возложено быть имеет на Вас.

Дубликат с прошением сербов, отправленный ими сюда чрез Австрию ³, получен здесь вскоре в прошедшем месяце. По высочайшему его величества повелению я отправил оное прошение в подлиннике к г. посланнику Италинскому при отношении моем, с коего прилагается здесь копия ⁴. Из оной Вы усмотрите, какие г. Италинскому поручено употребить доводы, дабы склонить Порту к отмене чинимых противу сербов вооружений и к принятию прошения их во уважение.

По существующему ныне между высочайшим двором и Портою Оттоманскою союзу и доброму согласию должно ожидать лучшего успеха в вышеуказанном подвиге.

Сверх того препровождаются при сем 10 тыс. червонных, коих поручаю вам доставить к председателю Народного собрания протоиерею Ненадовичу при отношении Вашем, в коем можете объяснить данное г. Италинскому поручение, умалчивая, однако же, о внушении, что сербы на случай крайности могут прибегнуть к покровительству французов. При сем случае можете Вы поручить Ненадовичу уверить начальников народа сербского наилучшим образом, что высочайший двор не престанет никогда пещись о их жребии, что во всякое время государь император будет ходатайствовать в их пользу у султана о всех справедливых их требованиях; на что также его величество имеет надежду, что они навсегда пребудут верными его султана величества подданными и с повинением исполнять будут все обязанности, кои по новому порядку всецело на них возложены быть имеют. Сверх того его величество ожидает

от всегдашней преданности сербского народа к высочайшему двору, что он будет убегать всякого сношения с овладевшими ныне Истриею и Далмациею французами, кои всеконечно стараться будут привлечь сербов на свою сторону в том единственно намерении, чтобы наложить на них иго, под коим стенают столь многие уже народы и правительства. Покровительство России единоплеменному и единоверному народу сербскому да пребудет навсегда, пока он будет следовать ее советам. Но непременно нужно, чтобы он в настоящих обстоятельствах не отклонялся от подданства Порты и не поддавался отнюдь на коварные внушения общего неприятеля — французов.

Составив из вышеуказанного содержание отношения Вашего к протоиерею Ненадовичу, прибавьте к тому, чтобы он, с своей стороны, принял нужные меры, дабы не разгласить о получении оного письма. Сие (равно и помянутые деньги) имеете Вы отправить с кол[лежским] регистратором Джайковичем, который по сведениям его о тамошнем крае лучше другого может исполнить сию комиссию. Предмет отправления сего должно сохранить в совершенной тайне, на каковой конец вы снабдите Джайковича нужным наставлением, дабы он и в продолжение пути своего наблюдал всевозможную осторожность, дабы не разгласить о данном ему препоручении. Если Вы найдете, что неудобно отправить всю сумму вдруг в рассуждение ее тяжести, то можете разделить ее по Вашему благоусмотрению. Вообще возлагается на Вас принять меры приличные, дабы деньги сии доставлены были сербам как наискорее, равно и без малейшей огласки.

Надеясь, что Вы точным исполнением сего предписания заслужите паки внимание начальства, буду ожидать донесений Ваших по сему предмету и есмь пребываю с совершенным почтением Ваш, милостивого государя моего, послушный слуга

кн. Адам Чарторыйский

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 128, л. 3—5.

Подлинник. Опубл.: Documente privind istoria României. . . , vol. IV, p. 606—607.

¹ Имеется в виду письмо И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому от 14 января 1806 г. о пересылке писем из Сербии в Константинополь посланнику А. Я. Италискому и о необоснованных слухах по поводу занятия сербами Белграда (АВПР, ф. ГА I=9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 1, л. 8—9).

² См. док. № 108, 113. ³ См. док. № 130. ⁴ См. док. № 125, 126.

№ 130

*Обращение сербской депутации в Вене к Александру I с просьбой
об оказании материальной и военной помощи*

Февраль 1806 г. Вена

Благочестивейшему, всепресветлейшему и великодержавнейшему, великому государю императору Александру Первому, государю всемилоостивейшему.

Всепокорнейшее коленопреклонное представление от всемирнейшей сербския депутации, яже в Вене. Месяца февраля [1]1806.

Третое уже течет лето, от како серби противу бесчеловечнейших мучителей своих, упорных царю своему султану ребеллов вооружени без всякого предходящего приуготовления востали с намерением бедный свой остаток от неслышанного свирепства нечеловеков како, како * можно спасти и сохранить и отечество свое освободити, неуповающе на слабую

* Так в тексте.

силу и на неустроенная оружия своя, но едино на правду страны своея и на оного государя, которого древнии даже предцы сербский спасителя и избавителя роду и отечеству своему всегда превозвещали и которого преблагии бог в нынешнему свету подарил, да будет правди и человечества могущии защитник, своего же любезного рода сербского спаситель и избавитель. Сие богоданное времење своего счастье разнейшими тужними и жалостными судбами потерянних почти и со всем умерщвленных сербов паки в жизнь воззвало. И серби тот час как востали, познали величественное спасения своего место и с совершенною надеждоу прибегли к единой своей и единойродной и паче всех государств превознесенной России! Прибегли — и обрели там великого отца своего и благодетеля, и защитителя, и избавителя! Общенародная утеха сия, коя едина до сих пор чрез два сия востания сербского года против силних врагов своих Сербию одержала, отважает народ сербский паки по источнику спасения своего в крайней своей нужде прибежи и отеческия помощи против врагов своих с чадским умилением коленопреклонно просити, неотступно уже и с слезами молити, да благоизволит великий Александр ускорити избавление рода сербского, рода и православия своего! Да милосердствует сербом отечество свое возвратити, которое от толиких веков в тиранских узах агарян стенет, и стенет в недрах просвещенных Европы! И да вскоре благоутробнейше помилует народ сербский, народ верный и храбрый, народ многочисленный и во обширной целости своей милиони душ числящий! Который в нынешних обстоятельствах своих аще скоро и явно воспомоществован не будет со всем и за навек потеряться будет.

От како убо серби востали суть, еще никогда толика сила врагов на их не нападала, яко же ныне от всех стран нападение бывает: понеже и видинский Пазван-оглу, и Ибрахим-паша от Скутари, и целая Босна согласо и с величайшим огорчением на их ополчаются, и околная уже села, Босна нарочито палити, жени же и чада сербская в плен отводить начала, и многии уже жени и дети в Босну в плен отводени, а большая часть отроков и младенцев рода мужеского мечем тиранским в сем текущем ферфаре и в протекшем генваре месяце на величайшее всех сербов оскорбление иссечени суть. Сие бесчеловечнейшее боснийских турков дело всех оных сербов и христьянов, которые в Босне живут, до того довело, да и они по большей части уже противу общих мучителей востали и к сербам соединилися суть. Пазван-оглу и паша от пределов Ниша во своих пределах многия священники и старейшины сербов и булгаров мечем иссекли, которым поводом вси тамошнии христьяни возбунилися и соединилися сербом противу общего врага. Ерцеговцы, видевши в великой нужде свой сербский род и братию, вступили также в союз общия обраны и вообще востали. Черная Гора велика сербов помощь есть. И таким образом вси серби почти востали и соединилися тако. Да сие новим сербским востанием нареци можно, которого една часть под Видином в Крайне с турки биется, другая часть Ниш обсадила, а прочии в Босне и Ерцеговине борются; а часть една Белград в обсаждении держит и бранит Сербию противу беспрепривно нападающих боснийских турков от страны Шабца. Сицево есть днес сербов положение. Но они в величайшем недостатке денег, оружия и муниции находятся. И серби существенную выгоду потеряют в том, что великое их число никаковаго оружия не имеет; а и они, кои вооружени суть, многажды уже страшно пострадали для того, что нуждную [а]муницию не имели и не имели ону сумму денег, которою бы себе нуждную муницию купити могли. Тот самой недостаток денгов, оружия и муниции главная причина есть, что серби до сего дне Белград еще не завоевали, потому что всегда, когда они Белград осаждали, из Босны

и Албании турки на границы их упали, и они оставяше осаду, противу нападающих отходить и границы своя отбраняти принуждени были. Теперичное обсаждение Белграда всех околных турков противу сербов соединило, откуда повод свой и имеет новое в Босне и Ерцеговине и в прочих пределах возмущение и вишереченное всеобщее сербов востание. И тако до сего дне главнейшее предприятие их, сиречь освоение Белграда, произвестися не могло, потому что оружие имеющий на многия страны разделятих принуждени суть, когда не имеющий оружия без движения стоят. Артиллерия сербов тако слаба есть, да речи нельзя, что сербы артиллерию имеют.

В сиевом убо страшном положении своем народ сербский величайшую свою нужду представляет всемилостивейшему отцу своему и великому всех сербов избавителю Александру Первому и с чадским умилением просит не оставити днес без сылныя помощи толикии и толь храбрый свой славяно-сербский народ, без которыя помощи ясно есть, да вскоре весь народ сей потеряется и вечно погубитися будет. Просит убо коленопреклонно и молит Сербия со слезами избавителя своего, да всецедро благоизволит он явную помощь сербом скоро дати, аки своему собственному верному народу!

1. В генваре един миллион рублей или до два для потреб необходимыя нужды и для муниции, оружия и артиллерии.

2. Оружия по крайне мере для 50 тыс. человекв инфантерии и 100—200 пушок полевых (feldcanonen) с искусными артиллеристами.

3. Что всех пожелательнейше и действительнейше на величайшее всех сербов ободрение было бы, да послется вооруженная помощь, из несколько регулярных полков состоящая, которая чрез Валахию либо чрез Черную Гору из Корфу к сербом прийти бы могла. Явление, на кое бы вси сербы из Сербии, Босны, Ерцеговины, Черныя Горы, Далмации и Албании с радостию стеклися, и кое бы за краткое время армию новую до 200 тыс. храбрых сербов произвело к всякому великому предприятию способнейшую. На верх сербская армия сея благорассудилось прославленного всероссийского хероя великого князя Константина Павловича представить, тогда сербы в бозе вседержителе, в госпде правды и истинны и в божественном началии спасения и православия своего твердую и непоколебимую веру имеют, да всякое великое дело им возможно будет! Нуждность и могущество предприятия сего в теперичном сербов положении толь живо всех сербов уму представляется, и желание сие толь крепко сердца их распяляет, да аще теперь скоро и незаконно великое дело сие произведено не будет, сербы совсем отчаятиса и потерятиса будут.

Аще истинна есть, да Россия с Высокою Портою одбранительную алианцию заключила есть, тогда Россия и при самой Высокой Порте право на предприятие сие имеет, потому что надобно предели сия противу нападения французов, которыи уже в Далмации вместилися, укрепити то, что турецкое воинство с успехом соделати не может, потому что сербы никакому турецкому воинству верити не смеют, ни могут. А видно, что в том случае и султану Селиму не неугодно было бы российское воинство в Сербию и Босну впусити, да тишина и мир в пределах сих постановитиса могла бы сим средством.

Но и кроме сего знают сербы, да вся сия содейти может легко Александр Великий, всяким коим только хочет образом. И еще может Бонапарте против явныя правды и в попрание всех европейских народных прав и законов, преко многих иных самопроизвольных в Европе деяний еще и брата своего в Италию послати, да покорит себе всю Италию и да пленит Неаполитанскую и Сицилскую державу и все то пред очеса Европы

совершити. За что не мог бы великий государь всероссийский, который по высочайшему богоданному званию своему великий предстатель всех православных и славянских народов на земли, и аки той не само святейшее право, но, дерзаем рещи, и богом ему наложенную должность имеет, невинно страждующую, почти потерянную, любезную, православную великого рода своего немалую часть — часть рода своего храбрую, днес за освобождение свое с плачем у него просящую, — святейшее, велим, право и святейшую должность имеет власти, избавити и возвысити ю и праведное ей достоинство дати, за что, велим, немогл бы дело сие святое, дело явныя правды, дело спасения и избавления рода своего пред богом и пред человеки явно предприняти? За что своему единоверному и единокровному народу сербскому, народу единодушно за освобождение отечества своего воюющему, народу противу непримиримых врагов своих крайне огорченному, народу земли, числом и обширностию, и храбростию, и мужеством многую независимую европейскую державу превосходящему, при всем том до сего дне невинно-несчастному, за что ему счастье и явную пред целым светом помощь дати далее отлагал бы?

За что не бы великого российского хероя посреди сербов во спасение их послал и в божественном величестве своем в лице целому свету сказал: «Хощу, да род сербский, род и православие мое спасется и да прославится».

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, л. 23—25. Копия.

№ 131

Предписание А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкунову об обеспечении безопасного возвращения в Сербию сербского депутата А. Лазаревича¹

1 марта 1806 г.
Секретно

Подносителю сего, бывший здесь от народа сербского депутат протоперей Алексей Лазаревич, возвращается ныне восвояси с товарищем его Гавриилом Вояновичем. Поручая Вам обеспечить, поколику от Вас зависеть будет, дальнейший путь их с наблюдением при том нужной осторожности, дабы не разгласить о комиссии, по коей они здесь находились, преб[ываю] с почт[ением] . . .

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 3, л. 1. Отпуск.

¹ О поездке А. Лазаревича в Петербург и о результатах деятельности сербской делегации в Константинополе с мая по август 1805 г. см. письмо А. Лазаревича А. А. Чарторыйскому от 7 декабря 1805 г. (док. № 112), а также: *Вукићевић М. Карађорђе*, кн. 2, с. 327—328.

№ 132

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о подготовке Турции к войне с Россией и о просьбе сербов прислать русских офицеров

4 марта 1806 г. Ясы
Секретно

Сиятельнейший князь, милостивый государь! При сем честь имею препроводить в сходствие желания князя Ипсилантия с нарочною естафетою пакет, на имя вашего сиятельства адресованный. Г-н титулярный советник Волков, посредством коего оный ко мне прислан, как по сно-

нению с помянутым господарем и точному от него поручению, равно и по собственным осведомлениям от других надежных источников, доставил следующие известия.

Сколько бы Порты Оттоманская ни старалась по внешним видам скрывать прямую цель настоящих ее движений, однако же предпринятые повсеместно в Турецции военные приготовления, вызов немалочисленных войск из Анатолии и набор оных в других местах, так[же и] как заботы ее о приведении наискорее в лучшее состояние всех вообще крепостей, о их запасах и, наконец, частые и поспешные переезды турок из одной в другую открывают ясно, что все сии приготовления не против сербов направляются и что оные без сомнения вскоре обращены быть имеют на Россию, с коею Порты, поджигаемая Франциею, готова решиться на войну в заблуждении мнимой возможности возвратить Крым и другие места, под обладанием ее до последней войны бывшие.

Вероятность такового события, мщенье и строгие меры, турками ныне употребляемые против христиан в сей империи, а с другой стороны, поход турецких войск с разных сторон к берегам Дуная представляют тесные обстоятельства для господаря и жителей Валахии, которые в общем предвидении основательных для себя опасений на случай внезапного оных перехода чрез Дунай просят представить положение их высочайшему двору с тем, что если бы заблагорассуждено было от одного предпринять противу Порты согласные общим ожиданием меры, то они дерзают при том коленопреклонно просить его императорское величество, дабы указано было по вступлении в здешние границы немедленно и как наискорее двинуть к Букоресту часть легких наших войск — не более двух либо трех тысяч человек, ручаясь собственною безопасностью, что сие малое число достаточно на первый случай для охранения провинции от наглости турок, которые одним слухом присутствия российского войска будут воздержаны от перехода чрез Дунай, и что сею только поспешною диверсиею, о чем, однако, господарь желает быть извещен от меня за несколько дней прежде с нарочным, спасены быть могут целые тысячи народа от неизбежной гибели. Без того же, узнав о вступлении россиян в Молдавию, турки при первом стремлении не преминут излить ярость свою на Валахию, особливо же на ее столицу, почитая всех христиан вообще единомысленными с сербами, и тогда господарь и некоторые фамилии боярские, наиболее в приверженности к России подозреваемые, будут первою жертвою мщенья.

Князь Ипсиланти составил уже по сие время при своей особе корпус до 1500 человек, собранных из разных христианских мужественных народов, к коим и еще беспрестанно пристают новые и кои немедленно присоединятся в помянутом случае с частию имеющейся артиллерии к российскому войску, утверждая как он, так и бояре единогласно, что везде, где оное появится, многие тысячи воинственного и храброго народа готовы соединиться под знаменами его и в короткое время возрастут от 30 до 50 тыс., что самые сербы, ободрясь приближением россиян, усугубят свои силы на поражение общего врага христианства и, наконец, что при храбром подкреплении небольшой армии регулярных войск силы народа, стенающего под мучительским правлением турок, достаточны будут для нанесения последнего удара колеблющейся их империи.

Сии суть мнения и просьбы князя Ипсиланти и бояр валахских, которые имею честь донести вашему сиятельству для представления всемилостивейшему государю императору, присовокупляя к тому, что они с великим усердием готовы соединить все свои таланты и пособия для снабжения войск его величества нужными припасами. Такие же пред-

ставления учинены мне пред сим со стороны здешнего митрополита Вениамина и других особ, нарочно избранных от лица всех молдавских бояр, о чем я равномерно долгом поставлю не умолчать пред вашим сиятельством.

Возвратившийся на днях из Сербии проехавший туда в начале прошлого ноября из Одессы нарочный с отзывами капитана Новаковича к соотчичам его между прочим объявил, что император австрийский призывал к себе Черни-Георгия¹, который имел по сему случаю личные переговоры с семлинским комендантом и, извинясь невозможностью самому отлучиться из отечества, отправил в Вену трех депутатов — протоиерея Матвея, Мило Уросевича и известного профессора Филипповича с тем, чтоб оттуда пробрались они под видом купцов прямо в Санкт-Петербург. Сему же нарочному поручено от сербского начальника объявить мне крайнюю нужду в помощи со стороны России при настоящем трудном их положении и желание как его, так и других военачальников иметь несколько российских офицеров для вождения их войск.

Один из французских эмиссаров приезжал к Черни-Георгию, любопытствуя узнать о состоянии сербской нации, где побыв только 4 дня, выпровожден обратно к Дунаю. Сербь атакуют ныне Шабач; войски их распространились также до некоторых мест в Моравии* и Боснии, где некто Шабели вновь восстал против турок с знатным числом христиан и действует в пользу сербов союзню с монтегегринами./

Находившемуся в Букоресте для ожидания ответа из Цареграда сербскому confidentу от имени князя Ипсилантия приказано возвратиться восвояси и сообщить сербам слухи о приготовлении против них турок, равно и то, что румель-валисию поручено предложить им решительность Порты, что если они оставят оружие, то будут прощены, а иначе понесут весь гнев султана за свое ослушание.

Присовокупляя в заключение, что и князь Ипсиланти того же мнения, что нужно необходимо с нашей стороны подкрепить ныне сербов, а особливо снабдить их несколькими искусными российскими офицерами, имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и неограниченною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства низжайший слуга Ипполит Болкунов

Помета: Получ[ено] 18 марта 1806 г.

АВПР, ф. ГА 1-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 3, л. 2—6. Подлинник. Опубл.: *Documente privind istoria României*. . . , vol. IV, p. 613—614.

¹ В австрийских документах нет упоминаний о приглашении императором Францем I Карагеоргия. Депутация была послана в связи с тяжелым положением новстанцев и попыткой убедить Вену быть посредницей перед Портой и предоставить им оружие (*Ненадович М.*, Мемоари, с. 141; *Гаевилович С.* Војводина и Србија . . . , с. 45; док. № 136).

№ 133—134

Письмо И. Ф. Болкунова председателю Правительствующего совета сербского М. Ненадовичу о готовности России ходатайствовать перед султаном в защиту сербов

№ 213

7 марта 1806 г. Яссы
Секретно.

Его императорское величество, мой всемилостивейший государь, получил с разных сторон прошения, от сербской нации ему принесенные¹. Имея всегда на сердце жребий сего единоверного с ним народа и обращая

* По р. Мораве.

наипаче внимание свое к настоящему положению оного, его величество указать ныне соизволил министру своему в Константинополе представить турецкому правительству всевозможные доводы, дабы склонить оное к принятию кротких мер снисхождения к нации сербской, не только для предупреждения пагубных последствий, от нынешнего состояния вещей произойти могущих, которые сама же Порта ощутить имеет, но и чтобы еще содействовать приращению собственных ее сил и могущества от важного пособия, коего она по местному положению того народа и по храбрости и мужеству его ожидать может в случае какого-либо иностранного покушения. При сем случае государь император не оставил дать почувствовать, что при неслыханных поступках, которыми сербы угнетаемы были от чиновников Порты, в земле их находившихся, они принуждены были решиться на крайность, дабы потрясти сие несносное иго, не оказывая, однако ж, никогда к законному своему государю неповиновения, приглашая, наконец, сильнейшим образом высокого своего союзника султана Селима, дабы, закрыв завесу на прошедшие оных деяния, внимал более на существенные свои выгоды и армиям оттоманским повелел немедленно прекратить всякие против сербов действия и военные приуготовления и чтобы прошение и желания сего народа управляться самим собою в земле их при неизменной обязанности несть все повинности по званию подданных Блистательной Порты и даже готовности военной помощи и услышаны были от престола великого султана ².

По возложенному на меня препоручению я имею честь известить ваше превелебие о вышенисанном и притом предложить Вам уверить всех сербского народа начальников наиположительнейшим образом, что высочайший двор не престанет пещись о их жребии, что во всякое время государь император готов ходатайствовать в их пользу у султана о всех справедливых их требованиях. Но что так же его величество имеет надежду, что они навсегда пребудут верными его султанова величества подданными и с повиновением исполнять будут все обязанности, какие по новому порядку вещей на них возложены быть имеют. Сверх того его величество ожидает от всегдашней преданности сербского народа к высочайшему двору, что он убежать станет всякого сношения с овладевшими ныне Истриею и Далмациею французами, кои всеконечно стараться будут привлечь сербов на свою сторону в том единственном намерении, чтобы наложить на них иго, под коим стенают столь многие уже народы и правительства. Покровительство России единоплеменному и единоверному народу сербскому да пребудет навсегда, пока он будет следовать ее советам. Но непременно нужно, чтобы он в настоящих обстоятельствах не отклонялся от подданства Порты и не поддавался отнюдь на коварные внушения общего неприятеля — французов.

Исполнив таким образом данное мне повеление и препровождая при сем случае всемилостивейше пожалованные нации во уважение недостаточного ее ныне состояния 10 тыс. червонных, остается мне, наконец, поручить благоразумию и непременно попечению Вашему, дабы отнюдь не было разглашено о получении сего моего отзыва, и пребываю впрочем с отличным к Вам уважением, милостивый государь мой, вашего превелебия ваш и пр.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 138, л. 1—4. Отпуск.

¹ См. док. № 112, 118, 130.

² Арз-махзар сербских старейшин султану Селиму III от 12/24 февраля 1806 г. Публ.: Списки. . . , кн. III, с. 8—13.

*Отношение И. Ф. Болкунова Л. Г. Кирико о порядке отправки
М. Ненадовичу 10 тыс. червонцев и письма*

7 марта 1806 г. Яссы
Секретно

Вследствие насланного ко мне по высочайшей воле предписания, имею я доставить в Сербию к председателю Народного собрания протоиерею Ненадовичу 10 тыс. червонных и притом письменный отзыв мой, коим они на будущее время руководствоваться должны на основании заступления, которое государь император в пользу их вновь учинить соизволил у его величества султана.

Для сей посылки назначен именно коллежский регистратор Джайкович, который по приобретенным отчасти уже сведениям о тамошнем крае, кажется, с лучшею удобностию может употреблен быть в сию важную комиссию.

При первом отправлении его в Сербию, которое произведено с столь счастливым успехом, я уже снабдил Вас, милостивый государь мой, достаточными наставлениями как о образе отправления его из Букореста, равно и тех осторожностях, которые неуклонно наблюдать следует в подобном случае. Ныне повторяя те же самые поручения, я излишним почитаю напомнить Вам при сем, что настоящие политические обстоятельства, да и самое благоразумие требуют с нашей стороны усугубленного внимания и рачительности, дабы предмет посылки Джайковича сохранен был в непроницаемой тайне, равно и самое отправление его произведено без наималейшей огласки, могущей иметь вредные для высочайшей службы последствия.

Как при исполнении сего естественно найдете Вы в необходимости прибегнуть к пособию и советам князя Ипсилантия, которых и я на всякий случай испрашиваю у него приложенным здесь на его имя письмом, то и не оставьте, милостивый государь мой, прежде всего возыметь с ним секретнейше сношение о сем предмете, и если бы господарь усматривал какую неудобность или опасность замечания в посылке сего нашего нарочного, а вместо того заблагорассудил деньги и письмо мое отправить своим надежным посредством, то в сем случае представляю на собственное его светлости распоряжение, равно как и то, всю ли помянутую сумму вдруг или разделить пересылку на два раза в рассуждении ее тяжести, приметив, однако, что доставление оной к сербам нужно учинить как наипоспешнее.

На случай необходимости отправления самого г. Джайковича, оное должно последовать под тем же званием, как и первоначально означено в его пашпорте, который он Вам представит и к которому нужно будет только прибавить следующего с ним для помощи родственника его Николая под именем служителя. Оставляю впрочем местным Вашим соображениям и сведению, естьли бы между тем открыта была ближайшая и безопасная дорога, не заема тех мест, чрез кои он уже проезжал.

Здесь следует упомянутое вначале письмо мое, которое благоволите поручить нарочному для представления втайне протоиерею Ненадовичу или за отсутствием его в Совет сербский.

В заключение, дав всевозможные наставления регистратору Джайковичу для образа поведения его и скромности в дороге, покорно прошу присовокупить к оным и с Вашей стороны, что нужным для него най-

дете, и притом за непреременный долг поставляю вновь рекомендовать Вам, милостивый государь мой, соблюсти всю нужную тайну в сем деле так, чтобы и в консульском доме не было разглашено.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 3, л. 16—18. Копия.

№ 136

Послание султана Селима III Александру I о причинах военных приготовлений Порты

8 (20) марта 1806 г.

Très magnifique, très puissant et très chéri empereur et padichah de toutes les Russies, notre très haut ami Alexandre Premier.

Après avoir offert à v. m. i., sans cérémonie et sans étiquette, les saluts les plus sincères et lui avoir demandé l'état de sa santé, on expose amicalement ce qui suit:

Les liens de l'intimité et de la sincère amitié qui subsistent entre nous et v. m. i., ayant été bien plus encore resserrés et raffermis par l'alliance et l'union, une conséquence évidente et nécessaire des stipulations de cette alliance est, que tout ce qui peut arriver dans les Etats réciproques, ainsi que les intentions mutuelles relativement à leurs affaires intérieures et extérieures soient communiquées de part et d'autre.

La nation servienne domiciliée aux environs de Belgrade, une de nos places frontières, a osé lever l'étendard de la rébellion. L'expérience prouve qu'un empire aussi vaste que le nôtre, se trouve souvent dans des occupations et des affaires de cette nature; il est superflu de dire qu'il est de notre obligation de maintenir le bon ordre intérieur en punissant de pareils procédés contraires aux devoirs des sujets.

Ainsi donc pour faire rentrer, avec l'aide de dieu, ces rebelles dans l'obéissance, il a été nommé un général, et des troupes nombreuses avec des munitions et tout l'attirail de guerre ont été commandées. En outre il a été aussi jugé convenable d'établir près de notre résidence impériale un camp dont le but apparent est de servir de corps de réserve à ces troupes, mais dont le véritable motif est de se trouver prêt pour repousser une agression étrangère qui n'est point sans possibilité.

D'après l'état des choses existant avant la paix de l'Autriche, il a été résolu, par mesure de prévoyance et de précaution, de rassembler aussi un corps de troupes à Ismaïl, sous les ordres d'un général, mais la cause de cette disposition ayant ensuite cessé, c'est-à-dire le feu des troubles allumé dans le voisinage de nos frontières ayant été éteint, les préparatifs d'Ismaïl ont dû naturellement rester en arrière; malgré cela, comme on voyait que les troupes marchaient de côté et d'autre pour l'affaire des Serviens, et qu'on s'occupait de l'envoi des munitions, ces circonstances ont donné lieu à des fausses rumeurs de la part de ceux qui aiment à les inventer, et même de celle des intrigants qui en donnaient une fausse interprétation.

Le ministre de v. m. résidant auprès de notre Sublime Porte, notre aimé d'Italinsky, ayant donné cette information et demandé itérativement, quels sont le système et la conduite de notre Sublime Porte, nos ministres lui ont donné, dans une conférence, la réponse convenable; néanmoins, ayant vu par le protocole de cette conférence, que le susdit ministre a demandé que ce protocole nous fût présenté, et que v. m. i. fût rassurée par nous qui sommes son allié, nous nous empressons d'écrire et envoyer à v. m. i. cette lettre sans étiquette, pour déclarer qu'il m'est agréable d'informer de nouveau mon très fidèle allié de ma constance dans mon véritable

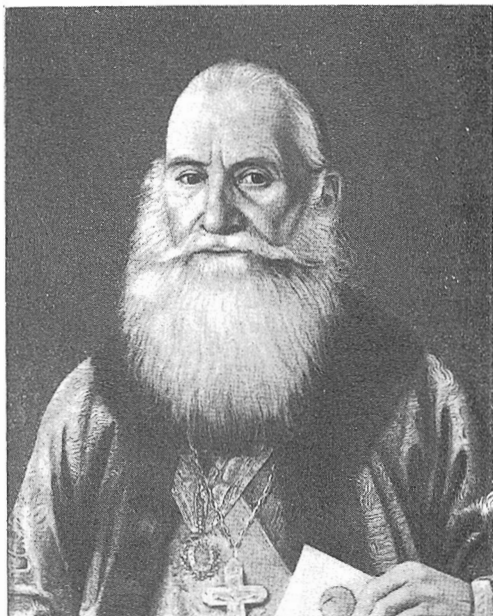
КАРАГЕОРГИЙ

Портрет художника В. Л. Боровиковского

ЯКОВ НЕНАДОВИЧ

Масло. Художник У. Кнежевич
Народный музей. Белград. Фото Б. Лукича

ПРОТА МАТИЈА НЕНАДОВИЧ

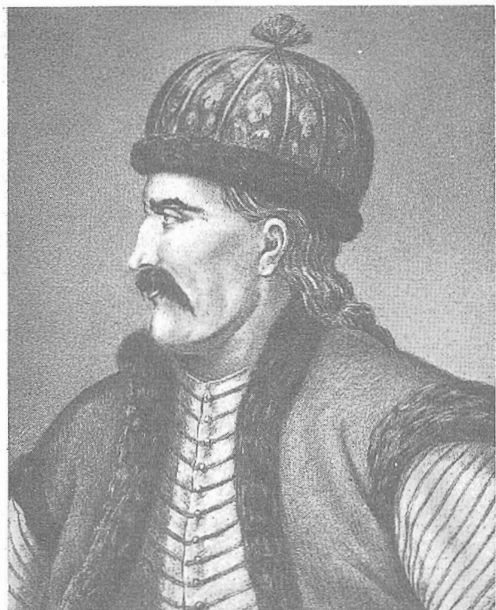
МИЛОШ ОБРЕНОВИЧ

Портрет. Масло. Художник П. Джуркович
Народный музей. Белград. Фото Б. Лукича

МЛАДЕН МИЛОВАНОВИЧ

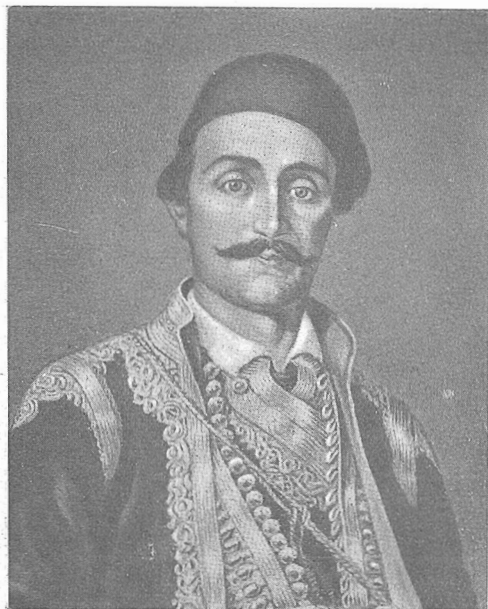
Масло. Художник У. Кнежевич
Народный музей. Белград. Фото Б. Лукича

МИЛЕНКО СТОЙКОВИЧ

ЛУКА ЛАЗАРЕВИЧ

ВЕЛЬКО ПЕТРОВИЧ

ПЕТР ДОБРИНАЦ

Печать Младена Миловановича (вверху), официальная печать Карагеоргия (внизу)

systeme que me dictent mes sentiments d'amitié et d'intimité dont je fais profession envers v. m. i., et de l'assurer de mon intention sincère et de mes dispositions amicales, comme aussi pour lui exposer quelle est la cause des préparatifs actuels, et que les bases de l'alliance et de l'amitié réciproques en se raffermissant désormais heureusement entre nous, notre constance et persévérance à suivre ces principes seront égales à celles qu'y apporte de son côté v. m. i.

Lorsqu'avec l'aide de dieu, cette lettre sera parvenue, il est hors de doute que nous ne nous permettrons aucune omission dans les devoirs de l'alliance et de l'amitié si bien observés de part et d'autre, de même que v. m. i. y donne toute son attention.

Au reste, que v. m. i. jouisse d'un long et glorieux règne et d'une parfaite santé.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2257, л. 216—219. Копия.

Перевод

Великолепнейший, могущественнейший и дражайший император и падишах всея Руси, наш высочайший друг Александр Первый.

Выразив вашему императорскому величеству без церемоний и этикета самые искренние приветствия и осведомившись о состоянии Вашего здоровья, дружески делюсь нижеследующими соображениями.

Поскольку узы близости и искренней дружбы, существующие между нами и вашим императорским величеством, стали еще более тесными и прочными, благодаря согласию и союзу, очевидное и неизбежное следствие условий этого союза состоит в том, что обо всем, что может произойти в наших обоих государствах, а также о взаимных намерениях относительно внутренних и внешних дел, должно сообщать друг другу.

Сербский народ, проживающий в окрестностях Белграда, одной из наших пограничных крепостей, осмелился поднять знамя восстания. Опыт показывает, что империя, столь обширная, как наша, часто соприкасается с делами и событиями такого характера. Излишне говорить, что на нас лежит обязанность поддерживать полный порядок внутри государства, наказывая подобные действия, противоречащие долгу подданных.

В этих целях, чтобы с божьей помощью принудить сих мятежников к повиновению, был назначен генерал и призваны многочисленные войска с припасами и всем военным снаряжением. Кроме того, было найдено подходящим разбить около нашей императорской резиденции лагерь, внешней целью которого было служить резервным корпусом для этих войск, а действительной — быть готовым к отражению весьма возможной иностранной агрессии.

Согласно положению дел, существовавшему до мира с Австрией, было решено в целях предусмотрительности и предосторожности собрать также корпус войск в Измаиле под командой генерала, но затем, поскольку основание для этой диспозиции исчезло, т. е. был погашен огонь волнений, зажженный вблизи наших границ, военные приготовления, которые велись в Измаиле, были поэтому приостановлены. Несмотря на это, поскольку наблюдалось движение войск с той и другой стороны в связи с сербскими делами и посылкой припасов, возникла почва для ложных слухов со стороны тех, кто любит таковые выдумывать, а также тех, кто дает им ложное толкование.

Когда посланник вашего величества, находящийся при нашей Блистательной Порте, наш почитаемый Италиинский передал эти сведения и неоднократно спрашивал, какова же система и политика нашей Блистательной Порты, наши министры дали ему при встрече надлежащий ответ. Тем не менее, увидев из протокола этой встречи, что вышеуказанный посланник требовал, чтобы к протоколу было привлечено наше внимание, а ваше императорское величество получили заверение от нас, что мы являемся Вашим союзником, мы поспешили, без этикета, написать и послать вашему императорскому величеству это письмо, дабы заявить, что мне приятно вновь заверить вернейшего союзника о постоянстве в моей действительной системе, диктуемой мне чувствами дружбы и близости, в чем я исповедуюсь вашему императорскому величеству, и выразить мое искреннее намерение и дружественное расположение, а также изложить Вам, в чем причины нынешних приготовлений; и поскольку основы нашего союза отныне постоянно и взаимно укрепляются, наше постоянство и настойчивость в проведении сих принципов будут равны тем, что проявляет со своей стороны ваше императорское величество.

Когда с помощью божьей помощью это письмо дойдет по назначению, мы, вне всякого сомнения, не допустим никакого упущения в обязанностях союза и дружбы, столь хорошо

соблюдаемых с той и другой стороны, подобно тому, как и ваше императорское величество уделите сему все свое внимание.

Да наслаждается ваше императорское величество долгим и славным царствованием и совершенным здоровьем.

№ 137

*Доклад А. А. Чарторыйского Александру I с предложением на-
править в Землин русского агента для связи с сербами*

12 марта 1806 г. С.-Петербург

Сербские депутаты, из коих ныне здесь остался один капитан Новакович, неоднократно просили меня об отправлении в Сербию российского чиновника, который бы мог преподавать соотчикам их направление, согласное с видами высочайшего двора, и который бы в то же время служил им верным залогом покровительства вашего императорского величества. Я всегда отзывался, что в настоящем положении сношений наших с Портою Оттоманскою нельзя еще согласиться на требование сербов и что нужно дожидаться, какую примет решимость Порты вследствие известного представления посланника Италинского.

Между тем, мне кажется, что можно бы некоторым образом удовлетворить желание сербов, не подавая Порте ни же малейшего повода к неудовольствию.

Известно, что в течение 1803 и 1804 годов многие выходцы переселились из Германии в южные губернии Российской империи и что большею частью они следовали Дунаем. Граф Разумовский, отправляя сих выходцев из Вены, всегда адресовал их в Семлине разным особам (тамошним жителям) для дальнейшего препровождения, от чего казна вашего императорского величества претерпела значущие невыгоды.

Воспользуясь сим случаем, можно бы с ведома венского двора отправить в Семлин доверенную особу, на коей явно возложена будет выше-сказанная комиссия на случай могущих впредь случиться таковых переселений. При том поручено ей будет поставить себя в непосредственное и тайное сношение с начальниками сербского народа.

Естьли представление сие удостоено будет высочайшею вашего величества апробациею, то я намеренно займусь присканием чиновника, к исполнению таковой комиссии способного, равно и составлением особых наставлений, коими снабдить его нужно будет.

Кн. Адам Чарторыйский

Помета: Sa majesté n'a agréé cette représentation.*

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7891, л. 49—50 об. Подлинник.

№ 138

Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому об обращении сербов к К. Ипсиланти с просьбой о посредничестве в урегулировании отношений с Портой

21 марта 1806 г. Бухарест

Secret

Monsieur l'envoyé! L'hospodar Ypsilanthy vient de me communiquer confidentiellement l'avis que les Serviens lui ont adressé en dernier lieu un paquet contenant une lettre au patriarche¹, un arzumazar formel à l'ad-

* Его Величество не одобрил это представление (франц.).

resse du sultan ², et une lettre du Chernôy Ghiorghy, par laquelle ce commandant servien invite le prince d'expédier à la Porte ces pièces officiellement et d'employer ses bons offices à ce que la Porte leur envoie désormais un mouhassil à qui ils s'obligent de payer le harasch stipulé au grand seigneur, et pour que par son organe ils puissent parvenir à négocier et terminer plausiblement l'affaire de leur pays en qualité de sujets fidèles à leur souverain légitime, sans exposer les deux partis à une effusion de sang ultérieure; qu'ils faisaient d'ailleurs cette démarche, non par crainte des troupes de la Porte, vu qu'ils étaient tous suffisamment armés et en état de leur faire une résistance vigoureuse, mais simplement afin d'en mettre les bornes nécessaires à la propagation du feu de l'émeute et de révolte, qui se communiquent déjà avec rapidité au reste des chrétiens en Turquie, ceux-ci risquent d'endurer ses suites funestes et la vengeance des Turcs, ce qu'ils voient déjà avec chagrin s'effectuer malheureusement sur les peuples voisins.

S. a. a résolu d'acheminer avec un de ses kalaraschs exprès ces pièces transmises en original à la Porte, vu que cette démarche réfléchie et tendante à faire gagner du temps aux Serviens menacés et les mettre à même de prévenir ou de faire suspendre les opérations hostiles de la Porte, saurait aussi produire un effet propice, surtout par l'intervention salutaire et les bons offices de v. ex. dans la négociation plausible de leur cause auprès de la Porte.

J'ai cru devoir ci communiquer incessamment à v. ex. ces détails confidentiels pour ma décharge.

J'ai l'honneur d'être, avec le plus profond respect, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur.

Luc de Kirico

АВПР, ф. Посольство в Константинополь, 1806 г., д. 865, л. 70, Автограф.

*Перевод
Секретно*

Господин посланник! Господарь Имплянти конфиденциально сообщили мне, что недавно сербы направили ему пакет, содержащий письмо патриарху, официальный арз-махзар на имя султана ¹ и одно письмо Георгия Черного ², в котором сербский главнокомандующий просит князя официально переслать Порте эти документы и оказать свои добрые услуги для того, чтобы отныне Порта присылала им мухасила, которому они обязуются выплачивать предназначенный султану харач; они хотят с его помощью начать переговоры и должным образом завершить дело их страны в качестве подданных, верных законному государю, не подвергая обе стороны дальнейшему кровопролитию. Они предпринимают, между прочим, этот демарш не вследствие страха перед войсками Порты, учитывая, что они достаточно вооружены и в состоянии оказать решительное сопротивление, а лишь в целях положить надлежащим образом предел распространению огня возмущения и мятежа, который уже быстро перебрасывается на остальных христиан Турции, рискующих претерпеть пагубные последствия и месть турок, что, как они уже с горечью отмечают, происходит, к несчастью, с соседними народами.

Его высочество решил отправить с одним из своих каларашей подлинные документы, переданные Порте, ввиду того, что этот обдуманный демарш, несомненно, даст сербам, находящимся под угрозой, возможность выиграть время, а также предотвратить или задержать враждебные действия Порты, и может привести к надлежащим результатам, особенно благодаря благотворному вмешательству и добрым услугам вашего превосходительства при благоприятном обсуждении их дела с Портой.

Во исполнение моих обязанностей полагаю моим долгом немедленно сообщить вашему превосходительству эти секретные подробности.

Имею честь быть с глубочайшим почтением вашего превосходительства низчайший и покорнейший слуга

Лука Кирико

¹ См. док. № 111 ² См. док. № 110.

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о просьбе сербов к турецкому правительству прислать чиновника для приема подати

23 марта 1806 г. Яссы
Секретно

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Князь Ипсиланти по случаю проезда сей константинопольской естафеты доставил ко мне пакет на имя вашего сиятельства, который я имею честь у сего препроводить вместе с оригинальным его ко мне письмом.

Из последнего сего усмотреть соизволите, сиятельнейший князь, какими причинами государь сей побужден утруждать высочайший двор неотступными просьбами своими о снабдении известного армянина Манука Мардиросова патентом на подданство всероссийское, о котором вследствие представления моего из Букореста от 14 июня под № 45 вашему сиятельству угодно было поручить мне снабдить князя Ипсилантия, что желанье его по испрошении высочайшего соизволения немедленно удовлетворено будет, что я тогда же и учинил.

Относительно же до испрашиваемого его светлостью казачьего офицера или двух, поелику я вследствие частых с его стороны повторений отзывался вновь приложенным у сего в копии письмом к г. генералу и кавалеру барону Меендорфу, то и не остается мне более, как просить вашего сиятельства по оному содействию.

Князь Ипсиланти сообщил чрез консула Кирико о получении на сих днях из Сербии пакета, содержащего письмо сей нации к патриарху константинопольскому, армазар на имя султана и особенный отзыв к его светлости от Черни-Георгия, которым просит он доставить к Порте упомянутые бумаги и употребить при ней добрые свои услуги, дабы прислан был к сербам мухасиль для принятия от них подати, яко принадлежащей законному их государю, и притом, чтобы дело их посредством и старанием его достигнуло пристойного окончания, прибавляя, что они поступают делают не от страха, будучи в состоянии противустоять во всяком случае сильным вооружением, но единственно для прекращения пламени возмущения, которое столь быстро сообщается к остаткам христиан в Турции, подвергающихся неминуемым бедствиям. Государь предполагал немедленно отправить указанные бумаги с своим нарочным в Царьград, рассуждая, что оное дает сербам выиграть время для предупреждения дальнейших военных операций Порты и в то же время при ходатайстве и услужностях г. посланника произвесть могло бы желаемое действие в их пользу.

Слышно, что и в Бендерскую крепость по наряду из сего княжества свезено немалое количество леса, по-видимому, для внутренних построек и починки военных снарядов.

Имею честь впрочем быть с глубочайшим почитанием и неограниченною преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства низжайший слуга

Ипполит Болкунов

Помета: Получено 8 апреля 1806 г.
АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 3, л. 37—38 об. Подлинник.

Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о безуспешности австрийского демарша в защиту сербов и о предпринимаемых им мерах по предотвращению вторжения турок в Валахию

№ 43

31 марта (12 апреля) 1806 г. Пера

Monseigneur! L'importance, aussi bien que la variété et la nature des communications que, d'après les dépêches de v. ex. des 3 et 18¹ février, je devais faire à la Porte, m'ont paru exiger de les présenter par écrit. Ce mode donnait aussi l'avantage de les préciser, de fixer l'attention de la Porte sur les divers objets auxquels elles avaient trait, de mettre à même le ministère ottoman d'en rendre un compte exact au sultan, enfin me permettait à moi-même de les entremêler de diverses réflexions et des considérations que je pouvais puiser dans les instructions de v. ex. et dans la situation des choses.

Pour lui donner une idée juste et précise de cette démarche de ma part, j'ai l'honneur de soumettre à son jugement la note que j'ai remise les 19 (31) mars².

Elle porte sur le refus de renouveler l'alliance avec l'Angleterre, sur l'existence des projets de Bonaparte contre l'empire Ottoman, sur les dispositions de s. m. l'empereur à l'égard de ce même empire, sur les insinuations faites par Bonaparte à notre auguste souverain, et par lui toujours rejetées, sur la démarche de la cour impériale auprès du ministre d'Autriche pour s'assurer de la non-existence dans le traité de Presbourg d'articles secrets contraires aux intérêts de la Porte, sur la stipulation entre la Prusse et la France de l'intégrité de l'empire Ottoman, sur la nécessité que le ministère ottoman s'explique relativement à la conduite qu'il tiendra envers la France et concerté un plan de défense au cas d'une agression de la part de cette puissance, sur le recours des Serviens à s. m. i., sur l'approbation donnée par cet auguste souverain à ma démarche des 18 (30) décembre concernant les principautés de Valachie et de Moldavie.

Quoique cette note ait été remise depuis une quinzaine de jours, le ministère ottoman n'a pas encore pu entrer avec moi en explication sur son contenu, puisqu'il a fallu que le drogman de la Porte en fit au préalable une traduction pour laquelle il a eu besoin de plusieurs jours de travail.

D'après cette circonstance je ne suis pas moi-même en état de rendre à v. ex. un compte quelconque sur l'effet que ces différentes communications auront produit.

Je suis obligé de me borner en ce moment à entretenir v. ex. de quelques détails relatifs à cette démarche de ma part, à lui exposer les motifs qui m'ont dirigé dans quelque partie de ma conduite, enfin à lui transmettre quelques renseignements sur les différents objets en négociations avec la Porte.

Comme la dépêche par laquelle v. ex. m'a fait part des éclaircissements demandés au ministre d'Autriche relativement à des articles secrets contraires à la Porte, m'offrait un moyen de fournir une nouvelle preuve de la sollicitude de s. m. l'empereur pour l'empire Ottoman, j'ai jugé convenable d'en annexer une copie à ma note des 19 (31) mars, en prenant la liberté de rédiger cette dépêche de v. ex. dans les termes qu'indique la copie ci-incluse, et en faisant au protocole de sa conférence avec le comte de Merfeld et à la lettre de ce lieutenant-général des suppressions qui m'ont paru indispensables.

Je joins ici une copie de ces deux pièces telles que je les ai communiquées, afin que v. ex. puisse juger de l'usage que j'en ai fait.

J'observerai au sujet de cette déclaration du comte Merfeld que déjà la cour de Vienne a notifié par écrit au ministère ottoman, comme j'ai eu l'honneur d'en informer v. ex. par mon rapport N^o . . . *, que le traité de Presbourg ne contient aucun article secret contraire à la Porte.

Quant à la stipulation entre la France et la Prusse de l'intégrité de l'empire Ottoman, vu l'idée que la Porte avait de ce fait, c'est-à-dire que cette stipulation a eu lieu d'après la demande de la Prusse, fondée aussi sur la sollicitude manifestée à cet égard par s. m. i. dans ses précédentes négociations avec le monarque prussien, il m'a semblé qu'il était d'une grande convenance de représenter cette stipulation dans le même sens, mais en prévenant en même temps le ministère ottoman contre l'interprétation que Bonaparté par un raffinement de duplicité voudra donner à cet article de la convention de Vienne; et c'est dans cette vue qu'a été rédigé le paragraphe qui dans ma note a trait à cette circonstance.

Quelque fâcheux que soit en ce moment, au moins d'après les avis récemment reçus par la Porte, le dénouement de la conduite du cabinet de Berlin, cependant il me semble qu'il est à préférer que le ministère ottoman considère l'article de la convention de Vienne, comme le fait de la Prusse et non pas comme celui de la France; et le changement de système du cabinet de Berlin survenu depuis ne peut pas détruire un fait bien constaté, celui que s. m. l'empereur dans la convention de Potzdam avait songé aux intérêts de la Porte.

Quant aux ordres de v. ex. relativement aux Serviens, je crois les avoir exécutés en plein par la communication *in extenso* de sa dépêche ostensible, par la remise de la lettre des Serviens qu'elle accompagne, et par les réflexions que, comme de mon chef, j'ai ajouté sur les motifs qui ont pu déterminer ce peuple à s. m. i. et sur la certitude qu'il se portera aux dernières extrémités plutôt que de consentir au rétablissement de l'ancien régime.

Depuis cette démarche de ma part en faveur des Serviens, l'internonce Sturmer a reçu une estafette qui lui a apporté des instructions sur la conduite à tenir pour arriver à la pacification de cette contrée, en déterminant, de concert avec moi, la Porte à des mesures propres à produire ce résultat.

Dès la réception de cette estafette l'internonce Sturmer a désiré me voir à ce sujet.

Il m'a communiqué le recours des Serviens à s. m. l'empereur et roi en même temps qu'à s. m. i., les considérations, qui faisaient désirer au ministère autrichien d'empêcher la prolongation de ces troubles, puisque les chefs de ce peuple ont déclaré qu'ils s'adresseraient à Bonaparté³, la détermination prise par s. m. l'empereur et roi d'intercéder pour eux auprès de la Porte, la lettre écrite en conséquence par ce souverain à sultan Sélim, les démarches faites en même temps par l'archiduc Charles auprès des pachas de Bosnie, de Vidin et autres destinés à agir contre la Serbie, à l'effet d'engager ces commandants ottomans à suspendre leurs opérations militaires jusqu'à nouveaux ordres de la Porte, enfin l'ordre de s'entendre avec moi dans la conduite de cette négociation, s'il est possible d'en établir une.

J'ai répondu à cette communication de l'internonce Sturmer en l'informant à mon tour des ordres de v. ex. sous ce rapport et des diverses démarches déjà faites par moi, des observations auxquelles récemment elles ont donné lieu de la part du reis-effendi et d'après lesquelles je ne pouvais guère concevoir un espoir fondé d'amener la Porte au but désiré, enfin de mon

* Так в тексте.

empressement à concourir avec lui pour faire naître dans le ministère ottoman des dispositions différentes de celles dont j'aperçois malheureusement l'existence.

C'est les 26 mars (7 avril) que j'ai eu cet entretien avec l'internonce Sturmer.

J'ai su que le lendemain il a fait prévenir la Porte de la nature des ordres que sa cour lui avait expédiés et que le kehaya bey avec lequel ce jour-là le premier drogman de la mission autrichienne s'était entretenu de cet objet, avait reçu très froidement les conseils de la cour de Vienne.

Les 28 mars (9 avril) l'internonce Sturmer a fait consigner au reis-effendi la lettre de l'empereur et roi pour sultan Sélim.

Wassif effendi ne s'est permis aucune observation et a engagé seulement le drogman Testa à prévenir le kehaya bey du message dont il venait de s'acquitter.

En effet ce drogman a saisi cette occasion pour revenir à la charge auprès de ce ministre ottoman. Celui-ci a montré moins de froideur que la première fois, c'est-à-dire qu'il est entré dans quelques observations sur les affaires des Serviens, mais sans manifester la moindre disposition à suivre une négociation à cet égard avec l'internonce Sturmer.

Le drogman Testa lui ayant représenté que l'archiduc Charles avait écrit à divers pachas destinés contre les Serviens pour les engager à suspendre les opérations militaires et que si la Porte de son côté leur écrivait dans le même sens, ce serait peut-être un premier pas de fait pour la pacification de cette malheureuse contrée, le kehaya bey a répondu à cette insinuation que ce serait une mesure absolument opposée aux ordres que la Porte avait expédiés à ces différents commandants, qu'elle ne pouvait pas s'y prêter. Enfin a-t-il dit pour que les Serviens obtiennent leur pardon, il faut qu'ils le demandent *la corde au cou et qu'ils commencent à livrer les plus coupables d'entre eux.*

Dans tout temps l'intercession de la cour de Vienne n'aurait pas pu être d'un grand poids auprès de la Porte à plus forte raison dans l'état d'affaiblissement auquel cette cour a été réduite par le traité de Presbourg, on ne peut pas espérer que ses bons offices dans une affaire de cette nature soient agréés par le ministère ottoman.

Certes, la Porte met et mettra une grande différence dans le langage qu'elle nous tiendra sur le même objet, c'est-à-dire qu'elle mettra moins de hauteur; mais je ne me dissimule pas, et il faut être certain, qu'intérieurement elle n'est pas plus disposée à accepter notre intervention dans les affaires de la Servie, et qu'autant que les circonstances ne l'obligeront pas d'agir autrement, elle la déclinera, comme aussi elle ne souscrira à des conditions telles que les Serviens le demandent qu'à la dernière extrémité; et tant s'en faut, je crois, que les instructions pour une pacification à l'amiable qu'elle a données au roumeli-valissi prévoient une telle nécessité.

Il paraît au surplus qu'Ibrahim pacha auquel on ne supposait pas la bonne volonté de remplir la commission dont il a été chargé, ne sera pas dans le cas ni de traiter avec les Serviens, ni d'agir contre eux; car on assure qu'il ne se mettra pas en route pour sa destination et qu'il restera dans sa position actuelle, ce qui en raison du voisinage des Français n'est pas sans utilité.

Le pacha de Bosnie est mort. La Porte cache qu'il a été victime d'un mouvement populaire. Le gouvernement de cette province a été donné à Hosrew pacha, pacha de Salonique, ci-devant roi d'Egypte et qui, il y a deux ans, a eu le bonheur de se soustraire à la fureur des Albanais dans cette province.

Je terminerait cette dépêche par prier v. ex. de daigner remarquer que j'ai saisi cette occasion pour rappeler au ministère ottoman dans ma note des 19 mars (31 avril) le paragraphe de la lettre de s. m. i. au sultan, relativement aux mesures à prendre afin d'assurer la tranquillité de la Valachie, et que j'ai attiré l'attention de la Porte sur la nécessité de prévenir les conséquences qu'entraîneront nécessairement les déportements auxquels Pasvand-oglou paraît vouloir délivrer contre cette province.

Mon langage à cet égard et mes demandes ont été préalablement concertées avec le vieux prince Ipsilanty, et j'en instruis aussi son fils par le courrier du jour, sans pouvoir cependant lui annoncer quelles déterminations la Porte prendra, puisqu'elles me sont encore inconnues sur cet objet, comme sur les autres qui ont fait partie de ma note.

Je ferai tout ce qu'il dépendra de moi pour amener les uns et les autres au résultat désiré par la cour impériale.

Pour ce qui est de l'alliance avec l'Angleterre, la Porte ne cesse dans chaque occasion de renouveler à l'ambassadeur Arbuthnot les plus grandes protestations sur les dispositions du sultan et la résolution de se tenir constamment au système qui unit la Porte à l'Angleterre, et de procéder au renouvellement du traité d'alliance dès que les circonstances le permettront.

Récemment encore le reis-effendi, d'ordre du sultan, a fait prier M. Arbuthnot de transmettre ces assurances à s. m. et de prier ce souverain de juger la position critique et dangereuse, dans laquelle la Porte est placée par le nouveau voisinage des Français.

On ne saurait disconvenir que cette situation ne soit telle; mais en même temps se faire illusion sur le motif qui détermine essentiellement le ministère ottoman à accumuler protestations sur protestations envers l'Angleterre, puisqu'il est aisé de sentir qu'il a en vue par là d'empêcher que la cour de Londres ne prenne brusquement quelque résolution contre la Porte et de prolonger le dénouement de sa position politique avec l'Angleterre, jusqu'à ce que les circonstances le tirent de l'état d'incertitude dans lequel il est.

Outre ces protestations, le ministère ottoman ne néglige pas d'autres démonstrations propres à son but. Il a mis le plus grand empressement à accueillir à l'amirauté en cette capitale une corvette anglaise qui avait besoin de se réparer. Tout a été fourni et employé avec la plus grande activité, et les procédés des officiers de l'amirauté envers ceux de cette corvette n'ont pas été moins remarquables.

M. Arbuthnot n'a pas voulu que cette conduite généreuse de l'amirauté ottomane restât sans une marque de reconnaissance de sa part; aussi cet ambassadeur a fait de son chef de jolis cadeaux aux principaux officiers de ce département.

La Porte a fait aussi récemment une autre démonstration. Elle a donné à M. Arbuthnot le grand cordon de l'ordre du croissant avec la plaque en brillants.

Je suis avec respect. . .

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1806 г., д. 46, л. 175—182 об. Копия.

Перевод

Ваше высокопревосходительство! Важность, разнообразие и характер сообщений, которые согласно депешам вашего высокопревосходительства от 3 и 18 февраля¹ я должен был передать Порте, требуют, я полагаю, представления их в письменном виде. Этот способ давал бы также и то преимущество, что можно было бы их уточнить

и обратить внимание Порты на различные предметы, которые они затрагивают, дать возможность оттоманскому министерству представить об этом достоверный отчет султану и, наконец, позволили бы мне самому перемежать их разными размышлениями и соображениями, которые я смог бы почерпнуть из инструкций вашего высокопревосходительства и из существующей обстановки.

Чтобы дать Вам верное и точное представление об этом демарше с моей стороны, я имею честь повергнуть на Ваш суд ноту, которую я вручил 19(31) марта ².

В ней идет речь об отказе возобновить союз с Англией, о существовании планов Бонапарта против Оттоманской империи, о намерениях его величества императора в отношении этой империи, о предложениях, сделанных Бонапартом нашему августейшему государю, постоянно им отвергаемых, о демарше императорского двора перед австрийским министром с целью заверить его в отсутствии в Прессбургском трактате секретных статей, противных интересам Порты, о постановлении, принятом Пруссией и Францией относительно целостности Оттоманской империи, о необходимости, чтобы оттоманское правительство объяснило линию поведения, которой оно будет держаться в отношении Франции, и согласовало оборонительный план на случай агрессии со стороны этой державы, об обращении сербов к его императорскому величеству, об одобрении августейшим государем моего демарша от 18(30) декабря, касающегося княжеств Валахии и Молдавии.

Хотя эта нота была вручена уже две недели тому назад, оттоманское министерство все еще не смогло войти со мной в объяснения по поводу ее содержания, так как требовалось, чтобы драгоман Порты предварительно ее перевел, для чего ему понадобилось много дней работы.

В связи с этим обстоятельством я не в состоянии дать вашему высокопревосходительству какого-либо отчета о результатах, к которым приведут эти различные сообщения.

В настоящее время я вынужден ограничиться тем, чтобы изложить Вам некоторые подробности, касающиеся демарша с моей стороны, и мотивы, отчасти руководившие моим поведением, и, наконец, передать Вам некоторые сведения по различным предметам, по которым ведутся переговоры с Портой.

Так как дельца, где Вы сообщаете мне о разъяснениях, требуемых австрийским министром, касающихся секретных статей, противных интересам Порты, тем самым дает новый предлог для того, чтобы привести новое доказательство заботы его императорского величества об Оттоманской империи, я счел уместным приложить копию с нее к моей ноте от 19(31) марта, позволив себе смелость изложить эту депешу вашего высокопревосходительства в выражениях, на которые указывает при сем прилагаемая копия, и употребляя в протоколе Вашей конференции с графом Мерфельдом и в письме генерал-лейтенанта сокращения, которые мне показались необходимыми.

Прилагаю при сем копию с этих двух документов в том виде, в каком они были мной переданы, дабы ваше высокопревосходительство могли судить о том, как я их использовал.

Я замечу по поводу этого заявления графа Мерфельда, что венский двор уже уведомил письменно оттоманское правительство, как я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству в моем донесении за №. . ., что Прессбургский трактат не содержит никакой секретной статьи, направленной против Порты.

Что касается постановления, принятого Францией и Пруссией о целостности Оттоманской империи, то, принимая во внимание мнение Порты на этот счет, а именно то, что это условие было принято по требованию Пруссии, а также основывалось на озабоченности, проявленной в этом отношении его императорским величеством в его прежних переговорах с прусским монархом, мне показалось наиболее уместным представить это условие в том же самом смысле, по предостерегая в то же время оттоманское правительство против того истолкования, которое Бонапарт с его изощренным коварством пожелает дать этой статье Венской конвенции; и именно с этой целью был составлен параграф, который в моей ноте относится к этому обстоятельству.

Как бы ни были в настоящий момент неприятны, по крайней мере согласно сообщениям, недавно полученным Портой, последствия поведения берлинского кабинета, мне кажется, однако, было бы предпочтительно, чтобы оттоманское правительство рассматривало статью Венской конвенции как результат действий Пруссии, а не Франции, и изменение системы берлинского кабинета, происшедшее с тех пор, не может поколебать того пезыблемого факта, что его императорское величество в Потсдамской конвенции заботился об интересах Порты.

Что касается распоряжений вашего высокопревосходительства о сербах, мне кажется, я их полностью исполнил передачей Вашей точной депеши, вручением письма сербов, к коему она прилагалась, и размышлениями, которые как бы от себя я присовокупил относительно мотивов, которые могли заставить этот парод обратиться к его императорскому величеству и о решимости сербов скорее пойти на последние крайности, чем согласиться на восстановление прежнего режима.

Со времени этого демарша с моей стороны в пользу сербов, интернунций Штюмер получил с нарочным инструкции о линии поведения, которой ему подлежит следовать, чтобы добиться умиротворения этой страны, совместно со мной побуждая Порту к принятию мер, способных привести к этому результату.

После получения этой почты интернунций Штюмер пожелал по этому поводу меня видеть.

Он сообщил мне об обращении сербов к его императорскому и королевскому величеству, а также к его императорскому величеству, соображения, которые заставляли австрийское министерство стремиться воспрепятствовать продолжению этих волнений, так как вожди этого народа заявили, что они обратятся к Бонапарту³; решение, принятое его величеством императором и королем, ходатайствовать за них перед Портой; письмо, в связи с этим написанное этим государем султану Селиму; демарши, одновременно предпринятые эрцгерцогом Карлом перед пашами боснийским, видинским и другими, назначенными выступить против Сербии, дабы заставить этих оттоманских комендантов прекратить свои военные операции до получения новых повелений Порты; наконец, распоряжение договориться со мной о ведении этих переговоров, если таковые окажутся возможными.

Я ответил на это сообщение интернунция Штюмера, уведомив его в свою очередь о распоряжениях вашего высокопревосходительства на этот счет и о уже предпринятых мною шагах, о замечаниях, коих предметом они недавно явились со стороны реис-эфенди и согласно которым я будто бы не могу питать обоснованной надежды привести Порту к желаемой цели, наконец, о моей готовности сотрудничать с ним, чтобы вызвать в оттоманском правительстве настроения, отличные от тех, которые я, к несчастью, в нем замечаю.

Эта моя беседа с интернунцием Штюмером происходила 26 марта (7 апреля).

Я узнал, что на другой день он известил Порту о характере распоряжений, направленных ему его двором, и что кяхья-бей, с которым в тот день драгоман австрийской миссии беседовал по этому вопросу, весьма холодно принял советы венского двора.

28 марта (9 апреля) интернунций Штюмер показал реис-эфенди письмо императора и короля к султану Селиму.

Вассиф-эфенди не позволил себе никакого замечания и лишь побудил драгомана Тесту предупредить кяхья-бея о только что прочитанном им послании.

Действительно, драгоман воспользовался случаем, чтобы возобновить свою попытку перед этим оттоманским министром. Последний проявил меньше холодности, чем в первый раз, т. е. сделал некоторые замечания по сербским делам, не обнаруживая, однако, ни малейшей склонности продолжать переговоры по этому поводу с интернунцием Штюмером.

После того как драгоман Теста доложил ему, что эрцгерцог Карл написал разным пашам, назначенным выступить против сербов, чтобы побудить их приостановить военные действия, и что если Порта со своей стороны писала к ним в том же смысле, это было бы, возможно, первым фактическим шагом по умиротворению этой несчастной страны. Кяхья-бей ответил на эту инсинуацию, что эта мера полностью противоречит приказам, направленным Портой всем этим комендантам, что она не может на это согласиться. Наконец, сказал он, для того чтобы сербы добились прощения, нужно, чтобы они просили о нем *с веревкой на шею и стали выдавать наиболее виновных*.

Вмешательство венского двора в любом случае не могло бы иметь вес перед Портой, а тем более в состоянии упадка, в котором находится этот двор вследствие Прессбургского трактата, и нельзя надеяться, что его услуги в деле подобного рода будут приняты оттоманским правительством.

Конечно, Порта проводит и будет проводить большое различие в тоне, каким она будет говорить с нами по этому же предмету, т. е. она проявит меньше высокомерия; но я не скрываю от себя, что скорее всего внутренне она не слишком расположена принимать наше вмешательство в дела Сербии и что постольку обстоятельства не заставят ее действовать иначе, она его отклонит так же, как она согласится с теми условиями, которые выдвигают сербы, лишь в самом крайнем случае, и, я думаю, вовсе не потому, что инструкции по мирному урегулированию, которые она дала румелинцам, предусматривают подобную необходимость.

Представляется, кроме того, что Ибрагим-паша, которого нельзя заподозрить в искреннем стремлении выполнить возложенное на него поручение, не сможет ни вести переговоры с сербами, ни действовать против них, так как уверяют, будто он не отправится по назначению, а останется на своих теперешних позициях, а это из-за соседства французов не лишено пользы.

Боснийский паша умер. Порта скрывает, что он стал жертвой народного движения. Управление этой провинцией было предоставлено салоникскому паше Хосреву, бывшему королю Египта, который два года тому назад счастливо спасся от ярости албанцев в этой провинции.

Я закончу эту депешу, обратившись к вашему высокопревосходительству с просьбой соизволить заметить, что я воспользовался этим случаем, чтобы напомнить оттоманскому правительству в моей ноте от 19 марта (31 апреля) параграф письма его императорского величества к султану относительно мер, которые следует принять, чтобы обеспечить спокойствие Валахии, и что я обратил внимание Порты на необходимость предотвращения последствий, которые неминуемо навлекли бы эксцессы, которые Пазвад-оглу, по-видимому, собирается учинить против этой провинции.

Мои речи на этот счет и мои требования были предварительно согласованы со старым князем Ипсиланти, и я оповестил об этом его сына через сегодняшнего курьера, но не мог, однако, сказать ему, какое решение примет Порта, так как мне оно еще неизвестно, как по этому предмету, так и по другим, о которых говорится в моей ноте.

Я сделаю все, что будет зависеть от меня, чтобы добиться результатов, угодных императорскому двору.

Что касается союза с Англией, Порта не перестает каждый раз повторять послу Арбутноту свои самые торжественные заверения о намерениях султана Селима и решении постоянно придерживаться системы, объединяющей Порту с Англией, и приступить к возобновлению союзного договора, как только обстоятельства это позволят.

Еще недавно реис-эфенди по повелению султана просил г. Арбутнота передать эти заверения его британскому величеству и просить этого государя принять во внимание опасное и критическое положение, в которое поставлена Порта из-за нового соседства французов.

Нельзя не согласиться, что такова ситуация, но в то же время нельзя строить иллюзий об основном мотиве, заставляющем оттоманское министерство засыпать Англию своими заверениями, так как легко понять, что оно имеет целью тем самым помешать тому, чтобы лондонский двор не принял неожиданно какого-нибудь решения, направленного против Порты, и задержать развязку своей политической позиции в отношении Англии, пока обстоятельства не выведут его из состояния неопределенности, в котором оно пребывает.

Помимо этих заверений, оттоманское правительство не пренебрегает и другими демонстрациями, преследующими эти цели. Оно с большой поспешностью приказало адмиралтейству этой столицы принять английский корвет, нуждавшийся в починке. Все было доставлено и использовано с величайшей активностью, и обращение офицеров адмиралтейства с офицерами этого корвета было не менее замечательным.

Г-н Арбутнот не пожелал, чтобы сие великодушное поведение оттоманского адмиралтейства осталось без проявления благодарности с его стороны, поэтому посол сделал от себя ценные подарки главным офицерам этого департамента.

Порта же недавно проявила свое отношение к нему. Она наградила г. Арбутнота лентой ордена полумесяца с бриллиантовой звездой.

Почтительнейше остаюсь.

¹ См. док. № 125, 126, 129.

² Полный текст ноты А. Я. Италинского Порте от 19(31) марта 1806 г. опубликован на французском и русском языках в: ВПР, т. III, док. № 32.

³ Один из руководителей Первого сербского восстания М. Ненадович еще в конце 1804 г. направился в Париж в надежде заручиться помощью Франции в борьбе против турок и покровительством Наполеона на случай создания сербского государства. Его поездка не имела положительного результата (см.: Documents inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon I (1809—1814). Publiés par A. Voppe. Beograd, 1888, p. 122—125).

№ 141

Письмо Правительствующего совета сербского И. Ф. Болкунову от отказа Австрии в продаже оружия и с просьбой о военной помощи и присылке в Сербию представителя из России

11 апреля 1806 г. Смедерево
В Правительствующем совете сербском

Ваше высокородие, милостивый государь мой! Посланный от Вас господин Чайкович приспел счастливо к нам 27 марта сего г. и вручил нам утешительнейшее письмо Ваше от 7 марта того ж¹, вместе же и всемилоостивейше народу сербскому пожалованных 10 тысяч червонных гол-

ландских. Г-н прото[и]ерей, наш председатель *, отсутствовал, делами нужными на граници Босны занят. Тотчас отправили мы и для него, и для первоначального вождя нашего нарочитых, которым, немедленно сюда пришедшим, сообщили мы в Совете народнем письмо и послание Ваше. И уразумевше вся писанная, с неизглаголаннм утешением и радостию воздали мы хвалу и благодарение богу за превеликое его к нам милосердие. Его же императорскому величеству великому государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому, нашему всемилостивейшему покровителю, всенародное, чувствительнейшее, пламенное и в сердцах всего народа сербского врезанное благодарение коленопреклонно приносим за благодатнейшее царское его попечение о жребии своего единоверного и единоплеменного народа сербского, моляще непрестанно всеблагого бога, да дарует божественному народнег счастья нашего творцу преблагое благоденствие, на враги же победу и одоление и да содействующе ему во всех предприятиях его небесною силою своею, и дело избавления сербского к велики пожелаемому концу скоро, скоро приведет! ! Да некакo долгим страданием изнурени и в неизвестии за будуще трепещущии серби в всеобщее отчаяние падут и потеряются совсем!

Народ сербский, всевысочайшею милостию его величества до восхищения утешенный, с сокрушенным сердцем вручает себе и потомство свое всемилостивейшему отеческому попечению его величества, моляще и коленопреклонно просяще, да всещедро благоизволит он ускорити совершити избавление сербское или прещедрим скорым исходатайствованием фермана в смысле прошений и всемирнейших желаний наших у Блистательной Порты. Или, аще бы и тепер противу получения того препятствия поставлена была и сильнейшая и всемогущая представления и приглашения нашего всемилостивейшего покровителя скорый пожелательный успех не имела бы, в сем случае народ сербский коленопреклонно просит скорую, явную, вооруженную помощь, хотя из несколько только полков состоящую, к сербом послати, яко же обширно изложено есть в всепокорнейшем представлении сербской в Вене депутации, которое секретно вручено есть министру всероссийскому в Вене, да послется его величеству Александру I ². Перво или второе, аще народ сербский вскоре не получит, он вечно несчастен будет! Но мы твердо надеемся, да всеильное Александра Великого слово расположит Блистательную Порту на подарение сербом пожелательнейшего фермана, и сим помиловани быти от его султана величества скоро и неотложно уповаем! Тогда всепокорнейше нашего всемилостивейшего покровителя просим лучший порядок вещей в земли нашей установити, неискусное правление наше путеводити и устроити и нуждную ему важность и силу дати всемилостивейше благоизволити. Каждый России совет и всякое ее наставление будет нам всегда всемилостивейшее повеление, которое ми всегда точнее и в всяких обстоятельствах с энтузиазмом исполняти будем. Верное подданничество, которым мы законно его султанову величеству обязаны есмы всегда святейше хранить, яко же и все новые обязанности и должности, кои по новому порядку вещей на нас возложени быти имеют, с должным повиновением и точностию всегда исполняти будем. Всеобщего же неприятеля, французов, и их коварных внушений и лукавые хитрости и береглися мы до сих пор осторожнейше и берещись всегда будем, яко от огня. Они, суще неприятели России и наши такожде суть. И мы всегда готови есмы живот наш положить за честь и славу великого покровителя нашего, коим днесь вси единоверные и единоплеменные гордятся! Знающе известно и положительше

* М. Ненадович.

уверени суще, да соседная иноплеменная государства только сербом, аки иповерным и иноязычным, и их восстанию и за освобождение отечества своего борению неприятствуют, да вечно нас несчастных видети желающе, то делают, чтоб предходящее несносное иго на нас паки бросити и вечному забвению и уничтожению предати. Едина только величественная и сербом прелюбезнейшая Россия благословляет и любит нас, аки свой род и племя. Она едина приятствует нам и праведному борению нашему. Она едина нас освободити и совершенно избавити может и хочет! Вся надежда наша в ней и вся помощь от нее! Она нам существование и вечное счастье приуготовляет! Сладостне сие знаем мы и чувствуем с благодарнейшим сердцем, и уже от дне на день первые утехы совершенство из благодетельнейших рук Александра Великого с радостью ожидаем!

При сем честь имеем известити ваше высокородие, что серби днесь в очен бедном положении находятся. Турки из Босны на многих странах на нас нападают беспреривно, села многая наша попалили, жени же и дети в плен отвели, и многих уже из простого народа внов воставших отманили в свою сторону, обещающе им разные прелести, противных же искоренением угрожая. На утешительнейшее нам господина черногорского митрополита писмо, коего копию здесь прилагаем ³, по нарочитому его отвечали мы, что мы всегда готови есмы с ними единодушно действовать, и просили его сильнейшим образом, чтоб, с воинством нападше на Босну, диверсию там соделал, а найпаче чтоб и он постарался нужнейшую коммуникацию с нами соделати, без которого соединения ми предвидим, что dalje держатися не будем могли, потому что [а]мунитии величайший и крайный недостаток имеем. А австрийский двор, не знаем, из коих причин, границу свою от нас толь строго затворил, да нашим людям ни в контумац прийти не дозволяют. То, что и г. Чайкович Вам будет засвидетельствовати сам своим искусством, и он 6 дней, когда к нам прийти хотел, задержан был на границы, а когда возвращался ⁴ дни в самом беднейшем месте на немецкой стороне ожидал дозволения в контумац, коего не получив, паки к нам возвратился.

Познато и сие вашему высокородию будет, что мы, а именно, я и г. прото[и]ерей, наш председатель, в Венну, аки депутирци ишли. Мы нарочито для того, чтоб в делах народных какое-нибудь претикание не соделалося. Хотя мы и просили у цесарско-австрийского двора нужную нам [а]мунитию и оружия либо за готовые денги, либо в заим, и чтоб нас его ц[есарско]-к[оролевское] величество у Блистательной Порты препоручил, дабы она на нас, который верный подданницы его султанова величества есмы и всегда быти желаем, армии своя не послала, но напротив того, чтоб увидев правду желаний наших, прошения наша у Блистательной Порты исполнена была. Однако ж его ц[есарско]-к[оролевское] величество не соизволился на давание [а]мунитии и оружия, но только свое посредничество между нами и Блистательною Портою обещал, чтоб тишина в нашем край паки восстановилася. И для сего вся потребная средства употребити изволил народу сербскому обещати его величество. Вследствие сего его высочество кр[аль] ерцгерцог Карл писал Черному Георгию ⁴ и пятим околним пашам, то ест видинскому, белградскому, зворничкому, травничкому и skutарскому, чтоб они от кровопролития престали, пока его ц[есарско]-к[оролевское] величество с великим султаном согласно за сия предели урещение не соделает. Мы и в намерении, и в полномочии имели, совершив дело в Вене, и в Петербург поехати, но цесарский двор взем от нас полномочие наше и народное писмо на его императорское величество государя всемилостивейшего Александра Первого с обещанием и писмо сие в Петербург отправить, и нас там заступити и с приказанием,

да мы немедленно возвратимся к своим си. При самом же походе нашем из Вены вручили мы секретно его сиятельству графу Разумовскому, его императорского величества в Вене министру, всепокорнейшее прошение от сербской депутации в Вене на его императорское величество с молением таковое секретно в Петербург отслати, коего копию так же здесь прилагаем⁵. Сие кончилась сия депутация, и мы пришли в Сербию. И теперь в сем величайшую нужду имеем, что цесарцы границу и коммуникацию с нами велми отягощают, что мы непобедимая препятствия имеем в приобретении [а]мунитции и оружия и что таковая трегубою ценою куповати принуждени есмы⁶. На конец честь имеем уверити положительнейше ваше высокородие, да народ сербский денежным пособием снабден и всемилостивейшим покровительством оживлен. За честь и славу великого своего покровителя и избавителя, за православную веру свою и за освобождение отечества своего вси согласно и единодушно живот свой положить и кров свою пролити готовейшии и решеннейшии суть. Аще бы обстоятельства дозволила или отменного мужа к сербом из России для народных утех и охрабрения в явном действии послати, или отменных членов нашего Собрания народня знаки уважения украсити, многие в народе беспорядки легко исправитися бы могли.

Впрочем благодаряще всеусерднейше и чувствительнейше вашему высокородию за Ваше мудрое об нас попечение и за неусипные труды Ваша, известуем Вас, да вся сия по истинному вещей бытию, по препоручению нашего г. председателя Ненадовича и нашего первоначального вожда г. Георгия Петровича с единодушным согласием всех Народного совета членов писанна суть. Я, исполнив с радостию такое мне данное наложение, премудрому промотрению и милости Вашей себя и всех нас вручающе, с отменнейшим высокопочитанием честь имею на всегда пребыти вашего высокородия, милостивый государь мой, покорнейший слуга

[Печать]

Божидар Груев Филиппович,

[Печать] в отсутствии г. председателя его наместник и член Собрания
всесмиренный митрополит београдский Леонтия,

Собрания народного член Иован Протич, соборни член с целым

[Печать]

Советом народным

Р. С. И сие честь имеем известити, что мы походяще в Вену отправили народное прошение наше на его величества султана, в котором просимо мы, чтоб на нас войну не послал, но чтоб с поразумением всероссийского и цесарского дворов одну комиссию изволил положить, которая бы развидела вся дела наша бывшая, и чтоб, увидевше справедливость прошений наших, на таковых нам подаяние согласился, обещая ему совершенное во всех повиновение. И сие прошение наше послали мы посредством цесарского министра в Константинополе г. Штирмера.

Потом писато 22 февраля 1806 г. на греческом диалекте просительное письмо его святейшеству патриарху константинопольскому⁷, да он Диван молит, чтоб первая прошения народня милостиво услышанна была, в котором представлено, чтоб, ежели иначе нам не верится, к нам султанов муасил послан был для принятия царской даны. К сему приложено два турецкие писма, от оных турков писанные, которые помежду нас остались и с нами мирно живут. Сие писма свидетелствуют, что мы ако верна рая поступаем и ведемся и что всегда законы гражданские, султановы и религию их святейше почитали и почитаем.

АВПР, ф. ГА 1-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, л. 5, л. 20—22 об. Подлинник. Печати Правительствующего совета сербского, И. Протича, митрополита Леонтия.

¹ См. док. № 133.

² В состав сербской делегации, посланной в Вену в начале 1806 г., входили Матия Пенадович, Божидар Груйович и Милош Урошевич. Цель их поездки указана в данном им полномочии от 11/23 января 1806 г. (см. Списк. . . , књ. III, с. 7). Посланное из Вены прошение сербских депутатов на имя Александра I от февраля 1806 г., публикуется в нашем сборнике под № 130.

³ Имеется в виду письмо Петра I Негоша Карагеоргию от 15 февраля 1806 г. См. док. № 128.

⁴ Ответ эрцгерцога Карла Карагеоргию от 7 марта 1806 г. опубл.: Списк. . . , књ. III, с. 56.

⁵ См. док. № 130.

⁶ Подробнее об этом см.: *Гавриловић С.* Војводина и Србија. . . , с. 45—96.

⁷ Документ не обнаружен.

№ 142

Письмо Б. Груйовича П. Новаковицу со сведениями о военных успехах сербских войск

12 апреля 1806 г. Смедерево

Благородниј господин капетан, мој прељубезнејшиј и верниј друже! С радостију смо дочекали г. оца Проту и брата Гаврила који су к нам 12 април[ка] сего срећно дошли, и за наша тамо дела и за Вас известили. Ја благодарим богу да се Ви у добром здрављу и состојанију находите, и желим Вас, како ја, тако и сви наши, што скорије код нас видети. Сад код нас више браће има: ми смо Пореч, Параћинску, Рожанску, Крушевачку и Алексиначку нахију добили; добили смо и Полак Пазарске и Стариј Влах, и надамо се који дан с Црногорцима се састати. Ваш је Божан код куће, у Албанији. Г-н капетан Жикић, наш верниј, сад командира под Нишом, а Радић под Новим Пазаром; и Симић Брендрих је прешао к нама. Сви онако као и Ви јунака и војника доста имамо, али пам, је за џебану спреша. И јеште би толико војске имали, само да оружја имамо. Џебане и оружја највише требамо. А сви су околни Србљи готови, сви нас к себи зову, да с нама заједно раде. Само оружја немаду. Чујемо да су се и Црногорци кренули и Скадар опколили, Дубровник, Боке и Далмацију освојили; и тако је у име божије Босна, обкољена. Јеште то једне желимо да се с Црногорци састанемо. Поздрављам Вас и Ваш почтениј дом, какоти госпођу Вашу и брата Михајла и све тамо наше љубезнике. Мој је Михајило код мене ¹. С тим Вас прељубезно поздрављајући и грлећи и скоро Вас видети желећи, пребивам с своим браћом нашом и са Сабором, који вас поздрављајут, и јесме Вашискренејшиј

Божидар Груевић, советник

Ја сам с г. оцем протом Матвејем, нашим председатељем, био у Бечу и хвала богу, срећно смо се вратили. И све је добро по нашем желанију уређено.

Поздрављам љубезнејше и клањају се покорнејше Андреју Афанасијевичу, Василију и Павлу Федоровичу Малиновским, Григорију Ивановичу, г. Терлаичу и Василију Назаревичу, г. Каразину и нашим љубезнејшим всем.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 5, л. 27—28. Автограф.

¹ Михаил Груйович, брат Божидара Груйовича. После смерти Божидара в 1807 г. был назначен секретарем Правительствующего совета сербского (см.: *Пенадовић К. Н.* Живот и дела. . . , књ. 2, с. 7).

Кабинетное письмо Александра I султану Селиму III о необходимости мирного урегулирования сербо-турецкого конфликта

30 апреля 1806 г. С.-Петербург

Величествуемому светлейшему, державнейшему и могущественнейшему султану Селиму, вернейшему нашему приятелю, союзнику и соседу.

Засвидетельствовав вашему султанову величеству без всякого этикету и церемонии искреннее мое почтение и осведомясь о здоровье Вашем, я поспешаю ответить на письмо вашего султанова величества от 23-й луны зилькаде 1220 *, мною исправно полученное посредством посланника моего, пребывающего при Блистательной Порте.

Я не могу довольно изъяснить вашему султанову величеству живейшего своего удовольствия, с коим принял я новые уверения дружбы Вашей, изложенные Вами, и прошу Вас быть всегда удостоверену в заимности оной, так как и в чувствах искреннего моего расположения.

Дружественное и чистосердечное Ваше объяснение о вооружениях, чинящихся в пределах империи вашего султанского величества, налагает на меня обязанность отвечать Вам с равною искренностью. Обязанность сию почитаю я столь священной, что я почел бы за нарушение счастливого союза, между нами существующего, если бы не исполнил оную.

Не упоминая о причинах, побудивших народ сербский поднять оружие противу Блистательной Порты, не могу не заметить, что в настоящем положении дел строгие меры, готовящиеся против них, могут иметь наименее несчастнейшие последствия от соседства французов. Уверение мое по сему столь положительно, что я нимало не колеблюсь просить ваше султаново величество предпочтительно употребить кротость и ласку противу сего народа, который с удовольствием покорится, если постановления с ним сделаны будут на справедливом основании, и обратит оружие свое на защиту и славу империи Вашей. В противном же случае меры, ныне против него принимаемые, произведут единственно знаменитое уменьшение сил и могущества вашего султанова величества.

Посланник мой, пребывающий при Блистательной Порте, не упустит, конечно, объясниться с министерством Вашим по сему так, как и по другим предметам, согласно с предписаниями, данными ему от нас. Я ласкаю себя надеждою, что таковые представления его признаны будут от вашего султанова величества справедливыми и что он получит совершенное по оным удовлетворение, каковое показало бы мне на деле искренность уверений вашего султанова величества, в коей крайне прискорбно бы мне было сомневаться с некоторым основанием.

Изложив таким образом вашему султанову величеству, сколь много я желаю отклонить и наималейшую причину, могущую охладить союз и доброе согласие, столь счастливо между нами существующие, остается мне изъяснить Вам искреннее мое желание, дабы наслаждались вы долгим царствованием, коего слава бы час от часу более возрастала, и повторить уверения о чистосердечной дружбе, с коею есмь вашего величества верный приятель, союзник и сосед.

Подписано его императорским величеством: Александр

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6234, л. 6—8. Копия. Опубл.: ВПР, т. III, с. 143—144.

* 31 января 1806 г. (23 луны Зиль-када 1220).

*Отношение А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову об отклонении
турецким правительством требований сербов и ходатайств
России и Австрии в их защиту*

№ 239

Апрель 1806 г. * Пера
Тайное

Милостивый государь мой Ипполит Федорович! Хоть употреблены Портою разные меры в доказательство несуществования с ее стороны ни малейшего намерения объявить войну России, при всем том поведение министерства в рассуждении нас столь неблагоприятно и обнаруживает умыслы столь нелепые, что двор, предупреждая дальнейшие в таком роде покушения, может скоро найтись в необходимости решиться употребить средства, сопровождаемые движением военных сил. Уведомляю Вас о сем, как о вероятном происшествии, дабы Вы, имея оное ввиду, учреждали сходственно труды Ваши касательно пользы службы.

По доставлении Порте арз-мазаров сербского народа, одного мною, другого — интернунцием, третьего — господарем Ипсилантием, султан получил от австрийского императора письмо¹, которым его величество представил ходатайство свое в пользу сербов. Почти в то самое время получено было мною от двора повеление учинить в таком же смысле министерству здешнему представление, основанное на важнейших правилах здравой политики. Как арз-мазары, так цесарское письмо и мои представления не произвели никакого плода. Министерство продолжает отзываться, что почитает невозможностью восстановить в Сербии спокойствие иначе как оружием, что на такой конец сделаны уже все нужные расположения и что достоинство Порты требует, дабы оные произведены были в действо. Изъясняется оно таким образом по сему предмету не для того, однако ж, что считает себя уверенным в успехе приготовленного против сербов ополчения, но дабы не допустить, чтоб народ сей за примирение свое с Портою не был обязан какой-либо иностранной державе и чрез то сия приобрела бы право гарантий. Все паши, а особливо Ибрагим-паша, имеют предписание стараться всячески советами, обещаниями, средствами лести и коварства преклонять оный народ к успокоению и обращать в повиновение и не иначе употреблять силу как в крайности, и то с великою осмотрительностью. Сведений сих сообщение сербскому правительству может иметь полезные последствия.

По делу Бубукина, когда время позволит приступить к нему, сделано будет мною все, что следует в силу законов.

С прибывшею сюда 4-го числа настоящего м[еся]ца из России почтою получил я от курского дворянина отставного майора Вощанина прошение с приложением разных бумаг, которые, прилагая у сего, прошу Вас, милостивый государь мой, дать мне в свое время надлежащее понятие о претензии его. Имею честь быть с совершенным почтением, милостивый государь мой, вашего высочородия покорнейший слуга

Андрей Италинский

Р. С. Препровожденный ко мне при одном из отношений ваших вексель на 4975, присланный к вам из кабинета для доставления в пансион капитану Зараханию, был давно уже продан, но по неизвестности места пре-

* Число в подлиннике не проставлено.

бывания его выроченная сумма 100 пиастров 39 астр хранилась у меня. Ныне по отзыву его ко мне отдана коллежскому асессору Фродингу под двойную росписку, которую у сего прилагаю.

Андрей Италинский

Помета: Получено 3 мая. Отв[ет] 4-го.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 130, л. 56—57 об. Подлинник.

¹ Имеется в виду письмо австрийского императора Франца I султану Селиму III от 1/13 марта 1806 г. Опубл.: Списи. . . , кн. III, с. 69—71.

№ 145

Письмо Петра I Негоша Карагеоргию с советом не предпринимать наступательных действий против турецких наших

7 мая 1806 г. Станевич

Светлый и славно владеющий славено-сербский вождь Георгий Петрович! Благоприятнейшее письмо Ваше по согласию правительствующего богом воздвигнутого Совета сербского и всех военачальников, минувшего априла 4-го дня писанное¹, имао сам я честь сего течения 1-го числа с не описанным удовольствием исправно получить. И с коега свако слово оставь на моему сердцу с радостью глубоко напечатано, а наипаче Ваша подданическая верность к своему царю, без кое ни едан народ не може быть славен, ни благополучен. Само то едно, дух мой чувствует беспокойствие, что я из Вашего письма, равно како и от разносящегося у ове стране слуха разумием, да босанский и румелийский турцы Вас, како и мене, герцеговский и албанский без султанского дозволения самоволно напастуют, у вриеме када се Блистателна Порта Оттоманска с нашим высокославным всероссийским двором у найтвердый мир и союз находи, и када бы они по дужности имали быть обвезани обратити све свое внимание и войничке силы против всеобщих мира и тишины возмутителей францозов, коих злоумисленное намерение простирается на державу помянуте Блистателне Порте к вечному всех турок бесславию и крайнему разорению коварно поступити. Но будући я во имя господне с неколико здешне войске идем к победоносным морским и сухопутным войскам нашим российским, кое се находе под командою господина вице-адмирала и кавалера Димитрия Николаевича Синявина, дабы соединенными сердцами и совокупленными силами, призвав бога на помощь, истреблять францозов из Далмации и, освободивши наших единоплеменных собратиев далматинов от лютого рабства и неволе, коему су они саде подвержены стали, не допустить оным неприятелем над словенскими народами господствовать и при том прекратити всякое их предприятие на союзную высочайшему двору нашему державу Оттоманскую.

Того ради вас, любезнейший витезови, от искренности сердца моего братским и дружеским начинном советую, да бысте вы свои войска само на оборонительной точки всячески содержать старались и мимо назначенных вам султанским ферманом границ, против выше означенных ослушников не исходили. А между тем бог не оставит терпение Ваше и верность к своему царю без награждения и самовольных бунтовщиков, не повинующихся законной их власти без достойного наказания. В протчем, обнимаю Вас и све чиновначальнике братскою любовью, остаем с теплим молитвами препоручуи свакога великога и малога тамошняго сербина милости и покровительству всесилоного бога, есам.

На подленном подписано тако: Ваш истинный доброжелатель и покорный слуга, митрополит черногорский и ордена святого Александра Невского кавалер

Петр Петрович Негуш

[Печать]

С точной копии переписал митрополитский секретарь Дометриан Владевич

Помета: Получ[ено] 9 июня 1806 г.

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 3, ч. 2, л. 31—32. Копия, заверенная печатью Петра I Негоша.

¹ Имеется в виду письмо Карагеоргия черногорскому митрополиту Петру I Негошу от 4 апреля 1806 г. Опубл.: Први српски устанак, . . . , књ. 1, с. 175—177.

№ 146

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторийскому о просьбе сербов предоставить им помощь и о казни ими французских эмиссаров

10 мая 1806 г. Яссы
Секретно

Сиятельнейший князь, милостивый государь! Важная комиссия, возложенная пред сим на меня вашим сиятельством, благополучно совершилась возвращением в минувшую ночь из Сербии коллежского регистратора Джайковича, который доставил мне ответное отношение Сербского народного совета с другими приложениями. Почтя содержание сих бумаг, по настоящим обстоятельствам весьма важным и немедленного сведения всемилостивейшего государя требующим, спешу препроводить оные при сем с нарочною стафетою посредством его высокопревосходительства г. генерала от кавалерии Михельсона. В подтверждение всего в них сказанного коллежский регистратор Джайкович присовокупляет, что в продолжение пребывания его между сербами имел он случаи наиточнейше удостовериться о неуклонном их следовании советам высочайшего двора и всеобщей приверженности к оному сего народа, одушевленного неизобразимыми чувствами признательности, и который с пламенным усердием и отвагою готов на всякое дело, какое бы заблагорассуждено было предпринять для общей пользы. Но что впрочем земля оная в великом ныне изнурении, и народ, утомленный беспрестанными действиями и сражениями, ежедневно возобновляемыми, в опасности невозвратного падения своего просит о неотложной помощи, коей сербы вовсе лишены ныне запрещением выпускать к ним даже и под рукою * какое бы то ни было оружие или другие припасы из соседних областей, где, по показанию нарочного, ощутительно усугублены на сей конец строгости, коим и сам он был подвержен.

Весьма вероятно, впрочем, что никакое другое иностранное влияние не имеет и не может иметь места в сербской нации. Дознанная твердость и непоколебимость ее в своих началах и другие естественные отношения, связующие оную с великою империею Всероссийскою, не позволяют ни малейшего сомнения о единодушной склонности сего народа к России, коей единой исповедует свое почитание и обожает оную. Ко всему же сказанному должно отнести и сие обстоятельство, что сербы, за несколько пред сим узнав о появившихся между ими с французской стороны эмис-

* Т. е. — тайно.

сарах, двух из них немедленно убили, а третий, спасшийся в Боснию, по подозрению от турок получил такую же участь; и что невзирая на доставленные сим нашим нарочным доказательства, все меры употреблены были для изведения с строгостию его комиссии, и даже письмо, данное ему на случай только к консулу нашему в Рагузе под предлогом купеческих дел, сам Черни-Георгий открывал в Совете для удостоверения.

Препровождая у сего письмо из Сербии к известному капитану Новаковичу¹, я не могу при том умолчать пред Вами, сиятельныйшии князь, о признательности сербских вельмож, изъявленной г. Джайковичу в доставленном ко мне при сем случае аттестате, который, включая здесь оригиналом², обязываюсь долгом справедливости присовокупить и с своей стороны удостоверение о трудах его, Джайковича, многих претерпениях и опасностях, коим он в столь трудном пути на каждом шагу должен был подвергаться и по коим не незаслуживает милостивого воззрения.

Примите, ваше сиятельство, дело сие и возвещение об оном, яко знак ревности моей к службе и тех необходимых забот, которые при исполнении оного занимали меня и которые, препоручая великодушию Вашему, имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и неограниченною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайший слуга

Ипполит Болкунов

Р. С. При доставлении в Сербию последней посылки в рассуждении тяжести ее необходимо нужно было иметь коллежскому регистратору Джайковичу собственную повозку, на которую, так как и на проезд его в оба пути употреблено всего 183 червонных голландских, которые покорнейше прошу ваше сиятельство по испрошении высочайшего соизволения мне возвратить.

Ut in litteris

Ипполит Болкунов

Помета: Получено 21 мая 1806 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 5, л. 13—15 об., 30. Подлинник.

¹ См, док. № 142.

² Имеется в виду свидетельство, выданное Правительствующим советом сербским офицеру Дмитрию Христофоровичу Джайковичу, который находился на русской службе и в августе 1805 г. прибыл в Сербию. В рядах повстанческих войск он сражался против турок, в частности участвовал в битве под с. Иванковцем и Парачином. Об этом говорит следующее свидетельство очевидцев — пожаревацкого коменданта Миленко Стойковича, Божидара Груйовича и сербского митрополита Леонтия, скрепленное их подписями и печатями. В документе говорится, что Джайкович «... наших воин поучал, как пушки управлять, он сам собою ревностно воины ободрял, борился с нашими неприятели. . .» Подписавшие свидетельство просят русские власти наградить Джайковича (АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 5, л. 29).

№ 147

Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому о неопределенности внешнеполитической ориентации Карагеоргия

№ 17

12[24] мая 1806. г. Каттаро

По прибытии сюда вчерашнего дни ввечеру черногорского митрополита сообщил он мне в полной доверенности письмо, писанное им к Карагеоргию прежде занятия Боки ди Каттаро, и полученный ныне от него ответ с просьбою, дабы я сию переписку доставил к вашему сиятельству чрез нарочного курьера, ибо разные слухи удостоверяют, что сей вождь

славяно-сербский не решился еще по сию пору взять ни нашего покровительства, ни правления французского. Да даже ответ Карагеоргия не включает в себе ничего такого против Франции, а токмо ищет помощи у черногорцов и обнаруживает всю свою ненависть против боссанских и других турок, которые будто бы ослушники Порты Оттоманской. Приняв во уважение просьбу черногорского митрополита, дерзаю отправить к вашему сиятельству с сею перепискою архимандрита Вукотича. Я на сие решился не токмо по причине нынешних обстоятельств, но еще в рассуждении, что по поводу Карагеоргия ваше сиятельство соизволили в свое время отправить ко мне курьера, требуя от меня уведомления, можно ли отсюда с сим вождем славяно-сербским иметь верную и тайную переписку.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon prince, de votre excellence le très humble et le très obéissant serviteur

Etienne de Sancowsky *

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, н. 3, ч. 2, л. 23а—23б об. Дешифрант на автографе.

№ 148

Письмо К. Ипсиланти А. А. Чарторьйскому о намерении турецкого правительства направить против сербов силы нашей Румелии, Боснии и Руцука и о возможном вторжении турок в Валахию

Не позднее 3 апреля 1806 г.**

Mon prince! Les intérêts du moment m'ont persuadé qu'il serait infiniment utile que j'eusse auprès de Tersenik-oglou un homme pour observer ses dispositions, m'en rendre compte, et d'espèce à lui inspirer de la confiance. Celui que je lui ai envoyé a fort bien réussi, et j'apprends par lui que l'ayan a reçu une lettre du vesir qui lui accuse la réception de l'une des siennes, par laquelle il informait le ministre des détails sur la Servie qu'il tenait du commandant de Poritza. Par cette lettre le vesir lui dit que le muphti, consulté sur le parti à prendre à l'égard des Serviens, après un grave examen, avait répondu par un faitfa, que la loi autorisait à employer tous les moyens pour soumettre ces peuples ou pour les exterminer. Elle dit de plus, cette lettre, que la Sublime Porte, en conséquence de cet oracle, faisait marcher contre les Serviens les pachas de Romélie et de Bosnie; qu'elle avait même invité Passwand oglou, pour l'intérêt de l'islamisme, à agir de son côté contre ces chrétiens rebelles; que lui-même, Tersénik oglou, pourrait être requis de marcher en Servie avec ses forces, mais que préalablement il lui fallait instruire la Porte de la route qu'il voudrait prendre.

Tersénik n'a d'esprit et de lumières que ce qui'il en faut pour se méfier de tout, et point assez pour démêler le but qu'on se propose avec lui. Il a pris le parti de consulter mon homme sur cette lettre et sur la réponse à y faire. Mon agent qui a senti combien il importait d'attacher toute son attention sur la rive droite du Danube et d'écarter sa pensée de la rive gauche, c'est-à-dire, de la Valachie, lui a répondu que par cette question sur la route qu'il voudrait prendre, la Porte voulait connaître s'il répugnait à se joindre aux pachas qui le commanderaient ou s'il préférerait agir isolément. D'ailleurs il lui a fait voir que cette guerre avait eu pour première cause une résistance

* С глубочайшим почтением честь имею быть, князь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугой Степан Санковский (франц.).

** Дата получения письма.

fort naturelle aux vexations les plus violentes, qu'elle n'avait été portée où elle en est que par le refus opiniâtre de la Porte d'adopter des précautions de justice et d'humanité en faveur de sujets qu'elle devait protéger; qu'ils combatteraient avec fureur, et que si, ce qui était fort douteux, ils pouvaient être accablés, ils passeraient sur le territoire autrichien et ne laisseraient aux Turcs qu'un désert. Enfin, il lui a persuadé de répondre, que Passwand oglou avait fait sa paix avec les Serviens, qu'il était fort mal avec ce pacha, qui ne manquerait pas de se jeter sur son territoire dès qu'il en serait sorti, et qu'ainsi sa présence était indispensable à Rustuk et à tout le territoire qu'il commandait.

Cette question à Tersénik oglou sur la route qu'il choisirait est évidemment carte blanche pour entrer en Valachie et la traverser à la turque, en s'enrichissant et en dévastant le pays. De plus, si Tersénik se fut laissé séduire par cette riante perspective, comme le vesir devait s'en flatter, on lui eut donné l'ordre de saisir cette occasion pour s'assurer du prince, de sa famille, de ses gens de confiance et de tous les boyards connus pour être les amis de la Russie. Ma longue expérience dans la politique turque m'atteste la réalité de ce projet et ne me laisse même nul étonnement qu'il ait été formé après la conférence avec M. d'Italinski sur la lettre de s. m. i. D'après tout cela j'ai lieu de me persuader de plus en plus que les nouvelles démarches dont M. l'envoyé est chargé en faveur des Serviens n'auront aucun effet.

J'apprends par le commandant d'Orsova qu'il y a eu un second combat très meurtrier entre les Bosniaques turcs et les Serviens: que ceux-ci avaient eu du désavantage au commencement et qu'ils ont fini par mettre leurs ennemis dans une déroute complète et par faire prisonnier un pacha à deux queues. Une chose assez curieuse et digne d'observation sous plusieurs rapports c'est que parmi les Serviens il y a des troupes turques qui se battent avec eux et de la manière la plus vaillante.

J'écris à M. de Bolcounof ce que j'ai fait relativement à la commission pour les Serviens, et comme v. a. l'apprendra par lui ainsi que ce que j'aurai pu communiquer à M. Kirico, il devient superflu que je le répète ici. Je n'y parlerai que de mes actions de grâce pour le bienfait dont ces braves gens sont si dignes.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération, mon prince, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Constantin Ypsilanti

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1882, л. 16—17. Подлинник

Перевод

Князь! Соображения момента убедили меня в том, что мне следовало бы иметь при Терсеник-оглу человека, который следил бы за его настроениями, сообщал об этом мне и был бы таким, что мог внушить ему доверие. Посланный мною к нему человек весьма преуспел, и с его помощью я узнал, что аян получил письмо от визиря, подтверждающее доставку одного из писем аяна, в котором тот сообщил министру более детальные сведения о Сербии, полученные от коменданта Порицы. В этом письме визирь уведомил его, что после глубокого рассмотрения муфти, с которым советовались, какую позицию занять в отношении сербов, ответил, что закон разрешает использовать все средства, дабы подчинить народы или же их истребить. В письме далее говорится, что вследствие такого предсказания Блистательная Порта направила против сербов пашу Румелии и пашу Боснии и призвала также Пазванд-оглу действовать со своей стороны против мятежных христиан в интересах ислама, что даже его самого, Терсеник-оглу, возможно, попросят направиться с войсками в Сербию, но предварительно ему должно было уведомить Порту о дороге, по которой он предпочел бы идти.

Ума и знаний Терсеника хватает на то, чтобы не доверять ничему, но недостаточно, чтобы разобратся в тех целях, которые преследуют на его счет. Он решил посоветоваться с моим человеком по поводу этого письма и ответа, который следовало бы дать.

Мой агент, который понимал, насколько важно было бы приковать его внимание к правобережью Дуная и отвлечь его мысли от левого берега, т. е. от Валахии, ответил Терсенику, что, ставя вопрос о направлении, которое он предпочел бы избрать, Порта намеревается выяснить, возражает ли он против присоединения к пашам, которые будут им командовать, или же предпочитает действовать изолированно. К тому же он дал Терсенику понять, что первая причина этой войны — весьма естественное сопротивление жесточайшим притеснениям, что нынешняя ситуация возникла только из-за упорного отказа Порты принять справедливые и гуманные меры предосторожности в пользу подданных, которых она должна защищать, что они [сербы] будут сражаться отчаянно, и если, — что весьма сомнительно, — их смогут одолеть, они перейдут на австрийскую территорию, оставив туркам пустыню. Наконец, он убедил Терсеника ответить, что поскольку Пазванд-оглу заключил мир с сербами, а у него крайне плохие отношения с этим пашой, тот не упустит возможности напасть на его земли, как только он выступит в поход, и, таким образом, необходимо его присутствие в Рункуе и на территории, управляемой им.

Под этим вопросом [Порты] к Терсеник-оглу относительно дороги, которую он изберет, кроется, очевидно, стремление получить свободу действий, чтобы вступить в Валахию и пройти через нее на турецкий манер, грабя и опустошая страну. Более того, если бы Терсеник позволил соблазнить себя столь радужной перспективой, па что, видимо, надеялся визирь, то тогда ему был бы дан приказ воспользоваться этой возможностью, чтобы арестовать князя, его семью, его доверенных лиц и всех бояр, известных как друзья России. Мой долгий опыт в турецкой политике убеждает меня в реальности такого плана, и меня нисколько не удивило бы, если бы этот план был задуман после разговоров с г. Италинским по поводу письма его императорского величества. Посему я все более пропикаюсь мыслью о том, что новые демарши в пользу сербов, порученные г. посланнику, не дадут никакого эффекта.

Мне стало известно от коменданта Орсовы, что произошло второе, весьма ожесточенное сражение между турецкими босняками и сербами, что последние сначала находились в худшем положении, а кончили тем, что полностью разгромили своих врагов и взяли в плен двухбунчужного пашу. Еще один, весьма любопытный и во многих отношениях достойный внимания факт — среди сербов имеются турецкие войска, которые доблестно сражаются бок о бок с ними.

Пишу г. Болкунову о том, что сделал относительно поручения для сербов, и поскольку ваше высочество узнаете об этом от него, а также из того, что я смог сообщить г. Кирико, излишне это повторять здесь. Я говорил там лишь в целом о моих человеколюбивых действиях ради того благополучия, которого достойны эти храбрые люди.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, князь, вашего сиятельства пияжайший и покорнейший слуга

Константин Ипсиланти

№ 149

Постскриптум к депеше А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о представлении Порты венскому двору в связи с оказываемой Австрией помощью сербам

2 (14) июня 1806 г.

Je suis instruit dans l'instant que le reis-effendi a dit le 30 mai au ler drogman d'Allemagne, que la Porte savait positivement que la cour de Vienne fournit des vivres aux Serviens et leur envoie même des officiers; que le sultan requiert l'internonce Sturmer d'expédier immédiatement un courrier extraordinaire à sa cour, et qu'elle s'explique nettement, afin que la Porte sache de son côté quel parti elle doit prendre et avise à des mesures en conséquence.

D'après les ordres que l'internonce Sturmer doit avoir de sa cour, pour s'entendre avec moi sur les affaires des Serviens, j'aurais pu attendre de lui la communication de cette réquisition de la Porte; mais cependant c'est par un autre canal que j'en ai eu connaissance. Peut-être, au surplus, l'internonce Sturmer me fera-t-il cette confidence à notre première entrevue.

A. d'Italinsky

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2258, л. 87. Подлинник.

Мне только что сообщили, что реис-эфенди сказал 30 мая первому немецкому драгоману, будто бы Порте определенно известно о поставке венским двором провианта сербам и даже посылке им офицеров, что султан просил интернунция Штюрмера немедленно направить чрезвычайного курьера к своему двору, чтобы двор дал точные объяснения по этому поводу, чтобы Порта со своей стороны знала, какую позицию ей следует занять, и предусмотрела соответственные меры.

Согласно распоряжениям, которые должен был получить интернунций Штюрмер от своего двора о приглашении со мною в отношении сербских дел, я мог бы ожидать от него сообщений об этом требовании Порты. Однако я узнал об этом по другому каналу. Возможно, впрочем, интернунций Штюрмер поделится со мной этими сведениями при первой же нашей встрече.

А. Италинский

№ 150

Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому о концентрации турецких войск у границ Сербии и об отказе Австрии продать сербам продовольствие и боеприпасы

3 июня 1806 г.

Secret

Monsieur l'envoyé! Je m'empresse de ci transmettre à v. ex. les détails précis qu'elle m'a fait l'honneur de me demander dans sa lettre datée le 2 (14) juin relativement à ce qui se passe en Servie et à la formation du camp turc à Sofia et Nissy. V. ex. aura déjà pu relever de mes derniers rapports d'office et du bulletin y annexé que le rumelivalissy s'est porté effectivement avec 20 mille hommes de Soffia à Nissy, c'est là qu'un camp de 50 mille Turcs doit se former et s'en diriger sur Novi Basar; les Bosniaks doivent marcher sur Karanoftza, Kreschefska et Uzitza, y ont déjà expédié partie de leurs troupes qui d'accord avec les opérations d'Ibrahim pacha ont ordre d'attaquer à la fois sur ces divers points les Serviens. Ceux-ci en sont prévenus et s'y tiennent à la défensive, ayant toutefois en vue d'occuper Belgrade de vive force et l'emporter à tout prix. Ils ne manquent point de bras, mais bien de munitions de guerre, vu que les Autrichiens ont commencé à les leur refuser malgré leur argent comptant; ils ne s'en doutent guère de pouvoir repousser l'ennemi partout, mais ils craignent de ne point manquer de ressources en cartouches et armes à feu qu'ils réclament sans cesse. Ils observèrent avec peine qu'après le retour de Vienne des députés de leur nation, qui n'y avaient pas accédé aux insinuations de l'empereur d'Allemagne de se rendre tous à lui, les Autrichiens les chicanent et les tourmentent de toute manière; c'est avec surprise qu'ils voient que l'Autriche leur refuse désormais les vivres, la poudre, les canons et les fusils qu'elle leur accordait jusqu'ici au prix convenu et encore plus que la cour de Vienne ait fait sommer Chernoy Ghiorghy de payer 800 mille f. pour les quatre vaisseaux de grains que les kirgialis, leurs ennemis, s'étaient saisi sur le Danube, et qu'elle fait arrêter et séquestrer tous les effets et les marchandises existantes aux confins pour s'en assurer de ce paiement aussi injuste que déplacé. Cette démarche inattendue les a déconcerté de la sorte, qu'ils ont été dans le cas d'adresser leur plaintes fondées par le canal de M. le consul général de Yassy à la haute cour impériale il y a deux semaines, voie d'un émissaire affidé qui a su se rendre du camp de Melenko * par Orsova ici et passer d'ici à Yassy pour cet effet; cet individu servien existe ici secrètement et en attend la réponse qui devra guider les démarches ultérie-

* Миленко Стойкович.

ures de Chernoy Ghiorghy dans cette affaire délicate et sérieuse. Vers la fin du mois passé étaient venus ici chez moi de S. Pétersbourg l'ex-député Petro Novacovich avec un officier civil * de leur nation qui ont eu l'ordre de la haute cour impériale de se rendre par la voie la moins dangeureuse en Serbie et d'y exécuter les instructions dont ils en sont secrètement porteurs, je leur ai procuré d'ici l'expédition requise par les Etats héréditaires sous des noms empruntés et des titres supposés; avant ceux-ci un capitaine de cavalerie russe, d'origine serbienne **, a passé d'ici avec quelque commission secrète de la part de s. ex. M. le général de Michelson pour la Serbie où il devra se rendre déguisé et incognito ¹. J'ai eu ordre de faire intimer aux Serbiens de vive voix que malgré le refus de la Porte à l'intervention de deux cours impériales *** en faveur de leur cause auprès de sa hauteesse, ils ne devaient cependant pas perdre de courage, mais rester fidèles à leurs principes et ne point se laisser séduire par des insinuations quelconques ² etc. Voilà, Monsieur l'envoyé, ce qui concerne leur situation actuelle, elle est, d'après leur propre aveu, très difficile, mais elle ne leur semble point désolante, vu la pleine confiance et l'espoir fondé qu'ils ont dans l'efficacité de la protection de la cour impériale qui les soulage et console dans leur malheur. Ils ont fait la paix avec Pasvandoglu, qui leur fournit des vivres, et ils passent en bonne intelligence avec Regiebaga d'Orsova qui les caresse et les ménage jusqu'ici par intérêt et crainte ³. Ils sont justement emportés contre les Bosniaques qui ont trahi leur foi et promesse de se joindre à eux, et ils s'en méfient désormais de tous les Turcs leurs voisins ⁴. Ils passent toute leur confiance dans l'appui et l'assistance russe, ils réclament des officiers, conducteurs, artilleurs, armes et munitions pour être à même de faire face efficacement à l'ennemi et jurent de rester à jamais et à tout prix tout dévoués à s. m. i., qu'ils appellent à si juste titre leur souverain et sauveur, comme ils ne cessent aussi de déclarer son altesse le prince Ypsilanthy leur bienfaiteur, qui les a comblé réellement en toute occasion de marques non équivoques d'intérêt et de générosité marquée.

C'est en soumettant aux hautes lumières de v. ex. ces détails secrets que je la supplie de vouloir bien faire conserver avec jalousie cette lettre-ci pour ma tranquillité et décharge.

Je ne manquerai point de rapporter à v. ex. tous les détails ultérieurs qui en parviendront à ma connaissance et ai l'honneur d'être avec profond respect, Monsieur l'envoyé, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Luc de Kirico

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1806 г., д. 865, л. 127—128. Подлинник.

*Перевод
Секретно*

Господин посланник! Настоящим спешу передать вашему превосходительству точнейшие сведения, которые Вы сообразовали затребовать в письме от 2(14) июня относительно того, что происходит в Сербии, и о формировании турецкого лагеря в Софии и Ниссе. Ваше превосходительство уже имели возможность заметить в моих последних служебных донесениях и в приложенных к ним бюллетенях, что румели-валиски действительно перешел с 20 тыс. человек из Софии в Ниссу. Именно там должен сформироваться лагерь в 50 тыс. турок и направиться к Нови Базару. Босняки должны двинуться на Карановац, Крушевску и Ужицу, они уже послали туда часть своих войск, которые в соответствии с действиями Ибрагима-паши имеют приказ немедленно ата-

* *Алекса Лазаревич.*

** *Бей Новокрещений.*

*** *Петербургский и венский дворы.*

ковать сербов в этих различных пунктах. Те, будучи предупреждены об этом, держат оборону, имея в виду вместе с тем занять Белград силой и одержать верх любой ценой. Рук у них в достатке, но не хватает боеприпасов, ввиду того что австрийцы начали им отказывать в них, несмотря на оплату наличными. Они нисколько не сомневаются, что смогут повсюду отогнать врага, но опасаются недостачи патронов и огнестрельного оружия, о котором беспрестанно просят. Они с горечью отмечают, что после возвращения из Вены депутаты, не соблазнившись на уговоры германского императора всем перейти к нему, австрийцы придираются к ним и всячески их допекают. С удивлением они видят, что теперь Австрия отказывает им в продовольствии, порохе, пушках и ружьях, которые до настоящего времени она продавала по подходящей цене, и более того — их удивляет, что венский двор затребовал от Черного Георгия 800 тыс. форинтов за четыре корабля с зерном, которые их враги кирджалиши захватили на Дунае, и что Вена задерживает и реквизирует все наличное имущество и товары на границах, чтобы обеспечить себе эту сумму столь несправедливым и неуместным образом. Это неожиданное требование привело сербов в такое замешательство, что они были готовы две недели тому назад обратиться к императорскому двору с обоснованной жалобой через службу генерального консула в Яссах с помощью доверенного эмиссара, который сумел с этой целью добраться из лагеря Миленко через Орсову сюда, в Яссы. Этот серб находится здесь секретно и ожидает ответа, который должен определить последующие действия Черного Георгия в этом деликатном и серьезном деле. В конце прошедшего месяца ко мне прибыл из С.-Петербурга бывший депутат Петр Новакович с гражданским чиновником сербского происхождения. Они имели указание высокого императорского двора отправиться в Сербию наименее опасным путем и там выполнить инструкции, которые им было поручено хранить в тайне. Я обеспечил им отсюда требуемую поездку через австрийские владения под чужими именами и вымышленными должностями. До их отъезда в Сербию проследовал с некоторыми секретными поручениями его превосходительства генерала Михельсона капитан русской кавалерии, сербского происхождения. Он должен явиться туда переодевшимся и оставаться инкогнито¹. Я имел указание устно заявить сербам, что, несмотря на отклонение Портой заступничества со стороны двух императорских дворов перед его высочеством в их пользу, сербы, однако, должны не падать духом, а оставаться верными своим принципам и не позволять соблазнять себя какими-либо предложениями².

Вот, господиш посланник, — то, что касается их нынешнего положения; оно, по собственному признанию сербов, является весьма сложным, но не кажется им отчаянным ввиду их полного доверия и обоснованной надежды, питаемой ими к действительности покровительства императорского двора, что служит им облегчением и утешением в беде.

Они заключили мир с Пазванд-оглу, который поставляет им продовольствие, и ладят с Реджеб-агой из Орсовы, который до сего времени мягко с ними обходился и щадил их в силу заштересованности и боязни³. Сербы справедливо не доверяют боснякам, обманувшим их доверие и нарушившим свое обещание присоединиться к ним, отныне они относятся с подозрением ко всем соседям-туркам⁴. Всю свою веру они возлагают на поддержку и содействие России. Они просят предоставить офицеров, военных инструкторов, артиллеристов, оружие и боеприпасы, дабы быть в состоянии противостать врагу, и клянутся навсегда и любой ценой оставаться преданными его императорскому величеству, которого они столь справедливо называют своим государем и спасителем так же, как не перестают объявлять его высочество князя Ипсиланти своим благодетелем, который во всех случаях щедро одарял их знаками внимания и отменной доброты.

Представляя просвещенному мнению вашего превосходительства эти секретные сведения, прошу благоволить тщательно сохранить это письмо для моего спокойствия и безопасности.

Не премину передать вашему превосходительству все последующие сведения, которые дойдут до меня, и имею честь пребывать с глубочайшим почтением, господиш посланник, вашего превосходительства пикайший и покорнейший слуга

Лука Кирико

¹ См.: *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I. — *Русский вестник*, 1863, июль—август, с. 103.

² См.: *Голубица*, 1843, т. V, с. 142—145, 145—146.

³ Подробнее об этом см.: *Вукићевић. М.* Карађорђе, кн. 1, 2 и др.

⁴ См.: *Чубриловић В.* Први српски устак. . . , с. 36—38.

Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о тяжелом
положении сербов и просьбе их предоставить помощь

3 июня 1806 г. Яссы

Секретно

Сиятельнейший князь, милостивый государь! В сию ночь прибыл ко мне чрез Букорест из Сербии в восьмой день пути нарочный Гаврило Воянович, проехавший из Санкт-Петербурга с известным протоиереем Алексеем Лазаревичем. Ему не дано по причине умножившихся в проезде опасностей никакого письма, кроме препровождаемого при сем в копии пашпорта. Но от Черни-Георгия и всего Совета народного поручено словесно чрез посредство мое представить как найпоспешнее высочайшему двору, что положение нации их ныне самое критическое и бедственное, что оскудение в оружии и других военных припасах день ото дня увеличивается и что без сей необходимой потребности народ при всей твердости своей неминуемо придет в ослабление и опасно, чтобы выгоды, приобретенные ими чрез толикие пожертвования над турками, не обратились им в конечную погибель. Отчаяние сербов усугубляется ныне поведением австрийского правительства, которое не только что не оказывает уже той доброй воли в дозволении возможных средств пособия в амуниции и других народных нуждах, но делает разные привязки и угрозы, обнаруживающие его недоброжелательство в то время, когда силы турецкие повсюду знатно умножаются, и, кажется, в решимости употребить все к их низложению; будучи Порта, по общему мнению, поджигаема на сие от французского правительства, которое не оставило также, сколько известно, сделать внушение и соседнему им двору *. Сей настает теперь сильно у сербов о заплате 800 тыс. пиастров за хлеб, несколько месяцев пред сим перехваченный ими на четырех судах при самом почти входе в Белград, который без сомнения послан был для продажи кирджалиям, в замену чего австрийское правительство остановило все товары и вещи сербских купцов — как те, которые закуплены в Венгрии, равно и те, кои туда следовали из Сербии. И Черни-Георгий при сих обстоятельствах, чтобы не поставить себя явно вопреки оному, не дал еще никакого решительного по сему ответа, стараясь переговорами и объяснениями выиграть время. Если сербы поныне не заняли Белград, то сие произошло не от недостатка отважности, но потому, что сколько раз ни приводили сей город в теснейшее положение и невозможность держаться более, со стороны Австрии всегда благоприятствовано кирджалиям разными способами, как из пойманных сербами писем оказывается. В Совете рассуждают, что такая перемена австрийского правительства, вероятно, произошла не по одному вышесказанному случаю, но, может быть, и потому, что сербы поныне не сделали еще никакого ответа и охотного виду на внушения, учиненные стороною депутатам их во время последней бытности в Вене, клонящиеся к привлечению их на сторону цесаря и на то, чтоб они обещали в его распоряжение земли, приобретенные ими ныне в Белградской губернии и которые по данному им нарочно сочиненному плану, как сказывал присланный ко мне, в 1781 г. состояли за Австриею ¹.

Все рассылаемые от Черни-Георгия в Турции лазутчики единогласно утверждают, что Ибраим-паша skutарский имеет в готовности 50 тыс. лучших войск и квартирмейстры его разсланы уже везде по дорогам к Сербии для приготовления всего нужного к проходу войск, провозглашая везде,

* Имеется в виду венский двор.

что оные следуют для постановления мира с сербами и что не видно еще, чтобы монтегрины в пользу сих сделали какую-нибудь диверсию для занятия того паша и удержания сколь можно долее от выступления из своей губернии.

Изображая такое горькое положение свое, Совет сербский от лица всего народа прилежнейше и убедительно просит, сиятельнейший князь, от высочайшего двора, на коем одном поныне Сербия основывала свои надежды, явной вооруженной помощи или такого подвига, который бы наискорее мог доставить им спасение от настоящих и будущих зол, просит наставить их в образе поведения, которое при стечении столь важных ныне обстоятельств наблюдать они имеют, и какие меры принять на случай, если бы румель-валисы предложил им примирение, для прочности коего предполагали они просить от российско-императорского и австрийского дворов по одной особе вроде посредников. Вашему сиятельству небезызвестно, однако ж, что сего-то Порта и не может потерпеть.

Все сие изъяснив мне, вышеупомянутый нарочный имел повеление ожидать все милостивейшего по оному в отраду их разрешения и доставить оное к народу, что и спешу я чрез сии депеши вашему сиятельству, имея самого нарочного возвратить на днях в Букурест, где он с меньшею опасностью оставаться может.

Капитан Новакович вместе с спутником его 29 мая отправился чрез Германштадт, быв накануне секретно у господаря Ипсилантия и получа от него денежное награждение.

Возвратившийся вчера на вечер из Бендер нарочно посланный мною под предлогом некоторых дел коллежский регистратор Джайкович был в оной крепости в самое то время, как читан новый ферман Порты касательно обезоружения всех христиан, привезенный Девлет-татаром, который, следуя из столицы по сию сторону Дуная, во всех местах, как-то: в Валахии, Силистрии, Ибраиле, Исмаиле, Килии, Аккермане и, наконец, в Бендерах, предъявлял содержание сего повеления, коего исполнение начало свое уже восприняло; оттуда же выехал он в Хотин. Помянутый офицер имел удобный случай высмотреть с безопасностью положение крепости, и из показаний его видно, что * никаких новых заготовлений и построек, ни же умножения военных людей в оной совсем не приметно, что стена в крепости со стороны Днестра сильно повреждена и лес для починки ее, свезенный туда еще весною, остается поныне без употребления. Пушек на бастионах вовсе не имеется, выключая одной на Папинской батарее и другой возле Царьградских ворот, употребляемых при торжественных случаях, кроме же оных не более как 3—4 орудия свалены в одном месте на одних лафетах или, свойственнее сказать, на бревнах без колес; пороху также находится небольшое количество, и впрочем в съестных припасах, особливо в хлебе, относительный недостаток, так что паша по откровенности своей и знакомству с моим нарочным не мог скрыть негодования своего против князя Мурузия, который занят будучи собственными спекуляциями к обогащению, не успевает снабдить тот город нужным числом хлеба.

В дворе господаря Мурузия видна ныне некоторая особенная деятельность, и почти нет дня, в который бы он не получал или не отправлял курьеров.

На днях произошли здесь слухи о некотором беспокойствии в Букуресте. Полагать можно, что сие произвело объявление помянутого фермана о обезоружении.

* Далее вписано карандашом над строкой: Хотине.

Имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и непременною преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства низжайший слуга

Ишполит Болкунов

Помета. Получ[ено] 27 июня 1806 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 6, л. 1—4 об. Подлинник.

¹ По соглашению Иосифа II и Екатерины II от 1781 г., к австрийской сфере интересов на Балканах относилась область, лежавшая западнее линии, которая проходила от устья р. Дрим на Белград, к ней примыкал пояс шириной 3 мили, вытянувшийся по правому берегу Дуная от Белграда до Никополя, и западная часть Валахии до р. Олта, а также г. Хотин с окрестностями.

№ 152

Письмо министра иностранных дел Франции Ш. Талейрана французскому посланнику в Константинополе П. Рюбфену с предписанием указать Порте на антитурецкий характер балканской политики России

8 (20) июня 1806 г. Париж

J'ai reçu, Monsieur, les lettres que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire jusqu'à celle relative à l'encouragement que donnent les Russes à la cause des Serviens. Ce rapport a particulièrement fixé l'attention de s. m. La Russie n'agit pas comme une puissance amie et alliée, mais comme une puissance toujours en état d'hostilité, et qui voudrait continuellement imposer de nouvelles lois et conditions à la Porte, cherchant à détacher de son obéissance la Servie, comme elle a déjà détaché la Moldavie et la Valachie. On peut donc se persuader à Constantinople, que la Russie est celle qui a excité la révolte des Serviens et qu'elle la soutient par des secours en argent, comme aussi par des instigations secrètes. Cette puissance n'a pas même toujours cherché à couvrir du voile du mystère ses projets sur toutes ces provinces. Elle a envoyé des émissaires russes ou anglais sur toutes les côtes de l'Adriatique, particulièrement chez les Monténégrins et les Serviens; elle conserve ses intelligences avec eux, et lorsqu'elle demande que les Serviens se gouvernent par eux-mêmes et ne soient plus que tributaires de l'empire Ottoman, elle espère que cette proclamation d'indépendance donnera le signal de la révolte aux autres provinces turques, où les Grecs sont les plus nombreux, telles particulièrement que l'Albanie et la Morée. La Russie tient toujours au plan de repousser les Turcs en Asie, elle fait servir à ce plan le temps de la paix, comme celui de la guerre, et quand elle ne peut attaquer ouvertement la Turquie, elle a l'air de partager ses vues, cherche à l'endormir, la détachant de ses anciens amis et alliés, et lui faisant signer d'insidieux traités. C'est ainsi qu'elle est parvenue à s'immiscer dans les affaires internes de la Moldavie et de la Valachie, comme si ces deux provinces ne devaient plus être considérées comme provinces ottomanes et c'est ainsi qu'elle voudrait parvenir aujourd'hui à établir par une nouvelle convention son influence en Servie. Je ne saurais trop vous recommander, Monsieur, si les circonstances l'exigent, de faire valoir ces raisons près du Divan, pour qu'il distingue enfin ses véritables amis de ceux qui ne peuvent vouloir et travailler que pour sa perte et pour que la Porte seconde de tous les moyens au besoin les vues de s. m. à lui prêter tous les secours que les circonstances peuvent rendre nécessaires.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 11524, л. 65 и об. Копия.

Получил, милостивый государь, письма, которые Вы соблагволили написать мне, включая и то, которое относится к поощрению, оказываемому русскими делу сербов. Это донесение привлекло особое внимание его величества. Россия действует не как дружественная и союзная держава, а как держава, продолжающая пребывать в состоянии враждебности, которая постоянно хотела бы навязывать новые законы и условия Порте, пытаясь вывести из ее подчинения Сербию подобно тому, как она уже вывела Молдавию и Валахию. Следовательно, в Константинополе могут убедиться в том, что именно Россия вызвала восстание сербов и поддерживает его денежными ассигнованиями, а также тайным подстрекательством. Эта держава даже не всегда пыталась скрыть покровом тайны свои планы в отношении всех этих провинций. Она разослала русских и английских эмиссаров по всему Адриатическому побережью, особенно к черногорцам и сербам. Она сохраняет связи с ними, и поскольку она требует, чтобы сербы имели самоуправление и были лишь данниками Оттоманской империи, она ожидает, что это провозглашение независимости подаст сигнал к восстанию другим турецким провинциям, где греки наиболее многочисленны, особенно таким, как Албания и Морей. Россия неизменно держится намерения вытеснить турок в Азию. Она использует для этого как мирное время, так и войну, и когда она не может напасть открыто на Турцию, она делает вид, что разделяет ее взгляды, пытается усыпить ее бдительность, отрывая ее от старых друзей и союзников и принуждая подписывать предательские договоры. Таким образом она сумела вмешаться во внутренние дела Молдавии и Валахии, как будто эти две провинции уже не должны были считаться оттоманскими, и подобным образом она хотела бы сейчас добиться установления через новую конвенцию своего влияния в Сербии. Я могу лишь советовать Вам, милостивый государь, если обстоятельства сего потребуют, представить эти соображения на рассмотрение Дивана, чтобы он, наконец, смог бы отличить истинных друзей от тех, кто может лишь желать и содействовать его гибели, чтобы Порта поддержала в случае необходимости всеми средствами взгляды его величества и оказывала всяческую помощь, которую обстоятельства могут сделать необходимой.

№ 153

Письмо Карагеоргия главнокомандующему Молдавской армией И. И. Михельсону с просьбой о предоставлении оружия и о направлении в Сербию Б. Новокрещеного в качестве военного специалиста

18 июня 1806 г. Смедерево

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Посланный от Вас капитан Вашей армии по фамилии своей господин Угринчич Требинский, а назначенный в бумагах Бей Новокрещеный¹, утешил всех нас до восхищения и охранил пришествием своим и кратким своим у нас обращением, ревностным примером и военным искусством своим. Где был, там новой дух воинству нашему влил. И мы его так возлюбили и почитаем, да бы его никогда от нас не отпустили, аще бы нас величайший недостаток всех нужд не принуждал его к Вам с покорнейшими прошениями отправить. Он все глазами своими видел и знает вся недостатки наша, и что мы скоро и нужно требуем, и каким образом нам спешно помощи можно. Денги, оружие, [а] муниципия и искусные воины суть наша первые надобности. Како сия, тако и прочие нужды наша поверили ми ему полно, аки нашему общнику. Молим убо покорнейше ваше высокопревосходительство увериться положительным образом о великой нужде состояния нашего, и да изволите ему дати скорое пособие, спешною помощью немедленно нас утешити. Его же обратно к нам прислати, да будет с нами навсегда и да устройт неискусное воинство наше. Ми вся сия на познате свегу Ваше человеколюбивое сердце налагаем. А Ваше к невинно страждущим участие полно и совершенно нас обнадеждает, да Вы, смотря на стремление на нас нападающих усилившихся врагов наших, скорою помощью нас утешити будете, за которую Вам вечно народ сербский благодарити будет.

В прочем вся сия Вашему премудрому промотрению * и об нас попечению покорнейше предающе, вручаем нас и целое воинство наше и весь народ сербский милости и щедротам Вашим, и заступлению у всевысочайшего всероссийского двора, нас всемилостивейше покровительствующего, и благодаряще Вам покорнейше, за сотворенную нам чрез господина Требинского первую посещения утеху, имеем високою чести с отменным высокопочитанием пребыти вашего высокопревосходительства, милостивый государь, покорнейший и низжайший слуга

Черни-Георгий Петрович, вождь сербов

[Печать]

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1873, л. 52—53. Подлинник. Печать Правительствующего совета сербского.

¹ О капитане Угриниче-Требинском (Бее Новокрещеном) см.: *Ненадовић К. Н. Живот и дела. . .*, кн. 2, с. 88—90.

№ 154

Обращение сербского народа к Александру I с просьбой о помощи в связи с наступлением турецких войск

18 июня 1806 г. Смедерево

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь! Прещедрыми благодетельствами и благоутробнейшим отеческим попечением вашего величества в самых крайних бедах наших оживлении и преутешении, мы чувствительнейшее народное благодарение наше пред царским престолом вашего величества пролити всемирнейше приходим. Аще и со страхом, приступаем вашему величеству паки досаждати, однако ж крайняя настоящего времени беда, от всюду нас окружающая, принуждает нас к вашему величеству, аки к единому спасения нашего источнику, прибежи и скорые помощи и утешения и спасения с чадским умилением просити. Мы по высочайшему повелению вашего величества верное подданничество наше к Блистательной Порте в всех поведениях наших всегда святейше хранили. И хотя мы по всемилостивейшим советам вашего величества с всяким смиренным милость царскую и восстановление нового порядка вещей в пределе нашем благонадежно ожидали, однако ж не токмо не сподобилися мы ни одиные грамоты и никакого решения от Правительствующего дивана, но что до сих пор всемилостивейшим приглашением вашего величества препятствовано было, то теперь вновь великая сила оттоманских воинств изо всех стран противу нас собирается. А именно: везир Боснии с целым воинством своим, Ибрахим-паша skutарский с большею частию подчиненных ему паш[ой], яко же с нишским, лесковачским, приштинским, призренским и прочими; Юсуф-паша с своими, Позван-оглу видинский и Речеп-бей. Все сии со всеми силами своими устремляются на нас и претят, хвалящися разорити церков и православие наше и всех мужеского пола сербов мечем истребити. И мы трепещем всякий день от сильного их нападения. Крайний недостаток всего нужного умножает страх наш. Войною непрестанно изнуренни, пособия не имеем, ни предметов крайней нужды, коих треугобою ценою куповати принуждени есми прибавляти. Многая собратия наша в окружных пределах, нам усердствующая, для того что мы им нужное дати не могли, бесчеловечнейше мучими суть. Многие в узах лежат, многим головы отрублены суть, а бол-

* Так в тексте.

шее их число к нам прибегло и требуют от нас пособия к освобождению, которое им дати мы в состоянии несмы, не имеющие ни денег, ни оружия, ни [а]муниции. Жалость сия всех сербов вообще и крайне опечалила есть, и мы вси совершенно изгублени и потеряни есмы, что ваше величество скорую помощь нам не послете. Помощь явную, вооруженную помощь просим всепокорнейше и неотступно. Денег, [а]муниции, оружия, пушек, артиллеристов и офицеров, которые неискусное воинство наше путевождити будут, первая нам нужда есть и едино в нынешнем положении от настоящего отчаяния народ сербский сохранить средство.

Мы вси днесь с чади и с целым породом нашим к вашему величеству прибегаем! А во всемогущих руках ваших стоит или придобити и вечно соединити с Россиею храбрый народ сербский, или погубити и потеряти за всегда. Мы от нашей стороны присягли всевишнему богу за славу и честь вашего императорского величества, избавителя нашего, и за освобождение благочестия, отечества и рода нашего прежде вси до единого кровь свою пролити и живот положить, жени же и дети наши в огонь и воду бросити, нежели бесчеловечнейшему тиранов игу себе и пород свой подвергнути возвратно. И якоже мы мановением Божиим востали и благоупотребнейшею милостию вашего величества до сего дня сохранени есмы, тако твердо на бога уповаем, да с явною помощию вашего величества на удивление свету и на вечную славу России днесь то соделати можем, что политика чрез веки не могла бы. Вся прочая государства избавили своих единоверных и единоплеменных от несносимого и лютого агарянского ига, е да ли только России возбранитися может погибающий род и племя и православие свое спасти и с крайними силами за избавление свое борющемся спомоществовати? Нет, мы твердо уверени есмы, да нас ваше величество оставити не будете никогда и да в нынешних жалостивейших обстоятельствах наших отеческое ваше к нам милосердие всемилостивейше нам послати будет скорую помощь, спасение и избавление, которую повторителне и на коленах со слезами просяще, в глубочайшем страхопочитании изумираем.

Вашего императорского величества, всемилостивейший государь, всепокорнейший, всеблагодарнейший и всевернейший серби

[Печать] Черны-Георгий Петрович, вождь сербов, Божидар Груевич Филиппов, Совета народного член, с целым Советом и народом сербским.

[Печать] Смиренный митрополит белградский Леонтие с клером сербским

В Сербии в Смедереве 18 июня 1806 г.

Помета: Получено 7 августа 1806 г.

АВПР, ф. ГА 1-8, 1804 г., д. 2, п. 2, л. 33—35. Подлинник. Печати Правительствующего совета сербского и белградского митрополита Леонтия.

№ 155

Письмо Карагеоргия А. Я. Италинскому с просьбой оказать помощь сербскому уполномоченному П. Ичко

1 июля 1806 г.

Секретно

Ваше сиятельство, милостивый государь! На главный наш от 1 мая прошедшего [1] 805 г.¹ чрез депутирцев наших к Блистательной Порти посланий арземазар и на следовавшие многократные прошения, которые с помянутим главным арземазаром в существе своем согласны были, не токмо никакого решения не получили мы, но, напротив того, что все-

общую нашу жалость причиняет, видим, да Блистательна Порте таковыя меры противу сербов имеет, которые не к сохранению и от бед освобождению народа сербского, но к его порабощению и вечному несчастью клонятся. Для сего от всех сторон воинством турецким угрожаема, да сохранить себя от совершенной погибели спешим мы сего нашего полномочника господина Петра Якоглича * с умереннейшими прошениями к Блистательной Порте прислати с наложением, да он прежде всего вашему сиятельству наша утесненная обстоятельство изъяснит, полномочие свое Вам да сообщит и да вся с поразумением и наставлением вашим делает, только чтоб ускорилося Блистательные Порты за Сербию решение. Мы препоручаем вашему сиятельству сего полномочника нашего, да ему и наставление, и совет, и нужную рукопомощь дати, ходатайство же и заступление ваше во всех ему подарити милостивейше благоволите. Препоручаем и нас, и весь народ, и потомство сербское премудрому вашему попечению и высокую имеем честь с отличнейшим высокопочитанием пребыти вашего сиятельства, милостивый государь, покорнейший и благодарнейший

Черный Георгий Петрович, вождь сербов с целым Собранием
(М. п.) народным

Помета: Получ[ено] 28 августа.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., 2258, л. 357—358. Копия.

¹ См. док. № 61.

№ 156

Полномочие сербского народа П. Ичко на переговоры с турецким правительством об условиях прекращения борьбы

1 июля 1806 г. Смедерево

Народне полномочие

Силою коего мы, нижеподписании, во имя и от страны целого сербского народа посылаем к всевысочайшей Блистательной Порте господина Петра Якоглича, сердара и консула белиградского, и даем ему народнее сие полномочие, да он имеет власть поверенная ему желания народня Блистательной Порте предложити, представления народня за примирения предела сербского сотворити и да уговорити может, да мирным образом настоящему в Сербии возмущению конец поставится и чтоб постоянное благополучие народнее за все будущие времена непоколебимо преисполнено, и на сей конец мы ему следующие умереннейшие пункты полагаем.

Перво: Серби верным подданничеством к Блистательной Порте привязаны, да отдают *всю от своей земле принадлежащую дань едним, сице реченным отсеком*, от целого предела сего. Сумма дани сей в совершенном будущем сербских дел расправлении с поразумением сербского народа положительно определитися имеет.

Второ: Да послется в Сербию с ближними токмо и нужнейшими служителями царский *муасил*, который в Сербии между сербами жити и коему вышеупомянутая определенная земля сей дань предаваться будет.

Третие: Все общие царские муасилови и народние службы обязуются серби по высочайшему великого султана в призрени сем будущему учреждению сами собою творити.

* Так в тексте копии. Правильно: Ичкоглия.

Четверто: Яничари, крчали и все бывшие народнии тираны да изже-
нутя из Сербии навсегда. А серби на себя приимают бремя границы сея
царства великого султана по высочайшему будущему расположению и
повелению Блистательной Порти бережи и храниги.

На что и на все, что сим чetyрем пунктам сообразно, следовательно,
и с постоянным народним благополучием сопряжено, вышереченный
полномощник наш уговорити и совершити будет, народ сербский при-
стати и от страны свое согласие и подтверждение дати будет.

Писано в Смедереве в Сербии 1 июля 1806 г.

(М. п.)

Черный Георгий Петрович, начальник сербов,
Младен Милованович, Собрания народня член,
во имя целого Собрания народня и народа сербского

Помета: Получ[ено] 28 августа.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2258, л. 359—360. Копия.

№ 157

*Письмо Петра I Негоша Карагеоргию с советом сохранять
верность султану и искать у него защиты*

20 июля 1806 г. В Герцег Нови

Светлому и благородному господину Георгию Петровичу, избранному
славено-сербских войск предводителю, також благородным господам,
Правительствующего совета членам, о госпде здравствовать и радоватисе.

Благоприятнейшее письмо ваше, 29 майя отпущенное,¹ имао сам я честь
с пущим удовольствием получить, у коему се види изяснена Ваша поддан-
ническа верность и усердие к честному султану Вашему, такоже и его
султанского величества к Вам благоволение и милость, а на истии начин
изяснено и то, что суседственные Вам народи, завидуя таковым монаршим
на Вас обрацаемым благоволениям, самоволно вооружившесе, многие
селения и нахии Ваши ограбивши пожгли и в крайнее разорение привели.
А о таком невинного и единоплеменного, как и единоверного мне народа
сердечно, сожалею, но притом и несумнительно уповаю, что праволюбие
предобродетельного султана Селима Второго * не оставит верность Вашу
без обранительной милости и награждения, равномерно же и напастников
Ваших без достойного наказания. Почему и советую Вам, чтобы Вы и
у наприед к его величеству честитому султану Вашему и вернейшему и союз-
нику высокославного покровителя моего великого Александра Первого
обычну верность Вашу сохраняли, воздаючи, како говори сладчайши
спаситель наш, божие богови, а иже суть кесарева кесареви.

Я се находим пред войском любезнейшего отечества моего, соединенном
с морскими и сухопутными российскими войсками против французов,
в Рагузской области находящихся, коих лукавое намерение и на державу
вашега царя наступити простирается и кое се надае посредством и прие-
варе изданников нахи како что су Аджи-бега клобучкога, находящегося
на Утово, и преко турске земле путь у Рагузу и противу нас себе отворили,
но при помощи божией остали су у свакому бою побеждены, о чем сей
листодавец может Вам донести.

Мене бы весьма было драго, если бы могли изобрести средство, по
коему бы мы у садашним обстоятелствам за пользу наших союзних дво-
ровах и за користь общенародну друг друга извещали, будући французы

* Ошибка. Следует: Третьего.

целога света непријатељи, многе народи преваривши у вечну несрећу и поругање постави: и сада до наших славенских народа дошли. Дай боже, чтобы они како име славенско, тако и дух мужества, храбрости, единомыслия древних славян свуда у нашим народом нашли и чтобы наши народы возобновили ту славу, која е свагда им была природна и коју я свиєм от свега сердца и души моеј желим. И притом любезно Вас поздравляюћи остаем Ваш правий доброжелатель и покорный слуга.

Подлинное подписал черногорский митрополит и ордена св. Александра Невского кавалер

Петр Петрович

(Место печати)

С подлинного переписал секретарь митрополита Дометриан
Владевич

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, н. 3, ч. 2, л. 268 и об. Копия.

¹ См.: Вуксан Д. Петр. I и Караџорђе. — Записи, 1927, књ. I.

№ 158

*Донесение А. Я. Италинского министру иностранных дел
А. Я. Будбергу о прибытии в Константинополь П. Ичко и
беседе с ним*

2 (14) августа 1806 г. Буюкдере

J'ai l'honneur d'annoncer à v. ex. l'arrivée en cette capitale du nommé Ichkoglou, se disant député en cette capitale par les Serviens.

Il était porteur pour moi de la lettre dont je joins ici une copie.¹

En me la remettant, il m'a exhibé aussi les pleins pouvoirs dont il est muni. J'en ai pris une copie que je crois aussi devoir porter à la connaissance de v. ex.

L'envoi de ce député, ou plutôt son arrivée en cette capitale a eu lieu dans une circonstance peu favorable à la cause des Serviens, puisque d'après le dire de la Porte, ce peuple est au moment d'être totalement soumis, à la suite des avantages considérables qu'elle prétend avoir été récemment remportés sur ces malheureux habitants par le rouméli valissy et le pacha de Bosnie.

La Porte ajoute qu'au milieu des succès de ses commandants, ceux-ci montrent et mettent la plus grande modération dans leur conduite envers les insurgés vaincus. De Valachie il ne m'est parvenu aucun avis sur ces prétendus succès, et le même Ichkoglou, que j'ai questionné à cet égard, m'a dit n'en avoir aucune connaissance.

Je ne serait pas éloigné de croire qu'il n'y ait eu de l'exagération dans les rapports du pacha de Bosnie et du rouméli valissy.

Quoiqu'il en soit, les soupçons que le prince Ypsilanty, le consul général Bolkounoff et le consul Kirico ont conçu du député Ichkoglou, ce dont v. ex. doit avoir été déjà informé par les rapports du consul général Bolkounoff, m'ont aussi imposé la plus grande réserve envers ce Servien.

Pour parvenir à être rassuré sur son compte, j'ai cru devoir transmettre au prince Ypsilanty et au consul général Bolkounoff copie de la lettre dont ce député servien était porteur pour moi, ainsi que de ses pleins pouvoirs, afin que de leur côté ils fassent prendre auprès de Tcherni George ou de tous autres qu'il appartiendra les informations nécessaires.

Je dois cependant ajouter qu'ayant confronté les signatures des lettres que les Serviens m'ont adressées l'an passée, j'ai reconnu que l'écriture était la même, dès lors on peut, on doit supposer, qu'il n'y a point eu de contre-

faction, ce qui n'exclut pas la possibilité que le nommé Ichkoglou ne soit un faux frère. Dans l'hypothèse que ce soit un traître, ce n'est pas sans peine que j'ai vu cet individu m'entretenir et avec des détails très circonstanciés de l'envoi en Serbie par M. le général Michelson d'un officier de l'état-major de notre armée et, ce qui doit étonner le plus, c'est de voir toutes les feuilles publiques de l'Europe annoncer la destination et l'arrivée chez les Serbiens de cet officier.

J'ajouterai au surplus que la Porte ne m'a jamais fait à cet égard aucune question. Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

Помета: Получ[ено] 28 августа.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2258, л. 355—356. Подлинник.

Перевод

Ваше сиятельство! Имею честь известить ваше высокопревосходительство о прибытии в эту столицу некоего Ичкоглу, называющего себя депутатом, направленным сюда сербами.

Он привез мне письмо, копию с которого прилагаю¹.

Передавая его мне, он предъявил также полномочия, которыми его снабдили. Я снял с них копию, которую почитаю своим долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Посылка этого депутата, или, скорее, его прибытие в столицу происходило при обстоятельствах, мало благоприятных для дела сербов, так как, по утверждению Порты, в настоящий момент этот народ полностью покорен вследствие значительных побед, которые, как она утверждает, недавно одержали над несчастными жителями румели-валиси и боснийский паша.

Порта добавляет, что эти коменданты в разгар своих военных успехов проявляют и демонстрируют самое умеренное поведение в отношении побежденных повстанцев. Из Валахии до меня не доходило никакого известия об этих так называемых успехах, и тот же Ичкоглу, которого я об этом расспрашивал, сказал мне, что ничего об этом не знает.

Я не далек от мысли, что в донесениях боснийского пашы и румели-валиси имеются преувеличения. Как бы то ни было, подозрения князя Ипсиланти, генерального консула Болкунова и консула Кирико к депутату Ичкоглу, о чем вашему высокопревосходительству должно быть уже известно из донесений генерального консула Болкунова, заставили меня держаться с ним с величайшей осторожностью.

Дабы, наконец, успокоиться на его счет, я пашел гужным препроводить князю Ипсиланти и генеральному консулу Болкунову копию письма, которое привез для меня этот депутат, а также его полномочий с тем, чтобы они со своей стороны обратились к Георгию Черному или к кому-нибудь из подходящих людей за необходимыми сведениями.

Должен, однако, добавить, что, сличив подписи в письмах, направленных мне сербами в прошлом году, я увидел, что почерк был одинаков, посему можно и должно предположить, что нет подделки, по это не исключает возможности того, что названный Ичкоглу является провокатором. Предполагая, что это предатель, я не без огорчения слушал его рассказы с весьма обстоятельными подробностями об отправлении в Сербию г. генералом Михельсоном офицера генерального штаба нашей армии, и, что самое удивительное — все газеты Европы объявили о месте назначения и прибытии к сербам этого офицера.

Добавлю при этом, что Порта не спрашивала меня ни о чем по этому поводу. Почтеннейше остаюсь, ваше сиятельство, вашего высокопревосходительства нижайший и покорнейший слуга

A. Италинский

¹ См. док. № 155, 156.

№ 159

Условия мира, заключенного П. Ичко

3 августа 1806 г.

Convention qui a été traitée entre feu Itzscso, plénipotentiaire de la Serbie et la Porte Ottomane, en 1806.

I. Les Serbiens s'engagent de rester fidèles sujets de la Sublime Porte et de lui payer un tribut annuel de 722 500 piastres, savoir:

Pour 20 000 familles (hanis) *, sans augmentation ni diminution, un tribut annuel (poresi) à raison de 15 piastres par famille — 300 000

Pour 70 000 haratzo, fetti-atik et fetti-dgédid, à 3 piastres chaqu'un — 200 000.

Pour les ghetzits (droits d'échelle et de douane), indépendamment de la douane du Belgrad qui appartient toujours à la souveraineté l'échelle de Belgrad étant pour compte des Serviens — 80 000.

Pour le voïvodalick (ispravntie) de Chabatz avec les villages de Matzva, qui n'appartiennent aux ispahis, mais au voïvode — 80 000.

Pour les voïvodalicks de Pazarsitza, Simendra et Jagodina et leurs dépendances — 17 000.

Pour quelques villages et un ghetzit qui appartiennent au voïvodalick d'Outzeta — 3 500.

Pour le droit ztaboukytatesti, à deux piastres par mouton — 32 000.

En tout piastres — 722 500.

Les Serviens s'obligent de payer cette somme de sept cent vingt deux mille et cinq cent piastres à titre de tribut, en deux débours, c'est-à-dire: la moitié à la St. George et l'autre moitié à la St. Dimitri.

II. Quant à l'article concernant les ispahis (habitants propriétaires de villages et de terres) pour la dîme, autres revenus et...** qu'ils vendent, il n'a point été stipulé à Constantinople, mais on l'a remis pour être stipulé à Belgrad avec les ispahis et par l'entremise du délégué d'alors Aga pacha. La Porte a cependant ordonné, que les ispahis consentent à une convention avec les Serviens; que le revenu qu'ils en exigeront ne surpasse point les dix piastres par famille; qu'il en soit dressé un état par les parties respectives de combien de villages possède chaque ispahi et de combien de familles chaque village est composé; que la somme qui sera fixée en faveur des ispahis devra se percevoir par les primats nommés parmi les Serviens, deux fois par an (ainsi qu'il sera fait pour le tribut), et cela, par l'entremise d'Aly-bey des ispahis (дворянского предводителя) qui sera chargé d'indiquer la quantité d'argent à être payé à chaque ispahi, sans que ces ispahis puissent avoir le droit, avec le temps, d'exiger rien de plus, sous prétexte que le nombre des familles se soit augmenté, ni que cet inspecteur dût aller dans leurs villages.

1. La Porte, comme de sa part, promettait d'accorder aux Serviens une parfaite amnistie sur tous les faits passés, leur faisait cession de tous le tribut arriéré, et convenait encore d'accorder en faveur de la Servie, pour l'avenir, une franchise entière des impôts durant un espace de six mois, jusqu'à rétablissement de l'ordre.

2. La Porte promettait de plus d'assurer la tranquillité et le bien-être de ses sujets serviens, en éloignant entièrement de leur patrie tous les prétendants dérégés et perturbateurs turcs, et surtout les janissaires, auteurs de tous leurs malheurs, et que pour la garde des forteresses situées en Servie, il serait nommé un pacha (au choix des Serviens) avec 500 individus et personne de plus, et que ces individus seraient distribués aux forteresses, nommément, de Belgrad, Semendra, Siaptzo et Ouzitza.

3. Que la nation servienne aurait toute la liberté dans l'exercice de son culte religieux, disposerait de ses églises, monastères, écoles et de toute autre appartenance de sa religion, sans la moindre contrariété.

* Имеется в виду «дворов».

** Слово неразборчиво.

4. Que la Porte reconnaissait le chef de la Servie pour *chef de nation*, lui donnant le titre de *bass-kniaze* pour lui et ses successeurs, et qui resterait aussi héréditaire dans sa famille; que pour marque de bienveillance envers lui, le sultan lui donnait en pleine propriété les villages Ribnya, situé à Havala, Obrez et Kotoun, situés dans le district de Jagodina, lesquels villages seraient assurés en faveur du *bass-kniaze* et de sa famille comme des biens héréditaires; qu'en outre le *bass-kniaze* devait choisir parmi sa nation un *kniaze* pour chaque district et que chacun de ces *kniazes* aurait auprès de lui 15 individus armés (et encore davantage, si besoin serait) pour la perception des impôts et la garde des chemins, afin qu'il n'y arrive point des événements fâcheux. Mais que le *bass-kniaze* devait avoir toujours auprès de lui 50 personnes armées et aurait le droit de porter un *samour-calpack* (bonnet du prince) et d'observer la dignité qui appartient à un chef de nation. Que ces *kniazes* auraient le soin de lever les impôts et en rendre compte au *bass-kniaze* ou aux personnes nationales que celui-ci aurait nommé pour l'administration des affaires de sa nation, et que ces derniers devaient remettre les sommes des dits impôts entre les mains du pascha ou de tout autre personne que la Porte en aurait chargée.

5. Que le pacha provisoire de Belgrad n'aurait pas le droit d'envoyer ses gens aux districts comme commissaire, ni sous aucun autre prétexte, et que son autorité ne puissant s'étendre que dans les seuls limites des forteresses, car les affaires des districts devraient être administrées et décidées par le *bass-kniaze*, ou par les personnes que celui-ci aurait choisies parmi sa nation et nommées à cette fin, et que la seule confirmation de condamnation à mort d'un quelqu'un devrait appartenir au pacha, et que si ce pacha aurait à donner ses ordres pour quelque affaire concernant les districts, devrait écrire au *bass-kniaze*, et que celui-ci en agisse.

6. Que les Turcs demeurant dans les forteresses et tous ceux qui en seraient venus pour y commercer ou sous tout autre prétexte, n'auraient pas la permission de se promener par les villages, que dans le seul cas qu'ils y seraient obligés en allant et en revenant, et que pour cela encore, il devraient être munis de billet de voyage par le *bass-kniaze* et celui-ci, en pareil cas, devait aviser à la sûreté de ces voyageurs.

7. Que les pachas provisoires ne seraient pas changés souvent, parce que de tels changements portent préjudice aux habitants; mais quand la Porte en aurait une raison évidemment plausible, si les Serviens lui porteraient des plaintes raisonnables, alors seulement les pachas seraient changés.

8. Que la Porte Ottomane ayant destiné de la somme provenant du tribut 80 000 piastres pour les postes et 120 000 pour les frais du pacha, il ne serait point permis à ce dernier d'exiger de la part des sujets soit la plus moindre rétribution en argent, excepté ce qui a été mentionné plus haut; mais que les Serviens s'obligeraient de fournir annuellement au dit pacha 1 000 chariots de bois, autant de fourrage et rien de plus.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 295/4 (3164), л. 5—12. Копия. Другой вариант договора опублик.: Први српски устанак. . . , књ. 1, с. 198—203.

Перевод

Конвенция, которая была заключена между ныне покойным уполномоченным Сербии Ичко и Портой Оттоманской в 1806 г.

I. Сербы обязуются оставаться верными подданными Блистательной Порты и выплачивать ей ежегодную дань в размере 722 500 пиастров, а именно:

С 20 тыс. семей (ханов) годовая подать (порез), без увеличения или уменьшения, из расчета 15 пиастров с семьи — 300 тыс.

На 70 тыс. душ, облагаемых хараджем, фетти-алик и фетти-джедид, по 3 пиастра каждый — 200 тыс.

По джечиту (за переправу через реки и таможенная пошлина), независимо от Белградской таможни, которая остается принадлежностью верховной власти. При этом Белградская таможня содержится за счет сербов — 80 тыс.

С воеводами (исправничье) Шабаца с селами близ Мачвы, принадлежащими не спахиям, а воеводам, — 80 тыс.

С воеводами Пожаревац, Семендрия и Ягодина и их окрестностей — 17 тыс.

С нескольких деревень и одной переправы, относящихся к Ужицкому воеводу, — 3,5 тыс.

По праву чабука, по два пиастра с каждой овцы — 32 тыс.

Всего — 722 500 пиастров.

Сербы обязуются выплатить эту сумму в семьсот двадцать две тысячи пятьсот пиастров в качестве подати в два приема, а именно: половину к дню святого Георгия и другую половину к дню святого Димитрия.

II. Что касается статьи о спахиях (жителях; владеющих деревнями и землями) в связи с десятинами, прочими доходами и . . . , которые они продают, она не была принята в Константинополе, но ее отложили для рассмотрения в Белграде вместе со спахиями и при посредничестве тогдашнего делегата Аги-паши.

Однако Порты повелела, чтобы спахиям согласились на конвенцию с сербами, чтобы доход, который они от них потребуют, не превышал десяти пиастров с семьи; чтобы обеими сторонами был составлен список, указывающий, сколько деревень имеется во владении каждого спахия и из какого количества семей состоит каждая деревня; чтобы сумма, которая будет определена в пользу спахией, взималась прима-самп, назначенными из сербов, дважды в год (то же самое и в отношении подати) и при посредничестве али-бея спахией (дворянского предводителя), на которого возлагается обязанность указать денежную сумму для уплаты каждому спахию, при этом, однако, спахиям не будут иметь право со временем потребовать еще чего-либо ни под тем предлогом, что число семей увеличилось, ни потому, что этому инспектору пришлось отправиться в их села.

1. Порты со своей стороны обещала предоставить сербам полную амнистию в отношении всех их прошлых поступков, погасить их недоимки, а также согласилась предоставить в пользу Сербии в будущем полное освобождение от палогов в течение шести месяцев, до восстановления порядка.

2. Кроме того, Порты обещала обеспечить спокойствие и благополучие своих сербских подданных, полностью удалив из страны всех турецких претендентов, необузданных смутьянов, а в особенности — янычар, виновников всех бедствий, а также для охраны крепостей, находящихся в Сербии, назначить пашу (по выбору сербов) с 500 человек свиты и ни одним больше, и этих лиц распределить по крепостям, а именно: в Белград, Семендрию, Шабац и Ужицу.

3. Сербская нация получит полную свободу в отправлении своего религиозного культа, сможет беспрепятственно располагать своими церквями, монастырями, школами и прочими атрибутами своей религии без малейших к тому препятствий.

4. Порты признает вождем Сербии *главой нации*, дав ему, а также его наследникам титул *баш-кнеза*, который, таким образом, станет в семье наследственным, и в знак своего благоволения султан отдаст ему в полное владение село Рыбня, расположенное на горе Авала, села Обрез и Катун, находящиеся в Ягодинском округе; эти села будут закреплены за баш-кнезом и его семьей как имущество, передаваемое по наследству; кроме того, баш-кнез должен избрать из своей нации кнеза для каждого округа, и каждый из этих кнезов будет иметь при себе 15 вооруженных человек (и более, если потребуются) для взимания налогов и охраны дорог, дабы не случилось каких происшествий. Баш-кнез должен всегда иметь при себе 50 вооруженных человек, носить *самур-колпак* (княжеский колпак) и соблюдать достоинство, подобающее вождем нации.

На кнезов возлагается сбор налогов, в чем они будут отчитываться перед баш-кнезом или же перед лицами сербской национальности, которых он назначит для управления делами своей нации; последние должны будут вручать суммы указанных налогов паше или какой-либо другой особе, которую Порты назначит.

5. Временно назначенный белградский паша не будет иметь права отправлять своих людей в округа в качестве комиссаров ни под каким-либо иным предлогом, а его власть не распространяется за пределы крепости. Управляет делами округов и принимает по ним решения баш-кнез или же лица, которых он назначит из своего народа с этой целью, и только лишь подтверждение смертного приговора предоставляется паше, а если паша пожелает распорядиться по какому-либо делу, касающемуся округов, он должен написать баш-кнезу, чтобы тот принял соответствующие меры.

6. Туркам, проживающим в крепостях, и всем тем, кто приехал туда по делам торговли или под каким-либо другим предлогом, дозволяется появляться в селах лишь

в том случае, если им приходится проезжать через них по пути, по тогда им должен быть выдан баш-кнезом пропуск, обеспечивающий безопасность.

7. Временные паши будут сменяться не часто, так как подобные перемены наносят ущерб жителям, но тогда лишь, когда у Порты будут для этого веские основания или если сербы обратятся к ней с обоснованными жалобами.

8. Учитывая, что Порта Оттоманская предназначала из суммы, выделяемой из подати, 80 тыс. пиастров на почтовые расходы и 120 тыс. на расходы паши, последнему не будет дозволено требовать от подданных какого-либо денежного вознаграждения за исключением вышеназванного; по сербы должны ежегодно доставлять этому паше 1 тыс. возов дров и столько же фуража и ничего сверх этого.

№ 160

*«Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями
о победах сербских войск при Лозице и Борице и о гибели босний-
ского и руцукского пашей*

Не ранее 12 августа 1806 г.*

31-го получено в Букоресте из Руцука известие следующего содержания: Терсеникли-оглу, поехав со своею свитою на гулянье в деревню его, называемую Терсеник, в расстоянии 5 часов от Руцука, где находясь в другой день ввечеру в киоске, выстроенном близ небольшого леса, сидел в углу между двух открытых окон вместе с Абди-ефендием — начальником таможни, в которое время один из чиновников его поднес письмо от румель-валесия, содержащее некоторые требования, объявляя, что привезший оное нарочный татар заболел. Терсеникли-оглу, приняв письмо, отдал Абди-ефендию прочитать, а один предстоявший служитель поднес свечу к ним поближе, и как скоро Абди начал читать, то вдруг услышаны ружейные выстрелы, коими оба они положены мертвыми, а служитель со свечою ранен в руку. Находившиеся там служители и военные турки, узнав о сем происшествии, бросились искать убийцов, а чиновники послали известить немедленно в Руцук. После чего с общего согласия тамошних жителей и войск избран ему преемником и наследником имени Мустафа-Байрактар воспитанник убитого, бывший аяном в Разграде, который начальствует теперь в Руцук и, кажется, намерен следовать точно по стопам своего предместника, о смерти коего все вообще крайне сожалеют. Хотя при сем случае пойманы там несколько человек, нашедшихся под видом беглецов из войск Кади-паши, и некоторые по сумнению повешены, а над другими продолжается испытание, однако же поныне настоящие виновники не найдены и потому нельзя точно предугадать, чьим руководством учинено сие убийство.

Уверяют, что румель-валеси убил Дели-Кадрия и присоединил к себе его военных.

Господарь Ипсиланти велел поставить в Крайове на военную ногу (равно как и здесь) тамошние 14 рот пандуров для защищения Крайова и Чернечи против Пазвант-огла.

Пишут из Крайова: босни-валесии, командуя лично 11 тыс. человек военными, велел им подступить под крепостцу Лозицу с намерением по занятии оной пробиться в Белград для подания помощи Кусанчали-Халилу, что, узнав, Черни Георгий приказал своему там гарнизону опорожнить крепостцу, вывезя оттуда весь провиант. Босняки, не ведая об умысле его, немедленно вступили туда и, найдя себя скоро без хлеба и окруженными от войск сербских, напали отчаянно на последних, но были

* Датируется по делопроизводственному заголовку.

оними разбиты, так что многое число босняков пало на месте и до 2 тыс. взято в полон сербами. Сам боснийский паша с небольшою свитою, говорят, принужден был искать спасения у румель-валесия.

Пазвант-оглу укрепил Кладово и продолжает брать насильно из валахского уезда Меединцы съестные припасы, подводы и рабочих людей.

4 августа прибыл сюда из Ясс комиссар Паран, а 5-го присылал в здешний российский консулат своего секретаря Леду, объявляя полученное им из Вены от французского посла известие о подписании прелиминарий г. Убри и генералом Кларком в Париже.

Пишут из Крайова, что румель-валесий, огорчась последними неудачами босняков против сербов, убил своеручно двухбунчужного Шапит-пашу боснийского под предлогом, что он был в тайном согласии с сербами. Уверяют, что последние заняли в Босне некое местечко, изобильное железными рудниками, где и начали работать железные пушки для употребления при своем войске. Пазвант-оглу послал из Кладова своего Моллу и Ичь-Оглан-башия с войском против Борицы, но сербы прогнали их, убив многих из оных, в том числе и одного дели-башия, знатного разбойника; а Молла, уклонившись с оставшимися турками в Кладово, собирает там новые войски из делиев, чем не мало встревожены валахские жители в Чернече.

Сербский пикет против Видинского округа, потеряв на сражении одно знамя, преследовал турок Моллы до Тишаки возле Кладова, а потом сербы, вступя в Паланку за Дунаем по оставлении ее помянутым Моллою, зажгли как оную, так и 2 ближние турецкие селения, каковым образом они начали уже входить во владения Пазвант-огла.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 22, д. 14, ч. 1, л. 66—68 об. Подлинник.
Опубл.: *Documente privind istoria României*. . . , vol. IV, с. 637—638.

№ 161

Письмо Карагеоргия И. Ф. Болжунову с просьбой о денежной помощи сербам и о посылке депутата в Константинополь

19 августа 1806 г. Смедерево

Ваше высокородие, милостивый государь! Честь имеем сие чрез г. Чардаклии или, аще он каковая нибудь на границы препиятствия возимеет, чрез приданного ему нарочитого именем Алексия послати, и с усерднейшим от всех нас целованием теперичное в Сербии вещей состояние изяснити. По отшествии г. капитена Новокрещенова (Угринчича), чрез которого мы последние наша под 18 юния с[его] л[ета] депеша на Вас и в Россию отправили¹, в коих существенно изяснили мы нашу великую потребу денежных помощи. И вместе же и оружия и [а]мунисии, которую нужду он сам своими глазами видел, с нами же об сем посоветовался и уговорил, каковым самым скорейшим образом и которою дорогою вся нуждная нам из России прислати можно. Он для того и спешно возвратился, чтоб ускорить вся расположения в деле сем. По отшествии, велим *, того ж до сего дне, мы еще никакого известия, ни гласа от Вас не получили, который бы нас в нынешних смутных обстоятельствах наших велми утешити и в недоумении сущих ободрити и возвеселити могл. В том же времени беди наша от дне на день толь умножилися, что мы днес с едныя стороны в самом крайнем недостатке всего нуждного, да и

* К слову примеч. на полях документа: говорим.

самыя пищу, обретаемся для того, что пограничные Сербии дистрикты непрестанно войною опустошенни; а и внутрення поля, коих делатели вси почти целое сие лето войною заняты суть, невозделана осталась. И таким образом нужда и глад целой нашей земли надстоит. А с други стороны таковое турков нападение от всех стран терпим, в каковом мы еще никогда не были. А именно: Ибрахим-паша skutарский от предел Ниша с 14 своими подчиненными пашами и с целым румилиским воинством, везир травничкий с целою Босниею и Пазван-оглу с всеми силами своими согласно и единодушно на нас ополчились жестокайше. И мы уже многая с ними сражения на всех краях, главные же в пределах Шабца и Ниша имели, и, слава богу, нас сохраняющему и укрепляющему, мы неприятелей наших до сего дне счастливо разбивали. А и теперь вси вооружены на границах противу непрерывного их нападения стоим и отбраняемся, совершенно и крепко надежду нашу полагающе на бога и на помощь России. Мы, ваше высокородие, покорнейше просим вкратце зде описанное состояние наше его императорскому величеству всея России, нашему все-милостивейшему покровителю, представити с всепокорнейшим прошением нашим, во еже бы нас его величество отечески помиловал и не оставил бы нас, бедных, которые от его величества только целое спасение и всю освобождения утеху непрестанно ожидаем, далее лютою судьбою нашею мучимым быти, но благоизволил бы всемилостивейше пожеланное за нас и за землю нашу уречение у Блистательной Порты скоро исходатайствовать и всемилостивейше обещанное нам существование подарити. Между тем, всепокорнейше просим нужных денег нам всемилостивейше пожаловать, коими первые и настоящие нужды наша утишити бы могли. При том еще бы всевысочайшую милость получили и оружия, [а] мунициции и раны достати, то самим прямым способом, Дунаем, нам прислано быти бы могло. А мы теперь то деим, чтоб Крайну завоеваше, свободную коммуникацию с Валахиєю при Фетисламе имели, чрез которую дорогу и сие писание Вам отправляем и расположения деим, чтоб и в будуще сей самый прямой корреспонденции наша с Вами путь безопасен и свободен был.

При сем просим ваше высокородие милость нам сотворити и известити нас за Гавриила Вуяновича, которого мы к Вами еще в мае [есе]де [сего] л[ета] с устменным наложением послали для помощи и наставления и от коего никакую весть еще не имеем, также и за дело господина капитана Угринчича. Вместе же и мы имеем честь известити Вас, что мы в юле [есе]де [сего] л[ета] одного депутирца в Константинополь тайно послали². Существо его полномочия есть все оно, что мы чрез депутирцы наша предшедшего году у Блистательной Порты просили с тим единым приданием, чтоб; ежели Блистательная Порта никак иначе не склонится на подавание прошения нашего, царский муасил в землю нашу послан был, но без всякого воинства, только с своими нужными служетели. Мы сему депутирцу, именно Петру Ичкоглии, бывшему купеческому в Белграде консулу, и письмо на его сиятельство графа Италинского³, всероссийского в Константинополе министра, вручили, чтоб он с поразумением его сиятельства дело свое делал. И то за вероятно слыхали мы, что Россия с французами мир заключила в котором и мы благонадеемся, что и о жребии народа сербского слово было! Просим покорнейше ваше высокородие скорое известие за вся сия нам сотворити, да и мы утешени и уведомлени быти можем. Для того ответа и посилаем наших нарочитых к Вам, како теперь дела наша стоят и до коего степене отеческое исходатайствование за нас всемилостивейшего покровителя нашего пришло. Верите, что народ сербский войною и осиротением изнурен есть толико, да народ сербский непре-

менно скоро отчаяться будет, аще Россия покровительства своего милостию и действительнейшим ходатайством его скоро не сохранит и не утешит. Мы от Вас денежную помощь, которую нам с Вашим посланником, кои потом у нас на великую утеху нашу и останися бы благоизволил, просим при-слати. Неотложно ожидающе милости и попечению Вашему вручени, с от-менным высокопочитанием честь имеем пребыти вашего высокородия, милостивый государь, покорнейший слуга

[Печать]

Ч[ерный] Георгий Петрович, вождь сербов.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 9, л. 26—27 об. Подлинник. Печать Правитель-ствующего совета сербского.

¹ См. док. № 154.

² См. док. № 156.

³ См. док. № 155.

№ 162

Письмо П. Новаковича Л. Г. Кирико с препровождением писем от сербского Сената

31 августа 1806 г. Пореч

Высокоблагородный господин консул, наш высокопочитаемый! Объяв-ляю вашему высокоблагородию, что я прибыл в Порече 25 августа, а кото-рое имел я препоручение от высокославного Совета Вам изустно сказать и с Вами посоветовать, однако нам настоят великое затруднение, и никак не можно пройтить чрез немецкую границу, да Вам всю нашу тайну изъяснить. Почему Вам посылаем поверенные нам письма от Сената чрез г. Тошу Демелича, орсовского жителя, коего имеем верно и христианина, права в Цесарии, который может Вам изустно передать наше поручение, сказав г. Тошу, да Вам все объявит. И мы Вас препокорно просим о нашем препоручении как можно скорее сообщить куда надлежит и затем ожидаем от Вас наискорейшего ответа чрез сего ж г. Тоша, который нам передаст и который может словесно рассказать, как побежден визир. Остаюсь вашему высокоблагородию покорный слуга

Петр Новакович Чардакли

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 9, л. 30 и об. Копия. Пер. с сербск. яз.

№ 163

Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову с просьбой выдать ему дубликаты утраченных документов

31 августа 1806 г. Пореч

Высокородный государь генерал-консул! Я, походящи из России по-налогу всевысочайшему царскому, до вашего высокородия дойти имел есм и кредитив мой восприяти. Тако и бысть. Я покорнейше к вашему высокородию пришел, и кредитив мой, которим пред народом от путеше-ствии в Россию и от восприятин моем у всевысочайшего двора свидетел-ствовал бы, получил есмь. Обаче, когда я до границы немецкия пришел, упазил есмь, да немцы меня визитирать намерают, и того ради, да не бы они у меня такового писма обрели, и что неугодно следовало, тот я креди-тив мой, и многа еще писма в огонь поверг, сожегл есмь. Понеже обаче мне таковое писмо, яко кредитив оный, здесь в народе весма нужно есть, тем подданнейше прошу, дабы ваше высокородие, имеючи ныне свобод-

ный и безопасный за вся путь из Валахии в Сербию, мне нов кредитив уделить благоволили. Я зде на границы той ожидаю. Иже высокой милости препоручаясь, со всяким высокопочитанием пребываю вашего высокородия покорнейший слуга

Петар Новакович Чардаклия

Помета: Полу[чено] 20 сентября 1806 г. Ответ 21-го.
АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 138, л. 6 и об. Подлинник.

№ 164

Доклад А. Я. Будберга Александру I о предоставлении сербам 13 тыс. червонцев для закупки оружия

31 августа 1806 г.

Из донесений действительного статского сов[етни]ка Родофиникина явствует, что сербы чрезмерно нуждаются в недостатке * оружия и денег. Полагаю, что на первый случай достаточно будет доставить к ним 100 тыс. пиастров, что составляет около 13 тыс. черв[онны]х. Испрашиваю о том высочайшего вашего повеления.

Пометы: S'aboucher avec le Cte Wassilieff ** et s'il n'y a pas une occasion plus sûre, faire passer la somme par la voie de Yassy ***.

Указ высочайше подписан 3 сентября 1806 г. Означенные в сей записке 13 тыс. отправлены к генералу Михельсону 11 сент[ября] 1806 г. с ездовым Андреевым.
АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7891, л. 143. Подлинник. *Опубл.:* Сборник РИО, т. 82, с. 466.

№ 165

Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкуну о посылке письма через орсовского купца Т. Демелича

31 августа 1806 г. Пореч

Високо благородњи господину конзулу, нам же високо почитајема! Јављам вашему високородију како ја дођо у Порече 25 августа, и које сам имао наложеније от високо славьога Совета Вама усмено казати, с Вами је советно разговорати. Али ево нами велике несређе: није нам никако моћи да прође пре немецке границе да Вами сву тајну нашу јавимо. Веће Вами пиљемо наша наложета писма од славног Синода по г. Тоши Демелићу, житеља оршавског, којег имамо верна и христијанина права у ћесарии; и он Вами може усмено показат наше наложене речи на г. Тошу да Вами каже. И ми Вас препокорно молимо да Ви наше препорученије изручите што скорије можете куда надлежит; и пак ожидавамо одговор от Вас што скорије, може бити по г. Тоши да нама одговор и Вами г. Тоша хоће усмено казат како је победен везир. Остају вашему високородију слуга покорни

Петар Новаковић Чардаклија

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 9, л. 28. Автограф.

* Так в тексте.

** Васильев А. И. — министр финансов.

*** Связаться с графом Васильевым, и если не будет более надежной оказии, передать эту сумму через Яссы (франц.).

Нота А. Я. Италинского султану Селиму III об агрессивных планах Франции в отношении Турции

10 (22) сентября 1806 г. Буюкдере

Sire! Les intrigues constantes et plus actives que jamais des Français, leur langage trompeur, leurs promesses fallacieuses paraissant faire la plus profonde impression sur l'esprit des ministres de votre hauteesse, il est pour moi d'un devoir indispensable de m'adresser directement à votre majesté impériale et de lui représenter avec toute la fidélité du ministre d'un souverain, son sincère ami et allié, les conséquences qui résulteront nécessairement de l'aspect actuel des choses.

Une note remise, il y a quelques jours, à votre Sublime Porte, par l'ambassadeur de France, m'a été communiqué. Elle contient en substance la demande que les bâtimens de guerre de l'empereur mon maître et les transports de troupes, de munitions et de vivres ne passent plus par le canal de Constantinople, que l'alliance avec la Russie soit rompue et que celle avec l'Angleterre ne se renouvelle pas. Ces demandes sont accompagnées de la déclaration comminatoire qu'en cas de refus l'armée formidable française, rassemblée en Dalmatie et destinée, à en croire l'ambassadeur de France, à défendre les Etats de votre hauteesse, les traversera pour aller combattre l'armée russe sur le Niester.

J'ai remis, de mon côté, à la S[ublime] P[orte] par ordre exprès de mon souverain une note, dans laquelle j'ai exposé certains griefs, et je me suis surtout plaint du refus de la S[ublime] P[orte] de renouveler l'alliance avec l'Angleterre et de sa prétention de voir cesser le passage des bâtimens de guerre et des transports de troupes et de munitions par le Bosphore.

J'ai requis au nom et toujours par l'ordre de mon auguste maître, que cette note fût mise sous les yeux de votre hauteesse, et qu'il me fût fait une réponse par écrit prompte et précise; elle m'a été promise; mais je n'ai pu encore l'obtenir, quoiqu' il y ait 25 jours que ma note a été présentée. La raison qui m'a été alléguée jusqu'ici pour couvrir ce retard, c'est la maladie de s. ex. le reis effendi; mais je n'y ai vu qu'un prétexte futile pour éluder cette réponse et un indice certain du désir de la S[ublime] P[orte] de céder aux demandes de l'ambassadeur de France.

Il est bien extraordinaire que cet ambassadeur puisse avancer que les Français ont une armée considérable en Dalmatie, lorsqu'il est notoire par la nature de pays qu'il n'y saurait exister plus de 20 mille hommes; il est plus singulier encore qu'il fasse une pareille assertion à des ministres ottomans, si à portée de connaître les localités d'une province contiguë aux Etats de votre hauteesse.

Non, Sire, ni il a une armée considérable française en Dalmatie, ni Bonaparté a la volonté et le pouvoir d'effectuer les menaces de son ambassadeur. Quelques certains que soient ses projets sinistres contre les Etats de votre hauteesse, il sent et sait qu'il lui sera impossible de les mettre en exécution, tant que votre hauteesse aura pour défendre son empire deux alliés aussi fidèles, aussi puissants et aussi désintéressés que la Russie et l'Angleterre. Ce n'est qu'en anéantissant ces alliances qu'il parviendra à son but prêt alors à entrer comme auxiliaire et ami dans les Etats ottomans, pour y rester ensuite en maître ou en ennemi, ainsi qu'il l'a fait partout ailleurs.

C'est pour s'opposer à cette invasion depuis longtemps méditée que la Russie a rassemblé une armée de 120 mille hommes sur le Niester, et que l'Angleterre de son côté entretient dans la Méditerranée des forces maritimes

imposantes. Cette armée formidable, s. m. i. le déclare dans la note qu'elle m'a donné ordre de présenter, n'a pour présent d'autre destination que de venir au secours des Etats de votre hauteesse; mais elle déclare dans cette même note que sa destination sera différente, en cas d'une conduite provocatoire de la part de la Sublime Porte.

Cette provocation, Sire, a déjà commencé à se manifester. La condescendance de votre S[ublime] P[ortel] aux demandes impérieuses de l'ambassadeur de France, un plus long retard à répondre par écrit à ma note, une réponse même vague et ambiguë sur le passage des bâtiments, troupes, munitions et vivres par le Bosphore, sans obstacles et sans difficulté, aux termes précis du traité, y mettrait le sceau. Dès lors l'alliance avec la Russie et l'Angleterre serait rompue, et ces deux puissances ne pourraient plus rester amies, parce qu'il n'est pas de leur intérêt d'abandonner l'empire Ottoman à Bonaparté. Dès lors s. m. i., sans laisser aux Français la peine d'aller chercher son armée sur le Niester, lui fera passer à son grand regret ce fleuve et traverser les Etats de votre hauteesse, pour aller les trouver eux-mêmes en Dalmatie, tandis que d'une autre part l'Angleterre, alliée inséparable de la Russie et souveraine absolue des mers, couvrant l'Archipel de ses vaisseaux, viendra porter partout la famine et l'épouvante.

Telle est, Sire, la circonstance critique et urgente du moment. De la réponse de la S[ublime] P[ortel] à ma note dépendra peut-être la destinée de ce haut empire. Je l'expédierai immédiatement à s. m. i. par son courrier extraordinaire qui l'attend ici depuis trois semaines.

Mais si je ne la reçois point incontinent, comme tout retard ultérieur deviendrait incompatible avec mes ordres, je le renverrai sans réponse, ce qui ne pourra qu'être regardé par l'empereur mon maître que comme un refus précis et manifeste.

Que v. m. i. daigne peser dans sa haute sagesse les avantages et les inconvénients de l'un ou l'autre parti. Qu'elle daigne se faire représenter une carte géographique et examiner attentivement quels sont relativement à ses Etats les moyens respectifs de la Russie et de l'Angleterre, et ceux de la France, soit pour les défendre ou pour les attaquer.

Les circonstances actuelles d'une grande partie de l'Europe apprennent à votre hauteesse, quel fond on doit faire sur les secours et les promesses de Bonaparté. L'expérience lui a prouvé depuis huit ans le désintéressement et la loyauté des intentions de la Russie et de l'Angleterre.

V. m. i. connaît aussi les sentiments particuliers d'affection et d'attachement de l'empereur mon maître pour son auguste personne. Elle n'y renoncera jamais que malgré lui, et avec douleur et regret, et en tâchant de prévenir une altération aussi funeste.

Je satisfais au désir de son cœur magnanime, ainsi qu'aux vœux que je ne cesserai de former pour la prospérité de votre hauteesse, et pour le bien être de son empire.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., л. 2259, л. 54—57 об. Копия.

Перевод

Государь! Постоянные и более, чем когда-либо, активные интриги французов, их нескранные речи и живые обещания произвели, по-видимому, самое глубокое впечатление на умы министров вашего высочества, и посему считаю своим неперменным долгом обратиться непосредственно к вашему императорскому величеству и со всей преданностью министра государя, являющегося Вашим искренним другом и союзником, указать на последствия, к которым неизбежно приведет настоящее положение вещей.

Мне была сообщена нота, врученная несколько дней тому назад французским послом Вашей Блпстательной Порте. По существу, в ней содержится требование запрета прохода судов моего государя императора и транспорта с войсками, боеприпасами и

продовольствием через Константинопольский пролив, расторжения союзного договора с Россией и невозобновления договора с Англией. Эти требования сопровождаются угрожающим заявлением, что в случае отказа огромная французская армия, собранная в Далмации и предназначенная, если верить французскому послу, для защиты владений вашего высочества, пройдет через них, чтобы сражаться с русской армией на Днестре.

Я, со своей стороны, следуя особому приказу моего государя, вручил Блистательной Порте ноту, где изложил некоторые претензии, в особенности по поводу отказа Блистательной Порты возобновить союзный договор с Англией и ее намерения прекратить проход военных судов и перевозки войск и боеприпасов через Босфор.

Я просил от имени и неизменно по повелению моего августейшего государя, чтобы эта нота была представлена вашему высочеству, и чтобы мне был дан быстрый и точный письменный ответ; он был мне обещан, но я до сих пор его не получил, хотя прошло уже 25 дней с тех пор, как была вручена моя нота. До сих пор мне приводили как довод для оправдания этой задержки — болезнь его превосходительства реис-эфенди, по я вижу в этом лишь пустой предлог, чтобы уклониться от ответа, и явный признак стремления Блистательной Порты уступить требованиям французского посла.

Весьма странно, что этот посол мог утверждать, что французы располагают значительной армией в Далмации, в то время как общезвестно, что сама природа страны не позволяет там находиться более чем 20 тыс. человек; и еще более странно, что подобное заявление делается оттоманским министрам, которые должны бы знать, что представляет собой провинция, сопредельная с владениями вашего высочества.

Нет, государь, в Далмации нет значительной французской армии, а Бонапарт не хочет и не может привести в исполнение угрозы своего посла. Как бы ни были очевидны его зловецкие планы против владений вашего высочества, он знает и чувствует, что ему невозможно осуществить их, пока у вашего высочества есть для защиты Вашей империи два таких верных, могущественных и бескорыстных союзника, как Россия и Англия. И лишь расторгнув этот союз, он достигнет своей цели, готовый вступить в оттоманские владения в качестве друга и помощника, чтобы затем остаться хозяином или врагом, как он поступал повсюду.

Чтобы воспротивиться этому давно замышляемому вторжению, Россия сосредоточила 120-тысячную армию на Днестре, а Англия, со своей стороны, держит в Средиземном море внушительные морские силы. Эта огромная армия, заявляет его императорское величество в ноте, которую он приказал мне представить, не имеет в настоящее время иного назначения, чем прийти на помощь владениям вашего высочества, но, заявляет он в этой ноте, ее назначенне будет иным в случае провокационного поведения со стороны Блистательной Порты.

Эта провокация, государь, уже стала проявляться. Благоклонность Вашей Блистательной Порты к властным требованиям французского посла, проволочка с письменным ответом на мою ноту, даже двусмысленный и неопределенный ответ о проходе судов, войск, боеприпасов и продовольствия через Босфор без препятствий и затруднений согласно точным выражениям трактата были бы тому подтверждением. И тогда союз с Россией и Англией был бы расторгнут и обе эти державы не могли бы больше оставаться друзьями Порты, ибо не в их интересах отдавать Оттоманскую империю Бонапарту. И тогда его императорское величество, чтобы избавить французскую армию от труда двигаться к Днестру для встречи с его армией, к своему великому сожалению, прикажет своей армии пройти через владения вашего высочества, чтобы встретиться с ними в Далмации, тогда как с другой стороны Англия, верная союзница России и абсолютная владычица морей, окружив архипелаг своими судами, повсюду распространит голод и ужас.

Таковы, государь, животрепещущие и критические обстоятельства момента. От ответа Блистательной Порты на мою ноту, возможно, будет зависеть судьба этой высокой империи. Я его тотчас направлю его императорскому величеству с нарочным курьером, ожидающим здесь уже три недели.

Если я его немедленно не получу, то, поскольку всякая дальнейшая задержка была бы несовместима с моими инструкциями, я отправлю курьера без ответа, что может быть рассмотрено моим государем императором лишь как явный и определенный отказ.

Соблаговолите, ваше императорское величество, Вашей высокой мудростью взвесить выгоды и неудобства того и другого решения. Соблаговолите внимательно рассмотреть по географической карте, каковы по отношению к Вашим владениям соответственные средства России и Англии, с одной стороны, и Франции, с другой, чтобы защищать их или чтобы на них напасть.

Нынешнее положение большей части Европы показывает вашему высочеству, насколько можно полагаться на помощь и обещания Бонапарта. Вы убедились на опыте за восемь лет в честности и бескорыстии намерений России и Англии.

Вашему императорскому высочеству известны также чувства особой любви и привязанности моего государя императора к Вашей августейшей особе. Он лишь вопреки

собственной воле может от них когда-либо отказаться, сожалел и скорбя и пытаюсь предотвратить столь пагубную перемену.

Я исполняю желание его великодушного сердца. Непрестанно возношу молитвы о процветании вашего высочества и благоденствии Вашей империи.

№ 167

Депеша А. Я. Будберга И. И. Михельсону об отправке Карагеоргию 13 тыс. червонцев

11 сентября 1806 г.

Поручик Бей Новокрещеный прибыл сюда 26 августа и доставил мне попутно как донесение вашего высокопревосходительства на высочайшее имя, так и письмо ко мне. Я немедленно поднес оные государю императору, и его величество, уважая представление Ваше о надобности подать сербам помощь, повелеть соизволил доставить для того к Вам, м[илостивый] г[осударь] м[ой], 13 тыс. черв[онных], препровождая к Вам оные в двух запечатанных бочонках, из коих в первом под литер[ой] А 9000 #, * а во втором под лит[ерой] В 4000 #. Имею честь уведомить Вас о высочайшем соизволении, чтобы Вы деньги сии изволили отправить при письме от Вас к Черни-Георгию, сказав ему в оном, что государь император, получив сведение, что таковая сумма будет на первый случай достаточна для принятия сербами нужных мер к своему защищению, поспешил немедленно оную отправить. Что же касается до пороху и свинцу, в которых имеют они надобность, то по настоящему положению нашему на сей раз не можем еще оными снабдить их, а ежели Порта Оттоманская не согласится удовлетворить представлениям, от нас ей сделанным, между коими одно из главнейших есть обеспечение спокойствия сербов, тогда общие меры, какие вследствие того с нашей стороны будут приняты, поставят нас в возможность снабдить сербов и военными снарядами, что, впрочем, во всяком случае с твердою надеждою могут они положиться на попечение государя императора о восстановлении и утверждении их спокойствия.

В дополнение сего я должен уведомить ваше в[ы]с[о]к[о]превосходительство, что его величество соизволяет, чтобы сие отправление денег сделано было не иначе, как удостоверившись наперед, что оные верно дойдут до Черни-Георгия. Я прилагаю при сем письмо к нашему ген[еральному] кон[сулу] Болкунову, дабы он с своей стороны принял о том все нужные предосторожности, когда чрез посредство его деньги сии изволите отправить.

Пребываю. . .

Резолюция Александра I: Быть по сему.

Помета: Высочайше утверждено 6 сентября 1806 г. Подписано и отправлено с ездовым Алексеем Андреевым сентября 11-го дня 1806 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1871, л. 48 об. Отпуск.

№ 168

Донесение К. К. Родофиникина А. Я. Будбергу о положении в Валахии и о пребывании в Сербии французских офицеров

12 сентября 1806 г. Букорест

Милостивый государь Андрей Яковлевич! При проезде из Варны до Русука я не преминул как аянам, так и простолюдинам делать чрез толмача приличные внушения, объяснял им, что султан, хотя устрашася прибли-

* Червонных или золотых.

жения бунтующихся янычар к столице, выслал к ним полномочных для заключения мира с обнадеживанием, что распустит регулярное войско. Не менее того более 40 французских офицеров из бывших в Египте и знающих турецкий язык приняты в службу, одеты по-турецки и посланы в Азию для обучения там войск, коими надеется со временем истребить янычар. Что даже во флот назначены французские офицеры, которые стараются иметь матросов из греков, дабы удобнее увезти во Францию корабли турецкие. Аяну рушукскому, которого за болезнью моею я не мог видеть, но который, однако, высылал на берег Дуная чиновника для поздравления меня с приездом и осведомления о моем здоровье, дал я знать чрез верную особу, что Суцо не одними деньгами и интригами французам успел получить княжество Воложское, но обещаю, данным Порте, что головы Мустафы Барактара и Черни Жоржа чрез три месяца будут в Царьграде. Сими внушениями надеюсь удержать их от всякого искреннего сближения с Портою, а между тем могут дойти до меня повеления вашего высокопревосходительства, которые начертает мне дальнейшее поведение мое ¹.

Силистрийский аян сделал вторжение в земли рушукского и взял штурмом Ени-Пазар 3-го числа сего сентября в 4 часа пополуночи, когда как я и аглинский курьер, со мною ехавший, не успев, к счастью, приехать рано в сей город, ночевали в поле на пистолетный выстрел от оного. Шум штурмующих и защищающихся извлек нас от сна, и мы обязаны спасением нашим густому туману, который продолжался до 9 часов и скрыл нас от неприятеля. Фельдъегеря, ехавшего в Цареград, встретил я близ Юрьова сего сентября 5-го числа, коему не преминул объяснить опасность, предстоящую в пути, и наставил его, какие предосторожности взять для обеспечения себя.

Здесь, в Валахии, разбежались жители нескольких деревень, а другие явно взбунтовались по случаю тяжелых налогов, каймаканами Суцо взыскиваемых. Духовенство и дворянство здешнее долго не поддавалось на требование каймаканов, чтоб подписать жалобу против князя Ипсилантия. Но когда на сих днях прибыл курьер от Суцо с известием, что он получил уже инвестиру и что вскорости приедет сюда, каймаканы же объяснили им, что российская миссия в Цареграде принужденною нашлась уступить сильному влиянию французской и что все дело о господах уже кончено совершенно. Тогда, опасаясь мнения Суцо, невзирая на все старания консула Кирико, подписали означенную жалобу.

По вернейшим известиям и в стане сербском находятся теперь два французские офицера. Как сие, так равно дошедшее сюда сведение, явствующее в прилагаемой при сем письме, что французские войски вступили в Боснию, заставило меня отправить к сербам нарочного с словесными уверениями и обнадеживаниями скорой помощи. Хотя вышеозначенное сведение о вступлении войск верным полагать не можно, не менее того осторожность казалась мне нужною.

В Руцуке и Юрьове приобрел я двух надежных шпионов, которые о всем происходящем в тех и окружных краях будут меня извещать исправно.

Донеся о всем сем вашему высокопревосходительству, имею честь пребыть с истинным высокопочтанием и неограниченною преданностию вашего высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

Помета: Получ[ено] 26 сентября.
АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1880, л. 32—33. Автограф.

¹ Для выяснения ситуации в областях Европейской Турции во второй половине августа 1806 г. в Яссы через Вену был послан чиновник МИД России, действительный статский советник К. К. Родофиникин, которому было предписано оставаться там, «... доколе дела с Портой придут в ясность...» (см. док. № 171; *Богущич В.* Разбор... с. 74—75. Родофиникин — Михельсону 24 сентября 1806 г.). В случае начала военных действий между русскими и турецкими войсками К. К. Родофиникин должен был, по его словам, «сыскать средство уведомить сербов, чтобы они, силы свои не раздробляя для набегов, держали оные в массе, дабы удобнее можно было главнокомандующему российско-императорскою армиею направить их туда, куда нужда востребует» (там же).

№ 169

Депеша А. Я. Итальянского А. Я. Будбергу об уклонении Порты от выполнения русско-турецкого договора и ее отказе пропустить русский флот через проливы

№ 256

18 (30) сентября 1806 г. Буюкдере

Monseigneur! Depuis ma dernière expédition à v. ex. des 3 (15) de ce mois¹, je n'ai pas cessé de presser le ministère ottoman pour avoir la réponse à ma note des 16 (28) août² et la copie de celle présentée par l'ambassadeur Sebastiani³, promise par le reis-effendi, et dont mon rapport № 164 fait mention⁴.

Il me paraissait important d'abrèger les délais que la Porte mettait à s'expliquer sur mes demandes, il ne l'était pas moins de connaître précisément celles faites par l'ambassadeur Sebastiani⁵.

On alléguait à mes instances la maladie de Vassif effendi, il me semblait que l'on était très aise d'avoir ce prétexte à mettre en avant, vis-à-vis de moi, et l'on cherchait à me persuader en même temps que l'ambassadeur de France n'était pas moins pressant que moi, et que la même raison suspendait aussi la réponse sollicitée par Sebastiani. Je devais concevoir quelques soupçons sur les motifs de ce retard, ils n'ont pu qu'augmenter, lorsque des avis qui m'étaient donnés par le prince Demetrius Mourousy, et qui m'étaient confirmés d'autre part, portaient que les influents agissaient dans cette occasion de concert avec l'ambassadeur de France, que le ci-devant kehaya bey faisait pousser Sebastiani à redoubler de menaces pour procurer à la Porte des armes contre la mission russe, que le ministère ottoman souhaitait d'être forcé par les Français à annihiler totalement notre influence politique, dans l'espoir de n'être pas inquiété par une guerre dont l'impossibilité lui était assurée par eux; que la note de l'ambassadeur de France avait été rédigée dans un conciliabule présidé par l'hospodar Aleko Soutzo, que le premier but était de m'en imposer par les demandes et les déclarations de Sebastiani, de me faire sentir que la partie n'était pas soutenable, que ces motifs avaient déterminé à me communiquer la note française, qu'enfin il s'agissait de traîner en longueur une réponse, qui en résultat ne serait pas tant s'en faut telle que je l'avais demandée.

Ces renseignements étaient très précieux pour moi, ils me mirent à même de régler ma conduite et mon langage; et mes instances étant devenues encore plus vives, on a commencé par me donner une copie de la note de Sebastiani, elle est ci-incluse. Ce fut le drogman de la Porte Hangerli qui fut chargé de cette remise.

Je remarquais d'abord que la note était datée du 16 septembre n. st., tandis que Vassif effendi m'avait entretenu de cette démarche de Sebastiani depuis le 11 du même mois. Je ne voyais pas non plus que l'ambassadeur de France eût menacé de partir, ainsi que le reis-effendi me l'avait fait annoncer. Le conseiller d'Etat Joseph Fonton fut chargé de faire quelques questions

à cet égard au drogman Hangerli; celui-ci y répondit, en alléguant que la note, dont Vassif effendi avait parlé, avait été restituée à Sebastiani, parce qu'elle contenait une menace des plus choquantes pour le sultan, puisque l'ambassadeur de France disait que Bonaparte qui avait pu dicter la loi à tant de souverains, saurait aussi la faire à sultan Selim; que ce prince avait été très piqué de ce passage et qu'en renvoyant la note à la Porte, il avait prescrit de la restituer, que Vassif effendi, tout en exécutant les ordres de son maître, avait caché au drogman de France Franckini le mécontentement du prince, s'était borné à faire des observations contre ce paragraphe de la note, et l'avait prié d'engager l'ambassadeur de la reprendre, parce qu'il était impossible de la mettre sous les yeux du sultan, que Sebastiani avait accédé à cette sollicitation du reis-effendi.

Il me serait difficile de garantir la vérité de cette assertion du drogman Hangerli, je n'ai point encore eu jusqu'à présent la moindre preuve de sa véracité dans les rapports ou prétendues confidences, et dans ses assurances d'attachement au système de l'alliance de la Porte avec la Russie, je ne suis même pas encore persuadé de son impartialité dans ce froissement entre nous et les Français et dès lors il m'est permis de rester dans mes soupçons sur son compte.

Quoiqu'il en soit, le drogman Hangerli, en remettant au conseiller d'Etat Joseph Fonton la copie de la note française, a cherché à persuader de l'embaras extrême dans lequel la Porte se trouvait en ce moment, a observé que c'était un orage des plus considérables, dont elle ait été jamais menacé, et que certainement ses alliés voudraient condescendre à ne pas augmenter ses embarras pour le moment, il a annoncé l'intention de la Porte de nous donner une note relativement au passage des bâtiments, et enfin il a voulu justifier le délai mis à répondre à la mienne, quoique présentée depuis trois semaines. Il a ajouté, mais sous l'apparence d'une confiance, que Sebastiani, agité par les mêmes délais, puisque le motif est le même, c'est-à-dire la maladie du reis-effendi, était venu de nuit le trouver, lui, Hangerli, se plaindre amèrement, dire qu'il voulait aller chez le grand visir, chez tous les membres du ministère ottoman pour avoir réponse à sa note; que cependant Sebastiani s'était borné le lendemain à écrire une lettre au grand visir, pour lui adresser un placet au sultan avec réquisition de le présenter immédiatement à ce prince.

La confiance de Hangerli s'est bornée là sous ce rapport; j'ai su en même temps par le prince Demetrius Mourousy, qu'en effet Sebastiani avait fait présenter au sultan une nouvelle note, conçue en termes très forts, et contenant des plaintes contre le reis-effendi au sujet des grands délais occasionnés par lui; que l'ambassadeur disait tout rondement dans sa note, que ce n'est pas auprès de Vassif effendi que son maître l'a envoyé, mais auprès du sultan, qui doit réfléchir cependant, que depuis son arrivée à Constantinople, il n'a pas pu envoyer un courrier avec des choses satisfaisantes et catégoriques; qu'enfin Sebastiani pressait une réponse par écrit et prompte.

Le prince Mourousy a ajouté à cet avis, que le sultan a ordonné en général de pouvoir consommer l'ouvrage chéri de la neutralité, c'est-à-dire, d'après l'idée à la turque, faire désister la Russie de toute prétention sur l'exécution des articles du traité d'alliance, et tâcher ensuite de faire décliner les Français, en mendiant leur agrément sur la continuation de cet état de choses *pro forma*; mais le prince Mourousy a ajouté en même temps la juste observation, que supposant même que cet ouvrage fantastique reçoive cette forme étrange qu'on veut lui donner, le moment d'après et ce premier pas gagné, les Français insisteront sur la dissolution totale du traité même *pro forma*; car ils ne cessent de répéter la base sur laquelle ils ont voulu s'appuyer depuis leurs premiers pas: *mêmes ennemis, mêmes amis.*

Indépendamment des premières observations que j'avais chargé le conseiller d'Etat Fonton de faire au drogman Hangerli sur la date de la note de Sebastiani etc., j'ai fait remarquer combien il me serait facile de réfuter victorieusement les fausses inculpations de cette note, concernant Raguse, la république Septinsulaire, les Monténégrins, les Serviens, la Géorgie, et de prouver par plusieurs faits, tel notamment par le passage du colonel Bellier de Yanina en Servie et par ses offres et ses propositions à Czerni George, que ce sont les Français eux-mêmes qui cherchent à inciter et à s'attirer les Serviens, comme ils ont voulu faire au Magne et au Monténégro; mais que je laisserai de côté toute récrimination, inutile sans doute, d'après la partialité connue de la Porte.

Que je ne voyais point, pourquoi la Porte me remettrait une note en conséquence de celle de Sebastiani, ni ce qu'elle pourrait contenir; mais que j'observais qu'un préalable nécessaire et plus urgent était la réponse à ma propre note que je solliciterais et que j'attendais depuis trois semaines; que la maladie du reis-effendi paraissait n'être qu'un prétexte pour l'éluder, parce que dans tous les gouvernements du monde un ministre malade est suppléé dans ses fonctions par un substitut; qu'au reste je n'étais pas moins pressé que Sebastiani d'avoir une réponse nette et précise, parce que s. m. i. avait aussi ses mesures à prendre, tout comme Bonaparte, et que je déclarais officiellement que si cette réponse ne m'était point donnée d'ici à peu de jours, je regarderai ce silence ultérieur comme un refus absolu et que j'en informerai immédiatement s. m. l'empereur.

Le drogman Hangerli promit de faire usage auprès des ministres ottomans de toutes mes observations et de ma réquisition pour une réponse.

Malgré ses assurances et mû aussi par diverses considérations, j'ai songé à faire un recours direct au sultan, et même de me servir du même ex-kehaya bey, pour faire parvenir une note au prince. Certain que sultan Selim en fera aussitôt part à Ibrahim effendi, je ne voyais aucun inconvénient de m'adresser à cet ex-kehaya bey, et j'avais conçu en même temps l'idée de tâcher d'ébranler cet homme, par la crainte d'une responsabilité en raison de tout conseil, qui par ses conséquences pouvait jeter le sultan dans le plus grand danger.

Ma note adressée directement à ce prince a été rédigée dans les termes que présente la copie ci-jointe.

C'est le conseiller d'Etat Fonton, qui a été de ma part prier l'ex-kehaya bey de se charger de la remettre à sultan Selim.

Je ne fatiguerai pas v. ex. par l'exposé de toutes les observations, de toutes les considérations par lesquelles le conseiller d'Etat Joseph Fonton a cherché d'ébranler Ibrahim effendi, de persuader à ce personnage quel était le seul vrai, le seul grand intérêt de sultan Selim, de démontrer quel était au contraire le but de la France, quoique les agents français voulussent le cacher sous des formes séduisantes, et combien il fallait se défier de leurs promesses.

Ibrahim effendi, après avoir pris lecture de ma note au sultan et écouté le conseiller d'Etat Joseph Fonton, s'est à son ordinaire étendu en protestations, a paru convenir de la justesse de mes observations, admettre les considérations que je mettais en avant, a parlé de son attachement inaltérable au système des alliances, parce que telle était aussi la volonté de son souverain; il a répandu des invectives contre les Français, et s'est exhalé surtout contre Bonaparte; mais, enfin, il a ajouté que chaque gouvernement avait sa politique, que celle de la Porte était de ménager Bonaparte, devenu aujourd'hui son voisin; que si on lui faisait des caresses, elles étaient trompeuses, et qu'on n'ajoutait foi ni à ses promesses, ni à la pureté de ses vues.

Ensuite Ibrahim effendi est venu à l'objet principal, celui du passage de nos forces par le Bosphore, et a exprimé le désir qu'il pût être discontinué pendant quelque temps, dans l'espoir que dans l'intervalle la paix aurait peut-être lieu.

Le conseiller d'Etat Joseph Fonton a reparti que ce passage ne pouvait être discontinué, si nous devions rester alliés et amis, parce que l'alliance ne subsisterait plus alors que de nom et serait rompue de fait par l'inexécution d'un de ses principaux articles, et le seul même peut-être qui intéressât la cour impériale en ce moment.

Ibrahim effendi a réitéré à cette occasion les mêmes observations déjà si souvent faites par lui et par le reis-effendi, en disant que ce n'était point un droit que la Porte prétendrait exercer, mais une grâce, une faveur qu'elle demandait à la cour impériale, enfin il a fait part au conseiller d'Etat Fonton que dans le *Rekiab* de la veille il avait été décidé de me donner une réponse qui exprimerait le désir et la nécessité que les bâtiments de guerre et les troupes ne passent plus par le Canal, et l'ex-kehaya bey a ajouté qu'Ismet bey devait se rendre le même jour à la Porte, pour me remettre la réponse.

Le conseiller d'Etat Joseph Fonton a alors exposé quelques considérations, pour déterminer Ibrahim effendi à transmettre sur-le-champ au sultan la note adressée directement par moi à ce prince, afin qu'un contre-ordre fût envoyé à la Porte, ou qu'il écrivît lui-même tout de suite un billet soit à Ismet bey, soit au kehaya bey pour qu'ils diffèrent la remise de la réponse.

Ibrahim effendi alléguait l'impossibilité de faire l'un et l'autre; qu'il ne pouvait de son chef suspendre la remise d'une note officielle ordonnée par le souverain, et que d'un autre côté quelque bien qu'il fût avec son maître, il était astreint à des formes et à des étiquettes, et qu'il devait les remplir pour faire parvenir ma note; mais que certainement elle serait fidèlement et promptement mise sous les yeux du sultan, et que je n'avais, moi, qu'à suspendre l'envoi de la réponse qui serait donnée par Ismet bey, jusqu'à ce que je connaisse celle du sultan à ma note directe à lui.

Au milieu de cette conversation est survenu Tchelebi effendi. Elle a continué en sa présence. Le conseiller d'Etat Fonton a même répété devant lui les principales observations faites à Ibrahim effendi.

Tchelebi effendi s'est montré comme Ibrahim effendi, dès lors il serait fastidieux pour v. ex. que je me répète en rendant compte du langage de ce membre du conseil. Le penchant de cet ex-ministre pour les Français est raisonné et assez médiocre, à ce que l'on veut m'assurer.

Le conseiller d'Etat Joseph Fonton, s'étant ensuite rendu à la Porte, il y a trouvé Ismet bey établi dans la chambre du reis-effendi avec le nouveau kehaya bey. Ismet bey a pris la parole, sans parler de la note qu'il était chargé de remettre. Ce personnage, qui a toujours le maintien très composé et très grave, a déridé son front dans cette occasion, et prenant le ton affectueux et des formes agréables, il a voulu justifier le retard par la maladie du reis-effendi et m'a fait prier de patienter encore deux ou trois jours, ajoutant qu'il espérait que je ne lui refuserais pas cette marque d'amitié personnelle.

Le drogman de France Franckini avait été appelé aussi par les mêmes ministres et reçu d'Ismet bey les mêmes instances, au moins d'après le dire du drogman Hangerli.

Tous ces mouvements, toutes ces explications avec Ibrahim effendi et Ismet bey ont eu lieu le 11 de ce mois.

Le même jour j'ai eu l'avis, que Sebastiani venait tout récemment de proposer une alliance offensive et défensive, et qu'Ismet bey ne s'était rendu

à la Porte que pour s'occuper avec le grand visir et le kehaya bey de cette proposition.

Le prince Demetrius Mourousy m'a confirmé cette information, en ajoutant que les influents jusqu'à présent n'ont pas osé prononcer de venir à la consommation de l'œuvre, parce qu'ils pensent toujours tenir les alliances *pro forma* et les rendre nulles par le fait en se conformant aux volontés des Français en tout en partout, jusqu'à ce que ceux-ci se montrent avantageusement dans des hostilités contre la Russie, pensant qu'alors la Porte de son côté pourra sans danger se permettre la dissolution des traités; que cette chimère est le plan arrêté du jour, si les Français, après l'influence qu'ils ont déjà acquise à la Porte, la laissent en repos.

J'informerai ici v. ex., que parmi les membres du conseil et les ex-ministres de la Porte, Hadgi Ibrahim effendi, d'après une opinion assez générale et des informations auxquelles on peut ajouter une certaine confiance, est un homme sage, impartial et qui s'est toujours borné à être ministre fidèle de son souverain, mais il est aujourd'hui extrêmement déchaîné contre les Français et leurs fauteurs; Hadgi Ibrahim est au surplus du parti de Yousouf aga, et lui est aussi attaché par alliance de famille, le fils de Yousouf aga ayant épousé l'année passée la fille de Hadgi Ibrahim effendi.

Celui-ci dit aujourd'hui et assez hautement, que les partisans des Français ont couvert la Porte d'opprobre et d'infamie par les basses et indignes complaisances qu'ils ont eu pour Sebastiani; qu'il voit l'insolente prépotence des Français, qu'il ne s'est jamais aperçu de celle des Russes, contre laquelle on affecte de tant clabauder depuis quelque temps; que s'en est fait de l'empire, si on déclare la guerre à la Russie, ou si on l'oblige de la déclarer, et qu'en supposant même qu'on pût par-ci par-là lui tenir tête à la faveur des prétendus secours de la France, il voudrait bien savoir ce que cette puissance et la Porte pourrait opposer aux forces maritimes de l'Angleterre, que cinq vaisseaux anglais seulement qui paraîtraient aux Dardanelles, mettraient la capitale sens dessus dessous; qu'il était bien décidé à tenir hardiment ce langage dans un *Muchavéré*, si l'on y traitait cette matière; mais que les dirigeants actuels qui sentent combien ils éprouveraient d'opposition, se gardent bien de la mettre sur le tapis; qu'on ne parle aujourd'hui dans les *Muchavérés* que des affaires intérieures, tandis qu'il n'y avait point autrefois de vétille politique dont on ne s'entretenait.

J'ai su aussi d'un autre côté que plusieurs personnages marquants, ex-ministres et autres, font les mêmes observations que Hadgi Ibrahim effendi sur la conduite de la Porte et les suites qu'elle aura infailliblement. Ils blâment hautement la marche suivie relativement à la destitution des hospodars, et ajoutent que toutes les personnes sensées et impartiales craignent d'un côté pour l'honneur de la Porte, mais désirent dans le fond de leur âme, que nous fassions rétablir de force les hospodars destitués.

J'ajouterai aussi que l'opinion relativement à l'effet que produirait l'apparition seule d'une flotte anglaise aux Dardanelles est une et ne varie point.

Le prince Demetrius Mourousy m'a fait même prévenir, que c'est un cas auquel les influents ont déjà songé, et que Ibrahim effendi, l'ex-kehaya bey, avait même opiné, il y a quelque temps, que c'est dans cette seule circonstance qu'on pourrait dire aux Français, que n'ayant rien à opposer à une flotte anglaise ils devaient se taire, que ce ne sont pas des troupes de terre auxquelles on peut en opposer d'autres prétendues meilleures, que la Porte serait perdue dans une telle chance et que des victoires de terre ne pourraient pas la rétablir.

Je n'ai pas eu de peine à faire adopter cette opinion à l'ambassadeur Arbutnoth, puisque depuis longtemps c'est la sienne, et que d'un côté toutes ses démarches à la Porte tendent à la persuader du concours de l'Angleterre, dans le cas d'une guerre de la Russie contre la Porte, et que de l'autre cet ambassadeur, en rendant compte de sa conduite à sa cour, ne cesse de lui représenter l'expédient d'une flotte comme indispensable, pour appuyer nos démarches et comme devant être décisif pour le système de la Porte. Il expédie courrier sur courrier; mais malheureusement et je ne sais par quelle fatalité, il ne reçoit aucune dépêche de Londres, depuis près de huit mois.

Cette circonstance est très fâcheuse, parce que le ministère ottoman qui jusqu'à présent ne voit aucune des démarches de M. Arbutnoth confirmée par sa cour, qui a pu aussi être instruit du silence absolu et continuel qu'elle garde au contraire envers l'ambassadeur, considère les mouvements de celui-ci comme l'effet d'une influence particulière que j'exerce sur lui, et l'ex-kehaya bey a même dit à ce sujet et je répéterai son expression triviale, que *tout cela n'est que de la moutarde faite à Bujukdéré*. Ibrahim effendi a prétendu même avoir intimidé le drogman d'Angleterre Pisani, en lui observant que la Porte se déciderait à envoyer un exprès à Londres avec une lettre particulière du sultan au roi, par laquelle on demanderait, si c'est par son ordre que son ambassadeur Arbutnoth parle ici et menace de déclaration de guerre conjointement avec la Russie.

Il paraît donc de la première importance de faire auprès de la cour de Londres les représentations convenables, pour que la conduite de M. Arbutnoth soit hautement approuvée et que la correspondance entre elle et lui ait l'activité que la circonstance exige impérieusement, cela me paraît d'autant plus urgent, que l'ambassadeur auquel j'ai fait part des ordres de v. ex. du 26 août, m'a promis d'appuyer mes démarches par des déclarations aussi énergiques que la situation pénible et désagréable dans laquelle il se trouve, faute d'instructions positives, peut lui permettre de faire.

Je reviens à l'objet principal de cette dépêche, c'est-à-dire, la réponse sollicitée à la Porte et ajournée de tant de manières et sous tant de prétextes.

Le drogman Hangerli ayant dit au conseiller d'Etat Joseph Fonton, que Vassif effendi était mieux, mais que les médecins ne lui permettaient pas encore de sortir, j'ai chargé le conseiller d'Etat Fonton de se rendre chez lui.

Il a trouvé Vassif effendi d'un abattement extrême et, sans le prévenir de mon recours direct au sultan, il l'a entretenu de l'objet principal, la réponse à ma note des 16 (28) août, l'a informé que le même motif l'avait conduit de ma part chez l'ex-kehaya bey, et lui a répété le même langage qu'à celui-ci.

Vassif effendi s'est montré doux, affectueux, coulant, convenant de la justesse de nos demandes et de nos observations, clabaudant contre le visir déposé, qui était, a-t-il observé, tout Français, et contre Sebastiani, qu'il a traité de jeune homme fougueux, pétulant et étourdi, et il a fait du reste les mêmes protestations qu'Ibrahim effendi. Il a dit, et cela pour passer à la demande essentielle pour la Porte, le non-passage de nos bâtiments, qu'il résistera à toutes les prétentions extravagantes de Sebastiani, mais que la seule qui jetait la Porte dans un cruel embarras, c'était celle qui concernait le passage, ajoutant qu'il se flattait qu'on trouverait un moyen conciliatoire et amical pour ne pas désobliger d'un côté la cour impériale et de l'autre irriter les Français.

Le conseiller d'Etat Joseph Fonton a fait à ce sujet les mêmes observations que précédemment. Vassif effendi a répondu que c'est à titre seul d'amitié que la Porte faisait une telle demande.

Il s'est engagé à ce sujet une discussion sensée amicale de la part de Vassif effendi, pour prouver l'intérêt de la Russie à acquiescer à cette demande de la Porte et de la part du conseiller d'Etat Fonton pour convaincre le ministre ottoman de l'impossibilité que nous renoncions à ce passage, le seul fruit de l'alliance, de l'intérêt de la Porte à nous en faire jouir entièrement, et sans opposition quelconque des vues des Français, de leurs demandes, de leurs intrigues de toutes espèces et du projet chéri de Bonaparte, et par l'exécution duquel il pourra seulement s'occuper de ses plans contre l'empire Ottoman, celui de détacher la Porte de ses alliés, et lui offrir ensuite sa propre alliance pour pouvoir alors avec toute facilité atteindre son but.

Le conseiller d'Etat Fonton avait fait cette dernière observation pour tâcher de s'assurer encore mieux de la proposition, faite par Sebastiani, d'une alliance.

Vassif effendi a en effet confirmé l'information qui m'avait été donnée précédemment, puisqu'il a avoué qu'il était vrai que les Français en avaient déjà fait des ouvertures à cet égard. Ibrahim effendi a fait à peu près le même aveu, dans une seconde visite que le conseiller d'Etat Fonton lui a faite le 14 de ce mois, pour connaître la réponse du sultan à mon recours direct à ce prince.

Ibrahim effendi a lu et fait lire au conseiller d'Etat Fonton le hatt du sultan, écrit sur ma note même, et en a remis une copie. La traduction en est ci-jointe.

Son contenu est une répétition de tous les sentiments si souvent exprimés par le sultan et aussi souvent démentis par la conduite de son ministère et de la demande amicale pour le non-passage des bâtiments.

Le conseiller d'Etat Joseph Fonton a dû encore à cette occasion faire les observations que ce hatt présentait, et Ibrahim effendi de son côté y répondre par une répétition de toutes celles qu'il a déjà et à tant de reprises mises en avant, et par un torrent de protestations selon l'usage.

Enfin, le conseiller d'Etat Fonton s'est résumé pour demander si la Porte voulait ou non me remettre une réponse officielle, sollicitée depuis près d'un mois.

Ibrahim effendi a répondu que cette réponse était prête, qu'Ismet bey devait la remettre ce jour-là et se rendre à cet effet à la Porte.

Le conseiller d'Etat Joseph Fonton s'y est rendu de son côté, en sortant de chez l'ex-kehaya bey, et a reçu d'Ismet bey la réponse de la Porte en forme de note. Je m'empresse d'en transmettre la traduction à v. ex.

Je crois pouvoir me dispenser d'accompagner cette communication d'aucune autre observation que celle qu'il ne faut pas se faire plus longtemps illusion et nous flatter de ramener les Turcs par les raisonnements.

D'après Hangerli, la note en réponse aux Français leur a été aussi donnée. Il dit qu'elle est très brève, qu'elle contient en substance que la Porte, étant également amie et alliée de la Russie et de la France et ayant embrassé le système d'une parfaite neutralité, le passage d'une force militaire par ses États y répugnait en effet, qu'elle avait antérieurement demandé à la cour de Russie de ne plus faire passer de bâtiments de guerre par le Bosphore, qu'elle lui réitérait actuellement cette demande, et qu'elle ne prendrait point à l'avenir des engagements qui puissent être nuisibles à la France.

D'après le dire d'Hangerli, la demande concernant les deux Siciles y est absolument passée sous silence, que le drogman Franckini, en recevant la note de la Porte, avait observé que ce n'était point répondre à celle de son ambassadeur, et qu'au reste son ministère se bornait à la recevoir et à la lui porter.

Je n'ai pas cru convenable de demander une copie de cette note, parce que je suis certain, que si elle a été conçue autrement, on m'en remettra une tronquée.

M. Arbutnoth se propose d'en faire la demande, et certainement il me communiquera la copie qu'il recevra, de même que de mon côté, je ne lui ai rien laissé ignorer dans cette circonstance; il a fait en conséquence *ad hoc* une expédition par mer à sa cour, profitant d'une frégate qui s'est trouvée ici.

Je terminerai ce rapport déjà trop long, mais auquel j'ai dû donner toute cette étendue, par informer v. ex. que récemment il est arrivé en cette capitale un officier français nommé Falkowski, Polonais de nation, expédié en courrier de Paris, et qui a pris sa route par Yassy; il effectue en ce moment son retour par la même voie et est chargé, m'a-t-on assuré, de tâcher de se procurer des renseignements sur notre armée du Niester. Je donnerai la même information à M. le conseiller d'Etat actuel Rodophinikin, dont j'ai déjà eu l'honneur d'annoncer à v. ex. l'arrivée en cette capitale et son départ pour Yassy.

Des émissaires persans sont arrivés depuis quelques jours; la Porte leur a préparé des logements. L'ambassade destinée pour Paris, et qui avait passé par ici, est aussi attendue incessamment. On assure que l'émissaire français Joubert, et cela est probable, l'accompagne. D'après des avis de nos commandants en Géorgie, il paraît certain que le prince iméretien Alexandre a rejoint cette ambassade, pour se rendre aussi à Paris. Je ferai en sorte de m'assurer, si réellement il est de la comitive des émissaires déjà arrivés, ou de l'ambassade attendue; j'ai son signalement. Je suis avec respect, Monseigneur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. d'Italinsky

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2259, л. 31—49. Подлинник.

Перевод

Ваше сиятельство! Со времени моей последней депеши вашему высокопревосходительству 3 (15) сего месяца ¹ я не переставал настаивать перед оттоманским министерством на получении ответа на мою ноту от 16 (28) августа ² и копии ноты, врученной послом Себастиани ³, что было обещано реис-эфенди, о чем упоминалось в моем допесении за № 164⁴.

Мне представлялось важным сократить срок, отведенный Портой для объяснений по моим требованиям. Было не менее важно точно знать требования, выдвинутые послом Себастиани ⁵.

От моих настойчивых просьб отделялись ссылкой на болезнь Вассиф-эфенди. Мне казалось, что им было приятно, что можно сослаться на этот предлог; одновременно пытались убедить меня в том, что посол Франции не менее настойчив и одна и та же причина задерживает ответ, которого добивается Себастиани. Я сомневался по поводу мотивов этой задержки. Эти подозрения не могли не усиливаться, когда сведения, переданные мне князем Деметриусом Мурузи и подтвержденные другим источником, убедили меня в том, что влиятельные лица действовали в этом деле в согласии с послом Франции, что прежний кяхья-бей подстрекал Себастиани усилить угрозы, чтобы обеспечить Порте средства против российской миссии; что оттоманское министерство склонно под давлением французов полностью уничтожить наше политическое влияние, надеясь не подвергать себя опасности войны, в невозможности которой его убеждали французы; что нота посла Франции была составлена на тайном собрании под председательством господаря Алеко Суцо; что главная цель его состояла в том, чтобы посредством требований и деклараций Себастиани утратить меня, дать почувствовать, что дело безнадежно; что эти мотивы определили решение сообщить мне французскую ноту; что, наконец, речь шла о затяжке ответа, который в конечном счете не будет таким, какого я добивался.

Эти сведения оказались весьма ценными для меня. Они даже позволили мне определить мое поведение и формулировки. Поскольку мои настояния стали более активными, то начали с того, что мне дали копию ноты Себастиани, здесь прилагаемую. Передача была поручена драгоману Порты—Ханжерли.

Я указал прежде всего, что нота датирована 16 сентября по новому стилю, тогда как Вассиф-эфенди говорил мне об этом демарше Себастиани, начиная с 11-го числа того же месяца. Я не видел, чтобы посол Франции угрожал выехать, как заявил мне об этом реис-эфенди. Статскому советнику Жозефу Фонтону было поручено задать несколько вопросов на сей счет драгоману Ханжерли. Тот ответил утверждением, будто нота, упомянутая Вассиф-эфенди, была возвращена Себастиани потому, что содержала весьма шокирующую султана угрозу, поскольку посол Франции говорил, что Бонапарт, сумевший продиктовать законы стольким монархам, смог бы сделать это и в отношении султана Селима; этот повелитель был настолько задет этим пассажем, что, отправляя ноту [Франции] Порте, велел ее вернуть, что Вассиф-эфенди, выполняя повеление своего государя, скрыл от драгомана Франции Франкини недовольство государя и ограничился замечаниями против этого параграфа ноты и просил убедить посла переделать его, ибо невозможно представить его на рассмотрение султана; Себастиани удовлетворил ходатайство реис-эфенди.

Мне было бы трудно гарантировать правдивость утверждений драгомана Ханжерли. Я еще до сих пор не имел ни малейшего доказательства достоверности его донесений и мнимо-доверительных сообщений и заверений о приверженности к системе союза Порты с Россией; я также еще не убежден в его непричастности к охлаждению отношений между нами и французами, а поэтому мне дозволено питать сомнения на его счет.

Как бы то ни было, драгоман Ханжерли, передавая статскому советнику Жозефу Фонтону копию французской ноты, пытался его уверить в крайне затруднительном положении, в котором находится в данный момент Порты, он заметил, что ей угрожает самая большая опасность, чем когда-либо, и, несомненно, что ее союзники снизойдут до согласия не увеличивать сейчас ее трудности. Он объявил о намерении Порты вручить нам ноту относительно прохождения судов и, наконец, хотел оправдать задержку с ответом на мою ноту, направленную три недели тому назад. Он добавил, с видимостью доверительности, будто Себастиани, также встревоженный задержкой, мотив которой тот же, т. е. — болезнь реис-эфенди, пришел ночью к нему, Ханжерли, горько жаловался и сказал, что хочет пойти к великому визирю, ко всем членам оттоманского правительства, чтобы получить ответ на свою ноту. Однако на следующий день Себастиани ограничился письмом к великому визирю, чтобы передать пакет для султана с просьбой немедленно передать его этому властителю.

Доверительность Ханжерли этим и ограничилась. Одновременно от князя Деметриуса Мурузи я узнал, что в действительности Себастиани передал султану новую ноту, составленную в весьма сильных выражениях и содержащую жалобу на реис-эфенди по поводу чинимых им промедлений; что посол откровенно сказал в своей ноте, что его государь направил его не к Вассиф-эфенди, а к султану, который должен между прочим подумать над тем, что с момента прибытия в Константинополь он не мог послать ни одного курьера с удовлетворительными и определенными донесениями; что, наконец, Себастиани настаивал на письменном и быстром ответе.

Князь Мурузи добавил по этому поводу, что султан вообще повелел заручиться возможностью добиться желанного ему нейтралитета, т. е. согласно его идее Турция будет склонять Россию к отказу от всякой претензии по выполнению статей договора о союзе и попытается затем заставить сделать это и французов, выспрашивая их согласие на *формальное* сохранение подобной ситуации. Но князь Мурузи в то же время справедливо добавил, что даже если допустить, что это фантастическое произведение получит такую странную форму, какую хотят ему придать, французы, осуществив этот первый шаг, будут немедленно настаивать на *формальной* и полной отмене самого договора, ибо они не перестанут держаться того же принципа, которого придерживались с самого начала: *те же враги, те же друзья*.

Независимо от первоначальных замечаний, которые я поручил статскому советнику Фонтону высказать драгоману Ханжерли относительно даты ноты Себастиани и пр., я указал, насколько было бы мне легко отклонить лживые обвинения этой ноты касательно Рагузы, Республики Семи Островов, черногорцев, сербов, Грузии и доказать многочисленными фактами и, в частности, поездкой полковника Беллье из Янины в Сербию и его предложениями Георгию Черному, что сами французы пытаются возбудить и привлечь на свою сторону сербов, как они хотели сделать в Мореи и в Черногории, но что я оставляю в стороне без сомнения бесполезные обвинения ввиду известной пристрастности Порты.

Я не вижу причин, почему Порты направила мне ноту в связи с нотой Себастиани. Я заметил, что необходимо было по возможности скорее дать ответ на мою собственную ноту, чего я просил и ждал уже в течение трех недель; болезнь реис-эфенди оказалась лишь предлогом для того, чтобы уклониться от ответа, так как во всех правительствах мира заболевшего министра замечают, а между прочим, я не менее Себастиани тороплюсь получить ясный и точный ответ, потому что его императорское величество должен также принять свои меры, подобно Бонапарту, и я официально заявляю, что

если этот ответ не будет дан через несколько дней, то я буду рассматривать последующее молчание, как абсолютный отказ, и немедленно доведу об этом до сведения его величества императора.

Драгоман Ханжерли обещал довести до сведения оттоманских министров все мои замечания и требования об ответе.

Несмотря на его заверения и руководствуясь также различными соображениями, я задумал обратиться непосредственно к султану и воспользоваться бывшим кяхъ-беом, дабы довести поту до монарха. Уверенный, что султан Селим немедленно поставит в известность Ибрагим-эфенди, я не видел каких-либо неудобств в обращении к бывшему кяхъ-бею и вместе с тем разработал план попытки повлиять на этого человека боязнию ответственности, ибо всякий совет по своим последствиям мог бы подвергнуть султана самой большой опасности.

Моя нота, обращенная непосредственно к монарху, была составлена в выражениях, о которых свидетельствует приложенная к сему копия.

Статский советник Фонтон от моего имени просил бывшего кяхъ-бея взять на себя передачу поты султану Селиму.

Не стану утруждать ваше высокопревосходительство изложением всех замечаний, с помощью которых статский советник Жозеф Фонтон пытался поколебать Ибрагим-эфенди, показать ему, в чем единственно главный интерес султана Селима, истинные цели Франции, хотя французские агенты и хотели бы представить их в привлекательном виде, и насколько нельзя доверять их обещаниям.

Ибрагим-эфенди, прочитав мою ноту к султану и выслушав статского советника Жозефа Фонтана, по своему обыкновению стал возражать, но все же, казалось, согласился со справедливостью моих замечаний и признал выдвинутые мною соображения; он говорил о своей неизменной привязанности к системе союзов, ибо такова также воля его государя; начал поносить французов, и особенно высказывался против Бонапарта, но в конце добавил, что каждое правительство имеет собственную политику, что политика Порты состоит в осторожном отношении к Бонапарту, ставшему ныне ее соседом, но что, если в адрес его правительства говорятся ласковые слова, то они обманчивы и что нет веры ни его обещаниям, ни искренности помыслов.

Затем Ибрагим-эфенди перешел к главному вопросу, а именно — к проходу наших военных сил через Босфор, и выразил желание, чтобы он был приостановлен на некоторое время в надежде на то, что тем временем, возможно, будет достигнут мир.

Статский советник Жозеф Фонтон возражил, что проход не может быть приостановлен, если мы должны оставаться союзниками и друзьями, в противном случае союз существовал бы только по имени и был бы фактически разорван ввиду невыполнения одной из его основных статей, к тому же единственной, которая интересует в данный момент императорский двор.

Ибрагим-эфенди повторил на это те же самые замечания, уже столь часто делавшиеся им и реис-эфенди, заявив, что это вовсе не право, на осуществление которого претендует Порта, а милость, благосклонность, испрашиваемая ею у императорского двора; наконец, он довел до сведения статского советника Фонтана, что накануне на *рекмале* было решено дать мне ответ, который выразит желание и необходимость, чтобы военные суда и войска не проходили более через канал, и бывший кяхъ-бей добавил, что Исмет-бей должен был в тот же день явиться в Порта, дабы вручить мне ответ.

Статский советник Фонтон изложил несколько соображений, дабы побудить Ибрагим-эфенди немедленно передать султану поту, адресованную мною непосредственно монарху, чтобы был отдан контр-приказ Порте или же чтобы он тут же написал записку будь то Исмет-бею или кяхъ-бею, чтобы они задержали вручение ответа.

Ибрагим-эфенди ссылаясь на невозможность ни того, ни другого, он сказал, что не может своею властью приостановить вручение официальной ноты, предложенной монархом, и что хотя он в хороших отношениях с государем, он связан формами и этикетом и должен их соблюдать, дабы передать по назначению мою ноту, но что, конечно, она будет верно и быстро доведена до сведения султана и что именно я должен был бы приостановить передачу ответа, который будет дан Исмет-бею до того, как я буду знать ответ султана на мое прямое обращение к нему.

В разгар разговора пришел Челеби-эфенди. Разговор продолжался в его присутствии. Статский советник Фонтон повторил ему основные замечания, сделанные Ибрагим-эфенди.

Челеби-эфенди держал себя так же, как Ибрагим-эфенди. Поэтому было бы утомительным для вашего высокопревосходительства, если бы я повторялся, излагая высказывания этого члена совета. Отношение этого бывшего министра к французам умеренное и достаточно сдержанное, насколько меня в этом уверили.

Статский советник Жозеф Фонтон, отправившись затем в Порта, встретил там Исмет-бея с новым кяхъ-беом в комнате реис-эфенди. Исмет-бей начал разговор, не упомянув о ноте, которую ему поручалось передать. Этот человек, который держится всегда сурово и чопорно, перестал хмуриться и, пытаясь быть любезным и приятным,

стремился оправдать задержку болезнью реис-эфенди. Он просил меня потерпеть еще два-три дня, добавив, что надеется, что я не откажу ему в этом выражении личной дружбы.

Драгоман Францин Франкни был также вызван этими же министрами и получил от Исмет-бея, во всяком случае по словам драгомана Ханжерли, те же самые наставления.

Все эти действия, эти объяснения с Ибрагим-эфенди и Исмет-беем, имели место 11-го числа сего месяца.

В тот же день я получил сведения, что совсем недавно Себастианн предложил оборонительный и наступательный союз и что Исмет-бей явился в Порту ради того, чтобы заняться этим предложением с великим визирем и кяхья-беем.

Князь Деметриус Мурузи подтвердил мне эти сведения, добавив, что до настоящего времени влиятельные лица не осмелились приступить к завершению дела, потому что всегда думают о *формальном* сохранении союзов, чтобы на деле сводить их к нулю, соглашаясь во всем и повсюду с желаниями французов до тех пор, пока последние показывают пренебрежение в военных действиях против России, полагая, что при этих условиях Порты могла бы без риска позволить себе расторгнуть договоры; такая химера является сегодняшним планом на случай, если бы французы, приобретя влияние над Портой, оставили бы ее в покое.

Настоящим информирую ваше высокопревосходительство, что среди членов совета и бывших министров Порты Хаджи Ибрагим-эфенди, по почти всеобщему мнению и по сведениям, достойным известного доверия, является человеком разумным, беспристрастным, который всегда довольствовался тем, что оставался министром, верным своему государю, но ныне он крайне настроен против французов и их пособников. Хаджи Ибрагим к тому же принадлежит к партии Юсуф-аги и связан с ним семейными узами: в прошлом году сын Юсуф-аги женился на дочери Хаджи Ибрагим-эфенди.

Последний заявил сегодня достаточно откровенно, что сторонники французов навлекли на Порту бесчестие и позор своим низким и недостойным угодничеством в отношении Себастиана; что он видит дерзкую заносчивость французов, чего он никогда не замечал у русских, в отношении которых столь злословия некоторое время. Приходится тревожиться за [Оттоманскую] империю, если объявят войну России или же вынудят ее объявить войну. И даже, если допустить, что здесь или там могут оказать сопротивление России в пользу мнимой поддержки Франции, остается узнать, какие силы Франция и Порты могут противопоставить английскому флоту. Всего пять английских кораблей, появившись в Дарданеллах, опрокинули бы вверх дном столицу. Он полон решимости твердо придерживаться этого мнения на *мушавере*, если там будет обсуждаться этот вопрос, но вышешние руководители, понимающие, с какой оппозицией они встретятся, воздерживаются изложить свое мнение; ныне на *мушавере* говорят лишь о внутренних делах, тогда как в прошлом не было политических мелочей, по которым не приходили бы к согласию.

С другой стороны, я узнал также, что многие выдающиеся личности, бывшие министры и другие, делают такие же замечания, как и Хаджи Ибрагим-эфенди о поведении Порты и последствиях, с которыми она, несомненно, встретится. Они открыто осуждают смещение государей и добавляют, что все разумные и беспристрастные лица, с одной стороны, опасаются за честь Порты, но в глубине души желают, чтобы мы силой заставили восстановить смещенных государей.

Я добавил бы также, что мнение о значении, которое произвело бы появление английского флота в Дарданеллах, является единым и непоколебимым.

Князь Деметриус Мурузи предупредил меня, впрочем, что над этим уже задумывались влиятельные лица. По его словам, Ибрагим-эфенди, бывший кяхья-бей, некоторое время тому назад выражал даже мнение, что при одном этом обстоятельстве можно было бы лишь сказать французам, что, не имея что-либо противопоставить английскому флоту, они должны замолчать, ибо это не сухопутные войска, которым можно было бы противопоставить другие силы, якобы лучшие; в таком случае Порты была бы потеряна и победы на суше не могли бы ее восстановить.

Я не почел для себя за труд довести это мнение до посла Арбутнота, поскольку он давно такого же придерживается. С одной стороны, все его демарши перед Портой направлены к тому, чтобы склонить ее к согласию с Англией в случае войны России против Порты, а с другой — посол, отдавая отчет двору о своем поведении, не перестает подчеркивать необходимость посылки флота и как средство поддержать наши демарши, и как средство, могущее стать решающим для политики Порты. Он шлет курьера за курьером, но, к несчастью, не знаю, по какой причине, уже почти восемь месяцев он не получает из Лондона никаких депеш.

Это обстоятельство весьма неприятно потому, что оттоманское правительство, которое вплоть до настоящего времени не видело ни одного демарша Арбутнота, подтвержденного его двором, и могло быть также осведомлено о полном и продолжительном молчании, которое двор хранит по отношению к послу, может счесть его шаги как

следствие особого влияния, которое я оказываю на него, и бывший кяхья-бей даже высказывался по этому вопросу, и я повторяю его обычное выражение, что *все это ничто иное как горчица, приготовленная в Буюкдере*. Ибрагим-эфенди даже делал вид, будто напугал драгомана Англии — Пизани, заметив ему, что Порта решила послать парочного в Лондон с личным письмом султана королю с запросом, по его ли повелению посол Арбутнот говорит здесь и угрожает объявлением войны совместно с Россией.

Поэтому представляется делом первостепенной важности сделать лондонскому двору надлежащее представление, чтобы поведение г. Арбутнота было одобрено свыше и чтобы их корреспонденция стала более активной, так как этого настоятельно требуют обстоятельства. Это мне представляется тем более неотложным, что посол, до сведения которого я довел указания вашего превосходительства от 26 августа, обещал поддерживать мои демарши такими энергичными заявлениями, какие позволяет тягостное и неприятное положение, в котором он находится ввиду отсутствия определенных инструкций.

Возвращаясь к главному вопросу этой депеши, т. е. к ответу, требуемому от Порты и откладываемому столькими способами и под столькими предложениями.

Поскольку драгоман Ханжерли сказал статскому советнику Жозефу Фонтону, что Вассиф-эфенди чувствует себя лучше, но врачи еще не разрешают ему выходить, я поручил Фонтону посетить его.

Он нашел Вассиф-эфенди крайне подавленным и, не предупреждая о моем прямом обращении к султану, заговорил с ним по основному вопросу об ответе на мою ноту от 16 (28) августа; он сказал ему, что та же самая причина привела его от моего имени к бывшему кяхья-бею, и повторил ему то же самое, что говорил последнему.

Вассиф-эфенди показал себя мягким, любезным, сговорчивым, соглашающимся со справедливостью наших просьб и замечаний, язвительным в отношении смещенного визиря, который, по его замечанию, был полностью профранцузским, и в отношении Себастиани, которого он расценивал как пылкого, необузданного и легкомысленного молодого человека; в остальном он высказал такие же соображения, что и Ибрагим-эфенди. При переходе к важному для Порты требованию [французам] относительно отказа в проходе наших кораблей, он сказал, что он будет сопротивляться всем экстравагантным претензиям Себастиани. Но единственное требование, которое поставило Порту в затруднительное положение, касается прохода судов. Он добавил, что тешит себя надеждой, что найдется примирительное и дружеское средство, чтобы, с одной стороны, не причинить неприятность императорскому двору, а с другой — не раздражать французов.

Статский советник Жозеф Фонтон изложил по этому вопросу те же замечания, что и ранее. Вассиф-эфенди ответил, что Порта обращается с такой просьбой лишь по долгу дружбы.

По этому вопросу завязалась разумная и дружественная дискуссия, в ходе которой Вассиф-эфенди стремился доказать заинтересованность России в удовлетворении просьбы Порты, а статский советник Фонтон старался убедить оттоманского министра в невозможности для нас отказаться от прохода судов — единственного результата союза — и в заинтересованности Порты предоставить нам возможность полностью и без возражения им пользоваться, ни в чем не противореча взглядам французов, их требованиям, всевозможным интригам и проекту, столь желанному для Бонапарта, при проведении которого в жизнь он мог бы запыться осуществлением своих планов против Оттоманской империи, а именно — оторвать Порту от ее союзников, а затем предложить ей союз, чтобы в дальнейшем иметь возможность легко достичь своей цели.

Статский советник Фонтон сделал это последнее замечание с тем, чтобы попытаться лучше узнать о предложении, сделанном Себастиани относительно союза.

Вассиф-эфенди подтвердил по сути дела ранее данную мне информацию, поскольку признался, что французы действительно уже делали предварительные предложения по этому поводу. Ибрагим-эфенди сделал почти такое же признание во время второго визита, который нанес ему статский советник Фонтон 14-го числа сего месяца, чтобы узнать об ответе султана на мое непосредственное к нему обращение.

Ибрагим-эфенди позволил статскому советнику Фонтону прочитать хатт султана, написанный относительно моей ноты, и передал его коню. Перевод его при этом прилагается.

Его содержание представляет повторение уверений, столь часто выражаемых султаном и столь же часто опровергаемых поведением его правительства, и дружеской просьбы о непроходе кораблей.

По сему случаю статский советник Жозеф Фонтон должен был сделать замечания, вызванные хаттом, и, со своей стороны, Ибрагим-эфенди ответил на них повторением всего того, что он говорил столько раз, и потоком обычных возражений.

В конце концов статский советник Фонтон резюмировал все услышанное, чтобы спросить, намерена ли Порта передать мне официальный ответ, который запрашивают почти месяц.

Ибрагим-эфенди сказал, что ответ готов, что Исмет-бей должен его передать па днях и отправиться для этого в Порту.

Уйдя от бывшего кяхья-бея, статский советник Фоптов явился в Порту и получил от Исмет-бея ответ в форме ноты. Спешу представить вашему превосходительству ее перевод.

Полагаю возможным обойтись без сопровождения этого сообщения каким-либо другим замечанием, однако скажу, что более не следует строить иллюзий и тешить себя надеждой убедить турок доводами.

Согласно словам Ханжерли, французам также дана ответная нота. Он сказал, что она очень короткая и содержит, по существу, утверждение, что поскольку Порты является другом и союзником как России, так и Франции и придерживается системы полного нейтралитета, проход вооруженных сил через ее владения был бы по сути дела его нарушением; что Порты ранее просила российский двор не проводить более военные корабли через Босфор; что она подтвердила сейчас это требование и не примет в будущем обязательство, наносящих ущерб Франции.

По словам Ханжерли, просьба касательно обеих Сицилий обойдена в ответе полным молчанием, а драгоман Франкини, получая ноту Порты, заметил, что она несколько не отвечает на ноту его посла, но что впрочем его поручение ограничено полученным нотой и передачей ее послу.

Я не счел удобным просить копию ноты, поскольку уверен, что если она задумана иначе, мне передадут подделку.

Г-н Арбутиот предполагает запросить ноту и, несомненно, передаст мне копию, которую получит, равно как и я при этих обстоятельствах не стану ничего скрывать от него. Поэтому он отправил морем депешу своему двору, воспользовавшись находившимся здесь фрегатом.

Заочку мое донесение, уже и так слишком пространное, которому я вынужден был придать такие размеры, сообщением вашему высокопревосходительству о том, что недавно в столицу прибыл французский офицер Фальковский, по происхождению поляк, посланный курьером из Парижа. Он направился в Яссы; ныне возвращается тем же путем, и ему поручено, как меня уверяли, попытаться собрать сведения о нашей Днестровской армии. Я передам такую же информацию действительному статскому советнику Родофинкину, о прибытии которого в столицу и отъезде в Яссы я уже имел честь сообщить вашему высокопревосходительству.

Персидские эмиссары прибыли несколько дней назад. Порты подготовила им помещение. Все время ожидают посла, назначенного в Париж, который должен проехать здесь. Уверяют, что французский эмиссар Жубер, — и это возможно, — сопровождает его. Согласно сведениям наших командующих в Грузии, представляется возможным, что импереттский князь Александр присоединился к этому посольству, чтобы также отправиться в Париж. Постараюсь удостовериться, связан он с прибывшими эмиссарами или с ожидаемым посольством. Я знаю его приметать.

Почтительнейше пребываю, ваше сиятельство, вашего высокопревосходительства пикнейший и покорнейший слуга

А. Итальянский

¹ См.: ВПР, т. III, с. 314—319. ² См.: ВПР, т. III, с. 273—278. ³ См. док. № 154. ⁴ См.: ВПР, т. III, с. 319—321.

⁵ Русско-французские дипломатические отношения от Прессбургского мира 26 декабря 1805 г. (см. коммент. 2 к док. № 125) и до начала русско-французской 1806—1807 гг. и русско-турецкой 1806—1812 гг. войны характеризовались резкой активизацией политики Франции на Балканах и Востоке в целом, стремившейся разрушить русско-турецкий союзный договор 1805 г. и сколотить тройственный союз Франции, Турции и Персии, чтобы втянуть их в войну с Россией. Наиболее четко эта программа видна из инструкции Наполеона новому послу в Константинополе Горацио Себастиани от 20 июня 1806 г. «... Тройной союз — я, Порты и Персия — против России...; я нигде не буду поддерживать бунтовщиков...; закрыть Босфор для русских, закрыть все порты, возвратить Турции ее абсолютное господство над Молдавией и Валахией; я не хочу раздела Константинопольской империи, даже если мне предложили бы три четверти ее...; я хочу укрепить и усилить эту великую империю и использовать ее такой, какой она есть, как противовес России» (цит. по: *Driault Ed. La politique orientale de Napoléon. Paris, 1904, p. 60*).

Себастиани передал султану Селиму III личное письмо Наполеона. Сербское восстание, писал в нем Наполеон, инспирировано Россией; никакого русского посредничества в переговорах султана с вождями «бунтовщиков» (см.: *Congrespondance de Napoléon, t. XII, N 10382, p. 580—581*).

Занятие французскими войсками Далмации (кроме Котора, где успешно оборонялись русско-черногорские отряды под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина) значительно укрепило позиции посла Франции в Константинополе. Уже в феврале 1806 г. Селим III официально призвал императорский титул Наполеона, от чего Тур-

ция под давлением России и Англии отказывалась целых два года (см.: *Shupp P. F. The Eastern Powers and the Near Eastern Question 1806—1807. New York, 1931, p. 48—49; ВПР, т. III, примеч. 85).*

С января 1806 г. османское правительство при участии французских военных инженеров начало спешно укреплять крепости Хотин и Измаил и подтягивать подкрепления к русско-турецкой границе на Днестре, в апреле того же года под давлением Наполеона («закрыть Босфор для русских») Османская империя предложила прекратить проход военных судов из России через проливы на русскую военно-морскую базу на о. Корфу (см.: *Горьянов С. М. Босфор и Дарданеллы: Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Госуд. и СПб. Глав. архивах. СПб., 1907, с. 6—8; ВПР, т. III, примеч. 133).*

В этот же период резко активизировалась деятельность французских генеральных консулов по созданию «французских партий» в Яссах, Бухаресте, Травнике, Видине, Янине и других балканских центрах Османской империи.

Аналогичные усилия, хотя и без видимого успеха, предпринимались французскими эмиссарами в Сербии и Черногории (см.: *Арсенијевић-Баталака Л. Историја српског устанка, књ. 1, с. 204—207; Лекић Д. Спољна политика. . ., с. 213—244).*

Россия оказывала противодействие французской экспансии на Балканах. Она предприняла попытку ослабить давление Франции путем прямых переговоров с Парижем (миссия П. Я. Убри в июле 1806 г.), предложив включить в условия русско-французского мирного договора статью о «полной или частичной эвакуации французами Далмации и создании одного или нескольких независимых государств между Оттоманской Портой и Италией» (ВПР, т. III, док. № 45; *Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877, с. 112).*

Аналогичное предложение содержалось и в инструкции П. А. Строганову — специальному уполномоченному на лондонских переговорах с английским правительством — в феврале 1806 г. В этой инструкции были определены следующие «независимые государства»: «великая Сербия» (с Которской областью) и Республика Семи соединенных островов с прилегающим к ней адриатическим побережьем Албании и Эпира (*Николай Михайлович, вел. кн. Граф П. А. Строганов. СПб., 1903, т. III, с. 9—11; ВПР, т. III, док. № 17).*

Петербург предпринял также попытку направить на Балканы в противовес французским русским эмиссаров, из которых наибольшую активность развернули С. А. Санковский в Черногории и Герцеговине и К. К. Родофиникин в Молдавии (ВПР, т. III, док. № 190; новые материалы о миссиях Санковского и Родофиникина см.: там же, док. № 37, 79, 91, 92, 110, 190, 191, примеч. 173, 174, 308, 309).

Третьим направлением русской политики на Балканах в этот период было военное противодействие объединенных русско-черногорских отрядов под командованием Д. Н. Сенявина французским войскам, пытавшимся продвинуться из Далмации в Рагузскую республику (формально считавшуюся нейтральной), Черногорию и Албанию. Подробно о русско-французских отношениях на Балканах в 1806—1807 гг. см.: *Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807). — Соч. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. X; Сироткин В. Г. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг. — Учен. зап. Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР, 1962, т. XXV, с. 171—192; Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798—1807. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 411—451; Достял И. С. Россия и балканский вопрос, с. 42—62; Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России 1774—1806 гг. Кишинев: Штиинца, 1975; Павичевић Б. Стварање Црногорске државе. Београд: Рад, 1955; Ђорђевић М. Политичка историја. . ., књ. 1.*

№ 170

Письмо Г. Вуяновича И. Ф. Болкунову о победах сербских войск и о недостатке у сербов оружия и продовольствия

20 сентября 1806 г. Букурест

Высокородный милостивейший государь генерал-консул! Известия от наших сторон септемвриа 17-го числа 1806 г. истина и словесна и писменна получих благоприятнейша. Черный Георгий, наш верховный вождь, уразумевший турецкие силы, непременно у Сербию от две стороны приходящие, острейшею заповестию и под смертно наказание, да небы ни один за остал или поздно пришел, сам с величайшим подвигом всех сербов

от мала до велика, стара и молода, елицы оружие носити могли, даже и самых пастырей, оруженных и без оружия, собрав, всем приказал, и все сербы пред честным крестом и святым евангелием ему, своим офицером и возвратно помеждо собою один другому страшнейше присягнули: прежде своей жизни лишитися, прежде в руках агарянских свирепых живым попастися и прежде всем мужественно скончатися, нежели турком по[о]ддаться или один шаг им уступить.

Сему совершившуся Черный Георгий всех сербов на две армии разделяет. Одну отправляет в Ниссу с командующим [е]ю войводом Петром Теодоровичем и с ним посылает митрополита с крайним гарнизоном из крепости Смедерево против Ибраим-паши у румелии-валеса, имущего под собою паши десять и войнства тысяч 50 *; с другою армиею походит сам из Босны против босанского везира, имущего под собою паши пять и войнства тысяч 40. Во сем сражении сербов всячески стояло жребие спасения или гибели, жизни или смерти. Турцы, о своей победы увереннии, сначала много сербом ласкали, а потом очень угрожали, чтобы сербы оружие положили и им отдали.

Обаче мужественнии сербы, присягу свято хранящии и искони храбрии и от военной славы славнии славяны; обе вышепомянуте армии равно и без различия турецко ласкание разумевающе, их угрожения не убоилися, ни же их силы устрашилися, но бодро против ее стояли и мужественно с нею боролися, паче же по многократном жесточайшем сражении 15 августа [1]806 г. на босанского везира, трыи лагера имуща, Черный Георгий, 22-го того же месяца на урумелии-валеса Петар Теодорович сильно и неустрашимо устремилися и овых живых поймали, овых порубали, других наголову побили, иных в плен взяли, многих на месте мертвых оставили и всех других выше человеческого удивления сильнее победили и распудили. И можно сказать без погрешки: сею славною викториєю сербы древнюю свою славу долго спящую разбудили и много потемненную днесь возобновили, турком же велий страх и трепет задали. Во сем величайшем и страшнейшем у Сербии сербов с турцы сражении многие сербы отечеству свое себе охотнейше жертвовали, многии уязвленные остали, много оружие сербско лошнуло, многии мечи сломалися. Казна за порох и [а]мунисию пошла вся, и порох и свинец весь выстрелян. Для чего и у Цесарию сербыма и другима молебственное письмо послали и братолюбные от каждого купца и всякого чина человека, и можные просят милостыни и денежные помощи; как и сюда молебственна писма прислали и чрез ваше высокородие, паки и у его императорского величества, яко сыны у отца и после бога у первого своего защитителя и покровителя, денежну и другую, которую у писму опоминают, покорнейше с болшею надеждою просят помощь, чтобы в сем сражении оставшия жены и дети сироты снабдети и уязвленные викторы залечити могли, и что скорейше улучшить или поне у перво состоянии с порохом и оружием пришли и проч. Вашего высокородия покорнейший слуга

Гавриил Вуянович

Примечание. В сей теперешней битве и сражении Черный Георгий город Валево от турков паки взял и славну крепость Сокол от босняков завоевал и к Сербии теперь наново прибавил, где турков разбил тысяч девять. От сего, который теперь писма из Сербии принесл, именно разумех, что славный и храбрый командующий наш воевода Янко Катич последнюю службу свою отечеству отдал.

* Немцы очень спорят и доказуют, что сей имел тысяч 70, от которых серби знали за 50 (примеч. док.).

Сия война и сражения случилася у самолучше време жатвы и плодов летных собрания, котории плоды и усевы хотя и не были богатиц, попалися разным турецким и сербским скотом, зачем следовал и теперь есть у Сербии большой недостаток запасов.

Турцы, взирающе на множество своего войска, о своей победе уверени, у последнем своме дивану военном заключили и всех сербов поимаемых мужеского полу под острейший меч были осудили. О множестве же пленяемых жен и детей один другого уверавал: иншала жена сербка по пиястер один, а дети по 10 пары будут. Обаче что юния 3-го числа [1]806 Моруз-бег ложно из Цариграда чрез татарина получил известие о множестве у Цариград сербских принесенных головах, точно теперь турецких бы, хотя одна, выше было, еже бы сербы истинно отрубанных в Цариград теперь турецких принесли.

Белградский турцы из писам, приходящих од турецких войск чрез Цесарию, совсем уверились, что турки победят сербов, и с великою радостию дожидались главного сражения и с турцы соединения, а теперь, когда лодку, не очень малу, полную турецких босанских голов отрубанных по рече Саве от сербов к Белграду посланну приимили, о противной надежде уверившеса и очень у другие мысли пали и у величайше о[т]чаяние приишли, и надеятися можно, что скоро следовать будет и друго.

Миленко, по нижней Сербии и против Пазвана командующий, на царской стороне поймал турецкога шпиона из Белграда к Речепу у Адакалу ходяща; писма турецка и сум[м]у денежную от двадеть и трии тысячи от него взял и у Смедерево у Совет отправил, а шпиона к Речепу отпустил, которого Речеп приходяща сеи порезал, что лучше не позорствовал.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 138, л. 9—10 об. Подлинник.

№ 171

Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону о предупреждении сербов в целях совместных действий с русскими войсками и о заготовке продовольствия для армии

24 сентября 1806 г.

Г-н генеральный консул Болкунов, донося вашему высокопревосходительству обо всем, касающемся до здешних краев, и о мерах, кои приняты для безопаснейшей посылки куда надлежит 13 тыс. червонных, сюда доставленных, имею уже токмо донести Вам, милостивый государь, что высочайшею инструкциею, мне данною, повелено по возвращении из Константинополя остаться здесь под каким-либо предлогом, доколе дела с Портою придут в ясность и доколе получу дальнейшие повеления; между тем на случай вступления войск российских в турецкие области сыскать средство уведомить сербов, чтоб они, силы свои не раздробляя для набегов, держали оные в массе, дабы удобнее можно было главнокомандующему российско-императорскою армиею направить их туда, куда нужда востребует; собрать точнейшие сведения о возможности, здесь имеющейся, к продовольствию армии, и когда посланник Италинский сообщит мне, что разрыв с Портою последовать должен, тогда приступить секретным образом к заготовлению как хлеба, так сена и овса и обо всем том донести вашему высокопревосходительству. Первое уже мною исполнено при проезде чрез Букорест, последнее же по краткости времени я не успел еще выполнить. Узнал, однако, положительно, что в земле

весьма мало осталось пшеницы, ибо выслано в Константинополь знатнейшее противу прежних лет количество. Овса тоже весьма мало, но взамену сего ячменю иметь можно, как равно в сене обнадёживают, что недостатку не будет; проса достаточно, которое, не знаю, можно ли употребить вместо круп. Со всем тем для заготовления всего нужно время, которого опасуюсь, что не буду иметь, ибо легко быть может, что курьер, которого ежечасно ожидать должно из Константинополя, побудит ваше высокопревосходительство к принятию немедленно решительных мер. Повеления Ваши, милостивый государь, коими всепокорнейше прошу меня снабдить, наставят меня, что предначать, как равномерно о количестве всего нужного к заготовлению и в каких местах должно чинить таковые заготовления. Пребываю и проч.

*АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1880, л. 51 и об. Копия.
Опубли.: Богшищ В. Разбор. . ., с. 160—161.*

№ 172

Донесение К. К. Родофиникина А. Я. Будбергу о встрече с сербским нарочным

24 сентября 1806 г. Яссы

Милостивый государь Андрей Яковлевич! Капитан Новакович, бывший в Санкт-Петербурге депутатом от сербов, прибыв на австрийскую границу с письмом от Черни-Георгия к г. генеральному консулу Болкунову, не нашел возможности проехать далее, а потому и поручил оное письмо одному купцу из сербов, который прибыл в Букорест 16-го числа сего сентября ночью. Я, прочитав как сие письмо, так равномерно адресованные к г. Кирико, нужным счел отправить тогда же помянутого нарочного обратно с поручением объявить капитану Новаковичу, что я ожидаю из Санкт-Петербурга неукоснительно знатной денежной для них помощи, а потому чтоб прислали как возможно наискорее человека, надежного для принятия оной. Человека сего я просил избрать из людей, знающих положение тамошних дел, дабы он мог мне объяснить о числе подружейных, у них имеющих, о числе орудий и о наличном количестве военных запасов. Сверх того рекомендовал я ему, чтоб взяты были нужные меры в устройении безопасной коммуникации между ими и Валлахиею. Желая удостоверить вышепомянутого нарочного, что государь император, благоволя особенно к сербскому народу, повелел агентам своим, здесь находящимся, оказывать оному всякое пособие, я предлагал ему на первый случай 2 тыс. червонных для сербского народа, но он отказался оные взять, опасаясь быть ограбленным от турков в Крайове. С оным купцом я был откровенен по сим предметам, ибо увидел, что от его соотчичей ничто сокрыто от него не было. О чем долгом поставляю донести вашему высокопревосходительству.

Пребываю с истинным высокопочтанием и неограниченною преданностию вашего высокопревосходительства, милостивый государь, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

*Пожета: Получ[ено] 4 октября 1806 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1880, л. 53 и об. Подлинник.
Опубли.: Богшищ В. Разбор. . ., с. 156—157.*

№ 173

Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о сложности сношений с сербами и отсутствии надежных курьеров

№ 340

29 сентября 1806 г. Букурест
Секретное

Милостивый государь Ипполит Федорович! Секретное отношение вашего высочородия от 23-го имел я честь получить 25-го числа ввечеру ¹.

В предыдущем донесении моем от 23-го сего месяца ² ваше высочородие уже извещены, что конфидент Гавриил отправился с присланным от Вас письмом к Петру Новаковичу под именем немецкого курьера, за коим вслед изыскал я под рукою канал для уведомления меня о благополучном его проезде, сумневаясь на дорогу, которая, как уверяют, чрез Крайов соделалась чрезвычайною опасною, потому что находящиеся тамо войска Пасванд-огла всех проезжих задерживают и ограбывают. Другого же надежного человека для посылки в Сербию с последним, весьма важным Вашим поручением не имею; а хотя и есть один сербин молодой из Орсова у ключара Маполакя и другой, брат помянутого Гавриила, служащий между хорватов. Здесь, однако, обеих сих доверенность мне не очень известна, почему и остается сия комиссия, покуда сыщется верный способ к исполнению ее. Уверяют, что чрез Германштат в Орсову или Панчово путь ныне есть, хотя длиннее и дороже, однако беспечнее крайовского.

Честь имею пребыть с истинным высокопочитанием и совершеннейшею преданностию, милостивый государь, вашего высочородия всепокорнейший слуга

Лука Кирико

Помета: Получено 1 октября 1806 г. Отв[ет] 2-го.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 172 и об. Подлинник.

¹ Имеется в виду письмо И. Ф. Болкунова Л. Г. Кирико от 23 сентября 1806 г. о положении дел в Валахии. Генеральный консул в Молдавии предписывает консулу в Бухаресте «вразумить бояр, чтобы они остерегались внимать пустословным внушениям французских эмиссаров, ищущих всемерно поработить их добродушие». Одновременно он разрешает вскрывать адресованные на его имя письма от Пазванд-оглу и, если они благоприятны для Валахии, ознакомить с их содержанием валахского митрополита и некоторых чиновников (АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 150—151. Подлинник).

² В публикуемом документе Л. Г. Кирико ошибочно указал дату 23 сентября 1806 г. Упоминаемое им письмо в оригинале датировано 24 сентября 1806 г. Основное содержание его текста изложено в настоящем документе от 29 сентября 1806 г. (АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 171 и об.).

№ 174

Предписание А. Я. Будберга русскому послу в Вене А. К. Разумовскому добиться поддержки Австрией требования восстановления смещенных Портой господарей Молдавии и Валахии

30 сентября 1806 г. С.-Петербург

Monsieur le comte! L'intérêt que la cour de Vienne prend à nos rapports avec la Turquie et celui surtout que nous trouvons à lui en donner une idée juste et précise, me fait paraître convenable de vous donner connaissance d'un extrait de dépêche du comte de Stadion sur ce sujet, que m'a communiqué le comte de Merfeldt. Vous y verrez combien le cabinet autrichien qui, témoin depuis longtemps de la patience extraordinaire avec laquelle l'empereur

reur supporte les mauvais procédés des Turcs, semblait s'être accoutumé avec plaisir à la regarder comme inépuisable, ressent aujourd'hui d'inquiétude des démonstrations sérieuses auxquelles leur nouvelle provocation vient de nous obliger. Cependant, quelques soient les couleurs sinistres sous lesquelles le comte Stadion se représente les conséquences d'un éclat entre nous et la Porte et le désir ardent qu'il aurait de nous déterminer à persévérer dans notre modération envers elle, il n'entreprend point d'atténuer une injure aussi grave et ne pouvant rien avancer contre un droit aussi irrécusable que celui qu'aurait l'empereur de faire éclater enfin son juste ressentiment, il se contente de présenter le tableau des suites funestes que cette extrémité produirait pour l'Europe. En cela il a rendu justice aux sentiments de s. m. C'est l'intérêt commun de toutes les puissances, c'est la crainte d'augmenter les troubles qui menacent de tout bouleverser, qui depuis si longtemps arrête le coup que semble provoquer à dessin cette suite progressive de mauvais procédés, de violences, d'infractions à laquelle la destitution des princes de Moldavie et de Valachie vient de mettre le sceau. Mais cette dernière violence nous a conduit au terme auquel tant d'impossibilité et de condescendance de la part de l'empereur devait s'arrêter pour ne point dégénérer en faiblesse et en oubli de ce qu'il doit à l'honneur de sa couronne, aux droits de ses sujets, à la sûreté de ses Etats. La copie ci-jointe d'une dépêche que je viens d'adresser à M. d'Italinsky, en vous retraçant sommairement la longue progression de griefs que nous a donnés la Porte, vous fera connaître la conduite que ce ministre a eu ordre de tenir dans le moment actuel. Vous pourrez par la communication que vous en ferez au ministère autrichien lui donner une nouvelle preuve de la persévérance avec laquelle s. m. continue à opposer la plus extrême modération aux témoignages redoublés que la Porte lui donne de sa mauvaise volonté. Après tant de provocations qui semblent indiquer le désir de la guerre et dont la plupart seraient des motifs plus que suffisants de la faire, l'empereur se borne à demander simplement la réparation de la dernière offense qui lui a été faite et à attendre le résultat de sa réclamation. Il a voulu tenter encore une épreuve, mais ce sera la dernière et s'il échoue dans ce nouvel effort pour ramener le Divan au sentiment de sa propre convenance autant qu'à celui de la justice, par quelles considérations pourrait-on exiger de lui de conserver avec la Porte une paix, que sa haine insensée rendrait mille fois plus dangereuse pour la Russie, que la guerre, et pendant laquelle les mauvaises dispositions du Divan, toujours prêtes à éclater à la première occasion, ne permettraient jamais à la Russie de consacrer sans réserve ses moyens au salut de ses alliés?

Je ne doute même pas que le ministère de s. m. i. et r., en prêtant à l'état actuel des choses une attention sérieuse et impartiale, ne reconnaisse, que dans cette supposition, l'intérêt de l'Autriche et de toutes les puissances qui peuvent être dans le cas par la suite de recourir à l'appui de la Russie est de voir cet empire mettre sans délai, par des mesures vigoureuses un ennemi aussi aveugle, aussi décidément soumis à la France hors d'état de lui nuire et de le détourner de l'attention et des efforts qu'exigeraient le salut de l'Europe.

Rien dans cet exposé de nos rapports actuels avec la Turquie ne dément les principes modérés d'après lesquels l'empereur s'est toujours guidé à l'égard de cette puissance, et s. m. i. ne doute point que la cour de Vienne puisse cesser de lui rendre, quelque soit l'événement, la justice qu'elle lui a rendue jusqu'à présent sous ce rapport. C'est dans cette persuasion que s. m. i. m'a chargé de Vous mettre au fait, par la communication de ma dernière dépêche à M. d'Italinsky, de l'état de nos relations avec la Porte. En en faisant part au ministère impérial et royal, ainsi que de tout

ce que je viens de vous dire à ce sujet, vous ferez, Monsieur le comte, tout ce qui dépendra de vous pour l'engager à répondre à notre confiance en vous instruisant sans détour de l'effet qu'ont produit sur lui les communications dont vous êtes chargé et de son opinion sur la matière importante qu'elles concernent.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération,

Monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. de Budberg

*АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 11521, л. 360—362 об. Подлинник.
Опубл.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских, М., 1868, т. 4, с. 241—242.*

Перевод

Господин граф! Ввиду интереса венского двора к нашим отношениям с Турцией, и особенно нашего стремления дать ему на этот счет точное и верное представление, я нашел уместным сообщить Вам отрывок из депеши графа Стадиопа на эту тему, переданной мне графом Меерфельдом. Вы увидите, насколько австрийский кабинет, долгое время свидетель необычайного терпения, с которым император сносит дурное поведение турок, по-видимому, не без удовольствия привык считать его неистощимым, а теперь вновь обеспокоен серьезными демонстрациями, к которым вышудила нас их новая провокация. Однако, несмотря на мрачные тона, в каких граф Стадиопа представляет себе последствия разрыва между нами и Портой, и его горячее желание убедить нас оставаться на позициях умеренности в отношении нее, он ничего не предпринимает, чтобы смягчить столь серьезное оскорбление и, будучи не в силах возразить против неоспоримого права императора дать, наконец, волю своему справедливому негодованию, он довольствуется тем, что рисует картину пагубных последствий, которые имела бы эта крайняя мера для Европы.

В этом он отдает справедливость чувствам его величества. Общий интерес всех держав, страх усилить смуту, грозящую все разрушить, давно уже задерживающий удар, который, кажется, намеренно провоцируется этой возрастающей чередой преступлений, насилий, правонарушений, завершаемой смещением молдавского и валахского князей. Но это последнее насилие привело нас к тому пределу, где должна была исчерпать себя невозмутимость и снисходительность императора, чтобы не обернуться слабостью и забвением долга перед честью короны, правами подданных, безопасностью своих владений. При сем прилагаемая копия депеши, которую я недавно направил г. Италинскому, где набросан в общих чертах длинный список наших претензий к Порте, покажет Вам, какой линии поведения было приказано этому министру держаться в настоящий момент. Сообщением ее австрийскому министерству Вы сможете дать ему новое доказательство того, что его величество продолжает отвечать величайшей умеренностью на удвоенные проявления злой воли со стороны Порты. После стольких провокаций, указывающих, по-видимому, на стремление к войне, большая часть которых была бы более чем достаточным мотивом для войны, император ограничивается тем, что просто требует возмещения последнего нанесенного ему оскорбления и ожидает результатов своего требования. Он пожелал сделать еще одну попытку, но это будет последняя, и если новое его усилие не приведет к успеху, чтобы заставить Диван осознать свою собственную пользу и вынудить его чувства справедливости, в силу каких соображений можно требовать от него сохранения мира с Портой, который ее безумная ненависть сделала бы для России в тысячу раз опаснее войны и во время которого злонамеренность Дивана, всегда готовая при первом же случае вспыхнуть, никогда бы не позволила России безоговорочно отдать свои средства на спасение своих союзников?

Я не сомневаюсь в том, что министерство его императорского и королевского величества, обратив на настоящие положение вещей серьезное и беспристрастное внимание, признает, в чем состоит, исходя из подобного предположения, интерес Австрии и всех держав, могущих впоследствии быть вынужденными прибегнуть к помощи России и увидеть, как эта империя немедленным принятием сильных мер обезвредит врага, столь слепого и окончательно предавшегося Франции, и тем самым отвлечет от него внимание и усилия, коих потребовало бы спасение Европы.

Ничто в этом изложении наших нынешних отношений с Турцией не противоречит принципам умеренности, коими всегда руководствовался император в отношении этой державы, и его императорское величество несколько не сомневается, что венский двор, что бы ни происходило, не перестанет воздавать ему справедливость, как это было до сих пор в этом отношении. Пребывая в подобном убеждении, его императорское вели-

чество повелел мне поставить Вас в известность, сообщив Вам содержание моей последней депеши к г. Италийскому о состоянии наших отношений с Портой.

Уведомляя об этом его императорское и королевское правительство, равно как обо всем только что сказанном на этот счет, Вы сделаете, господин граф, все, что будет зависеть от Вас, чтобы заставить его ответить на наше доверие, со всей откровенностью сказав Вам о действии, произведенном на него сообщениями, которые Вам поручены, и о его мнении о содержащемся в них важном предмете. Имею честь быть с глубоким уважением, господин граф, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

А. Будберг

№ 175

*Письмо Г. Вуяновича И. Ф. Болкунову о предстоящем собрании
Правительствующего совета сербского в связи с ферманом
Порты и о сдаче турками Ниша*

30 сентября 1806 г. Букурест

Высокородный милостивейший государь генерал-консул! Я из Букуреста у Оршаву 26 септемвра ночу, слава богу, счастливо приехал, и 27-го того же утром новаковичево писмо г. Васы Демеличу, сербину, благополучно поручил. Он бо именовато писмо, куди надлежит скорейше доставит будет. Оршавский офециры мне по Дунаю у Сербии пропуск не дали, что скоро получили строго приказание. Но болша тому причина, что теперь и самии турцы стоят у Оршавы на берегу Дуная из пазванчана села Текии, и пропуск очень трудан и им опасан. Пазванчия бо велел несколько сербских запалит домов. Миленко, то услышав, сей час послал своих солдатов, и тоеже пазванчии возвратил болше у Текии на берегу Дуная против Оршавы, для чего турцы спугалися и на цесарску сторону у Оршаву побежали. Васа, которому я писмо поручил, есть сын Тоше Демелича, того сербина, который последня писма сюди наша принесл. Сей Васа мне сказал, что на прошение сербско верно от Порты сербима пришла резолюция или ти ферман, и все сербскии начальницы от целая Сербии обоего чина теперь у Смедерево для совета собираются. И надейтися можно, что с копиом от фермана непременно скоро сюди или самый Тоша Демелич или другой будет, для того что сербы с Портою ничего закончит будут без совета и сообщения двора российского. Кроме что Тоши Демеличу его превосходителство господин генерал Родифиник очень наложил сюди, паки скорейше прийти со известными ответы. Васа еще сказал мне, что турцы у Ниси увидевши сербские войски сильно приходящие, соизволили сербима предатися на известные пункты. И турцы нискии 22 турка своя послали у логор Черному Георгию, а 40 сербов приняли к себи и теперь делают кашитулацию.

Пазван писал Речепу, чтобы Реџеп Пазвану крепость Адакалу предал, и Пазван Речепа будет зделат болшим пашою. Но Речепа слово пазваново вменал ни во что, паче же 200 своих турков и пандуров противу пазвановых турков послал, и с ними биется около Чернца по селима. Турцы бо пазванчини у Краювы и Чернцу и по селам и деревням около Краювы и Чернца от людей крайные деньги и разные вещи, движимые и недвижимые, насильно отнимают и сей час за Дунай ночу у Видин и Кладову посылают. От Краювы до Чернца многии караули по дороге турков пазвановых и проч. Вашего высокородия покорный слуга

Гавриил Вуянович.

От Краюва до Кладовы опасно ходити

Помета: Получ[ено] 3 октября 1806 г. Отв[ет] 5-го.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 138, л. 13—14 об. Автограф.

Депеша А. Я. Будберга А. К. Разумовскому о выяснении позиции Австрии в случае русско-турецкой войны и необходимости возобновления ее помощи сербам

30 сентября 1806 г.

Monsieur le comte! Par la dépêche que j'adresse aujourd'hui à v. ex. sur les affaires de Turquie, elle pourra juger avec pleine connaissance de cause de l'état de nos relations actuelles avec cette puissance. Nous nous flattons qu'à moins de vouloir complètement s'aveugler sur ce que l'empereur se doit à lui-même, ainsi qu'à la dignité et la surêté de son empire, la cour de Vienne ne pourra qu'applaudir aux nouveaux témoignages de modération et de loyauté que s. m. i. vient de donner à la Porte, en vue particulièrement d'éviter des troubles dont l'appréhension paraît si fort inquiéter le ministère de s. m. i. et r. Si cependant la Porte se refusait à acquiescer aux réclamations fondées que nous avons droit de lui adresser, personne ne disconviendra sans doute avec quelque apparence de justice que s. m. i. est parfaitement autorisé par toutes les considérations possibles de se procurer par la force des armées la satisfaction que l'influence française seule aura empêché la Porte de nous donner.

Dans le cas plus que probable d'une rupture avec la Porte, il doit nous être d'une importance particulière de connaître avec précision le parti que prendra la cour de Vienne, le degré de résistance qu'elle pourra opposer à toute tentative des Français de pénétrer par les Etats autrichiens pour venir au secours de la Turquie, enfin tout ce qui peut être relatif à cet objet.

Je prie v. ex. de me transmettre au plus tôt les notions qu'elle aura pu recueillir à cet égard, et si dans de certaines conjonctures elle jugeait nécessaire de faire espérer au ministère autrichien quelque acquisition du côté de la Bosnie et de l'Albanie, au cas qu'il pourrait en être question, elle y est autorisée.

Si dans le principe le ministère autrichien convenait, comme nous n'en doutons pas, de la légitimité des mesures que nous pouvons être dans le cas de prendre contre la Turquie, il serait infiniment intéressant d'obtenir de lui une assistance, qui sans le compromettre aucunement, nous serait d'une utilité très réelle. Ce serait de fournir une certaine quantité d'armes et de munitions aux Serviens. Après la manière prononcée dont s. m. i. a pris ce peuple sous sa haute protection et par une suite de toutes les considérations qui dériveraient des circonstances du moment, il nous serait impossible d'abandonner ces braves gens. Mais avec la difficulté que nous aurons toujours de leur fournir les moyens de résister à leurs nombreux ennemis, ce serait effectivement une marque d'amitié réelle que donnerait s. m. i. et r. à notre auguste maître si elle voulait pourvoir les Serviens des munitions de guerre dont ils ont un si grand besoin.

Vous aurez soin, Monsieur le comte, de ne faire cette insinuation qu'avec la plus grande circonspection et si vous le jugiez convenable, vous ajouteriez même que s. m. i. sera prête à bonifier au cabinet de Vienne toutes les avances que dans ce genre il aura faites au peuple servien.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération, Monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. de Budberg

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 11521, л. 240—241 об. Подлинник.

Граф! Из депеши, которую я посылаю сегодня вашему превосходительству о положении в Турции, Вы сможете с полным знанием дела судить о состоянии наших нынешних отношений с этой державой. Мы льстим себя надеждой, что если только не стремиться быть совершенно слепым в отношении того, насколько император создает свой долг перед собой, а также дорожит достоинством и безопасностью своей империи, то венский двор может лишь приветствовать новые доказательства умеренности и лояльности, недавно данные Порте его императорским величеством в целях прежде всего избежать беспорядков, возможность которых, по-видимому, столь сильно тревожит правительство его императорского и королевского величества. Если бы, однако, Порта отказалась принять обоснованные требования, с которыми мы вправе к ней обращаться, никто, несомненно, не станет отрицать, что даже при малой доле видимой справедливости его императорское величество имеет полное право, руководствуясь различными соображениями, обеспечить себе силой оружия удовлетворение наших интересов, осуществлению которого Портой могло помешать только французское влияние.

В случае более чем вероятного разрыва нашего с Портой нам особо важно точно узнать, чью сторону возьмет венский двор, степень сопротивления, которое он сможет оказать любой попытке французов проникнуть через австрийские владения, чтобы прийти на помощь Турции, наконец, все, что может относиться к этому предмету.

Я прошу ваше превосходительство передать мне как можно скорее сведения, которые Вы сможете получить на этот счет, и если в силу обстоятельств Вы пойдете необходимым подать австрийскому правительству надежду на какое-нибудь приобретение со стороны Боснии и Албании, то в том случае, если об этом пойдет речь, Вам дозволяется это сделать.

Если в принципе австрийское правительство признаёт, как мы надеемся, законность мер, которые мы, возможно, будем вынуждены принять против Турции, было бы безмерно важно добиться от него помощи, которая, нисколько его не компрометируя, принесла бы нам реальную пользу. Она заключалась бы в доставке некоторого количества оружия и боеприпасов сербам. Поскольку его императорское величество определенным образом принял этот народ под свое высокое покровительство, то в силу ряда соображений, вытекающих из существующего положения, для нас было бы невозможно покинуть этих храбрых людей. Но при трудностях, которые у нас всегда будут в доставке им средств сопротивления их многочисленным врагам, было бы в самом деле знаком истинной дружбы со стороны его императорского и королевского величества в отношении нашего августейшего государя, если бы он сообразовал снабдить сербов боеприпасами, в которых они так нуждаются.

Позаботьтесь, господин граф, внушить эту мысль с величайшей осторожностью, и если сочтете уместным, Вы добавьте также, что его императорское величество будет готов вознаградить венский кабинет за всю помощь подобного рода, которую он окажет сербскому народу.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, господин граф, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

А. Будберг

№ 177

Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о трудностях пути в Сербию из-за кордонов австрийских войск на Дунае и об издании Портой фермана с частичными привилегиями для сербов

№ 341

1 октября 1806 г. Букурест
Секретно

Милостивый государь Ипполит Федорович! Конфидент Гавриил Воянович возвратился 29-го числа сентября ночью. Он пересказал мне, что был только в Орсове, где стоящий кордон австрийского войска, имея строгое предписание от своей команды наблюдать нейтралитет в деле турецком с сербами, не пропустил его за Дунай из осторожности, как кордонный начальник ему признавался, дабы турки, ушедшие из Теке и находящиеся на берегу цесарском, не имели причины задерживать какого-либо сомнения; что по сей причине оставшись он в Орсове под видом австрийского негодянина, нашел тамо жителя сербина Васа *, сына того самого сербина,

* Васа Демелич.

который недавно приезжал в Букурест * и доставил последнее письмо на имя вашего высококородия, поговорил с сим человеком касательно сербского дела и приметил в нем верное желание ко услугам сербскому народу, объявил о поручении, данном отцу его здесь от российского генерала. Потом вручил ему под секретом письмо на имя Петра Новаковича, прося о надежном и скором доставлении оногo по адресу, равно как и о передаче к сербским начальникам словесных поручений, данных отцу его, который еще в дороге тогда находился. Он же говорит, будто в Орсове узнано, что вышел ферман Порты ¹, прощающий сербов и предписывающий какие-то привилегии с требованием от них každогодно трибута по 2000 мешков денег, и что по сему предмету все сербские военноподначальники собираются в Семендрии для совета ². Видел он, Гавриил, что из Крайова до самой Калафаты и далее турки пасванд-огловы содержат караул, не пропуская никого, что оная дорога соделалась весьма опасною и трудною и что ему в проезде помогало только звание австрийского подданного и немецкий язык, коим он спрашивающим туркам отвечал, не зная будто иначе говорить.

Я хотел было послать его, Гавриила, вторично в Орсово с последнею секретною Вашею коммиссиею, но он боится ехать, а говорит, что может быть скоро прибудет сюда из Сербии нарочный, чрез которого можно будет оную выполнить.

Честь имею пребыть с истинным высокопочтанием и совершеннейшею преданностию, милостивый государь, вашего высококородия всепокорнейший слуга

Лука Кирико

Р. С. При сем следует письмо от Гавриила на Ваше имя.

Помета: Получ[ено] 3-го. Отв[ет] 5-го.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 173—174. Подлинник.

¹ См. док. № 178.

² См.: Борђевић М. Ослободилачки рат. . . , с. 154—159.

№ 178

Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкуну о получении дубликата верительного письма

3 октября 1806 г. Семендрия

Господину Иполиту Феодоровичу, моему милостивому господину генерал конзулу! Уверительное писмо, или дубликад, са прочим писмама које сте милостиво изволили послати са Демелићем, нашим купцем, са радостим примио сам. Ово ми је највећа радост, који несте мене исклучили од Вашој милости. Моја ће највећа старост и попеченије бити да уверим са мојом службом таквим пријателем који искрено љубе мења, и сербскога рода, и дела сербов. У приклученим бумагам посмотрите, заиста јесу пофале достојне. Посмотрите, милостиви государ, тамошнаја надежда шта може урадити. Вера је Сербов тврда, већа од камена. Засад описати не могу пример Сербов, који сам на сваком место био и очима гледао. О како ће се душа моја обновити, када дела наша сваком буду јавна! Заиста, се скоро серби измакоше турскога јарма. Славићемо нашоко цара Александра, доколе год једен Сербин у Серију има. Ваш остају поко[рни] слуга Чардаклија

* Тоша Демелич.

За великога бога пошалите дѣньги зашто од народа не имејем мира. Народ имијет великоју пужду све по војни ништо се делаџ не може.

Код Совета народња писато

Приписка Б. Груевича:

И я честь имею, како Вам, тако и Константину Константиновичу Родифиникину мое отменное высокопочтение с сим засвидетелствовать и любезнейше поздравити, с прошением да нас с любезными писаниями Вашими често утешаете. Кланяюся и г. Волкову.

Божа Груевич (Филипович)

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 138, л. 15 и об. Автограф.

№ 179

Письмо Карагеоргия И. Ф. Болкунову о приезде в Сербию представителя турецкого правительства для получения дани и с целью примирения сербов с турками

3 октября 1806 г. Смедерево

Ваше высокородие, милостивый государь! По последнему нашему от 19 августа ¹ с. г. Вам сотворенному известии следующие важные случаи у нас сбылися: мы с помощью божиею в первых везири skutарского при Ниссе, а потом и боснийского при Шабце разбили и, конечно, совершенную победу над сильными неприятелями нашими, слава буди богу, получили! Несколько дней по одержанной над Ибрахим-пашом победе и по бегстве его, пришел возвратно наш из Константинополя депутирец Ичкоглий * и привел с собою муасила царева некоего Хасан-агу с вестиею и наложением, да муасил сей у нас будет, да мы ему дань царскую отдадим, которая ежегодно близ миллиона износить бы имела. Да в крепостях гарнизоны турецкие будут, да в поле, в земли и в деревнях, да турки ни во что не будут мешаться; но сербы сами себя учреждати и свободно полем и землею управляти и дань собирать да могут. Сия нам от муасила представлена суть, который с 20 своими служителями зде по между нами находится и требует, чтоб уже теперь первая половина дани до 500 000 пиастров отдался, на кое ответствовали мы, что мы всегда, аки верныи султанови подданныи готовы есмы повеления его величества исполняши; токмо бы прежде всего Гушан-али, наш и царский неприятель, из Белграда изгнался, потому что нельзя от народа, толикою войною изнуренного, дань собирать, пока совершенный мир и спокойствие в земле нашей не утвердится, которе быти прежде не может, нежели Гушанц-али из земли истреблен не будет. Для того и сам муасил отшел в наш лагерь при Белграде, чтоб Гушанц-алию каковым можно будет образом из Белграда вывести, а добрые турки домоваться с нами соединити.

Мы спешим вся сия вашему высокородию изъяснити с покорнейшим прошением, да нам за вся сия наставление, и что делами имеем, упустование скорейше послати благоизволите. При сем повторяюще вся она всепокорнейшая прошения наша, которая изложена суть в предходящем нашем от 19 августа писании, вручаем себя всевысочайшей отеческой милости и благоволению его императорского величества и Вашему заступлению и попечению, которые и с особенным истинным высокопочтением

* *Петр Ичко.*

честь имеем быти. Вашего высокородия милостивый государь, покорнейший Ч[ерный] Георгий Петрович с народным Советом сербским

Р. С. По окончании сего письма приспел к нам и г. Темелич, который нам и дубликат Ваш² принес и наложенные вопросы г. генерала Родофиникина о состоянии и о числе воинства, и артиллерии нашей сообщил, на которые ответствовать честь имеем: число воинства нашего до 50 тыс. выходит, но [не] все полного оружия имеют, еще толико есть оружия неимеющих. Артиллерия наша очень слаба есть, пушек каковых-нибудь старых и неустроенных то крепостных, то полевых и железных и разных всех в Сербии больше 40 лет. Артиллеристов только 3 сута, а в прочем сами воины наши употребляют и привыкают [к] пушкам. Сие просим сообщить г. генералу Родофиникину с нашим отменным почтением.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 10, л. 101 и об. Копия.

¹ См. док. № 161.

² Имеется в виду дубликат письма И. Ф. Болкунова Карагеогию, которое он передал возвращающемуся из Петербурга сербскому депутату Петру Новаковичу. По пути в Сербию П. Новакович был вынужден уничтожить оригинал на австрийской границе (Причина посылки дубликата данного письма подробнее изложена в док. № 181).

№ 180

Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о выезде в Бухарест сербского доверенного Т. Демелича для получения денег и о недостатке вооружения у сербов

19 (31) октября 1806 г. Бухарест

Secret

Monsieur! Gabriel vient d'arriver en ce moment-ci d'Orsova en bon sauevement, il a exécuté votre commission et m'en a apporté sous l'enveloppe que j'ai ouverte le paquet ci-joint à votre adresse que lui a donnée le confident seruien Tossa Demelisch de la part de Chernoy Ghiorghy, cette lettre doit contenir, Monsieur, les détails requis en réponse à tout ce que s. ex. M. de Rodofinikin avait chargé le confident Tossa pendant son séjour ici demander immédiatement au chef de cette nation; Gabriel dit que ce Tossa est chargé de passer à Boukorest pour recevoir l'or en question; il dit que les Seruiens manquent à présent absolument de poudre à feu, qu'ils réparent leurs armes, qu'ils tâchent d'acheter chez les Autrichiens toutes les munitions nécessaires pour de l'argent comptant; ils sont prêts d'ouvrir le chemin vers la Valachie, dès qu'ils auront l'avis que les troupes russes entreront dans ces pays; il dit que toutes leurs troupes se sont réunis sous Belgrade, et qu'ils tâchent d'emporter cette place forte d'assaut. Ce Tossa Demelisch, ayant expédié d'Orsova son fils chez Chernoy Ghiorghy avec sa lettre détaillée sur l'objet de la mission de Gabriel, se proposait d'en passer lui-même ces jours ici, il attendra, Monsieur, ici vos ordres, et Gabriel affirme que vous pourrez lui confier même par écrit tout ce que vous voudrez transmettre à Chernoy Ghiorghy, il passera par Hermanstadt sous titre de marchand autrichien, la nation l'a muni d'un plein pouvoir formel pour la reception de l'or susmentionné.

Les Seruiens ne font aucun cas du firman de pardon que la Porte avait émané à leur égard. Les Russes avec les Monténégrins ont battu et défait les Français en Dalmatie de la sorte, dit-il, que les troupes françaises s'en retirent en nombre.

Il dit que Regieboga d'Orsova vient de se raccommoder avec Pasvandoglu et qu'ils se tiennent réunis afin de mieux pouvoir se défendre contre les Serviens.

En ce moment-ci j'apprends, Monsieur, que l'agent valaque de Vidin écrit aux boyars de par ordre de Pasvandoglu de se hâter à expédier l'argent promis à Vidin avant le ramazan, sans quoi Bibesculo risquerait sa vie et que Pasvandoglu saurait recommencer les scènes contre la Valachie.

Il a relâché le second kalarach d'Alekovoda qu'il a expédié sur le Danube à Ruschiuck et a mandé aux boyards d'y expédier aussi les effets et un homme d'ici sans faute; on le croit chargé de lettres de Pasvandoglu vers Soutzo, son confident et ami.

Pasvandoglu ayant expédié un Turc au kaimakam à Petesti avec ordre de retourner à Krajova sans délai, celui vient de s'y rendre sans autre réplique.

J'ai l'honneur d'être avec une haute estime, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

Luc de Kirico

Помета: Получено 22 октября 1806 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 10, л. 100 и об. Автограф.

Перевод

Секретно

Милостивый государь! Габриэль только что благополучно прибыл сейчас из Орсовы. Он выполнил Ваше поручение и привез адресованный Вам пакет, который я распечатал и прилагаю к сему, он был передан ему сербским доверенным Тошей Демеличем от Георгия Черного. Это письмо должно содержать, милостивый государь, требуемые сведения в ответ на то, что его превосходительство г. Родофишкин поручил доверенному Тоше во время его пребывания здесь немедленно выяснить у предводителей этой нации. Габриэль говорит, что Тоше поручено выехать в Бухарест, чтобы получить упомянутое золото. Он говорит, что сербам совершенно недостает в настоящее время пороха, что они чинят свое оружие, пытаются кушить все необходимые боеприпасы у австрийцев за наличный расчет. Они готовы открыть путь на Валахию, как только получат известие, что российские войска входят в эту страну. Он рассказывает, что все их войска собраны под Белградом и что они пытаются взять эту крепость приступом.

Тоша Демелич, направив своего сына из Орсовы к Георгию Черному с подробным письмом о задачах миссии Габриэля, собирался сам приехать сюда на днях. Он будет дожидаться здесь, милостивый государь, Ваших указаний, и Габриэль утверждает, будто Вы можете ему доверить даже в письменной форме все, что желаете передать Георгию Черному. Он проедет через Германштадт под видом австрийского купца. Сербский народ наделил его официальными полномочиями на получение упомянутого золота.

Сербы не придают никакого значения ферману о прощении, выпущенному Портой относительно них. Русские вместе с черногорцами разбили и нанесли поражение французам в Далмации, говорят, настолько сильное, что французские войска во множестве отходят.

Он говорит, что Реджеб-ага орсовский помирился с Пазванд-оглу и они держатся вместе, чтобы иметь большие возможности обороняться против сербов.

Сейчас я узнал, милостивый государь, что валацский агент в Видине пишет боярам по приказу Пазванд-оглу, чтобы они поторопились послать обещанные деньги в Видин до рамазана, в противном случае Бибескуло рискует своей жизнью, а Пазванд-оглу возобновит свои нападения на Валахию.

Он освободил второго калараша Алеководы, которого послал по Дунаю к Руццуку, и настоятельно советовал боярам также послать туда товары и своего человека. Полагаю, что ему доверено письмо Пазванд-оглу к Суцо, его доверенному и другу.

Пазванд-оглу послал турка к каймакаму в Петешти с приказом немедленно вернуться в Крайову, а тот оставил этот приказ без ответа.

Имею честь быть с глубоким почтением, милостивый государь, ваш шикайший и покорнейший слуга

Лука Кирико

Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Будбергу о намерении отправить сербам 4 тыс. червонцев для покупки оружия и боеприпасов

22 октября 1806 г. Яссы

Секретно

Милостивый государь! Из приложенных у сего оригинальных бумаг, полученных сего вечера чрез Букорест из Сербии¹, тож письма ко мне консула Кирико² и, наконец, копии сегодняшнего отзыва моего к г. генералу от кавалерии Михельсону³ ваше высокопревосходительство соизволите усмотреть состояние военных сил ныне сербского народа и оружейных их запасов, равно и что я решился при настоящих их нуждах и заботах, не теряя времени, воспользоваться представившимся ныне случаем для доставления к ним на первый случай 4000 червонных из суммы, назначенной на сие употребление. В продолжение же имею честь донести, что я нужное к сведению г. чрезвычайного посланника * по делам сербов не оставляю сообщить его превосходительству, ограничась доставлением на всякий случай копии с письма Черни-Георгия.

Что касается до упоминаемого в нем дубликата моего, оный содержал письмо, коим по воле министерства снабдил я при возвращении из Санкт-Петербурга известного депутата Новаковича, но которое проездом его в Сербию в опасности визитирования на австрийской границе было им уничтожено и впоследствии требовано от меня другое для удостоверения Народного совета.

Так как нынешнее политическое положение славено-сербов по случаю присылки от Порты мухасила требует с их стороны наибольшей осторожности и внимания, то я предполагаю отозваться к ним на сей раз, чтоб они, держась в обыкновенном своем положении, настояли в требовании от Порты удаления из Белграда известного неприятеля их Кусанч-Али прежде, нежели окажут какую-либо податливость на новые обязанности свои к Порте⁴. Между тем, не благоугодно ли будет вашему высокопревосходительству снабдить меня новыми предписаниями для руководства их в сем случае?

Есмь с глубочайшим почитанием и неограниченною преданностию милостивый государь, вашего высокопревосходительства всепокорнейший слуга

Ипполит Болкунов

Помета: Пол[учено] 5 поября 1806 г.

АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, п. 10, л. 97—98. Подлинник.

¹ См. док. № 179. ² См. док. № 180.

³ Имеется в виду письмо И. Ф. Болкунова И. И. Михельсону от 22 октября 1806 г. В нем сообщается, что К. К. Родофиникин в свое время просил сербов сообщить сведения о состоянии и численности их войска и о количестве оружия. Эти сведения уже получены (см. док. № 179) и с нарочным препровождены Михельсону. Здесь же сообщается, что первая часть денег (4 тыс. червонных) уже переправлена сербам. И в заключение Болкунов просит прислать дубликат письма Михельсона к Карагеоргию, которое ранее было уничтожено, чтобы отправить его с очередной посылкой денег (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 22, д. 14, ч. 2, л. 53—54. Подлинник).

⁴ Речь идет о прибытии в Смедерево султанского мухасила Хасан-бега, задачей которого было при договоре с сербами ввести в действие положения так называемого Ичкова мира. Прежде всего имелась в виду передача сербам г. Белграда, в котором в дальнейшем должен был находиться представитель султана. Наряду с ним в Белграде

* А. Я. Итальянский.

должен был находиться и сербский князь с отрядом сербских войск. Турки также могли оставаться в Белграде, но не в качестве воинского гарнизона, а только как торговцы и ремесленники. Против введения в силу постановлений Ичкова мира были белградский визирь Сулейман-паша и фактический хозяин Белграда — Кусанджали Халил.

№ 182

Отношение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому о необходимости выдвижения сербами требования об удалении из Белграда Кусанджали Халила

23 октября 1806 г. Яссы
Секретно

Милостивый государь Андрей Яковлевич. Вчера на вечер получил я с нарочным чрез Букорест сербские письма, которые поелику изображают отчасти состояние военных сил ныне сербской нации, тож оружейные ее запасы и нужды, в коих находится она и в рассуждении других предметов. Я почел долгом представить немедленно как министерству его императорского величества, равно и к главнокомандующему войсками г. генералу от кавалерии Михелсону; для сведения же вашего превосходительства на всякий случай имею честь препроводить у сего копию с письма от Черни-Георгия¹.

Так как нынешнее политическое положение славено-сербов по случаю присылки от Порты мухасила требует с их стороны наибольшей осторожности и внимания, чтобы не впасть в опасные для них сети, то я предполагаю отозваться к ним на сей раз, чтобы они, держась в обыкновенном своем положении, настояли в требовании от Порты удаления из Белграда известного неприятеля их Кусанч-Али прежде, нежели окажут какую-либо податливость на новые их обязанности к Порте.

Испрашивая себе равномерно по обстоятельству сему от вашего превосходительства просвещения, емь с истинным высокопочитанием и таковою же преданностию, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Ипполит Болкунов

Помета: Полу[чено] 4 (16) ноября 1806 г. в 4 ч. пополудни с пароч[ным] яныч[аром] Дели-Ахметом.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1806 г., д. 1671, л. 213 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 179.

№ 183

Отношение И. Ф. Болкунова Л. Г. Кирико с просьбой сообщить сербам о необходимости сосредоточения сил против Пазванд-оглу и об отправке им 4 тыс. червонцев

№ 362

30 октября 1806 г. Яссы
Секретно

В письме моем от 26-го сего месяца¹ я имел уже честь сообщить Вам, какие внушения по обстоятельствам нужно учинить сербскому народу для управления до времени поведения их с осторожностью; а теперь должен Вам, милостивый государь мой, присовокупить для сообщения от имени моего сербам чрез известный канал, что весьма бы кстати было, если б они, сосредоточив против вединских владений знатный корпус

войск, держали Пазван-огла в беспрестанной заботе и что сею диверсиею могут они сделать много пользы страждущей Валахии, которой обстоятельства не дозволяют еще оказать другой помощи.

С вручителем сего коллежским регистратором Джайковичем отправляя в бочонке, обшитом рогожею, 4 тыс. червонных в число пожалованной сербской нации суммы, прошу покорно поручить оные с крайнею осторожностью находящемуся у Вас г. Демеличу для доставления вместе с приложенным здесь письмом моим к вождю сербов Черни-Георгию, рекомендуя наиприлежнейше хранить последнее во всяком случае. Так как в бочонке находятся пачки за казенною здесьнею печатью, то и остается г. Демеличу поступить в сем случае по собственному благоусмотрению для избежания подозрения. По исполнении же сего благоволите возвратить ко мне немедленно сего нарочно посланного.

Есмь с истинным к Вам почтением.

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 176—177. Отпуск.

¹ Имеется в виду письмо И. Ф. Болкунова Л. Г. Кирико от 26 октября 1806 г., в котором говорится: если в Бухарест прибудет тайный связной сербов Тоша Демелич, то он должен задержаться там. На днях Болкупов намерен переправить в Бухарест к Кирико часть предназначенного для сербов золота. Поскольку среди сербов пахотится турецкий мухасил, то они должны проявлять крайнюю осторожность и избегать «расставленных для них сетей». Болкупов просит передать сербским повстанцам, чтобы они держались «... в обыкновенном для них положении», поскольку это поможет им выиграть время. Сербь должны настаивать на удалении из Белграда Кусанджали Халила (АВПР, Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 167 и об.).

№ 184

*Предписание инспектора всей артиллерии А. А. Аракчеева
Ильину приготовить боеприпасы для сербских войск*

№ 4215

3 ноября 1806 г.

Г-н министр военных сухопутных сил генерал от инфантерии Вязмитинов уведомил меня, что назначенный по повелению моему, посланному к Вам от 23 октября за № 3890, к содержанию во второй половине подвижного парка, учреждаемого для 4-х дивизий, порох, также свинец и бумагу для 10 тыс. человек, каждому на 60 патронов, должен быть приготовлен в Каменец-Подольском или где г. генерал от кавалерии Михельсон назначит и что оной не принадлежит к 9 и 10-й дивизии, а предназначен для отпуска сербам.

Как потребное количество для сих патронов, пороху 326 пудов и свинца 1042 пуда приготовлено в Каменец-Подольском, а бумагу назначено искупить Вам в Киеве, что означено в вышеупомянутом моем повелении, и потому я вашему превосходительству предписываю по получении сего послать от себя донесение к г. генералу от кавалерии Михельсону, что порох и свинец для второго комплекта патронов по числу 10 тыс. человек состоит в готовности в Каменец-Подольском в ведении полковника Довлекеева, а бумага в Киеве, ниспросить от него повеление — в Каменец-Подольском или в другом месте назначит он содержать сказанное количество пороха, свинца и бумагу для патронов; и согласно повелению, какое от него получите, учинить Вам неукоснительное исполнение по сношению с полковником Довлекеевым, отправя сии припасы, куда назначено будет, наймом; если бы предположил госнодин Михельсон содержать оные в Каменец-Подольском, в таком случае отправить туда немедленно искупленную в Киеве для патронов бумагу и вместе с тем истребовать

от полковника Довлекеева в свое ведомство назначенное количество пороха и свинца на патроны с погребом и магазином, где оные храниться должны, поручив все сие одному офицеру, из числа пришлощих к нам для подвижного парка, с которым офицером и бумагу туда отправить, а для присмотра за сими припасами и для караула, так же конвоирования транспортов с оными надобное число фейерверкеров и рядовых истребовать от полковника Довлекеева. О последующем по сему ожидать буду Вашего донесения.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 11, д. 109, ч. 1, л. 56 и об. Заверенная копия.

№ 185

Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову об отправке сербам 4 тыс. червонцев и о необходимости передачи всех предназначенных им денег ввиду недостатка оружия и боеприпасов

№ 363

4 ноября 1806 г. Букурест
Секретно

Милостивый государь Исполит Федорович! Секретное отношение вашего высокородия от 30 октября¹ я имел честь получить 3-го сего месяца.

Г-н коллежский регистратор Джайкович, прибывший сюда благополучно, сдал бочонок с 4000 червонных г. Демеличу, который счел всю сумму, принял оную и дал расписку, у сего влагаемую; ему же поручено от меня и письмо Ваше на имя вождя сербов Черни Георгия. Причем как для сохранения последнего, так и помянутой посылки сбережения в непроницаемой тайне пересказаны ему осторожности, кои должен он наблюдать в проезде своем. Он выписал с обоих секретных Ваших ко мне отношений примечания касательно управления сербского народа, поведения против турок и Виддина, обещался все внушения предложить где следует и служить по приверженности своей на пользу христианского народа; а только подтверждал и теперь, что сербы имеют недостаток в амуниции и ружьях, которые нужны для них и для раздачи при завоевании Виддинской Украины * тамошним болгарам, ожидающим нетерпеливо сей помощи, и что по сему необходимо нужно доставить в Сербию всю пожалованную ей сумму 100 000 пиастров для употребления на закупку припасов.

Г-н Демелич, спеша своим отъездом, отправился отсюда сего дня поутру на почтовых, получа посредством моим почтовый билет без платы под видом австрийского купца чрез Германиштат, чем скорее и вернее может продолжать свою путь; и в самый час отъезда уверял меня, что он доставит к вашему высокородию письменный вид о получении в Сербии взятой им суммы и вашего письма, и просил предстательствовать при Вас, чтоб, по удостоверении о исправности сей комиссии изволили Вы поспешить отправлением и остального числа денег.

Честь имею пребыть с истинным высокопочтанием и с высокопочтеннейшею преданностию, милостивый государь, вашего высокородия всепокорнейший слуга

Лука Кирико

*Помета: Получ[ено] 6 ноября 1806 г. Отв[ет] 9-го.
АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806 г., д. 148, л. 180 и об. Подлинник.*

¹ См. док. № 183.

* Имеется в виду Неготинская Крайна.

Письмо С. А. Санковского командующему Средиземноморской эскадрой Д. Н. Сенявину с изложением плана вступления русских войск в Герцеговину и организации антитурецкого восстания

4 ноября 1806 г.

Вслед за получением мною депеши 16 (28) октября от его сиятельства Андрея Кирилловича графа Разумовского и которая в копии была им сообщена вашему превосходительству, объясняющая нам политическое наше положение с Портою Оттоманскою, извещают меня ныне посторонние люди, что будто бы в Мостаре объявлен манифест войны противу нас¹ и что визиря босанского ожидают в Гатско в Герцеговине с войсками. А как до получения сего известия меня уведомил Диздар-бек с Клубука, что будто бы сей визирь имеет противу Рагузы, то должно полагать, что вскоре он будет в состоянии выступить в поход. Сверх того получил я также известие, что два француза прибыли в Бар с знатною суммою денег, которые вероятно определены в подарок визирю скуторскому.

В таковых наших здесь трудных обстоятельствах я долгом службы поставляю предложить вашему превосходительству объясниться с митрополитом черногорским и принять с ним надлежащие меры, дабы мы не были здесь атакованы со стороны турков. Приверженность герцеговинцев к российскому престолу довольно известна его высокопреосвященству, и он имеет способы возбудить сей народ противу турков. Может быть, весьма бы нужно было предупредить намерение босанского визиря и вступить нам самим в Герцеговину. Сие тем полезнее было бы для пользы интересов государя императора, что народ герцеговинский, будучи нашим присутствием ободрен, непременно ополчится противу наших неприятелей; но естли мы не сделаем первого шага, то я полагаю невероятным, чтобы герцеговинцы без нашей помощи и токмо по одним нашим увещаниям начали бы действовать против турков.

Ваше превосходительство изволили мне объяснить в свое время, что Вы ожидаете вскорости в подкрепление нашим войскам еще отряд войск из России, следовательно, Вам можно решиться отделить некоторое число в Герцеговину. Но хотя я полагаю, что таковое наше предприятие может иметь великий успех, со всем тем для лучшего в том удостоверения всенижайше прошу ваше превосходительство согласиться с митрополитом черногорским и отобрать от него мнение по сему толь важному предмету. Я сам бы при сей конференции желал бы присутствовать, но ныне упражняюсь в приготовлении моих депеш к министерству.

Касательно до албанского визиря, то как мне стороною известно, что был послан к нему наш консул с Волоны для переговора с ним, то, может быть, ваше превосходительство имеете точное сведение от графа Моцениго, можно ли на него положиться в том, по крайней мере, разуме, что он останется нейтральным; для испытания его мыслей не благорасудите ли прямо к нему отнестись для предложения ему некоторых выгодных кондиций, или же признано будет от Вас лучшим средством сей предмет выполнить чрез митрополита черногорского.

Имею честь быть с истиннейшим и отличным почтением.

Подписано: Степан Санковский

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 3, ч. 2, л. 496 и об. Копия.

¹ См.: Милаковић Д. Историја Црне Горе. Задар, 1856; Ђорђевић В. Црна Гора и Русија (1784—1814). Београд, 1914; Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1806—1807); Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М.: Воениздат, 1958, и др.

№ 187

Письмо Петра I Негоша Правительствующему совету сербскому о своей солидарности с борьбой сербского народа

12 ноября 1806 г. Герцег Нови

[Печать] Светла и благородна господо и братио мне вселюбезнейша! Между моими, могу рећи непрестанными, на услуги любезнейшего отечества употребляемыми трудами, я ни о чем выше не помышляю, него о том, что сте ми у два пута писменно напоменули ¹. Яко мои отговори ниесу подпуно желанию соответствовали, то не моей воли, коя е с Вашим сердцем соединена, по тогдашним обстоятельствам прошу приписать. Да изволите и да будете уверени, что я не чекам друго, него удобный случай, кои ми се по свим приликама каже, да е већ близу до самога края приступио. И у такву згоду уповаю на бога да се и видети можемо. В протчем богу себе и Вас поручай есмь. Ваш велицемерний брат и всякого добра желатель на подлинном подписал митрополит черногорский

Петр Петрович

С подлинного переписал господина митрополита тайный секретарь обер-перомонах Дометиаи Владевич

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 3, ч. 2, л. 513. Копия, заверенная печатью.

¹ В действительности сербские старейшины обращались к Петру I Негошу с предложением о совместной борьбе не два, а три раза: 4 апреля, 29 мая и 1 июля 1806 г. Об этом см.: Вукићевић М. Карађорђево писма, с. 269—271; Он же. Карађорђе, кн. 2, с. 369—372; Милаковић Д. Историја Црне Горе, с. 280—284; Радичевић Ф. Оригинално писмо Карађорђево. — Јавор. Сремски Карловци, 1888, с. 215—219; Арсенијевић-Баталака Л. Историја српског усташка, кн. 1, с. 235—237; Вуксан Д. Петр I и Карађорђе, с. 107—110; Ракочевић Н. Ратни планови Србије против Турака... Београд, 1933, с. 35—38.

№ 188

Письмо Петра I Негоша Правительствующему совету сербскому о необходимости повиновения султану во имя сохранения мира

12 ноября 1806 г. Герцег Нови

Пресветлому и высокопревосходительному господину Георгию Петровичу, славено-сербскому вожду, якоже и мудрым благоучрежденного Совета членам, также и храбростию похвальным военачалником и градоначалником и всем духовного и мирского звания почтенным чиновником о господе здравствовать и радовати се.

Известно ест Вам, любезнейшая братие, да у целому свету нити е било, нити може бити икаква народа срејна, неимаючи међу собом тверде слоге и освершенного послушания, ербо ово ест едно средство, кое при руководству здравого разума чини народе благополучне и неприятелем страшне. Я благодарим бога, кои е Вам открыо разум и даровао толикий дух неустрашима храбрости, да соедините сердца Ваша во единомыслие, да се бранити от самовольства непослушниках Вашего честитого цара, кои су Вас и Вашу браћу тирански на сваке начине мучили и угнетали, но

бояти се страшне человеческого рода неприятелнице зависти, коя не весть предпочитати полезная и коя е у нашим народам за несрећу свиех издревле обыкла царствовать! Все усерднейше вас братски и архипастырски советуеи молим и богом вседержителем заклінам, да не бы кои речену всеобщего благополучия неприятелницу к себе попустио, и сvez братского согласия и послушания заклетвою утвержденный разрушио, будуи ово не само слаба и неяка правительства, него и велика пространа силоу и славою гремяща царства. Не трудно и скоро у поработение другим народам преобрати, како что е и наше царство преобратила, а о коем я не могу без горестного воздыхания помыслити. Почему и опет Вас редом свакога молим, да утвердите Ваше труде на непоколебимый темель верности, слоге и совершенного послушания, воздадите божии богови, а иже суть кесарева кесареви, и повинуйтесь влаstem, ербо немаде ниедне власти, коя ние от бога определена или дозволена; и тако ћете при помощи господа сил утвердити, при помощи же господа сил отечества своега желаемое благополучие, у кое ће Вама от рода в род бессмертная слава и блаженная память вечно изостанути. Вы имате и у напредак свагда тете выше имате, мудрых, учениех, просвещенных соотечественников ко всеобщей пользе весьма усердных и на свако благопристойно дело способных. Я разумнем, да е и наш любезный Обрадович к Вама дошао, и желим, да то будет истина, ербо совершенно есмь уверен, да ће он своим благоразумием, яко истинный сын и любитель отечества, не менше тамо полезен быти, него ли бы овамо био, где сам га я сердечно желео выдеги. Примите дакле, любезнейшии вытезовы, с мольбами соединенные мои советы, и будите уверены, что оныи из едине чисте любви и усердия к Вам и ко всем народам нашим славенским происходе. А сверх свега тога возьмите щит веры и облецытеся во одежду правды, да верою и надеждою во Христа Иисуса будете крепцы во бранех, обратити в бегство полки чужих и вся стрелы лукавого ражженные угасити, и быћете подобны Горе святей, иже никакоже движется прилоги вражиими, да разумеют языцы и покоряются и да услышат до последних земли, яко с нами есть бог наш, бог сильный и крепкий, во бранех един творящи чудеса, коему Вас и себе препоручаем, и при том на веки остаем

Ваш брат и свакога добра желатель.

На подлинном подписал: митрополит черногорский, скендерийский и приморский и всерусийского императорского ордена святого Александра Невского кавалер Петр Петрович

[Печать]

С подлинного переписал господина митрополита тайный секретарь обер-церомонах Дометиан Владевич

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, н. 3, ч. 2, л. 514—515. Копия, заверенная печатью.

№ 189

Письмо Карагеоргия И. Ф. Болкунову с благодарностью за присланные деньги и о готовности сербских войск к совместным боевым действиям с русской армией

9 декабря 1806 г. Смедерево

Ваше высокородие, милостивый государь! Честь имеем с сим известити Вас, что мы посланная писания: перво г. генерала Михелсона от 1 сентября¹, второ Ваше препроводительное от 30 октября² и третье от 9 но-

ября³ якоже думаем г. Родифиникина примили есмы, вместе же всепокорнейше и всеусерднейше благодарити за всевысочайшую милость его императорского величества государя императора, за которую нас г. генерал Михелсон и Вы известуете.

Како послания сия, тако и вовереный ему залог г. Феодор Демелич верно нам вручил и предал есть. Ему, Феодору Демеличу, с сим посланцу нашему, и оставшуюся сумму свободно воверити можете. Мы к нему поверение наше имеем и для тога к вам его посилаем.

Весть пришествия единоплеменников и единоверных наших в стороны сии, которую нам г. Родифиникин сотворити любов имел, довела нас до восхищения, и мы каждодневно с радостью и со отверстым сердцем и руками любезнейшую братию нашу ожидаем.

Наш Миленко когда уразумеет, что уже российское воинство в Букуресте находится и к Дунаю приходит, тот час свою позицию примет и в сретение придет.

При сем известуем Вас, что мы 30 ноября, слава богу, город Белград на штурму завоевали, Гушанц-Али со своими теперь в крепости строго затворен стоит, и надеемся, что скоро предатися будет⁴. При сей акции потеряли мы единого от храбрейших воевод наших именем Василия Чарачича.

Впрочем с особитою к Вам благодарностию и признательностию и с отличнейшим высокопочитанием и уважением честь имеем пребыти вашего высокородия, милостивый государь, покорнейший Ч[ерный] Георгий Петрович и Совет народный сербский

[Печать]

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 22—23. Подлинник. Печать Правительствующего совета сербского.

¹ Письмо И. И. Михельсона Карагеоргию от 1 (13) сентября 1806 г. обнаружить не удалось.

² Имеется в виду сопроводительное письмо И. Ф. Болкунова Карагеоргию от 30 октября 1806 г., в котором сообщается о пересылке сербам 4 тыс. рублей (АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1806, г., д. 138, л. 19. Расписки в получении денег хранятся в том же деле, л. 22).

³ Письма К. К. Родифиникина Карагеоргию от 9 ноября не обнаружены.

⁴ См. коммент. 1 к док. № 190.

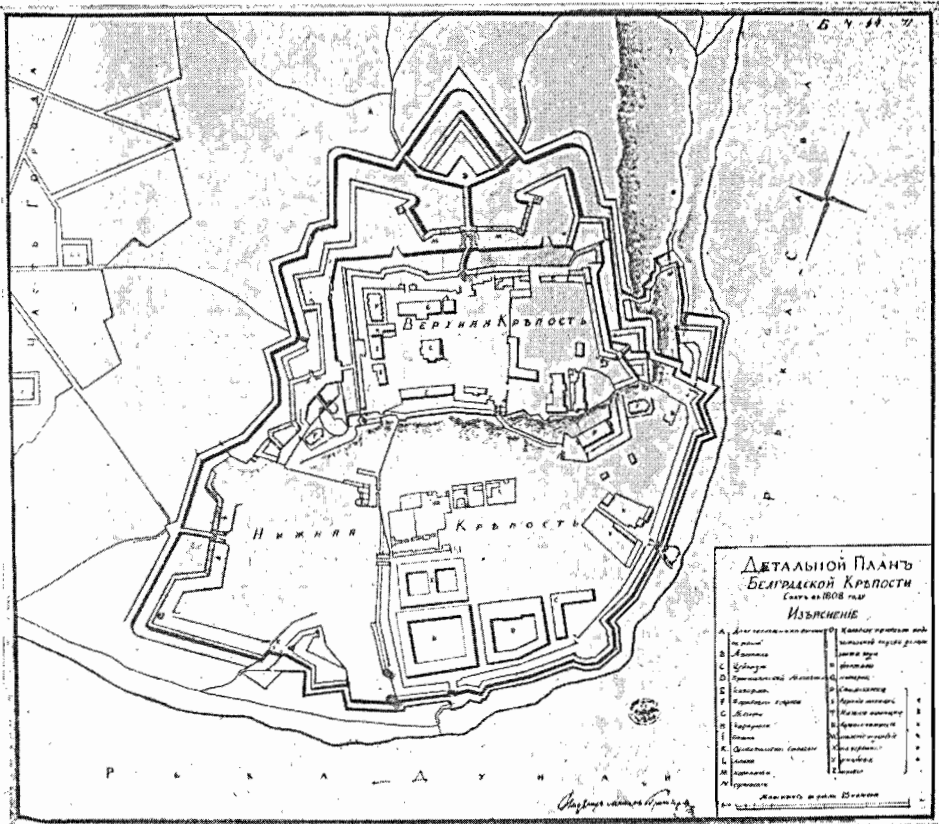
№ 190

Рапорт И. И. Михельсона Александру I о взятии сербами Белграда

№ 85

23 декабря 1806 г. Бухарест

В самой час отправления фельдъегеря прибыл сюда сербской поверенный Габриель, по моему приказанию посланный к Черни Георгию от действительного статского советника Родофиникина с извещением о вступлении в Молдавию войск вашего императорского величества. Оный Габриель донес, что сербы, получив письмо, мною им писанное, и известие о идущей к ним помощи, усугубили силы свои, напали с большею решимостию на Белград и, наконец, взяли самую крепость белградскую 14-го числа декабря¹. В добычу получили 300 пушек, из коих до 80 годных для пользы, множество воинских снарядов, 800 кирджалиев выпущены по капитуляции и идут по Дунаю к Орсове². Черни Георгий послал отряд своих войск к Боснии для прикрытия себя с той стороны, другой приближается к Виддину и ожидает моих наставлений, кои не премину оному послать.

План Белградской крепости (1808 г.)

О чем спешу донести вашему императорскому величеству. Вашего императорского величества всеподданнейший

генерал от кавалерии Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2882, л. 79 и об. Подлинник.

¹ Закрывая проход в центральные районы Балканского полуострова и контролируя движение судов по р. Дунаю, Белградская крепость имела первостепенное стратегическое значение. На рубеже XVIII—XIX вв. город и крепость оказались во власти бунтующих против центрального правительства Османской империи янычар и присоединившихся к ним позднее кирджалиев во главе с Кусанджали Халилом, или, как его называли сербы, Гушанцем-Али.

В начале 1804 г. восставшие против янычар и кирджалиев сербы вплоть до второй половины апреля 1804 г. держали Белград в осаде, но так и не решились захватить его, поскольку вели в это время переговоры с Портой о статусе Сербии. Эти переговоры долгое время не завершались удовлетворяющим обе стороны соглашением. Русский посланник в Константинополе А. Я. Италинский считал, что успех переговоров во многом зависел от захвата сербами Белграда. В письме от 2 (14) июля 1805 г. он доносил А. А. Чарторыйскому: «Весьма присорбно, что Белградская крепость не попала в руки сербов. Это было бы бесспорно наиболее эффективным средством добиться от Порты согласия на все их требования...» Италинский предлагал для успеха операции по захвату осажденного Белграда добиться прекращения доставки в город продовольствия кирджалиям со стороны австрийцев и рекомендовал Чарторыйскому склонить венский двор к этому решению (см. док. № 80). Однако Вена отклонила запрос русского посла, продолжая поставлять туркам в крепости не только про-

довольстве, но и боеприпасы. В то же время австрийцы запретили доставку сербским повстанцам провианта и оружия, которое они закупили ранее (АВПР, ф. Пособольство в Константинополе, 1806 г., д. 865, л. 127—128). Перелом в военных действиях под Белградом наступил незадолго до начала русско-турецкой войны 1806 г., когда русское правительство снабдило повстанцев деньгами для приобретения оружия и боеприпасов. 30 ноября (12 декабря) 1806 г., когда сербы узнали о вступлении русских войск на территорию Валахии и Молдавии, они штурмом овладели Белградом. Карагеоргий лично сообщил русскому генеральному консулу в Яссах И. Ф. Болкунову в письме от 9 (21) декабря 1806 г. об этом событии, подтвердив факт получения посланной из Петербурга сербам денежной помощи (см. док. № 189). Турки, сдав город, укрылись в верхней части Белградской крепости и вступили в переговоры с сербами об условиях капитуляции. В литературе нет единого мнения о дате окончательного отхода из Белграда гарнизона Кусанджали Халила. Одни авторы датируют его 12(24) декабря (Гаврилович С. Војводиша и Србија. . .), другие — 17 (29) декабря (Вукићевић М. Карађорђе, кн. 2, с. 145). Оба варианта не вполне точны и основываются не на документальных данных, а на сообщениях французской прессы и мемуарной литературе. В настоящей публикации приводятся данные о том, что верхняя часть Калемегдана была захвачена сербами 14 (26) декабря 1806 г. Об этом факте И. И. Михельсону сообщил посланник Карагеоргия Гавриил Вуянович (см. док. № 190). Но и после этого Белградская крепость не была еще полностью очищена от турецких войск. В ней оставался отряд турок под командой визиря Сулеймана-паши. Последний потребовал от сербов очистить город и разойтись по домам до получения из Константинополя особого фермана, который санкционировал бы переход Белграда в их руки. Сербь отклонили это требование и, блокировав все выходы из крепости, 27 декабря 1806 г. (8 января 1807 г.) ввели в нее свой гарнизон во главе с Младеном Миловаповичем (см.: Вукићевић М. Карађорђе, кн. 2, с. 445—446).

² По условиям капитуляции Кусанджали Халил, очищая Белград, должен был взять с собой визиря Сулеймана-папу, но последний отказался покинуть крепость. При отступлении кирджалин и янычары взяли с собой свои семьи и имущество, а также захватили сербских заложников; на лодках они спустились вниз по р. Дунаю, намереваясь укрыться в Видине. В районе г. Пореч на турок напал отряд сербских повстанцев во главе с Миленко Стойковичем, но австрийские пограничные власти помешали полному уничтожению войск Кусанджали Халила, которому удалось часть своего отряда привести в Видин (Историја Београда, кн. 2, с. 30).

За оборону Белграда турецкое правительство пожаловало Кусанджали Халилу звание трехбунчужного паши (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 24, д. 673, л. 46 об.).

№ 191

Депеша А. Я. Будберга И. И. Михельсону о возможном содействии сербских войск русской армии в случае войны с Турцией и о командировании к сербам русских офицеров-инструкторов

№ 23

30 декабря 1806 г.

Милостивый государь мой Иван Иванович. Хотя из донесений вашего высокопревосходительства к государю императору и из почтеннейших отношений ко мне, в последнее время полученных, не имеем мы здесь сведений о продолжении сношений с сербами, я тем не менее уверен, что на сей счет, конечно, принять Вы изволи[ли] все нужные меры. Положение дел наших с Портою побуждает меня еще с Вами, милостивый государь мой, списаться по сему предмету.

Весьма нужным кажется мне по настоящим обстоятельствам, чтобы в секретных сношениях с сербами употреблено было как наивозможно более деятельности, дабы приобрести обстоятельное сведение, во-первых, о всех их способах относительно числа войск, вооружении оных и пр., во-вторых же, каким образом будут они нам содействовать, ежели разрыв наш с Портою сделается необходимым. Всего лучше, конечно, будет употребить их со стороны Белграда и Видина. В таком случае нужно сколь можно вернее знать, какое сопротивление с сей стороны противу-

поставит им Порты? Могут ли они собственно своими силами овладеть помянутыми крепостями и в продолжение какого времени? Ежели бы для осады оных найдено было нужным отрядить к сербам одного или двух инженерных офицеров и также, может быть, и артиллерийских, то и о том с Черни-Георгием объясниться. Все таковые соглашения сделать на тот только случай, ежели бы разрыв с Портою последовал, но таким однако же образом, чтобы уже действия с их стороны начаты были неукоснительно и в одно время с нашими. Ваше высокопревосходительство, конечно, сами признать изволите, сколь необходимо для нас получить заблаговременно полное о всем том удостоверение.

Я покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, почтить меня уведомлением как о мерах, какие принять изволите по сему предмету, так и об отзыве, какой получите о том от Черни-Георгия. Впрочем, имею честь быть с искренним и совершенным почтением и таковою же преданностию вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Андрей Будберх

Помета: [Получено] генваря 10-го.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1871, л. 239—240 об. Подлинник.

№ 192

Депеша А. Я. Будберга И. И. Мизельсону об отправке почетного оружия для награждения Карагеоргия и сербских военачальников

№ 24

30 декабря 1806 г.

Милостивый государь мой Иван Иванович. В дополнение к вещам, которые отправил я к вашему высокопревосходительству с адъютантом графом Крюсолом, препровождаю ныне четыре сабли, богато украшенные, из коих одна назначается для Черни-Георгия, а прочие — для других сербских вождей. От усмотрения Вашего, милостивый государь мой, будет зависеть оные к ним от имени государя императора отправить, когда Вы то нужным и полезным для службы принять изволите. Кроме оных саблей посылаю еще два пангеи архирейских, да 6 золотых крестов на таковых же цепочках для духовных, которые равномерно зависеть будет от вашего высокопревосходительства употребить в приличных случаях.

К сим посылаемым и посланным уже вещам еще дослано будет несколько золотых и серебряных медалей, которые теперь еще не готовы, но сколь скоро оные получу, то при первом случае к Вам доставлю.

Имею честь быть с искренним совершенным почтением и таковою же преданностию вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Андрей Будберх

Помета: [Получено] генваря 10-го.

АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1871, л. 243 и об. Подлинник.

1807

ГОД

Документы № 193—328

№ 193

Предписание А. Я. Будберга А. К. Разумовскому о сообщении австрийскому кабинету позиции России в связи с объявлением ей войны Портой и о надеждах на нейтралитет Австрии

8 января 1807 г.

Monsieur le comte! Nous venons d'apprendre par des avis indirects et non officiels à la vérité que la Porte, entraînée par les succès et les instigations de Bonaparte, a rejeté toutes les propositions conciliantes qui lui ont été faites de la part de notre auguste cour et qu'elle nous a déclaré la guerre. Cet événement, s'il se confirme, devient un nouvel argument propre à démontrer et justifier la nécessité des mesures vigoureuses auxquelles l'empereur s'était déterminé.

Si les dispositions plus qu'équivoques que les Turcs nous ont témoignées depuis leur paix avec la France, si les infractions que la Porte s'est permises à ses engagements les plus positifs envers la cour impériale, et la mauvaise grâce avec laquelle ces infractions ont été redressées, si enfin les succès inouïs de Bonaparte et l'influence exclusive de son ministre à Constantinople qui en a été la suite pouvaient laisser le moindre doute sur l'impossibilité d'éviter une guerre avec les Turcs, quand bien même l'occupation de la Moldavie et de la Vallachie n'aurait pas eu lieu, ce doute serait anéanti aujourd'hui par la déclaration de la Porte du dessein de rassembler sur les frontières occidentales de l'empire Ottoman un corps d'armée d'observation, à l'instar de la cour de Vienne. Cette détermination évidemment dirigée contre nous et prise avant qu'on eût connaissance à Constantinople de l'entrée des troupes russes en Moldavie, était déjà par elle-même une déclaration de guerre, en ce qu'elle annonçait une nouvelle infraction à tous les traités qui ont été conclus entre les deux empires, depuis la paix de Kainardgi, vu que dans tous ces traités il a été nommément stipulé que jamais troupes turques n'entreraient en Moldavie et en Vallachie, hormis celles qui seraient destinées pour la garnison des places fortes.

Les considérations si manifestes ne permettant pas de croire que dans aucun cas la paix eût pu se conserver avec les Turcs, et qu'on eût évité la guerre en s'abstenant d'une démarche aussi fondée à tous égards, et aussi urgente que l'était l'occupation de la Moldavie et de la Vallachie, nous sommes bien persuadés, Monsieur le comte, que la cour de Vienne au cas où la guerre viendrait à éclater ne l'attribuera assurément point à cette mesure et conviendra au contraire que jamais la prudence et la justice ne se sont accordés d'une manière plus parfaite que dans la circonstance actuelle.

S. m. i. doit d'autant plus s'applaudir de la conduite que lui a dicté sa sagesse que sans se permettre autre chose que ce que les griefs multipliés que lui donnait la Porte l'autorisaient pleinement à faire, elle s'est assurée néanmoins l'avantage d'une ligne de défense sur le Danube, bien préférable à celle à laquelle elle aurait été réduite sur la Dniestre, si elle avait pu s'abuser au point d'ajouter à tant de sacrifices déjà faits au maintien de la tranquillité générale, celui des mesures vigoureuses que tout lui commandait.

Cet exposé des relations actuelles avec la Turquie, joint à toutes les preuves données précédemment par l'empereur de sa modération inépuisable, vous fournira des arguments suffisants pour démontrer au cabinet autrichien, que quelques soient les événements, les principes de s. m. ne varient point, et pour donner une entière solidité à vos assurances de ce que jamais les succès qu'obtiendront les armes de notre auguste maître, ne l'entraîneront à des projets dont la cour de Vienne pourrait avoir à s'alarmer. Mais en même temps vous ne laisserez point ignorer au ministère impérial et royal, qu'en retour d'assurances si propres à la tranquilliser, s. m. se croit justement fondée à espérer que si l'Autriche persévère dans sa neutralité, elle l'étendra impartialement à tout ce qui se passera du côté de la Turquie.

Vous lui ferez également sentir, Monsieur le comte, que dans de pareilles conjonctures, la possession de Cattaro nous devient trop importante pour que les considérations qui dans un autre moment auraient agi sur le cœur de notre auguste maître, puissent aujourd'hui faire consentir s. m. i. à l'évacuation de ce poste.

Les instructions que je viens d'avoir l'honneur de transmettre à v. ex. ne reposant que sur une base hypothétique aussi longtemps que les avis reçus de Constantinople ne se seront pas officiellement avérés, elle voudra bien attendre pour agir selon le sens de la présente dépêche, que les nouvelles qui l'ont motivée lui aient été confirmés positivement soit d'ici soit d'ailleurs. Ce moment venu vous ne tarderez pas, Monsieur le comte, à vous acquitter des communications dont je viens de vous faire part en n'omettant rien de ce que vos lumières et votre expérience pourront vous fournir dans le développement des raisons qu'elles renferment.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération, Monsieur le comte, de votre excellence

le très humble et très obéissant serviteur

A. de Budberg

Помета: Pour le f[eld]j[äger] Fédoroff le 17 (29) janvier 1807.*
АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 11535, л. 19—22. Подлинник.

Перевод

Господин граф! Из косвенных и неофициальных сообщений мы узнали, что Порты, поддавшись успехам и подстрекательству Бонапарта, отвергла все миролюбивые предложения, которые делались ей со стороны нашего августейшего двора, и объявила нам войну. Это событие, если оно подтвердится, станет еще одним доводом в пользу и оправдание необходимости энергичных мер, на которые решился император.

Если более чем сомнительное предположение, проявленное турками по отношению к нам после заключения ими мира с Францией; если нарушения, допускаемые Портой в отношении ее самых ясных обязательств перед императорским двором, и недружелюбие, с каким исправлялись эти нарушения; если, наконец, неслыханные успехи Бонапарта и исключительное влияние его посланника в Константинополе, явившиеся следствием этого, могли бы еще оставить малейшие сомнения насчет невозможности избежать войны с турками, даже если бы не произошло оккупации нами Молдавии и Валахии, то подобное сомнение сегодня было бы перечеркнуто декларацией Порты, планами сосредоточить на западных границах Османской империи наблюда-

* Для фельдъегера Федорова 17 (29) января 1807 г. (франц.)

тельный армейский корпус по примеру венского двора. Это решение, явно направленное против нас и принятое до того, как в Константинополе стало известно о вступлении русских войск в Молдавию, уже само по себе является объявлением войны, так как оно говорит о новом нарушении всех договоров, заключенных между двумя империями после Кайнарджийского мира; учитывая, что во всех этих договорах особо оговаривалось положение, согласно которому турецкие войска никогда не должны вступать в Молдавию и Валахию за исключением предназначенных для крепостных гарнизонов.

Столь очевидные соображения не дают никаких оснований надеяться, что может быть сохранен мир с турками и что можно избежать войны, если воздержаться от такого обеспокоившего во всех отношениях и неотложного шага, как оккупация Молдавии и Валахии; мы совершенно убеждены, господин граф, что венский двор в случае, если вспыхнет война, разумеется, не свяжет ее с этой мерой, а напротив — признает, что при нынешних обстоятельствах, как никогда ранее, были проявлены совершеннейшая осмотрительность и справедливость.

Его императорское величество должен быть тем более удовлетворен своим поведением, продиктованным его мудростью, поскольку не сделал ничего сверх того, к чему в полной мере его побуждали многочисленные неприятности, причиняемые Портой; он тем не менее обеспечил преимущество в виде линии обороны по Дунаю, значительно более предпочтительной, чем линия по Днестру, к чему он был бы принужден, если бы он настолько себя обманывал, чтобы к стольким уже принесенным жертвам во имя поддержания общего спокойствия, добавить еще одну решительную меру, которую ему все подсказывало.

Это изложение нынешних отношений с Турцией в дополнение ко всем ранее дававшимся императором свидетельствам его неизменной сдержанности дает Вам достаточно аргументов, чтобы продемонстрировать австрийскому кабинету, что каковы бы ни были события, принципы его величества нисколько не меняются, и сможет придать полновесность Вашим заверениям насчет того, что успехи, достигнутые оружием нашего августейшего повелителя, никогда не повлекут за собой планов, которых венскому двору пришлось бы опасаться. Но вместе с тем Вам не следует оставлять императорское и королевское правительство в неведении, что в ответ на заверения, должные его успокоить, его величество справедливо надеется, что, если Австрия будет придерживаться нейтралитета, то она беспристрастно распространит его на все то, что будет происходить со стороны Турции.

Вы, граф, также дадите кабинету понять, что при подобных обстоятельствах обладание Каттаро становится для нас крайне важным, поскольку соображения, которые в иной обстановке действовали бы на сердце нашего августейшего государя, могли бы в настоящий момент склонить его императорское величество к эвакуации этого пункта.

Эти инструкции, которые я имею честь передать вашему превосходительству, основываются только на предположениях до тех пор, пока сведения, полученные из Константинополя, не будут официально подтверждены; весьма желательно, чтобы Вы повременили действовать в духе настоящей депеши, пока известия, мотивировавшие ее, не будут Вам определенно подтверждены здесь или в ином месте. Когда наступит такой момент, Вы, господин граф, не замедлите заявить о всем том, что сообщили Вам я, не упустив ничего из того, что могут подсказать Ваши сведения и опыт в развитие соображений, содержащихся в моих сообщениях.

Имею честь быть с глубоким почтением, господин граф, высшего превосходительства пикайший и покорнейший слуга

А. Будберг

№ 194

Письмо Карагеоргия И. И. Михельсону об отправке сербских войск в Шабцу и Боснию и об ожидании русской армии

13 января 1807 г. Белград

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Господин Манолаки вручил нам есть писание и устный налог от Вас, вместе же и аманет посланный точно приняли есмы, за которое Вам покорнейше благодарим и препоручаем себя и в будуще на недостатки наша призрети. Ми г. Манолаки обширный ответ устно вверили, да Вам сообщит. С сим же толико только честь имеем известити Вас, что мы теперь и здесь в болшем числе воинство держати и противу Шабца и Босны силы наша,

по болшей части, отсилати принуждены есмы. В прочем и совети Ваша по мере возможности наша прерадостно следовати будем, только просим что скорее желания наша исполнити, да видим вскоре посреде нас единоплеменных и единовѣрных любезнейших братии наших, которых с дальшими наставлении и упутствовании Вашими нас с нестерпеливостію в объятія наша ожидающе, вручаем себя благонаклонности Вашей, с отменным же высокопочитанием, и всесердечным предателством* честь имеем быти вашего высокопревосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга

Георгии Петровч, вожд сербов, с старейшинами

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 78 и об. Подлинник.

№ 195

Приказ И. И. Михельсона о вручении Д. Обрадовичу золотого креста

№ 22

13 [января] ** 1807 г. Бухарест

Любовь вере и отечества и труды, подъемлемые преподобным иеромонахом Досифеем Обрадовичем соотичей своих славяно-сербов соделали его достойным особенного внимания и благоволения всемилостивейшего государя моего императора всероссийского Александра I. Того ради по высочайшему его императорского величества повелению возложен мною на помянутого иеромонаха крест для ношения на персях. Да послужит сей знак пред всеми вообще и пред каждым частно доказательством достоинств иеромонаха Досифея и праведного награждения, воздаваемого служащим верно отечеству своему и любящим веру истинную.

Мы, генерал от к[авалерии] войск императорских российских, главнокомандующий войсками, в Молдавии и Валлахии действующими и на границах с Турцией расположенными, белорус[ский] в[оенный] губ[ернатор] и кавалер разных орденов, объявляем сим всем и каждому, коим ведать о сем надлежит.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 21, д. 28, л. 3. Отпуск.

№ 196

Донесение С. А. Санковского А. Я. Будбергу о мерах к отражению нападения турок на Черногорию и Приморье и планах связи с герцеговинцами

№ 1

23 января 1807 г. Каттаро

Mon général! Le vice-amiral de Seniavin ayant reçu des lettres de notre ministre d'Italinsky et du comte de Mocenigo, annonçant que la guerre était inévitable avec la Porte Ottomane, il m'a communiqué leur contenu en m'invitant de me rendre à son bord pour avoir avec lui sur cet objet une conférence. Comme les sentiments que j'ai expliqué au vice-amiral dans cette occasion se trouvent dans ma correspondance avec lui, le mitropolite de Monténégro, le capitaine du premier rang de Baratinsky et le colonel de Kniper, ainsi ayant l'honneur de la soumettre ici très respectueusement à v. ex., je ne saurais que m'y référer¹. Votre excellence daignera remarquer que

* Так в тексте, имеется в виду: преданностью.

** Текст с указанием месяца попорчен.

d'après la lettre du comte de Mocenigo, j'ai dû croire que les hostilités ont déjà commencé de la part des Turcs; c'est pourquoi je ne pouvais assez recommander d'avoir une conduite très réservée avec le visir de Scutari, puisque c'est le seul voisin, qui nous peut donner de l'embarras et rendre notre position douteuse ². Mais quant à l'Herzégovinie, ayant déjà préparé en quelque manière la nation à nous seconder dans nos opérations contre les Turcs ³, je devais donc représenter qu'il était du plus grand avantage et utilité de s'emparer du fort de Nikchitz, non seulement pour avoir une libre communication avec les Herzégoviniens, mais encore pour leur donner de l'arme, sachant avec combien d'avantage on peut profiter du premier enthousiasme du peuple. Le vice-amiral est bien entré dans mes sentiments, mais n'ajoutant pas foi aux nouvelles de guerre avec la Porte Ottomane, il m'invita à suspendre toute entreprise contre les Turcs, jusqu'à ce qu'il ne me dépêche l'avis de Corfou, pour où il a fait voile avec l'escadre arrivée de la Baltique.

Dans cette situation des choses, quoiqu'à regret je vois qu'au lieu de prévenir les Turcs, nous leur laissons le temps de se prévaloir des moyens qui auraient pu être à notre disposition ⁴, puisqu'ils commencent déjà à prendre les otages, pour s'assurer de la fidélité des chrétiens de l'Herzégovinie, et qu'ils se fortifient dans leur places fortes. Néanmoins ne pouvant pas encore jusqu'à l'avis du vice-amiral de Seniavin agir contre les Turcs, je continue à entretenir les chefs des chrétiens de l'Herzégovinie dans leur bonne disposition en notre faveur, ainsi qu'il conste par ma correspondance ci-jointe ⁵. Se dissimuler également avec les Turcs, qui quoiqu'ils viennent ici acheter du sel, toutefois ils paraissent vouloir nous couper les vivres, et c'est à cet effet que j'ai écrit la lettre ci-jointe au pacha de Trébigne ⁶. Quant aux mesures de précaution, pour n'être pas surpris par l'ennemi, j'ai fait renforcer les troupes irrégulières sur les frontières de Risano, et j'ai prévenu les habitants d'être sur leur garde, ayant en même temps donné ordres aux corsaires de prendre d'un côté la position de Luta, et de l'autre côté de garder la plage de Pastrovitchi. Le mitropolit de Monténégro à ma prière s'est porté à Riestka et Czernizka nahia pour les préparer à tout événement et donner les dispositions analogues pour être en mesure de se défendre même contre une attaque générale des Français et Turcs; et j'ai nommé des députés extraordinaires aux frontières pour observer avec toute l'activité possible les mouvements des Turcs et connaître leur dessein.

Ayant pris toutes ces mesures de précaution dans la crise actuelle, j'ai voulu également priver l'ennemi de tout espoir de pouvoir compter sur les intelligences, qu'il pouvait se flatter d'avoir aux Bouches de Cattaro. Cette province étant dédiée volontairement à notre auguste maître, je lui ai promis au nom de s. m. de conserver ses privilèges, et cela jusqu'à ce qu'il plaira à notre grand monarque d'en disposer autrement. Le plus essentiel de ses privilèges est que pendant les fêtes de St. Triffon *la marinarezza*, c'est-à-dire le peuple, reste maître de Cattaro. Au chef de ce peuple je remet les clefs des portes de la ville, et en donnant les armes et les drapeaux du souverain pour être placé à l'église sous la garde de la nation, je lui remet en même temps le bâton de commandement et mon épée pour défendre notre auguste empereur et la patrie. Cette cérémonie que les Autrichiens ont continuellement promis à la nation qu'elle se fera et qu'ils ont toujours intrigué et divisé les communautés pour qu'elle ne se fasse pas, n'osant pas avec deux mille hommes de garnison se résoudre de se confier entièrement durant trois jours à la nation, laquelle se rend en ville avec les armes et en grande foule. Cette cérémonie, dis-je, viens d'avoir lieu sous le règne de notre auguste maître, et cela au moment que l'ennemi est à nos portes, et lorsque de garnison nous n'avons ici en tout que 160 soldats. La nation a célébré cette

fête avec ce calme et cette enthousiasme, qui fait honneur à sa fidélité et à l'attachement qu'elle a pour notre grand monarque, et devient cette époque aujourd'hui une preuve manifeste à toute l'Europe qu'elle n'est heureuse que sous le glorieux sceptre de l'empereur de toutes les Russies.

J'ai l'honneur de transmettre ici les papiers, comme à l'ordinaire, concernant l'administration de cette province, ainsi que les lettres et réponses écrits aux majors Jesersky et Miletich et au capitaine Stanoevitch.

La dernière dépêche que j'ai eu l'honneur d'adresser à v. ex. était sous le N 61 datée du 27 décembre de l'année passée.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon général, de votre excellence le très humble et le très obéissant serviteur

Etienne de Sancowsky

Помета: Пол[учено] 26 февраля 1807 г.

АВПР, ф. ГА 1-5, 1805 г., д. 1, п. 4, л. 29—30. Подлинник.

Перевод

Генерал! Вице-адмирал Сенявин, получив письма нашего посланника Италинского и графа Мочениго, предупреждавшие о неизбежности войны с Оттоманской Портой, сообщил их содержание и пригласил меня прибыть на его корабль, дабы провести с ним совещание по этому поводу. Поскольку мое мнение, которое я высказал вице-адмиралу в связи с этим событием, содержится в моей переписке с ним, а также с митрополитом Черногории, капитаном первого ранга Баратынским и полковником Кшипером, то я имею честь ее также нижеяйше представить при сем вашему превосходительству, и мне остается лишь сослаться на нее¹. Ваше превосходительство соблаговолите заметить, что согласно письму графа Мочениго я мог бы полагать, что со стороны турок уже начались враждебные действия. Поэтому я мог бы рекомендовать весьма сдержанное поведение в отношении визири Скутари, ибо он единственный сосед, который может причинить неприятности и сделать наше положение шатким.² Но что касается Герцеговины, то поскольку народ уже известным образом подготовлен к тому, чтобы поддерживать нас в операциях против турок³, я должен сделать представление, что было бы очень важно и выгодно захватить крепость Никшич не только для того, чтобы иметь свободную связь с герцеговинцами, но также чтобы дать им оружие, зная с каким преимуществом можно использовать первоначальные вспышки энтузиазма народа. Вице-адмирал хорошо понял мои соображения, по, не доверяя известиям о войне с Оттоманской Портой, он предложил мне воздержаться от каких-либо шагов против турок до того, как он пришлет извещение с Корфу, куда он отплыл с эскадрой, прибывшей из Балтики.

При таком положении вещей, я хотя и с сожалением увидел, что вместо того, чтобы упредить турок, мы даем им время обрести средства, которые могли бы оказаться в нашем распоряжении,⁴ ибо они уже начали брать заложников, дабы обеспечить верность христиан Герцеговины, и закрепляются в своих крепостях. Не имея возможности до извещения вице-адмирала Сенявина действовать против турок, я тем не менее продолжаю поддерживать предводителей христиан Герцеговины в добром предрасположении к нам, как это следует из приложенной к сему моей переписки⁵. Скрытничая перед турками, которые все же приезжают сюда покупать соль, и тем не менее, видимо, желают блокировать подвоз продовольствия, я написал на этот счет приложенное к сему письмо треньбьскому паше⁶. Что касается мер предосторожности, то чтобы не оказаться захваченными враждебным противником, я усилил регулярные войска на границах Ризано и предупредил жителей быть начеку, отдав вместе с тем приказ корсарам с одной стороны, занять позиции Луты, а с другой — охранять побережье Паштровичи. Митрополит Черногории отправился по моей просьбе в пашии Рнека и Црмница, чтобы подготовить их ко всем случайностям и отдать соответствующие распоряжения, дабы они были в состоянии защищаться даже против общего наступления французов и турок. И я назначил чрезвычайных уполномоченных на границах, чтобы активно следить за передвижением турок и знать об их замыслах.

Приняв все эти меры предосторожности при нынешнем кризисе, я хотел также лишить противника всякой надежды на связи, которые он мог надеяться установить в Бокс Которской. Поскольку эта провинция добровольно присягнула нашему августейшему государю, я обещал ей от имени его величества сохранить ее привилегии до тех пор, пока наш великий государь не соблаговолит распорядиться по иному. Наиболее важная из этих привилегий заключается в том, что во время праздника святого Трифона — *маринараца* — народ является хозяином Котора. Предводителю народа я вру-

чил ключи от ворот города и, передав герб и знамя суверена для помещения в церкви под охраной народа, я вручил ему в то же время жезл командующего и мою шпагу, дабы защищать нашего августейшего императора и отчизну. Австрийцы длительное время обещали народу, что такая церемония состоится, а сами всегда обманывали и раскалывали общины, дабы церемония не состоялась; имея двухтысячный гарнизон, не осмеливались решиться на то, чтобы довериться только на три дня народу, приходящему в город с оружием, большими толпами. Эта церемония, говорю я, имела место теперь в царствование нашего августейшего государя и в обстановке, когда противник стоит у нашего порога, а наш гарнизон насчитывает всего 160 солдат. Народ отметил этот праздник с таким спокойствием и энтузиазмом, что делает честь верности и преданности, выражаемой им нашему великому государю, и в пышную эпоху является ясным доказательством для всей Европы, что она счастлива лишь под славным скипетром всероссийского императора.

Имею честь препроводить при сем, как обычно, бумаги, касающиеся управления этой провинцией, а также письма и ответы, написанные майорам Езерскому и Милетичу и капитану Станоевичу.

Последняя депеша, с которой я имел честь обратиться к вашему превосходительству, была за № 61 от 27 декабря прошлого года.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства пикайший и покорнейший слуга

Степан Санковский

¹ Из переписки С. А. Санковского с Д. Н. Сеявным и митрополитом Петром I Негошем от 7 и 16 января 1807 г. видно, что население Черногории и Герцеговины согласилось выступить против турок после открытия Россией военных действий. В связи с этим в переписке ставился вопрос о снабжении иррегулярных и регулярных отрядов, а также крепостей ядрами и другими боеприпасами, о возможном вступлении черногорских отрядов в Герцеговину и занятии крепости Никшич, о поддержании отрядов герцеговинцами (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 4, л. 40—50; см. также док. № 203).

² В донесении А. Я. Будбергу от 23 января 1807 г. С. А. Санковский сообщает о своих нормальных («добрых») отношениях со скутарийским визирем, о поддержке торговли между Черногорией и Скутари (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 4, л. 61—62).

³ С. А. Санковский в донесениях А. Я. Будбергу от 30 октября, 4, 10, 22, 27 декабря 1806 г. сообщал об этой готовности христиан Герцеговины поддержать борьбу против турок в случае разрыва дипломатических отношений Порты с Россией. Активную роль в связи с этим, по донесениям С. А. Санковского, играли архимандриты православных монастырей Пивы и Морачи, имевшие непосредственные контакты со старейшинами Баянц, Дробляка и других областей Герцеговины. По его заверениям, в течение 15 дней могло быть вооружено от 10 до 15 тыс. человек и прервана связь боснийского визиря с Герцеговиной (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 3, ч. 2, л. 429 и об., 488, 496, 510 и об., 511 и об., 539 и об., 552, 553 об.).

В депеше А. Я. Будберга С. А. Санковскому от 21 января 1807 г. предполагалась возможность занятия крепости Никшич, поскольку «овладение оной будет соответствовать действиям нашим вообще и поколику настоящие способы наши в том крае то дозволят» (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 4, л. 25—26).

⁴ В депеше от 8 января 1807 г. А. Я. Будберг ставит в известность С. А. Санковского о том, что И. И. Михельсону предписано расположить русские войска по р. Дунаю с таким расчетом, чтобы их правое крыло могло соединиться с сербскими повстанцами. Сербы же в свою очередь помогут Дунайской армии установить сообщение с Герцеговиной, Черногорией и с русскими экспедиционными силами, находившимися в Боке Которской, а также с эскадрой Д. Н. Сеявина, перебазирувавшейся в Адриатическое море. В соответствии с этим планом Д. Н. Сеявину предписывалось отправиться к Константинопольскому каналу, оставив часть судов для защиты Боки Которской, берегов Далмации и Ионической республики. В депеше от 3 (15) февраля 1807 г. Д. Н. Сеявин сообщал С. А. Санковскому, что он с морскими силами уже направляется в Дарданеллы, оставив в Боке Которской отряд морских и сухопутных войск, и предлагал С. А. Санковскому предпринять меры для обеспечения безопасности провинции и для «доставления себе по возможности содействия от соседственных к нам приверженных народов» (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 4, л. 1—7 об., 85; см. также: АВПР, ф. Канцелярия, д. 1908, л. 11 и об.).

⁵ Переписка С. А. Санковского со старейшинами герцеговинского народа и письмо С. А. Санковского к трепиньскому паше не обнаружены.

⁶ Из донесений С. А. Санковского и Д. Н. Сеявина следует, что после занятия провинции русскими войсками в марте 1806 г. жители Котора и ряда приморских общин по случаю прибытия русского флота выражали радость и чувства приверженности к России, высказывали пожелания стать российскими подданными. Петр I Негош при-

слал благодарственные письма в адрес российского правительства и Александра I за покровительство России населению Боки Которской. В своих ответах на благодарные слова жителей провинции С. А. Санковский указывал на стремление России уважать их старые привилегии (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 3, ч 1, л. 160 и об., 168 и об., 195 и об., 218 и об., 259 и об., 346 и об., 350 и об., 351 и об., 141—142; АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 11521, л. 249—251).

№ 197

Донесение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу о предложении сербскому отряду М. Стойковича начать наступление на Видин и Крайову для отвлечения турецких сил от Валахии

№ 116

25 января 1807 г. Бухарест

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич! Отправленный из Буко-реста еще в ноябре м[еся]це сербский конфидент Демелич с 4 тыс. чер-вонных из числа 15 тыс., ко мне доставленных, возвратился ныне сюда с письмом от Черни-Георгия, писанным до взятия еще крепости белград-ской на имя бывшего генерального консула в Яссах, которое при сем в оригинале вашему высокопревосходительству имею честь сообщить¹. Оный Демелич словесно мне донес, что Черный Георгий отрядил часть своего войска для взятия Шабача, места, укрепленного на границах Сер-бии, другой отряд его войск занимает позицию со стороны Боснии, а тре-тий под командой Миленки находится близ границ Виддинского округа. Масса же сил сербских расположена в Белграде. Видя из письма Черни-Георгия, что Миленко ожидает токмо известия о вступлении войск в Буко-рест, чтоб идти навстречу оным, хотя и надеюсь, что три человека *, к сербам посланные по прибытии моем сюда, известили их уже о сем, не менее того решился отправить сегодня и Демелича. Ему я вверил осталь-ные 5 тыс. червонных для доставления к Черни-Георгию, дал письмо к Миленке², коим приглаголю его приступить к Виддину и теснить сей город по возможности, сверх того переправить в Крайову 2 или 3 тыс. человек, дабы охотнее выполнили они требование мое. Я обещал снабдить продовольствием корпус Миленков, который в сем терпит крайнюю нужду. Цель моя состоит в том, чтоб отвлечь внимание турок и не раздроблять силы мои, воспрепятствовать из Виддинского округа делать нападения на Валахию или послать помощь в другие пункты, кои я должен, может быть, буду атаковать; доколе ж придет время соединиться с сербами, я прикажу в Крайове учить их пушечной пальбе.

Поелику курьеры французские, в Константинополь и оттуда едущие, не имеют другой дороги как токмо чрез Виддин и Орсову, то я рекомен-дую ныне Миленко взять всевозможные предосторожности, чтоб не токмо пресечь им дорогу, но даже задерживать их и сюда доставлять, в чем, по словам конфидента Демелича, нет сомнения, чтоб Миленко не успел.

Сербы претерпевают крайнюю нужду в продовольствии и в ружьях. Чтобы показать им охотливость нашу, дать им ощутительную во всем помощь, я обещал послать еще 5 тыс. червонцев, которые возьму от князя Ипсилантия³. Мне кажется весьма справедливым, чтоб Валахия содей-ствовала сербам, ибо и их операции иметь будут важное влияние на дела сих краев.

Имею честь бы с совершеннейшим почтением и таковою ж предан-ностью, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Иван Михельсон

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 20—21 об. Подлинник.

* Лица не установлены.

¹ См. док. № 189.

² В-ЦГВИА СССР (ф. ВУА, д. 395, л. 146—147) находится лишь трудно читаемый отпуск письма И. И. Михельсона к М. Стойковичу, датированный 24 января 1807 г., в котором говорится о первейшей необходимости установления коммуникации с сербскими отрядами, о предполагаемой посылке им пшеницы, отмечается храбрость М. Стойковича. Распоряжение И. И. Михельсона о предполагаемых совместных действиях с сербскими отрядами, о снабжении продовольствием отряда М. Стойковича было одобрено Александром I, что явствует из депеши А. Я. Будберга И. И. Михельсону от 18 февраля 1807 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1885, л. 61—63 об.). Ответное письмо М. Стойковича И. И. Михельсону см. в док. № 206 от 13 марта 1807 г.

³ Из депеши А. Я. Будберга И. И. Михельсону от 18 февраля 1807 г. следует, что отряд М. Стойковича, который рассматривался, как часть русских войск, должен был вместе с ними получать продовольствие из Дунайских княжеств. Что же касается иных пособий сербам, особенно денежных, то Александр I распорядился выделять их только за счет России. По указанию Александра I, И. И. Михельсону было предписано возратить К. Ипсиланти деньги, которые он по просьбе русского правительства обещал передать сербам (АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1885, л. 61—63 об.). 28 марта И. И. Михельсон сообщал А. Я. Будбергу, что деньги для помощи сербам у К. Ипсиланти еще не были взяты и будут выделены из фондов Молдавской армии (АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 94).

№ 198

Письмо К. Ипсиланти А. Я. Будбергу о деятельности французских эмиссаров в Сербии и мерах по ее пресечению

№ 282

14 февраля 1807 г. Бухарест

Mon général! Le général de Michelson transmettra à v. ex. l'original et la traduction du serment ¹ que les différentes classes des Vallaques ont prêté avec toute la solennité requise, avec une supplique du clergé et des principaux boyards pour s. m. l'empereur. Ce serment était très nécessaire dans les circonstances actuelles et dans un pays où malheureusement il y a beaucoup de malveillants et je me flatte que v. ex. l'approuvera dans sa sagesse.

Les affaires de Vidin ont encore changé de face. Molla qui était la main droite de Pasvandoglou s'est emparé des rênes du gouvernement de vive force. J'ai communiqué tous ces détails à M. Rodofinikine pour les transmettre à v. ex. Ce changement m'a fait beaucoup de plaisir, parce que le susdit Molla, craignant la Porte Ottomane et se méfiant de ses employés, sera plus facile à être gagné. Aussi je me suis empressé de faire quelques démarches indirectes auprès de lui, en attendant le dénouement de ces scènes changeantes.

Ayant appris que les Français avaient envoyé des émissaires en Servie ² qui répandaient des bruits sinistres sur l'armée russe en Pologne, dans l'intention d'effrayer les Serviens et retarder leur coopération avec l'armée du Danube, et que la Porte, d'après les conseils de Sebastiani, a accordé aux Serviens presque toutes leurs demandes, et qu'elle a même nommé Czerni George prince de Servie. J'ai proposé la prompte expédition d'un prêtre servien qui se trouvait ici, homme instruit, parlant plusieurs langues et avec beaucoup de zèle. Il est parti aujourd'hui avec les instructions nécessaires pour leur prouver tout ce qu'ils ont à craindre des intrigues françaises et des promesses insidieuses de la Porte et qu'ils sont perdus, s'ils laissent perdre cette occasion favorable qui doit consolider leur sûreté et leur existence, par la protection efficace de la cour impériale. Ce prêtre m'a donné les assurances les plus positives sur la persévérance des Serviens dans les bons principes et sur la prompte exécution de leurs promesses de se porter là où ils sont appelés.

La diversion de l'ayan de Matzin et Ilikoglou a eu tout l'effet désirable. Déjà ils sont aux prises avec Pehlivan et avec le secours d'argent, qui leur à été envoyé d'ici et qu'on leur enverra encore, ils promettent de former une force assez considérable. D'après l'entretien que j'ai eu avec les deux envoyés de la part de ces ayans, j'ai lieu de croire que le nazir d'Ibraïl n'ignore point leur intelligence avec nous. Le plus grand effet de cette diversion sera celui de voir les Turcs se battre entre eux en faveur des Russes.

J'ai l'honneur d'être, avec la plus haute considération, mon général, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Constantin Ypsilanti

*Помета: Пол[учено] 26 февраля 1807 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1911, л. 8—9. Автограф.*

Перевод

Генерал! Генерал Михельсон перешлет вашему превосходительству оригинал и перевод присяги¹, которую принесли со всей соответствующей торжественностью различные классы валахов, а также ходатайство духовенства и главных бояр перед его величеством императором. Присяга была крайне необходима в нынешних условиях в стране, где, к сожалению, имеется много злоумышленников, и я льщу себя надеждой, что ваше превосходительство одобрите ее своей мудростью.

Положение дел в Видине вновь переменилось. Молла, который был правой рукой Пазванд-оглу, быстро захватил бразды правления. Я сообщил все эти сведения г. Родофиникину для передачи вашему превосходительству. Эта перемена доставила мне большое удовольствие, ибо упомянутого Моллу, который боится Оттоманской Порты и не доверяет ее чиновникам, легче склонить на свою сторону. Поэтому я постарался предпринять некоторые косвенные демарши в его отношении в ожидании развязки переменчивых событий.

Узнав о том, что французы направили доверенных лиц в Сербию,² каковые занимаются распространением злокозненных слухов насчет российской армии в Польше с намерением запугать сербов и помешать их сотрудничеству с Дунайской армией, и что, по совету Себастьяни, Порты удовлетворила почти все просьбы сербов и даже назначила Георгия Черного сербским князем, я предложил незамедлительно направить туда находящегося здесь сербского священника, опытного человека, говорящего на нескольких языках и весьма усердного. Он выехал сегодня с необходимыми инструкциями, дабы убедить сербов, чтобы они остерегались французских интриг и коварных обещаний Порты, и заверить их в том, что они погибнут, если упустят нынешнюю благоприятную возможность, которая должна упрочить их безопасность и существование, благодаря действительному покровительству императорского двора. Священник заверил меня самым твердым образом о непоколебимости сербов в отношении их верности своим принципам и немедленного осуществления ими обещаний отправиться туда, куда их призовут.

Привлечение мачинского аяна и Илик-оглу дало желаемый результат. Они уже сражаются с Пехливаном, и с помощью денег, которые им были посланы отсюда и которые им еще пришлют, они обещают выставить достаточно большие силы. Беседа, которую я имел с двумя посыльными этих аянов, дает основание полагать, что ибрайльскому пазырю неизвестны их связи с нами. Наибольшим результатом такой тактики будет сражение турок друг против друга в пользу русских.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Константин Ипсиланти

¹ В октябре 1806 г. митрополит и представители валахских бояр выразили Александру I благодарность и просили о заступничестве перед Портой в деле назначения в Валахии князя. В ноябре 1806 г. митрополит и бояре валахского Дивана обратились к российскому правительству с письмом, из которого видна необходимость скорейшего вступления русских войск в Бухарест как средства для спасения страны (АВПР, ф. ГА I-9, 1804 г., д. 5, ч. 2, л. 10; ф. Консульство в Яссах, д. 149, л. 305—306).

² По отрывочным сведениям донесений за март, сентябрь, октябрь 1806 г., французские эмиссары направлялись в Сербию и действовали там, стремясь привлечь повстанцев на сторону Франции. Однако в марте 1807 г. К. К. Родофиникин сообщал А. К. Разумовскому о том, что сербы не поддались влиянию французских эмиссаров и продолжают свою борьбу, стремясь овладеть г. Сокол и г. Ужице (АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1880, л. 32—33; д. 2259, л. 294—296 об.; ф. Консульство в Яссах, д. 149,

л. 339—342; ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 3, ч. 1, л. 225 и об.; ф. Посольство в Константинополе, д. 865, л. 43; ф. ГА I-9, 1807 г., д. 1, л. 4—5 об.; *Гаврилович М.* Исписи из париских архива: (Грађа за историју првога српскога устанка). Београд, 1904).

№ 199

*Записка Петра I Негоша с изложением плана военных действий черногорских войск против турок в Герцеговине*¹

23 февраля 1807 г. Котор

Имею надеяние и упование на всемогущего бога.

Каким образом наилучше мы можем вступить в Герцеговину и, соединясь с приготовленными уже по возможности нашей христианами, занять сию провинцию?

Нам надлежит вступить в Герцеговину нижеследующим образом и поставить главную квартиру войск наших нерегулярных в селение Жупа, отколь мы можем при помощи божией произвести военные действия не токмо противу крепости турецкой Никшича и протчих герцеговинских турок, но и противу skutарского паши, буде бы он намерен был атаковать наши пограничные с ним [крепости]. Остаться должны Церницкая, Речкая и Лешанская нахии на случай его покушения ему противиться и отражать; к тому же в подкрепление сих нахий комунитад Паштровская и три комуну — Браити, Млини и Побори — должны быть в готовности ради подкрепления и защипения от албанцев наших границ, а и со всех трех вышеозначенных нахий черногорских отборных ратоборцев возьмем в поход в Герцеговину 600 человек.

Катунская нахия, будучи отдалена от албанцев, а частью приближена к Герцеговине, может вся пойти против турок герцеговинских. На сей случай регулярного войска с приличною артиллериею на первый поход более не нужно, как токмо 300 егеров, кои должны, крепость Никшич, то есть Оногощ занявши, быть в оном для охранения гарнизоном. Архимандрит Авксентий с морачанами, ровцима и ускоцима с правой стороны имеет вступить в Дробняки и соединиться с пивлянами и поражать неприятеля, где бы он им не попался.

От левой стороны имеет быть отряжен отряд войск черногорских вместе с граховлянами и баняни, которые пойдут на Радине* и ударят на турков, ст[е]регущих стада свои, и, победивши турков, должны захватить стада их. Также будет отряд войск черногорских и бердских отделен имеет быть послан в села Радине и Влачину, дабы турков не допустить с сих сел выйти в город в помощь городских турков.

Когда при помощи божией успеем занять г. Никшич, тогда, оставивши гарнизон войск регулярных, без замедления поступим далее и соединимся с протчими нашими православными сербами и не допустим ни под каким видом туркам укрепиться, но будем их повсеместно при помощи господа сил поражать и истреблять.

Но комунитад Новская должна наблюдать свои границы от стороны в Рагузе пребывающих французов², тогда когда мы вступим в Герцеговину, в то время и новские пограничные наши войска должны вступить в герцеговинское село Зубце. Сие селение капитан Иван Катич с крушевичанима тотчас должен пойти вперед и занять и действовать противу турков по рассмотрению, как наилучше надлежит.

* При написании топонима в тексте документа допущена неточность. Следует читать: Рудине.

По вступлении в селение Зубце, оттоль следует манифестами и возбудительными письмами поповских жителей и всю Герцеговину таким образом подвинуть поднять оружие противу турков и везде их истреблять.

Рызанотская комунитад и гербляне, которые на границах рызанотской и герцеговинской находятся, имеют вступить в Грахово селенне, дабы со всех сторон привести неприятеля в замешательство, чтобы не допустить им времени брать аманатов * из герцеговинских христиан в их крепости и чтоб не успели турки и оружие у христиан отобрать; тогда по рассмотрению, естли необходимость будет в регулярных войсках, где следует и какое число имеет быть расположено и поставлено для оборонения протчих христиан герцеговинских.

Протчие регулярные наши войски, по мнению моему, полезно бы было стоять им в готовности, первая часть в Кагельновом, и смотреть за поведением французов, в Рагузе сущих, и естли французы уйдут из Рагузы, тотчас следует теми войсками, что в Кагельновом, отрядом занять Рагузу, а часть некоторая должна остаться войск регулярных в крепостях кагельновских. Второе отделение войск регулярных с артиллерийскими орудиями и надлежащими припасами должно быть поставлено близ границы албанской и против Антивара в комунитаде Пастровской в самом удобном месте, отколь бы они могли бы удобно и без затруднения на случай покушения паша скутарского на Церницкую нахию подкрепить силы черногорцев. Весьма бы нужно при том отряде войск иметь, по крайней мере, два картаула в готовности, чтоб оными по необходимости разрушить крепостцы албанские Служ, Жабляк и Подгорицу. Тогда Зета должна быть непременно в руках наших, и паша скутарский в немалом стеснении будет находиться. В таковом случае и жители спличанские к нам присоединятся и будут действовать противу албанцев, равно как и зеняне, и кучи. Естли же паша скутарский и никакого движения не сделает и будет нейтралны[м], однако ж мы всегда против его должны быть осторожны и готовы с ним сражаться. Баркасы, когда будут готовы, следует их перенести на реку Черновича и там их составить и укрепить по надлежащему и все те припасы, кои к сооружению баркасов следуют. Туда же доставить и ожидать времени вооружения не прежде, но поколь увидим действительно, что паша скутарский вступит с нами в войну. На всякий случай албанцев надлежит держать в страхе, дабы они не могли шевелиться ни на одну сторону. Два военные суда и несколько корсарских судов везде в пристойных местах должны иметь свое явление и турков стеснить, а особливо из-под Дулцына и Антивари, чтобы наши судна крейсеровали, дабы таким образом силы неприятельские разделить и обессилить их действия.

Подписано: митрополит Петр Петрович

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 4, л. 113—114 об. Копия.

¹ Публикуемая записка Петра I Негоша является ответом на письмо Д. Н. Сенявина от 7 (19) января 1807 г., в котором он предлагал объединить усилия для борьбы с турецкими войсками в Герцеговине.

² Французские войска под командованием генерала Лористона вошли в Дубровник 15 (27) мая 1806 г., они представляли потенциальную опасность для русских и черногорских отрядов в случае их предполагаемого вторжения в Герцеговину.

* *Т. е.* — заложников.

Письмо Петра I Негоша Карагеоргию с предложением о совместных боевых действиях черногорских и сербских войск против турок

26 февраля 1807 г. Котор

Пресветлому и высокопревосходительному господину Георгию Петровићу, богом избранному славено-сербскому вождю, так же мудростию всевышнего украшенным Правительствующего совета членам и всем неустрашимого духа храбрым военачальникам и градоначальникам о господе здравствовать и вечною радостью радоватисе.

Быѣте мыслим примили мое два письма, в декабре месяце чрез нарочных отправление, кои су были по тогдашним обстоятельствам писаны ¹. С сада будући Порта Оттоманская више по наговору всеобщих целого света неприятелей французов, неголи по своему обычайному постоянству и злости, высочайшему двору нашему несправедно войну объявила ². Поспешаю вас, любезнейшие витезови, уведомить, что я при помощи божией по согласию доверенной в черногорских делах от особе его императорского величества всероссийского самодержца господина статского советника, кавалера и полномочного в Боки ди Каторо Стефана Андреевича Санковского, не пропусая времени, намерен с частию регулярного войска и с черногорцами вступить в земли неприятельские. Уповаю совершенно, что и с Вашей страны по получении[и] овога моего письма немедленно будет отправлено к нам в сретение неколико войске, дабы мы удобнее могли, при нынешних обстоятельствах, между нашими войскама неприятелей стеснивши, поразать и стениящих под несносным игом варварства любезнейших собратьев наших славян освободить, кои к нами непрестанно день и ночь вопиют. Овое само среѣна згода и врieme благополучно, кое сми свагда у бога просили, соединими дакле сердца наша во единомыслие и совокупили сили наши с силами благочестивого и богом помазанного Александра, да совокуплена будут рассточенная чада славенских негда бывших державах и слава с вольностию и свободом нашим под щитом благословенной России возобновлена, в чем сам бог молитвами и ходатайством србских светителей будет нам помощник. Притом молим Вас, любезна браћо, не оставте меня о Вашем намерении уведомить и будите уверены в благорасположении господина Санковского, что он истинно есть велики приятель и добротвор Ваш и свиех народов славянских. Я сердечно желим, чтобы Вы имели с ним, како и са мною, корреспо[н]денцию. Впрочем, богу Вас и себе препоручавам и свиех любезнейше поздравляюћи, навеки остаем. Ваш брат и свакога доброжелатель

(Подписано) митрополит черногорский Петр Петрович

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 4, л. 138 и об. Копия.

¹ Имеются в виду письма от 29 мая и 1 июля 1806 г., в которых вожди повстанцев призвали митрополита Петра I Негоша к заключению союза и ведению совместной борьбы против Османской империи.

² О положении Черногории в этот период см.: Вуксан Д. Петар Петровић Његош и његово доба. Цетиње: Народна књига, 1951; Достян И. С. Россия и балканский восток, с. 42—62, 63—79.

Письмо Карагеоргия и Правительствующего совета сербского И. И. Михельсону о направлении сербских депутатов к нему и о продвижении сербских войск на соединение с русской армией

6 марта 1807 г. Смедерево

Ваше высокопревосходительство, нам милостивый государь! Ваше утешительное нам писание от 11 февраля сего лета ¹ мы восприяли и со особою радостью и высокопочитанием увидели из того, коль Вы о избавлении своих единовверных и единоплеменных печетесь. Мы тому всегда твердо надеялись и душою радуемся, что уже сей час приспел, понеже крепкая десница Александра великого Сербию подняти и возвисити умилилась.

О успеху российский оружия непреодолемого, о победах над гордим Бонапартом, о завоеванных в Молдавии и Валахии крепостях мы уже извещени и сорадуемся Вам, яко подобает всему славенскому племени о счастливом напредце братии своих сорадоватися.

Вы нас в дружбу и в содействие против насильного тирянства врагов христианского имене позываете, о чем мы вас всегда просили и всеблагото творца молили, да вы точно приблизитесь к нам. На вашу бо непобедимую мышцу всегда ми счастье наше возлагали и в бедностях прегорких скорим пришествием вашим утешались и креплялись.

Мы и первое писание Ваше от 24 января ² ныне точно получили, еже Вы г. Миленку Стойковичу, коменданту поречному с 5-ю тысячами червонных от щедроти самодержца всероссийского чрез знакомого посланца Миленкова в пользу народа нашего прислати благоволисте, о чем мы наблюдением премудрых советов Ваших и нещадением крови наша за славу славян благодарственное сердце наше показать потщимся.

Тем мы получивши сию пожеланую прилику ко избавлению христианства, воздвигли уже всю страну, под командою г. Миленка стоящу, и та уже приближается к границе для утеснения Видина и соединения с воинами, под Вашим предводительством обретающимися. И присилаем к Вам для твердого заключения за общее содействие сия три человека, членн Правительствующего совета народня, от коих Вы за все и за вся у нас вернейше и подробнейше уведомитися будете.

С тим мы честь имеем со искреностию и высокопочитанием пребыти вашего высокопревосходительства, нам милостивый государь, покорнейший слуга

Черный Георгие Петрович,
верховный комендант, и Правительствующий совет сербский

[Печать]

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 139 об.—140.

Подлинник. Печать Правительствующего совета сербского. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 473—474.

¹ Письмо И. И. Михельсона к сербам от 11 февраля 1807 г. в архивах не обнаружено.

² Письмо И. И. Михельсона Карагеоргию от 24 января 1807 г. опубликовано в кн.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 473.

№ 202

Полномочие, данное Правительствующим советом сербским депутатам П. Новаковичу, А. Лукичу и И. Гагичу на представительство интересов сербов при главнокомандующем Молдавской армией

6 марта 1807 г. Смедерево

Мы, Кара Георгие Петрович, верховный комендант, Правительствующий совет, кнезovi и воиводе сербский, собравши се у едино и рассуждаваючи о благосостоянию церкви благочестиве и народа нашего, за благо судили есмо; да вслед писама они, коя су нама от предводителя российских войск у Молдавии у Валахии государя Михелзона по желаню нашем на учреждение великого Александра, всероссийского самодержца, писана, от наше стране неке люде к нима ради соединения и уговора за общее содействие пошлемо. Тако мы, кои смо свагда на единоверну и единоплеменну братию нашу уповали, по захтеваню ни[х]овому, ова три човека: г. капетана Петра Новакович Чардаклию, г. Авраама Лукич и г. Еремию Гагич — члени Совета народня нашего, посилаем ко высокопревосходителном государю Михелзону, командующему войск российских в Молдавии и Валахии, и даем им полну власт желания наша изяснити, и све, что за счастье и напредование Сербии и благочестивого христианства обрете се, уговорити, вязати и устроить, по инштрукции им даной, и тако завещавамо, да мы све что ови посланицы наши уговоре, уежу, и устрое, хранити, бранити и со всем наблюдати хоѐмо.

Писано у Смедереву 6 марта 1807 года

Черный Георгие Петрович, верховный комендант и Совет правительствующий сербский

[Печать]

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 138 и об. Подлинник. Печать Правительствующего совета сербского. Опубл.: Преи српски устанак. . . , књ. 1, с. 256, док. № 209.

№ 203

Отношение С. А. Санковского командиру русского отряда И. И. Исаеву с изложением плана военных действий черногорских и русских войск в Герцеговине и соединения их с сербами

№ 11

4 марта 1807 г. Каттаро

Mon général! En vertu des ordres dont il a plu à v. ex. de m'honorer à prendre les arrangements nécessaires pour effectuer la réunion avec l'armée servienne¹, j'ai dû me concerter avec le mitropolit de Monténégro et lui confier à cet égard les intentions de notre auguste cour; il les accueillit avec cet enthousiasme qui le caractérise, lorsqu'il s'agit du bien du service de s. m. et d'être le coopérateur de la délivrance de la nation slavoservienne, gémissante sous le joug des Turcs. A cette fin il m'a communiqué le plan² que nous avons à exécuter pour réussir dans cette importante entreprise, lequel j'ai l'honneur de porter ici à la connaissance de v. ex. Mais comme dans une affaire aussi essentielle il fallait également connaître les sentiments des commandants de nos forces de terre et de mer aux Bouches de Cattaro³, j'ai prié le mitropolit de m'accompagner à Castelnuovo pour assister à une conférence, qu'il m'était indispensable d'avoir avec ces officiers sur cet objet. Cette conférence ayant eu lieu, je leur ai déclaré

la volonté suprême et leur ai exposé la nécessité absolue de prévenir les Turcs, en ouvrant la campagne contre eux le plus tôt possible, puisque non seulement avant notre apparition sur le territoire de l'Herzégovinie, nous ne pouvons nous flatter de soulever la nation en notre faveur, mais encore les Turcs ne manqueront pas de profiter de notre inaction pour s'assurer forcément de la fidélité des chrétiens, soit en les désarmant, soit en prenant des otages. Par conséquent le succès de nos opérations dépend davantage de notre célérité à agir, que de la confiance que nous devons placer sur le secours des Serviens. Sans cette célérité notre position devient très critique dans cette contrée, puisque les chrétiens, en concevant une idée désavantageuse de nos forces et de nos moyens, seraient obligés de respecter la volonté de nos ennemis et même par crainte se ranger de leur côté pour nous combattre, ne voyant pas d'autres ressources d'éviter leur totale destruction de la part de leur oppresseurs, dont ils ont déjà éprouvé dans tant d'occasion la fureur et la cruauté. Le colonel de Kniper, ainsi que le chevalier de Baratinsky, étant entré dans mes sentiments, me déclarèrent qu'ils étaient tout prêts d'agir, mais que les neiges, la saison rigide, comme également la difficulté de se procurer des fourrages pour les transports des vivres, devenaient autant d'obstacles aux opérations militaires dans ces contrées. C'est pourquoi leur opinion était de n'ouvrir la campagne que lorsqu'on serait bien assuré des moyens pour des transports des munitions de bouche et de guerre. Au reste, il a été décidé, que dans cette opération militaire on destinerait un corps de mille chasseurs avec quatre pièces d'artillerie. Ces gens étant les plus capables pour la guerre des montagnes et dont on pouvait maintenant se priver, puisque pour la défense des forteresses on avait assez du restant des troupes de ligne, et même au cas de grande nécessité, on pouvait encore détacher quelques compagnies, qui seraient remplacées par les garnisons de deux vaisseaux de ligne qui sont à Castelnovo.

Ayant ensuite discuté la proposition du mitropolite d'avoir des troupes de ligne sur les frontières de l'Albanie turque, parce que jusqu'à ce moment on ignorait les véritables intentions du visir de Scutari. On tomba d'accord de ne pas diviser nos forces à l'égard des soldats, mais de confier uniquement aux troupes irrégulières la défense de cette frontière qui seraient soutenues par les corsaires sur la plage de Pastrovitch et épaulé par la forteresse de Budua qu'on a commencée à mettre en état de défense. Supposé cependant le cas, que le visir de Scutari voulût attaquer cette province, il aurait été d'une utilité majeure d'employer nos forces maritimes contre Dulcinio et Durazzo et faire mine d'attaquer Antivari, ce qui n'aurait pas manqué de l'intimider et le faire désister de son projet. Mais comme, selon la déclaration du chevalier Baratinsky, des six vaisseaux de guerre laissés pour la défense de Cattaro, il n'y a que deux bricks en état dans cette saison de tenir la mer, ainsi une pareille démonstration deviendrait aujourd'hui plus nuisible pour nous, qu'elle ne serait avantageuse. Il fallait donc abandonner tout projet de réduire le visir par la force, mais se borner à faire tout son possible pour maintenir avec lui le bon voisinage, sans faire semblant que nous le redoutons, et en évitant de lui donner des motifs de se méfier de nos intentions. C'est en me fondant sur ces principes, que j'ai fait désister le mitropolite de son projet de faire filer nos troupes par le Monténégro pour se réunir à Ostrog avec la masse, et de là aller attaquer la forteresse de Nikchitz. Car outre que cette marche des troupes aurait infailliblement provoqué quelques mesures extraordinaires de la part du visir de Scutari, qui n'aurait pas pu voir avec indifférence nos chasseurs s'acheminer vers la principauté de Zetta, mais encore nous aurions immanquablement

souffert une pénurie affreuse dans les approvisionnements, n'ayant pas sur ce chemin les moyens de se pourvoir des transports nécessaires.

D'après donc toutes ces considérations, il fut arrêté de rassembler d'ici dans quinze jours les troupes irrégulières à Cattaro, comme si le dessein était de les faire passer à Castelnuovo. Mais dans le fait on marcherait sur Risano, où se réunissant avec le corps des chasseurs, on entrerait par Hrahovo et Bagnani (endroits de fourrage) dans le cadiluck de Nickchitz, tandis que dans le même instant les Berdiens ensemble avec les Moratihis, Drobnicks et Piovis couperaient la communication de la forteresse de Nickchitz avec le reste de l'Herzégovinie. Pendant ce temps nos troupes de Castelnuovo doivent ensemble avec la masse, qui s'y trouve déjà sur les frontières, avancer sur le chemin de Trebigne, et par cette fausse manœuvre soulever les chrétiens de ce cadiluck, intriguer et embarrasser les Français à donner des secours, où serait dirigé notre véritable et principale attaque. Après la prise de Nickchitz on y laisserait une garnison de 200 hommes, et avec toutes les forces on tâcherait de se faire jour à travers de l'Herzégovinie, pénétrer à Novi Bazar et effectuer alors la réunion avec les Serviens.

J'ai l'honneur de transmettre ici très respectueusement à v. ex. les dépêches que j'adresse en date d'aujourd'hui à M. l'ambassadeur comte de Razoumoffsky.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon général, de votre excellence le très humble et le très obéissant serviteur

Etienne de Sancowsky

Помета: Получено в Бартенштейне апреля 19-го дня 1807 г.
АВПР, ф. ГА 1-5, 1805 г., д. 1, н. 4, л. 111—112 об. Автограф.

Перевод

Генерал! В силу распоряжений, которыми соблаговолили почтить меня ваше превосходительство, о принятии необходимых мер в целях осуществления соединения с сербской армией¹, я должен был условиться с митрополитом Черногории и раскрыть ему по этому поводу намерения нашего августейшего двора. Он воспринял их с присутствием ему энтузиазмом, поскольку речь идет об услуге его величеству и о том, чтобы стать участником освобождения славянско-сербской нации, томнящейся под игом турок. В этих целях он сообщил мне план², который нам надлежит осуществить, чтобы добиться успеха в этом важном предприятии, о чем имею честь довести до сведения вашего превосходительства. Но поскольку в таком существенном деле равным образом следовало бы знать мнения командующих нашими сухопутными и морскими силами в Боке Которской³, я просил митрополита сопровождать меня в Кастельнуово, чтобы принять участие в совещании с этими офицерами, которое мне было необходимо провести по этому поводу. Когда собрались на совещание, я изложил им высочайшую волю и объяснил абсолютную необходимость упредить турок, начав возможно скорее кампанию против них, так как мы не только не можем льстить себя надеждой на восстание этой нации в нашу пользу до нашего появления на территории Герцеговины, но, более того, турки не замедлят воспользоваться нашим бездействием, чтобы насильем обеспечить себе верность христиан, либо разоружив их, либо взяв заложников. Поэтому успех наших операций зависит скорее от быстроты наших действий, чем от уверенности, которую мы должны питать в смысле получения помощи от сербов. Без такой быстроты наше положение в этой стране станет весьма критическим, поскольку христиане, составив неблагоприятное представление о наших силах и средствах, будут вынуждены считаться с волей наших противников, и даже вследствие страха перейти на их сторону, чтобы сражаться против нас, поскольку не видели бы иной возможности избежать полного истребления угнетателями, ярость и жестокость которых они уже неоднократно испытали. Подковник Кишпер, а также кавалер Баратынский, поняв мои соображения, заявили, что готовы действовать, но что снег, суровое время, равно как трудности с обеспечением фуражом для перевозки провианта, превращаются в препятствия для военных операций в здешних краях. Поэтому они считают, что кампанию можно открыть лишь тогда, когда будут обеспечены средства перевозки провианта и боеприпасов. В остальном было решено, что для этой военной операции будет выделен корпус в тысячу стрелков с 4 пушками. Эти люди наиболее пригодны для войны в горах и их можно отделить,

ибо для обороны крепостей достаточно остающихся линейных войск и даже в случае большой необходимости можно было бы выделить несколько рот, которые были бы замещены экипажами с двух линейных кораблей, находящихся в Кастельнуово.

После этого было обсуждено предложение митрополита о том, чтобы разместить линейные войска на границах турецкой Албании, ибо до настоящего времени неизвестны действительные намерения визиря Скутари. Пришли к соглашению не дробить наши силы в том, что касается солдат, а полностью доверить оборону этой границы иррегулярным войскам, которые будут поддержаны корсарами на побережье Паштровичи и подкреплены крепостью Будва, которую начали приводить в состояние обороны.

Если предположить, однако, что визирь Скутари захотел бы напасть на эту провинцию, то тогда больше смысла имело бы использование наших морских сил против Дульчино и Дураццо и для ложного маневра против Антивари, что не преминуло бы напугать визиря и заставить отказаться от такого замысла. Но поскольку, согласно заявлению кавалера Баратынского, из 6 военных кораблей, оставленных для обороны Каттаро, лишь 2 брига могут выйти в море в это время года, то подобная демонстрация стала бы скорее вредной, чем выгодной для нас. Пришлось поэтому отказаться от всяких планов насильственного давления на визиря и ограничиться осуществлением всего возможного, чтобы поддерживать с ним добрососедские отношения, не показывая ему, что мы не доверяем ему, и избегая давать ему повод для подозрений в отношении наших намерений. Основываясь на этих принципах, я убедил митрополита отказаться от его плана провести наши войска через Черногорию, чтобы соединиться в Остроге с народом и оттуда атаковать крепость Никшич. Помимо того, что такой поход войск, несомненно, вызвал бы чрезвычайные меры со стороны визиря Скутари, который не мог бы безучастно взирать, как наши стрелки двинутся к комитату Зета, по еще мы наверняка испытали бы страшную нехватку в снабжении, не имея на своем пути средств для обеспечения необходимых перевозок.

В соответствии со всеми этими соображениями было решено в течение 15 дней собрать иррегулярные войска в Каттаро, якобы для осуществления плана переброски их в Кастельнуово. Но на самом деле будет совершен переход в Ризано, где, соединившись с корпусом стрелков, войска вступят через Грахово и Баньяни (места фуражировки) в кадилук Никшич, тогда как в то же время брдяне вместе с морачами, дробняками и пивлянами перережут коммуникации крепости Никшич с остальной Герцеговиной. Тем временем наши войска в Кастельнуово должны вместе с людьми, которые уже находятся на границе, двинуться по дороге в Требинье и таким ложным маневром поднять христиан этого кадилука, сбить с толку и помешать французам оказать поддержку там, куда будет направлено наше настоящее и основное наступление. После взятия Никшича там будет оставлен гарнизон в 200 человек, а со всеми остальными войсками постараются пройти Герцеговину, проникнуть в Нови Базар и осуществить там соединение с сербами.

Имею честь переслать при сем с глубоким уважением к вашему превосходительству депеши, сегодня отправленные г. послу графу Разумовскому.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства низжайший и покорнейший слуга

Степан Сапковский

¹ В депеше МИД от 8 января 1807 г. С. А. Сапковскому предписывалось употребить все способы, чтобы войти в сношение с главнокомандующим Дунайской армией И. И. Михельсоном и согласовать свои дальнейшие действия с ним. Перед И. И. Михельсоном в свою очередь была поставлена задача обеспечить свободное соединение правого крыла русской армии с сербами и через их посредство установить связь с Герцеговиной, Черногорией и с эскадрой Д. Н. Сенявина (см. коммент. 1 к док. № 196).

² В донесениях от 9 марта 1807 г. И. И. Михельсону и А. Я. Будбергу С. А. Сапковский сообщал о своем намерении соединиться с «войском славяно-сербским», обращая особое внимание на желание герцеговинцев освободиться от османского ига с помощью России, и благодарил за получение разрешения от И. И. Михельсона, подтвержденного санкцией Александра I на взятие герцеговинской крепости Никшич (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 4, л. 1—7, 119—126, 139, 145—145 об.; АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1885, л. 11—15).

³ См. док. № 199 от 23 февраля 1807 г.: Записка Петра I Негоша с планом военных действий черногорских войск против войск Османской империи в Герцеговине.

⁴ В отсутствие вице-адмирала Д. Н. Сенявина командование морскими силами на Адриатике было поручено капитану Баратынскому, сухопутными войсками в Бокче-Которской командовал полковник Ф. Книшпер.

*Письмо белградского митрополита Леонтия К. Ипсиланти
о взятии сербами Белграда и с просьбой об оказании им военной
и финансовой помощи*¹

9 марта 1807 г. Белград

Mon prince! M. le kloutzar Manolaki étant arrivé ici et ayant conféré particulièrement avec moi deux et trois fois, m'a communiqué que le seul motif de sa mission en Servie était de me faire connaître parfaitement la haute volonté et la résolution impériale de s. m. l'empereur de toutes les Russies, Alexandre 1-er, notre très auguste et très gracieux souverain, dont les armées soient invincibles à jamais et triomphantes contre ses ennemis, ainsi que son zèle impériale et très chrétien de délivrer, par l'aide de dieu, la nation des chrétiens du joug pesant de la servitude et de l'esclavage des infidèles.

Pour prouver clairement et mettre en œuvre l'ardeur de mon penchant et l'empressement le plus vif que j'ai toujours regardé comme le devoir le plus sacré d'un chrétien, pour offrir entièrement mon service très fidèle envers s. m., ainsi qu'à v. a., malgré toutes les difficultés que j'avais à surmonter, vu que dans le même temps il y avait un homme envoyé tout exprès de la part de la Porte Ottomane, pour engager les Serviens, soit par ses conseils, soit par la promesse des plus grands privilèges et des grâces les plus insignes à rentrer dans leur ancienne obéissance et rester d'ici en avant ses sujets, malgré tout cela, je n'ai pas manqué de me servir de tout moyen, de faire le tout agir, en devenant le médiateur pour renverser des dispositions et des idées et faire renaître dans leur cœur ce zèle et cette ardeur pour la vraie foi, pour laquelle ils devaient tous indispensablement se soulever et faire cause commune; je leur ai mis sous les yeux les oppressions et le torrent de malheurs qui les submergeait depuis tant d'années, et qu'enfin le moment de leur délivrance est arrivé, si seulement ils le voulaient.

C'est ainsi, mon prince, qu'ayant prêté la plus parfaite obéissance à mes discours, assistés par la puissance divine, leur zèle et empressement réveillés de plus en plus, ils se sont emparés de la citadelle². Ils en ont massacré le commandant, ainsi que tous les autres habitants musulmans, dont les femmes et enfants se sont rendus à notre sainte religion en se faisant baptiser aussitôt. Portés par le zèle le plus ardent, ils vont à présent d'eux-mêmes, sans la moindre instigation de quelqu'un, en avant, sous la direction très louable et le commandement valeureux du général-en-chef Cara Géorge Petrovitz.

Une seule circonstance, cependant, leur cause en général assez de relâchement et les fait presque tomber en faiblesse: c'est qu'ils souffrent beaucoup du manque total des vivres, privés tout à fait, sans parler du reste, jusqu'à leur nourriture quotidienne. Ce malheur est particulièrement sensible aux chrétiens transportés ici de différentes provinces. Toutefois on pourra y remédier, si s. ex. le général, commandant en chef de Michelson descendait de concert avec v. a. à faire descendre une partie de ses troupes vers les rives du Danube. Nos Serviens, qui sont prêts à les joindre, ne manqueront point alors de se saisir du passage de ce fleuve, et même animés d'une parfaite ardeur, ils s'étendront encore beaucoup plus loin. Car nous avons tout le monde disposé pour nous, mais il nous manque tout ce dont nous avons le plus besoin, comme, par exemple, des fusils et des munitions de guerre. Si cette jonction, ainsi que le secours en tout ce qu'il nous faut, ne s'effectue pas, aucune de nos entreprises ne pourra réussir. C'est pourquoi

il est de la plus stricte nécessité non seulement que ces deux armées se joignent, mais aussi qu'on nous fasse en même temps un secours pécuniaire, ainsi que les Serviens l'exposent particulièrement dans la lettre qu'ils adressent à s. ex. le général-en-chef de Michelson sur tous ces sujets³.

Je me flatte, mon prince, que v. a. sérénissime voudra bien non seulement prêter l'oreille à cette instante et fervente prière que nous lui adressons, mais qu'elle m'honorera particulièrement de sa haute bienveillance, et même qu'elle me recommandera auprès de s. ex. le général de Michelson, en me procurant aussi sa faveur, et en lui présentant mes très humbles respects, ainsi que mes vœux ardents, que je ne cesse de former au ciel pour sa gloire.

Je supplie v. a. de m'honorer d'une réponse de sa part, ainsi que de ses ordres en tout ce qui dépend de moi.

J'ai l'honneur d'être avec un très profond respect, mon prince, de votre altesse sérénissime le très humble et très obéissant serviteur

Léonce, archevêque de Belgrade

*Помета: Pour traduction conforme à l'original. Constantin Ypsilanti *.
АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1911, л. 29—30 об. Копия. Пер. с сербск. яз.*

Перевод

Князь! Г-н ключарь Манолаки, прибыв сюда и доверительно переговорив два или три раза со мной, уведомил меня, что единственной целью его миссии в Сербию было полностью довести до моего сведения высочайшую волю и полную решимость его величества императора всея Руси Александра I, нашего августейшего и милостивейшего государя, чьи армии непобедимы во веки веков и торжествуют над противниками, и его намерение как императора и христианина с помощью господ бога освободить христианские народы от тяжелого ига угнетения и порабощения неверными.

Дабы ясно доказать и на деле претворить мою горячую приверженность и большое усердие, которые я всегда рассматривал, как священнейший долг христианина; всецело предложить мою преданнейшую службу его величеству, равно как и вашему высочеству, вопреки всем трудностям, которые пужно было бы преодолеть, поскольку в то же самое время сюда был преднамеренно подослан человек от Оттоманской Порты с целью склонить сербов советами или обещаниями самых больших привилегий и почетных милостей вернуться к прежнему послушанию и впредь оставаться ее подданными, — вопреки всему этому, я использовал все средства, привел все в действие для того, чтобы, став посредником, переменить их умонастроения и возродить в их сердцах рвение и пыл истинной веры, ради которой они как один должны восстать и бороться за общее дело. Я обратил их внимание на угнетение и поток бедствий, затоплявший их столько лет, а также на то, что наступил, наконец, час избавления, если только они того пожелают.

Таким образом, князь, проявляя самое полное внимание к моим речам, подкрепленным божественным провидением, они возродили в себе все большее и большее рвение и пыл и захватили цитадель.² Они убили командующего цитаделью, а также всех других мусульманских жителей, жены и дети которых отделились нашей святой религии и были тут же крещены. Озаренные самым горячим рвением, сербы идут сейчас вперед, без какого-либо подстрекательства, под достойным похвалы руководством и доблестным командованием генерал-аншефа Карагеоргия Петровича.

Единственное обстоятельство вынуждает их, однако, в целом к сдержанности и почти доводит их до истощения — это то, что они весьма страдают от общей нехватки продовольствия, лишённые каждодневного пропитания, не говоря уже об остальном. Такое бедствие особенно чувствительно для христиан, переведенных сюда из других провинций. Тем не менее, положение можно было бы поправить, если бы его превосходительство главнокомандующий генерал Михельсон соизволил бы, по согласованию с вашим высочеством, направить часть своих войск к берегам Дуная. Наши сербы, готовые к ним присоединиться, не преминут захватить переправу по этой реке, и, воодушевленные благородным пылом, они углубятся еще дальше. Весь мир настроен в нашу пользу, по нам не хватает всего того, в чем мы более всего нуждаемся, как, например, ружей и боеприпасов. Если такое соединение, равно как и подкрепление всем необходимым, не будет осуществлено, ни одно из наших предприятий не сможет стать успешным. Поэтому крайне необходимо не только, чтобы соединились эти две армии, но

* Перевод соответствует оригиналу. Константин Ипсиланти (франц.).

чтобы одновременно вам была оказана финансовая помощь, о чем сербы сообщили, в частности, в письме, обращенном к его превосходительству генерал-аншефу Михельсону по всем этим вопросам³.

Я льщу себя надеждой, князь, что ваша светлость соблаговолите не только обратить внимание на обращенную к Вам нашу настоятельную и горячую просьбу, но и почтите меня своим высоким благорасположением и порекомендуете меня его превосходительству генералу Михельсону, обеспечив мне таким образом его благоволение и представив ему мое нижайшее почтение и мои горячие пожелания, которые непрестанно возношу к небесам во имя его славы.

Прошу ваше высочество почтить меня своим ответом и своими распоряжениями в отношении того, что от меня зависит.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, князь, вашего высочества нижайший и покорнейший слуга

Леонтий, митрополит белградский

¹ Письмо К. Ипсиланти А. Я. Будбергу датировано 29 марта 1807 г., а не 26, как указано в переводе. Согласно просьбе митрополита Леонтия К. Ипсиланти добавлял от себя, «что белградский митрополит, питая к сербам уважение и доверие, ожидает от Александра I получения, по примеру черногорского митрополита, какого-либо отличия».

² Речь идет о взятии сербскими повстанцами Белградской крепости. Подробнее см. коммент. к док. № 190.

³ См. док. № 201, 202, 221.

№ 205

Экстракт из инструкции МИД полковнику К. О. Поццо ди Борго о ведении переговоров по заключению предварительного мирного договора с Турцией

Не ранее 12 марта 1807 г.*

Lorsque vous en serez là, vous proposerez les articles préliminaires que je joins ici en projet, et vous n'omettez rien pour engager le ministère turc à y souscrire¹. Mais comme il est d'autant plus essentiel de prévoir toutes les difficultés, qui peuvent se présenter, que l'éloignement et la difficulté des communications ne nous laisseront guère la faculté de vous transmettre des instructions pour chaque cas isolé, je ne puis me dispenser de vous faire connaître les différents degrés de déviation que vous pourrez vous permettre du sens littéral des différents articles préliminaires.

Le 1er article étant la base de tout le reste et étant d'ailleurs d'une convenance réciproque, ne semble être susceptible d'aucun changement ni modification et devra donc rester tel qu'il est.

Le 2ème article regarde l'expulsion des Français de la Dalmatie etc.

Nul doute que si la Porte voulait enfin ouvrir les yeux sur l'abîme qui la menace, elle n'hésiterait pas un instant à entrer pleinement dans nos vues. Mais comme nous ne saurions nous flatter d'opérer une révolution aussi subite et aussi totale, on pourra se borner à obtenir qu'elle emploie ses bons offices à contribuer à l'évacuation de ce pays par les Français, sans que pour cela elle se constitue en état de guerre avec eux. Il s'entend de soi-même qu'en attendant le Divan ne mettra aucun obstacle aux opérations des troupes russes dans cette contrée, et nous nous obligerions par contre à ne point la garder pour nous et à en régler le sort futur d'un commun accord avec la Sublime Porte.

L'article 3ème devra être préalablement discuté entre vous et M. Arbutnot, soit que vous trouviez cet ambassadeur dans l'archipel, soit qu'il fût déjà retourné à son poste. Ce sera à lui à déterminer définitivement le plus

* Дата полного текста инструкции.

ou moins d'insistance que vous aurez à mettre sur ce point comme une condition *sine qua non* par quelque motif plausible que se soit, vous êtes autorisé à vous en désister en cas d'opposition de la part du plénipotentiaire turc.

Le 4ème article concerne les sûretés que nous désirons avoir de la sincérité de la Porte.

Ce point est particulièrement susceptible de modifications qui devront se régler sur les circonstances du moment. L'intention de l'empereur n'est très positivement que de pouvoir compter avec quelque certitude sur la constance de la Porte dans le système qu'il nous convient qu'elle suive, et si ce but peut être rempli par tout autre moyen que celui indiqué dans l'article en question, cela nous serait absolument indifférent, parce que s. m. i. n'a assurément aucun intérêt particulier à garder les forteresses de Hotyn et de Bender. Il serait même essentiel de faire tout ce qui sera possible pour convaincre la Porte, qu'il n'entre absolument pas dans nos vues de nous étendre à ses dépens ou de vouloir contribuer à l'affaiblir, et si par exemple la Porte se décidait à renvoyer Sebastiani et tous les Français, établis dans l'empire Ottoman, il n'y aurait aucun inconvénient à substituer cette clause à celle énoncée dans le projet et il en est de même à l'égard de telle autre que pour le même effet vous jugerez équivalente.

Le 5ème article a trait à la Servie.

L'intérêt particulier que nous devons prendre à cette nation, tant sous le rapport de la conformité de religion que pour ne point tromper la confiance et le dévouement particulier qu'elle nous a toujours témoigné, ne saurait nous permettre de l'abandonner totalement à la direction d'un gouvernement d'autant plus terrible qu'il est faible, complètement désorganisé, et que par conséquent il ne mettrait aucunes bornes à sa haine, si vous trouviez une trop grande opposition à souscrire pleinement à cet article, et qu'en même temps vous pouviez imaginer quelque expédient capable de ne point totalement sacrifier ces braves Serviens, vous pourriez encore vous relâcher sur ce point, de manière toutefois que nous puissions conserver avec ce peuple intéressant un lien quelconque, au moyen duquel nous puissions de nouveau compter sur lui, si jamais les circonstances le rendaient nécessaire.

Le 6ème article est relatif aux provinces de Moldavie et de Vallachie.

Nos prétentions à cet égard sont trop justes et trop autorisées par tous nos traités avec la Sublime Porte, pour pouvoir être contestées. Il n'y a que dernier paragraphe de cet article, sur lequel la Porte pourrait en quelque sorte se récrier, et dans ce cas vous êtes autorisé soit à réduire le nombre de 4 à 5 mille hommes de troupes, que nous désirons que l'hospodar puisse entretenir, à 3,2 mille et même 1 500, soit à stipuler telle autre clause, capable de remplir le même but, qui effectivement n'est point indifférent, puisque les dernières années ont fourni plus d'un exemple d'invasions effectuées par les Turcs de l'autre plus aisément pu ravager les plus riches parties de cette province, qu'ils n'avaient aucune opposition à craindre. En exposant donc au plénipotentiaire turc, que pour prévenir dorénavant ces désordres, que la cour impériale ne saurait à la longue voir d'un œil indifférent, la Porte même serait intéressée à y remédier, il semble qu'elle ne saurait trouver de raison plausible pour se refuser, du moins en partie, au dispositif du dernier paragraphe de cet article.

С подлинным верно
Коллежский советник Петр Шелепин

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1885, л. 80—83. Заверенная копия.

Когда Вы будете там, Вы предложите прелиминарные статьи, проект которых я к сему прилагаю, и Вы не упустите ничего, чтобы побудить турецкое правительство согласиться с ними¹. Но поскольку еще существеннее предусмотреть все трудности, могущие возникнуть из-за отдаленности и сложности в связи, что не даст нам возможность пересылать Вам инструкции в каждом отдельном случае, то я не могу не довести до Вашего сведения различную степень уступок, которые Вы можете себе позволить в толковании прелиминарных статей.

Статья 1, являясь основой всего остального и будучи к тому же подходящей для обеих сторон, не нуждается в каком-либо изменении или модификации и, следовательно, должна оставаться такой, какая она есть.

Статья 2 касается изгнания французов из Далмации и т. п.

Несомненно, что если бы Порта пожелала в конце концов открыть глаза на развращенную перед ней пропасть, она ни на мгновение не поколебалась бы полностью разделить наши взгляды. Но поскольку мы не льстим себя надеждой осуществить столь быстрый и столь полный переворот, можно было бы ограничиться обязательством, что она окажет добрые услуги, дабы содействовать эвакуации французов из этой страны без того, чтобы ради этого она оказалась бы в состоянии войны с ними. Само собой разумеется, что тем временем Диван не будет создавать каких-либо препятствий для операций русских войск в этой стране и мы со своей стороны примем обязательство не удерживать эту страну за собой и регулировать ее будущую судьбу по взаимному согласию с Блистательной Портой.

Статья 3 должна быть предварительно обсуждена между Вами и г. Арбутнотом или при встрече с послом на Архипелаге или здесь, если он уже вернулся к своим обязанностям. От него зависит окончательное определение большей или меньшей настойчивости, которую Вам следует проявить по этому пункту, как *обязательному* условию. Под любым подходящим предлогом Вы уполномочены не настаивать на нем в случае возражений со стороны турецкого представителя.

Статья 4 касается гарантий, которые мы желаем иметь относительно искренности Порты.

Этот пункт особенно подходит для модификаций, которые должны определяться в зависимости от текущих обстоятельств. В намерения императора входит совершенно определенно рассчитывать на постоянство Порты в следовании системе, которая нам удобна, и если эта цель могла бы быть достигнута иными средствами, чем указанные в рассматриваемой статье, то для нас это совершенно безразлично, ибо его императорское величество не имеет какой-либо особой заинтересованности в удержании крепостей Хотина и Бендер. Было бы также важно сделать все возможное, чтобы убедить Порту в том, что в наши планы вовсе не входит наше расширение за ее счет или желание способствовать ее ослаблению, и если Порта вдруг решится выслать Себастиани и всех французов, обосновавшихся в Османской империи, то не было бы никакого неудобства в том, чтобы заменить таким положением то, которое изложено в проекте, и так же обстоит дело в отношении любого другого положения, которое по тем же соображениям Вы бы сочли равноценным.

Статья 5 говорит о Сербии.

Особая позиция, которую мы должны занять относительно этой пации, как в отношении единства религии, так и для того, чтобы не обмануть ее особого доверия и преданности, неизменно высказывавшихся нам, не позволяет нам полностью оставить ее под управлением правительства, тем более страшного, что оно является слабым, полностью дезорганизованным и, следовательно, не может сдерживать свою месть. Если Вы встретите слишком большое сопротивление полному принятию этой статьи и вместе с тем сможете придумать какую-либо иную возможность никак не жертвовать доблестными сербами, Вы можете допустить послабление по этому пункту, однако такое, какое позволило бы нам сохранить с этим вызывающим сочувствие народом узы, которые позволили бы нам рассчитывать на него, если бы в силу обстоятельств это стало необходимым.

Статья 6 относится к провинциям Молдавии и Валахии.

Наши претензии по этому пункту слишком справедливы и полностью подкреплены нашими договорами с Блистательной Портой, чтобы могли бы быть поставлены под сомнение. Лишь по последнему параграфу этой статьи Порта могла бы что-либо возразить, и в таком случае Вы уполномочены либо сократить число в 4-5 тыс. человек войск, которым, как мы бы желали, мог располагать господарь, до 2—3 тыс. и даже до 1500 человек, либо договориться о другой статье, которая вела бы к той же цели, что, действительно, совсем не безразлично, так как за последние годы было немало примеров набегов турок, которые тем легче могли опустошать самые богатые части сей провинции, что им не приходилось опасаться какого-либо отпора. Разъяснив турецкому представителю, что отныне в целях предотвращения этих беспорядков, на которые императорский двор более не может взирать безучастно, Порта должна быть сама заинтересо-

вана в изменении этой ситуации; кажется, что она не сможет найти правдоподобного предложения, чтобы отказаться хотя бы частично от положений последнего параграфа этой статьи.

¹ Точной датой полного текста инструкции А. Я. Будберга на имя полковника Поццо ди Борго является 12 марта 1807 г. К инструкции был приложен проект из семи прелиминарных статей, которые должны были стать основой для заключения мира. В 5-й статье указывалось, что Сербия учреждается в качестве вассального княжества, ей предоставляется право свободного выбора князя, утверждаемого султаном. В целях восстановления прежнего «соглашения» России с Портой Поццо ди Борго направлялся для ведения переговоров и заключения прелиминарного договора. Д. Н. Сенин-вину и И. И. Михельсону также предписывалось начать мирные переговоры. 19 марта А. Я. Будбергом была направлена депеша на имя И. И. Михельсона, к которой и прилагались выдержки из инструкции. К Поццо ди Борго инструкция была доставлена 28 марта. Политическая обстановка к этому моменту изменилась: посредничество Англии в переговорах отпало ввиду объявления войны Турцией. В связи с этим Поццо ди Борго в письме от 28 марта запрашивал у А. Я. Будберга дополнительно указания, а по пункту, касающемуся Сербии, — необходимые сведения, которые А. Я. Будберг в состоянии был дать, чтобы Поццо ди Борго эффективнее мог добиваться поставленной цели (ответное донесение К. О. Поццо ди Борго А. Я. Будбергу от 28 марта 1807 г. см.: ВПР, т. III, с. 540—545, док. № 223. Текст предварительных условий договора с Портой см.: ВПР, т. III, с. 738, примеч. № 347; АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1885, л. 77—79; д. 1901, л. 2—16 об., 17—19 об.; д. 1902, л. 2—5 об.; д. 1907, л. 3—4; д. 7914, л. 58—62 об.).

№ 206

Письмо М. Стойковича И. И. Михельсону о получении 5 тыс. червонцев и с просьбою ускорить продвижение русских войск в Сербию¹

13 марта 1807 г. Поречье

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь мой! Ваше высокопочтенное писание от 24 января 1807 г.² вручил мне с 5 тысячами червонцев Вам знакомый посланец * наш, еже я с неизреченною радостью прочел и абие как Совету народню, тако и верховному нашему коменданту и всем воеводам нашим е приобщил. Мы совещаляся междуусобно и потом заключили следующие Вашему милостивому совету сходно и которая я теперь имеем честь вашему высокопревосходительству открыти:

1) Депутацию для уговоров к Вам посылати, которая Вас о всем и за все известити будет.

2) В том нашем совещании определен я тот час поспешити с воинством моим к завоеванию всех сторон низ Дуная до реки Тимока. Для чего прошу ваше высокопревосходительство, чтобы и Вы, по приятии сея вести, ускорили с Вашими силами к Видину и Чернецу приблизитися, во ежебы тогда лучше соединени содействовати и безопаснешую коммуникацию произвести могли. А что нас касается, мы сем теперь, якоже Вы самый себя легко представити можете, со всех сторон от турков угрожени, иже и во-первых нас атаковати будут.

Впрочем, Вашему просмотрению и высокой милости вручаем нас и с отличнейшим уважением, благодарностию и признательностию честь имеем пребыти

вашего высокопревосходительства, милостивого государя

моего покорнейший слуга

Миленко Стойкович, пожеревоцкий и поречкий комендант

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 144 об. Подлинник.

* Тоша Демелич.

¹ Документ использован и частично цитирован в сербском переводе в работе: Вукичевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 474. Однако данное автором пояснение к 1-му пункту неточно: после слова «уговор» Вукичевич произвольно добавляет слово в скобках («о союзе»). Это противоречит существу предписанных депутации полномочий.

² См. коммент. 2 к док. № 197 и 221.

№ 207

Рапорт К. К. Родофиникина И. И. Михельсону об успешных военных действиях сербских войск и наборе волонтеров в отряд майора Пангалоса

22 марта 1807 г.

3 сербские жителя прибыли в Букарест, и все единогласно утверждают, что турки истреблены во всей Сербии и что Шабац сдался сербам. Последний, донесший, что отправленный от вашего высокопревосходительства в Сербию еще в январе [меся]це, прибыл туда благополучно, утверждает, что взята уже и крепость Ужница, после чего один корпус пошел на занятия крепости Сокола, а сам Черный Георгий осаждает Ниссу. Австрийцы присылали на границу свою с Сербиею офицеров для назначения 3 лагерных мест, где расположатся небольшие корпуса. Чтоб удостовериться в сем, я не премину согласно с повелением вашего высокопревосходительства отправить туда завтра же нарочного. Сему поручу разведать равномерно, до какой степени можно верить дошедшим сюда слухам, якобы австрийский двор встревожен успехами сербов и связями нашими с сим народом, вследствие чего всякое сношение с Сербиею прекращено, и так строго смотрят за сим на границе австрийской, что никто в Сербию, как уверяют, проехать не может.

При сем долгом поставлю донести, что майор Пангалос¹ рапортует, что у него уже набрано более 2000 волонтеров, в числе коих идут из Одессы 280 человек, нарочито на флотилии служить желающие. Из прочих 300 человек обмундированы во многом подобно чугуевским казакам, кои и отправлены из Ясс. На дороге к ним присоединятся набранные по оной в разных местах до самого Букареста 300 человек, что и составит 600, кои чрез несколько дней будут все в Букаресте в готовности действовать, остальные же соберутся в Букарест не прежде, как около 10-го числа апреля. Я писал к майору Пангалосу, чтоб поспешил как наискорее марш назначенным для флотилии, а между тем князь Ипсилантий посылает в Голацы 300 человек.

Поелику овес к весне часто подвержен порче, то не благоугодно ли будет повелеть имеющийся в ближайших пунктах границы отпустить заимообразно княжеству Молдавскому, равномерно хлеб в зерне в Хотине, под казенным присмотром имеющийся, которой по рапорту тамошнего коменданта к вашему высокопревосходительству показывается уже портящимся, отпустить княжеству Молдавскому с тем, чтоб нынешним летом количество овса, пшеницы и кукурузы возвратит в наши магазинны таким зерном, какое востребуется, на что князь Ипсилантий не токмо соглашается, но и приемлет таковую меру в пользу земли с особенною признательностию.

Действительный статский советник Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 23, д. 41, л. 1—2. Подлинник.

¹ Н. Пангалос — выходец из Греции, переселившийся в Россию. В начале XIX в. в Херсонской губернии ему принадлежали соляные заводы и два дома, которые оценивались общей стоимостью в 42 тыс. рублей. В конце 1806 г. Н. Пангалос с разрешения

русского правительства заключил договор с валашским господарем князем К. Ипси-ланти о формировании на территории Валахии так называемого «греческого корпуса» в составе 3 тыс. человек, который должен был взаимодействовать с сербскими повстанцами в пределах Малой Валахии, Орсово и в районах Неготинской Краины. Созданный из наспех завербованных людей разных национальностей и дезертиров корпус в конце 1807 г. распался: одна часть его состава разбежалась и занялась грабежом, другая — перешла в лагерь сербских повстанцев.

Признав Н. Пангалосу виновным в развале и грабежах, командование Молдавской армии приняло решение расформировать остатки «греческого корпуса» и запретить Н. Пангалосу дальнейшую деятельность по вербовке людей (АВПР, ф. Канцелярия, д. 7913, л. 62—63. М. А. Милорадович Н. Пангалосу, декабрь 1807 г.; см. также док. № 254).

№ 208

Рапорт К. К. Родофиникина И. И. Михельсону со сведениями о численности и расположении сербских и турецких войск

26 марта 1807 г. Бухарест

Присланного от сербов я спрашивал по повелению вашего высокопревосходительства. Он показывает, что корпус Миленки состоит из 15 тыс. человек. При отъезде его они пошли вдоль по Дунаю к Виддинскому округу, Черный Георгий находится еще в Белграде. Всего войска у сербов 300 тыс. человек. Письмо, привезенное вашему высокопревосходительству, есть от капитана Новаковича, присланный живет на квартире полковника Милорадовича¹.

После сего имею честь донести дошедшее сюда сего дня: каймакам князя Ипсилантия из Крайовы пишет его светлости, что корпус Миленков вступил уже в округу Видинскую, что турки из Крайовы, узнав сие, все отретировались, войска же у сербов всего навсего до 60 тыс. человек по вернейшим сведениям. Черный Георгий пошел к осаждению Ниссы. Турчанки ежедневно крещаются и посягают в замужество за сербов. Капитан Новакович есть единый из депутатов сербских, бывших в С. Петербурге. В Зимнице турков до 4 тыс., сие местечко окопали и поставили 5 пушек. В Туртукае считают до 2 тыс. турок и 4 пушки.

Действительный статский советник Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 23, д. 39, ч. 2, л. 17 и об. Подлинник.

¹ Можно предполагать, что «присланным» является Стефан Ковачевич, привезший, как свидетельствует документ, письмо П. Новаковича И. И. Михельсону. Упомянутое письмо из Пореча датировано 4 марта 1807 г. В нем П. Новакович доверительно рекомендует Стефана Ковачевича как представителя сербов, который располагает нужными сведениями (АВПР, ф. Консульство в Яссах, д. 165, л. 18 и 19; ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, д. 80, ч. 4, св. 27, л. 14).

№ 209

Письмо С. А. Санковского полковнику Ф. Книпперу о задачах военной экспедиции в Герцеговину и с просьбой выслать отряд для участия в ней

31 марта 1807 г.

При вчерашнем моем свидании изволили, милостивый государь мой, вручить мне Ваше письмо¹, в котором Вы изъявляете желание иметь точное сведение о предпринимаемой ныне мною экспедиции против Никшича, с каким предметом к оной приступаю, и действительно ли в том состоит воля государя императора. На таковой Ваш отзыв я должен сослаться здесь на словесное мое объявление при первой моей конференции с Вами в присутствии митрополита черногорского и кавалера Баратын-

ского, где, открыв Вам весь план высочайшего двора касательно до военных операций против Порты Оттоманской, представил также положение Герцеговины, угнетенной турками и не имея довольно отважности встать против своих мучителей, когда мы не вступим в оную с нашими войсками². А хотя герцеговинцев приверженность уже известна высочайшему двору, но со всем тем естли мы не ускорим избавить их от ига турецкого, то тогда они принуждены будут отдать туркам своих аманатов, должны будут уже против своей воли соединиться с нашими неприятелями и воевать против нас. Следственно, всякое отлагательство вступить в Герцеговину, будучи вредно интересам нашего высочайшего двора, а тем более, что, как Вам известно, Зубцы принуждены уже были отдать своих аманатов в Требицье, то я в нынешних обстоятельствах, не имея даже точного предписания от высочайшего двора вступить в Герцеговину, не преминул бы, милостивый государь мой, в силу данного мне полномочия решительным образом требовать от Вас, даже именем государя императора, чтоб Вы отрядили со мною отряд для поднятия герцеговинцев против наших неприятелей и присоединения их к нам. А когда бы таковой мой подвиг не имел никакого успеха, то и тогда, исполнив долг службы моей, совершенно был бы удостоверен, что государь император всемилостивейше апробовал мой поступок, ибо человек не сердцевидец, а может токмо положиться на уверения людей, коих он не должен подозревать изменниками, своих единовверных и единокровных.

С всего вышесказанного Вы можете заметить, милостивый государь мой, что я, не будучи подвластен открывать кому бы то ни было мысли высочайшего двора, ни даже требовать совета, но поступать решительным образом касательно до общего плана военных здесь операций. Невзирая же на все сие, имея к Вам, милостивый государь мой, личное уважение, равно как к кавалеру Баратынскому, почел я себя обязанным согласиться с Вами о намер[ении] положенной экспедиции, имеющей предметом открыть свободное сообщение с Герцеговиною взятием Никшица, а после того по возможности и соединения с Черным Георгием. С изъявлением же к Вам полной моей доверенности я сообщаю здесь в копии полученную мною депешу от министерства от 21 генваря и экстракт с наставления от 8 генваря³.

Касательно же, милостивый государь мой, до Вашего требования, чтоб я известил Вас, буду ли я иметь достаточное число лошадей для транспорта съестных и военных амуниций, то как сия экспедиция против Никшица должна быть секретна, то я не мог требовать лошадей в здешней провинции, но пригласил самых герцеговинцев прислать оных в Грахово и баненов в Ризано, кои меня удостоверили, что будет туда завтешний день прислано всего до ста лошадей. Впрочем, милостивый государь мой, для успеха и производства военных операций в здешних странах, относительно токмо до внутренних распоряжений сей провинции, я намерен назначить военный совет, составленный с майора Езерского, капитан-лейтенанта Снапсарева и майора Александра и сверх того, судя по обстоятельствам, назначить здесь комитет правительства с тем, чтобы они также в оном были члены вместе с другими здешними дворянами, о чем уже я имел честь словесно объяснить с Вами, милостивый государь мой, равно как с кавалером Баратынским. Итак ныне не остается мне, как покорнейше Вас просить приказать майору Езерскому принять на себя такую должность.

С истиннейшим почтением имею честь быть

Подписано: Степан Санковский

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 4, л. 174—175. Копия.

¹ Речь идет о письме Ф. Книппера на имя С. А. Санковского от 30 марта 1807 г., в котором Ф. Книппер, сообщая о подготовке отряда в тысячу человек из состава регулярных войск для вступления в Герцеговину и занятия крепости Никшич, просил С. А. Санковского разъяснить цель этой экспедиции (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 4, л. 173 и об.).

² См. док. № 203.

³ Дешеша МИД на имя С. А. Санковского от 21 января 1807 г. сообщала об официальном объявлении Портой войны России и предлагала приступить к занятию крепости Никшич (АВПР, ф. ГА I-5, д. 1, п. 4, л. 25—26); см. также коммент. 3 к док. № 196).

№ 210

Письмо Манолаки господарю Валахии и Молдавии К. Инциланти со сведениями о поставках провианта сербской армии и о волнениях населения Сремского округа

1 апреля 1807 г. Землин

Monseigneur! Arrivé dans cette ville le 28 du mois passé, je fus le même jour chez le commandant et je lui demandai la permission de passer à Belgrade. Il voulut voir mon passeport pour y observer si cette demande m'était accordée. Mais ayant vu que le général de Peter-Waradin dans son visa n'avait pas écrit le mot «Belgrade», il me répondit que je n'avais point la permission d'y aller. Je lui répliquai alors que mon commerce exigeait absolument que j'y passasse, et que c'était compris dans mon passeport de Buckarest. Enfin, après l'avoir prié instamment de faire de manière que cette permission me fût donnée au plus tôt possible, il me dit, qu'il devait d'abord expédier au général mon passeport par estafette, afin qu'il y mît son visa, et qu'alors je pourrais passer.

Tout cela étant fait, à peine la permission me fût-elle parvenue le 31, que le même jour je passai à Belgrade, où je me suis abouché avec Vladeno * et Stephano **, secrétaire de Tzerni-Géorges, ainsi qu'avec l'archevêque de Belgrade ***. Après leur avoir parlé de manière à les persuader, ils me répondirent qu'une puissance céleste même n'aurait pas le pouvoir d'affaiblir leur dévouement aux intérêts et à la personne de s. m. l'empereur de toutes les Russies. Mais que, faute de pain et de fourrages, les troupes envoyées avec Melenko et qui se trouvent actuellement sur le Timock à quatre heures de Vidin, se voyaient contraintes de retourner sur leurs pas. Quant aux autres troupes, elles sont déjà en pleine marche de tout côté, ainsi que Tzerni-Georges.

Informé, Monseigneur, de cet état des choses, j'ai pris l'archevêque à part, et je lui ai fait comprendre que si, par hasard, ces troupes retournaient en arrière, cela ferait le plus grand tort à s. ex. le général de Michelson, ainsi qu'à v. a. L'archevêque m'a répondu qu'il n'y avait point d'autre parti à prendre, sinon que de tâcher d'y porter le plus prompt remède par l'expédition de 200 000 ocques de farine, et autant d'orge à Poritza et de dépêcher en même temps une estafette à Melenko, pour lui annoncer qu'on lui envoyait toutes les provisions nécessaires et par conséquent, qu'il ne devait nullement penser à retourner. D'après cela, j'ai fait tout ce que j'ai pu pour fournir à ces troupes cent mille ocques de farine et autant d'orge, dont une partie, qui consiste en 30 mille ocques de farine et à une égale

* Предположительно — Младен Милованович.

** Стефан Ефтич.

*** Белградский митрополит Леонтий Ламбрович.

quantité d'orge, est expédiée dans ce jour même à Poritza par le Danube. Le capitaine Novakovitz, connu de M. de Rodofinikin, accompagne aussi Melenko. Il est chargé de passer à Buckarest, aussitôt que ces troupes seraient arrivées à Negotin; j'espère même qu'il y sera rendu dans le moment.

Ces vivres coûtent 32 mille piastres, en comptant la farine à 22 piastres les 100 ocques, tous les frais compris, et l'orge à 16.

V. a. trouvera ci-joint le plan des Serviens¹, par lequel elle connaîtra la grandeur de leurs sentiments. Ils reçoivent des nouvelles de tout côté; ils cherchent des armes. Mais ils ne peuvent pas en trouver, ils m'ont prié de faire connaître leur état à v. a., afin qu'elle pût trouver les moyens de leur procurer au moins vingt mille fusils, qu'ils distribueraient à leurs voisins pour se les attacher. D'abord la Bosnie ne fait que prier tous les jours de lui envoyer des armes et des munitions de guerre. Je leur ai promis qu'ils obtiendraient tout ce qu'ils demandaient, aussitôt qu'ils auraient joint les troupes invincibles de la Russie.

J'espère, Monseigneur, partir d'ici après cinq à six jours, dans lesquels toute la quantité des vivres en question serait totalement remise.

Partout ici le soulèvement se fait presque sentir, il y a plus de vingt villages de Sirmia, dont les habitants grands et petits sont sous les armes. Ce n'est pas, cependant; contre s. m. l'empereur d'Autriche qu'ils se sont soulevés; mais seulement contre leurs propriétaires, à qui ils demandent d'être soulagés, ne pouvant plus soutenir les tributs qu'ils leur imposent². Cet endroit est éloigné de quatre heures de Semlin. Le général de Peter-Waradin vient d'arriver à ce sujet, ayant avec lui l'archevêque et deux régiments. Aussitôt que les habitants de ces villages en ont été avertis, ils se sont rassemblés pour les battre. Mais bientôt l'archevêque, s'étant offert pour médiateur, les a tranquilisés. Ils demandent à présent à l'empereur que s. m. leur détermine par écrit ce qu'ils auront à payer par an à leurs propriétaires, si elle veut qu'ils restent tranquilles, ils viennent même d'envoyer à s. m. des suppliques sur ce sujet. Ces villages sont dans la plus grande partie habités par des Serviens et des Hongrois.

A mon retour à Buckarest j'apporterai avec moi la réponse de l'archevêque de Belgrade³, ainsi que celle de Vladeno⁴. En attendant je supplie v. a. sérénissime d'ordonner que ma lettre de charge soit payée sans le moindre délai, afin que je ne perde pas mon crédit.

M. Dosithée* attend ici à Semlin la permission de passer à Belgrade, qui ne lui a pas été donnée jusqu'à ce jour.

Je suis. . .

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1911, л. 37—38 об. Копия. Пер. с сербск. яз.

Перевод

Ваше высочество! Прибыв в этот город 28-го числа прошлого месяца, я в тот же день отправился к коменданту и попросил разрешения проехать в Белград. Он пожелал посмотреть мой паспорт, чтобы удостовериться в том, что такая просьба с моей стороны была одобрена свыше.

Увидев, однако, что генерал из Петроварадина не записал слово «Белград» в визе, он ответил мне, что мне не разрешено туда проехать. Я ему ответил, что мои торговые дела настоятельно требуют моего приезда в этот город и это вписано в мой бухарестский паспорт. Наконец после моих настойчивых просьб сделать так, чтобы мне было выдано возможно скорее такое разрешение, он сказал, что должен послать с парочным мой паспорт к генералу, чтобы тот поставил свою визу, и тогда я смогу проехать.

Все это было сделано, но только к 31-му числу было получено разрешение, в тот же день я направился в Белград, где я провел беседы с Владеном и Стефаном, секретарем Георгия Черного, а также с митрополитом белградским. После бесед, в ходе которых

* Предположительно — Досифей Обрадович.

я смог их переубедить, они мне ответили, что даже небесная власть не в состоянии ослабить их преданность интересам и личности его величества императора всероссийского. Однако из-за недостатка хлеба и фуража, войска, посланные с Миленко и находящиеся в настоящее время на р. Тимок, на расстоянии 4 часов перехода от Видина, вынуждены отойти назад. Что касается других войск, то они повсюду продвигаются так же, как и войско Георгия Черного.

Узнав, ваше высочество, о таком положении вещей, я отвел митрополита в сторону и дал ему понять, что если бы случайно эти войска вернулись назад, то это панесло бы большой вред его превосходительству генералу Михельсону, а также вашему высочеству. Митрополит ответил мне, что нет иного выхода, как только попытаться возможно быстрее оказать помощь путем посылки 200 тыс. мер муки и такого же количества ячменя в Порицу и одновременно направить курьера к Миленко, чтобы уведомить его о том, что ему посылается весь необходимый провиант и поэтому вовсе не следует думать о возвращении. В соответствии с этим я сделал все возможное, чтобы поставить этим войскам 100 тыс. мер муки и столько же ячменя, такое же количество ячменя посылается в эти дни по Дунаю в Порицу. Канитан Новакович, его знает г. Родофиникин, сопровождает Миленко. Ему поручено проехать в Бухарест, как только эти войска придут в Неготин. Я даже надеюсь, что он уже сейчас отбыл туда.

Провиант обошелся в 32 тыс. пиастров, считая муку по 22 пиастра за 100 мер со всеми расходами, и ячмень — по 16 пиастров.

Ваше высочество пойдете в приложении план сербов¹, из которого Вы увидите величие их чувств. Они получают известия со всех сторон, они ищут оружия, но не могут найти его. Они просили сообщить вашему высочеству об их положении, чтобы Вы могли изыскать средства и обеспечить им по меньшей мере двадцать тысяч ружей, которые они распределили бы среди своих соседей с целью привлечения их на свою сторону. Прежде всего Босния постоянно обращается с просьбами послать ей оружие и боеприпасы. Я обещаю им, что они получают все требуемое, как только соединятся с непобедимой армией России.

Я надеюсь, ваше высочество, выехать отсюда через 5—6 дней, в течение которых полностью будет поставлено все количество указанного продовольствия.

Здесь повсюду ощущается дух восстания. Население более двадцати деревень Сирмия, стар и млад, находится под ружьем. Они поднялись, однако, не против его величества австрийского императора, а лишь против своих хозяев, от которых они требуют снижения налогов, будучи более не в состоянии выплачивать палоченную на них дань². Это место находится в 4 часах перехода от Землина. Генерал из Петроварадина прибыл сюда в связи с этим делом в сопровождении архиепископа и двух полков. Как только жители этих деревень были извещены об этом, они собрались, дабы сразиться с ними. Но когда архиепископ выступил в качестве посредника, они успокоились. Ныне они просят императора, чтобы его величество письменно определил, сколько им следует выплачивать хозяевам в год, если он желает, чтобы они оставались спокойными. Они даже направили его величеству ходатайство по этому поводу. Эти деревни по большей части населены сербами и венграми.

По возвращении в Бухарест я привезу ответ белградского митрополита³, а также ответ Владена⁴. Тем временем прошу ваше светлейшее высочество дать указание, чтобы мой вексель оплачивался без малейшей задержки, дабы я не лишился кредита.

Г-н Досифей ожидает здесь, в Землине разрешения проехать в Белград, которое ему до сих пор не дано.

Остаюсь и пр.

¹ Об этом см.: *Ђорђевић М.* Политичка историја . . . , с. 171—172.

² Речь идет о хрестьянском восстании в Среме, руководители которого имели тесную связь с предводителями Первого сербского восстания. Подробнее об этом см.: *Гавриловић С.* Војводина и Србија . . . , с. 79—88.

³ См. док. № 213.

⁴ См. док. № 211.

№ 211

Письмо белградского коменданта М. Миловановича К. Инсаланти о продвижении сербского отряда к Кладову и Неготину для возможного соединения с русскими войсками

2 апреля 1807 г. Белград

Сиятельнейший княз, нам милостивейший государ! Мы вчера высокоую чест имели милостивейшее вашего сиятельства писма восприяти, и из того, яко же и от посланца Вашего ключара г. Манолат благая намерения,

и совети Вашия к народу сербскому со особитим уважением разумети, о чем мы исполнени утешительные надежды и радости. На повеление верховного нам коменданта государя Георгия Петровича, который ныне при войне на страни Ужицы града находится, с благопристойностию покорнейше ответствуем: да мы всегда по возможности оскудства нашего, елико обстояния дозволяху, тщалис и тщимся вся височайшая повеления его императорского величества самодержца всероссийского наблюдать и исполняти. Мы, люди наша, члени Совета народня, для уведомления высоких благодетелей наших о всех у нас биваемых послали и надеемся их уже тамо быти. Тако и войску нашу на все страны воздвигли, что турцы от всех стран нападают на нас, против босанцев на Ужицу крепост, против иных на Ниш, и счастливого успеха гласи повседневно слышим.

Г. Миленко Стойкович са своим корпусом прямо идет на Неготин и Кладову и тамо надеется скоро со непобедимым войском российским соединитися и содействовати, дондеже и прочи вси, завоеваши Ужицу и Ниш, борзо ему в помощь притечем.

Тем мы вручаюшися высокой милости и просяще возможного споможения слабости нашей, с глубочайшим високопочитанием пребываем

[Печать]

вашего сиятельства, нам милостивейший государь,
покорнейший слуга

[Печать]

Младен Милованович, београдский комендант

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1911, л. 42 и об. Подлинник. Печати: коменданта Сербии и личная печать М. Миловановича.

№ 212

Письмо М. Миловановича И. И. Михельсону о боевых действиях сербского корпуса в Видинском округе и с просьбой о присылке военных инструкторов

2 апреля 1807 г. Београд

Высокопревосходительный государь главнокомандующий российских войск, нам милостивый государь! Мы вчера имели высокую честь писание со надписом его сиятельства государя Константина Александровича, князя валахийского и богданского, с понизностию читать¹ и днес с посланцем Вашим г. Манолат ключаром говорить о всех, обаче не ко оним и писменно Вам назначить, что мы по взысканию Вашему и повелению милостивейшего самодержца всероссийского люди наша для учреждения за совокушное содействие от многого времени прислали и надеемся твердо, яко от преходяща ноне именем Стефана Ковачевич извещени есте, что и ни три Совета народна члени по нем ездят, обаче опасность пута того препятствует. Г-н Миленко с корпусом своим в Крайове и в стране видинской находится уже, борясь с турками и прямо к Неготину и к Кладови ходя. С целою же войскою к Видину еще обратитися не могохом, ибо турцы босанские от Ужицы и ниже от Ниша нападают на нас, тем мы принуждени на обия сие страни с частми войска нашего, особито на Ужицу, ополчитися, ее же помощию божиею скорым временем завоевавши, вси к Нишу и Видину обратитись будем. Иде же на Крайову и Видин водящие пути чрез войску нашу уже пресечени, осаду и завоевание тех легше творят, действие г. Миленку от оных стран обеспечат и скоро соединитися ему с непобедимым войском российским надежду дают, ибо твердо уповаем, что и Вас на брегах Дуная из Валахии при Видине обрящет, поко-

ривше Кладову и Неготин. В том времени просим понизнейше, ежебы его императорское величество самодержец всероссийский у австрийского двора издействовати благоволил, да не украшают нам жита на готови деньги давати и свободен проезд куриерам Вашим до нас и нашим до Вас допустят. Паче же и сие просим у Вас, еже нам за сие время некие чиновники Ваша для ободрения народа нашего, на содействие Ваше чающего, прислати, котори би ово в Совете народнем, ово же и в армиях воспалени дух храбрости содержати и порядок военный вводити ведали и во всех упутствующе нас спомоществовали. Прощайте нашему искреному простодушию, мы принуждены есмы и то изъяснити, что в деньгах оскудость терпим и споможения милосердаго просим.

Государь Георгий Петрович, верховный комендант наш сербский, находится при войне Ужичкой и сие нам ответствовати повелел. Примите усердно искренность нашу, который честь имеем нарецися

вашего высокопревосходительства, нам милостивый государь, покорнейший слуга

[Печать]

На подлинном подписано: Младен Милованович, београдский комендант

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 142—143. Подлинник. Печати: коменданта Сербии и личная печать М. Миловановича.

¹ Письмо К. Ипсиланти к предводителям сербских повстанцев обнаружить не удалось.

№ 213

Письмо митрополита Леонтия К. Ипсиланти о вступлении сербских войск в Крайну и с благодарностью за полученное продовольствие

4 апреля 1807 г.

Monseigneur! Après avoir pris la liberté d'exposer très humblement à v. a. sérénissime vers le milieu du mois de mars¹ tout ce qui se passait ici, je m'empresse aujourd'hui de lui dire que j'ai reçu avec respect la lettre² dont elle m'a honoré, par M. le kloutzar, à sa dernière arrivée à Belgrade. Rempli de joie, j'ai rendu mille grâces à l'éternel, qui a bien voulu conserver v. a. pour qu'elle fût le gouverneur et le sauveur d'un peuple entier, par le pouvoir et l'autorité absolue du très puissant empire de Russie, dont les armées soient invincibles à jamais et triomphantes contre ses ennemis.

Pénétré de ces sentiments, je me fais un devoir de rapporter à v. a. qu'après la prise de Belgrade et le massacre de tant d'infidèles, ainsi que j'eus l'honneur de le lui décrire dans ma précédente³, le synode* s'étant rassemblé, on a proposé quel serait l'endroit qu'on devait battre d'abord avec plus de forces. Comme je connaissais déjà l'ordre et la haute volonté de s. m. l'empereur⁴, j'ai dit que la plus urgente nécessité exigeait que nous commençassions par descendre à Craïna pour pouvoir nous joindre, ainsi que nos intérêts nous engageaient à le faire, et pour nous pourvoir des munitions qu'il nous fallait.

Cette résolution étant prise unanimement, le Sr. Méléuko a été destiné à descendre à Poretz, pour y préparer tout ce qui était nécessaire pour l'expédition, jusqu'à ce que toute l'armée fût prête. Notre chef Czerni-Géorges devait la conduire et s'était décidé de descendre alors lui-même.

* Имеется в виду Правительствующий совет сербский.

Dans cet état des choses, on nous a donné la nouvelle qu'un corps de troupes de Bosnie était descendu sur le Drino, qu'une partie de ces troupes s'était avancée et qu'elle était même entrée à Ouzitza, et que le reste s'était arrêté à Drino, dont il occupait tous les ports dans l'intention d'empêcher nos troupes de passer du côté de Bosnie, et même de mettre les chrétiens, habitants de cette province, soulevés en général contre les Turcs, qui en avaient massacré une partie, dans l'impossibilité de se réfugier vers nous⁵. Cette nouvelle ayant fait changer de projet aux Serviens, notre chef a pris le parti d'aller avec assez de forces à Ouzitza et a écrit à Melenko d'avancer sur Craïna; ce que je crois qu'il aura fait à présent. Dans ces entrefaites M. le kloutzar Manolaki est arrivé; il nous a déclaré positivement tant par les lettres officielles, dont il était le porteur, que par tout ce qu'il nous a dit de vive voix, la haute et ferme volonté, ainsi que l'ordre de la Russie de descendre à Nogotin et Fethislam et de nous emparer, par l'assistance du très haut, de Kraïna. Aussitôt après, le Sr. Miladen (qui reste ici commandant de Belgrade et revêtu des pleins pouvoirs, à la place de notre chef), ayant écrit à Melenko d'exécuter les ordres que nous avons reçus, a ordonné aussi à d'autres troupes de descendre et de s'unir avec les précédentes, au point que toutes ces forces concentrées montassent à un nombre suffisant. La conséquence de cette disposition, je ne doute nullement, Monseigneur, que la réunion de nos troupes ne s'effectue avant même que v. a. reçoive la présente. Ce qui prouve mon idée, c'est que nous recevons aujourd'hui la nouvelle que nos troupes sont entrées dans Kraïna, et qu'elles ont massacré quelques Turcs qu'elles avaient rencontré dans les villages.

Une circonstance, cependant, a causé beaucoup de relâchement dans les troupes qui étaient descendues à Kraïna; c'est qu'elles n'y ont pas trouvé non plus ce qu'elles avaient tant désiré: je veux dire les subsistances. Ceux de ces pauvres gens qui avaient une médiocre quantité de farine chez eux, lorsqu'ils se mirent en marche, n'en ont pris que la moitié, laissant l'autre pour leurs familles, ils se flattaient qu'à leur arrivée à Kraïna, ils en trouveraient. Mais déçus de leur espérance, ils sont parvenus à un tel point de désespoir, qu'ils sont presque obligés de retourner à leurs foyers, si l'on ne se hâte point de leur envoyer d'ici quelques provisions pour leurs propres personnes, que pour leurs chevaux, dépourvus même du foin. Cette nouvelle arrivée nous a mit dans la plus grande perplexité, et nous ne savons quel parti prendre. Poussés par le besoin le plus pressant, nous avons osé, Monseigneur, vous importuner pour implorer votre miséricorde avant le temps favorable. Nous avons supplié M. le kloutzar de nous aider, dans cette urgente nécessité, par une quantité de subsistances de la part du trésor particulier de v. a. Nous connaissions trop sa générosité, sa grandeur d'âme et sa compassion envers tout le monde, à plus forte raison, envers ceux qui en avaient le plus besoin, pour douter du fruit de nos démarches. En effet m. le kloutzar, ayant eu égard à nos prières, vient de nous fournir, par un acte de bienfait, dont v. a. a bien voulu nous combler, 100 mille ocques de farine et autant d'orge. Il a trouvé lui-même le négociant qui devait nous remettre ces subsistances, qu'on a déjà commencé à embarquer pour les descendre à Poretz. Heureux d'obtenir une telle grâce, nous nous sommes pressés d'en avertir par un exprès Melenko et tous les chrétiens qui sont à Kraïna. Nous les avons tous ranimés et persuadés, que si dieu le permet, ils jouiraient de plus grands bienfaits et d'une plus haute bienveillance.

Indépendamment de tout ce qui a été dit plus haut, un autre district vient d'être destiné à porter du secours à ces troupes qui sont à Kraïna, et nous espérons qu'avant peu de temps les infidèles seront réduits dans Vidin, qui sera démoli, j'en suis persuadé, comme le fut autrefois Jericho,

aussitôt que la puissante et invincible flotte des Russes sera arrivée. La présence seule de cette flotte suffirait pour insurger toutes les nations chrétiennes de l'empire Ottoman et les exciter à secouer le joug pesant, sous lequel elles gémissent.

Ce que je vous dis-là, Monseigneur, est bien attesté par les faits. Tandis que les Russes sont encore au-delà du Danube, les chrétiens jusqu'à Sophie sont prêts à les accueillir, les bras ouverts. Il y en a même plusieurs qui se sont déjà soulevés, et qui ne cessent de nous envoyer des représentants pour nous demander des fusils et des munitions de guerre. La Bosnie est aussi dans le même cas. Que v. a. juge, après cet exposé, s'il y a le moindre doute, qu'aussitôt que les Russes passeront le Danube, tous les braves et fidèles chrétiens ne voudront plus rester sous la tyrannie des infidèles musulmans. Oui, Monseigneur, par l'aide de dieu, les Turcs seront chassés de l'Europe. . . Ils y seront anéantis, puisque c'est dieu même qui leur a rempli le cœur d'une terreur panique, et la vraie foi répandra partout sa lumière.

Je suis. . .

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1911, л. 32—34 об. Копия. Пер. с сербск. яз. Опубл.: Односи Карађорђеви и Милошеви са турцима, 1804—1821. Београд, 1907, с. 16—20.

Перевод

Ваше высочество! Взяв на себя смелость покорнейше доложить вашему светлейшему высочеству в середине марта ¹ обо всем том, что здесь произошло, сегодня я с признательностью спешу сообщить Вам, что я получил письмо ², которым Вы меня почтили через г. ключаря во время его последнего приезда в Белград. Преисполненный радости, и вознес тысячу благодарностей всевышнему, который пожелал оберегать ваше высочество, дабы Вы стали правителем и спасителем целого народа, благодаря силе и абсолютной власти всемогущей Российской империи, чья армия останется непобедимой во веки веков и будет торжествовать над своими врагами.

Прошкнутый такими чувствами, я счел своим долгом доложить вашему высочеству, что после взятия Белграда и истребления неверных, о чем я имел честь писать Вам в моем предыдущем письме ³, собрался синод и было предложено решить, в каком месте прежде всего следовало бы сражаться с наибольшей силой. Поскольку я уже знал повеление и высочайшую волю его величества императора ⁴, я заявил, что неотложные обстоятельства требуют, чтобы мы пачали спускаться к Крайне, чтоб иметь возможность соединиться, и к тому вынуждают нас наши интересы и задачи получения необходимых нам боеприпасов.

Такое решение было принято единодушно. Г-пу Миленко было предписано спуститься в Пореч, чтобы там подготовить все необходимое для похода, чтобы вся армия была бы готова. Наш предводитель Георгий Черный должен был бы ее повести, и он сам решил спуститься туда.

При этом положении дел до нас дошли известия о том, что корпус боснийских войск спустился к Дрине, часть этих войск продвинулась и даже вошла в Ужицу, а остальная часть задержалась у Дрины, все причалы которой она заняла с намерением помешать проходу наших войск со стороны Боснии, а также сделать невозможным для всех христианских жителей этой провинции, поднявшихся против турок и переменивших часть их, укрыться у нас ⁵. Это известие вынуждало сербов изменить свои планы, наш предводитель решил выступить с достаточными силами в Ужицу и написал Миленко, чтобы тот продвигался на Крайну, что, как я полагаю, и делается им в настоящее время. При таком переплетении событий прибыл г. ключарь Манолаки. Он нам положительно подтвердил все как официальными письмами, доставленными им, так и тем, что передал нам устно относительно высочайшей и твердой воли, а также повеления России спуститься к Неготину и Фет-Исламу и с помощью всевышнего овладеть Крайной. Немедленно за сим г. Младен, оставшийся здесь в качестве коменданта Белграда и облеченный полномочиями заместителя нашего предводителя, предписал Миленко выполнить полученные нами распоряжения и приказал другим войскам также спуститься и примкнуть к уже сделавшим это так, чтобы сосредоточенные здесь войска были достаточно многочисленны. При такой диспозиции я несколько не сомневаюсь, ваше высочество, что соединение наших войск произойдет до того, как ваше высочество получите настоящее письмо. Мою мысль подкрепляет полученное сегодня известие, что наши войска вступили в Крайну, при этом было убито несколько турок, встреченных в селах.

Однако одно обстоятельство вызвало расслабленность в войсках, спустившихся в Крайну, — они не нашли того, чего они так желали, т. е. продовольствия. Из того незначительного количества муки, которым располагали эти бедняки, когда отправились в поход, они взяли лишь половину, оставив другую половину своим семьям. Они льстили себя надеждой, что, прибыв в Крайну, найдут там муку. Однако, обманувшись в своих надеждах, они дошли до такой глубины отчаяния, что если бы отсюда не поспешили прислать им некоторый провиант и даже сено, они сочли бы почти своим долгом вернуться к родным очагам. Это дошедшее до нас известие озадачило нас, и мы не знали, какое решение принять. Находясь под давлением самых неотложных потребностей, мы осмелились, ваше высочество, потревожить Вас, чтобы просить Вашего сострадания до наступления благоприятного времени. Мы умоляли г. ключаря помочь нам в этой крайней нужде путем поставок некоторого количества продовольствия за счет личной казны вашего высочества. Мы слишком хорошо знаем Вашу щедрость, великодушные и сочувствие ко всем, и с наибольшим основанием — к тем, кто более всех нуждается, чтобы сомневаться в последствиях нашего обращения. Действительно, г. ключарь, приняв во внимание наши просьбы, предоставил нам как благодеяние, которым ваше высочество почтили нас, 100 тыс. мер муки и столько же ячменя. Он сам нашел кушца, который должен передать нам это продовольствие, которое уже начали грузить на суда, чтобы спустить их в Пореч. Осчастливленные такой милостью, мы спешим известить об этом курьером Миленко и всех христиан, находящихся в Крайне. Мы всех их воодушевили и убедили в том, что если позволит господь бог, они будут пользоваться наибольшими благодеяниями и благосклонностью.

Независимо от всего сказанного выше, выделен другой район для оказания поддержки войскам в Крайне, и мы надеемся, что в скором времени неверные будут разбиты в Видине, который, я в этом убежден, падет, как некогда пал Иерихон, когда придет могучий и непобедимый российский флот. Одно только присутствие этого флота было бы достаточно для того, чтобы поднять все христианские народы Оттоманской империи и побудить их сбросить тяжкое иго, от которого они стонут.

Все сказанное мною, ваше высочество, подтверждается фактами. В то время как русские находятся еще за Дунаем, христиане вплоть до Софии готовы принять их с распростертыми объятиями. Некоторые уже восстали и не перестают направлять к нам представителей, чтобы просить ружей и боеприпасов. Это относится и к Боснии. После этого моего представления пусть судит ваше высочество, может ли быть малейшее сомнение в том, что как только русские переправятся через Дунай, все доблестные и правверные христиане не захотят оставаться далее под тиранией неверных мусульман. Да, ваше высочество, с божьей помощью турки будут изгнаны из Европы. . . Они будут уничтожены.

Я убежден в этом, ибо сам бог наполнил их сердца паническим страхом, а истинная вера распространяет повсюду свой свет.

[Пребываю и пр.

¹ Предположительно имеется в виду письмо белградского митрополита Леонтия к К. А. Ипсиланти от 9 марта 1807 г. (см. док. № 204).

² Письмо К. А. Ипсиланти к Леонтию обнаружить не удалось.

³ См. док. № 204.

⁴ Об этом см.: *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806—1816 гг., т. 1—3.

⁵ Об этом см.: *Чубрилович В.* Први српски устанак. . . , с. 62—69.

№ 214

Записка митрополита Леонтия со сведениями о численности и расположении сербских войск

4 апреля 1807 г.

Etat de situation des troupes serviennes¹

1. *Melenko*, du district de Posoreftza, est parti pour Крайна avec 5000 h. de troupes.

2. *Velco* *, qui était sous le commandement de Pierre Théodorowitz, a reçu ordre d'aller à Fethislam, pour se joindre avec Melenco. Il a sous lui 3 000 h.

* *Велько Петрович.*

3. *Pierre* * commande les troupes vis-à-vis de Nissa, conjointement avec le knèze de Roussava **. Ces troupes montent à 7 000 h. composées de Serviens de Nissa et autres étrangers. L'aile droite de ces troupes, commandée par Sdrelia, s'étend jusqu'à Massouritza. L'aile gauche, commandée ci-devant par Velco, jusqu'à Tzerna Reka et Bania. Ce général, d'après les derniers ordres qu'il a reçus, laisse le commandement de ces troupes au capitaine Tzekik, et descend vers Sicol, village de Kraina. Un certain, nommé Tzphetko ***, sous les ordres de Pierre, se trouve dans le village Camenitz entre Nissa et Sarkoi ****, où, ayant ouvert une tranchée, il garde les chemins, afin qu'il ne passe point de troupes ou de provisions pour Nissa.

4. *Yephto* *****, knèze ou voivode de Yagodina, et André de Krouseptza ont leurs troupes vis-à-vis de l'Albanie, à Lapi, Golaki, et Pristeno et même du côté de Liscovtza. Ils y ont fait trois tranchées occupées pour le moment par 6 000 h.

5. *Antonio Plakiki*, gendre de Tzerni-Georges, se trouve à Karanovtza. Il a sous lui 2 000 hommes campés vis-à-vis de Yeni Pazar.

6. *Miliano* ***** et le voivode *Moutaphe* sont à Tzaska. Ils ont plus de 5 000 h. sous eux, dont le centre est à Ouzitza, l'aile gauche à Vicegrade et l'aile droite assiège Sokol.

7. *Jeaques* ***** a le commandement de Valiow. Ses troupes montent à plus de 7 000 h., dont le centre est au déçà du Drino vis-à-vis de Zvornik. L'aile droite, commandée par *Luc* *****, s'étend jusqu'à la rivière Sava. L'aile gauche, commandée par Milovan Guirbovik, s'étend aussi jusqu'à Sokol. Ceux-ci ont encore un parti parmi les chrétiens de la Bosnie. Intimement liés avec eux, ils leurs donnent de temps à autre des munitions de guerre, ils leurs portent du secours, quand ils sont persécutés par les Turcs, et les encouragent.

8. *Tzerni Georges* est allé à Ouzitza. Il emmène avec lui les voivodes Stanoen-Glavassi, Voulo *****, Simon ***** et autres. Les troupes qui le suivent montent à 7 ou 8 mille hommes. Il a aussi avec lui des canons et des mortiers.

9. *Miladen* *****, ayant sous lui Tzoropik *****, se trouve dans la forteresse de Belgrade avec une garnison de 1 000 h.

On nous a donné la nouvelle aujourd'hui, que plus de 2 000 Turcs, avec deux canons, étaient sortis de Nissa pour aller attaquer le colonel Tzephko, qui se trouvait dans les villages Mateftza, deux heures loin de Nissa, et Caminitza. Le combat s'étant engagé avec assez de chaleur de part et d'autre, les Turcs ont été tellement culbutés, qu'ils se sont retirés dans Nissa, dans le plus grand désordre, laissant leurs canons et tout couverts de honte. Ils ont été encore poursuivis par les Serviens au delà de cette ville jusqu'à une heure de chemin. Nous n'avons, cependant, pas des lettres.

Léonce, archevêque de Belgrade

* *Петар Добриница.*

** *Милое Петровиц Ресавац.*

*** *Цветко Поповиц.*

**** *Возможно, Жаркиой.*

***** *Ета Кисовиц.*

***** *Милан Обреновиц.*

***** *Яков Ненадовиц.*

***** *Лука Лазаровиц.*

***** *Вуле Илич.*

***** *Сима Марковиц.*

***** *Младен Миловановиц.*

***** *Танасие Чаранич.*

Положение сербских войск¹

1. Миленко из района Пожаревца отправился в Крайну с 5 тыс. человек.
2. Велько, который находился под командованием Петра Теодоровича, получил приказ выступить в Фет-Ислам для соединения с Миленко. Он имеет под командованием 3 тыс. человек.
3. Петр командует войсками перед Ниссой вместе с кнезом Руссавы. Эти войска насчитывают до 7 тыс. человек и состоят из нишских сербов и других. Правое крыло этих войск под командой Стреля доходит до Массурицы. Левое крыло, находившееся до этого под командованием Велько, достигает Черной реки и Баши. Этот воевода в соответствии с последними полученными им приказами передал командование этими войсками капитану Чикичу и дошел до краинской деревни Сокол. Некто, по имени Цветко, под командованием Петра находится в деревне Каменица, между г. Нисса и Саркой, где, устроив трапезню, он охраняет дорогу, чтобы в Ниссу не прошли войска или провиант.
4. Это, кнез или воевода Ягодины, и Андрей Крушевац держат свои войска перед Албанией, у Лани, Голаки и Приштины, а также со стороны Лесковца. Они вырыли три траншеи, занятые в настоящее время 6 тыс. человек.
5. Антонио Плякич, зять Георгия Черного, находится в Караповце, у него 2 тыс. человек, расположившихся перед Епи Пазаром.
6. Милиано и воевода Мутаф находятся в Чачке. Они имеют более 5 тыс. человек войск, центр которых в Ужице, левое крыло — в Вышеграде и правое крыло осаждают Сокол.
7. Яков осуществляет командование Валево. Его войска превышают 7 тыс. человек, и их центр расположен за Дришой, против Зворника. Правое крыло под командованием Луки доходит до Савы. Левое крыло под командованием Милована Грбовича простирается вплоть до Сокола. Еще они имеют сторошников среди христиан Боснии. Поддерживая тесную связь с ними, они время от времени передают боеприпасы, оказывают помощь, когда тех преследуют турки, и ободряют их.
8. Георгий Черный отправился в Ужице. Он взял с собой воевод Станое Главаша, Вуле, Симоша и других. Следующие с ним войска достигают 7—8 тыс. человек. У него есть также пушки и мортиры.
9. Младен, имея под своим началом Чаранича, находится в Белградской крепости с гарнизоном в тысячу человек.

Нам сегодня передали известие, что более 2 тыс. турок с двумя пушками вышли из Ниссы, чтобы атаковать полковника Цветко, который находится в деревне Матеевац, в двух часах перехода от Ниссы и Каменицы. Сражение было весьма ожесточенным с той и другой стороны, турки были опрокинуты и с позором отошли в Ниссу в полном беспорядке, бросая свои пушки. Сербы преследовали их за пределами этого города на расстоянии часового перехода. Однако мы не имеем писем.

Леонтий, митрополит белградский

¹ Записка белградского митрополита Леонтия является приложением к док. № 213 от того же числа.

№ 215

Письмо М. Миловановича к К. Ипсиланти с просьбой о предоставлении продовольствия

5 апреля 1807 г. Белград

Ваше сиятельство, високородни государју, нам же високопочитаеми! Ми смо понизно просили Вашёга бојара, государа Манолаћа что би он нам милост учинио, и нами у ово саде нужно времја са 100, 000 ока брашна, и са 100 000 ока јечма спомошествовао. Того ради задржао се помјанути государ Манолаћи докле је терговце нашао, и помјанути квантум погодио, что би се то нами подпуно изручило, за кое и наш господин владика и митрополит¹ јасејеје вапему сиятельству пишет. Ми се такођер у далшеи

милости вашег сјателства препоручујемо и просимо, што би сте нас у нашим потребама спомошествовали. Остају с благодаренијем и јесм вашег сјателства понизњејшиј

[Печатъ]
[Печатъ]

Младен Миловановић, комендант белеградски

АВПР, ф. Канцеларија, 1807 г., д. 1911, л. 41. Подлинник. Печати: коменданта Србији и лична печатъ М. Миловановича.

¹ См. док. № 213, 214.

№ 216

Отношение И. И. Михельсона С. А. Санковскому об отправке С. Пламенца в Сербию и о скором установлении непосредственных связей с сербами

№ 456

13 апреля 1807 г. Бухарест

Отношение Ваше вручено мне исправно г-м Пламенец¹. Из оног я с особенным удовольствием видел распоряжения, сделанные преосвященным митрополитом черногорским, которые, не сомневаюсь, чтоб не были увенчаны успехом. Г-на Пламенец я отправил отсюда в Сербию, с коею на сих днях будут учреждены мною беспрепятственные сношения чрез Крайову. О происшествиях здешних прилагаю Вам при сем записку как для сведения Вашего, так и для сообщения тамошнему народу².

Пребываю. . .

Р. С. Преосв[ященному] митр[ополиту] прошу засвид[етельствовать] мое почтение.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, д. 20, св. 22, л. 7. Отпуск.

¹ Речь идет об отношении С. А. Санковского на имя И. И. Михельсона от 9 марта 1807 г., в котором он уведомлял главнокомандующего Дунайской армией о своей подготовке к соединению российских регулярных и черногорских иррегулярных войск с сербскими отрядами под руководством Карагеоргия. Отношение должен был доставить С. Пламенец, которому, по повелению черногорского митрополита, было предписано остаться при Карагеоргии. При приближении отрядов Карагеоргия к Черногории С. Пламенец должен был выступить в роли проводника (АВПР, ф. ГА I-5, 1805—1821 гг., д. 1, п. 4, л. 139).

² Упомянутое приложение не обнаружено.

№ 217

Письмо Карагеоргия Петру I Негошу о дислокации сербских войск

14 апреля 1807 г. Ужица

Преосв[ященейшему] особито високодосто[јнейшему] господину Петру Петровићу, митрополиту Црногорском, и нам же всеусерднейшему здравствовать и радоватисја о Христе желају!

Срећу сам имао од Ваше стране 3-го писма лицем на воскресеније примити, које два се писма гласе од 19 новембра, од 26 фебруара, и именовата писма, сва у један крат прими чрез Ваши посланика. Из који писама разуме за Ваше благополучно здравије. Друго се паки из њи[x] разумевам, како су наши пријатељи неизказано Францозе победили, тако јесмо и више крат из Немачке стране чрез наши добри пријатеља на исти начин

такове веселе гласе разумели, како и од Вас. Које ми преблагом спаси-тељу велику хвалу од свег срдца воздајемо.

Друго паки из Ваше се писме разумевам да су наши пријатељи са Отоманском Портом рат показали. То је нам одавно познато, које сам ја и николико крат од господара Михелсона у кратким времену и николико писма примио, који се данас при арманди букорешкој дошао, који град при реки Дунаву стоји; и тако чујем да је сасвим град обколео; и његово намереније јест, амо се к нама приближити жели, а такоћер и сами желајемо, с росиском армандом што скори састанак имати.

Ми же паки Вам обзнањујемо у којем се обхожденију ми у будуште време находимо да велике војне спротив некрштенинов на всех стран имамо и велико крвопрлитије непрестано трпимо.

1. Спротив Видина, Ниша и Пазара, то јест спротив руменли валезске силе.

2. Ужицу од сви стран умуасерили * јесмо и једнако велики огањ на њу бацамо.

3. Покрај Дрине свуда нашу војску држимо, за које па и велико помошствије преко-дринској браћи давати морамо, јер бо су се и они возбудили наново и од нас помошствије изискивају у свачем, то јест: у муници, и у оружју, а особито, наши стари војника поученија и помошствија ради, на које сам принуђен њима давати и христјански род добро хранити морамо, да не би безмерно у некрштене руке у робство запали; а не само да су се они тако дојавили наново, но и више такови случаја имаде. Цели Видински пашалук, такоћер Нишевачки, Лесковачки и Пазарски, и од нас толики род христјански данас у свачем помошствије изискује, јер бо нуждни и јесу. И ми, колико смо кадри, помошствије дајемо, а и сами доста оскудни са свачим јесмо; јер бо и ми готовог ништо не имамо, но штогод нам од потребе јест, морамо за скупоцене новце из Немачке узимати, и то с великим мољенијем; за које смо сасвим у велико сиромашество доспели, али богу захвалност, морамо чинити, и против непријатељи до последње капље крви крепко се владати морамо; и ниједан не мислемо турком покорити, нити па можемо, које прво на бога, па друго, на Вас и на прочије наше пријатеље ослањамо се и од Вас помошти очекујемо што скорије; јер бо смо у нужно време весма доспели. С којим остајемо ми сви Вас покорно поздрављајући и Вашу светлују десницу што скорије целиват желимо и јесмо Ваши верни у име све србске наци,

(Подписано): Црни Георђије Петровић, врховни србски комендат

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 4, л. 254 и об.

Копия. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 510—511.

№ 218

Письмо митрополита Леонтия Манолаки о военных приготовлениях Австрии и с просьбой сообщить их назначение

22 апреля 1807 г.

Monsieur! Je me fais un devoir de vous avertir, et par vous en même temps s. a. sérénissime monseigneur le prince **, ainsi que s. ex. le général en chef de Michelson, que, depuis votre départ, j'observe différentes démarches chez nos voisins occidentaux ***. Ils ne cessent, d'une part, de nous

* Так в тексте.

** К. Ипсиланти.

*** Т. е. австрийцы.

faire des difficultés à nous livrer les provisions nécessaires et de nous reprocher toujours quelque chose; parvenus à nous qualifier de rebelles et de méchants, à nous dire même mille injures, de temps à autre, ils nous ferment ainsi le passage. De l'autre côté, ils se servent de plusieurs canaux et surtout des personnes distinguées, comme si c'était pour nous demander notre parfaite résolution et le parti que nous devons prendre; mais dans le même temps qu'ils nous font ces demandes, ils veulent nous insinuer que notre salut ne dépend que d'envoyer des représentants auprès de leur cour, pour lui demander sa protection et son assistance, ainsi que de nous soumettre à sa domination, vu que ce pays lui appartient. Ces propositions sont journellement négociées. Mais nous différons toujours de leur donner une réponse.

Ce qui est encore pis, c'est que nous voyons aussi plusieurs préparatifs militaires; et nous ignorons, cependant, si ces préparatifs doivent être enfin dirigés contre nos ennemis, ou bien contre les Russes¹; ils ne cessent de nous affirmer que nous ne devons pas nous attendre à un secours de la part de la Russie qui ne pourra jamais s'effectuer dans un pays, qui est entre leurs bras, et comme leur propre possession. C'est pourquoi, Monsieur, je crois qu'il est de toute nécessité que vous parliez à qui vous le jugerez convenable, pour trouver le moyen d'envoyer de là un homme, qui fera connaître au public notre protecteur. A quoi sert de nous déguiser davantage? Que chacun connaisse, et que nous sachions aussi qui sont nos amis, et qui sont nos ennemis. Autrement, nous courrions le plus grand risque, et ce serait dommage que d'endurer tant de peines et de répandre tant de sang pour nous faire plus du tort. . .

Par conséquent, je supplie s. a. de nous accorder ses bons offices afin que nous ne soyons point perdus à présent à la fin de nos travaux, et que nous ne restions désormais esclaves des infidèles, mais que la protection de cette haute main puisse se manifester effectivement. Alors, doublement encouragés, nous verserons glorieusement notre sang et pour notre religion et pour nos citoyens. Ah! Après une telle assistance, après qu'on aura vu qu'on a pour protectrice la douce et aussi chérie et invincible Russie, quel noble enthousiasme saisira tous les cœurs des fidèles! Qui sera cet individu, qui ne croira pas alors prendre une nouvelle existence: l'homme le plus poltron changera aussitôt de nature et sera le plus valeureux. Le fainéant surpassera même la fourmi au travail. En un mot, tout sera renouvelé et ranimé.

Ainsi je supplie s. a. de faire tous ses efforts pour parvenir à faire sauver tout un peuple qui ne soupire qu'auprès sa liberté; mais qui se voit dépourvu de tous les moyens, qui pourront lui procurer ce qu'il désire.

Avant tout, je vous prie, Monsieur, de m'envoyer une réponse de votre part, qui m'informera si le mouvement de nos voisins, que je viens de décrire, est à notre faveur, ou bien d'une manière différente. Vous devez bien comprendre combien nous nous intéressons à savoir le fonds de l'affaire.

P. S. Nos braves Serviens viennent de s'emparer du faubourg et du retranchement d'Ouzitza. On s'attend dans peu de jours à la reddition même de la place.

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1911, л. 53—54 об. Копия. Пер. с сербск. яз. 5

Перевод

Милостивый государь! Считаю своим долгом предупредить Вас и через Вас его светлейшее высочество князя, а также его превосходительство генерал-аншефа Михельсона, что после Вашего отъезда у наших западных соседей наблюдаются различные перемещения. С одной стороны, они не перестают создавать помехи поставкам необходимого для нас провианта и беспрестанно в чем-либо упрекают нас, вплоть до того, что изображают нас бунтовщиками и злоумышленниками и даже осыпают ты-

сязью оскорблений и время от времени закрывают для нас проезд. С другой стороны, они используют многочисленные каналы, и особенно видных личностей, как бы для, того, чтобы узнать о том, что мы хотим предпринять, и просить нас действовать решительно. Но обращаясь к нам с такими просьбами, они одновременно стремятся внушить, будто наше спасение зависит исключительно от направления представителей к их двору с просьбой о покровительстве и помощи и от подчинения его господству, учитывая, что эта страпа принадлежит ему. Такие предложения выдвигаются ежедневно. Но мы неизменно уклоняемся от ответа.

Что еще хуже — это наблюдаемые нами многочисленные военные приготовления. А нам неизвестно, однако, предназначаются ли эти приготовления против наших врагов или же против русских¹. Они не перестают утверждать, будто нам не следует ожидать поддержки со стороны России, которая никогда не сможет осуществить ее в стране, находящейся в их руках и являющейся как бы их собственным владением. Поэтому, милостивый государь, я полагаю, что совершенно необходимо, чтобы Вы переговорили, с кем Вы считаете удобным, чтобы найти возможность направить сюда человека, который поставил бы в известность публику о нашем покровителе. Кому на пользу маскироваться дальше? Пусть каждый знает и мы также знаем, кто наш друг и кто враг. В противном случае мы натолкнемся на еще больший риск, и было бы печально претерпевать такие тяготы и проливать столько крови, чтобы самим себе причинить вред.

Поэтому я умоляю его высочество оказать нам добрую услугу, чтобы мы не погибли ныне к концу наших трудов и не остались впоследствии рабами неверных. Но пусть покровительство сей высшей руки проявит себя действительно. Тогда вдвойне воодушевленные мы доблестно прольем свою кровь и за нашу веру и за наших граждан. Да, после такой помощи, увидав, что защитником выступает святая, дорогая и непобедимая Россия, какой благородный пыл охватит все сердца правоверных! Кто тогда не поверит в возрождение! Изменится натура самого трусливого человека, и он станет самым доблестным. Ленивый превзойдет в труде муравья. Одним словом, все обновится и оживится.

Итак, прошу его высочество приложить все усилия, чтобы добиться спасения народа, который мечтает лишь о свободе, но видит себя лишенным всяческих средств, которые могли бы обеспечить ему желаемое.

Прежде всего прошу Вас, милостивый государь, прислать мне ответ, который уведомил бы меня о том, полезны ли нам перемещения наших соседей, описанные мною, или же имеют совсем иной характер. Вы должны хорошо понимать, сколь мы заинтересованы знать существо дела.

P. S. Наши храбрые сербы только что захватили пригород и укрепление Ужицы. В скором времени ожидают сдачу города.

¹ О сербско-австрийских отношениях в это время см.: *Гаврилович С.* Войводина и Србија. . . , с. 76—79, 88—92.

№ 219

Письмо К. Инсиланти [И. И. Михельсону] об антирусской агитации турецких и французских эмиссаров в Сербии и о запрещении Австрией провоза оружия к сербам

№ 292

22 апреля 1807 г. Бухарест

Mon général! Manolaki, mon envoyé dans la Servie, vient d'arriver et de m'apporter les lettres ci-jointes, deux en original du gouvernement servien, en l'absence de Czerni Georges, et une en traduction de l'archevêque de Belgrade¹.

Voici les rapports sur lesquels on peut compter.

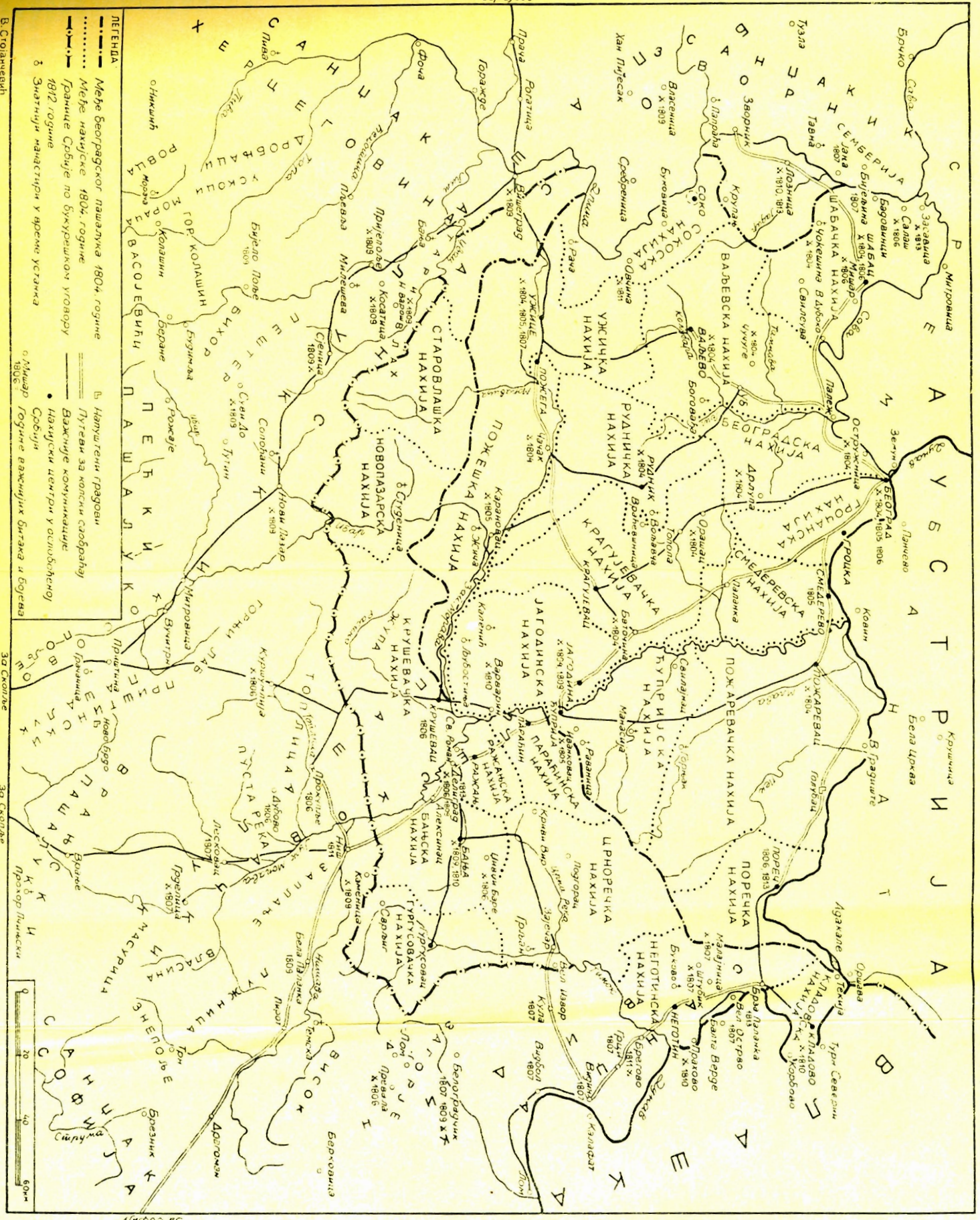
Le nombre des Serviens et des peuples leurs voisins, unis avec eux d'intérêt et sous leurs enseignes, s'élève à 150 000 h. en état de porter les armes et très impatients d'en faire usage; mais il en existe seulement 40 à 50 000 suffisamment armés et en activité.

Les plénipotentiaires turcs, les orateurs des princes Morosi, de Souzzo, de Kangeri, et les émissaires français s'ils n'ont pu achever une révolution complète en Servie, en l'entraînant à eux, avaient fort bien réussi à y semer les plus fâcheuses défiances contre la bonne foi de la Russie, à l'aide de quel-

КАРТА СРБИЈЕ 1804-1813. год.

Картограф: мж. Е. Петровић

За Сарајево

Карта Србији в период Первого сербского восстания (1804—1813 гг.)

В конце концов его успех был настолько полным, что уполномоченные и подстрекатели были высланы, и сербы поклялись оставаться навечно верными России и нераздельными с ней.³

Сербские воеводы несколько не сомневаются в том, что при поддержке российских сил со стороны Валахии они захватят Видин, территорию которого они пересекут, чтобы соединиться с армией его величества императора, — событие, на которое они определенно рассчитывают, ожидают его с большим нетерпением, оно явится сигналом к всеобщему восстанию христианских подданных империи.

В Землине имеется 4500 ружей, которые некоторое время тому назад были заказаны сербами, но не дошли до них ввиду того, что негоцианты, продававшие ружья, потребовали оплаты наличными, а сербы не были в состоянии удовлетворить просьбу⁴. Пока ожидалась такая возможность, пришло запрещение венского двора и австрийцы никак не пожелали допустить провоз ружей. Манолаки уверяет меня, что снимет это последнее препятствие, спрятав оружие в первом же обозе зерна, которое будет перевозить по Дунаю.

Австрийцы довели строгости до того, что никого не пропускают в Сербию. Они задержали многих, кто направлялся к сербам, и даже священника Досифея, который был послан отсюда и о котором я имел честь говорить вашему превосходительству. Сам Манолаки был задержан, поскольку полученный им в Бухаресте паспорт не был завизирован комендантом Темешвара для поездки в Белград. Тем не менее он изыскал средства получить разрешение и прибыть в Сербию, где сербы, как он нам сообщил, находятся в таком настроении, что мы можем встретиться и с гибельным отступничеством этой страны.

Имею честь быть, с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Константин Ипсиланти

¹ См. док. № 211—213.

² Об этом см.: *Вукићевић М.* Карађорђе, кн. 2, с. 477.

³ Имеется в виду миссия мухасила Порты Хасан-аги, которому было предписано покинуть Сербию в связи с тем, что сербы отвергли турецкие предложения. Подробнее об этом см.: Живот и дела... кн., 1, с. 174—175.

⁴ Подробнее об этом см.: *Гавриловић С.* Војводина и Србија... с. 59—61.

№ 220

Письмо С. А. Санковского Ф. Книпперу о ходе военных действий в Герцеговине и о плане соединения с сербскими войсками

24 апреля 1807 г.

Хотя, милостивый государь мой, наше войско регулярное и нерегулярное отступило от Никшица*, со всем тем видя, что присоединенные к нам герцеговинцы расположены драться с турками, то я не теряю еще надежды, что, вспоможествуя им, другие бы их собратья не воспоследовали их примеру и, таким образом, мы, может быть, успеем выполнить план высочайшего двора соединиться с Кара-Георгцем. Для произведения же сего плана в действо можно так нашими силами расположить, что, оставив крепость Никшиц на стороне, стараться, соединяясь чрез Балканы, Гадско** с шивлянами, облизиться к Кара-Георгию и тогда, если бы позволял обстоятельство, можно будет с помощью бердянов*** овладеть упомянутою крепостию Никшицем. А как мне предписано вновь приложить старания открыть сношение с генералом Михельсоном¹ и иметь в окружности сих мест всевозможную деятельность, то я не могу как Вас просить посему принять надлежащие меры и сообщить мне Ваше мнение, какие именно силы можете отрядить для прикрытия Грахова и для произведения дальнейших Ваших действий в предмете ободрить

* Никшич.

** Гацко.

*** Население района Брдо.

герцеговинцев. Впрочем я удостоверен, что сверх бокезцев * будут также действовать вместе с нами черногорцы и что его высокопреосвященство ** не ожидает как токмо нашего приглашения.

С истиннейшим почтением имею честь быть

Подписано: Степан Санковский

АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 4, л. 217. Копия.

¹ Речь идет о депеше А. Я. Будберга С. А. Санковскому от 21 января 1807 г., в которой сообщалось, что И. И. Михельсон повторно подтвердил известие об объявлении Портой войны России. В связи с этим Будберг подтверждает свои распоряжения Санковскому, направленные ему в депеше от 8 января 1807 г., и одобряет предложение Санковского о необходимости занятия крепости Никшич, что позволит установить сообщение между правым крылом русской армии на Дунае и Герцеговиной, Черногорией, эскадрой вице-адмирала Д. Н. Сеявина на Адриатическом море (см. коммент. № 3, 4 и док. № 196; АВПР, ф. ГА I-5, 1805 г., д. 1, п. 4, л. 25—26).]

№ 221

Рапорт И. И. Михельсона Александру I с изложением просьб Правительствующего совета сербского о предоставлении денежной помощи и присылке специалистов

№ 50

28 апреля 1807 г. Бухарест

Сего апреля 24-го числа прибыли сюда 3 депутата ***, присланные от Сербского верховного совета ко мне. Они представили: 1) письмо от Совета и Черно-Георгия ¹, 2) письмо от Миленки ² и 3) уполномочие неограниченное, данное тем депутатам от Совета и Черно-Георгия ³, что все в копиях при сем имею счастье всеподданнейше поднести в[ашему] и[мператорскому] в[еличеству], как равномерно записку требований, чинимых сими полномочными. Главнейшая, по коей делают более настояния, состоит в том, чтоб высочайше назначен был чиновник, который бы председательствовал в Совете их и руководствовал всеми деяниями их. После сего следует желание их иметь инженерных офицеров, кои бы привели в оборонительное состояние крепости сербские и научили бы их образу в оных защищаться. Чиновники по горной части равномерно им нужны, ибо найдены, по словам депутатов, богатые рудники, кои хотя и начали искапывать, но за неведение не могут извлечь пользы, какую они предполагают возможною. В оружии терпят крайнюю нужду, ибо, имея оное, могут усилиться 20 тыс. человек и более. Денежная статья есть также необходима для них, ибо в течение 3 лет вся Сербия, будучи в тревоге, лишилась торговых выгод и даже землю не могли достаточно обрабатывать, что и заставляло их покупать нужное за самую высокую цену от австрийцев, коим состоят ныне должны ⁴. По сему предмету я удовлетворю их на первой раз выдачею 50 тыс. пиастров. Относительно до артиллеристов, я сказал им, чтоб отнеслись к Миленке, дабы сей выслал в Крайову отряд сербов, коих генерал-майор Исаев прикажет учить действовать пушками. Сколько мог приметить, они паче всего желают иметь в Совете перевес во власти военачальников своих, коих боятся. По сей статье осмеливаюсь представить, что и для нас без сомнения было бы выгоднее иметь посреди сербов человека, действующего умами их по нашему направлению, тем паче, что если продолжение войны будет неизбежно, тогда сербы соделываются для нас весьма нужны и могут быть

* Население Боки Которской.

** Митрополит Черногорский Петр I Негош.

*** Петр Новакович Чардаклия, Аврам Лукич и Иеремия Гагич.

весьма полезны. Не осмеливаясь утруждать в[аше] и[мператорское] в[еличество] всеми подробностями о положений дел разных народов за Дунаем, я сообщил все министру иностранных дел⁵, а потому и ограничиваюсь всепод[даннейшим] моим прошением о разрешении меня по предметам требований сербских депутатов, кои сие с нетерпеливостью здесь ожидать будут.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 13, л. 49—50. Отпуск. Частично опубли.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 492—493.

¹ См. док. № 201.

² Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 473—474.

³ См. док. № 202.

⁴ Записка К. К. Родофиникина с изложением пяти требований, высказанных сербскими уполномоченными, опубликована (см.: Исторический архив. М., 1960, № 1, с. 119).

⁵ В письме на имя А. Я. Будберга под той же датой, что и данный рапорт, И. И. Михельсон характеризует положение европейских провинций Османской империи, высказывает соображение о благоприятных условиях заключения мира, о необходимости поддержать восставшие против Порты народы, оказывая им вооруженную и финансовую помощь, способствуя созданию у них своих правительств, в частности в Молдавии, Валахии, Сербии (АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 135 и об.).

№ 222

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о восстановлении коммуникации с сербами

№ 500

29 апреля 1807 г. Бухарест

Дошло до сведения моего, что коммуникация между Крайовскою стороною и сербами турками пресечена. А как я не сомневаюсь, чтобы коммуникация сия старанием вашего превосходительства вообще с сербами паки восстановлена не была, то сколь скоро сие успеете, благоволите тот час меня о том уведомить чрез нарочного с подробным описанием: где, на какие места коммуникация сия учредитца и какими мерами будет обеспечена.

Генерал от кавалерии Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/163 б, св. 29, д. 9, л. 39. Подлинник.

№ 223

Письмо¹ черногорского архимандрита С. Иковича А. Я. Будбергу о желании черногорского и герцеговинского народов образовать славяно-сербское царство под эгидой России

2 (14) мая 1807 г. Бартенштейн

Ваше высокопревосходительство, милостивейший государь, Андрей Яковлевич! Быв избран общим желанием митрополита черногорского и народа славяно-сербского поверенным по делам, до блага их касающимся, и уполномочен ходатайствовать пред престолом августейшего монарха государя императора всея России о пользах их, исполняю сию мою священную обязанность, представляя вашему высокопревосходительству для донесения всемилостивейшему государю единодушное желание всех единоверных народов, населяющих Черногорию, Боку де Катаро, Герцеговину и Далмацию, от исполнения коего зависит благоденствие сих народов и давно ожидаемое избавление от тяготеющей власти и держав иного исповедания. Да благоволит августейший император Александр Павлович,

как богом избранный покровитель православной греческой восточной церкви, простерть спасающую свою десницу к верным, храбрым, единоплеменным и искони к России преданным народам, под тяжким игом зле страдающим.

Единодушное желание митрополита и народа состоит в следующем:

1. Чтоб по низложении всемирного врага соединить воедино провинции: Черногорскую, с присовокуплением к ней трех городов албанских — Подгорицы, Служа и Жабяка, 2) Боку де Катаро, 3) Герцеговину, 4) Рагузу и 5) Далмацию.

2. Соединение сие утвердить на вечные времена одним общим наименованием сих областей — Славяно-сербским царством.

3. Присоединить титул славяно-сербского царя к августейшему титулу императора всероссийского, избавителя единоверных.

4. Для управления сим царством высочайшею властью назначить наместника или президента из природных россиян.

5. Сверх сего желание мое и народа состоит в том, чтобы вице-президентом и товарищем управляющего наместника наименовать черногорского митрополита, народною доверенностию, уважением и любовью обладающего, и по примеру митрополита карлавачкого, что в Венгрии, украсить его титулом действительного тайного советника и князя российского.

6. Столицею сего царства и местом пребывания президента и вице-президента назначить Рагузу, как средоточие пяти областей составляющую.

7. В митрополии Славяно-сербского царства постановить под нынешним митрополитом черногорским трех архиереев: одного из Далмации в г. Заре, другого из Герцеговины в г. Требине, третьего в Катаре, который и будет наместником митрополита.

8. В сих же трех городах благополучно б было учредить в каждом по одной семинарии или школе для распространения просвещения по примеру тому, как то высочайшим благоизволением учреждено в России.

В заключение всего главнейшее, единственное и пламенное желание всего народа означенных областей есть, чтоб по изъясненным выше сего пунктам, или как благосердому и человеколюбивому великому монарху всероссийскому по лучшему усмотрению с благословением всемогущего и пресвятого промысла божия во благо признается, только б верные и единым сердцем, душою и языком сохранили на вечные времена свою веру, свободу и вольность под высоким покровительством помазанника божия Александра Первого и его преемников.

Предавая вашему высокопревосходительству, как избранному и первенствующему министру великого монарха, ходатайство и попечение о пользах и благоденствии многочисленных народов у престола милосердия, долгом поставляю донести и уверить, что к большему и наивернейшему успеху сего общего дела единоверцев послужило бы и наивыше укрепить могло присоединение к царству славяно-сербскому всей Боснии с Сербиею, коих равное и не менее ревностное желание издавна к тому стремится и коих преданность и усердие к России на самом деле к славе их великого избавителя оправдятся.

Пребываю с совершенным высокопочтанием и преданностию вашего высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Симеон Ивкович, черногорский архимандрит, избранный в архиереи в Далмации

АВПР, ф. ГА I-8, 1807 г., в. 1, л. 4—5. Автограф.

↑ Ответ российского правительства на данное письмо опубликован под № 232.

№ 224

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о намечаемых мерах по восстановлению коммуникаций с сербскими войсками

2 мая 1807 г. Крайова

На полученное от вашего высокопревосходительства повеление о восстановлении с сербами коммуникации¹ и о прочем доношу. Я, дождавшись возвращения посланного к сербскому начальнику Миленку и приуготовления на путевое содержание провианта, поспешу отряд в 200-х казаках и арнаутов сделать при полковнике Курте к Стрихаю, где ожидают здешние пандуры 1000 человек, из которых 300 присоединятся к отряду и с ним помаршируют к берегу Дуная. В селении Буриле и Извориле близ Кладова, и там заготовленный турками провиант, прикрываемый по верному известию 50 турками, разбить их. Провиант на подводы, будущие с ним, забрав, отправить в Стрихай и потом продолжать к Чернецам, куда из Стрихая прочие пандуры все пойдут; и если в сих местах найдут удобное положение к открытию с сербами коммуникации, донести мне, тогда я там оставлю сильное прикрытие. Я же с detachmentом, сделав здесь нужные распоряжения, приму марш к стороне Чернецам, где с тем отрядом и пандурами соединюсь, все употреблю меры к восстановлению оной и к выполнению данного мне повеления, о чем чрез нарочного вашему высокопревосходительству донесу, учредя для того по дорогам почты. Крайов оставлю под прикрытием одного полку моего имени офицера с 10 донскими, 20 ипсилантиевыми казаками и 400 здешними пандурами.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2877, л. 169—170. Копия.

¹ См. док. № 222.

№ 225

Письмо пожаревацкого и поречского коменданта М. Стойковича М. Поповичу об успехах сербов в сражениях с турками у Штубика

3 мая 1807 г.

Благородный Милоше, здравствуйте! Даю вам знать, мы Ваше письмо принимали и, что нам пишете, все разумели. Мы на этом месту и теперь стоим, на котором Вы нас оставили. Все турки, и из Видина и около Видина находящиеся, теперь на нас собрались. И сам Мула и Поречалия Гупанац Берховачкий аян и некий Мамед-бег, который Мулы в помощь пришел, с 2000 арнаута на нас пришли с пушками и гранаты и биemosя непрестано, и почти каждый день, бывает турков по 70, меньше и теперь не смеют ни выходят против нас. Надеемся, что на сих днях слюды будет и государь Георгий, и держим, что все наше будет до реки Тимока. Но коль российские войска скоре к Дунаву будет, толь дело прежде кончится будет. Мы видим теперь турков невеселых и, кажется, они хотят назад бежать, потому что они всякий час много гибнут по дороге, у Неготин проходяще.

Миленко Стойкович, пожаревацкий и поречкий комендант

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 113 и об. Копия. Пер. с сербск. яз., современный подлиннику. Опубл.: Први српски устанак. . . , књ. 1, с. 265, док. № 222.

Письмо М. Стойковича и П. Тодоровича П. Новаковичу, А. Лукичу и И. Гагичу о сражениях с турками и с просьбой содействовать скорому приходу русских войск

4 мая 1807 г. Штубик

Высокблагородный господин Чардаклиа, г. Аврааме* и г. Иеремия, многая лета о господе здравствуйте!

Мы желаем, чтобы это наше письмо Вас у благополучном здравии обрело. Даем Вам знать, мы Ваше письмо есмы получили и разумели, что Вы счастливо так пришли. Мы по Вашем отсюдова уезде наш лагерь переместили и поставили на горе к Ма[лайна]цу, где и редуты сделали и хорошо утвердились. Турки пришли у Малайнац и там свой логор поставили, у сей логор и сам Мула приехал с пушками и гранатами. И биемся непрестанно с пушками и оружием, и, слава богу, мы всегда счастливы были, потому что турки во всяком сражении по 10 повозок, полных турками мертвыми и ранеными, назад отправляют, а мы, напротив, всегда счастливы. И мы, уповающе на бога, уверены, что нам турки ничего не сделают; только Вы постарайтесь, чтобы скорее оттудова войска к Дунаву приблизилася против села Праовы, чтобы раз соединилися и дорогу открыли. Друго Вам немеем, что писать, только, пожалости, постарайтесь дело совершивать, для которого Вы послати, потому что Вам наши тайны все познатыц, что нам есть теперь нужно.

Миленко Стойкович, пожеревацкий и поречкий комендант, Петар Феодорович

Р. С. Димитрий, который с Вами ехал, к нам назад благополучно пришел и письмо Ваше к нам принесел, и что нам пишете, все есмы разумели, и паки Вас прошу, постарайтесь за делом, для которого Вы послати. И дают Вам, брате, знать, что у Видину войски много нет, от которые у Видину ни третья часть не осталася, а другиий все на нас пришли, и сего для мы уразумели, что турки очень невесели, кажется, что они что-нибудь уразумели. И сей час не задержано есмы Ваше писма послали государю Георгию и надеемся, что и он на сих днях сюда будет.

*ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 117—118. Копия.
Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 496.*

Письмо И. И. Михельсона Карагеоргию с препровождением пожалованного ему за заслуги перед сербским народом меча

5 мая 1807 г.

Высокородный и высокопочтенный господин, вождь храброго народа Сербского, Черный Георгий Петрович!

Всемилолюбивейший государь император всероссийский, хотя и принимал особенное участие в славяно-сербском народе, но будучи по стечению обстоятельств соединен союзом с Портою Оттоманскою и соблюдая свято существовавшее доброе согласие с Турецкою империею, не хотел подать ни малейшего повода Порте к неудовольствию, а по тому самому остава-

* Аврам Лукич.

лась сербская нация без деятельной от нас помощи. Ныне Порта Оттоманская, объявив нам войну, подала нам право защищать Вас и всякую помощь оказать к достижению цели Вашей. Первый знак высочайшего воззрения на сербскую нацию обращается на вождя ее. Защищая веру и отечество, Вы обратили на себя внимание всей Европы, самые враги Ваши не могли не удивляться твердости духа Вашего, благоразумию и отличной храбрости Вашей. Всевышний, видя правоту намерений сербского народа, Ваших, увенчал оные блистательными успехами, и Вы уже приобрели право на признательность отечества Вашего. Но доколе оное примет образование свое, доколе придет в возможность объявить Вам свою признательность публичными знаками, примите и облеките меч, при сем к Вам препровождаемый, от государя императора Александра I Вам всемилостивейше жалуемый с надписью: «Защитнику веры и отечества». Да будет оный пред всем светом доказательством достоинств Ваших.

А мне приятно, что имею честь в доставлении Вам милости монаршей [быть] посредником и имею случай Вас с оною поздравить и Вам [лично] изъявить собственные чувства мои отличнейшего почтения, вашего высокопочтения м[илостивого] г[осударя] моего покорный слуга

Ив. Михельсон, главнокомандующий войск российских императорских
на Дунае

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 132 и об. Отпуск. Частично опубли.: Вукићевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 493.

№ 228

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о доставлении сербским войскам свища

№ 808

6 мая 1807 г. Бухарест

По обстоятельствам я отправляюсь временно к Измаилу. Почему благоволите ваше превосходительство впредь относиться к г[осподи]ну генерал-лейтенанту Милорадовичу в Букорест, отправляя чрез него же и ко мне ваши донесения. В прочем я совершенно обнадежен опытностью и ревностным усердием Вашим к службе, что Вы с почтенными сербскими войсками вскоре успеете общими силами открыть верную коммуникацию; по открытии коей амуницию, какая есть, и свинец, для них посланный, постараетесь скорее к ним доставить, о чем буду ожидать подробных от Вас уведомлений.

Генерал от кавалерии Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 42. Подлинник.

№ 229

Донесение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу о просьбе сербских депутатов направить в Сербию К. К. Родофиникина

№ 509

6 мая 1807 г. Бухарест

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич! Вчерашнего числа явились ко мне сербские депутаты и между прочим спрашивали, могут ли они просить его императорское величество, чтобы действительный статский советник Родофиникин был к ним прислан. Я отвечал, что все зависит от них. Почему сего числа и принесли мне пакет на высочайшее

имя ¹, который при сем препровождая, предоставляю впротчем Вашему прощению. С совершенным почтением и искреннейшею преданностью навсегда пребыть честь имею, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Иван Михельсон

Помета: Пол[учено] в Тильзите 26 мая 1807 г.
АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 169. Подлинник.

¹ Речь идет о письме П. Новаковича, И. Гагича и А. Лукича на имя Александра I от 5 мая 1807 г., в котором, ссылаясь на свои просьбы, высказанные уже И. И. Михельсону (см. док. № 221), и прежде всего на просьбу о присылке к ним по высочайшей воле чиновника в качестве председателя Правительствующего совета сербского, депутаты просят Александра I по своей воле назначить конкретное лицо, но в целях ускорения решения вопроса они согласны принять К. К. Родофиникина (АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 170 и об.; *Вукићевић М. Караџорђе*, кн. 12, с. 493).

№ 230

*Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону об установлении связи
с отрядом М. Стойковича*

7^бмая 1807 г. Крайов

Лишь только отошел с отрядом от Краева 10 верст, получил от партии рапорт, что турок до 400, точно по верному разведыванию было бежавших из Журжи, которых ни в Турне не приняли, ни по Реву переправиться не позволили. Они, остановясь близ Островян, собирали на пищу себе хлеба и разгласили: присланы они для строения укрепления, дабы под тем предлогом жителей понудить к скорейшему доставлению оного, везде сие разлилось, дошло и до моего сведения. Я отправил партию для разведывания о том, от которой получил рапорт, что турки на месте собирают людей на работу укрепления, а вместо того, приготовясь хлебом, поспешили переправиться чрез Жню и потянуться к Видину. Я, возвратясь в Крайов наперерез, собрав остатки конницы при помощи здешнего каймакана прибавлением конных сербов, отправил партию. Надеюсь, авось не уdatся ль, настигнув, истребить их. Доложу вашему высокопревосходительству, прибытие войск в здешний край столько впечатлело в турках страх, что они везде, оставя свои стражи, перебираются на ту сторону Дуная, а обыватели крайовские, обрадовавшись тому, из пустынь, где варварами загнаты были, начали собираться, и пока я очистю другую половину Боната и проведу цепь по-над Дунаем аванпостами, тогда без сомнения наполнен будет город жителями. Коммуникация с сербскими войсками открывается. От начальника их Миленка полученные письма при сем представляю ¹. Сего утра приехали сюда из корпуса их, расположенного в Стубике, 5 сербов, доставили здешнему каймакану письмо, сказывали мне, весьма начальники и войско их обрадовано сближением войск наших. Я готов, за провнантом остановка, чрез 3 дни обнадежили меня стоговить на 10 дней оного, тогда я приму движение прежде к Орсовой. Свинцу еще доставлено из Букараста 150 пуд, пороху нет, в коем великая надобность есть. О чем вашему высокопревосходительству доношу.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 65 и об. Подлинник.

¹ В письме М. Стойковича и П. Добринца к трем сербским депутатам от 4 мая 1807 г. на имя капитана Петра Новаковича Чардаклии сообщалось, что упомянутое письмо сербских депутатов послано Карагеоргию и что готовый вступить в Крайну отряд сербов ждет прихода русских войск к Дунаю (ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 112).

№ 231

Рапорт командующего корпусом в Валахии М. А. Милорадовича И. И. Михельсону о доставлении сербам 150 пудов свинца

№ 454

9 мая 1807 г. Бухарест

По повелению вашего высокопревосходительства от 7-го числа сего месяца за № 826 для доставления сербам из запасного парка, состоящего под ведением от артиллерии господина полковника Мертенса, свинца по малоимению оного 150 пуд, в отряд господина генерал-майора Исаева с наряженною командою 20 человеками при одном офицере сего числа отправлен ¹. О чем вашему высокопревосходительству честь имею донести.

Генерал-лейтенант Милорадович

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 24, д. 55, ч. 2, л. 10. Подлинник.

¹ Приказы главнокомандующего Молдавской армией об обеспечении сербов свинцом, порохом и амуницией зафиксированы в ряде документов. В частности, в предписании И. И. Михельсона И. И. Исаеву от 6 мая 1807 г. указывалось на необходимость после установления коммуникации с сербами доставить им порох, свинец и амуницию. В ответных рапортах И. И. Исаева И. И. Михельсону от 7 мая (см. док. № 230) и от 8 мая 1807 г. говорится о получении им из Бухареста 150 пудов свинца и об отправлении его сербам. В распоряжении от 8 мая 1807 г. И. И. Михельсон вновь напоминал Милорадовичу о необходимости отправить сербам весь остаток свинца, а по прибытии новых транспортов с боеприпасами — еще 500 пудов свинца и 4 орудия из корпуса генерала-лейтенанта С. М. Каменского. О выполнении этого распоряжения Милорадович рапортовал Михельсону уже 10 мая 1807 г. 11 мая 1807 г. И. И. Михельсон докладывал в вышестоящие инстанции об отправке сербам пороха и свинца. 24 мая 1807 г. И. И. Михельсон потребовал от М. А. Милорадовича доклад о ходе операции по установлению коммуникации с сербами и обеспечению их боеприпасами (*ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/165, св. 29, д. 9, л. 42, 44, 46; оп. 5/165, св. 24, д. 55, ч. 2, л. 17*).

№ 232

Письмо А. Я. Будберга Петру I Негошу о невозможности в настоящее время изменения политического положения Черногории

11 (23) мая 1807 г.

Приятное для меня писание Ваше, отправленное с архимандритом Ивковичем, я имел честь получить ¹. Ведая доверенность, каковою архимандрит сей удостоен от вашего высокопреосвященства и от всего черногорского народа, и зная усердие его к своему отечеству, я не оставил войти с ним в пространное объяснение обо всем, до края Вашего отношения, и донести о том государю императору ². Его величество поручил мне в сем письме моем к вашему высокопреосвященству возобновить и подтвердить толико крат даинные уверения о искреннем участии, каковое приемлет он и не престанет принимать в единоверных с Россиею народах, населяющих край Ваш. Настоящее положение дел, как Вы то по благоразумию Вашему легко представить можете, не дозволяет еще ничего определить относительно политического положения страны той, но когда, помощию всевышнего, общие дела будут приводимы в желаемый порядок, ниспровергнутый ныне ухищрениями и ненавистью всеобщего врага, тогда одно из главнейших попечений его императорского величества будет конечно то, чтобы благоденствие управляемого Вами народа и с ним сопредельных, единую веру с Россиею исповедующих, устроить на основании прочном и жребий их ustanовить, колико то можно, согласно с их общим желанием. При предприятии, толико верном и столь приятном для сердца всемиростивейшего нашего государя, благоразумные советы

Ваши, конечно, будут заимствованы, но для достижения событий сих необходимо благополучное окончание нынешних всеобщих смятений, к чему и устремлены теперь все пожелания государя императора. Не оставьте и Вы приносить молений Ваших пред святым престолом всевышнего, да увенчает он полным успехом благие намерения всеавгустейшего своего помазанника.

В окончание сего остается мне во исполнение высочайшей воли просить ваше высокопреосвященство, чтобы всех, разделяющих труды Ваши и споспешествующих предприятиям Вашим, Вы уверили о благоволении к ним государя императора и обнадежили бы их, что по мере оказываемых ими услуг к пользе своего отечества не будут они оставлены монаршею милостию.

Впрочем же за особое для себя поставляю удовольствие уверить ваше высокопреосвященство в личном моем к Вам уважении и засвидетельствовать то искреннее и совершенное почтение, с коим имею честь быть.

Резолюция Александра I: Быть по сему. Бартенштейн. 9 мая 1807 г.

Помета: Подписано 11 (23) мая 1807 г. и отправлено с архимандритом Ивковичем. АВПР, ф. ГА I-8, 1807 г., д. 1, л. 6—10. Отпуск.

¹ Упомянутое письмо черногорского митрополита Петра I Негоша А. Я. Будбергу в данном деле отсутствует, а в других фондах не обнаружено. Текст прошения митрополита на имя русского царя издан А. Трачевским в публикации: Дипломатические сношения. . . , т. IV. — Сб. РИО, СПб., 1893, т. 88, с. 42—43, 45—46.

² По поводу прошения черногорского народа А. Я. Будберг докладывал Александру I в мае 1807 г., но на письменном тексте доклада, к сожалению, отсутствует число. В своем докладе А. Я. Будберг сформулировал и основные положения ответа на прошение черногорского народа (АВПР, ф. Канцелярия, д. 7914, л. 87—89).

№ 233

Выписка из письма депутата Правительствующего совета сербского И. Гагича в Совет об осаде русским отрядом Острова на Дунае и об отсутствии коммуникации с сербскими войсками

22 мая 1807 г. Гогош

Вот что медление делает! Неприятель собрался на Дунай коммуникации нашей препятствовать и совсем запереть, а особливо собрался против сербов с большим укреплением и храбростию, и сербам почти невозможно к Дунаю прийти. Мы с г. генералом Исаевым на Дунае сидим уже 9 дней и каждый день отправляем по одному человеку к г. Миленку, и еще ни один из посланных не возвратился с известием, ни же знаем довольно, какова тому причина. Однако что наши к Дунаю не приходят, видно, что турков будет против их много, потому что ежели бы турков много не было, наши бы к Дунаю непременно пришли. Г. генерал несколько войска у острова переправил, и уже два дни с турками бьются, и из острова их выгнать не могут, и еще турки больше собираются и на сию сторону переходят, и в острове сем Мула находится, [как] жители утверждают, которые из острова к нам прибегли. Мула Гушанц-алию с 1800 турков поставил на поречку дорогу, чтобы Миленку ни хлеб, ни помощь из Пореча не пришла. По показанию людей, турецкий лагерь против Миленка состоит из 20 тыс. у села Малаинца. Под Ниссою также есть великая сила турецкая против нас. У Босни с турками бьются непрестанно. Итак, видно, что турки от всех стран на наших напали. Г. генерал Исаев хочет ретироваться в Крайово. Он говорит: я пришел коммуникацию с сербами сде-

лать и уже здесь дожидаясь 9 дней, а сербы не приходят на Дунай, остров бы как-нибудь взял, но напрасно, потому что другого нет, а я сам защищать остров не могу; на случай, ежели турки сербов разобьют, тогда все нападут на меня, а у меня войска мало, и ежели турки и от Никополя придут, тогда отрежут мне и ретирату, и еще может мне коммуникация отрезаться и с русскими, и с сербами, и говорит сей генерал, что он имеет и повеление ретироваться. Турки имеют намерение всю свою силу против сербов употребить

Верно.

Обер-аудитор 4-го класса Логвинов

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 207—208. Заверенная копия.

№ 234

Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о снятии блокады Острова и намерении отступить в Крайову

№ 212

22 мая 1807 г. Гогош

Вашему превосходительству доношу. Я сделал все, что от меня зависело. Левую сторону реки Дуная очистил, турок одних истребил, а другие от страха за Дунай бежали. На большом острове Кирбове между Правово и Бирзо-Паланкою укрепление немалое с батареею двупушечною, по достоверному известию, содержащее 200 турками и навещавшее в самое сие время в ночи главным начальником Мулою, 2 дни в блокаде содержал, ожидал от сербских войск (как они от моей позиции имеют расположение при селении Штубике, не далее 15 верст, все выстрелы их пушечные и ружейные слышны, нельзя и им о таковых и у меня бывших не известиться) к открытию коммуникации отряда. Но не видя того, не счел за нужное штурмовать и продолжать блокаду, ибо дорого б нам стоило, а количество людей в отряде, мне вверенном, на то нужных, весьма мало, возвратил из Задунайца войски. И сей день только пробуду во ожидании посланных в трех местах к г. Миленку вестноосцев. Если не получу желаемого, оставя берега Дунайские, отступлю к Крайову, обезпечу отряд расположенными в нужных местах аванпостами, а получу — останусь. Меня и сербских курьеров, из Букареста возвращенных, приводят в сомнение известия, дошедшие о сделании турками войскам сербским блокады, приметно справедливы. Вашему превосходительству доложу, нужна весьма коммуникация с сербами, когда б открылась, можно б чудеса настроить. Задунайские крепостцы не оставил бы без навещения, все в тревоге, как из приложенного при сем в копии оревского коменданта на молдавском диалекте садовского аванпоста начальнику письма усмотреть изволите, да и в других крепостцах коменданты все к побегу приготовленное имеют. 14-го числа о истреблении неприятеля в Албе-Извориле, в Калафате до 300 турок бывших, получа известие, что казаки, преследуя его до Сачи * близко были. Опасаясь, чтобы и они той участи не подверглись, оставя свое укрепление, в страхе бросаясь на суда, больше 100 потонуло, о чем мне сказали служившие при их войсках из волох возвратившиеся сюда пандуры и подтвердили то являющиеся здесь оттоль волохи. Известие задунайское при повелении вашего превосходительства я получил.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 8 и об. Подлинник.

* *Название неразборчиво.*

№ 235

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву при невозможности установления коммуникации с сербами отступить на соединение с корпусом

№ 569

24 мая 1807 г. Лагерь при Измаиле

Хотя я не предполагаю, чтоб сие случится могло, но когда б неприятель, усилившись, принудил бы нас оставить Букарест, то нужно будет соединение Ваше с тамошним корпусом. Но когда б сего сделать было неудобно и в случае же общего содействия с сербами, то оставатца Вам с ними, чтоб вящше угрожать неприятелю с стороны Видина, и елико возможно будет удержать от покушения на Букарест, а паче, когда сербы присоединили к Вам 2 тыс. своих войск. Но ежели бы сверх моего ожидания соединение сие еще не состоялось и скоро быть не могло, то в случае опасности, отступя, переправиться вам [через] р. Олту и елико можно выше и пробираться, оставя Букарест, вправо на Торговист или выше, либо ниже, но к тому месту, где корпус войск находиться будет.

Генерал-кавалер Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 47. Подлинник.

№ 236

Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о военных успехах сербов

№ 295

29 мая 1807 г. Крайов

Вчерашнего числа садовскаго аванпоста от есаула Денисова, которому препоручено было турок, перешедших на сю сторону на усть Жии на остров и укрепление делавших разбить и истребить оное, получил рапорт, что их там не нашел, прежде его поиска бежали, укрепление, начатое ими, не окончили, а переезжают они в разные набережные селения, берут скот, лошадей, овец и деньги и скоропостижно возвращаются. А по другому извещению ниже Челеи к Излизу переправившиеся при Абдиаге 500 турок под предлогом нападения на каракульской аванпост и далее, собрав с мужиков деньги и 50 пар волов, возвратились за Дунай. Волею по точному разведанию под экипаж Ихорем-паши, а какогo, не могли узнать; для отдаления от Дуная, по притчине страху их, внутрь Турции. По сим обстоятельствам я приказал аванпостов начальникам набережных жителей на время отделить в безопасные места, дабы пресечь тем турецкое грабительство и впадение по сю сторону Дуная.

Сего числа доставлено ко мне перешедшими из-за Дуная от стороны Видина сведение, что сербы 4 дня назад тому при помощи пришедшего подкрепления от утеснения блокадою их избавились, турок много побили, и сам начальник их Мулла привезен в Видин раненной. О сем дождавшись подтверждения чрез курьера, отправленного от меня, или вестноносцев, оставлю Крайов под безопасным прикрытием при полковнике Пеиче, приму движение мое к прежнему предмету на остров между Правово и Бирзо-Паланкою, и все возможности употреблю открыть коммуникацию с сербским войском; заберу отсель несколько исправленных здесь к переправе способных лодок. Навещением Крайова возвратило * здешних жителей в свои дома и вывело из сомнения, которое они по тревоге по-

* Так в тексте.

всеместно имели; и теперь есть надежда умножить город ими. О чем вашему превосходительству и главнокомандующему армиею особо доношу.

Сейчас вестносец принес известие: никопольской паша, забрав из Никополя и Турны сколько нашлось конных турок, поспешно тою стороною Дуная пошел к Руцку. Сотник Лузинцов с командою отправлен.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 12 и об. Подлинник.

№ 237

Отношение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу в связи с назначением К. К. Родофиникина российским представителем в Сербии

1 июня 1807 г.

Имел я честь получить высочайшее разрешение государя императора, последовавшее на прошение депутатов сербских, о назначении к ним д[ействительного] с[татского] с[оветника] Родофиникина, в депеше с[татского] с[оветника] от 21 мая месяца изъявленное¹. Долгом считаю Вам, м[илостивый] г[осударь] мой, в ответ на оную и для донесения его с[иятельству] объяснить, что, по моему мнению, не токмо не бесполезно, но по настоящим обстоятельствам существенную пользу принести может в течение дел сего края вообще пребывание у сербов чиновника нашего с доверенностию; и тем паче ободрительно для них, такового и примут они оное наивысшим доказательством великодушного к ним расположения государя императора, что исполнится тем предмет желания их повергнутого к престолу монаршему. Я не замедлю по тому отправлением в Сербию г. Родофиникина приличным образом, снабдив его наставлениями моими и письмами к Черному Георгию и к Народному совету², коль скоро свободна туда будет коммуникация, ныне турками прекращенная.

Во исполнение же монаршей воли касательно отпуска сербам суммы сверх 50 тыс. пиастров, кои даны уже им от меня для заплаты за 4500 ружей, по уведомлению господаря К. Ипсилантия в Землине имеющиеся, снабжу я г. Родофиникина на первый случай 50 тыс. пиастров³.

Имею честь быть. . .

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 13, л. 4 и об. Отпуск.

¹ Приказ о назначении К. К. Родофиникина российским дипломатическим представителем в Сербии и данная ему в этой связи А. Я. Будбергом инструкция от 21 мая 1807 г. опубликованы в статье Н. Ф. Дубровина (см.: *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос. . ., с. 558—559).

² Предписание главнокомандующего Дунайской армией И. И. Михельсона К. К. Родофиникину от 16/28 июня 1807 г., а также его письмо к Карагеоргию от того же числа опубликованы: ВПР. Сер. 1, т. III, с. 623, 625. Письмо И. И. Михельсона Правительствующему совету сербскому от 16 июня 1807 г. см.: *Дубровин Н. Ф.* Материалы для истории царствования Александра I. — Военный сборник, СПб., 1864, т. XXXVII, вып. 7, с. 82; *Богишич В.* Разбор. . ., с. 112—114.

³ 17 июня 1807 г. И. И. Михельсон известил А. Я. Будберга, что с К. К. Родофиникиным в Сербию будет отправлено 100 тыс. пиастров. Причем 50 тыс. пиастров будут взяты из фондов русской Дунайской армии, а остальные — из доходов молдавского Дивана (см. док. № 244). Но поскольку к этому времени молдавский Диван не располагал необходимой суммой денег, И. И. Михельсон был вынужден увеличить первоначальную дотацию сербам из фонда Дунайской армии на 5 тыс. червонных (см. док. № 254, а также: АВПР, ф. Капцелярия, д. 1887, л. 270—271, 300—301).

Ведомость состава и количества войсковых соединений под командованием М. А. Милорадовича

4 июня 1807 г.

Звание полков и команд	Где оны расположены
<p style="text-align: center;">Пехота</p> <p>6-й егерский полк Сибирский гренадерский полк Два батальона Апшеронского мушкетерского полка Один батальон Олонецкого мушкетерского полка Пионерная рота майора Гебенера</p> <p style="text-align: center;">Артиллерия</p> <p>Полроты батарейной артиллерии полк[овника] Мертенса 10 орудий батарейной арт[иллерии] майора Веселитского Полроты конной арт[иллерии] подполковника Фока Одно орудие конной Донской артиллерии</p> <p style="text-align: center;">Кавалерия</p> <p>Два эскадрона Житомирского драгунского полка Пять эскадронов Белорусского гусарского полка Пять эскадронов чугуевских регулярных казаков Один эскадрон черносербских гусар полковника Милорадовича</p>	<p style="text-align: center;">Около города Букареста</p>
<p style="text-align: center;">Посты казацкии</p> <p style="text-align: center;">Главный пост</p> <p>Мелентьева казачьего полка — 279 человек Чернушкина 228 » Исаева 3-го 353 »</p> <p style="text-align: center;">От опого:</p> <p>Малые извежательные посты от 15 до 20 человек донских казаков</p> <p>Казаки полковника Нитича 435 человек</p>	<p style="text-align: center;">Где они расположены</p> <p style="text-align: center;">В Сингешти</p> <p>В Слободзее на Сабаре по край- овской дороге — 20 казаков [В] Фонтине под Урадулуй- вода — 15 [В] Крешети — 15 [В] Брагадир — 15 [В] Добрени — 20 с офицером [В] Кильнау — 15 [В] Под юпитарулуй — 20 с офи- цером [В] Тынгана — 30 с офицером [В] Пасаре — 15. От Слободзеи вверх по реке Са- баре по селепням, при переправах, на сей реке расположенных</p>

Звание полков и команд	Где они расположены
<p>При вагенбурге</p> <p>Понтонная рота майора Магденки</p> <p>Два орудия батареиной арт[иллерии] майора Веселитского</p> <p>Один эскадрон житомирских драгун</p> <p>140 человек пандур, принадлежащие полковнику Нитичу</p> <p>110 казаков полковника Нитича</p> <p>155 черносербских невооруженных гусар</p> <p>От оного</p> <p>Малые извещательные посты</p>	<p>В Уразчени</p> <p>В Сатунау</p> <p>[В] Фуддуле по 15 и 20 казаков</p> <p>[В] Гаджешти</p> <p>[В] Пикорешти } по 5 казаков</p> <p>[В] Алексена }</p>
<p>При отряде генерал-майора Мичурина:</p> <p>Батальон Олонецкого мушкетерского полка</p> <p>Два эскадрона житомирских драгун</p> <p>Сотня донских казаков</p> <p>Батальон греков Понгало</p> <p>От оного</p> <p>Малые летучие извещательные посты</p> <p>При отряде генерал-майора Исаева:</p> <p>Один батальон Олонецкого мушкетерского полка</p> <p>4 сотни казаков Исаева 1-го полка</p> <p>250 казаков полковника Нитича</p> <p>Пандуров князя Ипсилантия 325 человек</p> <p>Сербской пандурской команды 458</p> <p>Три орудия конной Донской артиллерии</p> <p>2 орудия польских</p> <p>4 орудия Тираспольской крепости</p>	<p>В Слободзее</p> <p>Чокина } по 5 казаков</p> <p>Перица }</p> <p>Выступил из Крайова для соединения с сербами</p> <p>Выступил из Крайова для соединения с сербами</p>

Генерал-лейтенант Милорадович

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 24, д. 55, ч. 3, л. 36 и об. Подлинник.

№ 239

Рапорт К. К. Родофиникина И. И. Михельсону о беседе с сербскими депутатами в связи с намерением И. И. Исаева отступить в Крайову]

4 июня 1807 г. Фокшаны

По повелению вашего высокопревосходительства под № 626 относительно до отступления г. генерал-майора Исаева в город Крайову¹ не пре-
минул я видаться с сербскими депутатами и успокоить их, что войски оттуда назад не отступят. Они полагают, что если бы мы отправились в Крайову, сыщут средство там на месте известить своих соотчичей, которые, без сомнения, примут надежные меры к переправе нашей и доставле-

нию им пособий денежных и военными снарядами, что имею честь представить на усмотрение вашего высокопревосходительства.

Действительный статский советник Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 23, д. 39, ч. 2, л. 64. Подлинник.

¹ В донесении М. А. Милорадовичу от 22 мая 1807 г. (см. док. № 234) и 24 мая И. И. Исаев сообщал, что принял решение отступить в Крайову, так как коммуникации с сербами установить не удалось, на что последовало предписание И. И. Михельсона от 24 мая 1807 г. (см. док. № 235). После этих решений российского командования последовали два письма: 1) сербских депутатов на имя И. И. Михельсона от 29 мая 1807 г. (опубл.: Исторический архив. М., 1960, т. 1, с. 120) с просьбой отменить отход отряда И. И. Исаева в Крайов и прислать ему новое подкрепление, 2) депутата И. Гагича, находившегося при отряде И. И. Исаева, в Правительствующий совет сербский с просьбой послешить с прибытием сербских отрядов к Дунаю (см. док. № 233). В связи с указанными просьбами сербских депутатов К. К. Родофиникин имел с ними беседу, о результатах которой и доносил в данном рапорте (ЦГВИА СССР, ф. 14209, д. 7, л. 9).

№ 240

Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о занятии Острова на Дунае

№ 315

7 июня 1807 г. Лагерь при с. Гогоше

5-го числа настоящего месяца, возвращаясь к острову большому между Правово и Бирзо-Паланкою для открытия коммуникации с сербским войском, приближась к берегу Дуная на рассвете, усмотрел, что Дунайцем 6 больших судов вверх тянутся по-над берегом острова. Я, будучи тогда при селении Гогошах, не открываясь, дав им сблизиться, а до того отправя полковника Карпова с 2 конными донскими орудиями под прикрытием Олонецкого мушкетерского батальона одной роты капитана Варсанюфьева, приказал скрытными местами пройти ниже их, остановиться. Сам с 2 орудиями гарнизонными взял выше, оставляя суда в середине, а 400 казаков при харунжем Попове полку моего имени переправил с одними дротиками на остров. По восхождению ж солнца, сметив ои сближение мое, поворотились было вниз по Дунаю и, поровнясь с орудиями полковника Карпова, которой приняв их выстрелами от 6 раз, одно судно пробито и залилось водою, а прочие при берегу остановились, и люди, увидев скачущих близко казаков, брося суда, бежали в густой лес, скрывшей их от пленения, оставя на месте 3 человек нашими убитых. Суда сии вмещали в себе на немалую сумму товару, а какого именно, представляю при сем регистр. Хлеба разного было более 300 четвертей, употреблен нижним чинам в пищу, а товар остался нам в добычу. Суда теперь служат переправною на остров, ныне в руках наших имеющей с хорошим укреплением, коему подношу при сем план¹. Доложу притом, прибавши суда в руки, лишь только полк моего имени, впереди переправившей, показался со всех сторон, а пехота переправляться начала, то неприятель, коего не более было 200 человек, увидев свою опасность, оставя укрепление, бежал на приготовленных судах с пушками и дал случай без потери воспользоватца укреплением и островом. Теперь реке Дунаю в сем расположении сделались хозяева. Не упустил дать знать верховному начальнику сербских войск Георгию Петровичу Черному, от коего ожидаю сего дня об открытии коммуникации ответа. О чем вашему превосходительству доношу.

Генерал-майор Иван Исаев

Р. С. И отыскать письмо на греческом диалекте, где товар пишим препоручен турку Осман Реизу.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 18. Подлинник.

¹ Упомянутый список товаров и план укрепления острова находится в ЦГВИА СССР (ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 19).

№ 241

*Прошение сербского сердара М. Никшича М. А. Милорадовичу
принять его на русскую службу*

7 июня 1807 г.

По объявлении высочайшего манифеста в рассуждении войны с турками отставной российской императорской службы Василий Иванович сын Княжевич и объявил свое желание паки вступить в высочайшую службу под начальство мое и что имеет собранную команду в Тираспольском уезде волонтеров из вольных людей и дворян до 200 человек на собственных лошадях и собственную амуницию и артиллерию, только им изхотатайствовать высочайшую милость, дабы они получали пожертвование приличное их жалованию и составляли бы собственную команду под начальством моим. И вашему превосходительству небезызвестно, как сербское общеприродное к российскому престолу усердие, тоже и прежние мое заслуги, за которые высочайше награжден я знаками отличия. Прошу всенижайше удостоить меня своей протекцией и не оставьте представлением куда следует о сем моем всеусерднейшем желании. Я нарочно для того приехал в доказательство, что истинно желаю жертвовать жизнью моею за всевысочайший престол российский и государя императора, только бы удостоился высочайшей милости быть принятым во всевысочайшую его императорского величества службу чином, каким высочайше заблагорассуждено будет.

Сербский сердарь Мина Никшич

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 31, д. 27, ч. 6, л. 6 и об. Подлинник.

№ 242

*Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о плане совместных
действий с сербскими войсками и с просьбой прислать орудия
и снаряды*

9 июня 1807 г. Лагерь при с. Гогоше над Дунаем

Вчерашнего числа перед вечером частный сербский начальник Миленко, посланный от высшего Георгия Черного с отрядом, из 1000 человек состоящем, пришел к берегу; оставя его, сам с несколькими чиновниками переправился ко мне. Я, по усиленной просьбе их, положил с отрядом моим переправиться за Дунай и общими силами разбить и вовсе сокрушить неприятеля, в 5 тысячах состоящего, которой удерживает на одном месте сербское войско. Оставя до возвращения моего 500 человек сербов с 2 орудиями в укреплении на острове, другие 500 в деревне Гогоше, с моей стороны аванпосты будут содержать 2 отряда пандур здешней земли: один в деревне Извориле-Албе, другой — в Калафате. Окончив сие при помощи божией, Георгий Черный возвратится к Боснии и будет действовать против усиленного по поводу пропущенных туда тайно чрез Цысарию 800 французов неприятеля, о чем узнал я от Миленка, которой оставшись на правом берегу Дуная, а я, переправясь обратно, будем очищать оба берега сей

реки. Предприняв сие и имея в виду некоторые неприятельские укрепления, непременно нужным полагаю иметь ежели не два, то хотя один единокор, которые покорнейше прошу вашего высокопревосходительства кому надлежит повелеть ко мне доставить, так как и зарядов шестифунтового калибра 500, полагая в то число издержанные из комплекта при сражениях; порох также, сколько для вверенного мне отряда, а больше для сербов, кои кричат о нем, очень нужен. Считая доставление всего сего по малым количествам затруднительным, не оставьте приказать, ваше высокопревосходительство, снабдить в один раз, чем и я буду в рассуждении сего обеспечен.

Подробное донесение о деле, при селении Извориле происходившем, от 17-го числа мая сего года под № 251 чрез генерал-лейтенанта Милорадовича к вашему высокопревосходительству отправил, от коего получил и уведомление, что оно чрез нарочного от него уже отослано, с которого копию при сем вторично представляю. По доверенности Георгия Черного Миленко просил меня донести вашему высокопревосходительству, что им нужны, по крайней мере, 2 батальона пехоты и 2 эскадрона кавалерии для образования их войск. Сие представляя на рассмотрение Ваше, впрочем буду иметь честь и о последствиях моих предприятий доносить вашему высокопревосходительству.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 90 и об. Подлинник.

№ 243

Письмо Карагеоргия к сербским депутатам П. Новаковичу и А. Лукичу о соединении сербских войск с отрядом И. И. Исаева и с просьбой содействовать скорейшему представлению помощи

9 июня 1807 г. Остров

Поздравляем вас, брат Петр, также брат Аврама, любезно поздравляем вас. Особито вам извещаем как мы с господином генералом Исаевым соединились и принуждаем его к нам притить, чтобы нам вспомоществование сделал в теперешней нужде. Но его силы слабые с етим прейтить, а чтоб ему на Дунаю вставить, я принужден был Босну оставить и притить в Крайну освободить братью ¹. А послы турки усилилися из Боснии и наступили [в] наши места, и притом слышу, что и французы тихим образом пришли в Зворик ². Теперь не знаю, где мне ополчаться, здесь ли или там? Но когда пороху, свинцу и провизии нет, а немцы за деньги ничего не дают, теперь что мне делать? Знаете ли вы, за что вы посланы и какую нужду мы имеем и за что должность вашу не делаете, но хотите нас всех у пропасть положить, чтобы с головою не шутили, но смотрите как скорей, чтобы нам регулярные войско в помощь пришло и министр для управления, ибо естли что вскорости не будет — из нас ничего нету чрез 8 дней; естли не пойду из Краини, пропадет нам весь куток Боснии и до самого Белграда неприятель хочет освоить и послы не будем в состоянии ни с того другого края занять. Но смотрите, как скорей возможно порох, пушечные ядра трехфунтовые и разного сорту, мастеров для минерал и всякие инструменты, которые нужны могут быть. С тем остаюс от вас, как скорей ответ ожидаючи, буду ли я того получить или нет, с тем вас поздравляю.

Подписал Черный Георгий Петрович, верховный сербский комендант
ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 127—128 об. Пер. с сербск. яз., современный подлиннику. Частично опубли.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 522.

¹ О походе Карагеоргия в Неготинскую Крайну и совместных действиях сербских повстанцев с войсками генерал-майора Исаева см.: *Петров А. Н.* Война России с Турцией. . . , т. I, с. 229—232; *Вукићевић М.* Карађорђе, књ. 2, с. 519.

² Подробнее об этом см.: *Чубриловић В.* Први српски устанак. . . , с. 69—72.

№ 244

Предписание И. И. Михельсона К. К. Родофиникину об истребовании от молдавского Дивана денег для сербских войск

№ 667

11 июня 1807 г. Лагерь при Измаиле

Ваше превосходительство, благоволите истребовать от правительства молдавского из доходов райи Хотинской, которые должны храниться особо, 50 тыс. пиастров для сербов, сверх 50 тыс., которые должны поступать к Вам отпущены здесь от меня для них, что и составит стотысячную сумму, им мною назначаемую ¹.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 21, д. 26, л. 27. Отпуск.

¹ В письме от 17 июня 1807 г. К. К. Родофиникин сообщил И. И. Михельсону, что молдавский Диван в данное время не имеет наличных денег для передачи сербским повстанцам. Однако вместо них он предлагает увеличить поставку хлеба для нужд русской армии (ЦГВИА СССР, ф. 14209, д. 26, л. 28 и об.). Как видно из публикуемого нами документа № 254, И. И. Михельсон согласился с этими предложениями и соответственно увеличил определенную им ранее для передачи сербам сумму из фондов Дунайской армии на 5 тыс. червонных.

№ 245

Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о посещении Острова Карагеоргием

№ 325

12 июня 1807 г. Гогаш

Сербских войск верховный начальник Георгий Черный, вчерашнего числа переправясь Дунай, был на большом острове в укреплении, где я принял его с почестью, соответствующею его званию, ожидал подтверждения положению моему с частным начальником Миленком в рассуждении соединения отряда, мне вверенного, с войском его, о котором вашему превосходительству я от 9-го числа настоящего месяца донес ¹, но с самого начала нашего свидания не только о предмете том, даже ни о чем говорить со мной не хотел. Посмотря укрепление, отошел к берегу Дуная и там с своими митрополитом и чиновниками под тению дерева остановился. Я, видя его неудовольствие и удаляющегося от меня, возвратился в укрепление; не зная совсем тому причины, принужден послать к нему переводчика губернского секретаря Лиготовича уведомить, что то значит, который пересказал мне слово от слова следующей разговор его. «Мне себя не жаль, а сожалею о многих тысячах душ народа, ибо я скрывал почти 4 года, посторонним никому не объявлял (кроме тех, коим должно было знать) о связях моих с Россиею. Сего году обстоятельства заставили обнаружить Австрийской империи, что я нахожусь под покровительством российского императора, и по обнадеживанию российских господ ожидал гораздо более и более во всем пособия, но вместо того ни в чем, даже и в войсках не нахожу его, в то время когда вся турецкая сила обращена на меня. Австрийский же двор, негодуя на меня за то, строжайше запретил ни за какие деньги на войски мои хлеба не отпускать, отчего я с войском имею совершенной в оном недостаток» ². После сего разговора прислал ко мне

частного начальника Миленка переговорить со мной, который именем его просил соединиться с сербским войском, оставя прежнее положение в своей силе, также и то, чтоб расположить до времени возвращения моего из их войск отряды: на острове в укреплении — 500, в Гогоше — 500, при каждом по 2 орудия из доставленных мною к ним, сверх того, по правую сторону реки Дуная у берега — 500 для свободной коммуникации, тягости все остаются под смотрением сербов. Вследствие чего я сего числа переправляюсь чрез Дунай и, переправясь, направляю путь мой в лагерь, у Шубика имеющейся. Крайов, в магазейнах которого имеется достаточное количество провианта, и весь Банат останутся в опасности от нападения неприятельского, ибо есть уже некоторые сведения, что неприятель от стороны Зимницы партиями сильными появляется по сей стороне Олты, и цель оного стремиться сделать покушение на Крайов, аваншты не в состоянии будут удержать его, тогда как коммуникация с Букарестом, так и доставление на отряд, мне вверенной, провианта пресечется, а притом и жители постраждут лишением нового хлеба. О чем имею честь донести вашему превосходительству, покорнейше прошу не оставить приказать доставить ко мне то, о чем я рапортами моими просил вашего превосходительства³.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 23 и об. Подлинник. Частично опубли.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 522—523.

¹ Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу от 9 июня 1807 г. текстуально полностью совпадает с его рапортом на имя И. И. Михельсона от того же числа (см. док. № 242).

² В соответствии с замыслом главнокомандующего Молдавской армией И. И. Михельсона на соединение с сербскими повстанцами был послан отряд русских войск в количестве 1 тыс. человек под командой генерал-майора И. И. Исаева. Узнав об этом, Карагеоргий был весьма недоволен количеством направленных в Сербию русских войск и общими размерами материальной помощи. В своем письме от 22 июня 1807 г. (док. № 252) он писал И. И. Михельсону, что в Сербию пужно послать по меньшей мере 4-тысячный корпус регулярного войска. Только такие силы могли бы ободрить восставший народ и подтвердить право России на ее покровительство восставшим сербам. Карагеоргий с нескрываемой обидой признался, что он в расчете на русскую помощь 4 года скрывал от народа более выгодное предложение Австрии, которая в связи с этим заняла более жестокую позицию по отношению к повстанцам. Чтобы успокоить Карагеоргия, Михельсон предписывал К. К. Родофиникину и И. И. Исаеву разъяснить ему общую ситуацию и усилить помощь сербам (см. док. № 254, 255). Кроме того, он известил правительство о недовольстве Карагеоргия размерами русской помощи (см. док. № 258, *Петров А. Н. Война России с Турцией. . .*, т. I, с. 224—229; *Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 518—523*).

³ Насколько можно предположить, речь идет о снабжении отряда И. И. Исаева и сербских войск различного рода боеприпасами и оружием (см. док. № 246 и коммент.)

№ 246

Рапорт М. А. Милорадовича И. И. Михельсону об отпуске боеприпасов для отряда И. И. Исаева и сербских войск

№ 795

15 июня 1807 г. Бухарест

Генерал-майор Исаев требует в своем рапорте зарядов шестифунтовых 500.

Из малого запасного парка могут отпустить 500 зарядов шестифунтовых с ядрами, кои он требует, и для сербов же пороху 90 пуд, свинцу 250 пуд, бумаги 35 стоп, что сделает 137 тысяч 143 патрона, полагая на каждый патрон пороху 2 $\frac{1}{2}$ золотника, свинцу 7 золотников.

Теперь и другой запасной парк из Ясс прибыл в Фокшаны, то ежели ваше высокопревосходительство заблагорассудите повелеть прибавить сербам пороху и свинцу, то покорнейше прошу снабдить меня повелением, дабы в одном транспорте достаточное количество отправить.

Генерал-майор Исаев требует так же одного или двух единорогов, о чем донося, ожидать буду также повеления вашего высокопревосходительства.

Прежде же сего отправлено к сербам по повелению вашего высокопревосходительства пороху 30 пуд и свинцу 150 пуд.

Генерал же майор Исаев просит снабдить его в один раз достаточным количеством как для отряду его, так и для сербов, дабы он был в рассуждении его обеспечен ¹.

Генерал-лейтенант Милорадович

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 24, д. 55, ч. 3, л. 53 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 245, коммент. З. И. И. Михельсон в письме к М. А. Милорадовичу от 11 июня 1807 г. подтверждал свое предписание от 16 июня 1807 г. о выделении сербам 500 пудов пороха, 700 пудов свинца и 1 тыс. снарядов (ЦГВИА СССР, ф. 14209, л. 5, л. 38).

№ 247

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о переправе через Дунай для соединения с сербскими войсками

№ 338

17 июня 1807 г. Лагерь за Дунаем

Чрез Дунаец на остров, а с оного [через] Дунай с отрядом, мне вверенным, сего числа в 4 часа пополудни переправился на судах, взятых у неприятеля с товаром; переправа продолжалась 3 дни, сильный противный ветер был причиною медлительности. Завтрашний день соединюсь с верховным сербским начальником Георгием Петровичем Черным и обще будем содействовать против неприятеля, удерживающего его от дальнейших предприятий, опровержение которого с помощью всевышнего несомнительно, а тогда и коммуникация останется беспечна. Припоминаю еще вашему высокопревосходительству о прежних моих представлениях в рассуждении пороха, зарядов пушечных, 2 донских единорогов, считаю необходимым просить также и свинца, нужного для сербов. О последствиях же по предмету общего нашего действия против неприятеля не премину иметь честь доносить вашему высокопревосходительству.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 101. Подлинник.

№ 248

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о необходимости вместе с сербами угрожать Видину

№ 701

18 июня 1807 г. Лагерь при Измаиле

Рапорты вашего превосходительства от 7 и 9 июня я с удовольствием получил ¹. Поздравляю Вас с добычею и занятjem острова. Все Ваши распоряжения совершенно одобряю. Но как скоро соединенными силами храбрых сербов разобьете пятитысячный турецкий корпус, о котором Вы в последнем рапорте ² говорите, то нужно Вам общими силами угрожать

Видин или тамошнюю округность, имея всегда в виду Крайов с его округностями, чтоб не могли овладеть оным турки и тем пресечь не только коммуникацию Вашу с бухарестским корпусом, но и лишить Вас нужного продовольствия, которое не только Вы для части Вашей из сих уездов иметь должны, но и большое количество всякого хлеба при новом урожае может быть собрано для храброго сербского войска, каковых выгод никак лишаться не должно. Снаряды, порох и свинец я предписал отправить, но единороги, требуемые Вами и требуемые сербами 2 баталиона пехоты и 2 эскадрона кавалерии, пока не будут вновь разбиты визирские войска при Калараше и не придут вновь идущие сильные корпуса войск, на первый случай отрядить невозможно; а могут, между тем, сии храбрые войски угодное им образование занять от войск, с Вами находящихся. Между тем, я отрядил еще 6 орудий из Каменца-Подольского, приготовленные со всеми снарядами, которые к Вам идти должны, и ваше превосходительство по рассмотрению Вашему может отдать их сербскому войску.

Генерал-кавалер Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 49 и об. Подлинник.

¹ Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону от 7 июня 1807 г. совпадает с текстом рапорта И. И. Исаева М. А. Милорадовичу от того же числа (см. док. № 240).

² Рапорт И. И. Исаева от 9 июня 1807 г. см. в док. № 242.

№ 249

*Список отличившимся нижним чинам на сражении при деревне
Малайнища и чем кто именно по представлению частных их
начальников**

19 июня 1807 г.

Олонницкого мушкатерского полку,
баталиона полковника Балле

Из дворян португей-прапорщик Сухарев
Фельдфебель Гладков
Унтер-офицер Поцелуев

Бросились храбро с находящимся при них малым числом солдат к неприятельскому орудию в укрепление, завладели оным и остались при нем до тех пор, пока укрепление от неприятеля было совсем очищено.

Из дворян унтер-офицер Семен Кошилев
Рядовые:

Ермолай Мартынов
Михайло Свистун
Адам Томасов
Василий Овсянников
Афонасий Луенча
Василий Пустовойтов

В сражении отбили каждый у неприятеля по одному знамя.

Унтер-офицеры:

Василий Сотен
Арефий Иванов

Отразили несколько раз неприятельские удары от поручика Лызлова, закололи того турка и тем избавили его.

Рядовой Константин Кузмин
Рядовой Фома Лишанчук

Избавил своего подпоручика Лихачова от удара кинжалом и заколол того турка.

* Заголовок документа.

Понского казачьего Исаева 1-го полка

Урядники: Карп Киреев
Григорий Кузнецов
Иван Забазнов
Ларион Хахляков
Полковой писарь Егор Фролов
Разжалованный из капитанов в казаки
Иван Волошиновский
Казаки: Илия Авиллов
Афанасий Власов
Донской конной артиллерии
Урядники: Из штаб-офицеров
детей служащей шесть лет урядником
Федор Тацын
Иван Фокин
Герасим Бондарев
Арнаут Стоян Стайкович
и пацдур полка Волосского
Барба Пайкос

При разбитии из четвертых шанцев неприятеля, преследовании и при сопротивлениях его своими поражениям себя отличили.

Отбили у неприятеля по одному знамя.

Действовали в поражении неприятеля из своих орудий со отличным искусством и оказали примерную храбрость.

Отбили у неприятеля каждой по знамя.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 6/166, св. 11, д. 40, л. 90 и об. Подлинник.

№ 250

Отношение И. И. Михельсона М. А. Милорадовичу о переговорах с командующим турецкими войсками на Дунае Мустафой-пашой относительно установления перемирия

№ 778]

20 июня 1807 г. Рымник

Рапорты вашего превосходительства от 19-го ¹ числа мною получены. В признательность к дружественному расположению к нам Мустафой-паше охотно возвращаю ему тех 3 пленных, о коих пишете, что он просит; надеюсь, что во взаимность того и он возвратит нам из числа наших пленных, из тех, кои возвращены, не могут считаться пленными, яко неправильно взятые. Ежели оные пленные еще у Вас в Россию не отправлены, то можете зараз их к Мустафе-паше отправить; а ежели отправлены уже, то когда с кем и куда — благоволите уведомить меня, тогда пошлю за ними. Между тем, можете предварительно дать знать о сем Мустафе-паше.

О постановлении перемирия как здесь, так и с генерал-майором Исаевым и с сербами хотя я дал препоручение французскому полковнику Гильемино ² и надеюсь, что сию пору приведено уже оное в действие. По рапорту, однако, г. генерал-майора Исаева, что виддинские турки от него перемирия не приняли и что военные действия там происходят, можете, ваше превосходительство, ответить от себя к Мустафе-паше или и к самому визирю, ежели то от первого не зависит, чтобы оставлены были и там на границах Сербии военные действия, как с нашей стороны давно уже генерал-майору Исаеву предписано.

Арестованного корнета Чернецына за его поступок прикажите содержать под арестом на гоубвахте впредь до повеления, между тем желаю знать, которого он полка.

Генерал Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 82, д. 5, л. 55. Подлинник.

¹ Рапорты М. А. Милорадовича И. И. Михельсону от 19 июня 1807 г. не обнаружены.

² О французском полковнике Гильемино см. коммент. 1 к док. № 288.

*Репорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о разгроме отряда
видинского пашы при дер. Малайница соединенными русско-
сербскими войсками*

№ 342

21 июня 1807 г. Лагерь при Штубике за Дунаем

Соединясь с сербами 18-го числа настоящего месяца при Штубике и осмотрев положение места и войск, положил я с верховным их начальником Георгием Петровичем Черным на другой день в 3 часа пополудни напасть на самого видинского трехбунчужнаго пашу Муллу, окопавшегося с отборным, именуемым кирджали, войском, в 5 тыс. человек состоящим, при селении Малайнице близ Штубика шанцами. Между тем остался он удерживать 500 турок в шанцах, находящихся в отдаленности от главного их укрепления. Сербы, 1000 человек конных и пеших, под командою частного начальника Миленка, соединясь с отрядом, мне вверенным, пробрались обще самую узкою дорогою по густому лесу между гор. На восходе солнца приближался к укреплениям его. Турки на сей раз были осторожны, и как скоро приметили выходящих из лесу на чистую площадь казаков и арнаут впереди, сделали вылазку. Кавалерия их при помощи пехоты напала на них, в то время как из укрепления непрестанно летали ядра на малый мой отряд, находившийся тогда еще в самой густоте леса. Казаки и арнауты подались назад, а сербы, будучи на правом фланге, не выдержав огня, скорым отступлением расстроили было меня так, что едва порядок удержать мог моего отряда, которой тот же час пошел вперед под прикрытием огня нашей артиллерии, коим обратили неприятельскую кавалерию и пехоту. Вышед из сего невыгодного места, построил из Олонецкого мушкетерского баталиона под командою капитана Рагачева вместо майора Трегубова, за болезнью в вагенбурге оставленного, карею на открытой против самых шанцов высоте, подвинулся вперед, расположив атаку таким образом: в центре из карей составил линию, с правой стороны казаков и арнаутов, с левой — здешней земли пандур под командою полковника Курга. Приказал вдруг одним на штыках, другим на пиках и саблях, третьим стрельбою атаковать, кои кинулись стремительно, но храбрый Олонецкого полка баталион прежде всех принудил неприятеля оставить первые и ретироваться во вторые шанцы; находя везде сильное упорство и презирая в сем, занял и вторые, потом и последние крепчайшие, где был сам Мулла. Турки сражались отчаянно, но штыки храбрых российских воинов заставили всюду уступать и искать спасения в землянках, а кавалерия их, совсем оставив шанцы, ретировалась. Пандуры из-за горы много побили бежавших. Тут казаки полка моего имени, ипсилантиевы и арнауты, преследуя их за гору, довольно истребили. Пехота неприятельская, стреляя беспрестанно из землянок, принудила меня приказать зажигать оные, от чего, оставя их, попались опять на штыки нашим, а некоторые, уклонившись от них, пандурам на истребление. Донской артиллерии полковник Карпов 2-й, командовав батареею двух его конных орудий при сотнике Тацыне 4-м и двух при баталионе находящихся с подпоручиком Василевским, под прикрытием Олонецкого баталиона стрелков так хорошо действовал на неприятельскую, что от нескольких выстрелов она принуждена была замолчать, ибо одно ядро попало в самую пушку, другое подбило ее, и артиллеристы, при ней находившиеся, побиты, что много способствовало пехоте штурмовать укрепления, к коим сербы, долженствовавшие приступать в одно время с другими, вошли

тогда уже, когда совсем почти очищены были. Тут в плен достались турок 6, одна пушка, одна мартира и 8 знамен.

Во время сего действия, казачий полк моего имени под командою капитана Исаева вынудил неприятеля из четвертых шанцов, неподалеку в правой стороне находящихся, истребил его, взял также одну пушку, одну мартиру и 2 знамя, а одиннадцатое знамя представлено арнаутскими командами. По объявлению пленных сам предводитель их Мулла едва мог спастись, оставя убитых более 1000 человек, в числе коем довольно и чиновников. С нашей стороны о убитых и раненых людях и лошадях, выпущенных пушечных шестифунтового калибра зарядах, ружейных боевых патронах и утраченных казенных вещах при сем ведомость представляю. Из взятых орудий одною пушкою, при коей один ящик для зарядов, и одною мартирою учтивствовал я верховному сербских войск начальнику Георгию Черному, и оставшие пушку и мартиру, не имея чем их возить, неблагоугодно ли будет приказать отдать ему же. Лагерь и все богатство турок, которого было во изобилии, достались в руки наших войнов. Теперь Георгий Черный занимается блокированием оставших 500 турок, находящихся в шанцах, которым я служу только преградою от стороны Видина. Об отличившихся в деле за долг поставляю вашему превосходительству донести, что всякой с невероятною храбростию и благоразумием исполнял свое дело. Более способствовали к довершению победы артиллерии полковник Карпов 2-й, устроив так хорошо свою батарею, что бил ею неприятельскую и сильно вредил картечью на высоте стоявшим шанцам в то время, когда пехота занимала нижние. Артиллерии сотник Тацын 4-й и 11-й артиллерийской бригады подпорутчик Василевский наводили сами пушки и так верно стреляли, что ни один почти выстрел не был безвреден неприятелю. Полковник Курт, командуя пандурами, отличил себя храбростию прежде в деле при деревне Извориле-Албе, подавая и здесь пример собою новому сему войску, подкреплял с левой стороны при занятии вышних шанцов Олонецкий мушкетерский баталион. Капитан Рогачев лично храбростию подавал пример и ободрял своих подчиненных, быв всегда впереди, коему последовали ротные командиры; капитан Варсанофьев, штабс-капитаны Гернет, Бибилов и порутчик Нефедов, бывшие перед своими ротами, поощряли и ободряли людей своих, кидались первые в самые опасные места и тем способствовали к поражению неприятеля. Правящий должностью баталионного адъютанта порутчик Лызлов, Панов и Чулков, подпорутчик Лихачов, который из своих рук штыком заколол турка, и прапорщик Пузанов подавали также пример храбрости и неустрашимости нижним чином, подпорутчики Малковский и Великопольский со стрелками прикрывали батарею. Из сих офицеров ранены легко пулями командир баталиона капитан Рогачев в ногу и капитан Варсанофьев в затылок. Обязанностию считаю также рекомендовать вашему превосходительству находящегося при мне свиты его императорского величества по квартирмейстерской части порутчика Черкаева, которой был всегда с авангардом, много помогал мне в выборе удобных мест для расположения войск, в деле быв безотлучно при мне, был употребляем и развозил мои повеления в самые опасные места с радением и точностию, поощрял также людей, подавая советы бывшим в деле офицерам для скорейшего занятия нужнейших мест в шанцах. Находящийся при мне же переводчик, губернский секретарь Лиготович, сверх многих важных препоручений оказал себя лично храбрым. Командовавшего Донским казачьим полком имени моего капитана Исаева, который с отличною храбростию кинулся с конным полком в шанцы, выгнал неприятельскую пехоту и кавалерию, преследовав, истребил ее, где взяты в плен одна пушка, одна мартира и 2 знамя;

по представлению его отличился есаул и кавалер св. Анны 3-го класса Яков Седов, сотники Иван Самсонов, Ефим Родионов, под коим убита лошадь, и Карп Савостьянов. Хорунжие Иван Попов и Алексей Беляев-сков при взятии четвертого шанца и в преследовании неприятеля своеручно поражали. О награждении сих офицеров прошу ваше превосходительство испросить представления его императорскому величеству от главнокомандующего армиию. Список отличившимся нижним чинам, равно и снятое положение турецких и сербских шанцов и движение войск к атаке на плане при сем представить честь имею ¹.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 27—28 об. Подлинник.

¹ План расположения сербских и турецких войск во время битвы при дер. Малайница см. в том же деле, л. 31—32. «Список отличившимся нижним чинам. . .» (см. в док. № 249).

№ 252

Письмо Карагеоргия И. И. Михельсону с благодарностью за награды и с сообщением о победе при дер. Малайница

22 июня 1807 г. В Краине, в с. Штубике

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Всемилоостивейший покровитель сербского народа Александр I из великого щедролюбия и милостивейшие благонаклонности к народу сербскому чрез ваше высокопревосходительство прислал мне и Миленку Стойковичу драгоценные 2 сабли на дар, которую я, равно же и Миленко Стойкович, чрез Иеремию Гагича, нашего Сербского совета члена, исправно приняли есьмы с неизмеримым уважением и величайшею благодарностию. Вечная благодарность моя будет труд неусыпный за милое отечество и православную веру нашу.

Творец неба да даст мне силы и да удостоит меня посредством вашего высокопревосходительства за великий дар сей благодарности полно.

По соединении нашем с г. Исаевым, его превосходительством генерал-майором, совокупными силами мы, а особливо чрез неописанную храбрость г. генерал-майора и его войск, Мулла-пашу видинского совсем разбили и 1500 турков истребили. Еще остали[сь] 3 укреплено шанца, в которых Гушанц-али, бывший начальник белградский, с несколько киржалиев войсками нашими окружен, которых совсем надеемся истребити.

Босна крепко ополчается против нас, но, с помощью божиею и всемилоостивейшего покровителя нашего Александра I, надеемся угрожать врагам веры православной. Паче всего нам нужнейше есть по крайней мере 4000 войска российского регулярного за ободрение народа нашего для уверения и политики странных владений *, что Россия покровительница сербская была, есть и будет.

Посредствием вашего высокопревосходительства вручаю себя и весь народ сербский в покровительство, защищение и милость всемилоостивейшего императора Александра I, с отменным почтением и совершенною преданностию пребыти честь имею вашего высокопревосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга

Черный Георгий Петрович, верховный вождь сербского народа

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 148—149. Копия.

* Так в тексте.

Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о разгроме русскими и сербскими силами отряда турецких войск

22 июня 1807 г. Лагерь при Штубике за Дунаем

До сего времени сербы держали в блокаде оставшихся 500 турок, коим хлеб доставляем был из главного укрепления Муллы. Но по разбитии его ниоткуда не могли иметь оной; по сей причине принуждены были оставить шанцы, что исполнили сего числа в 9 часов пополуночи. Сербы встретили их, побили до 250 человек. Казаки полка моего имени и арнаутские команды, преследовав, также слишком 100 истребили и отняли 2 знамя: одно — казак Иван Чернышев, другое — арнаут Филип Баерктар, которые отправлены к главнокомандующему армиию. Прочее все досталось в руки сербам. С нашей стороны убиты Донского полка моего имени казак один, ранен один, лошадей убитых 7, ранен арнаутский капитан Белло, ипсилантьевых казаков 2. О чем вашему превосходительству доношу.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 26. Подлинник.

№ 254

Письмо И. И. Мизельсона К. К. Родофиникину с просьбой убедить Карагеоргия в необходимости удержания Крайовы русскими войсками и об отправке сербам боеприпасов

№ 709

22 июня 1807 г.

Сей ночи я получил депешу вашего пре[восходительст]ва со вложением письма графа Андрея Кирилловича Разумовского шифрами. Но как я за отправлением г. статского советника Соколова в Яссы никого при себе не имею, кто бы способен был сие письмо дешифровать, то и прошу ваше пре[восходительст]во сим заняться и с сим же посланным мне оное доставить с надписью над каждым номером слов на том языке, каковой тот номер означает. Сие мне впредь будет служить некоторым руководством к лучшему открытию ключа. Я только нашел, что начало письма французское, а далее не дохожу. Почему и прошу поспешить оное объяснить.

Каковой я получил рапорт г. [генерал]-м[айора] Исаева, при сем к сведению Вашему прилагаю ¹. Из оного ваше пре[восходительст]во ясно увидите, сколь нужно и необходимо Ваше пребывание у сербов, чтоб успокоить г. Черного Георгия Петровича, дав ему вразуметь, что когда прибыла противу нас визирская армия, то и нам, пока не подойдут наши силы, делиться трудно. Удержание крайовской части нужно как для коммуникации нашей, чтобы доставлять сербам возможные подкрепления, так и для снабжения их же продовольствием из сей части Валахии при нынешнем урожае. И потому я надеюсь, что ваше пре[восходительст]во к всевысочайшей службе, невзирая на малую слабость здоровья Вашего, последует моему примеру, коему Вы всегда были очевидный свидетель, что я, не уважая ни старость лет, что едино уже есть великая болезнь, ни ранами и трудами совершенно расстроенного моего здоровья, стараясь превозмочь все мне возможное и свыше сил моих, что только быть на моем месте, елико от меня зависит служба государя, полезным. Употребление денег Хотинского рая, по сделанном мне от вашего пре[восходительст]ва уверениям, что оны хранятся особенно, я не ожидал ²; но чтоб ваше пре[восхо-

дательств]во имели достаточную с собою сумму, при сем посылаю с сим же нарочным подпоручиком Лискиным в прибавок полученных Вами 50 тыс. пиастров еще 5 тыс. червонных.

Чтоб у Пангала³ было 2500 человек, я весьма сомневаюсь и в половине сего числа, ибо оных нигде не видать было. В недавнем времени человек до 700 сблизилсь к г. г[енерал]-майору Мичурицу. Много, как пишет г. г[енерал]-л[ейтенант] Милорадович, грабят по деревням, многие не вооружены, хотя и отпущено от меня, исключая двоекратного отпуска сабель, более 600 ружей. Но как бы то ни было нужно, чтоб они к своему назначению отправились. А потому и прошу от себя написать г. Пангалу волю его светлости князя Ипсилантия. Между тем от меня предписано г. г[енерал]-лейтенанту Милорадовичу призвать его с его людьми в Букорест для дальнейшего отправления.

Пороху и свинцу в Букорест на первой случай достаточно прибыло. Я думаю, что оной и с ним несколько сот снарядов уже и отправлены к г. г[енерал]-майору Исаеву в прибавок к прежде посланному для такового ж сербам доставления. Сверх сего и впредь доставляемо будет, о чем ваше пре[восходительств]во можете их начальников уверить и во всем том, в чем Вам высочайшая воля известна и в инструкции моей от 16-го числа сего июня изображено. Прошу меня уведомить, каким каналом дошла до Вас депеша из Константинополя и не должна ли тем же каналом уже дойти до г. иностранных дел министра?

P. S. Можно и то заметить г. вождю, что сколько м[еся]цев оставались мы без сведения о их положении. Но как скоро только первое дошло к нам известие, то и меры тотчас взяты к соединению и снабжению, на первый случай возможным.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 23, д. 41, л. 22—23. Отпуск.

¹ См. док. № 242 и 245.

² См. док. № 244 и коммент.

³ См. коммент. к док. № 207.

№ 255

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о необходимости удержания Крайовы и об оказании сербам помощи деньгами и боеприпасами

№ 710

22 июня 1807 г. Лагерь при Изманле

Рапорты вашего превосходительства от 12-го числа за № 324 и 330 я получил¹. Поведение против Вас вождя сербских войск Черного Георгия Петровича для меня тем паче странно, что он имеет все возможные доказательства, сколь поспешно были приняты меры к соединению и снабжению сербских войск, по первом отзыве о положении их, всем тем, чем только на первой случай по настоящему положению дел снабдить было возможно. Деньги, неоднократно посылаемы были, с депутатами вновь отправлены, равно артиллерия, порох и свинец, вслед коего сделано новое отправление немалого количества пороха и свинца, а вслед за сим имеет прибыть г. действительный статский советник Родофиникин с немалою суммою денег. Равно командированы часть войск греческих для соединения с сербами. Все сие должно доказывать, сколь есть велико желание его императорского величества покровительствовать храброму сербскому народу, и я, конечно, не оставляю употребить мне всевозможные меры, при первом случае, который мне откроется, исполнить сию высочайшую волю. Но между тем дайте заметить храбым вождям, что облажить

нам Крайова не должно, паче потому, что из сей провинции и сербским войскам после жатвы должно ожидать своего продовольствия. Впрочем, старайтесь, ваше превосходительство, о всяком согласии, не теряя должного уважения к особе и званию Вашему.

Требуемые Вами снаряды равномерно, ежели не отправлены, то отправляются, а сверх того в непродолжительном времени могут прибыть для сербских войск 4 или 6 орудий, ежели оные им надобны. Обо всем происходящем буду ожидать Ваших уведомлений.

Генерал от кавалерии Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 50 и об. Подлинник. Частично опубликовано: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 524.

¹ Рапорт И. И. Исаева под № 324 от 12 июня 1807 г. на имя И. И. Михельсона (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 98 и об.) повторяет содержание рапорта И. И. Исаева на имя М. А. Милорадовича от того же числа (см. док. № 245). Рапорт И. И. Исаева под № 330 в деле не обнаружен. ¶

№ 256

Письмо И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о нежелательности отхода войск Карагеоргия к границам Боснии

22 июня 1807 г. Лагерь при Штубике за Дунаем

Имел честь получить письмо вашего превосходительства от 12-го числа сего месяца в лагере при Штубике накануне сего удачного сражения¹. Найденные в лагере письмо французского министра Себастиана, с которого копию при сем прилагаю, и ферман нового султана к славному сему Мулле, которых оригиналы отправлены к главнокомандующему, могут служить доказательством, что слухи, дошедшие до Вас о изгнании всех французов из Константинополя, несправедливы, разве это случилось после. В манифесте объявляет, что он возведен на престол, уничтожает законы бывшего султана Селима, а будет править законами дяди своего Амета и что имеет войну с Россиею. Я старался узнать повернее о французах, пропущенных тайно чрез Цесарию, и Георгий Черный говорит, что они там точно есть, но число их неизвестно, прибавляя к тому, что турки всегда умножают число французов: ежели их 800, то говорят 8 тыс., а ежели 8, то 800, к тому же и сербам верить невозможно. Из 35 тыс. войска, которые, по их словам, надеялся здесь найти, нашел только 6. О храбрости их Вы увидите из рапорта моего, они точные пандуры. Прежнее положение, чтобы Георгий Черный шел к Боснии, должно переменить, ибо оставить здесь менее войска невозможно, а чтоб они угрожали приближением к Рушцуку, так же невозможно, ибо без меня не осмелются сего сделать, а мой отряд так мал, что пуститься на сие нельзя. Ежели б имел еще 2 батальона и 2 единорога, то подвигался б за Видин далее, и они бы пошли за мной. Знамены турецкие, для лучшей удобства вести их даже и верхом, сняты с древок, кроме двух, и отправлены к главнокомандующему. Бырзо-Паланку турки, со страху оставив, бежали. Управившись здесь, обратим внимание наше на Неготин и Правово. С истиннейшим к Вам моим почитанием и совершенною преданностию есмь, ¶

милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга
Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 25 и об. Подлинник.

¹ Упомянутое письмо М. А. Милорадовича от 12 июня 1807 г. в деле не обнаружено. Из других документов известно, что речь идет о сражении объединенных русско-сербских войск с турками у дер. Малайница 19 июня 1807 г., которое закончилось поражением последних. В частности, подробные сведения об этом содержатся в письме Карагеоргия Якову Ненадовичу от 21 июня 1807 г., опубликованном в сборнике документов «Први српски устанак» (под ред. Р. Перовича с. 268—269). Подробнее см.: *Вукићевић М. Караџорђево писма*, с. 272; *Он же. Караџорђе*, кн. 2, с. 526—527.

№ 257

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону об осаде Неготина русскими и сербскими войсками

№ 350

25 июня 1807 г. Лагерь под Неготином

23-го числа текущего месяца из лагеря при Штубике вместе с сербским войском выступил перед вечером к Неготину, а там со стороны сербов оставлено в шанцах 500 человек. 24-го осадили сию крепость, которая правильно и хорошо укреплена: каменные стены, батареи и гласис, кроме вновь приделанных наружных пристроек. Георгий Петрович Черный уговаривал меня взять ее штурмом, но я на сие не решился, зная, что вся важность штурма останется на мне и сберегая отряд свой, число которого приметно уменьшилось. Теперь он занимается строением шанцов с одной стороны сей крепости, левый фланг которым будет от стороны Дуная, а я лагерь свой расположу в выгодном месте. Турки покушались во время отсутствия моего взять остров, сначала на 3, наконец на 12 судах подошли к нему и делали десант, 400 человек было уже высажено. Одесского артиллерийского гарнизона подпоручик Позняков, оставленный там, так хорошо действовал из орудий, при нем находящихся, что одно судно потопил и 2 ранил, после они со всею поспешностью ушли назад в Правово. Я осмеливаюсь представить вашему высокопревосходительству сего офицера, который не первой раз замечен мною храбрым и исполняющим с усердием и ревностью порученное ему начальством. Неприятель, узнав, что Неготин осажден, от страха тотчас оставил Правово, которое 100 человек сербов уже заняли. О чем сим вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 105 и об. Подлинник.

№ 258

Донесение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу о невозможности отправления к сербам войск ввиду подготовки штурма Измаила

№ 719

25 июня 1807 г.

Каковой я получил рапорт г. генерал-майора Исаева ¹ о поведении Черного Георгия Петровича и неудовольствии его в рассуждении недостаточного, по мнению его, сикурса *, при сем имею честь приложить с оного копию, как и с предписания моего ему и г. действительному статскому советнику Родофиникину ², из коих, в[аше] в[ысокопревосходительство], усмотреть изволите, что с своей стороны все мне возможные средства к удовлетворению его употребил. Равномерно прислал копию письма нового каймакана букорестского с ответом ему на оное. Ваше высокопре-

* Т. е. — помощь (франц.).

[восходительст]во сами согласитесь, что в моем положении мне трудно еще более разделять войска, не повергая оные вящпей опасности. Ежели бы здесь была осадная артиллерия, помощью которой можно бы было сделать брешь и тогда взять штурмом Измаил³, что, по-видимому, ныне есть единное средство, тогда бы часть здешних войск могла быть подвинута в Валахию к вящпему поражению неприятеля, которому войска его сиятельства под начальством моим на всех пунктах, столь пространно занимаемых, толь похвально по сей день противуборствовали и поражали.

Но ныне я еще не в состоянии делать новые отряды и вящпе ослаблять важные сии пункты. Прошу вашего высокопре[восходительст]ва о всевысочайшем мне разрешении, естли соизволение его им[ператорского величест]ва на отправление сюда осадной артиллерии и чего я ожидать могу, почему б и мог я располагать, какие мне должно брать меры.

Милиции ко мне прибыло киевской 2 батальона так называемых стрелков, из коих третья часть еще никогда не стреляли, а почти половинное число ружей требуют большой починки. Я приказал оные здесь по полкам сколько можно чинить, люди в рекрутской одежде есть изрядные, есть и дурные. Я приказал еще одному батальону прибыть, в коем есть ружья, прочим оставаться на границе. Полтавской милиции отряжен батальон в Яссы, чтоб находящийся там Апшеронского полку батальон взять к корпусу ген[ерал]-лейт[енанта] Милорадовича, и как скоро прибудет из Хотина Пензенского полка батальон, из Бендер-Нижегородского, из Аккермана-Алексопольского по батальону, то я надеюсь быть в состоянии усилить мой правой фланг, в случае же прибытия осадной артиллерии, я думаю подвинуть всю милицию, ибо при штурме крепости и копьями могут действовать

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 24, д. 55, ч. 3, л. 49. Отпуск. Частично опубликовано: Вукићевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 524.]

¹ См. док. № 245. ² См. док. № 254.

³ С момента вступления русских войск в Дунайские княжества (ноябрь 1806 г.) главнокомандующий действующей армией генерал И. И. Михельсон одной из своих важнейших тактических целей считал овладение знаменитой турецкой крепостью Измаил, защищаемой 15-тысячным гарнизоном во главе с Пехливаном-пашой. Однако из-за отсутствия осадной артиллерии все попытки ее захвата оказались тщетными, и только в сентябре 1809 г. Измаил был взят после длительной и тяжелой осады частями 25-й пехотной дивизии генерала А. П. Засса (см.: Михайловский-Данилевский А. И. Полн. собр. соч. СПб. 1849, т. III. Описание турецкой войны с 1806 по 1812 г., с. 32, 139).

№ 259

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаяву о переходе русского отряда на территорию Валахии ввиду предстоящих переговоров о перемирии и о передаче сербам артиллерии и боеприпасов

№ 717

26 июня 1807 г.

При сем препровождаю к вашему превосходительству копию с высочайшего ко мне повеления для точного соображения и исполнения с Вашей стороны¹. Здесь, у меня, до решения от везира, к которому поехал французский курьер с офицером с нашей стороны с моею депешою, сделано перемирие и устанавливается демаркационная линия, которую никто без согласия перейти не может, пока не начнутся мирные договоры или откроются вновь действия. Я надеюсь, что от везира скоро будет ответ. А между тем, старайтесь по сему примеру с начальниками турецких войск, противу нас находящимися, уредить, имея впротчем всю военную предосторож-

ность. Между тем, желательнее бы, чтобы до обнаружения сего вапсе превосходительство с вверенным Вам корпусом находились по сю сторону Дуная под благовидным образом для защищения от неприятеля Малой Валлахии, оставя сербам порох и свинец и 6 пушек, тож и греков при майоре Пангале, буде они уже пришли, а естли нет, то объявив им о скором их прибытии к ним. Впрочем дальнейшее по сему наставление получите Вы от г. действительного статского советника Родофиникина.

Верно.

Обер-аудитор Логвинов

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1807 г., д. 165, л. 94 и об. Заверенная копия.

¹ Речь идет о предписании Александра I И. И. Михельсону от 15 июня 1807 г. по поводу приостановки всяких наступательных действий против турецких войск в связи с предстоящими переговорами о перемирии. «Перемирие сле, — говорится в документе, — равным образом касается и до корпусу генерал-майора Исаева, отряженного для совокушного действия с сербами. Вице-адмиралу Сенявигу дано повеление точно в том же смысле. . .» (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/163а, св. 82, д. 5, л. 43).

№ 260

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о прибытии Ф. О. Пауллучи для переговоров с Карагеоргием и о присылке боеприпасов

№ 352

27 июня 1807 г. Лагерь за Дунаем при Неготине

25-го числа сего месяца приехал сюда из Бартенштейна — место пребывания государя императора — полковник маркиз Пауллич *, отправленный от министра иностранных дел Будберга с повелением проехать Германию, Венгрию и Далмацию, узнать намерение и планы французов, где они и в каком числе находятся, потом быть у Георгия Черного, отобрать от него верное сведение, в чем имеет он нужду, после чего быть у вашего высокопревосходительства, куда он завтрашнего числа и отправится. Донеся о сем, осмеливаюсь еще раз просить пороха и свинца, которой как сербам так и мне очень нужен, и о требуемых мною прежде зарядах. Издержав малое количество оставшихся в отряде моем зарядов, пушечных и ружейных, принужден буду остаться без действия. По соединении моем с Георгием Черным отдал я ему 4 шести- и 2 трехфунтовых калибров Одесского артиллерийского гарнизона орудия со всеми принадлежностями, зарядами и ящиками их. Люди и лошади до времени находятся еще при них. Верховный сербский начальник Георгий Черный сего числа в самую полночь, получив известие, что между турками и его войском было немаловажное сражение при реке Дрине, где неприятель усиливается, и после которого сербы ретировались 2 мили внутрь своих границ от Боснии, взяв в плен 2 французов, ту ж минуту сам туда отправился, оставя войски свои под предводительством частного начальника Мпенка. О чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 102 и об. Подлинник.

* Пауллучи.

Запись беседы Карагеоргия и Ф. О. Паулучи с изложением просьбы сербского народа о принятии Сербии под покровительство России, об оказании помощи в борьбе против турок и создании сербской государственности

28 июня 1807 г. Неготин

Собеседование, положенное между представителем славено-сербского народа Георгием Петровичем Черным и его императорского величества полковником маркизом Паулучи, посланным от его высокопревосходительства господина генерала от инфантерии министра иностранных дел и разных орденов каваллера и пр. Андреа Будберха ¹.

1. Кроме всего первое желание ест сербского народа быт под покровительством его императорского величества Александра Первого.

Народ сербский всенижайше просит, чтобы его императорское величество в управлении способного *землеуправителя* что скорее определил, который бы в приличии порядок народ привел, землю сербскую расположил и по правам народа конституцию устроил, которое устройство конституции быти имеет именем его величества Александра Первого.

2. Вручающе себе народ сербский под покровительство и защищение его императорского величества, ожидает все нужные необходимости и препоручается навсегда, чтобы никогда в Сербии не могла быти ни малейшая част земли никому отдана, сиречь чтобы помещика никакого не было и средством такового чтобы под рабство не подпадал.

3. Наименование разных особ, кроме греков, в пределе сербском как в военной, так же и во гражданской части назначаемы должны быти именем его императорского величества.

4. За верное спокойство и для лучшего управления чтобы в крепостях сербских от регулярных российских войск гарнизон был и в всякой крепости, которые в настоящем времени в руках сербских сут и в будущее которые помощию российских войск занятыя будут, в каждой из российских господ коммендант да будет.

5. Чтобы от российских регулярных войск для краинских видинских границ ради действия и нападения против неприятеля 3 тысячи регулярной инфантерии, 2 ескадрона кавалерии и един полк казаков послано было, а от сербские страны поставитися имеет к предсказаному числу российских в время потребное до 20 000 войск.

6. Необходимо нужно сербскому народу против Босны укрепляти силы и коммуникацию с черногорцами соделати, дабы французское предприятие с турками уничтожилос и обеспечился тамошний край; чтобы прислати благоволено было, кроме вышесказанных регулярных российских войск, 3 тысячи инфантерии, 2 ескадрона кавалерии и един полк казаков, а от сербские страны к предсказаному числу для действияя у Босны и соединения с черногорцами 15 тысяч вооруженные войски полагаются, и от страны сербския против Босны границы имеют быти их войсками сохранени.

7. Чрез 4 года сербский народ, воююще против неприятеля, издержал все свое имущество и того ради необходимую нужду имеет в денгах на содержание войск и прочих нужд; чтобы *землеуправителю*, которой сербам назначитя, одна изобилною суммою касса вовремя была, который с кассом в Белиграде быти имеет.

8. Довольное число испорченных пушек имели в Белиградской и других крепостях, нужно необходимо имети литейных пушечных мастеров, также для ядер и пороху.

9. Необходимую нужду имеют сербы в порохе и свинцу и в самое настоящее время величайший недостаток терпят, дабы что скорее учрежден был магазин в Белиграде; а пушок для того не требуется, уверени бывше, что регулярные войски имеют свой положеный комплект.

10. Нужно бы было в белиградском магазине имети до 10 000 оружий солдатских на случай, естли сербам еще войска прибавится.

11. Чтобы еще 6 артиллерийских и инженерских офицеров для образования сербских войск благоволено было прислати.

12. Чтобы одну роту пионеров, одну роту артиллеристов, в числе коих и бомбардиры были бы, благоволено было прислати.

13. Бедное воинство сербское, которое ранено без помощи лежит, докторов и апшотек не имеюще, дабы госпиталей (Feldspitälere) и докторов, а особливо главной госпитал с апшотекою в Белиграде устроился.

Все сии помянутые пункты, нам непременно нужные и прочие, которые мы знати не можем, всенижайше просим и вручаем нас щедролюбию и великой отеческой милости его императорского величества, всемилостивейшего нам защитителя и покровителя Александра Первого.

В лагере при Неготине 28 июня 1807 г.

Черный Георгий Петрович, предводитель сербского народа в имя целого народа сербского

[Печать] Миленко Стойкович, коммендант Краины Неготинской

[Печать] По заповеди господина Черного Георгия Петровича, предводителя сербского народа, Иеремия Гагич, член Совета сербского и секретар

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1886, л. 60—62. Подлинник, скрепленный печатями. Опубл.: Дубровин Н. Ф. Сербский вопрос... , с. 119—122; Божишич В. Разбор... , с. 193—196; Вукичевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 539—541; Први српски устанак... , књ. 1, с. 270—272.

¹ Посланный в Сербию в связи с русско-турецкой войной маркиз Ф. О. Паулуччи побывал в Неготине и встретился с Карагеоргием, Миленко Стойковичем и Иеремией Гагичем. При этой встрече Паулуччи старался выяснить нужды сербов и их военные возможности (численность армии, военные планы). В результате был составлен документ, подписанный сербскими старейшинами. Таким образом, документ, известный в литературе под названием «конвенция Паулуччи—Карагеоргий», на самом деле не был двусторонним соглашением, он содержал только изложение просьб сербов, адресованных русскому правительству. Несмотря на это некоторые историки рассматривали его неправильно, как своего рода союзный договор России и Сербии. Этому в значительной степени способствовало разночтение первого слова документа («Собеседование»), которое имело место в разных изданиях. Н. Ф. Дубровин, впервые издавший документ, воспроизвел его текст не по подлиннику, а по заверенной копии, которая считается равноценной подлиннику. В его редакции и в редакции В. Божишича текст документа, как и в подлиннике, начинается со слова «Собеседование». Подлинник же впервые был издан М. Вукичевичем, но не на языке оригинала, а в сербском переводе. При этом «Собеседование» было переведено словом «договор», а его русское значение поставлено в скобках. В вышедшей в СФРЮ в 1977 г. публикации «Први српски устанак» был издан проект документа на сербском языке, в котором также использовано слово «договор».

Собесѣдованіе положенное между Предводителемъ
 Главно Собраніа Народъ Георгіемъ Петровичемъ
 Соколовъ и Его Императорскаго Величества
 Полковникъ Колѣжъ Маркизомъ Павлуши, асигналимъ
 въ его Высочайше превосходительства Господина Генерала
 отъ Инфантерій Министра Императорскихъ двѣрѣ и ордѣнъ
 Седеновъ Каваллера и пр. Андреа Буберха.

1^я Пріимъ нѣско первое речаніе отъ
 Собраніа Народъ, вѣсть, подъ Попро-
 виселствомъ Его Император-
 ского Величества Александра
 Перваго.

Народъ Сербіи асигналимъ прошитъ,
 чтобы Его Императорское Вели-
 чество въ управленіи своего Зем-
 лѣ Управителя что скорѣе
 опредѣлилъ, побори бы въ аристокри-
 тародѣ Народъ привель, Землю
 Сербіи раскопорилъ и по нравамъ
 Народъ Конституцію дѣлалъ: по-
 второе управленіе Конституции вѣнъ
 ильветъ ильветъ Его Величест-
 ва Александра Перваго.

2^я Вручатице себе Народъ Сербіи
 подъ Попровителство и Замѣнители Его
 Императорскаго Величества
 иудеятъ все нуждныя необходимы;

и алей / Губернатор / и Петровъ
и вѣдѣль Главной Бюрогидрографической
пенсии въ Белгородѣ Губернскій.

Боясь себя помянутая Пункты на
непреломно муромскіе, и прогнана по то-
му ми знати муромскіе; всени-
и раине просили и вѣдѣль Главной
Бюрогидрографической и великой Отелесной
Милости. Его Императорска-
го Величества Всемилости-
и вѣдѣль Главной Защитителя и
Покровителя АЛЕКСАН-
дра ПЕРВАГО.

Въ Москвѣ при Насотнѣ 28го Января 1807го

Георгій Георгіи Петровицъ
Предводитель Сербскаго Народа
въ ина публаса Народа Сербскаго.

Миленко Стоиловицъ
Коммандантъ Краини Неволинска

По Замовѣду Губернатора Георгіа Георгіа
Петровица Предводителя Сербскаго
Народа.

Георгіа Татичъ Сленъ
Соборна Сербскаго Народа.

Предписание И. И. Михельсона К. К. Родофиникину об отводе отряда И. И. Исаева за Дунай и о необходимости убеждения сербов в выгодности для них предстоящего мирного договора

№ 725

28 июня 1807 г. Лагерь при Измаиле

Каковую я к вашему превосходительству от 26-го отправил депешу, прилагаю в дубликате, равно и копию с данного от меня предписания г. генерал-майору и кавалеру Исаеву¹. Вы согласитесь, что крайовскую часть собственно для продовольствия нашего и сербов сохранить должно, а потому было и есть мое желание, чтобы г. генерал-майор Исаев, сделав пособие сербам, вновь бы находился на сей стороне Дуная. С другой стороны, как скоро согласится везирь на перемирие, нужно, чтоб оное существовало и с сербами; и для того необходимо брать и к сему все возможные меры. Начальников же сербских и народ смело можете уверить, что при заключении мира о всех для них выгодах и будущей безопасности наилучшее положение сделано будет. Впрочем сие дело обработать с лучшим успехом и успокоить умы и храброго вождя Георгия Петровича препоручаю деятельности Вашей.

Касательно до курьеров, которые бы приезжали от князя Суцы к г. Филлешеску, я не умею судить, каким бы образом проехать могли. Между тем, я дал предписание г. генерал-лейтенанту и кавалеру Милорадовичу, от коего, как и от прочих, мне разные от нового Портою назначенного воеводы Суцо манифесты к народу волоскому поставлены были, чтобы о сем старался узнать и исследовать.

Генерал от кавалерии Михельсон

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1807 г., д. 165, л. 93 и об. Подлинник.

¹ Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву от 26 июня 1807 г. см. в док. № 259. В депеше И. И. Михельсона К. К. Родофиникину от 26 июня 1807 г. сообщалось о перемирии с Турцией, о предполагаемом выводе отряда И. И. Исаева в Малую Валахию и оставления сербским войскам боеприпасов (АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1807 г., д. 165, л. 98 и об.).

№ 262

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о тяжелом положении с продовольствием и медикаментами

№ 363

1 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

Предписание вашего высокопревосходительства июня от 18-го числа буду стараться вышолнить¹. Но долгом поставляю донести, что малое количество отряда моего и оставшихся здесь сербов, которых не более уже 2 тыс. из 6 пришедших сюда, прочие все разошлись, но начальник их Миленко уверяет, что послал их собирать и будет иметь до 4 тыс., не позволяет много угрожать к стороне Видина и в то же самое время наблюдать Крайов и его окружности, для которого не могу ничего более в теперешнем положении сделать, как то, что уже сделал, оставя там и в кружностях его отряды, которые и доносят мне, что со сторон Оревы*, Турны и Никополя все благополучно. В рассуждении хлеба имею честь дополнить вашему высокопревосходительству, что в горах, где нахожусь я, ни деревень, ни ям нет — с самой весны, турки, быв здесь, все выжгли и выбрали,

* Предположительно — Орсовы.

и сербы, пришед, не оставили то же сделать. Даже и нового несозрелого хлеба немало истребили, а оставшим пользуются теперь они, ибо доставления оного ниоткуда не имеют. Итак, на новый хлеб на здешней стороне, то есть по набережной, надеяться невозможно, а ежели есть оный на землях, подчиненных крайковскому каймакану, то надеюсь, что он не упустил собрать его и доставлять в надлежащее время, о чем ему я уже и писал. Раненые и больные сербы пользуются у нас, а медикаментов очень мало. Покорнейше прошу повелеть оные доставить, а ежели можно переменить и лекаря. Олонецкого мушкетерского полка младший лекарь Орловский, находящийся при вверенном мне отряде, по худому поведению и обращению в пьянстве не может быть больным полезен. О чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 106 и об. Подлинник.

¹ В предписании И. И. Михельсона И. И. Исаеву от 18 июня 1807 г. говорилось о необходимости вместе с сербами угрожать Видину, а также об отправке сербам оружия (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 49).

№ 263

Отношение И. И. Михельсона К. К. Родофиникину по поводу тревоги сербов в связи с предстоящим отходом отряда И. И. Исаева в Крайову

№ 626

2 июля 1807 г.

Сербские депутаты из Фокшан ко мне пишут о полученном ими известии от их сотоварища Гагича в рассуждении тревоги и отступления генерал-майора Исаева. Прошу их совершенно уверить, что тревоги произошли пустые и безвременные, что генерал-майор Исаев находится в Крайовской округе и назад не отступит, но будет сербам содействовать по возможности и при первом от них извещении не оставит подать им нужную помощь. Стоять же ему в одном месте без всякого действия было бы бесполезно.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 13 л. 37. Отпуск.

№ 264

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о просьбе сербов не отводить русский отряд за Дунай и о предписании приостановить боевые действия

№ 374]

4 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

3-го числа настоящего месяца, получа повеление вашего высокопревосходительства ¹ и при нем кошию с рескрипта его императорского величества, хотел под каким-нибудь предлогом оставить здешнюю сторону и переправиться через Дунай, объявил сербам, что крайность защищать Крайовской Банат того требует, уверяя о скором прибытии греков, о которых, как и о действительном статском советнике Родофиникине, которой бы в таком случае мог мне много помочь, ничего не слышу. Они усиленно просили меня остаться, говоря, что отходя от них, оставляю сие малое число сербов на жертву, что очень справедливо. Я принужден был послать переводчика губернского секретаря Лиготовича объявить о перемирии командующему в крепости Гушанцу-али, которой на несколько времени

прервав огонь, выслал для выслушания его и, когда сей дал знать своему начальнику, то чрез несколько минут огонь из крепости опять начался, может быть потому, что они не получили еще с своей стороны уведомления о сем перемирии. Впрочем употреблю все мое старание уверить сербов и, смотря по обстоятельствам, переправлюсь чрез Дунай. Аванпостам, в Крайовском Банате находящимся, предписал остановить боевые действия и уведомить турок, против них находящихся, о перемирии, о чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 110 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 259 и коммент.

№ 265

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву с благодарностью русским и сербским войскам и их предводителям за одержанные победы и о защите интересов Сербии при заключении перемирия с турецкими войсками

№ 736

4 июля 1807 г. Лагерь при Измапле

Храброе поражение ваше 19-го числа июня превосходного неприятеля всякие похвалы и справедливости достойно Вам и всему корпусу Вашему, яко опыт, что не количество, но храбрость и дисциплина образованного воинства и доброе предводительство одного побеждает неприятеля. Я не оставил учинить о том всеподданнейшее представление мое его императорскому величеству, между тем, прошу изъявить мою благодарность всему войску Вашему, прошу тоже изъявить и сотрудникам Вашим храбрым славяно-сербам и их предводителям.

Разделяя подвиги оружия с нами, поелику чрез то самое делаются они участниками и в мире, который с божиею помощью должен быть плодом оных, то при постановлении Вами на основании предписания моего от 26 июня ¹ перемирия с турками препоручаю вашему превосходительству стараться, чтобы перемирие сие имело распространение и на сербов, коих действия соделались нам теперь общими, о сем и я буду трактовать с визирем. Каково ж было вышеупомянутое предписание на случай неполучения по каким-либо обстоятельствам Вами, прилагаю при сем дубликат.

Генерал от кавалерии Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 56 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 259.

№ 266

Письмо И. Гагича И. И. Михельсону с сообщением о переговорах Ф. О. Паулуччи с Карагеоргием и с просьбой разрешить выехать в Петербург к Александру I

4 июля 1807 г. Бухарест

Ваше превосходительство, милостивый государь! По повелению его императорского величества его высокопревосходительство г. министр иностранных дел Андрей Будберх изволили с письмом к сербскому народу

и г. Георгию Петровичу послать г. полковника маркиза Павлуча для осведомления о нуждах сербского народа, уверения в неперменном покровительстве великого императора всероссийского и собеседования с г. Черным Георгием Петровичем, славяно-сербского народа предводителем, которое и соделали и чрез г. маркиза Павлуча посылаем, чрез которого может ваше высокопревосходительство вся нужда и необходимости сербского народа узнать¹.

Г-н Черный Георгий Петрович полно уверен о Вашей великой благонаклонности к сербскому народу, повелевает мне к вашему высокопревосходительству прийти и с Вашим дозволением к его императорскому величеству что скорее спешить и представленные пункты повторительно словесно представить. Под покровительство и защитение препоручились, а особливо в случае по между российской всевысочайшего двора и Порте Отоманске мира, чтобы и славено-сербский народ незабвен был, всеи-жайше просити и великой монаршей милости и благорассмотрению препоручитися.

Узнав теперь о перемирии между Россиею и Франциею², принимаю смелость просить ваше высокопревосходительство не оставить меня разрешением касательно повеления, мне данного от г. Черного Георгия Петровича для следования к его императорскому величеству³. Я буду ожидать повеление вашего высокопревосходительства в Бухаресте.

Имею честь с отменным высокопочитанием и преданностию пребыть вашего высокопревосходительства милостивого государя подлинный подписал покорнейший слуга Иеремия Гагич, член Совета народня сербского и депутат.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 124 и об. Копия.

¹ См. коммент. к док. № 260а.

² Имеется в виду русско-французский договор о наступательном и оборонительном союзе, подписанный в Тильзите 25 июня/7 июля 1807 г. Опубл.: ВПР, т. III, с. 642—646, док. № 258.

³ До сих пор остается неясным, какие инструкции были даны сербской депутации, которая намеревалась направиться в Петербург. Подробнее об этом см.: *Ђорђевић М.* Политичка историја. . . , књ. 1, с. 170.

№ 267

Рапорт И. И. Михельсона Александру I с препровождением текста пожеланий сербов, переданного Ф. О. Паулуччи

№ 106

7 июля 1807 г. Лагерь при Измаиле

При самом отправлении курьера прибыл ко мне полковник маркиз Павлучи с бумагою, заключающею положительное желание славено-сербского народа, состоящее в том, что народ сей решительно и бессумненно предает жребий свой во всем покровительству и власти вашего императорского величества¹. Я поставил за долг поспешить теперь же представить бумагу сию на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества.

Примечательно между прочими статьями, что желают иметь всякого рода чиновников по военной и гражданской частям, кроме греков. Из чего сумнительно, будут ли довольны действительным статским советником Родофиникиным, которой есть совершенный грек.

Полковник маркиз Павлучи, сколько по краткости времени я мог заметить, мне кажется оправдывающим совершенно доверенность, которая

была на него возложена. Почему и нахожу бесполезным оставить его при мне до времени.

Вашего императорского величества всеподданнейший генерал от кавалерии

Михельсон

Помета: [Получено] 17 июля 1807 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1886, л. 59 и об.
Подлинник.

¹ См. коммент. к док. № 260а.

№ 268

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о необходимости распространения перемирия на сербов и о сохранении коммуникации с Крайовом

№ 764

11 июля 1807 г. Волканешти

Получив рапорты вашего превосходительства от 4 числа сего месяца ¹, одобряю, что Вы не оставили сербов, коих отступление Ваше могло бы подвергнуть гибели. Вы получили уже предписание мое ², чтобы стараться включить и их в перемирие. При всем том нужно Вам иметь бдительное внимание и попечение о сохранении коммуникации с Крайовым, чтобы турки под видом перемирия не воспользовались случаем захватить оную.

Генерал от кавалерии Михельсон

ЦГВИА [СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 59. Подлинник.

¹ См. док. № 264. ² См. док. № 259.

№ 269

Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу об отказе турецких военачальников приостановить военные действия и о занятии сербскими войсками крепости Ужицы

13 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

На письмо мое, которым уведомлял я трехбунчужного видинского пашу Муллу о перемирии, словесно отвечал мне, что он до повеления от султана своего принять оно не может, ответы начальников в Кладове и Адакале таковы же. Действительный статский советник Родофиникин был сего числа у меня и сказывал, что майор Панголо доставит мне порох и свинец, но ядер нет, армяку также, поэтому и не могу иметь пушечных зарядов. Он возвратился в Крайов и с войском оттуда будет назад. Бывшие 2 сербские пушки на левом берегу Дуная им взяты, на место которых поставлена там взятая нами у турок четырехфунтовая, на острове по-прежнему остались и всегда останутся 2 шестифунтовых, а на правом берегу реки — 2 трехфунтовые орудия. Получа уведомление, что турки, собравшись в Флорентине, требуют от жителей близлежащих деревень в Валахии большое количество хлеба, съестных припасов, а скот уже забран, то же самое делают и находящиеся в Кладове и Адакале. Не надеясь, чтоб оставленные мной отряды пандур могли сделать им надлежащего отпору, просил я г. действительного статского советника Родофиникина отправить в Салчи 400 человек конных, которые останутся там на время, а я буду стараться беспокоить здешний берег, чтобы отвлечь их оттоле. Ежели б по крайней мере казаки полку моего имени, находящиеся у ге-

перал-лейтенанта графа Каменского и в других командировках, были присланы ко мне, тогда б мог посылать в разные места на той стороне разъезды, при которых и пандуры бы держались.

Сербы, державшие в блокаде крепость Ужицу, разбили шедшее к ней из Боснии подкрепление и конвоировавшее транспорт провианта, 400 лошадей и мул, навьюченных разными съестными припасами и порохом, достались им в добычу. Между прочим, найдены письма, уведомлявшие коменданта крепости, что это последняя помощь, которую могут ему сделать, будучи сами теснимы черногорцами. Сербы сообщили ему те бумаги, и крепость вскоре сдалась, гарнизон которой был выпущен.

6-го егерского полка младший лекарь Кузминский в отряд мой явился. О чем вашему превосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

Помета: Получ[ено] июля 18-го дня.

*ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85,
д. 7, л. 39. Подлинник.*

№ 270

Репорт И. И. Михельсона Александру I о порядке освобождения от войск крепостей в Валахии и Бессарабии и о необходимости учесть интересы сербов в тексте русско-турецкого перемирия

14го июля 1807 г. Фурценешты

Вчерашнего числа прибыл ко мне французский полковник Гильомино, который мог бы прибыть раньше, ежели бы фальшиво данными ему о местопребывании моем сведениями не был увлечен в Фокшаны к свиданию с князем Ипсилантием. С ним имел я счастье получить высочайший указ вашего императорского величества от 28 июня с предначертанием мирных оснований с Портою, на коих переговоры мои с великим визирем должны постановиться ¹.

Полковник Гильомино сего числа отправился к визирю на Браилов, а завтрашнего числа ожидаю тайного советника Лашкарева, который находится уже в Фокшанах, и с ним учредимся в подлежащем нам предмете по точным словам высочайшего указа. При всем том, однако, встречаю при первом взгляде обстоятельство, которое в течение дела может произвести затруднение; приемлю смелость предварительно представить оное на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества и всеподданнейше просить в резолюцию повеления.

В указе сказано: «Когда Порта обяжется вывести и свои войска из Валахии и не занимать уже сего княжества, ни Молдавии, пока продолжаться будут мирные переговоры». При сем надобно знать, во-первых: крепости Браилов, Журжа и Турно и другие укрепленные места, лежащие на землях Валахии, полагаются ли в числах тех, кои должны быть очищены от войск турецких; во-вторых: крепость Измаил, равно как и занимаемые теперь нами крепости Килия, Аккерман и Бендеры, лежат в Бессарабии, то заключаются ли сии крепости под именем Молдавии? Ибо может случиться, что когда мы выступим из оных, турки займут их под тем предлогом, что они не суть в Молдавии, о которой условлено, и тогда, в случае несостояния мира, будет стоять многих токов крови то, что теперь имеем в руках без пролития капли оной.

Держая также, всемиловейший государь, упомянуть о сербах, нации, оказавшей толико веры и твердости в уповании на скипетр вашего императорского величества. Великодушие и милосердие вашего величества

к человечеству, доставляя мир и благоденствие другим народам, конечно, не оставит сей один народ быть жертвою приверженности их к России. Но пока при окончательном мире с Портою может жребий их решиться, дабы б, оставленные вне перемирия нашего с турками, не подверглись гибели. Я принял смелость дать на примечание французскому полковнику Гильомино, чтобы при постановлении перемирия стараться и сей народ включить в оное. Вашего императорского величества верноподданнейший генерал от кавалерии

Михельсон

Помета: Пол[учено] 27 июля 1807 г.

*АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1886, л. 82—83.
Подлинник.*

¹ Предписание Александра I И. И. Михельсону от 28 июня 1807 г., в котором излагались пункты условий мирного договора с Портою, опубликовано в сб.: РИО, т. 89, с. 131—132; резюме этого документа см.: ВПР, т. III, с. 650.

№ 271

*Письмо Правительствующего совета сербского М. Стойковичу
с опасениями по поводу продажи Сербии и Боснии Австрии
за долги*

16 июля 1807 г.

Благородниј господару Миленко, нам љубезнопочтаемиј! Не можемо пропустити да Вам, који сте ту, поближе под пријетеља наши, не јавимо новине, које си овде чују. А вы ћете тамо може бити и побоље знати или барем моћиће оное г. генерала московског испитати, зна ли он. Само господару Миленку ове новине.

Пише нам из Цесарије један пријетељ и човек господар, који се свуда меша са господом и са великине офицери, а наш је прави пријетељ: у Цесарији, от берега на Дунав војска и зајра и целиј округ за војску спрема се: па хоће у Србију да пређе. И то ради тога узрока, што кажу да је турски цар дужан био цесару 80 милиона и да је у тај дуг Цесару сада дао Србију и Босну. А Цесар питао Бонапарту француског, је ли му слободно узети то, што цар даје. И Бонапарт подписао да узме.

Та тако наш пријетељ нам пише. А ми не знамо како је, јер от московске стране ни кљиче, ни абера немамо да знати можемо што се ради, што ли се угађу. Поше ли што Чардаклија и [Јеремија?] На како било да било. Ми без г. министра московског нећемо ништа моћи угодити, јер слабо се тко с нама разговара. А бојимо се да се г. Родофиникин чекајући гди ће се састати са господаром Георгиом.

Не задоцније поће * може бити доћи, кад све буде свршено и онда ће бити бадава договарати се и угађати. Зато гледајте барем да нам пише г. Радофиникин шта се ради на кога коју ли руку да и ми знамо зараније ако не може још доћи. Зашто ми сада стојимо као у мраку. Како може турски цар нас у дуг свој дати, кад ми писмо његова раја. Како ми мисле цесар овамо прећи, без знања московског, каде смо ми, друзи — сојузници московски. То Москов мора знати најпре, пак чији били да били. Само даје с нашим договором да нам толика мука не буде бадава. Гди је Јеремија и Гаврило? Зашто они не испитују тамо господу генерале за свакиј крај и да нам пишу. А ми би им на свашта отговорили како што може бити.

Со том Вас љубезно сви поздрављамо и остајемо с почитанијем, у Смедереву 16-го јулија 1807

Совет Народниј

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1886, л. 74—75. Частично опубл.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 574—580. Опубл.: Први српски устанак. . . , књ. 1, с. 278—279.

* Так в тексте.

№ 272

Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу об отражении атаки турецких войск

19 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

Последним рапортом моим донес вашему превосходительству о приближении видинского паши Муллы с войском, но то был не он, а Измаил-бег, пришедши, по словам шпиона, перехваченного прежде еще сербами, с сикурсом из города Сереза в Ромелни, с 15 тыс. Вчерашней день в 9 часов пополудни 6 тыс. турецкой кавалерии атаковали меня. Я имел довольно выгодное положение места. Малочисленная моя кавалерия более всех терпела от нападения их, к которой послал я на помощь стрелков батальона Олонецкого мушкетерского полка, на регулярную пехоту, построенную в карей, не смела сильно нападать. 4 часа продолжалось упорное сражение, 3 раза нападали на кавалерию и 3 раза были отражаемы храбро с помощью нашей артиллерии, донским казачьим полком моего имени, командами арнаут, хорват и стрелков. Наконец, ретировались, оставя до 200 человек убитых, в том числе 2 начальника, первой Измаил-бега гаваз-баша (или дежурный по корпусу) Мустафа-ага, по оружию и богатому платью другого можно судить, что также знатный человек. Сербы, бывшие в шапцах на левом фланге, опоздали подать мне помощь. Убитым и раненым с нашей стороны людям и лошадям, утраченным и изломанным казенным вещам и выпущенным зарядам особую ведомость при сем прилагаю. Неприятель сего дни опять появился на высотах, верстах в четырех от крепости со стороны Дуная укрепляет свой лагерь, по пространству которого полагаю его до 10 тыс. с 5 пушками. Кавалерии у меня так мало, что против большого количества турецкой употреблять ее не могу. О чем вашему превосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 40 и об. Подлинник.

№ 273

Письмо И. И. Михельсона И. И. Исаеву о согласии Порты на перемирие

№ 773

19 июля 1807 г. Рымник

Рапорт вашего превосходительства от 13-го числа мною получен.¹

Как я имею уже отзыв от великаго визиря, что перемирие султаном приемлется, вследствие чего для дальнейших о сем мероположений отправляется отсюда г. тайный советник Лашкарев к великому визирю, то уповаю, что о сю пору и в вашей стороне видинскими турками получено уже повеление о перемирии. Надеюсь также, что оное распространено и на сербов по моему письму о том к великому визирю.

Об артиллерийских к Вам снарядах имею от г. генерал-лейтенанта Милорадовича рапорт, что отправлены к Вам из Букореста 10-го числа.

Генерал от кавалерии Михельсон

Р. С. Еще прошу проверить, сколько к Вам придет так называемых войск с майором Панголо, и свидетельствовать мое послание истинное г. Черна Егора Петровичу

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 71. Подлинник.

¹ В рапорте И. И. Исаева И. И. Михельсону от 13 июля 1807 г. сообщалось об осаде Неготина, о взятии сербскими войсками Ужицы (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 23, д. 41, л. 35 и об.).

№ 274

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о распространении среди сербов слухов о продаже Турцией Сербии и Боснии за долги Австрии

19 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Сейчас г. Миленко был у меня и читал письмо, полученное им из Белграда от Народного их совета ¹, в котором пишут, что Россия заключила мир с Францією, в трактатах которых сказано, что султан за долг 80 миллионов пиастров уступает немецкому императору Боснию и Сербию. Прочтя сие с крайним огорчением, сказал он, что мы хотели бы лучше иметь государем одного с нами закона российского императора, но достанется обеим, кто продал и кто купил нас, оба не будут рады. Сие известие сообщил Народному сербскому совету цесарский купец, который с некоторыми именитыми людьми имеет переписку. Донеся о сем с глубочайшим высокопочтанием и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства всепокорный слуга

Иван Исаев

Помета: [Получено] июля 25-го.

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1886, л. 72 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 271.₂

№ 275

Письмо М. Стойковича И. И. Михельсону в связи со слухами о продаже турецким султаном Сербии за долги

20 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

Ваше высокопревосходительство, милостиви государю! Писаније сије получив 20 ијулија от Синода нашего ¹ и послају вашему высокопревосходительству. Из сих можете видите, что намерни цесар с нами чинити. Заото ми чудимо се да ли је и Ви за ото знате. Ми Вами сада јављамо и ваше высокопревосходительство препокорно молимо да нами отпишите да ли је могући. Ми до сада знамо да смо под крилом императора росискаго које и целу свету познато, да смо сојузници Ваши. За ото Вас молимо да нами јавите је ли то со знањем Вашим и знате ли штогод за ово дело да цесар хоће нас куповати. Ако што Ви знате, имајте и нами јавити, да би и ми знали што ћемо с нашим народом чинити. Ако и то дело буде, болше нашему народу сасвим у воду пропасти, нежели подајници цесарски бити.

Вашему высокопревосходительству чест имеју бити со высокопочтанијем всепокорниј слуга

Миленко Стойковић, комендат Крајино Неготинске

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1886, л. 73. Подлинник.
ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 155, Копия, заверенная печатью.
Помета: Сии посланы подлинные государю июля 27-го, № 115, 1807 г. Частично
опубл.: Вукићевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 580—581. Оpubл.: Први српски устанак. . .,
књ. 1, с. 281.

¹ См. док. № 271.

№ 276

*Письмо К. К. Родофиникина И. И. Исаязу о высадке на Остров
турецкого десанта*

23 июля 1807 г. Остров

Милостивый государь мой Иван Иванович! От сербских аванпостов никак я не мог получить истинного сведения о точном числе лодок турецких, приставших к острову, и сколько осталось турок на оном. Сегодня я принужден был послать конных албанцев майора Пангало, которые донесли мне, что на краю острова находилось 8 лодок и что неприятеля на берегу видно не было. Сообщив о сем сербскому коменданту, я советовал ему поспешить с отрядом на край острова и занять прежние позиции, уступленные им неприятелю, стараться окопаться как можно лучше и оставить там сильный отряд при пушке, что нимало не обеспоило бы главного редута, ибо вчера я успел убедить остаться здесь до времени 200 отборных сербов, коим пришла смена и кои хотели уже идти в свои дома. Между тем, послал я к г. полковнику Курту, чтоб приехал сюда ко мне, дабы посоветоваться о том, что предстоит делать на случай, если бы и донесение конных албанцев оказалось несправедливым и неприятель был бы в знатном числе уже на острове. Пока все сие делалось, вдруг мы видим бегущую толпу мужиков и баб с криком, что турки маршируют к нам на острове, хотя от сербских аванпостов не имели никакого донесения. Гарнизон, однако, здешний пошел навстречу неприятелю с одною пушкою и действительно нашел, что 3 суда, вошедшие по большому Дунаю, были на сей стороне, а люди уже на берегу, которые, увидев толпу бегущих сербов к ним, отчалили от берега и пошли на ту сторону Дуная, выстрелив один раз из трехфунтовой пушки, приближась к той стороне Дуная, сделали 6 выстрелов, которые, однако, не причинили нам никакого вреда. С нашей стороны сделано по ним 2 выстрела, из коих один токмо причинил вред неприятелю, ибо ядро попало в борт выше воды, после сего сии 3 лодки и еще 2, бывшие на той стороне, спустились вниз и, поровнявшись с краем острова, где их пост, переправились к оному, а сербы вместо того, чтоб идти атаковать означенный пост, возвратились спокойно в редут. Командующий ими здесь никаких воинских способностей не имеет и даже людьми своими управлять не знает. Письмо вашего превосходительства, в коем приглашаете меня к себе, я получил сегодня, и завтра на рассвете я пушусь к Вам, где буду иметь честь лично повторить Вам уверение искреннего моего почтения и преданности, с коими пребываю вашего превосходительства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 21, л. 26—27. Подлинник.

№ 277

Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу об отказе турок заключать перемирие с сербами и с просьбой о присылке регулярной пехоты

31 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

Ваше превосходительство удивляетесь, что перемирие не распространилось на нас. Причина тому та, что я вместе с сербами, с которыми турки не хотят никакого перемирия, посему-то нахожусь я теперь в таких обстоятельствах, которые Вам уже известны. Ваше превосходительство изволите писать, что просили позволения главнокомандующего отправить ко мне всех ишпикантских казаков и черносербских гусар, это, конечно, будет помощь, но без регулярной пехоты обойтись невозможно, вся сия кавалерия не в состоянии будет ничего сделать многочисленной неприятельской, находящейся против меня. Гораздо лучше атаковать их, нежели самому быть атаковану, а без пехоты не могу идти вперед. У меня регулярной остается не более 400 человек, ваше превосходительство сами признаетесь, что сего очень мало. Я совсем неизвестен о подробных обстоятельствах перемирия, а мне сие необходимо нужно, не сомневаюсь, чтоб ваше превосходительство о сем не знали. Покорнейше прошу меня уведомить.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 44 и об. Подлинник.

№ 278

Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о смене позиций и обеспечении коммуникаций

№ 804

31 июля 1807 г. Бухарест

На рапорт вашего превосходительства от 27-го числа ¹ в ответ предлагаю: 1) получа повеление о перемирии, военные действия с Вашей стороны должны были быть кончены; 2) когда неприятель столь силен, что делается Вашей настоящей позиции опасно, то само собою разумеется, что при таких случаях блокады снимаются и берутся безопасные позиции, чтоб действовать соединенными силами, следственно зависит от Вас и гг. начальников сербских, чтоб не занимать позицию, как Вам, так и им опасную противу умножающего силы неприятеля, а избрать удобную к отражению неприятеля, когда бы он и тогда наступать стал. Между тем продолжают с визирем с моей стороны переговоры, чтоб и с Вашей стороны сделаны были мироположения; а ваше превосходительство тем паче в том положении, чтоб переменить свою позицию, когда Вы сами пишете, что опасаетесь, чтоб неприятелем не была пресечена Ваша коммуникация. Сверх того Вы с малым Вашим корпусом имели столь похвальные успехи, что невозможного от Вас требовать не должно, хотя между тем продолжение блокады Неготина противуречит опасности войск Ваших, соединенных с сербами, ибо военное ремесло, как выше сказано, при всяком случае учит, что блокады при превосходных силах неприятельских и когда оной становится опасным, снимают, а не продолжают. Из сего всего ваше превосходительство усмотрите, что пока не переменятся обстоятельства, Вы на новое подкрепление, кроме того, что к Вам отправлено, считать не можете, а потому и имеете брать свои меры к сохранению войск, Вам вверенных, и коммуникации Вашей.

Письмо разных наций ², усердствующих к вере и государю, я не умедлю отправить к его императорскому величеству.

Зависит от вашего превосходительства и то, чтоб, оставя сербов, пандуров и ишпиангивевских казаков сколько заблагорассудите под именем российского войска при сербах, с баталионом и Вашими казаками прикрыть остров и Крайово.

Генерал от кавалерии Михельсон

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 29, д. 9, л. 65 и об. Подлинник.

¹ В рапорте И. И. Исаева И. И. Михельсону от 27 июля 1807 г. говорилось об усилении турецких военных сил, трудностях, связанных с обороной его позиций, о малочисленности его и сербского отряда, стоящего под Неготином, и с просьбой о помощи (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 154 и об.).

² Речь идет, по-видимому, о письме сербов и представителей других славянских народов из Баната И. И. Исаеву с выражением антишемецких и антитурецких настроений, о расположении народов этих областей к России и с выражением их желанья «быть под двором российским» (АВПР, ф. Канцелярия, д. 1886, л. 97, 100 и об.). В своем рапорте от 3 августа 1807 г. И. И. Михельсон доносил об этом Александру I. В русском переводе письмо опубликовано: *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос. . ., с. 110—112.

№ 279

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о ходе переговоров с турками о перемирии и антирусской агитации французских эмиссаров среди сербов

№ 443

31 июля 1807 г. Лагерь при Неготине

Г-н Мурьяж, француз, находящийся при видинском сераскир-паше Мулле, писал к действительному статскому советнику Родофиникину, но письмо его уже не застало. Распечатав оное, узнал, что он хочет говорить с ним о перемирии. Я отвечал ему, что сие поручено мне, просил его к себе и 28-го числа мы с ним виделись. Он казался быть посредником между нами и турками, предложил мне, что последние охотно делают перемирие с нами, но не с сербами. Я дал ему знать, что оно должно быть общее. Наконец, он согласился на таких кондициях: чтоб кордон на правом берегу Дуная был из российских войск, комендант на острове — российский, чтобы купеческим судам по Дунаю был свободный ход, они должны быть осматриваны нами, ежели найдутся на судне военные люди, военные припасы, пушки, ружья, таковые не пропускать. Между тем, объявил, что у нас мир с турками, которого пунктов он не получал еще, но что министр пишет к нему, что он надеется, российские войска двинулись уже из Сербии, Валахии и Молдавии в свои границы. Турки, быв сим ободрены, не хотят с сербами перемирия, надеясь, что русские скоро их оставят. После продолжавшегося слишком 3 часа свидания он поехал в лагерь Измаил-бея с предложением сих пунктов. Сегодня получил от него опять письмо ¹, которое при сем в оригинале препровождаю. Они хотят непременно оставаться на конце острова, но мне сего не хочется, и я просил приехавшего от видинского сераскир-паши с полною доверенностью Рашид-ефендия видеться со мною и переговорить без посредства французоз, не знаю, какой получу ответ. Французоз стараются распусть слухи, что русские оставляют Сербию, Валахию и Молдавию, турки часто разговаривают из крепости с сербами, находящимися на батарее, которая довольно близко. Миленко в нас сомневается и вчерашний день у меня напал на турок, приехавших ко мне с письмом, едва я мог остановить его, и на турецком языке не пощадил и меня, говоря, что все сии переговоры

клонятся к тому, чтобы продать их. Я полагаю, что ежели они не получат строгого повеления визиря, то у нас, конечно, перемирия не будет, ибо французы, как мне кажется, много мешают. К тому же во время наших переговоров продолжают стрелять из пушек и ружей, не перестают делать набег на ту сторону Дуная, и майор Панголо несколько раз в разных местах имел с ними дело. Есаул Денисов, стоящий с отрядом в Садове, 16-го числа сего месяца, узнав, что из Турны переправились 30 человек турок в деревню Гирлы, пошел туда и разбил, они оставили 10 человек на месте, прочие, хотев переплыть реку Олту, чтобы уйти в Турну, перетонули. С нашей стороны ни убитых, ни раненых нет. О чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

Р. С. Пакгуль рапортует: из его команды конные и пешие. . . * Неприятель, которого ожидали турки и о котором я доносил, соединился с видинским пашою.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 155—156. Подлинник.

¹ Имеется в виду письмо Измаил-бея, которым он уведомляет И. И. Исаева, что получил известия о согласии турецкого командования на перемирие с русскими, но не с сербами. В ответном письме И. И. Исаев предупредил Измаил-бея: «. . . Как русские войска стоят вместе с сербами, то в случае нападения их [турок на сербов. — В. Г.] я должен буду защищаться» (АВПР, ф. Капцелярия, 1807, д. 2092, л. 106—107. Выписки из рапортов генерал-майора И. И. Исаева И. И. Михельсону).

№ 280

Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о согласии турок на перемирие только с русскими войсками

№ 751

1 августа 1807 г. Лагерь при Неготине

Сей час получил письмо от Измаил-бея, в котором уведомляет, что имеет известия из лагеря, какого не пишет, о перемирии с русскими, но не с сербами, называя их разбойниками. Я отвечал, что как русские войска стоят вместе с сербами, то в случае нападения их, я должен буду защищаться. Донес вашему превосходительству, что сего дни на заре сербами были выбиты турки из острова, а как уведомление их о перемирии пришло несколько часов позже, то они претензии на меня иметь не должны. Но как разница у меня с ними состоит только в том, что перемирие с сербами делать они не хотят, а я настояю на этом, то и считаю, что у нас оно существовать совсем не будет, разве ваше превосходительство настояте у визиря дать им повеление, чтоб оно распространилось и на них.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 7, л. 46. Подлинник.

№ 281

Письмо русского уполномоченного по ведению переговоров о перемирии С. Л. Лашкарева И. И. Михельсону о ходе переговоров и о нежелании турок распространить перемирие на сербов

1 августа 1807 г. Слободзея

Милостивый государь Иван Иванович! Сего дня поутру полномочный отвечал мне своим визитом и сидел у меня более 2 часов. С ним давал я

* Слово неразборчиво.

партикулярную речь о всех пунктах по одиночке, на которые он делал свои возражения. Поворачивая его сколько мог со всех сторон, почти довел его до того, что он согласился переправить войска их за Дунай, разве только один Мустафа-паша с своею частью войска придет остановиться в Слободзее, ибо его тут жилище. Да и он, не желая держать лишнее войско, распустит часть оного в их дома.

О крепостях зачал я ему говорить, что для спокойствия с обеих сторон должно бы было из оных вывести их войско и оставить только обитающих всегда сии крепости, на что он хотя и упорствовал, но напоследок сказал, очень хорошо, все в оных вновь прибылые люди в удобность нашу могут быть выведены; но что с нашей стороны мы также должны исполнить желание их и вывести наши войска из всех мест, где они ныне находятся. Я ему отвечал: вы должны трогаться наперед, ибо вы не так скоро выходы ваши делаете, как мы. У нас по приказанию начальника в три дни войско бывает готово к выступлению и пойдет прямо к Днестру, как мы сказали. Мы своих слов не переменим. Он, засмеявшись, сказал мне: посмотрим, кто из нас проворнее. Чтоб ему дать перевести одышку, я приказал подать кофею. Погодя немного, он тронул струну о сербах, на что я ему отвечал, что как вчера мы положили, чтоб сегодня начать переговоры в присутствии французского полковника, то мы это с тех пор поставим.

В 4 часа после полудни собрались мы трое для конференции в назначенную комнату и каждый полномочный с своим секретарем. По переговорах вторично всего вышесказанного я нимало от оного ни отступил; почему все то, о чем мы поутру ни говорили, осталось и здесь в своей силе. Он начал говорить мне о сербах, что войско наше из Сербии неотменно должно быть выведено, ибо сии сербы неоднократно государю их оказались в измене и воевали против него, брали города и убивали начальников оных. Мы их не считаем ни за волохов, ни за молдаван, а за супостатов, итак они и не должны быть помещены в перемирии. Я ему сказал, что везде, где российские войска находятся, должно, чтоб перемирие служило в равной силе. Тут он меня немного тронул своим ответом, что государь их и визирь никак на это согласиться не могут и ежели паче чаяния приказано будет от визиря вступить в земли сих изменников и начнут их лишать жизни, неужели ваше войско в это вмешается? — Я сказал: на это вам отвечать не могу, что тогда выйдет, но все нехорошо и вы можете пообождать, пока я на сие получу ответ. Он меня спросил: неужели из этого выйдет новая война? — И того я не умею сказать; это бы очень неприятно было. Напоследок я ему сказал: мы уже теперь итак 4 часа сидим и по большей части все об этом говорим, то не лучше ли, чтоб вы отнесли к своему государю или визирю, что я настаиваю, что и сербы подходят под перемирие. Я же, с моей стороны, отнесусь о сем к государю моему и к г[осподину] главнокомандующему. Я уповаю, что оба государя легко найдут способ к сохранению сих невинных. Напоследок он сказал, хотя и не нужно б было мне о сем писать к государю моему и визирю, а должно бы настоять, чтоб вышли войска ваши, однако со всем тем я сею же ночью отправлю нарочного. Турецкий полномочный спросил в рассуждении сих сербов г[осподина] Гильемино, не имеет ли он чего-нибудь по сему делу в своей инструкции? Он ему отвечал, что хотя в инструкции об нем ничего и не сказано, но так как посредник он думает, что следует им быть также внимательным в перемирии до самого окончания мирных переговоров, и что войска турецкие не должны касаться их земель.

Г-ном Гильемино я по днесь весьма доволен.

Прошу покорнейше ваше высокопревосходительство препроводить сии две депеши как можно скорее в С.-[Петер]бург, естли можно хоть

точас по получении оных. Я нарочно под открытою печатью их посылаю для того, чтоб Вы могли видеть из депеши под № 6, что я пишу в рассуждении партикулярного разговора моего с полков[ником] Гильем[ино]. Сын же мой, будучи один при мне, не в состоянии успеть переписать оную еще раз. По прочтении прошу Вас припечатать и переслать.

Имею честь быть с отличнейшим почтением и совершенною преданностию, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Сергей Лашкарев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 27, д. 84, ч. 1, л. 16—17 об. Подлинник.

№ 282

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о невозможности отхода русского отряда вследствие отказа турок заключить перемирие с сербами

№ 459

2 августа 1807 г. Лагерь при Неготине

Повелению вашего высокопревосходительства июля от 28-го и 31-го имел честь получить¹. Я и сербы стоим с одной только стороны крепости, почему и нельзя сию позицию назвать совершенной осадой; в то время, когда не имел я никакого сведения о идущих ко мне войсках, с г. действительным статским советником Родофиникиным предлагал я сербскому начальнику Миленке отступить и занять выгоднейшее положение, но он с крайним сожалением признался, что как скоро мы тронемся с места, войски его разбегутся; в чем почти и я был уверен, что осталось, ваше высокопревосходительство, мне делать? Отойти, оставить их одних — опасался, чтоб многочисленный неприятель не воспользовался сим случаем и не напал бы на нас порознь. По сей-то причине остался, мог бы и после отступить, ибо турки сего только и желают, охотно предлагая перемирие с российскими войсками, с сербами не хотят его. Я неоднократно о том же доносил вашему высокопревосходительству, но имея от Вас повеление сделать так, чтоб и на сербов оное распространилось, заставило меня дожидаться успехов моих переговоров, которые все еще продолжаются, но не надеюсь, однако ж, чтоб согласились они на перемирие с сербами, ибо видевшись с г. Мерьяжем, находящемся в Видине от французского двора, говоря с ним, замечал из его слов совсем противное предмету моего переговора. Три раза писал я к самому паше, он отвечал мне, что с удовольствием сделает перемирие с российскими войсками, но не с сербами, требуют также, чтоб на острове мыс остался им для будущего занятия оного в случае повеления российским войскам отступить. А остров весь теперь в руках наших, о чем я вашему высокопревосходительству донес. Сегодня получил от него, Мерьяжа, повторительное письмо, завтрашний день посылаю с ответом своего офицера, но не надеюсь получить желаемого, турки тверды в своем положении, разве последует от визиря повеление, распространяющее и на сербов, тогда, повинувшись ему, военные действия остановить.

О последствии по сему предмету не оставить ту же минуту донести вашему высокопревосходительству.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 157 и об. Подлинник.

¹ Предписания И. И. Михельсона И. И. Исаеву от 31 июля см. в док. № 278 данной публикации, от 28 июля — в деле не обнаружено.

Рапорт И. И. Михельсона Александру I о намерении французов покровительствовать сербам

3 августа 1807 г. Букарешт

Прибыв сюда, я познакомился здесь с французским сенатором Понтекуланом, прибывшим из Константинополя. Он сказывал, что вице-адмирал Сенявин имел три сражения при Тенедосе, первые два ничего не решили, а в последнем турки потеряли корабль и два фрегата.

Одного дня между разговорами он мне открылся, что он, видевшись с находящимся здесь депутатом от сербов Иеремием *, советовал ему, чтоб сербы в нынешнем их положении просили посредства императора Наполеона, но чтобы о том мне прежде сказался. Я ему сказал на то мысль мою, что я думаю, что император французский будет согласен во всем с императором российским. На другой день был у меня вышесказанный депутат сербский, и он мне на вопрос мой о разговоре его с сенатором Понтекуланом сказал, что сенатор, жалея о настоящем положении храброй нации сербской, советовал ему, не теряя времени, буде имеет полную мочь, просить покровительства нации своей у Наполеона, и к тому предлагал свое посредство, а буде полномочия не имеет, то советовал поспешить дать знать о том своему Совету. И притом велел ему, чтоб он обо всем том меня уведомил. На все сие я сказал депутату, что, мне кажется, ежели бы сенатор вновь спросил его, что он сделал, то наилучнейший ответ будет, когда он скажет, что сербы не могут надеяться, чтоб император французский особенно для них сделал более, нежели будет воля императора российского, по существующему между их величествами союзу.

Долгом поставляю всеподданнейшее донести о том вашему императорскому величеству. Вашего императорского величества всеподданнейший генерал от кавалерии

Михельсон

Помета: Под[учено] 13 августа 1807 г.*АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1886, л. 102—103. Подлинник.*

№ 284

Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону об отказе видинского пашы заключить перемирие с сербами и отходе русского отряда на Остров

№ 470

5 августа 1807 г. Остров

От 2-го числа наступившего месяца донес вашему высокопревосходительству ¹, что намерен был послать к самому видинскому сераскиру-паше своего офицера для отобрания от него решительного ответа на предлагаемые мною пункты в рассуждении перемирия с тем, чтоб оно распространялось и на сербов, но все представляемые мною причины были безуспешны, посланному от меня Олонецкого мушкетерского полку штаб-капитану Бибикову сам паша сказал, что имеет повеление и охотно делает перемирие с российскими войсками, но не с сербами. С ним прислал он ко мне своего диван-ефендия, который подтвердил мне то же, прибавив, что им пришедшие войски без действия держать нечего и что, когда они придут атаковать сербов, чтоб я не защищал их. На таковые предложения

* Иеремия Гагич.

мне согласиться было нельзя и я сказал ему прямо, что сего не сделаю. Между тем, из мортир с крепости в сербские шанцы стали кидать бомбы; начальник их Миленко, пришед ко мне, сказал, что он, при первом покушении турок напасть на них, не надеется удержать позиции, ибо от нескольких брошенных неприятелем бомб люди его из батарей некоторые разбежались, и прочих видит в страхе, и для того намерен он, оставив свое место, идти в горы. Сколько ни старался я уговорить его, чтоб уверил людей своих и остался до последнего решения, но он отвечал, что это дело невозможное и что он уже решился, одному остаться против 15 тыс. неприятеля, который не сделал со мной никакого перемирия, было бы безрассудно. И, как не было мне больно оставить занимаемую мною позицию, принужден отступить в остров, куда переправясь вчерашний день поутру, писал к паше Мулле прислать ко мне кого-нибудь для назначения пунктов перемирия. Сербский начальник острова опасается, чтоб пришедшие к видинскому паше на помощь войска не обратились на их, расположенные по границам, и не стали бы теснить со всех сторон. Вчерашний день под вечер турки на 12 судах опять подходили к мысу острова и после нескольких пушечных с обеих сторон выстрелов возвратились в Право, остров и мыс оногo, которой я подкрепил одной ротой албанцев, совершенно безопасны. О чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 129 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 282.

№ 285

Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону об усилении турецких войск против сербов и необходимости снабжения их боеприпасами

5 августа 1807 г. Белград

Милостивый государь Иван Иванович! Вчера прибыл сюда Черный Георгий, с которым я и имел свидание вчерась же. Вождь сей, будучи уже описан вашему высокопревосходительству г. генерал-майором Исаевым, излишним нахожу утруждать Вас сим предметом, а приступлю к изложению других статей. Со стороны Боснии турки усиливаются противу сербов, около Сокола собралось до 30 тыс., к Ужице собралось до 40 тыс., а к Ниссе, для освобождения сей крепости от осаждающих, пришло 15 тыс. Сербь в сих странах имеют до 40 тыс. человек и терпят крайнюю нужду в порохе и свинце. Если перемирие будет существовать токмо с нами, а сербы не будут в оное включены, то нет сомнения, что турки ворвутся внутрь земли и тогда никакое спасение не останется.

Сегодня пишем к г. Миленке, чтоб из пороху и свинцу, который по приказанию вашего высокопревосходительства им отпущен, оставил у себя самонаименьшую часть, остальное количество выслал бы сюда, если бы к тому была возможность прибавить еще некоторое количество, то ваше высокопревосходительство оказали бы большую милость сербам, ибо от австрийцев не отпускают им ничего. Я буду отсюда просить посла нашего в Вене, чтоб употребил свое ходатайство у двора тамошнего, дабы позволено было сербам покупать в Австрии порох и свинец, но не знаю, успеет ли он в сем деле.

Какое письмо писал я к папе, командующему со стороны Боснии, с оного при сем имею честь приобщить перевод на греческом языке¹.

Сербы ласкают себя надеждою, что при заключении мира вся Сербия будет очищена от турков, в оной заключаются и крепости Нисса, Сокол и Скопия, кои еще в турецких руках. Сверх того они находят невозможным возвратить туркам остров и Крайну, ими занимаемую, ибо без острова они лишаются всякой возможности быть с нами в сношении. Я долгом поставляю все сие представить вашему высокопревосходительству.

Нашед здесь политическое внутреннее положение земли и образ управления оной совсем в другом виде, нежели у нас думают, я нужным счел письма вашего высокопревосходительства в Совет и к вождю удержать у себя без употребления, по сему предмету при другом вернейшем случае я буду иметь честь изложить многие подробности. Здесь находящийся вождь Черный Георгий и другие старейшины объявили мне, что они обретающемуся в Букоресте бывшему депутату Иеремие не поручали ехать к высочайшему двору, в чем не настоят никакая надобность, а потому и просят возвратить его в Сербию.

Имею честь пребыть с истинным высокопочтанием и неограниченною преданностию вашего высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 13, л. 30—31 об. Подлинник.

¹ См. док. № 286.

№ 286

Письмо К. К. Родофиникина боснийскому папе с просьбой приостановить военные действия против сербов ввиду заключенного перемирия

Не позднее 5 августа * 1807 г.

Несомненно, что ваше превосходительство знает, теперь, что между Россиею и Франциею сделан мир, сходно с условием прежде сделанным, между прочим решено также и перемирие с турками до окончания последних пунктов мира¹. Почему полагаю, что вашему превосходительству неизвестно то, что чрез посланное сие письмо уведомясь, что точно империя Российская интересуется за Сербию, кои должны также быть помещены в перемирии, почему, давши знать вашему превосходительству, прошу покорнейше приказать Вашим войскам, чтоб не делали никаких воинских действий против сербов, пока не приведется к окончанию и в порядок после мира, между сих двух держав сделанное; надеемся, что должно быть сходно с желанием и долгом Порты вышеописанные исполнения, я дал знать начальнику сербов Черно-Георгию мнение России и уверяю Вас, что ни малейшего воинского движения не предприиму, поступками моими, уверяю Вас, будете довольны.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 13, л. 29. Перевод с греч., современный подлиннику. Подлинник в том же деле, л. 28.

¹ Об этом см.: ВПР, т. IV, коммент. 24 к аннотации договора между Россией и Турцией (с. 31—32).

* Датируется по док. № 285.

Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону¹ о волнениях среди сербов в связи с предстоящим отходом отряда И. И. Исаева и усилением против них турецких сил в Боснии

7 августа 1807 г. Белград

Милостивый государь Иван Иванович! При сем имею честь представить вашему высокопревосходительству копию с отношения моего к господину генерал-майору Исаеву², из коего усмотреть изволите, что сербы до крайности встревожились, получив известие о намерении г. генерал-майора Исаева оставить Миленка одного противу турков. Здесь почти все в волнении и явно говорят, что россияне хотят их пожертвовать. Если в скорости не будут они успокоены каким-либо ощутительным образом, то, без сомнения, впадут в отчаяние и на все посягнут. Сего дня дошло известие из Боснии, что там везде провозглашен мир с Россиею, а потому приглашают всякого магометанина принять оружие и идти на истребление сербов. Земля сия со стороны Боснии находится в крайней опасности, что и заставляет всех представляющих здесь народ и вождей их просить ваше высокопревосходительство об оставлении г. генерал-майора Исаева при настоящей его позиции. В воинских снарядах тоже терпят крайнюю нужду и теперь им не остается ни с одной стороны надежды в помощи по сей статье, как со стороны России. Удовлетворяя настоящему требованию сербов, я спешу о всем сем донести вашему высокопревосходительству.

Пребываю с истинным высокопочитанием и неограниченною преданностью вашего высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 13, л. 26 и об. Подлинник. Частично опубли.: Вукићев ић М. Карађорђе, књ. 2, с. 590.

¹ Находясь в Белграде, К. К. Родофиникин еще не знал, что И. И. Михельсон умер в Бухаресте 5/17 августа 1807 г.

² К. К. Родофиникин в письме от 7 августа 1807 г. сообщал о тревоге сербов в связи с уходом русских с Острова и просил И. И. Исаева остаться до установления перемирия, а также прислать для подкрепления на Остров отряд под командованием Папгало (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/163 б, св. 30, д. 21, л. 22 и об.).

Отношение С. Л. Лашкарева И. И. Михельсону о непринятии турецким уполномоченным проекта статьи перемирия о Сербии

8 августа 1807 г.

Милостивый государь Иван Иванович! На артикул о Сербии, который я имел честь препроводить к Вам вчера, турецкий полномочный никак не хочет согласиться, говоря, что они будучи бунтовщики, Турция имеет право их наказывать; что Россия не может мешаться в дела, которые касаются до внутреннего управления Турции. Вследствие сего и предложил он мне для подписания обоюдного следующую при сем статью, которую, представляя на рассмотрение вашего высокопревосходительства, буду ожидать Вашего разрешения¹.

Не худо бы было, если бы ваше высокопревосходительство писали об этом к визирю. Может быть, он согласится на предложение Ваше и тем скорее дело приведено будет к концу.

Прошу покорнейше Вас, милостивый государь, не оставить уведомить о сем двор наш, дабы он мог видеть, сколь трудно и невозможно согласить их на то, чтоб Сербия оставалась в тишине до заключения мира. Уже будучи третий день весьма нездоров, не в состоянии писать туда.

Некоторые чиновники турецкие в силе в здешнем краю, и находящиеся здесь говорили мне даже: мы не будем их бить и наказывать; и если вы хотите, то начните там другую войну. Они мне сказали также, что Измаил-бей получил повеление идти туда с 6000 человек.

Имею честь быть с отличнейшим почтением и совершенною преданностью, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорный слуга

Сергей Лашкарев

Р. С. Я слышу от турок, что Константин Константинович Родофиникин находится в Видине. Мне очень любопытно знать, точно ли он тут или где в другом месте и по ордеру ли Вашему к чему-либо употреблен*.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 27, д. 84, ч. 1, л. 33—34. Подлинник.

¹ Русско-турецкие переговоры о перемирии начались 1 августа 1807 г. в с. Слободзея. Для ведения переговоров с русской стороны был уполномочен С. Л. Лашкарев, от турецкого правительства — Галиб-эфенди и в качестве посредника от Франции — полковник Гильемино. Эти переговоры были задуманы еще в ходе тильзитской встречи Александра I с Наполеоном, а затем предусмотрены статьями 22 и 23 русско-французского договора о наступательном и оборонительном союзе, подписанном в Тильзите 25 июня/7 июля 1807 г. (см.: *Мартенс. Собрание трактатов и конвенции . . .*, т. XIII, с. 317). В соответствии с этим Александр I предписал 28 июня/10 июля 1807 г. главнокомандующему Молдавской армией И. И. Михельсону подготовиться к выводу русских войск с территории Дунайских княжеств, как это предусматривалось статьями Тильзитского договора. Однако в предписании подчеркивалось, что вывод русских войск из Молдавии и Валахии должен начаться только тогда, когда Порта окончательно согласится на посредничество Франции в переговорах и в свою очередь даст обязательства отвести войска с территории пазванских княжеств и не занимать их до окончательного решения этого вопроса на переговорах в Слободзее (см.: *Петров А. Н. Война России с Турцией. . .*, т. 1, с. 409—410; резюме рескрипта см.: ВПР, т. IV, с. 11).

Сербский вопрос был рассмотрен на первом же заседании. Турецкий полномочный в категорической форме потребовал немедленного вывода русских войск с правой стороны Дуная и исключения из условий перемирия пункта о сербах, которых он охарактеризовал как «изменников султану». С. Л. Лашкарев отклонил это требование, заявив, что согласно имеющимся у него инструкциям перемирием должна быть охвачена вся территория, на которой в данный момент находятся русские войска. Поскольку вопрос не нашел удовлетворительного для обеих сторон решения, полномочные согласились вернуться к его обсуждению после получения специальных инструкций от своих правительств. Однако на запрос С. Л. Лашкарева необходимых инструкций из С-Петербурга не поступало, а И. И. Михельсон 5 августа 1807 г. умер. Заменивший его К. И. Мейендорф, не имея на то полномочий, 12/24 августа 1807 г. утвердил присланные ему С. Л. Лашкаревым пункты условий слободзейского соглашения. Когда этот документ был получен в С-Петербурге, Александр I в конце октября 1807 г. отказался его утвердить и уволил в отставку К. И. Мейендорфа и С. Л. Лашкарева, так как условия перемирия ставили Россию в менее выгодное положение, чем Турцию. Требования нового главнокомандующего Молдавской армией А. А. Прозоровского пересмотреть некоторые из пунктов условий перемирия были категорически отвергнуты турецкими полномочными, и турецкие войска начали самовольно захватывать в Валахии пограничные крепости (Галац) и селения. Это обстоятельство явно противоречило условиям перемирия и поставило под угрозу дальнейший ход переговоров (об этом см. док. № 301; *Петров А. Н. Война России с Турцией. . .*, т. 1, с. 406—408; ВПР, т. IV, с. 565—566, примеч. № 24).

* Приписка рукой С. Л. Лашкарева.

*Отношение и. о. главнокомандующего Молдавской армией
К. И. Мейендорфа С. Л. Лашкареву с просьбой предложить тур-
кам распространить перемирие на ту часть Сербии, где дей-
ствовали русские войска*

№ 816

9 августа 1807 г.

Милостивый го[суда]рь мой Сергей Лазаревич! Отношение вашего пре[восходительст]ва от 7-го и 8-го чисел с приложением статей: одной, вами предложенной, а другой — турецким полномочным, касательно сербов, я получил¹. Упорство со стороны турков велико. Но ежели они уже никак не согласятся распространить перемирия на всю Сербию, то по крайней мере нужно, чтобы таковое распространено было на ту часть Сербии, где наши войска находятся, дабы б я мог корпус Исаева взять без стыда нашему оружию. Пускай постановят, что военные действия до окончательного мира прекращаются во всех местах, где только наши войска действовали, то я и сим доволен буду и прикажу корпусу Исаева следовать сюда. Иначе же, каково нам смотреть будет естли они в глазах наших начнут истреблять наших союзников! Впрочем и им можно дать почувствовать, что мы не хотели начинать войны, что и мира также не мы ищем, ибо к тому нас еще ничто не принуждает, как единственно миролюбивые лишь расположения.

К великому визирю писать о сем от себя я нахожу неприличным, ибо тем я стал бы компрометировать особу Вашу, так как Вы к переговорам от меня уполномочены и от самого государя имеете доверие, о чем и визирь от меня предудеомлен.

Р. С. Г-н Родофиникин отправлен в Сербию до состояния еще мира с французами по высочайшему его им[ператорского величест]ва соизволению, последовавшему на просьбу народа сербского, для образования их правления и знания о всех нуждах оногo. По последнему донесению его ко мне из Голубца от 29 июля, он через 2 дни хотел быть в Белграде.

С полученного мною от государственного казначея отношения о¹ производстве Вам столовых денег прилагаю копии.

*ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, д. 84, св. 27, ч. 1, л. 38—39. Отпуск. Частично
опубл.: Вукићевич М. Карађорђе, књ. 2, с. 559.*

¹ В отношении И. И. Михельсону от 7 августа 1807 г. С. Л. Лашкарев сообщал в результатах переговоров с турецкими полномочными по сербскому вопросу, о своем стремлении не отступать ни на шаг от русских предложений, об упорстве и нежелании Османской империи выводить свои войска из Сербии (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 6/165, св. 27, д. 84, ч. 1, л. 31 и об.). Отношение С. Л. Лашкарева от 8 августа 1807 г. см. в док. № 288.

№ 290

*Письмо М. Стойковича И. И. Исаеву о готовности сербских
войск выступить против турок*

9 августа 1807 г. Пореч

Милостивому государу моме! Имамо чес[т] вас поздравите и вами јавите како смо вашу писму примили. И врло смо се возрадовали када смо разумели гди се у Гогошу сас командом Вашом находите. А, особито смо се возрадовали када смо разумели какви сте одговор дали тур[к]ом на њин

вопрос. То ми је веома драго било. Ипак молим ваше превосходительство да ви посмотрите на ове турке ако не буду ради о премирију. А ви пишите у Бу[ку]реш Михелзоњу да преправни сас више наше војске и да на турке непријатељски ударимо ако не би у премирију Турци прековарали. А друго вама шилемо писма су на вас послата из Београда. Нами почесто јавите што се код вас случи. Остају вашег превосходительства слуга покорнејши, милостиви господар мој,

Миленко Стој[к]ович, коме[ндат] пожа[ревачки] *

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 119. Подлинник. Опубл.: Први српски устанак... књ. 1, с. 286; Ђорђевић В. Божишћеве збирке. — Отаџбина, Београд, 1892, књ. 32, св. 125—129, с. 288.

№ 291

Приказ К. И. Мейендорфа И. И. Исаву о снятии осады с Неготина и отступлении на Остров

№ 819

11 августа 1807 г.

Получа рапорт вашего превосходительства от 5-го числа ¹, нахожу, что г. Миленко благоразумно поступил отступлением для спасения своего в горы и Вам не должно было удерживать его, тем паче, что Вы и сами от 27-го прошедшего месяца писали ², что Вам в настоящей вашей позиции опасно; и на то от 31-го того месяца имеете мое предписание ³, что при таких случаях блокады снимаются и чтоб как Вам, так и сербам не занимать позицию, опасную противу умножающего силы неприятеля. А сожалею, что Вы с ними в то же самое время не поспешили спустить и тех сербов, которые были на острове, прочих волонтеров, которые бы пожелали с ними остаться, послав занять их место роту пехоты, что предписываю теперь выполнить, взяв меры к их безопасности. Сверх того, я не думаю, чтоб Вы перешли Дунай, не выговоря себе демаркационную линию, чрез которую никому не переходить, хотя бы она и имела более 3-х верст шириною.

Здесь ожидаем окончания перемирия, и я надеюсь в скорости Вас с корпусом отозвать сюда. До того ж извольте оставаться в настоящей позиции. Майору Пангалу подтвердить, чтобы людей, кои возвращаться будут с Вами сюда, содержал в строгой дисциплине и удерживал от грабежей, каковыми они наносят бесславие российским войскам, и что в противном случае поступлено будет с ним по всей строгости, впрочем, кто хочет, могут идти за Дунай. Я не имею от вашего пр[евосходительст]ва сведения: доставлен ли сербам порох, свинец и ядра, как и 6 пушек, кои собственно для них посланы и должно было им отдать, кроме людей?

Какие будут по Дунаю проходить суда с дружественными к нам отъездами, таковые извольте пропускать впредь без удержно.

Прилагаемый при сем конверт к д[ействительному] ст[атскому] сов[етнику] Родофиникину прошу верно и поспешно доставить.

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 158—159 и об. Отпуск.

¹ См. док. № 284.

² См. док. № 278 и коммент. 1.

³ Там же.

* Ошибка. Следует: поречке.

№ 292

Письмо И. И. Исаева К. К. Родофиникину о причинах отхода русских и сербских войск

12 августа 1807 г. Лагерь при с. Гогоше

Милостивый государь Константин Константинович! Крайне сожалею, видевши из письма вашего превосходительства мнение сербов о русских и смущении их ¹. Только я не был оному причиною. Я точно имел повелении главнокомандующего наблюдать, чтобы не сделали турки нападение на Крайов и не пресекли бы коммуникации, но я им сказал, что не отступлю без крайней надобности, что и сделал. И ежели б где Миленко мог долее держаться, я и теперь был бы еще там же. О причине отступа обеих нас уведомил я уже ваше превосходительство сего августа от 9-го дня ², но как он имел людей мало и выстрелы неприятельские обратились все на него, он удержать своей позиции не мог. Мне же идти к нему на помощь, оставя мою позицию, было бы для обоих нас пагубно, ему соединиться со мною также, ибо из укреплений его нас бы били. Уверьте, ваше превосходительство, сербов, что они ничего опасаться не должны, ибо Миленко занял такую позицию, что неприятель ничего сделать ему не может. Сверх того я отвлекаю его от них, а между тем, г. тайный советник Лашкарев работает у визиря, чтобы перемирие распространить и на сербов. Уведомя о сем вашего превосходительства с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства, милостивого государя, покорнейший слуга

Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 24, д. 673, л. 103. Подлинник.

¹ См. док. № 287 и коммент.

² Письмо И. И. Исаева к К. К. Родофиникину от 9 августа 1807 г. в деле не обнаружено.

№ 293

Письмо сербского депутата И. Гагича [А. Я. Будбергу] с просьбой о решении сербского вопроса в связи с русско-турецким перемирием

16 августа 1807 г. Бухарест

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Критическое положение сербских наших обстоятельств заставляет меня немедленного решения посредством вашего высокопревосходительства от его императорского величества всенизжайше просить.

Состояние и необходимости наши уже Вам известны. Как многократно письменным объявлением чрез его высокопревосходительство главнокомандующего российскими войсками в Молдавии и Валахии г. Михельсона, равно же и чрез г. маркиза Павлучи, вашего поверенного и к нам посланного, письменно и словесно уверились, следовательно, и уврачевания против болезней наших определить ожидаем. Народ сербский, надеясь на Россию, за свою и всеобщую пользу христианского народа с великими подвигами устремлялся и устремляется против врагов православной веры, теперь на поле отчаяния находится наипаче для того, что во время перемирия и действия в миру промежду всевысочайшим российским двором и Портою Оттоманскою никакого уведомления о своей участи не имеет.

Несчастный сей случай заставляет нас больше всего в отчаянии быть и решительности немедленной от его императорского величества, заслуживает ли народ сербский в отечестве своем быть под покровительством и защищением всевысочайшего двора российского или вечной погибели предатися?

По должности патриотической и по повелению общенародному сербскому, касательно мне данному для пользы отечества стараться и настоятельно решения его императорского величества просить; надеюсь на милость вашего высокопревосходительства меня об вышепомянутых милостиво известить и от отчаяния народ избавить.

С отменным высокопочитанием и преданностью честь имею пребыти вашего высокопревосходительства, милостивого государя, покорнейший слуга

Иеремия Гагич, депутат сербского народа

Помета: пол[учено] 28 августа 1807 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1895, л. 34—35. Автограф.

№ 294

*Письмо коменданта Острова П. Тодоровича И. И. Исаеву
о приказе Карагеоргия оборонять Остров*

16 августа 1807 г. Остров

Ваше превосходительство! Могу Вама јавити да сам ваше писмо¹ получно и све добро разумно што ми јавјате, да ваше превосходительство јесте повеленије получили од главнокомандујушега за мене, да ја могу Одавлен дигнути се и Миленку поћи². Ја, ваше превосходительство, имам војски и мои[x]коња, и топова, и муниције које се мени није могуће за цели дан и ноћ чрез Дунав превести се. А такоже ја писмо јесам примио од моего господина главнокомандујушега, Георгије Петровића, да се ја овди укрепим што боље могу и од непријатеља ово место содржати.

Даклем ово ваше писмо како получи[x] и разуме[x] што ми пише ваше превосходительство, ја не имају власти се одовлен дигнути се пре него мени писмо дође од главнокомандујушчега мога. А ја са њим ваше писмо посло како сам примио, даклем морам чекати заповест мога старијега, што ми заповиди, то будем чинити; него Вас покорнејше просим, ако бисте могли знати какви тајни, јавите ми Ваше превосходительство. Мени можете јавити колик, и самому Карађорђи, јер бо сам ја његов тајни советник, како и ви код славнога Александра, государа.

Више ништа. Со тим остајем ваш покорњи слуга

Петар Феодоровић

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 66—67. Подлинник. Опубл.: Ђорђевић В. Богишићеве збирке; Преи српски устанак. . . , књ. 1, с. 289

¹ Упомянутое письмо И. И. Исаева к Петру Тодоровичу Добрицу в архиве не обнаружено.

² Речь идет об отступлении сербских войск в связи с отводом русских войск за Дунай, предусмотренном условиями о русско-турецких переговорах в Слободзее (см.: Вукићевић М. Карађорђе, књ. 2, с. 591—592; Петров А. Н. Война России с Турцией. . . , т. 1, с. 253).

Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону¹ о боевых действиях сербских войск

19 августа 1807 г. Белград

Милостивый государь Иван Иванович! Со стороны Ниссы около 3 тыс. конных турок, прокравшись мимо корпуса сербского, сделали вторжение 12 часов внутрь Сербии, ограбили несколько деревень и отвели с собою достаточное число пленных крестьян и крестьянок. Войско сербское, узнав сие, напало на них на возвратном пути, разбило совершенно их. По истреблении множества турков взято в добычу 200 лошадей, 12 турок живых, в том числе один чиновник, и 45 крестьян из отведенных турками в плен.

Со стороны Боснии турки стоят спокойно со времени получения письма моего² к визирю Боснии, но ответа от сего я еще не получил.

Гусан-али из Неготина сделал нападение на деревни, находящиеся на горах неподалеко от Пореча, разорил оные и увел с собою в плен несколько крестьян, сверх того посылает разъезды в Кладову и Адакале, чрез что всякое сношение с Валахиєю соделывается невозможным, разве сопровождать курьеров сильными конвоями. По получении о том здесь донесения от коменданта Миленко³, послано ему предписание двинуться вперед и занять неподалеко Неготина такую позицию, которая бы обеспечила сношение с Валахиєю, без которого они существовать почти не могут, ибо ныне опять австрийцы стали строго смотреть, чтоб ничто в Сербию провозимо не было, следственно одна надежда, при крайности, получить за деньги хлеб из Валахии⁴.

Управляющие здесь просили меня донести о том вашему высокопревосходительству, что сим исполняя, пребываю с истинным высокопочтанием и неограниченною преданностию вашего высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 13 л. 14—15. Подлинник.

¹ См. коммент. к док. № 287. ² См. док. № 286.

³ Предписания М. Стойковичу и его донесения в деле не имеются. Об этом донесении К. К. Родофиникин сообщал командующему отрядом А. П. Зассу 19 августа 1807 г. (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/163 б, св. 30, д. 21, л. 2—3).

⁴ О сербо-австрийских отношениях в этот период см.: *Гаврилович С.* Војводина и Србија. . . , с. 109—110.

Отношение М. А. Милорадовича С. Л. Лашкареву об отправке сербам свинца и пороха

№ 1313

20 августа 1807 г. Букарест

Ваше превосходительство, милостивый государь Сергей Лазаревич, я имел честь получить письмо вашего превосходительства и все по оному в точности исполнил. Прибывший сюда транспорт 200 пудов пороху и 500 пудов свинцу, назначенный для сербов, отправил я к генерал-майору Исаеву для доставления оным. Еще следует сюда 800 пудов пороху, который коль скоро прибудет, также туда отправлю. Генерал-майору Исаеву предписал я остаться в нынешней его позиции впредь до повеления.

Французский курьер проехал без замедления в Париж. Известия, которые он рассказывал, и выписку из письма, с Вены полученного, при сем препровождаю. Письмо Ваше министру иностранных дел отправил с нарочным курьером вчерашнего числа.

Имею честь быть с истинным почтением и особливую преданностью вашего превосходительства, милостивого государя, покорнейший слуга

М. Милорадович

Сейчас получил письмо на Ваше имя, которое посылаю. Мейендорф прибыл сегодня в Букарест.

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 2092, л. 121. Подлинник.

№ 297

Предписание К. И. Мейендорфа К. К. Родофиникину об отводе отряда И. И. Исаева из Валахии и об оставлении сербам орудий и боеприпасов

№ 2910

22 августа 1807 г. Букарест

Милостивый государь мой Константин Константинович! Во-первых, имею известить ваше превосходительство, что по случаю кончины главнокомандующего армиею г. генерала от кавалерии Михельсона я вступил в звание его главнокомандующего армиею.

Тут получил я письмо Ваше от 12-го сего м[еся]ца¹, в коем уведомляете о освобождении сербами турков неокрестившихся. Мера сия настоящим обстоятельствам весьма прилична, и Вы хорошо сделали, что к тому настояли.

Наконец, на основании высочайшей воли его императорского величества г. тайным советником Лашкаревым перемирие с турками заключено и мною имеет быть ратификовано. Главное содержание оного состоит в том, что впредь до мирных постановлений обе стороны оставляют Молдавию и Валахию, то есть турки переходят за Дунай, а мы за Днестр в наши пределы, что теперь и должно исполниться. Следственно, и генерал-майор Исаев с его отрядом должен из занимаемых им ныне мест выступить. Между тем, однако, что[бы] и сербы не были нами оставлены, прилагаю при сем в копии особо заключенные статьи в рассуждении сербов, по коим и они до мирных постановлений обеспечены, что и благоволите объявить им и по тому располагать меры Ваши². За всем тем из дел покойного главнокомандующего я нахожу, что для вящей безопасности сербов он предписывал генерал-майору Исаеву, чтобы в присутствии еще его находящиеся на острове сербы отступили в горы к начальнику их Миленке; но генерал-майор Исаев рапортует, что начальник сербов на острове отозвался ему на оное, что он имеет приказание от Черного Георгия Петровича более на острове укрепиться. По сему я пишу к генерал-майору Исаеву, чтобы он оставил сие на волю сербов, предоставляя им брать меры свои, для них полезнейшие.

Из предписаний также покойного главнокомандующего генерал-майору Исаеву, от 11-го числа данного, усматриваю, что сербам оставляются 6 пушек, порох, свинец и ядра, и людей из команды майора Пангола, кои пожелают в службе у сербов остаться³. По каковым предметам не оставьте и ваше превосходительство с начальником сербов распорядиться, не употребляют ли они и с своей стороны вящих мер к приклонению к себе войска майора Пангола. Мне бы хотелось, чтобы и все они там ос-

тались. Сверх того сколько остается здесь еще пороха и свинца, определенного для сербов, имеет быть все туда отправлено чрез генерал-майора Исаева.

Имею честь быть с отличным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

барон Мейендорф

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1807 г., д. 166, л. 17—18. Подлинник.

¹ Отдельного письма К. К. Родофиникина от 12 августа 1807 г. с освещением указанного вопроса в деле не обнаружено.

² Речь идет о перемирии в Слободзее (см. коммент. к док. № 288). О стремлении России включить в текст перемирия статью о сербах, в частности, см. в док. № 289. Согласно особой статье перемирия оттоманские войска обязывались воздерживаться от каких-либо враждебных действий в окрестностях Видина и Фетх-Ислама, где находились объединенные российские и сербские войска, вплоть до прибытия уполномоченных для переговоров о мире (АВПР, ф. Канцелярия, д. 1895, л. 4—5).

³ О предписаниях И. И. Михельсона, на которые ссылается К. И. Мейендорф, см. док. № 291 от 11 августа 1807 г. О стремлении сербского коменданта П. Теодоровича Добринца остаться на Острове по повелению Карагеоргия см. док. № 294. С просьбой о помощи в связи с усилением турецких сил в этом районе П. Добринца обратился к М. Стойковичу (АВПР, ф. Канцелярия, до. 1895, л. 37—38). В предписании И. И. Исаеву от 22 августа 1807 г. К. И. Мейендорф сообщал, что он по случаю кончины И. И. Михельсона вступил в должность главнокомандующего, что на основании перемирия И. И. Исаеву предстоит быть готовым для перехода на левый берег Дуная, что, «если сербы находят для себя полезным и возможным держаться на Острове, то сие предоставить их воле»; предписывалось ознакомить их с текстом перемирия, где речь идет о сербах (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 24, л. 4 и об.; об отступлении сербов с Острова см. док. № 298).

№ 298

*Рапорт И. И. Исаева К. И. Мейендорфу об оставлении сербами
Острова на Дунае*

№ 532

24 августа 1807 г. Лагерь при с. Змардиштешти

Повеления вашего высокопревосходительства августа от 22-го числа за № 2911 и 2912 имел честь получить ¹. Сербы не нашли возможным держаться на острове и на 22-е число сего месяца в ночь, тайно с одного переправясь, пошли к соединению с своими войсками и тем лишили меня всякого средства секретно доставить им порох и свинец, почему и прошу ваше высокопревосходительство остановить доставление одного ко мне ². Конверты на имя г. действительного статского советника Родофиникина чрез Адакале с нарочным отправил. Я сего дни писал к видинскому паше Мулле и требовал, чтоб взял всех находящихся на сей стороне турок, которых в разных местах было до 200 человек. О последствии не оставляю немедленно донести вашему высокопревосходительству. Пленные турки находились в Крайове и тамошний каймакан по прежнему моему повелению отправил их в Букарест. Корпус, мне вверенный, находится во всякой готовности к движению, куда повелено будет. О чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 1402, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 133 и об. Подлинник.

¹ О содержании одного из указанных предписаний К. И. Мейендорфа И. И. Исаеву от 22 августа 1807 г. см. коммент. № 3 к док. № 297. В другом предписании сообщалось, что К. И. Мейендорф приказал И. Х. Сиверсу доставить И. И. Исаеву выделенный для сербов порох и свинец (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 24, л. 7).

² О представившейся в дальнейшем возможности и способах доставки пороха и свинца сербам см. док. № 299.

Рапорт И. И. Исаева К. И. Мейендорфу с просьбой о доставлении ему пороха и боеприпасов для сербских войск

№ 536

25 августа 1807 г. Лагерь при с. Змардештешти

Не имея известия, где находятся сербы, донес вашему высокопревосходительству вчерашнего числа, что не имею верного средства доставить по повелению Вашему секретно к ним порох и свинец, и просил вашего высокопревосходительства остановить доставление его ко мне. Но сей час получил письмо от частного сербского начальника Миленки, в котором уведомляет меня о месте пребывания своего. Он недалеко от Дуная. Я писал к нему, чтоб уведомил, может ли секретно провести к себе порох и свинец, а как они в нем нуждаются, то почти уверен, что они найдут средство; и ежели, ваше высокопревосходительство, порох и свинец застанут меня с корпусом еще на месте, то можно будет оный к ним перевести чрез Дунай ночью¹. О чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 25, д. 63, л. 136. Подлинник.

¹ См. коммент. к док. № 298.

№ 300

Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону со сведениями о населении, состоянии финансов и вооружении Сербии

30 августа 1807 г. Белград

Милостивый государь Иван Иванович! Пользуясь сегодняшним случаем, который мне кажется довольно верен, имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства сведения, мною собранные, относительно здешнего края. Число жителей в оном мужского пола по самой вернейшим известиям простирается до 200 тыс. человек, из того числа вооружены до 60 тыс. Между ними, однако, считать должно 20 тыс. таковых, кои не имеют ружей, а снабжены пистолетами, кинжалами или одною саблею. К России все привержены, наипаче народ; к австрийцам питают вражду довольно великую. Французы неоднократно¹ покушались обольстить здешний народ, но усилия их остались тщетны. На сей раз виды сербов ограничиваются к достижению первоначальной своей цели, то есть к утверждению своей вольности, не распространяя владычества своего далее, но естли бы имели достаточное число пороха, олова, пушечных ядер и несколько тысяч ружей, тогда легко убеждены быть могут ворваться в Боснию.

В деньгах народ имеет надобность для общих нужд, ибо хотя имеются малые доходы, но оные по большей части обращены в пользу владеющих провинциями; все те, кои им до сего от высочайших шедрот были присылаемы, употреблены больше в пользу частную, нежели общую. Сие доставило меня наипаче давать им деньги как по мере чинимых мне представлений ясных и доказательных, что действительно настает какая покупка для пользы общей.

Ружья, которые были присканы сербами в австрийских пределах и за которые уже они и деньги заплатили, никак привезти сюда невозможно².

Главные коменданты в Сербии, владеющие оною, суть Черный Георгий, Миленко, Яков, князь Симон и Младен. Первый, поколику до военных операций касается, признается верховным комендантом. По сей части, то есть по воинской, они в согласии, по другим же большой дружбы нет.

Совета сербского я нашел токмо одну тень пустую³, состоящую из четырех неграмотных и делающих то, что прикажут; теперь, однако, по требованию моему начал собираться Совет, то есть из каждой нахии по одному выборному, число их будет 17.

Пребываю с истинным высокопочтанием и неограниченною преданностию вашего высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

Помета: К. К. Родофиникина: Дубликат. Подлинное послано 26 августа 1807 г.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 395, л. 158—160 об. Подлинник.

¹ Подробнее об этом см.: *Гаврилович М.* Исписи из париских архива; *Јанковић Д.* Француска штампа о првом српском устанку. Београд: Научно дело, 1959.

² Имеется в виду оружие, которое было куплено в Австрии в течение 1806 г. Подробнее об этом см.: *Гаврилович С.* Војводина и Србија. . ., с. 59—61.

³ О Совете см.: *Јанковић Д.* Правителствујућци советј, с. 15—88 и др.

№ 301

Депеша С. Л. Лашкарева А. Я. Будбергу о ратификации перемирия с турками и ограждении безопасности сербов в местах действия русских войск

31 августа 1807 г. Бухарест

Почтеннейшее отношение вашего высокопревосходительства от 20-го сего месяца мною исправно получено вчера в полночь¹.

Акт перемирия был уже сделан, ратификован и разменен на прошедших днях, о чем я имел честь донести в свое время вашему высокопре[восходительств]у². Хотя все посланные от меня пункты изображены в акте, но относительно невывода войск из обоих княжеств и оставления их в занимаемых ими местечках, что весьма нужно бы было для обрадования и успокоения жителей, кои, узнав о сем, приносят теперь мольбы благодарности всевышнему, я, ссылаясь на данные покойному генералу от кавалерии Михельсону наставления, в коих упомянуты кондиции, на которых должно было основывать сей вывод войск наших и на которые полномочный турецкий согласился, должен был постановить сей вывод обеих армий. При том же г. полковник Гильемино понуждал меня к скорому скончанию сего дела, которое я, однако, длил около месяца, упоминая во всех почти конференциях статьи мира, между нашим государем и Наполеоном постановленного, и до сего касающейся³, и, говоря, что он прислан последним с тем, чтобы способствовать скорому окончанию перемирия, что он на таковой конец 2 раза получал приказания своего императора и посла Себастиани, что он должен спешить с оным в Париж, однако, он еще и теперь находится в Бухаресте и не спешит своим выездом⁴. И хотя совсем и не верю, чтобы он имел с императором Наполеоном переписку, но знаю, что он часто получал и посылал нарочных к послу Себастиани. Теперь нет никакой надобности, чтоб войско наше выходило и опорожняло крепость, и оное может оставаться, пока обстоятельства требуют,

ибо мне есть отговорка, потому что турки начали врываться почти во все крайние деревни Валахии и Молдавии, объявляя бедным жителям, что теперь уж мир и они по-прежнему остаются в подданстве султана, и требуя с них разную провизию, яко с подданных, и деньги за прошедшее будто-бы время, особливо же видинский Мулла-папа. В бытность мою еще в Рушукe получал я от г. генерала от кавалерии барона Мейендорфа письма о сих происшествиях и относился неоднократно письменно же к полномочному Галиб-ефендию, который, удивляясь, говорил, что быть не может, чтоб такие дерзости были делаемы с их стороны; напоследок я его убедил и уговорил написать о сем к визирю, что им и сделано. При выезде моем из Рушука говорил я о сем же Мустафе-паше, который обещал мне послать разведать по всем границам и наказать лишением жизни, буде найдутся таковые люди.

Наилучшею причиною оставить войска наши в княжествах нахожу я в том, чтоб писать мне прямо к Галиб-ефендию и к Мустафе-паше и сказать им, что войска наши не могут никак выйти из сих княжеств до приезда полномочных для мира, ибо нельзя никак их предать в руки разного рода бродягам, которые ходят толпами из Журжи и из разных мест, даже из-за Дуная, для их угнетения и разорения.

О сербах же покойный генерал Михельсон по многом настоивании, чтоб включить и их в перемирие, писал, наконец, ко мне в Слободзею, что ежели нельзя другого ничего сделать для них, то хотя оградить от нападения турецких войск все те места, в коих находилось наше войско до назначения полномочных для мира. По многом упорствовании с их стороны, продолжавшемся долее недели, я, наконец, сделал сие положение особым актом.

Я имел честь доложить вашему высокопре[восходительст]ву, что большая часть турецких войск, собранных по неволе, распущена, а иные и сами ушли. Теперь, если и надобно будет собирать, то весьма трудно их к тому принудить.

Не могу не изъявить Вам моего сердечного удовольствия, что здоровье вашего высокопре[восходительст]ва теперь гораздо лучше.

Имею честь и проч.

С подлинным верно: надворный советник С. Лашкарев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 5/165, св. 27, д. 84, ч. 3, л. 29—30 об. Заверенная копия.

¹ В отношении А. Я. Будберга С. Л. Лашкареву от 20 августа 1807 г. говорилось о том, что в качестве необходимых условий для заключения перемирия с Турцией необходимо особо оговорить: сохранение российских войск на прежних занимаемых ими позициях и включение в перемирие сербов (АВПР, ф. Канцелярия, д. 2092, л. 19—21).

² В дописаниях А. Я. Будбергу от 12 и 13 августа 1807 г. С. Л. Лашкарев сообщал о выработке и подписании перемирия, а также об отправлении его на ратификацию к главнокомандующему армией. С. Л. Лашкарев сетовал на большие затруднения во время двухнедельных переговоров о перемирии, вызванные отсутствием у него официального указания от высочайшего двора (АВПР, ф. Канцелярия, д. 1893, л. 18 и об., 19 и об.).

³ См. коммент. 1 к док. № 288.

⁴ XXIII статья русско-французского договора о наступательном и оборонительном союзе (подписанного в Тильзите 25 июня/7 июля 1807 г.) предусматривала посредничество Франции в разрешении русско-турецкого вооруженного конфликта 1806 г. С этой целью в Слободзею, где было заключено (12/24 августа 1807 г.) русско-турецкое перемирие, прибыл французский представитель А. Гильемино, который, превысив свои полномочия, стал настаивать на выводе русских войск из Дунайских княжеств согласно 3-й статье Слободзейского договора. Но эти настояния встретили противодействие со стороны русского уполномоченного С. Л. Лашкарева, который указывал Гильемино, что задержка с выводом русских войск из Молдавии и Валахии вызвана несоблю-

днем турецкой стороной своих договорных обязательств и что уход русских войск из княжеств до подписания окончательного мирного договора отвечает скорее стратегическим интересам Турции, чем России, являющейся союзницей Франции. Поэтому С. Л. Лашкарев стремился, чтобы Гильемино поддерживал русские, а не турецкие требования. В данном случае С. Л. Лашкарев опирался на XXIII статью мирного Тильзитского договора, в которой говорилось, что «Молдавия и Валахия не могут быть заняты турецкими войсками до размена ратификаций будущего, окончательного мирного трактата России и Порты Оттоманской» (см.: *Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. . .*, т. XIII, с. 317).

№ 302

Указ Александра I о присвоении офицерам сербской волонтерской команды Вуйчечичу и Бело армейских чинов за проявленную храбрость в боях при Журже

31 августа 1807 г.

Отличившиеся храбростию в сражениях под Журжею противу турецких войск 5-го и 6-го чисел прошедшего марта, сербской волонтерной команды арнаутской полковник Вуйчечич и капитан Бело переименовываются в армейские чины, первый в капитаны, а последний в прапорщики. В Санкт-Петербурге августа 31-го дня 1807 года.

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою тако:

Александр

Верно: обер-аудитор 7-го класса Логвинов

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 2/163а, св. 85, д. 2, л. 7. Заверенная копия с копии.

№ 303

Предписание К. И. Мейендорфа И. И. Исаяву об отправке сербам пороха и свинца и о контроле за соблюдением турками условий перемирия в отношении сербов

№ 3167

7 сентября 1807 г. Бухарест

По рапорту вашего превосходительства от 4-го числа ¹, сделанное вами к Мулле-наше отношение весьма одобряю. Ежели бы во удовлетворение оному он все должное сделал и во взаимность того требовал бы отступления Вашего, в таком случае можете ответственать, что, сделав уже представление к начальству об остановлении Вашем, должны ожидать к выстулению вновь повеление.

Пребывая в нынешней Вашей позиции, нужно иметь внимание на действия со стороны турок в тех местах, которые Вы прежде с сербами занимали, нет ли там действий каковых противу сербов вопреки перемирия, о чем не оставите рапортовать. Теперь же отправляется к Вам отсюда 200 пуд пороха и 500 свинца, что все имеете доставить сербам к тому месту, где они имеют на здешней стороне свой пост из 100 человек.

Стараться доставление сие сделать неприметным образом, но ежели бы, несмотря на то, турки узнали и спросили бы Вас, то ответственать, что это купленный прежде здесь сербами, почему и не могли мы воспретить им принадлежащее.

Мейендорф

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 24, л. 12. Подлинник.

¹ В упомянутом рапорте сообщается, что член Правительствующего совета сербского Иван Югович, отправленный в качестве депутата к К. И. Мейендорфу в Бухарест, по пути заехал к И. И. Исаеву в г. Крайову, откуда направился к месту назначения (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, д. 63, л. 147).

№ 304

Отношение К. И. Мейендорфа К. К. Родофиникину о причинах оставления сербами Острова

№ 3198

10 сентября 1807 г. Бухарест

Милостивый государь мой Константин Константинович! По запечатанной ответа моего вашему превосходительству на депеши Ваши и письмо славяно-сербского Совета от 26 августа¹ получил я письма Ваши от 30 августа.²

Что лежит до обстоятельств касательно Сербии, не имею Вам ничего сказать более, кроме того, что в вышепомянутом ответе моем сказано. Касательно того, что оставлена генерал-майором Исаевым позиция на Острове, сие не могло иначе быть вследствие заключенного перемирия, но чтобы генерал-майор Исаев принуждал сербского коменданта оттуда выступить и чтобы прекращено было доставление ему туда из стороны Валахии продовольствия, о сем я, не имея сведения, требую объяснений от г. генерал-майора Исаева. Известно же мне из рапортов генерала Исаева, что остававшемуся на Острове коменданту сербскому было предоставлено на волю — оставаться или нет в сей позиции, но он предпочел ретироваться из опасения нападения от турков. Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

барон Мейендорф

АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1807 г., д. 166, л. 22 и об. Подлинник.

¹ Упомянутое письмо Правительствующего совета сербского К. И. Мейендорфу датировано не 26 августа 1807 г., как указано в письме к К. К. Родофиникину, а 27 августа 1807 г. В нем сообщается о тревожном положении в Сербии в связи с наступлением турок из Боснии в г. Ниш. Письмо опубликовано: Први српски устапак. . . , књ. 1, док. № 254.

² См. док. № 300.

№ 305

Сообщение К. И. Мейендорфа И. И. Исаеву об отправке дополнительно пороха для сербов

№ 3200

11 сентября 1807 г. Бухарест

Сверх прежде отправленного к Вам транспорта пороха и свинца отправляется еще 800 пуд пороха, которой извольте также к сербам доставить, как в ордере моем вашему превосходительству от 7-го числа предписано.¹

Для указания пути, по которому удобнее будет от Вас сие доставление сделать, отправляется с сим к Вам один из сербов Христа Георгиевич, буде Вам или подчиненным Вашим не лучше путь сей известен.

Генерал от кавалерии Мейендорф

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 24, л. 13. Подлинник.

¹ См. док. № 303.

№ 306

Письмо К. К. Родофиникина И. И. Исаеву о возможности перевоза сербами пороха и свинца с Острова

11 сентября 1807 г. Белград

Милостивый государь мой Иван Иванович! Из почтенного письма вашего превосходительства от 3 сентября с удовольствием увидел я данное главнокомандующим повеление остаться войскам на прежних местах ¹, дай бог, чтоб турки нас рассердили и тем доставили бы нам удовольствие бить их по-русски. Сербы мои все не спокойны, хотя турки их не трогают поныне; кричат, что настает им большая опасность; нечего делать, мне нужно большое терпение с ними.

Говорят, что на острове никого нет, что от острова до сербского лагеря тоже никого нет, так, кажется, и можно бы сербам порох и свинец взять на острове и провезти благополучно, и если бы встретились и турки, то могут сказать, что везут соль, купленную в Валахии. Если сие, по мнению вашего превосходительства, можно бы сделать, то весьма обяжете сербов, условившись, предварительно с Миленком об образе перевоза, сделать по сему предмету представление главнокомандующему.

Пребываю с истинным почтением и преданностью вашего превосходительства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 21, л. 25 и об. Подлинник.

¹ Имеется в виду письмо И. И. Исаева от 3 сентября 1807 г., в котором он уведомляет К. К. Родофиникина, что прибывший к нему из Сербии в Крайов И. Югович выехал в Бухарест к главнокомандующему Молдавской армией. Одновременно Исаев ставит Родофиникина в известность о том, что назначенное ранее выступление его отряда из Крайова отменяется до особого распоряжения в связи с вступлением турецких войск в районы, которые они должны оставить согласно условиям перемирия (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 24, д. 673, л. 14 и об.).

№ 307

Донесение К. К. Родофиникина К. И. Мейендорфу о получении сербами свинца и желательности приезда русского артиллерийского офицера для оказания им помощи в производстве пороха

19 сентября 1807 г. Белград

Милостивый государь барон Казимир Иванович! Почтеннейшие отношения вашего высокопревосходительства от 10-го числа сего месяца я имел честь получить.¹ Отправление пороха и свинца к сербам весьма их обрадовало, и уже взяты, поколику возможно, наилучшие меры к перевозу одного сюда в Белград. У них имеется недалеко отсюда пороховой завод, который, хотя я и не видел, но, по словам других, в худом положении и даже в делании пороха не имеют точного понятия, но все то могло бы быть приведено в порядок и устроиться, если бы знающий человек, посмотрев, исправил бы их ошибки. По близости расстояния, если бы под видом курьера был прислан сюда один искусный артиллерийский офицер дней на 10 не более, то сербы приняли бы сие за знак особенного к ним внимания. Предмет же приезда означенного офицера будет сокрыт от всех, и, конечно, никто не узнает. Я долгом поставляю все сие представить на благорассмотрение вашего высокопревосходительства.

Пребываю с истинным высокопочитанием и неограниченной преданностью вашего высокопревосходительства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 14 и об. Подлинник.

¹ См. док. № 304.

№ 308

Письмо И. И. Исаева М. Стойковичу об отправке сербам 800 пудов пороха

25 сентября 1807 г. Крайов

Милостивый государь мой Миленко Стойкович! Уведомляю вас, что получил еще 800 пуд пороха, назначенного Вам, и отправляю в селение Балачицы, где находится пост мой и где остановлен прежний транспорт до тех пор, пока Вы учредите хорошую и безопасную переправу; тогда оба они вместе доставлены до оной быть имеют. Прошу Вас постараться поспешнее устроить сию переправу. Я на сих днях получил приказ от генерала Меендорфа, что главнокомандующим у нас назначен генерал-фельдмаршал князь Александр Александрович Прозоровский, который, думаю, уже приехал в Букарест.

Уведомя Вас о сем и пожелав Вам всякаго благополучия и добраго здоровья, с почтением остаюсь, милостивый государь мой, Ваш покорный слуга

Иван Исаев

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 24, д. 673, л. 15. Подлинник.

№ 309

Расписка М. Стойковича в получении боеприпасов

28 сентября 1807 г. Брза Паланка

Квита

Ја, именовати, примил јесам от гв. уред. Василија 50 буради барута, 201 комат олова. Зато давам својеручно писмо и својим печатом потврђујем болшаго верованија ради.

[Печать]

Миленко Стој[ковић], комендат

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 17. Подлинник. Печать М. Стойковича. Опубл.: Ђорђевић В. *Богишићеве збирке*, с. 300; *Први српски устанак*. . . , књ. 1, с. 300.

№ 310

Письмо К. К. Родофиникина И. И. Исаеву о переправе крупных отрядов турок через р. Дрину и нападении их на сербские лагеря

5 октября 1807 г. Белград

Милостивый государь мой Иван Иванович! Два последние письма вашего превосходительства я имел честь получить исправно. За сообщенные мне новости приношу Вам искреннюю мою благодарность и во взаимство спешу уведомить Вас о происходящем здесь. 4 тыс. турок переправились

чрез Дрину при Мачве, надеясь напасть на сербов врасплох. Но сии, получив предварительное о том сведение, усилились, приняли их мужественно и по непродолжительном сражении принудили их бежать в беспорядке. На месте сражения найдено убитых турок 104 человека, но при переправе чрез Дрину погибло их не малое число. Вчера получено известие, что другой сильнее прежнего корпус переправился чрез Дрину при Сикириче и окружили 2 сербские лагеря, которые сильно теснит. Черный Георгий сегодня или завтра пойдет туда на помощь с войском, отсюда равномерно все ратники, возвратившиеся из лагеря под Нисой, пойдут завтра для соединения с Черным Георгием. Визирь бошнякский, по самой вернейшим сведениям, собирает тоже войски, чтоб идти самому для нападения на Сербию. Я надеюсь на бога, что рассеет и сию тучу, угрожающую Сербии. Не имея известия, приехал ли из России в Валахию главнокомандующий армиями г. генерал-фельдмаршал князь Александр Александрович *, покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, донести от себя о сих происшествиях командующему в Букаресте.

Пребываю с истинным почтением и преданностью вашего превосходительства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 21, л. 10—11. Подлинник.

№ 311

Отношение главнокомандующего Молдавской армией А. А. Прозоровского управляющему министерством иностранных дел Н. П. Румянцеву с просьбою о получении разрешения Александра I на присылку в Сербию артиллерийского офицера

№ 1957

8 октября 1807 г. Фокшаны

Милостивый государь мой граф Николай Петрович! Генерал от кавалерии барон Мейендорф при рапорте от 3-го числа сего месяца ¹ представил ко мне полученное им отношение действительного статского советника Родофиникина от 19 сентября ², в котором сей последний между прочим просит о прибытии в Белград под видом курьера одного искусного артиллерийского офицера дней на 10 для приведения в надлежащее устройство имеющегося у сербов в близости того города порохового завода. Препроводив при сем копию с сего отношения, покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, донести об оном государю императору и испросить высочайшего на то повеления.

Если его величеству благоугодно будет снизить на прописанное желание сербов, то в таком случае нужно мне еще разрешение, послать ли артиллерийского офицера из числа находящихся в здешней армии, главному моему начальству вверенной, или же будет таковой прислан из другой артиллерийской команды.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь пребыть вашего сиятельства

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 15. Отпуск. Опубл.: Ћорђевић В. Богишићеве збирке, с. 374.

¹ В указанном рапорте К. И. Мейендорфа А. А. Прозоровскому от 3 октября 1807 г. даются разъяснения по вопросам, связанным с передачей главного командования Молдавской армией. Между прочим дается объяснение причин отхода отряда под командой И. И. Исаева с Острова (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1915, л. 30—31 об.).

² См. док. № 307.

* А. А. Прозоровский.

№ 312

Письмо К. К. Родофиникина И. И. Исаеву о снятии осады сербского лагеря при Сикириче

10 октября 1807 г. Белград

Милостивый государь мой Иван Иванович! Письмо вашего превосходительства и при оном пакет от главнокомандующего армиею я имел честь получить. На сей последний, чтоб ответствовать, я ожидаю окончательные известия из Дрины о совершенном изгнании турков из всех пунктов, а между тем, за удовольствие себе поставляю сообщить вам, милостивый государь мой, что лагерь сербский при Сикириче, который был окружен турками, освобожден. Протоиерей Ненадович принудил их бежать за Дрину, а поп Лука, преследуя, перешел чрез Дрину в Боснию, захватил там множество скота, лошадей и одного ходжу турецкого и совсем благополучно возвратился на сию сторону, а сам протоиерей Ненадович пошел для освобождения других 2 лагерей сербских, кои также осажжены турками. Дня чрез 3 или чрез 4 я надеюсь отправить курьера в Букарест и тогда не премину о том, что до меня дойдет, сообщить вашему превосходительству.

Пребываю с истинным почтением и преданностию вашего превосходительства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 3/1636, св. 30, д. 21, л. 13 и об. Подлинник.

№ 313

Отношение А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину о переговорах с сербским депутатом И. Юговичем и с просьбой сообщить сведения о положении и настроениях сербов

№ 2018

19 октября 1807 г. Бухарест

Милостивый государь мой Константин Константинович! Находящийся здесь депутат народа сербского Иван Югович просит меня, чтобы при обратном его отправлении в отечество снабдить его от меня утешительным письмом к народу, который отступлением генерал-майора Исаева и невключением сербов в перемирие, с Портою Оттоманскою заключенное, опасается быть лишенным покровительства его в[еличества] в настоящих критических обстоятельствах, когда сербы окружены турками и имеется крайний недостаток в орудии и амуниции для защиты и обороны своей.

Я ответствовал депутату, что хотя перемирие, тайным советником Лацкаревым с Портою Оттоманскою заключенное, ни мною не утверждено, ниже государем императором не принято, и я по сим обстоятельствам произвожу еще переписку¹. Однако же, дабы иметь открытую переписку с народом сербским, не подать правительству Порты повода к заключениям о неприязненном, якобы нашем, к оной расположении и о явном покровительстве, даваемом сербам, не могу я его снабдить письмом к народу, но словесно поручаю ему объявить оному, чтобы все и каждый при испытанной их твердости духа [при]зывали * помощь божью в совершенном на оную уповании ожидали бы развязки их жребия, не упуская при том из виду ничего, что по благоразумию их вождей к существенному благу сего

* Начало слова неразборчиво.

единозаконного нам народа служить могут, а между тем, удостоверены бы были, что как его в[еличест]во всемилостивейший государь наш уже и пред сим дал почтенному сему народу толикия опыт великодушия и доброжелательства своего, то по известному во всем своем человеколюбию его, конечно, не лишая и ныне сербов высокого и мощного своего покровительства, и не престанет пещись о их благоденствии. Я же, ведая расположение моего монарха и исполняя священную его волю, не премину преподать им все пособия, которые во власти моей будут и которые я, по соображению настоящих обстоятельств, в состоянии буду им доставить.

В сем смысле поручаю и вашему превосходительству отозваться словесно, а не письменно, к главарям народа сербского, дабы они были известны о моем расположении и питали бы надежду в покровительстве государя императора. Между тем прошу Вас, милостивый государь мой, доставить мне обстоятельное сведение о настоящих расположениях сего народа, особливо о впечатлении и последствиях, произведенных отступлением войск наших и перемирия, с Портою Оттоманскою заключенным. Нужно мне необходимо знать, продолжается ли в них приверженность и полное доверие к престолу российскому или же не ослабело ли оное и не предпринимаются ли потаенным образом какие-либо политические сношения с двором австрийским или французским? Не меньше того, для соображений моих потребно мне ведать, царствует ли в народе совершенное единодушие, особливо же между митрополитом и военачальниками, или же не возродились ли между ими внутренние раздоры и несогласие и в таком случае, что могло причинить оные и к какой цели обращены напряжения той или другой партии. Я не распространяюсь в моих вопросах, удостоверен будучи, что Вы, усмотрев настроение мое по приобретенной Вами опытности в сих делах, доставите мне столь подробные обо всем сведения, что не буду иметь надобности в дополнениях.

А как во время главномандования покойного г. генерала от кавалерии Михельсона все сношения нами с сербами, все пособия, какие от нас сему народу были делаемы и, наконец, все условия и постановления, с ним составленные, производились чрез посредство вашего превосходительства, то и по сим предметам буду я ожидать полного и обстоятельного пояснения. Я прошу особливо формальные акты, с сим народом постановленные, и данные им от российского двора обещания доставить мне в точных копиях.

Что касается до просимых сербами пособий, то ведая, с одной стороны, существенные их нужды, а с другой — способы наши, Вы можете доставить мне основательное сведение, чем именно мы теперь помощь им дать можем. При сем, однако же, преимущественно обратит надлежит внимание на то, чтобы таковые пособия могли быть делаемы потаенным образом и ни под каким видом не доходили бы до сведения турецкого правительства, которому теперь во всех случаях должно обнаруживать доброе наше к Порте расположение и желание к постановлению твердого и окончательного мира. На сем основании и прошу Вас, милостивый государь мой, описать мне способы, которые при вышесказанном соображении представляются Вам к безопасному и верному доставлению сербам каких-либо от нас пособий.

Небезызвестно, я чаю, Вам, что порох, назначенный в отпуск сербам, к ним уже отправлен, как я из донесений генерал-майора Исаева вижу. Но при всем том желал бы я иметь от Вас уведомление, дошел ли он до них благополучно.

Письмо сие вручил я для доставления к Вам помянутому сербскому депутату Ивану Юговичу.

В прочем излишним считаю упомянуть здесь о принятии нужной предосторожности, дабы посылаемые ко мне от Вас известия не могли попасть в чужие руки.

С истинным почтением имею честь пребыть вашего превосходительства
ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 19—20 об. Отпуск.

¹ О начальном этапе переговоров о перемирии см. коммент. 1 к док. № 288, коммент. к док. № 301.

20 октября 1807 г. А. А. Прозоровский сообщает К. К. Родофиникину, что он получил от Александра I полномочия «поставить мир» с Портой и «утвердить опын ратификациею» и «поправить» тем самым пункты невыгодного для России перемирия. Прозоровский сообщает также, что он уже написал по этому вопросу письма турецкому визирю и французскому послу в Турции Себастиани, в которых вновь поставил вопрос о судьбе восставших сербов. В ответных письмах Себастиани игнорировал этот вопрос, а визирь стоял на прежних позициях, заявив, что турецкое правительство имеет полную власть над сербами и вправе поступить с ними по своему усмотрению. Получив такие ответы, А. А. Прозоровский в этом же письме предписывает Родофиникину: по сербскому вопросу предпринять соответствующие распоряжения Александра I меры, который «... повелевает всевозможными средствами иметь их [сербов — В. Г.] в нашей протекции» (ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 20, д. 595, л. 9—10).

№ 314

Донесение К. К. Родофиникина русскому послу в Вене А. Б. Куракину о победе сербских войск при р. Дрине и о своем письме к боснийскому паше с требованием прекратить нападения на Сербию

20 октября 1807 г. Белград

Милостивый государь князь Александр Борисович! От 4 октября я имел честь донести вашему сиятельству о победе, одержанной сербами при Мачве, и об особом корпусе, перешедшем при Сикириче.¹ Сей последний успел вытеснить сербов из трех укрепленных мест, где они находились, сжег многие деревни, знатное количество сена и хлеба. Сербь, сколько ни усиливались под главным начальством архимандрита Мелентия удержаться в выгодных своих позициях, принужденными, однако, нашлись уступить превосходному числу неприятеля с потерей 41 ратника и одного монаха, но вскорости со всех сторон храбрые сербы поспели на помощь под командою своих начальников, в том числе находился отставной российский капитан из сербов *, который, имея полное сведение в военном искусстве, успел приобрести доверие здешнего народа. Корпус турецкий, находившийся на сей стороне р. Дрины, то есть на сербской границе, состоял из 15 тыс. человек, а сербское войско, собравшееся к тому пункту, из 12 тыс. Вышеупомянутый капитан подал совет разделить силы сербские, из коих одну часть переправить за Дрину, и когда она учинит уже нападение на турецкие селения и ознаменуется сие пламенем, которому оные предаст, тогда ударить и на корпус неприятельский, на здешнем берегу Дрины расположенный. План был благоразумен, и выполнение удачно. Сего октября 14-го дня турки не успели увидеть огонь за спиною и понять, что неприятель их уже там находится, как, не дожидаясь сербов, которые пошли с сей стороны на них, ударились в бегство и переправились чрез Дрину, иные на лодках, иные вплавь на лошадях. Сербь однако достигли последнепереправлявшихся, истребили их знатное число и в плен взяли

* Вей Новокрещеный (Угринич-Требиньский).

28. Корпус же, в обход пошедший на ту сторону Дрины, на пути напал нечаянно на один шанец турецкий, изрубил всех турков, тут находившихся, и взял в добычу одну пушку с пороховым ящиком. Сверх того перевел на его сторону более тысячи христиан, которые пожелали переселиться с их скотом и имуществом, 1500 волов и коров турецких, 1000 овец и до 300 лошадей. Таким образом, по наказании турков и по изгнании их совершенно из пределов Сербии учреждены вновь батареи по р. Дрине, которые теперь отрезали всякую коммуникацию между Босниею и крепостию Соколом; в сей крепости не более находится ныне носящих оружие турок, как 200 человек, но будучи запасены знатным числом провианта и фуража, могут держаться безопасно долгое время. Сербь хотели распространить свое мщение еще далее, но я пригласил их воздержаться от сего, а между тем написал вторично к везиру, командирующему в Боснии, прося его, дабы он положил конец тщетным нападениям турок, которые обращаются ко вреду их, а не сербов. Я надеюсь, что визирь сей, видя поражение, которое претерпело его войско, оставит Сербии спокойною, доколе дела ее учредятся высокодоговаривающимися дворами.

По дошедшим сюда сведениям из Константинополя, известно, что Порты Оттоманская сменяет двух славных * бунтовщиков — руцукского Муштафу-пашу и видинского Моллу-пашу. Им назначены были губернии, но не знаю, согласятся ли они уступить настоящие места, ими управляемые. Из Молдавии и Валахии более 20 дней как я не получил никакого известия, а потому и не могу ничего донести вашему сиятельству о происходящем в тех краях.

Препываю с истинным высокопочитанием и неограниченною преданностию, вашего сиятельства, милостивого государя, всеподданнейший слуга

Константин Родофиникин

*Помета: Répon[ds] le 4 (13) n[ovemb]re 1807 **.*

АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1905, л. 9—11 об. Подлинник.

¹ Имеется в виду сражение между сербами и турками у монастыря Петковица и села Прияворе, в котором турки потерпели поражение и были отброшены за р. Дрину. В письме от 4 октября 1807 г. К. К. Родофиникин ставит в известность русского посла в Вене А. Б. Куракина о том, что после заключения перемирия с турками он написал командирующим турецкими войсками пашам в Боснии и Нише и просил их прекратить военные действия против сербов до тех пор, пока по общему миру будут приняты постановления и об участии сербов. «Начальники турецкие, — пишет далее К. К. Родофиникин, — вняли моим представлениям, распустили войски свои, вследствие чего я пайстрожайше воспретил сербам делать какие-либо поиски противу турок и ограничиться в бдительном охранении своих пределов. . .» Но несмотря на это 4 тыс. турок перешли р. Дрину со стороны Боснии и напали на сербских повстанцев при Мачве. Однако сербы под руководством Матии Ненадовича храбро вступили с ними в бой, разбили их и обратили в бегство. При переправе через р. Дрину многие из турок утонули. Между тем, турки не успокоились на этом и вновь перешли р. Дрину при Сикириче [так в тексте, — В. Г.]. Вопреки условиям перемирия турки начали военные действия и на р. Дунай, неожиданным пападением захватив Остров. Родофиникин надеется, что сербы с успехом отразят и эти нападения. Теперь сербы, продолжает Родофиникин, «. . не терпят ни в чем недостатков: урожай был наилучший, пороховой же завод их приведен в добрый порядок, так что они могут довольствоваться одним своим порохом, ружья имеют все ратники. Но желая снабдить таковыми и уезды, вновь приобретенные, они было купили на австрийской стороне, заплатили за оные деньги, как между тем последовало запрещение ружья оттуда вывозить, по поводу коего ружья им не отпустили, а купцы денег не возвратили. . .» (АВПР, ф. Канцелярия, 1807, д. 1905, л. 6—8).

* Так в тексте. Вероятно, следует: главных.

** Текст пометы предположителен: «Ответ 4 (13) ноября 1807 г.» (франц.).

*Письмо М. Стойковича И. И. Исаяву о разгроме сербами отрядов
боснийского паши и о сосредоточении турецких войск в Нише*

27 октября 1807 г. Кличевац

! Милостиви государ мой, Иван Иванов! Уведомляју ваше превосходительство да сам Ваше послато писмо од 20 октомбра 1807 исправно примил јесам, равно же и его превосходительства госу[да]ра Родофиникова, и јесмо незадржато послали в Белград. И Вами јављам да су наши сасвим Бошњахе ненепријатељски победили и преко Дрине воде претерали, и топ од Тураха јесу наши отели, и доста су Тураха ранети и живи поватали, и задобили атова и коња. И не двојим да нисте разумели из писама господина Родофиникова. И уведомляју Вас да је један капицбашија из Станбола онома да дошао у Ниш, и када је дошао 25 топа пукло. Када су ферман читали 47 топова пуклоје. И пише у ферману до барјама иска цар од везира илити кључе од Белграда илити везиру главу. И сада је везир послао своје људе по Арнаутлуку и по Уруменли штогод Турчина имаде и што пушку може понет све да се у Ниш скупи и да ударе на нас. И имаде за сад у везира готове војске у Нишу за 15 хиљада. И тај исти турнаџија кој ферман донео отишао је ономаде у Видин сас 200 Тураха. И Вами јављам за нашег непријатеља Дели-Кадрџу, кој летос био дошао Мули у помоћ, отишао је био у Ниш те се везиру предао, и везир га звао на гозбу у једно село близу Ниша, зове се Медошевце, и ту га је везир убио и јоште 150 његови изабрани Тураха јесте погинуло сас њим. Остале крцалије све су се разбегли куда је кој могао побећи. То Вами јављам, а Ви можете и даље јавит куда треба.

Остају вашему превосходительству добра здравија желају слуга покорни,

Миленко Стојковић.

И поздрављају Ивана Степановића

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 36, 39. Подлинник. Опубл.: Ђорђевић В. Богшићеве збирке, с. 14; Први српски устанак. . . , књ. 1, с. 303—304.

*Письмо Карагеоргия А. А. Прозоровскому в связи с вступлением
его в должность главнокомандующего Молдавской армией*

1 ноября 1807 г. Белград

Милостиви государю! Узнав скорое прибытие вашего сиятельства в Крайову, ја би весма желал приехать к Дунаю, чтоб иметь честь лично удостоверить Вас, милостиви государь, колико је сербски народ обрадовали се, када разумели, что толь знаменити полководец предводительствует армию, от коей участь наша зависит. Но турки, угрожающие нас опять са стране Ниша, не позволяю од мен одвоитися от сюда. А потому за долг себе поставляю писмено изјавитъ вашему сиятельству чувствования нашей привержености и пожелать Вам от бога благополучного окончания всех предначинаний Ваших и тем самим положить и конец претерпеваемым нами бедствиям са стране врагов вери христианския. Вашей милости остаем верни и есам

Черни Георг Петровић, врховни србски комендант

Помета: Получ[ено] 15 ноября 1807 г.

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 74. Подлинник. Печать коменданта Сербии.

*Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому о надежде
Карагеоргия на покровительство и помощь России и о мерах по
снабжению сербов хлебом*

№ 195

9 ноября 1807 г. Белград

Милостивый государь! Согласно с содержанием последних повелений вашего сиятельства я повторил сегодня Черному Георгию и другим, кому следовало из сербов, непременною милости и покровительства государя императора к ним и благодетельные расположения вашего сиятельства. Они приняли сие с чувствительною признательностию и поручили мне просить Вас повергнуть их к священным стопам его императорского величества. Черный Георгий сказал мне при сем случае следующее от слова до слова: «Султан предлагал мне 200 тыс. пиастров с тем, чтоб я, оставив сербов, перешел в Австрию для жительства, я на то не согласился, ибо не хотел оставить братию свою; султан предлагал мне потом прощение всем сербам и вольность под его верховною властью управлять над самим собою, Вы приказали на то не согласиться, я выполнил¹. Теперь вся участь сербов зависит от царя нашего Александра, что скажете, то выполнится; но клянусь богом, что Черный Георгий не увидит турков в своей земле, ибо не иначе пройдут, как чрез его тело». Я не преминул ему представить невозможность сего события, но он, встав, вышел в другую комнату, где были собраны все члены Совета, и комендант, сказал им, что он повесит того, кто осмелится что-либо делать без моего совета, пошел на двор, сел на лошадь и уехал в свою деревню, хотя он и я были званы обедать у любимца его капитана Чердаклия. Я пошел к сему и рассказал ему странность поступка Черного Георгия; капитан Чердакли объяснил мне причину огорчения верховного вождя, причинившего внезапный его отъезд, дабы сокрыть печаль свою. Он получил сегодня известие из Орсовы от конфидентов своих сербов, что Гусанс-али *, непримиримый враг сербский, назначен в Ниссу пашою, дабы управлять с той стороны операциями противу здешнего края, что в Бирзепаланке близ Кладова турки укрепляются, дабы пресечь всякую коммуникацию с Валахией, что идет войско турецкое к Видину, дабы оттуда обратиться к Сербии и, наконец, что на основании мира, который последует, они должны опять подпасть под иго турецкое, как равно Молдавия и Валахия. Капитан Чердаклий присовокупил мне, что сии известия Черного Георгия ввергли в отчаяние, ибо Мустафа-паша руцукский, Молла видинский покорны теперь Порте Оттоманской, другие разные бунтовщики или истреблены, или обласканы; следственно, турки могут противопоставить сербам такую массу сил, какую не были в состоянии в прежние времена послать противу их, а потому и полагает неизбежною гибель Сербии, если лишится покровительства его императорского величества. Сие сообщение, сделанное мне капитаном Чердаклием, заставляет меня завтра послать к Черному Георгию доверенную особу, дабы успокоить его и объяснить неосновательность его опасений.

Ваше сиятельство повелевает мне взять мои меры вследствие отзыва великого визиря о сербах. На сие долгом поставляю донести, что здесь по моему понятию теперь иных мер взять не можно, как быть осторожнее по границам и запастись хлебом, повеления пошлются завтра куда следует, чтобы усилили неприметным образом для турков все кордонные

* Кусанджали Халил.

стражи. Хлеба обещались немецкие купцы поставить до 4 тыс. четвертей, полагая каждые 100 ок в 12 пастров, на сие потребно будет до 40 тыс. пастров и более, кои Совет не иначе заплатить может как из денег, кои угодно будет вашему сиятельству прислать.

С курьером, отправляемым мною сего дня к вашему сиятельству, я пишу к Миленке, командующему в Порече, чтоб осмотрел сам из гор укрепления, делаемые турками в Бирзепаланке, и о том для донесения вашему сиятельству послал бы подробное известие к г. генерал-майору Исаеву, коему равномерно сообщил бы мнение свое, где именно и каким образом безопаснее и скрытнее от турков можно будет перевезти порох и свинец, если рассудится за благо прислать сербам.

Чинным укреплениям в Бирзе-Паланке могли бы сербы сделать препону, могли бы теперь в зимнее время сделать удачное нападение и на Боснию, но я не смею пригласить к тому сербов без повеления от вашего сиятельства, ибо доколе не откроется, к миру ли или к войне наклонны турки, опасным кажется мне для сербов раздражать неприятеля.

Отправляемому мною сего дня курьеру Константину Пантазееву я рекомендовал Миленке, чтоб дал сильный конвой для вящей безопасности.

В заключение долгом поставляю донести, что я по сей день получил токмо повеления вашего сиятельства под следующими номерами: № 1836 из Ясс, № 2018 из Бухареста², № 2046 и № 3581 из Крайовы.

Пребываю с истинным высокопочитанием и неограниченною преданностью вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 55—59. Подлинник.

¹ По поводу этого заявления Карагеоргия см. ответ А. А. Прозоровского в док. № 322.

² См. док. № 313.

№ 318

Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому со сведениями о внутриполитическом положении Сербии и необходимой ей помощи

№ 193

9 ноября 1807 г. Белград

Милостивый государь! Повеление вашего сиятельства от 19 октября¹ я имел честь получить сего ноября 5-го дня на дороге по случаю отъезда моего отсюда с Черным Георгием, а потому и принужден был отложить до сего дня донесение мое по содержанию оногo.

Во время существования здесь правительства турецкого сербы были порабощены до высочайшей степени, следственно, между ими не было ни же следов просвещения, между ими не было ни дворянства, ни купечества, были по городам и по селам кнези и над всякою нахпиею или уездом оберкнези, не иное что значущие, как старосты. Последних выбирал народ, а паша утверждал, первых же и вторых последние утверждали; обязанность сих кнезов была — сбор податей. Сверх сего было в Сербии, подобно как и в других областях турецких, немалое число разбойников², сии, присоединяясь к недовольным, принудили народ восстать, и сии, яко храбрейшие, взяли поверхность, из них-то ныне состоит большая часть субалтерных начальников сербских, кои, кроме личного интереса, ничего более не разумеют. Самовластие сих начальников, коих никто не наказыв-

вает, делает им приятным настоящее положение их, и весьма мало желают видеть устройство земли и существование законов, коим бы они должныствовали покориться. Главнейшие начальники, кроме верховного, коих и народ уважает и кои желают добро своей земле, суть: Миленко в Порече, Яков * в Шабаце с протопопом Матфеем Ненадовичем и архимандрит Мелентий в Сокольской нахии.

До 3 тыс. иностранцев ** из Боснии и Болгарии, живущих одним оружием и грабежом, служат при разных начальниках, при ином 20, при ином 100. Сих иностранцев можно легко собрать в корпус, если им давать хлеб и хотя небольшое жалованье, тогда отнимутся от поглаварей инструменты их могущества. Я говорил о сем с Черным Георгием, и он согласился с моим мнением, вследствие чего будут приняты меры к приведению сего в исполнение, не подав поглаварям повода к неудовольствию.

Черный Георгий желает устройство, надеясь, что тем утвердится в земле верховная его власть.³ По военным делам действительно все признают его верховным вождем, по прочим же — всякий комендант в своей нахии делает, что хочет. С приезда моего только начали коменданты быть покорнее. Черный Георгий теперь в полной мере предан России, ибо понимает, что без ее сильной помощи все им сделанное поныне будет тщетно.

Народ весь привержен к России, искренне любит российское имя и на единую Россию возлагает всю свою надежду, которая одна токмо и поддерживает оной. Если бы не надеялись на Россию, от которой ожидают скорой конец настоящему своему положению, то большая часть разбежалась бы в Цесарию, хотя австрийцев не любят нимало.

Митрополит здешний*** в несогласии с старейшими; причиною тому старания его, чтоб воздерживать их от свирепых их поступков, к коим они весьма склонны. Митрополит, однако, по словам старейших, сам не вовсе соблюдает правила своего сана; я, однако, еще ничего не открыл, Черный Георгий равномерно ныне его не любит и весьма желает его сменить.

При всем сем внутреннем нестройстве, сербы успели туркам вперить великий страх, а наипаче Черный Георгий.

Если настать будет война, можно извлечь от сербов немалую пользу, ибо на войну, подкрепляемую российским оружием, охотно все начальники пойдут, имея надежду обогащаться грабежом турецких селений и городов. Останется тогда ими руководствовать и направлять их, удерживая поколику возможно от зла.

Что касается до существенных нужд сербских, то оные простираются почти на все предметы. Пороху они издерживают не в пример более регулярного войска, никак не можно удержать сербина, чтоб при выходе из деревни в походе не сделал 2 или 3 выстрела, а после малейшей победы и 10. Для лучшего сохранения последне-присланный порох и свинец, который здесь получен исправно, я приказал без моего ведома никому не отпускать, без чего не стало бы оно и на краткое время. Пушечных ядер у них весьма мало, хлебных магазинов вовсе не имеют. Всякой сербин, идущий на войну, берет с собою кукурузной муки сколько поднять может, по окончании коей, если дадут ему хлеба коменданты, остается, в противном же случае возвращается домой. Ныне заводится здесь по моему секретному распоряжению небольшой хлебный магазин.

Ружей, сколько таковых ни будет вновь доставлено, можно толикое ж число новых ратников вооружить в Боснии, где по сведениям, мною полу-

* Яков Ненадович.

** Т. е. — беженцев.

*** Леонтий Ламбрович.

ченным, оказывается возможным христиан возбудить к ополчению противу турок, ибо здесь в Сербии и так уже мало рук остается для обрабатывания земли.⁴ Черный Георгий весьма желал бы иметь несколько тысяч ружей с штыками.

Для сербов пеших сделано уже по моему наставлению до 4 тыс. пик коротких, с коими теперь могут действовать и в поле и защищаться от неприятельской кавалерии, таковых же пик будет сделано и большее количество.

Доходы земские здесь все расходятся по карманам поглаварей сербских, так что нет никогда ни копейки на нужные издержки, а посему самому буде приказано им будет действовать, должно иметь всегда в наличности несколько денег как для нужд войск, так и для обращения самых турок. Теперь, кажется, можно бы ограничить вспомоществование в присылке им еще пороха и свинцу сколько благоугодно будет вашему сиятельству и 5 или 6 тыс. червонных для покупки ядер и заготовления провианта. Оной порох и свинец можно подобно последнему перевезти. Турки, по сведениям, мною полученным из Адакале и Орсовы, нимало не подозревают, чтоб то был порох и свинец, а думают, что было имущество сербское, которое якобы ими было послано для хранения в Валахии и теперь перевезли обратно в Сербию.

Не бесполезно бы было так же прислать сюда в виде курьера ко мне искусного офицера, который мог бы осмотреть имеющийся здесь пороховой завод и наставить сербов исправить все должным образом, равномерно осмотреть и крепости и подать совет, что в оных наиболее нужно исправить.

Во время правления турок близ Пореча искапывали до 5 тыс. нуд. олова ежегодно. Теперь сербы могли бы оттуда же доставать нужное им количество, но не имеют мастера. Здесь открыты рудники серебрянные, и в оных производится работа, немалое количество металла справлено, но не имеют мастера, чтоб очищать серебро, а рудники, по словам всех, весьма богатые.⁵

Совета сербского я нашел одну токмо тень. Ныне, однако, оный мало помалу берет силы и входит в дела; Черный Георгий прибыл сюда на прошедших днях по моему приглашению, дабы обуздать свирепость коменданта и дать более власти Совету.⁶

Относительно до впечатления, какое произвело в сербах отступление г. генерал-майора Исаева и перемирие с турками, имею честь донести, что одно и другое взволновало умы до крайности противу нас. Сам я был подвержен опасности соделаться жертвою отчаяния сербов и еле успел сам и посредством приверженных мне мало помалу успокоить умы и оные обратить по-прежнему на прямой путь.

Политических сношений не существует между Австриею или Франциею и главным вождем здешним.

В заключение остается мне донести вашему сиятельству о роде обнадеживаний и актов, данных сербам.

Депутатам сербским, приезжавшим в Санкт-Петербург, сколько мне известно, кроме словесных обнадеживаний, никакие акты письменные от министерства не даны. До вступления войск в Молдавию и по вступлении я посылал сербам нарочных, переписывался с сербами, но никогда имени своего не подписывал. Из Тулчина до вступления войск было прислано от покойного господина генерала от кавалерии Михельсона к генеральному консулу в Яссах письмо на адрес Черного Георгия, которое и отправлено, но содержание оного мне неизвестно. Из Бухареста по прибытии туда войск послано от его же высокопревосходительства письмо, к Черному Георгию и к народу адресованное, оное дано было мне для прочтения при

прусском министре бароне Пилсaxe и в тот же день отправлено самим господином главнокомандующим⁷. Сим письмом, сколько помнится мне, приглашались сербы действовать единодушно с нами противу турок и что не будут оставлены; копия с оного должна иметъся в канцелярии его же высокопревосходительства.

За сим посланы сабли к Черному Георгию, к коменданту Миленке и духовный крест дан иероманаху Досифею* при письмах от покойного господина главнокомандующего, коих копии тоже должны существовать в канцелярии. Кроме сего, никаких актов или постановлений, сколько мне известно, не иметъся с сербами.

Пребываю с истинным высокопочитаньем и неограниченною преданностию вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 41—48. Подлинник.

¹ См. док. № 313.

² Родофиникин имеет в виду гайдуков. Они были известны в сербских и других балканских землях как разбойники на дорогах еще со средневековья. В период турецкого господства трудно провести границу между разбоем на дорогах и началом сопротивления народа против социального угнетения и экономической эксплуатации.

³ Об отношении Карагеоргия и воевод подробнее см.: Ђорђевић М. Политичка историја. . . , књ. 1, с. 203—208.

⁴ Подробнее об этом см.: Чубриловић В. Први српски устанак. . . , с. 75—76.

⁵ Подробнее об этом см.: Милић Д. О рударству Србије у првом устанку. — Зборник Музеја првог српског устанка, Београд, 1964—1965, № 3—4, с. 76—78.

⁶ См.: Јанковић Д. Правителствујући Совјет.

⁷ См.: Живот и дела. . . , књ. 1, с. 172; Дубровин Н. Ф. Сербский вопрос. . .

№ 319

Депеша Н. П. Румянцева А. А. Прозоровскому об отказе русского правительства ратифицировать русско-турецкое соглашение о перемирии в силу невыгодности его для России

12 ноября 1807 г.

По заготовлении уже к вашему сиятельству разных сегодня к Вам отправляемых депешей получил я с фельдъегерем Якобсоном, а потом и с генерал-лейтенантом Милорадовичем почтеннейшие отношения Ваши, м[илостивый] г[осударь], от 19-го, 23-го и 21-го чисел октября. Я почел за нужное приостановить отправление моего курьера, дабы по содержанию тех отношений испросить высочайшие повеления государя императора и оные при сем же случае сообщить Вам, что сим и исполняю.

Ответ верховного визиря на письмо к нему вашего сиятельства обнаруживает непреклонность Порты на требуемые нами перемены в перемирии и, кажется, никакой не оставляет надежды достигнуть того способом одних переговоров. Но ни достоинство империи, ни самый оборот, какой приняли общие дела, не дозволяют нам согласиться на постановленные пункты, столь для нас унизительные. Его императорское величество вследствие того соизволяет, чтобы с получения сей депешы ваше сиятельство вновь отнесли к верховному визирю и уведомили б его, что письмо, им к Вам писанное, было представлено государю императору, что его величество с сожалением видел из оного удаление Портой их справедливых требований наших, но что, с своей стороны, не может признать действитель-

* Досифей Обрадович.

ным перемирие, которое заключено несообразно с высочайшею его волею и утверждено особою, не имевшею к тому поручения, и которое притом при самом его начале со стороны самих турок неоднократно было нарушено; что за самовольный поступок барона Мейендорфа и тайного советника Лашкарева его величество обоих их исключил из службы, вашему же сиятельству поручил официально объявить ему, верховному визирю, что по всем вышеупомянутым причинам перемирие сие с нашей стороны почитается несуществующим.

Преб[ывая]. . .

Резолюция Александра I: Быть по сему. С.-Петербург, ноября 11-го дня 1807 г. Помета: Подписано и отправлено с фельдъегерем Куличковским 12 ноября 1807 г. АВВР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1914, л. 102—104 об. Отпуск.

№ 320

Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому о намерении боснийского паши выступить против сербов

№ 230

14 ноября 1807 г. Белград

Милостивый государь! Сегодня получено известие из Дрины, что визирь бошнякский, желая отомстить сербам за последнее поражение, претерпенное турками на Дрине, собирает войска, дабы сделать нападение на сии края. Небольшие отряды турецкие покушались уже переправиться через Дрину в разных местах, но повсюду были удачно прогнаны.

Пребываю с истинным высокопочитанием и неограниченною преданностью вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 96. Подлинник.

№ 321

Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому о предстоящем собрании сербских старейшин для обсуждения писем константинопольского патриарха к сербам

14 ноября 1807 г. Белград

Милостивый государь! Вчера ввечеру прибыл сюда из Константинополя митрополит Авксентий, при нем в качестве секретаря—виддинский уроженец Попович, знающий сербский, греческий и немецкий языки. Они присланы от Порты Оттоманской в сии края, привезли письма к Черному Георгию, к митрополиту и к народу вообще, первое и второе подписаны патриархом, а последнее и великим драгоманом Караджа. Теми письмами, с коих при сем имею часть представить копии, приглашаются сербы к покорности с обещанием милости и забвения прошедшего. Словесно же присланный митрополит объявил, что он имеет поручение снабдить народ в милости и благоволении султана, который соизволяет дать земле сей такое устройство, какое пожелают сербы.

Сегодня помянутый митрополит был в Совете народном и представил вверенные ему письма. По предварительному наставлению, данному от меня Совету, ответствовано митрополиту, что обо всем будет донесено Черному Георгию, и какой отзыв получают, сообщат его преосвященству. Между тем митрополит живет у здешнего митрополита, который нам при-

вержен, приставом дан ему человек, нам приверженный, который имеет повеление не допускать никого к приезжим, кроме благомыслящих известных лиц.

Дней через пять объявится митрополиту Авксентию ответ Черного Георгия, который будет состоять в том, что он в толь важном деле без старейшин народа никакую решимость принять не может и что посланы от него повеления, дабы старейшины собрались в Белграде, сии ж старейшины, я надеюсь, что дадут ответ, который вашему сиятельству угодно будет мне прислать.

Совет сербский единодушно предал дело сие моему суждению. Не зная, однако, в каком положении сегодня дела наши с Портою Оттоманскою, я не приступил к советованию им принять такую или иную решимость до получения повелений вашего сиятельства, которыми всепокорнейше прошу не оставить меня, ибо трудно будет под благовидными предложениями продержат здесь долго помянутого митрополита. Он был сегодня у меня вместе с своим секретарем. Сколько с первого разу я мог судить, как один, так и другой умны. Из Константинополя выехали 26-го числа октября.

По случаю отправления с донесениями моими к вашему сиятельству курьера Пантезеева за неимением при мне другого принужденным нахожусь послать сии с сербином Ковачевичем до Крайовы, откуда уже г. генерал-майор Исаев, к коему я о сем пишу, отправит с нарочным к вашему сиятельству.

Пребываю с истинным высокопочтанием и неограниченною преданностию вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

*Помета о получении: 26 ноября 1807 г.
ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. 1, л. 89—90 об. Подлинник.*

№ 322

Предписание А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину заверить сербов о прекращении нападений турок до заключения мира и о последующем облегчении их положения

17 ноября 1807 г. Бухарест

Милостивый государь мой Константин Константинович! На основании данного мне от государя императора наставления имел я переписку с верховным визирем и с французским послом г. Себастиани. Сей последний по влиянию его в дела Порты Оттоманской употребил все деятельнейшие меры к перемене, согласно желанию его величества, почти всех вредных пунктов перемирия, включенных в оное по непроницанию г. тайного советника Лашкарева и неосновательно утвержденных ратификацією генерала барона Мейендорфа, по высочайшему приказу от 19-го прошедшего сентября от службы оставленного. Сверх того по требованию моему торжественно удостоверяет меня г. Себастиани о обещании Порты Оттоманской, что сербы до окончательного заключения мира с Портою оставлены будут в спокойствии. Причем мне объяснено, что последние нападения турок произошли без воли высшего правительства, чему я и даю веру. О сем пристойным образом дайте знать чиновникам, кому по нахождению Вашему в сей миссии надобно, но чтоб оное осталось без разгласки.

Не мог я прежде уведомить в том вашего превосходительства, потому что занимался отправлением курьеров к государю императору по сему

вновь встретившемуся обстоятельству и по другим отлагательства не терпящим предметам, к посту моему относящимся. Изготовя все то, получил я сего ноября 15-го дня с нарочным курьером депешн Ваши от 9-го сего же месяца ¹, на которые, как и на письмо Георгия Черного, отвечать теперь не могу, ибо я расположился было сего числа поутру выехать отсюда в Галац, откуда поеду в верх по Пруту и, наконец, в главную мою квартиру в Яссы. По прибытии туда буду Вам на все ответствовать и доставлю Вам ответ мой к Георгию Черному с благодарностию за его письмо, для чего курьеру Вашему велел я ехать прямо в Яссы и дожидаться от меня отправления. С ним же доставлю мех и кресты ², а теперь только спешу сказать Вам на нужные и не терпящие времени статьи ко мне Ваших писем, на каковый конец отъезд мой отсюда и отложен до завтрашняго утра.

Теперь буду Вам перечнем отвечать на 3-е Ваше письмо:

1) Уверьте весь Совет и Георгия Черного, что я о приверженности их к его императорскому величеству и российскому престолу неукоснительно донесу моему всемогущественнейшему государю.

2) Что Вам сказал Георгий Черный о обещаниях, ему от Порты учиненных, и, наконец, сербскому народу, вижу я из бумаг моего предместника одну поверхность, а подлинные их условия отправил он к высочайшему двору, не оставя у себя копии, но оные или копию от графа Румянцова буду требовать в присылку.

3) Огорчения Георгия Черного напрасны, как Вы о сем в известии моем к Вам усмотрите. Турки везде собирают войска; но обычаи народа не позволяют в зимнее время делать сие, кроме разве только в ближних селениях. Я оного вовсе не уважаю, ибо великого числа войск до Георгиева дня, то есть до 23 апреля ожидать не можно, а что они укрепляются не только в Пирзе-Паланке близ Кладова, но и повсеместно, как-то: в Виддине, Журже и Браилове, то сие не иное что значит, как осторожность их по приостановлении здесь наших войск, чего и ожидать было должно. В прочем советуйте им от меня, чтобы они молились с верою богу, яко первоначальному виновнику блага людей и целых народов, а за тем надеялись бы на истинное покровительство императора нашего Александра I, который, конечно, пещись не оставит, чтобы сербы, Валлахия и Молдавия имели при постановлении мира лучшую противу прежнего участь. Пусть и правда будет, что по известиям, ко мне от турецких чиновников доходящим, мир трактоваться будет в Париже. Но сие нимало положения дел не перемняет и все равно, чтобы мир не заключался. Ведая образ мыслей государя императора по сему отношению, народные здесь доходящие до меня слухи и в газетах описанные, что будто Турцию разделяют три двора: российский, французский и австрийский, я, яко неофициальные, приемлю оные в настоящей их цене, то есть за одни народные слухи.

4) О доставлении денег, пороха, свинца и ружей с штыками соображусь по возможности к удовлетворению сей надобности и, в чем нужно будет, испрошу высочайшаго государя императора решения и доставления того, чего здесь не найдется.

Уничтоженное постановление в пунктах перемирия, а вследствие оногo спешное бароном Мейендорфом начальное отступление войск содеяло и в армии, мне вверенной, примечательные расстройки; остров на Дунае, который нужен был для соединения по всем отношениям с сербами и по отступлении войск, занят хотя теперь только человеками 10 турок, стараемся мы с генералом-майором Исаевым вовсе очистить, но по сей час не соглашаются учтивым образом; главная тому причина та, что флотилии нашей часть сплавил барон Мейендорф из Галац в устье Дуная, а г. Лошкарев самовластно, не разобрав, что перемирие не есть мир, а только при-

ступ к оному, позволил на водах и на суше с сими княжествами беспреко-словную торговлю и даже вольное сообщение с Константинополем, а по-тому по Дунаю и восстановилось было беспрепятственное плавание турец-ких не только купеческих, но и военных гребных судов и доставка воен-ных припасов. Некоторые из оных судов из устья Дуная возвратились по настоянию моему в море, откуда пришли, но 20 лодок с артиллериею и войсками из Измаила, быв остановлены в Галацах, обрубя якоря, ушли к правому берегу в Исакчу, откуда, думаю, пойдут в Рушук или уже пошли. Цель их, полагать должно, обращается противу нас и сербов, а удержатъ, не имея флотилии, нечем. Но я, наконец, успел, что визирь согласился остановить и запретил иметь коммерцию с левым берегом Дуная, как и я здесь тоже сделал запрещение.

Мне высочайше повелено никакого неприязненного вида туркам не показывать, а оборонять себя должно. Я остаюсь здесь под разными пре-текстами, каковых щедро преподают мне турки, яко народ, правитель-ством необузданный. На сем основании и Вам с сербами располагать себя должно, что паче и по вышеупомянутому письму ко мне г. Себастиани необходимо нужно. По письму визиря, прежде полученному, нужным я счет Вам предостеречь, да и теперь признаю полезным навсегда иметь осторожность, положить неприметно прибавить передовую или погранич-ную стражу; но далее не должно ничем обнаруживать туркам злости или раздражения, а основать себя в сем случае на правилах политики, паче же оставить всякие вновь военные предприятия, как Вы пишете о способ-ности в настоящее время воспользоваться нападением на Пирзу-Паланку и на Боснию. Благоразумно Ваше от того их отклонение, к чему без моего согласия и приступать не должно; а поему и оставьте все то в покое и тишине и уверьте в том, что я, елико человеку возможно, не упущу иметь бдения о пользе сербов, как в том состоит воля нашего монарха; почему и Вас о надобном уведомлять буду.

Из вышенаписанного видите Вы, что французский двор должны мы разуметь дружеским. Осторожность иметь и проицать в случающихся с ними делах истину должно, да и благоразумие сего требует, но показы-вать им надлежит всю искренность. Если Вы можете крайне скрытно и то от лица сербов удерживать в Боснии часть людей, приверженных к ним, то признаю я полезным удерживать их в том положении, как Вы об оных меня уведомляете и буде можно, даже приумножить их число.

С истинным почтением имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

князь А. Прозоровский

Помета: Получено в Белграде ноября 27-го дня 1807 г.
ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 20, д. 595, л. 11—15, об. Подлинник.

¹ См. док. № 318. ² См. док. № 324.

№ 323

Извещение А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину о направ-лении в Белград артиллерийского офицера Лаврова

№ 2348

29 ноября 1807 г. Яссы

Милостивый государь мой Константин Константинович! По первому еще отношению вашего превосходительства к г. генералу барону Мейен-дорфу от 19 сентября ¹, представленному ко мне при рапорте его от 3 ок-тября ², в котором Вы просили о присылке в Белград под видом курьера

одного искусного артиллерийского офицера дней на 10 для приведения в надлежащее устройство имеющегося у сербов в близости того города порохового завода, отнесся я от 8-го того же месяца³ к исправляющему должность министра иностранных дел г. действительному тайному советнику графу Румянцову с тем, дабы донес он об оном государю императору и испросил высочайшего на то повеления. Вследствие чего получил я от него сего ноября 25-го дня 2 отношения по сему предмету: первое от 6 ноября, что его величество одобрил мнение мое, чтобы такое требование сербов удовлетворить, и приказал генералу графу Аракчееву для сей посылки отправить ко мне немедленно одного артиллерийского офицера, имеющего нужные знания в учреждении пороховых заводов; второе от 12 ноября, что генерал граф Аракчеев уведомил его, что он нашел для того способным одного артиллерийского офицера, в армии моей находящегося, и что он по сему предмету отнесся уже ко мне. Но как я сего отношения графа Аракчеева доселе еще не получил, то и приказал я командиру артиллерии при вверенной мне армии генерал-майору Сиверсу избрать такого чиновника. Вследствие чего и назначен им артиллерии майор Лавров, который вместе с сим и отправляется в виде курьера и который везет с собою собольих мех и 2 креста, следующие при особом моем к Вам отношении. На него возложена комиссия исправить пороховой завод, у сербов имеющийся; а потому и можете Вы его оставить там, доколе дело сие приведено будет к окончанию. Я поручаю генерал-майору Исаеву отправить его вместе с сербином, от вас в Крайово с депешами присланным.

О прибытии и употреблении его буду я ожидать уведомления Вашего, пребывая с истинным почтением вашего превосходительства покорнейший слуга

князь А. Прозоровский

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 20, д. 595, л. 17—18. Подлинник.

¹ См. док. № 307. ² См. коммент. 1 к док. № 311. ³ См. док. № 311.

№ 324

Письмо А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину с просьбой о доставлении Карагеоргию собольей шубы и золотых крестов архимандриту Мелентию и протоиерею М. Ненадовичу

№ 2352

29 ноября 1807 г. Яссы

Милостивый государь мой Константин Константинович!

По представлению вашего превосходительства от 20 минувшего октября,¹ препровождая при сем к Вам, милостивый государь мой, для Черного Георгия соболью шубу и для архимандрита Мелентия и протоиерея Ненадовича 2 креста золотых на таковых же цепочках, прошу Вас доставить оные им при моих отношениях, у сего прилагаемых, и по исполнении того не оставить меня Вашим уведомлением. Для сведения же Вашего прилагаю здесь копию с тех моих отношений.²

Имею честь быть с истинным почтением, вашего превосходительства покорнейший слуга

князь А. Прозоровский

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 20, д. 595, л. 19. Подлинник.

¹ В донесении Родофиникина Прозоровскому от 20-го октября 1807 г. сообщается, что видинский паша Мулла получил ферман Порты, в котором она повелевает ему начать решительную войну против сербов и до рамаза прислать в Константинополь

ключи от Белграда. Кроме того, Родофиникин просит наградить «духовными крестами» архимандрита Мелентия и протоиерея Матвея Пенадовича (АВПР, ф. Канцелярия, 1807, д. 1916, л. 128—128 об.)

² См. док. № 326—327.

№ 325

*Письмо А. А. Прозоровского Карагеоргию о присылке ему
в дар собольей шубы*

№ 2349

29 ноября 1807 г. Яссы

Высокородный и высокопочный господин, вождь храброго сербского народа Черный Георгий Петрович!

Милостивый государь мой! Почтенное письмо Ваше от 1 сего ноября я имел честь получить¹. Приношу Вам чувствительнейшую мою благодарность за все лестные в оном на счет мой выражения. Хотя доселе не имею я удовольствия знать Вас лично, но знаменитые военные подвиги Ваши соделали имя Ваше известным целому свету, добродетель Вашей души, непоколебимая твердость духа Вашего, достохвальная приверженность Ваша к единоисповедуемой нами православной вере христианской и к высочайшей особе его величества государя императора Александра I, опытом дознанное усердие Ваше к России, многообразные труды, Вами подъемлемые ко благу ваших соотчичей, возлагают на меня приятную обязанность иметь к Вам, милостивый государь мой, душевное почтение, уважение и дружбу, и в знак сей последней усерднейше прошу Вас принять от г. действительного статского советника Родофиникина посылаемый мною для Вас собольих мех.

Не сомневаюсь, что Вы признаете советы, мною господину Родофиникину даваемые, основательными и с положением дел сообразными и потому приступите к исполнению оных. Посылаемый мною к нему курьер имеет повеление исполнить те поручения, которые для услуг Вашей могут быть потребны.

Уверьте храбрый народ сербский в милостивом покровительстве всеавгустейшего моего монарха, который печется о благе сего народа и при постановлении мирного трактата с Портою Оттоманскою, при посредничестве французского императора Наполеона² не упустит из виду ничего, что только может назидать благоденствие Вашей земли. Во ожидании чего остается Вам воссылать теплые мольбы Ваши ко всеблагому промыслу вышнего, устрояющему все в мире сем, да сохранит он любезное отечество Ваше невредимо до позднейших веков и да водворит в знаменитом народе сербском вечный мир, тишину и благоденствие.

В заключение сего поручаю себя дружественному Вашему расположению и прошу быть уверенным в искренности чувствований истинного почтения и преданности, с коими есмь и навсегда пребуду Вашим, милостивый государь мой!

Подлинное подписал: покорный слуга князь

А. Прозоровский

Верно: статский советник Безак

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 20, д. 595, л. 20—21. Завер. копия.

¹ См. док. № 316.

² По ст. VIII русско-французского союзного договора от 25 июня/7 июля 1807 г., заключенного в Тильзите, Франция была обязана выступить посредником в русско-турецких мирных переговорах. Однако, если в течение трех месяцев эти переговоры не увенчаются успехом, «то Франция будет действовать заодно с Россией против Оттоман-

ской Порты, и обе высокие договаривающиеся стороны вступят в соглашение о том, чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе, за исключением Константинополя и провинции Румелии» (ВПР, т. III, док. № 258, с. 645—646). О фактической реализации этой статьи Тильзитского союза в новейшей советской литературе см.: *Нарочницкий А. Л., Казаков Н. И.* К истории восточного вопроса (О целях России и Франции на Балканах в 1807.—1808 гг.). — Новая и новейшая история, 1969, № 6.

№ 326

Письмо А. А. Прозоровского архимандриту Мелентию о пожаловании ему золотого креста

№ 2350

29 ноября 1807 г. Яссы

Высокопреподобный и высокопочтенный отец архимандрит Мелентий! Милостивый государь мой! Отличная храбрость Ваша и труды, подъемлемые Вами на защиту православные христианские веры и отечества Вашего, обратили на Вас благосклонное внимание его величества государя императора всероссийского Александра I. В ознаменование такого монаршего к Вам благоволения всемилостивейше пожалован Вам золотой крест на таковой же цепочке для ношения на груди, который при сем препровождая, прошу быть удостоверенным в истинном почтении, с коим навсегда пребуду, милостивый государь мой, вашего высокопреподобия.

Подлинное подписал: покорный слуга князь

А. Прозоровский

Верно: статский советник Безак

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 20, д. 595, л. 22. Заверенная копия.

№ 327

Письмо А. А. Прозоровского М. Ненадовичу о пожаловании ему золотого креста

№ 2351

29 ноября 1807 г. Яссы

Почтенный протоперей отец Матфей!

Милостивый государь мой! Отличная храбрость и труды, подъемлемые Вами на защиту веры и отечества Вашего, обратили на Вас благосклонное внимание его величества государя императора всероссийского Александра I. В ознаменование такого монаршего к Вам благоволения всемилостивейше пожалован Вам золотой крест на таковой же цепочке для ношения на шее, который, при сем к Вам препровождая, с истинным почтением имею честь пребыть вашим, милостивый государь мой!

Подлинное подписал: покорный слуга князь

А. Прозоровский

Верно: статский советник Безак

ЦГВИА СССР, ф. 14209, оп. 10/170, св. 20, д. 595, л. 23. Заверенная копия.

Отношение А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину с проектом рекомендуемого сербам ответа на предложение Порты прекратить борьбу

№ 2347

29 ноября 1807 г.

В продолжение путешествия моего сего ноября 26-го дня дошли до меня три отношения вашего превосходительства от 14-го сего же месяца ¹, в том числе одно о прибытии в Белград из Константинополя митрополита Авксентия с лестными предложениями, делаемыми от Порты народу сербскому к возвращению их по-прежнему в покорность туркам.

Предмет сей сам по себе весьма уже кичлив, а затруднения, которые всякому человеку в решении оного встретиться должны, еще более увеличиваются совершенною неопределительностью положения нашего с Портою, ибо и переговоры о заключении мира между Россиею и Портою еще не восприяли и своего начала. Все сведения, до меня доходящие, удостоверяют меня в том, что мир будет трактоваться в Париже, каковой оборот дела признаю я полезным для России. Между тем скажу Вам, что я наблюдаю правило, чтобы ни в каких государственных делах не обнаруживать упорства, которое признаю вообще вредным, и особливо не употреблять грубости, которая влечет за собою только пагубные последствия, а напротив, признаю нужным употреблять умеренность, сообразную с предстоящими обстоятельствами. Руководствуясь сими основаниями, поручаю Вам склонить сербов ответственность присланному митрополиту, что они султанское предложение приемлют с чувствительною признательностию и с благодарностию согласились бы воспользоваться его милостию, но минувшие военные происшествия, в продолжение которых могли они причинять многим частным особам как в боях, так иногда и в разорении земли, яко неизбежного следствия войны, личное оскорбление, и сии то люди, питая за убиенных их родственников и опустошение их имения непримиримую ненависть и злобу к сербам, конечно, не оставят употреблять всевозможные домогательства и потаенные искания у трона Блистательной Порты Оттоманской к отмщению им за то, и тогда неизбежным оного последствием будет совершенное истребление их самих и жилищ их. Когда же распустят они войска свои, то не в состоянии будут защищать себя и семейств своих от конечного несчастья и гибели. А потому и как все люди смертны, дабы удостовериться во всегдашние времена в таком милосердии султана и постановить благосостояние народа на незыблемом основании, просят от щедрот его единой милости, чтобы в даваемых им обещаниях доставить им гарантию или ручательство всероссийского императора, яко единую православную веру с ними исповедывающего, тако ж императора французского, короля италийского, яко посредника между империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою, и на сей конец позволить им невозбранно в лице всего народа отправить депутатов в Константинополь к французскому послу генералу Себастиани и ко мне в Яссы, надеясь, что великие сии в свете монархии не откажут им по толиких их страданиях в таковом для них благоснисхождении. Почему и просят его султанское величество благоволительно принять таковое ручательство и тем довершить великое дело основания их благоденствия. Они же в состоянии тогда будут пребывать верными подданными его величества.

Какой же по сему последует успех, о том буду я ожидать немедленного уведомления Вашего с особенным от Вас нарочным для донесения к высочайшему двору.

Впрочем, хотя и пишу я Черному Георгию, тем не менее, однако же, и с Вашей стороны надлежит именем моим уверить народ сербский в милостивом покровительстве государя императора, который печется о благе сего народа и при постановлении мирного трактата с Портою Оттоманскою, при посредничестве французского императора Наполеона, не упустит из виду ничего, что только может служить к благоденствию оною.

На прочие и прежде полученные письма Ваши буду вскоре ответствовать, не имея ныне к тому времени.

Верно: статский советник Безак

АВПР, ф. ГА I-9, 1807 г., д. 2, л. 19—21. Заверенная копия.

¹ См. док. № 320, 321.

Приложения

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсенијевић-Баталака Л.* Историја српског устанка. Београд, 1898, књ. 1; 1899, књ. 2.
- Банџиш-Каменски Д.* Писмо о Србији за време устанка 1808. Београд, 1901, књ. III.
- Богишић В.* Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». — В кн.: Отчет о 13 присуждених наградах Уварова. СПб., 1872.
- Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. М., 1868, т. 4.
- ✓ *Внешняя политика России XIX—начала XX века (ВНР).* Сер. 1, М.: Госполитиздат, 1960, т. 1; 1961, т. II; 1963, т. III; 1965, т. IV; 1967, т. V.
- Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1907, књ. 1. 1752—1804; 1912, књ. 2. Историја устанка од 1804—1807.
- Вукићевић М.* Карађорђева писма. — Нова Искра, Београд, 1904, књ. VI.
- Вукићевић М.* Судови и њихово уређење за време устанка од 1804—1813. — Полицијски гласник, Београд, 1905, 1.
- Вуксан Д.* Петар Петровић Његош и његово доба. Цетиње: Народна књига, 1951.
- Вуксан Д.* Петр I и Карађорђе. — Записи, 1927, књ. I.
- Вуксан Д.* Политичка писма из времена митрополита Петра I. — Записи, 1939, књ. XXII.
- Гавриловић М.* Исписи из париских архива: (Грађа за историју првога српскога устанка). Београд, 1904.
- Гавриловић С.* Војводина и Србија у време првог устанка. Нови Сад: Просвета, 1974.
- Гавриловић С.* План Софронија Југовића о српско-руској сарадњи 1804. — Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, 1966, књ. IX.
- Голубица, Београд, 1843, т. V.
- Горяинов С. М.* Босфор и Дарданелли: Исследования вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Гос. и СПб. Глав. архивах. СПб., 1907.
- Грађа за историју Првог српског устанка. У ред. Р. Перовића. Београд: Југославија, 1954.
- Грачев В. П.* История первого сербского восстания 1804—1813 гг. в собрании В. Богишича. — В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М.: Наука, 1974.
- Грачев В. П.* К вопросу переселения болгар в Россию в начале XIX века. — В кн.: Болгарское возрождение и Россия. София, 1980.
- Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России 1774—1806 гг. Кишинев: Штиинца, 1975.
- Гузина Р.* Кнежина и постанак српске буржоаске државе. Београд, 1955.
- Ђорђевић В.* Богишићеве збирке. — Отаџбина, Београд, 1892, књ. 32, св. 125—129.
- Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија (1784—1814). Београд, 1914.
- Ђорђевић М.* Ослободилачки рат српских устаника 1804—1806. Београд: Војноиздавачки завод, 1967.
- Ђорђевић М.* Политичка историја Србије XIX и XX века. Београд: Просвета, 1956, књ. 1 (1804—1813).
- Димитријевић С.* Грађа за српску историју из руских архива и библиотеке. — Споменик, 1922, LII.
- Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона. — Сборник Русского исторического общества. СПб., т. 70; 1891, т. 77; 1892, т. 82; 1893, т. 88.
- Димитријевић С.* Карађорђево устанак као дело с планом смишљено уз учешће истанкутих људи свију наших крајева. — Братство, Београд, 1931, књ. XXV.
- ✓ *Достяк И. С.* Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. — Советское славяноведение, 1970, № 5.
- ✓ *Достяк И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. — В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972.

- Достян И. С.* Проблема государственной организации Черногория в русско-черногорских связях начала XIX в. — В кн.: Балканский исторический сборник. Кишинев: Штиница, 1974, IV.
- ✓ *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М.: Наука, 1972.
- Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе. Прилог III. Гласник српског ученог друштва, Београд, 1886, т. LXV.
- ✓ *Дубровин Н. Ф.* Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806—1812. — Военный сборник, СПб., 1864, т. XXXVI, вып. 1.
- ✓ *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I. — Русский вестник, М., 1863, т. 46, кн. 7.
- ✓ *Записка Самборского, петичия сербов к Александру I, 1806.* — Чтения Общества истории и древностей российских, 1868, т. I; 1871, т. III.
- Јакшић Г.* Борба за слободу Србије 1788—1816. — В кн.: Српски народ у XIX веку. Београд, б. г., књ. 1.
- Јанковић Д.* Правительствујушчи совет. — Исторјиски гласник, Београд, 1954, књ. 1—2.
- Јанковић Д.* Француска штампа о првом српском устанку. Београд: Научно дело, 1959.
- Ивић А.* Списи бечких архива о првом српском устанку. Београд—Суботица—Београд, 1935—1977, т. I—XI.
- ✓ *Из истории помощи России сербскому народу в период Первого народного восстания.* — Исторический архив, М., 1960, т. 1.
- История русской армии и флота.* М., 1911, т. 3.
- Исторја Београда.* Београд: Просвета, 1974, књ. 2.
- Казивање старих Требјешана.* Припремио Б. Павичевић. Никшић: Заједница културних устапова, 1973.
- Караџић В.* Грађа за српску историју нашега времена и животи најзнатнијих поглавца овога времена. Скупљени историјски и етнографски списи. Београд, 1898, књ. 1.
- Караџић В.* Прва година српског војевања на дање. — Даница, 1828.
- Кутузов М. И.* Сборник документов. М.: Воениздат, 1952, т. III.
- Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784—1830). Цетинье, 1950.
- Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., М.: 1874—1909, т. I—XV; 1902, т. XIII.
- Медаковић М.* Учествовање Срба на 900-год. прослави у Кијеву. Нови Сад, 1888.
- Медаковић М.* Устанак српски. Нови Сад, 1866.
- Милаковић Д.* Историја Црне Горе. Задар, 1856.
- Милић Д.* О рударству Србије у првом устанку. — Зборник Музеја првог српског устанка, Београд, 1904—1965, № 3—4.
- Милосављевић П.* Бој на Иванковцу 1805 г. Београд, 1979.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. СПб., 1849, т. III. Описание турецкой войны с 1806 по 1812 г.
- Морозов П. О.* Черногорские переселенцы в России, 1803—1838. — В кн.: Исторические материалы из архива министерства государственных имуществ. СПб., 1891, вып. 1.
- Мутафчиева В.* Кърджалийско време. София: Наука и изкуство, 1977.
- Нарочичкиј А. Л., Казаков Н. И.* К истории восточного вопроса (О целях России и Франции на Балканах в 1807—1808 гг.) — Новая и новейшая история, 1969, № 6.
- Ненадовић К. Н.* Живот и дела великог Ђорђа Петровића Карађорђа и његових војвода и јунака. Београд, 1903, књ. 1—2.
- Ненадовић М.* Мемоари. Београд, 1867.
- ✓ *Никитин С. А.* О так называемой «конвенции Паулуччи—Карагеоргией». — В кн.: Balcanica. Belgrade, 1977.
- Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817).* СПб., 1903, т. III.
- Новаковић С.* Васкрс државе српске. Београд, 1904.
- Новаковић С.* Васкрс државе српске. Београд: Просвета, 1954.
- Новаковић С.* Турско царство пред први српски устанак 1780—1804. Београд: Српска књижевна задруга, 1906.
- Новаковић С.* Устанак на дахлје 1804 г. Београд: Српска књижевна задруга, 1954.
- Односи Карађорђеви и Милошеви са турцима, 1804—1821.* Београд, 1907.
- Павичевић Б.* Стварање Пригорске државе. Београд: Рад, 1955.
- Павловић Д.* Србија за време последњег аустријско-турског рата 1788—1791 гг. Београд, 1910.
- Пантелић Д.* Београдски пашалук после Свиштовског мира 1791 до 1794 гг. Београд, 1927.
- ✓ *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806—1812 гг. СПб., 1885—1887, т. 1—3.
- ✓ *Попов Н. А.* Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. СПб., 1868, ч. 1, 2.
- Поповић В.* Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804—1918. Београд, 1939.
- Први српски устанак: Акта и писма на српском језику.* У ред. Р. Перовића. Београд: Народна књига, 1977, књ. 1, 1804—1808.

- Прилози за историју првог српског устанка. Београд: Народна књига, 1954.
- Радичевић Ф. Оригинално писмо Карађорђево. — Јавор, Сремски Карловци, 1888.
- Ранке Л. Српска револуција. Београд: Српска књижевна задруга, 1965.
- √ Ранке Л. Историја Србије по српским изворним текстовима. 2-е изд. М., 1876.
- Радичевић Н. Ратни планови Србије против Турака од војводе Карађорђа до краља Петра. Београд, 1933.
- Ристић И. Стефан Живковић Нишлија. Београд: Просвета, 1956.
- Ровинскии П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888, т. 1.
- Сироткин В. Г. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг. — Учен. зап. Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР, 1962, т. XXV.
- √ Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877.
- Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1910.
- Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX в. Политика России в Ионической республике, 1798—1807 гг. М.: Наука, 1976.
- Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798—1807. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807). — Соч. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. X.
- Тошковић Ј. О паду Београда и Шапца. Београд, 1930.
- Турски извори о српској револуцији 1804 г. Уредно Шабановић Х. Београд: Историјско друштво Народне републике Србије, 1956, књ. 1. Списи царске канцеларије 1789—1804.
- √ Уљанички В. А. Материјали по историји Восточного вопроса 1808—1813 гг., извлеченные из архивов имп. русского константинопольского посольства. — Чтения Общества истории и древностей российских, 1901, т. IV.
- Чубриловић В. Први српски устанак и босански срби. Београд, 1939.
- Шануро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М.: Воениздат, 1958.
- Beer A. Die orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag-Leipzig, 1883.
- Clercq. Recueil des traités de la France. Paris, 1880, t. II.
- Correspondance de Napoléon. Six cents lettres de travail (1806-1810), présentées par et annotées par M. Vox. Paris, 1943.
- Correspondance militaire de Napoléon I-er. Paris, t. 1—10.
- Documente privind istoria României. Colectia Eudoxiu de Hurmuzaki (Ser. nouă). București, vol. IV. Raporte diplomatice ruse (1797—1806).
- Documents inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon I (1809—1814). Publiés par A. Boppe. Beograd, 1888.
- Driault Ed. La politique orientale de Napoléon. Sébastiani et Gardane 1806—1808. Paris, 1904.
- Илић Т. О архивама и архивалијама првог српског устанка и њиховом пропандању. — Архивист, 1954, 2.
- Mackenzie P. The war on the Mediterranean (1803—1810). London, 1957.
- Napoléon. Correspondance inédite officielle et confidentielle de Napoléon Bonaparte avec les cours étrangères, les princes, les ministres et les généraux français et étrangers en Italie, en Allemagne et en Égypte. Paris, 1809—1820, t. 1—7.
- Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Paris, 1900, t. 2 (1789—1856).
- Panattescu P. Corespondența lui Constantin Ipsilanti cu guvernul rusesc 1806—1810. București, 1933.
- Purvey Vernon J. Napoleon and the Dardanelles (1802—1815). Berkley and Los Angeles, 1951.
- Radošević N. Stvaranje vojske u Karadjordjevoj Srbiji. — Letopis Matice Srpske, 1934, kn. 340, sv. 2.
- Shupp P. F. The Eastern Powers and the Near Eastern Question 1806—1807. New York, 1931.
- Testa J. Recueil des traités de la Porte Ottomane. Paris, 1865.
- Vukičević M. Istorija srpskog ustanka. Odnosi Rusije prema S. Srbije u vreme prvog ustanka od kraja 1808. 1902.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1804 год

1. 13 (25) марта. — Донесение русского консула в Бухаресте Л. Г. Кирико русскому генеральному консулу в Яссах А. А. Жерве со сведениями о восстании белградских сербов и происках французских эмисаров в Болгарии и Румелии	14
2. 16 (28) марта. — Донесение русского посланника в Константинополе А. Я. Италинского товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому о намерении турецкого правительства оказать помощь сербам в их борьбе против дахийцев	17
3. 17 марта. — Донесение А. А. Жерве А. А. Чарторыйскому об укреплении турецких крепостей и о восстании сербского населения Белграда	18
4. 10 апреля. — «Записка бухарестских и задунайских известий» о военных успехах сербских повстанцев под Белградом и действиях мятежных пашей и кирджалиев в Сербии и Болгарии	19
5. 19 апреля. — Договор, заключенный сербскими повстанцами и командованием турецкого гарнизона крепости Шабац	21
6. Не ранее 28 апреля. — «Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями об укреплении кирджалиев в Белградской крепости	23
7. 3 мая. — Обращение сербских князей и представителей духовенства к А. Я. Италинскому с жалобами на бесчинства дахийцев и с просьбой о помощи и покровительстве России	24
8. 15 мая. — «Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями об укреплении турецкого гарнизона в Белграде и о послании константинопольского патриарха к сербам	29
9. 31 мая. — «Записка бухарестских и задунайских известий» о блокаде сербскими повстанцами Белграда и о попытке переговоров с осажденными	31
10. 1 июня. — Дешеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому о распоряжении турецкого правительства снабдить сербов военными припасами и о необходимости противодействовать французскому проникновению в Сербию и Черногорию	32
11. 15 июня. — «Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями об осаде сербскими повстанцами Белграда и блокаде Семендрии	34
12. 15 июля. — Обращение сербских военачальников к Александру I с просьбой о помощи и защите интересов сербов перед турецким правительством	35
13. 16 (28) июля. — Записка русского посольства в Константинополе в МИД со сведениями о восстании в Сербии, полученными от господара Валахии К. Ипсилянты	37
14. 17 июля. — Дешеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с инструкциями о характере его переговоров с сербами и об отношении к восстанию в Сербии турецкого и австрийского правительств	38
15. 16 августа. — Письмо черногорского митрополита Петра I Негоша Александру I о притеснениях христианского населения со стороны турецких пашей и о готовности черногорцев выступить против них	41
16. 27 августа. — Письмо сербских военачальников к пивскому архимандриту Арсению и всем герцеговинцам с призывом присоединиться к борьбе сербского народа против турок	42
17. 28 августа. — Полномочие сербского народа о защите его интересов, выданное отправляющимся в Россию депутатам П. Новаковичу, М. Стефановичу и И. Протичу	44

18.	28 августа. — Письмо Карагеоргия и Я. Стефановича (Ненадовича) Ф. Филиповичу (Б. Груйовичу) с просьбой принять полномочие сербского депутата в России и содействовать защите интересов сербского народа	45
19.	8 сентября. — Письмо Л. Г. Кирико А. А. Жерве о прибытии в Бухарест сербских депутатов, направляющихся в Россию	46
20.	8 сентября. — Письмо Л. Г. Кирико А. А. Жерве об осаде Белграда и с изложением их требований к турецкому правительству	48
21.	14 сентября. — Донесение А. А. Жерве А. А. Чарторыйскому о приезде в Яссы сербской депутации, направляющейся в Россию, и со сведениями о требованиях сербов и их вооруженных силах	49
22.	18 сентября. — Предписание А. А. Чарторыйского А. А. Жерве о готовности России оказать содействие в переговорах сербской депутации с турецким правительством	50
23.	24 сентября. — Обращение герцеговинских кнезов от имени герцеговинского народа к И. П. Милетичу с просьбой содействовать принятию Герцеговины под покровительство России	52
24.	16 октября. — Донесение А. А. Жерве А. А. Чарторыйскому о предпринятых им мерах с целью обращения сербов к посредничеству России	53
25.	17 (29) октября. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому об отъезде в Россию сербской депутации для ходатайства о помощи сербскому народу	54
26.	21 октября (2 ноября). — Письмо К. Ипсиланти А. Я. Италинскому о положении в Белграде, вооружении сербов и с просьбой о защите Валахии от посягательств турецких пашей	54
27.	26 октября. — Донесение белградского визиря Сулейман-паши султану Селиму III о нежелании Кусаиджали Халила оставить Белградскую крепость и о взаимоотношениях сербского и турецкого населения	58
28.	3 ноября. — Обращение сербских депутатов к А. А. Чарторыйскому с просьбой о политической и военной помощи сербскому народу	60
29.	3 (15) ноября. — Письмо А. Я. Италинского К. Ипсиланти о значении поездки сербской депутации в Россию и с просьбой о содействии ей	63
30.	6 ноября. — Письмо пивского архимандрита Арсения Гаговича Петру I Негошу с просьбой о совете в связи с обращением сербских военачальников к герцеговинцам относительно поддержки их против турок	64
31.	Не позднее 28 ноября. — Доклад А. А. Чарторыйского Александру I о цели приезда сербской депутации в Петербург и с предложением об оказании сербам денежной и дипломатической помощи	64
32.	4 декабря. — Денеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с инструкцией дать совет турецкому правительству о предоставлении сербам привилегий и о переговорах с ним по вопросу турецко-французских отношений	67
33.	17 декабря. — Денеша А. А. Чарторыйского русскому генеральному консулу в Яссах И. Ф. Болкупову о намерении России ходатайствовать перед Портой о предоставлении сербам привилегий и о доставке им денежной помощи	77

1805 год

34.	3 января. — Письмо А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с инструкциями о переговорах с турецким правительством в защиту интересов сербов и в связи с нарушениями границ Валахии турецкими пашами	80
35.	19 января. — Письмо А. А. Чарторыйского Петру I Негошу об отправке черногорцам 3 тыс. червонцев и о задачах миссии С. А. Санковского в Черногории	81
36.	Не ранее 22 января. — «Записка бухарестских и задунайских известий» с изложением требований сербского народа и о состоянии турецкого гарнизона в Белграде	83
37.	Не позднее 27 января. — Доклад А. А. Чарторыйского Александру I о содержании писем батского епископа И. Йовановича с планом создания сербского царства под эгидой России	84
38.	2 февраля. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому об отправке денежных сумм Карагеоргию	86
39.	10 (22) февраля. — Письмо Петра I Негоша русскому консулу в Которе А. О. Мазуревскому о враждебных намерениях Австрии в отношении России и подготовке ее к занятию Боки Которской	87

40.	14 февраля. — Донесение титулярного советника Е. Волкова И. Ф. Болкунову о передаче сербам денежных сумм через К. Ипсиланти	88
41.	16 марта. — Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому о выдаче П. Новаковичу русского паспорта для проезда в Бухарест и Константинополь	89
42.	17 (29) марта. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому об опасениях Порты относительно причастности России к восстанию в Сербии и о ее намерении мирным путем уладить конфликт с сербами	90
43.	17 (29) марта. — Предписание А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову согласовать текст прошения сербов к султану с рекомендациями МИД России	94
44.	26 марта. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о возможном назначении Карагеоргия управителем Белградского пашалыка и о других политических известиях	95
45.	27 марта. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о слухах по поводу возвращения сербских депутатов из Петербурга в Сербию и о принятых им мерах по организации связи с сербскими повстанцами	96
46.	27 марта. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о назначении Бекир-паша везирем Белградского пашалыка и военных приготовлениях сербов в связи с этим	97
47.	31 марта. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о разгласиях в рядах сербских повстанцев и о скором отъезде П. Новаковича в Константинополь	97
48.	1 апреля. — Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому о беспокойстве П. Новаковича в связи с задержкой прибытия сербской делегации в Бухарест	98
49.	2 апреля. — Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому об отправке молдавским господарем делегатов в Сербию с посреднической миссией	99
50.	2 апреля. — Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому об отъезде в Бухарест П. Новаковича и о несостоятельности слухов о связях сербов с Австрией	100
51.	4 (16) апреля. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о стремлении Австрии к подавлению восстания сербов в связи с боязнью усиления русского влияния в Сербии	101
52.	15 апреля. — Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому о посреднической деятельности молдавского и валашского господарей в переговорах Порты с сербскими повстанцами	103
53.	Не позднее 16 апреля. — Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову с просьбой о выдаче денег для отправки нарочного в Сербию через австрийские владения	106
54.	24 апреля (6 мая). — Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому о переговорах сербского уполномоченного с черногорским митрополитом относительно помощи Черногории сербам	106
55.	Конец апреля. — Прошение сербского народа султану Селиму III о предоставлении сербам привилегий	108
56.	1 мая. — Обращение сербских военачальников к Александру I с выражением благодарности от лица сербов за готовность оказать покровительство Сербии	111
57.	1 мая. — Полномочие сербской делегации в Константинополь на передачу прошения сербского народа и защиту его интересов	112
58.	1 мая. — Письмо Карагеоргия И. Ф. Болкунову с просьбой переслать письмо сербских военачальников Александру I и оказать содействие сербской делегации в Константинополе	113
59.	1 мая. — Письмо Б. Груйовича А. А. Чарторыйскому о своем назначении на должность секретаря Правительствующего совета сербского и о благодарности сербского народа за теплый прием депутатов в Петербурге	113
60.	1 мая. — Письмо Б. Груйовича П. Новаковичу в Бухарест с просьбой войти в состав сербской делегации, направляемой в Константинополь	114
61.	1 мая. — Прошение сербского народа султану Селиму III с жалобой на жестокость и беззакония турецких пашей и с просьбой предоставить Сербии привилегии	114
62.	4 мая. — Делегация А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому о переговорах по заключению русско-турецкого союзного договора и с предписанием известить Турцию об обращении сербов к России	119
63.	11 мая. — Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о прибытии в Бухарест сербских депутатов и получении от них документов	122
64.	11 мая. — Письмо П. Новаковича Л. Г. Кирико о своем отъезде с сербской делегацией в Константинополь	123
65.	Не ранее 17 мая. — «Записка бухарестских и задунайских известий» о намерении сербов блокировать Белград и о бесчинствах турок в Болгарии	124

66. 18—20 мая (30 мая—1 июня). — Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому о содействии К. Ипсиланти сербской депутации в Константинополь при ее проезде через Бухарест 125
67. 20 мая. — Депеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с оценкой действий австрийского посланника в Константинополе Штюрмера 128
68. 2 (14) июня. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о прибытии в Константинополь сербской депутации 129
69. 4 июня. — Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому со сведениями о военных силах сербов и об их взаимоотношениях с Австрией 131
70. 4 (16) июня. — Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому по поводу просьбы герцеговинцев о покровительстве России и помощи Черногории в борьбе против турок 132
71. 4 июня. — Депеша А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкунову с выражением надежды на удовлетворение требований сербского народа турецким правительством 134
72. 4 июня. — Предписание А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому о содействии сербской депутации в Константинополе 135
73. 4 июня. — Депеша А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкунову о необходимости усиления сербских войск и посылке Карагеоргию 3 тыс. червоицев 135
74. 11 июня. — Депеша А. А. Чарторыйского С. А. Санковскому о дружественном отношении России к Черногории и о характере помощи черногорцев сербам 137
75. 13 июня. — Письмо сербских военачальников К. Ипсиланти с просьбой о посредничестве в переговорах с Портой 138
76. 14 июня. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о протесте сербов против назначения нишского аяна Хафиза белградским пашой 138
77. 18 (30) июня. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о переговорах с Портой в связи с прибытием в Константинополь сербской депутации и о своих сношениях с депутатами 139
78. 28 июня. — «Записка бухарестских и задунайских известий» о взятии сербами Каранова и о действиях турецких пашей в Болгарии и Сербии 142
79. 30 июня. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о получении 3 тыс. червоицев для сербов и со сведениями о предводителях сербских повстанцев 143
80. 2 (14) июля. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о предпринимаемых им усилиях для получения текста обращения сербов к турецкому правительству и о сношениях с сербским депутатом П. Новаковичем 144
81. 8 июля. — Обращение сербских военачальников к К. Ипсиланти об оказании помощи сербской депутации в Константинополе 147
82. 16 июля. — Письмо М. Стойковича орсовскому коменданту Реджеб-аге о направлении сербской депутации в Константинополь и о боевых действиях в Карановацкой пахии 148
83. 19 июля. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому об угрозе сербам со стороны Хафиза-паши 149
84. 1 августа. — Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Италинскому об отправке в Сербию нарочного с подтверждением обещания России оказать помощь и советы в целях обеспечить вооружение сербского войска 149
85. 11 августа. — Письмо П. Новаковича Г. Вуяновичу о победе сербских войск в сражении при с. Ивапковцы 150
86. 14 августа. — «Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями о боевых действиях сербских войск и о взаимоотношениях сербов с турецкими пашами 151
87. 17 (29) августа. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о своих представлениях турецкому правительству в защиту сербов и о намерении П. Новаковича покинуть Константинополь 152
88. 18 (30) августа. — Отношение А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову о безуспешности миссии сербской депутации и отъезде ее из Константинополя 155
89. 19 августа. — Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову о намерении сербских депутатов в Константинополе поехать в Петербург и о налаживании связи с Сербией 155
90. 23 августа. — Письмо Петра I Негоша А. А. Чарторыйскому с выражением благодарности русскому правительству за получение 3 тыс. червонных, переданных с С. А. Санковским 156
91. 7 сентября. — Письмо сербских военачальников Реджеб-аге о необходимости устранения препятствий для свободной торговли сербов и турок в районе Смедерева 158
92. 11 сентября. — Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову со сведениями о событиях внутривосточной жизни Сербии 159

93.	17 сентября. — «Записка бухарестских и задунайских известий» о действиях сербских войск против отрядов турецких пашей	161
94.	20 сентября. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о намерении сербов осадить Белград и Ниш и о необходимости снабжения их деньгами для закупки оружия	162
95.	23 сентября. — Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову с просьбой о выдаче нарочному, едущему в Сербию, паспорта русского подданного	164
96.	23 сентября. — Предписание А. А. Чарторыйского С. А. Санковскому об установлении связей с сербскими военачальниками	164
97.	30 сентября. — Письмо Петра I Негоша Сипан-паше с протестом против притеснения христианского населения Герцеговины турецкими пашами	165
98.	1 октября. — Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Итальянскому о предупреждении сербов относительно готовящегося против них наступления турецких войск	166
99.	3 (15) октября. — Отношение А. Я. Итальянского И. Ф. Болкунову о готовящемся наступлении турецкой армии против сербов	166
100.	11 октября. — Донесение И. П. Милетича в министерство иностранных дел о готовности герцеговинцев восстать против турок и об антирусской агитации австрийских агентов в Черногории, Боснии и Герцеговине	167
101.	17 октября. — Письмо Петра I Негоша С. А. Санковскому о необходимости принятия мер к приостановке наступления турецкой армии в Герцеговину	168
102.	17 (29) октября. — Донесение А. Я. Итальянского А. А. Чарторыйскому о намечаемых Портой мерах по умиротворению сербов и ее отказе удовлетворить их требования	169
103.	17 (29) октября. — Отношение А. Я. Итальянского И. Ф. Болкунову о намерении турецкого правительства отложить наступление регулярного войска против сербов	171
104.	3 (15) ноября. — Донесение А. Я. Итальянского А. А. Чарторыйскому о смерти белградского губернатора Хафиз-паши и о просьбе Карагеоргия возобновить ходатайство в пользу сербов перед Портой	172
105.	5 ноября. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о планах турецкого правительства по подавлению восстания в Сербии и об отправке в Петербург Джайковича для информации о положении сербов	174
106.	14 ноября. — «Записка бухарестских и задунайских известий» о выступлении турецких войск против сербов и о событиях политической жизни Валахии и Болгарии	175
107.	17 ноября. — Письмо И. Ф. Болкунова П. Новаковичу с извещением о смерти Хафиз-паши	176
108.	20 ноября. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о прибытии в Бухарест нарочного от сербских депутатов	177
109.	28 ноября. — «Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями о военных успехах сербских войск и блокаде ими Белграда	178
110.	30 ноября. — Обращение Карагеоргия и М. Ненадовича к Александру I с просьбой предотвратить вступление турецких войск в Сербию	178
111.	30 ноября. — Обращение сербского народа к султану Селиму III с изложением причин восстания и требованием удаления турецкой администрации из Сербии	182
112.	7 декабря. — Письмо сербских депутатов А. А. Чарторыйскому о неудаче своей миссии в Константинополе и с просьбой о помощи сербскому народу	186
113.	19 декабря. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о совете сербам усилить военные действия для достижения своих требований	187
114.	25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.). — Дешета А. Я. Итальянского А. А. Чарторыйскому об опасениях Порты в связи с возможным проникновением французов на Балканы и ее намерении послать войска к границе Сербии	187
115.	28 декабря. — Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому о своей деятельности по предотвращению конфликта между турками и дробняками и об активизации французских эмиссаров в Черногории	194
116.	29 декабря. — Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о невозможности связи с сербами	195

117. 1 января. — Прощение сербского переселенца М. Никшича к Александру I о зачислении его и других сербских переселенцев в Молдавскую армию 196
118. 2 января. — Письмо секретаря Правительствующего совета сербского Б. Груйовича А. Я. Италинскому с изложением содержания обращений сербов к султану и константинопольскому патриарху и о событиях внутренней жизни Сербии 197
119. 4 (16) января. — Нота австрийского поверенного в делах в Петербурге Агилара А. А. Чарторыйскому об отказе Австрии поставлять сербским войскам оружие и боеприпасы 199
120. 11 января. — Доклад А. А. Чарторыйского Александру I о мерах по оказанию помощи сербам и предотвращению французского проникновения в Сербию 200
121. 15 января. — «Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями о взятии сербскими войсками Белграда и Борицы 202
122. 22 января. — Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о свидании с сербским курьером и соблюдении всемерной осторожности в связях с сербами 203
123. 29 января. — Письмо П. Новаковича А. А. Чарторыйскому с просьбой обеспечить безопасный проезд его в Сербию через австрийские владения 204
124. 2 (14) февраля. — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о подготовке турецких войск к выстулению в Ниш и о просьбе сербов вручить арз-махзар турецкому правительству 205
125. 3 февраля. — Дешеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому с предписанием настаивать перед Портой на удовлетворении требований сербов 207
126. 3 (15) февраля. — Дешеша А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому о необходимости предотвращения военного выстуления Порты против сербов и удовлетворения их требований 210
127. 9 февраля. — Письмо К. Ипсиланти А. А. Чарторыйскому об уходе кирджалиев из Белграда и о восстании в Боснии и Видинском санджаке 212
128. 15 февраля. — Письмо Петра I Негоша Карагеоргию о намерении Черногории занять Котор при приближении французских войск 214
129. 18 февраля. — Предписание А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкунову о доставлении сербам 10 тыс. червонцев и предотвращении возможных сношений сербов с французами 215
130. Февраль. — Обращение сербской делегации в Вене к Александру I с просьбой об оказании материальной и военной помощи 216
131. 1 марта. — Предписание А. А. Чарторыйского И. Ф. Болкунову об обеспечении безопасного возвращения в Сербию сербского депутата А. Лазеревича 219
132. 4 марта. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о подготовке Турции к войне с Россией и о просьбе сербов прислать русских офицеров 219
- 133—134. 7 марта. — Письмо И. Ф. Болкунова председателю Правительствующего совета сербского М. Ненадовичу о готовности России ходатайствовать перед султаном в защиту сербов 221
135. 7 марта. — Отношение И. Ф. Болкунова Л. Г. Кирико о порядке отправки М. Ненадовичу 10 тыс. червонцев и письма 223
136. 8 (20) марта. — Послание султана Селима III Александру I о причинах военных приготовлений Порты 224
137. 12 марта. — Доклад А. А. Чарторыйского Александру I с предложением паправить в Земли русского агента для связи с сербами 226
138. 21 марта. — Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италинскому об обращении сербов к К. Ипсиланти с просьбой о посредничестве в урегулировании отношений с Портой 226
139. 23 марта. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о просьбе сербов к турецкому правительству прислать чиновников для приема подати 228
140. 31 марта (12 апреля). — Донесение А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о безуспешности австрийского демарша в защиту сербов и о предпринятых им мерах по предотвращению вторжения турок в Валахию 229
141. 11 апреля. — Письмо Правительствующего совета сербского И. Ф. Болкунову об отказе Австрии в продаже оружия и с просьбой о военной помощи и присылке в Сербию представителя от России 235
142. 12 апреля. — Письмо Б. Груйовича П. Новаковичу со сведениями о военных успехах сербских войск 239

143. 30 апреля. — Кабинетное письмо Александра I султану Селиму III о необходимости мирного урегулирования сербо-турецкого конфликта 240
144. Апрель. — Отношение А. Я. Италинского И. Ф. Болкунову об отклонении турецким правительством требований сербов и ходатайств России и Австрии в их защиту 241
145. 7 мая. — Письмо Петра I Негоша Карагеоргию с советом не предпринимать наступательных действий против турецких пашей 242
146. 10 мая. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о просьбе сербов предоставить им помощь и о казни ими французских эмиссаров 243
147. 12 (24) мая. — Донесение С. А. Санковского А. А. Чарторыйскому о неопределенности внешнеполитической ориентации Карагеоргия 244
148. Не позднее 3 апреля. — Письмо К. Ипсиланти А. А. Чарторыйскому о намерении турецкого правительства направить против сербов силы пашей Румелии, Боснии и Руцук и о возможном вторжении турок в Валахию 245
149. 2 (14) июня. — Постскрипtum к депеше А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому о представлении Порты венскому двору в связи с оказываемой Австрией помощи сербам 247
150. 3 июня. — Донесение Л. Г. Кирико А. Я. Италискому о концентрации турецких войск у границ Сербии и об отказе Австрии продать сербам продовольствие и боеприпасы 248
151. 3 июня. — Донесение И. Ф. Болкунова А. А. Чарторыйскому о тяжелом положении сербов и просьбе их предоставить помощь 251
152. 8 (20) июня. — Письмо министра иностранных дел Франции Ш. Талейрана французскому посланнику в Константинополе П. Рюффену с предписанием указать Порте на антитурецкий характер балканской политики России армией И. И. Михельсону с просьбой о предоставлении оружия и о направлении в Сербию Б. Новокрепченого в качестве военного специалиста 253
153. 18 июня. — Письмо Карагеоргия главнокомандующему Молдавской армией И. И. Михельсону с просьбой о предоставлении оружия и о направлении в Сербию Б. Новокрепченого в качестве военного специалиста 254
154. 18 июня. — Обращение сербского народа к Александру I с просьбой о помощи в связи с наступлением турецких войск 255
155. 1 июля. — Письмо Карагеоргия А. Я. Италискому с просьбой оказать помощь сербскому уполномоченному П. Ичко 256
156. 1 июля. — Полномочие сербского народа П. Ичко на переговоры с Портой об условиях прекращения борьбы 257
157. 20 июля. — Письмо Петра I Негоша Карагеоргию с советом сохранять верность султану и искать у него защиты 258
158. 2 (14) августа. — Донесение А. Я. Италинского министру иностранных дел А. Я. Будбергу о прибытии в Константинополь П. Ичко и беседе с ним 259
159. 3 августа. — Условия мира, заключенного П. Ичко 259
160. Не ранее 12 августа. — «Записка бухарестских и задунайских известий» со сведениями о победах сербских войск при Лозице и Борице и о гибели боснийского и руцукского пашей 264
161. 19 августа. — Письмо Карагеоргия И. Ф. Болкунову с просьбой о денежной помощи сербам и посылке депутата в Константинополь 265
162. 31 августа. — Письмо П. Новаковича Л. Г. Кирико с препровождением писем от сербского Сената 267
163. 31 августа. — Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову с просьбой выдать ему дубликаты утраченных документов 267
164. 31 августа. — Доклад А. Я. Будберга Александру I о предоставлении сербам 13 тыс. червонцев для закупки оружия 268
165. 31 августа. — Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову о посылке письма через орсовского купца Т. Демелича 268
166. 10 (22) сентября. — Нота А. Я. Италинского султану Селиму III об агрессивных планах Франции в отношении Турции 269
167. 11 сентября. — Депеша А. Я. Будберга И. И. Михельсону об отправке Карагеоргию 13 тыс. червонцев 272
168. 12 сентября. — Донесение К. К. Родофиникина А. Я. Будбергу о положении в Валахии и о пребывании в Сербии французских офицеров 272
169. 18 (30) сентября. — Депеша А. Я. Италинского А. Я. Будбергу об уклонении Порты от выполнения русско-турецкого договора и ее отказе пропускать русский флот через проливы 274
170. 20 сентября. — Письмо Г. Вуляновича И. Ф. Болкунову о победах сербских войск и о недостатке у сербов оружия и продовольствия 287
171. 24 сентября. — Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону о предупреждении сербов в целях совместных действий с русскими войсками и о заготовке продовольствия для армии 289

172.	24 сентября. — Донесение К. К. Родофиникина А. Я. Будбергу о встрече с сербским парочным	290
173.	29 сентября. — Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о сложностях сношений с сербами и отсутствии надежных курьеров	291
174.	30 сентября. — Предписание А. Я. Будберга русскому послу в Вене А. К. Разумовскому добиться поддержки Австрией требования восстановления смещенных Портой господарей Молдавии и Валахии	291
175.	30 сентября. — Письмо Г. Вуяновича И. Ф. Болкунову о предстоящем собрании Правительствующего совета сербского в связи с ферманом Порты и о сдаче турками Ниша	294
176.	30 сентября. — Делеша А. Я. Будберга А. К. Разумовскому о выяснении позиции Австрии в случае русско-турецкой войны и необходимости возобновления ее помощи сербам	295
177.	1 октября. — Донесение Кирико И. Ф. Болкунову о трудностях пути в Сербию из-за кордонов австрийских войск на Дунае и об издании Портой фермана с частичными привилегиями для сербов	296
178.	3 октября. — Письмо П. Новаковича И. Ф. Болкунову о получении дубликата верительного письма	297
179.	3 октября. — Письмо Карагеоргия И. Ф. Болкунову о приезде в Сербию представителя турецкого правительства для получения дани и с целью примирения сербов с турками	298
180.	19 (31) октября. — Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову о выезде в Бухарест сербского доверенного Т. Демелича для получения денег и о недостатке вооружения у сербов	299
181.	22 октября. — Донесение И. Ф. Болкунова А. Я. Будбергу о намерении отправить сербам 4 тыс. червонцев для покупки оружия и боеприпасов	301
182.	23 октября. — Отношение И. Ф. Болкунова А. Я. Италиискому о необходимости выдвигения сербами требования об удалении из Белграда Кусаиджали Халила	302
183.	30 октября. — Отношение И. Ф. Болкунова Л. Г. Кирико с просьбой сообщить сербам о необходимости сосредоточения сил против Пазвандоглу и об отправке им 4 тыс. червонцев	302
184.	3 ноября. — Предписание инспектора всей артиллерии А. А. Аракчеева Ильину приготовить боеприпасы для сербских войск	303
185.	4 ноября. — Донесение Л. Г. Кирико И. Ф. Болкунову об отправке сербам 4 тыс. червонцев и о необходимости передачи всех предназначенных им денег ввиду недостатка оружия и боеприпасов	304
186.	4 ноября. — Письмо С. А. Санковского командующему Средиземноморской эскадрой Д. Н. Сенявину с изложением плана вступления русских войск в Герцеговину и организации антитурецкого восстания	305
187.	12 ноября. — Письмо Петра I Негоша Правительствующему совету сербскому о своей солидарности с борьбой сербского народа	306
188.	12 ноября. — Письмо Петра I Негоша Правительствующему совету сербскому о необходимости повиновения султану во имя сохранения мира	306
189.	9 декабря. — Письмо Карагеоргия И. Ф. Болкунову с благодарностью за присланные деньги и о готовности сербских войск к совместным боевым действиям с русской армией	307
190.	23 декабря. — Рапорт И. И. Михельсона Александру I о взятии сербами Белграда	308
191.	30 декабря. — Делеша А. Я. Будберга И. И. Михельсону о возможном содействии сербских войск русской армии в случае войны с Турцией и о командировании к сербам русских офицеров-инструкторов	310
192.	30 декабря. — Делеша А. Я. Будберга И. И. Михельсону об отправке почетного оружия для награждения Карагеоргия и сербских военачальников	311

1807 год

193.	8 января. — Предписание А. Я. Будберга А. К. Разумовскому о сообщении австрийскому кабинету позиций России в связи с объявлением ей войны Портой и о надеждах на нейтралитет Австрии	312
194.	13 января. — Письмо Карагеоргия И. И. Михельсону об отправке сербских войск в Шабац в Боснию и об ожиданиях русской армии	314
195.	13 января. — Приказ И. И. Михельсона о вручении Д. Обрадовичу золотого креста	315

196.	23 января. — Донесение С. А. Санковского А. Я. Будбергу о мерах к отражению нападения турок на Черногорию и Приморье и планах связи с герцеговинцами	315
197.	25 января. — Донесение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу о предложении сербскому отряду М. Стойковича начать наступление на Видип и Крайову для отвлечения турецких сил от Валахии	319
198.	14 февраля. — Письмо К. Ипсилянты А. Я. Будбергу о деятельности французских эмиссаров в Сербии и мерах по ее пресечению	320
199.	23 февраля. — Записка Петра I Негоша с изложением плана военных действий черногорских войск против турок в Герцеговине	322
200.	26 февраля. — Письмо Петра I Негоша Карагеоргию с предложением о совместных боевых действиях черногорских и сербских войск против турок	324
201.	6 марта. — Письмо Карагеоргия и Правительствующего совета сербского И. И. Михельсону о направлении сербских депутатов к нему и о продвижении сербских войск на соединение с русской армией	325
202.	6 марта. — Полномочие, данное Правительствующим советом сербским депутатам П. Новаковичу, Н. Лукичу, И. Гагичу на представление интересов сербов при главнокомандующем Молдавской армией	326
203.	4 марта. — Отношение С. А. Санковского командиру русского отряда И. И. Исаеву с изложением плана военных действий черногорских и русских войск в Герцеговине и соединения их с сербами	326
204.	9 марта. — Письмо белградского митрополита Леонтия К. Ипсилянты о взятии сербами Белграда и с просьбой об оказании им военной и финансовой помощи	330
205.	Не ранее 12 марта. — Экстракт из инструкции МИД полковнику К. О. Поццо ди Борго о ведении переговоров по заключению прелиминарного договора с Турцией	332
206.	13 марта. — Письмо М. Стойковича И. И. Михельсону о получении 5 тыс. червонцев и с просьбой ускорить продвижение русских войск в Сербию	335
207.	22 марта. — Рапорт К. К. Родофиникина И. И. Михельсону об успешных военных действиях сербских войск и наборе волонтеров в отряд майора Пангалоса	336
208.	26 марта. — Рапорт К. К. Родофиникина И. И. Михельсону со сведениями о численности и расположении сербских и турецких войск	337
209.	31 марта. — Письмо С. А. Санковского полковнику Ф. Книпперу о задачах военной экспедиции в Герцеговину и с просьбой выслать отряд для участия в ней	337
210.	1 апреля. — Письмо Манолаки господарю Валахии и Молдавии К. Ипсилянты со сведениями о поставках провианта сербской армии и о волнениях населения Сремского округа	339
211.	2 апреля. — Письмо белградского коменданта М. Миловановича К. Ипсилянты о продвижении сербского отряда к Кладову и Негошину для возможного соединения с русскими войсками	341
212.	2 апреля. — Письмо М. Миловановича И. И. Михельсону о боевых действиях сербского корпуса в Видинском округе и с просьбой о присылке военных инструкторов	342
213.	4 апреля. — Письмо митрополита Леонтия К. Ипсилянты о вступлении сербских войск в Крайну и с благодарностью за полученное продовольствие	343
214.	4 апреля. — Записка митрополита Леонтия со сведениями о численности и расположении сербских войск	346
215.	5 апреля. — Письмо М. Миловановича к К. Ипсилянты с просьбой о предоставлении продовольствия	348
216.	13 апреля. — Отношение И. И. Михельсона С. А. Санковскому об отправке С. Пламенца в Сербию и о скором установлении непосредственных связей с сербами	349
217.	14 апреля. — Письмо Карагеоргия Петру I Негошу о дислокации сербских войск	349
218.	22 апреля. — Письмо митрополита Леонтия Манолаки о военных приготовлениях Австрии и с просьбой сообщить их назначение	350
219.	22 апреля. — Письмо К. Ипсилянты [И. И. Михельсону] об антирусской агитации турецких и французских эмиссаров в Сербии и о запрещении Австрией провоза оружия к сербам	352
220.	24 апреля. — Письмо С. А. Санковского Ф. Книпперу о ходе военных действий в Герцеговине и о плане соединения с сербскими войсками	354
221.	28 апреля. — Рапорт И. И. Михельсона Александру I с изложением просьб Правительствующего совета сербского о предоставлении денежной помощи и присылке специалистов	355

222.	29 апреля. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о восстановлении коммуникации с сербами	356
223.	2 (14) мая. — Письмо черногорского архимандрита С. Ивковича А. Я. Будбергу о желании черногорского и герцеговинского народов образовать славяно-сербское царство под эгидой России	356
224.	2 мая. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о намечаемых мерах по восстановлению коммуникаций с сербскими войсками	358
225.	3 мая. — Письмо пожаревацкогo и поречского коменданта М. Стойковича М. Поповичу об успехах сербов в сражениях с турками у Штубика	358
226.	4 мая. — Письмо М. Стойковича и П. Тодоровича П. Новаковичу, А. Лукичу и И. Гагичу о сражениях с турками и с просьбой содействовать скорому приходу русских войск	359
227.	5 мая. — Письмо И. И. Михельсона Карагеоргию с препровождением пожалованного ему за заслуги перед сербским народом меча	359
228.	6 мая. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о доставлении сербским войскам свинца	360
229.	6 мая. — Донесение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу о просьбе сербских депутатов направить в Сербию К. К. Родофиникина	360
230.	7 мая. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону об установлении связи с отрядом М. Стойковича	361
231.	9 мая. — Рапорт командующего корпусом в Валахии М. А. Милорадовича И. И. Михельсону о доставлении сербам 150 пудов свинца	362
232.	11 (23) мая. — Письмо А. Я. Будберга Петру I Негошу о невозможности в настоящее время изменения политического положения Черногории	362
233.	22 мая. — Выписка из письма депутата Правительствующего совета сербского И. Гагича в Совет об осаде русским отрядом Острова на Дунае и об отсутствии коммуникации с сербскими войсками	363
234.	22 мая. — Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о снятии блокады Острова и намерении отступить к Крайову	364
235.	24 мая. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву при невозможности установления коммуникации с сербами отступить на соединение с корпусом	365
236.	29 мая. — Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о военных успехах сербов	365
237.	1 июня. — Отношение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу в связи с назначением К. К. Родофиникина российским представителем в Сербии	366
238.	4 июня. — Ведомость состава и количества войсковых соединений под командованием М. А. Милорадовича	367
239.	4 июня. — Рапорт К. К. Родофиникина И. И. Михельсону о беседе с сербскими депутатами в связи с намерением И. И. Исаева отступить в Крайову	368
240.	7 июня. — Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о занятии Острова на Дунае	369
241.	7 июня. — Прошение сербского сардара М. Никшича М. А. Милорадовичу принять его на русскую службу	370
242.	9 июня. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о плане совместных действий с сербскими войсками и с просьбой прислать орудия и снаряды	370
243.	9 июня. — Письмо Карагеоргия к сербским депутатам П. Новаковичу и А. Лукичу о соединении сербских войск с отрядом И. И. Исаева и с просьбой содействовать скорейшему предоставлению помощи	371
244.	11 июня. — Предписание И. И. Михельсона К. К. Родофиникину об истребовании от молдавского Дивана денег для сербских войск	372
245.	12 июня. — Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о посещении Острова Карагеоргием	372
246.	15 июня. — Рапорт М. А. Милорадовича И. И. Михельсону об отпуске боеприпасов для отряда И. И. Исаева и сербских войск	373
247.	17 июня. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о переправе через Дунай для соединения с сербскими войсками	374
248.	18 июня. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о необходимости вместе с сербами угрожать Видину	374
249.	19 июня. — Список отличившимся нижним чинам на сражении при деревне Малайница и чем кто имянно по представлению частных их начальников	375
250.	20 июня. — Отношение И. И. Михельсона М. А. Милорадовичу о переговорах с командующим турецкими войсками на Дунае Мустафой-пашой относительно установления перемирия	376
251.	21 июня. — Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о разгроме отряда видинского пашы при дер. Малайница соединенными русско-сербскими войсками	377

252.	22 июня. — Письмо Карагеоргия И. И. Михельсону с благодарностью за награды и с сообщением о победе при дер. Малайница	379
253.	22 июня. — Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о разгроме русскими и сербскими силами отряда турецких войск	380
254.	22 июня. — Письмо И. И. Михельсона К. К. Родофишкину с просьбой убедить Карагеоргия в необходимости удержания Крайовы русскими войсками и об отправке сербам боеприпасов	380
255.	22 июня. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о необходимости удержания Крайовы и об оказании сербам помощи деньгами и боеприпасами	381
256.	22 июня. — Письмо И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о нежелательности отхода войск Карагеоргия к границам Боснии	382
257.	25 июня. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону об осаде Неготина русскими и сербскими войсками	383
258.	25 июня. — Донесение И. И. Михельсона А. Я. Будбергу о невозможности отправления к сербам войск ввиду подготовки штурма Изманла	383
259.	26 июня. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о переходе русского отряда на территорию Валахии ввиду предстоящих переговоров о перемирии и о передаче сербам артиллерии и боеприпасов	384
260.	27 июня. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о прибытии Ф. О. Пауллучи для переговоров с Карагеоргием и о присылке боеприпасов	385
260а.	28 июня. — Запись беседы Карагеоргия и Ф. О. Пауллучи с изложением просьбы сербского народа о принятии Сербии под покровительство России, об оказании помощи в борьбе против турок и создании сербской государственности	386
261.	28 июня. — Предписание И. И. Михельсона К. К. Родофишкину об отводе отряда И. И. Исаева за Дунай и о необходимости убеждения сербов в выгодности для них предстоящего мирного договора	390
262.	1 июля. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о тяжелом положении с продовольствием и медикаментами	390
263.	2 июля. — Отношение И. И. Михельсона К. К. Родофишкину по поводу тревоги сербов в связи с предстоящим отходом отряда И. И. Исаева в Крайову	391
264.	4 июля. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о просьбе сербов не отводить русский отряд за Дунай и о предписании приостановить боевые действия	391
265.	4 июля. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву с благодарностью русским и сербским войскам и их предводителям за одержанные победы и о защите интересов Сербии при заключении перемирия с турецкими войсками	392
266.	4 июля. — Письмо И. Гагича И. И. Михельсону с сообщением о переговорах Ф. О. Пауллучи с Карагеоргием и с просьбой разрешить выехать в Петербург к Александру I	392
267.	7 июля. — Рапорт И. И. Михельсона Александру I с препровождением текста пожеланий сербов, переданного Ф. О. Пауллучи	393
268.	11 июля. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о необходимости распространения перемирия на сербов и о сохранении коммуникации с Крайовом	394
269.	13 июля. — Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу об отказе турецких военачальников приостановить военные действия и о занятии сербскими войсками крепости Ужницы	394
270.	14 июля. — Рапорт И. И. Михельсона Александру I о порядке освобождения от войск крепостей в Валахии и Бессарабии и о необходимости учесть интересы сербов в тексте русско-турецкого перемирия	395
271.	16 июля. — Письмо Правительствующего совета сербского М. Стойковичу с опасениями по поводу продажи Сербии и Боснии Австрии за долги	396
272.	19 июля. — Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу об отражении атаки турецких войск	397
273.	19 июля. — Письмо И. И. Михельсона И. И. Исаеву о согласии Порты на перемирие	397
274.	19 июля. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о распространении среди сербов слухов о продаже Турцией Сербии и Боснии за долги Австрии	398
275.	20 июля. — Письмо М. Стойковича И. И. Михельсону в связи со слухами о продаже турецким султаном Сербии за долги	398
276.	23 июля. — Письмо К. К. Родофишкина И. И. Исаеву о высадке на Остров турецкого десанта	399
277.	31 июля. — Рапорт И. И. Исаева М. А. Милорадовичу об отказе турок заключить перемирие с сербами и с просьбой о присылке регулярной пехоты	400

278.	31 июля. — Предписание И. И. Михельсона И. И. Исаеву о смене позиций и обеспечении коммуникаций	400
279.	31 июля. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о ходе переговоров с турками о перемирии и антирусской агитации французских эмиссаров среди сербов	401
280.	1 августа. — Донесение И. И. Исаева М. А. Милорадовичу о согласии турок на перемирие только с русскими войсками	402
281.	1 августа. — Письмо русского уполномоченного по ведению переговоров о перемирии С. Л. Лашкарева И. И. Михельсону о ходе переговоров и о нежелании турок распространить перемирие на сербов	402
282.	2 августа. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону о невозможности отхода русского отряда вследствие отказа турок заключить перемирие с сербами	404
283.	3 августа. — Рапорт И. И. Михельсона Александру I о намерении французов покровительствовать сербам	405
284.	5 августа. — Рапорт И. И. Исаева И. И. Михельсону об отказе видинского пашы заключить перемирие с сербами и отходе русского отряда на Остров	405
285.	5 августа. — Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону об усилении турецких войск против сербов и необходимости снабжения их боеприпасами	406
286.	Не позднее 5 августа. — Письмо К. К. Родофиникина боснийскому паше с просьбой приостановить военные действия против сербов ввиду заключенного перемирия	407
287.	7 августа. — Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону о волнениях среди сербов в связи с предстоящим отходом отряда И. И. Исаева и усилением против них турецких сил в Боснии	408
288.	8 августа. — Отношение С. Л. Лашкарева И. И. Михельсону о неприятии турецким уполномоченным проекта статьи перемирия о Сербии	408
289.	9 августа. — Отношение и. о. главнокомандующего Молдавской армией К. И. Мейендорфа С. Л. Лашкареву с просьбой предложить туркам распространить перемирие на ту часть Сербии, где действовали русские войска	410
290.	9 августа. — Письмо М. Стойковича И. И. Исаеву о готовности сербских войск выступить против турок	410
291.	11 августа. — Приказ К. И. Мейендорфа И. И. Исаеву о снятии осады с Неготина и отступлении на Остров	411
292.	12 августа. — Письмо И. И. Исаева К. К. Родофиникину о причинах отхода русских и сербских войск	412
293.	16 августа. — Письмо сербского депутата И. Гагича [А. Я. Будбергу] с просьбой о решении сербского вопроса в связи с русско-турецким перемирием	412
294.	16 августа. — Письмо коменданта Острова П. Тодоровича И. И. Исаеву о приказе Карагеоргия оборонять Остров	413
295.	19 августа. — Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону о боевых действиях сербских войск	414
296.	20 августа. — Отношение М. А. Милорадовича С. Л. Лашкареву об отправке сербам свинца и пороха	414
297.	22 августа. — Предписание К. И. Мейендорфа К. К. Родофиникину об отводе отряда И. И. Исаева из Валахии и об оставлении сербами орудий и боеприпасов	415
298.	24 августа. — Рапорт И. И. Исаева К. И. Мейендорфу об оставлении сербами Острова на Дунае	416
299.	25 августа. — Рапорт И. И. Исаева К. И. Мейендорфу с просьбой о доставлении ему пороха и боеприпасов для сербских войск	417
300.	30 августа. — Донесение К. К. Родофиникина И. И. Михельсону со сведениями о населении, состоянии финансов и вооружения Сербии	417
301.	31 августа. — Денеша С. Л. Лашкарева А. Я. Будбергу о ратификации перемирия с турками и ограждении безопасности сербов в местах действия русских войск	418
302.	31 августа. — Указ Александра I о присвоении офицерам сербской волонтерской команды Вуйчичичу и Бело армейских чипов за проявленную храбрость в боях при Журже	420
303.	7 сентября. — Предписание К. И. Мейендорфа И. И. Исаеву об отправке сербам пороха и свинца и о контроле за соблюдением турками условий перемирия в отношении сербов	420
304.	10 сентября. — Отношение К. И. Мейендорфа К. К. Родофиникину о причинах оставления сербами Острова	421
305.	11 сентября. — Сообщение К. И. Мейендорфа И. И. Исаеву об отправке дополнительно пороха для сербов	421

306.	11 сентября. — Письмо К. К. Родофиникина И. И. Исаеву о возможности перевоза пороха и свинца сербам с Острова	422
307.	19 сентября. — Донесение К. К. Родофиникина К. И. Мейендорфу о получении сербами свинца и желательности приезда русского артиллерийского офицера для оказания им помощи в производстве пороха	422
308.	25 сентября. — Письмо И. И. Исаева М. Стойковичу об отправке сербам 800 пудов пороха	423
309.	28 сентября. — Расписка М. Стойковича в получении боеприпасов	423
310.	5 октября. — Письмо К. К. Родофиникина И. И. Исаеву о переправе крупных отрядов турок через р. Дрину и нападении их на сербские лагеря	423
311.	8 октября. — Отношение главнокомандующего Молдавской армией А. А. Прозоровского управляющему министерством иностранных дел Н. П. Румянцеву с просьбою о получении разрешения Александра I на присылку в Сербию артиллерийского офицера	424
312.	10 октября. — Письмо К. К. Родофиникина И. И. Исаеву о снятии осады сербского лагеря при Сикириче	425
313.	19 октября. — Отношение А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину о переговорах с сербским депутатом И. Юговичем и с просьбой сообщить сведения о положении и построениях сербов	425
314.	20 октября. — Донесение К. К. Родофиникина русскому послу в Вене А. Б. Куракину о победе сербских войск при р. Дрине и о своем письме к боснийскому папе с требовавшим прекратить нападения на Сербию	427
315.	27 октября. — Письмо М. Стойковича И. И. Исаеву о разгроме сербами отрядов боснийского паши и о сосредоточении турецких войск в Нише	429
316.	1 ноября. — Письмо Карагеоргия А. А. Прозоровскому в связи с вступлением его в должность главнокомандующего Молдавской армией	429
317.	9 ноября. — Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому о надежде Карагеоргия на покровительство и помощь России и о мерах по снабжению сербов хлебом	430
318.	9 ноября. — Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому со сведениями о внутриполитическом положении Сербии и необходимой ей помощи	431
319.	12 ноября. — Денеша Н. П. Румянцева А. А. Прозоровскому об отказе русского правительства ратифицировать русско-турецкое соглашение о перемирии в силу невыгодности его для России	434
320.	14 ноября. — Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому о намерении боснийского папы выступить против сербов	435
321.	14 ноября. — Донесение К. К. Родофиникина А. А. Прозоровскому о предстоящем собрании сербских старейшин для обсуждения писем константинопольского патриарха к сербам	435
322.	17 ноября. — Предписание А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину заверить сербов о прекращении нападений турок до заключения мира и о последующем облегчении их положения	436
323.	29 ноября. — Извещение А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину о направлении в Белград артиллерийского офицера Лаврова	438
324.	29 ноября. — Письмо А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину с просьбой о доставлении собольей шубы Карагеоргию и золотых крестов архимандриту Мелентию и протоиерею М. Ненадовичу	439
325.	29 ноября. — Письмо А. А. Прозоровского Карагеоргию о присылке ему в дар собольей шубы	440
326.	29 ноября. — Письмо А. А. Прозоровского архимандриту Мелентию о пожаловании ему золотого креста	441
327.	29 ноября. — Письмо А. А. Прозоровского М. Ненадовичу о пожаловании ему золотого креста	441
328.	29 ноября. — Отношение А. А. Прозоровского К. К. Родофиникину с проектом рекомендуемого сербам ответа на предложение Порты прекратить борьбу	442

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абди-эфенди 264
 Абдул-Вегаби 17
 Авилов Илья, рядовой Донского казачьего Исаева 1-го полка 376
 Авксентий, сербский архимандрит 132, 133, 322, 435, 436, 442
 Ага-паша 263
 Агилар, поверенный в делах Австрии в Петербурге 199, 209
 Аджаскат 24
 Аджи-бег 258
 Аганлия Хусейн (Аган-али), алемдар, дахия, командир белградских помощников знаменосцев. Убит в 1804 г. 25, 152
 Агич Ферат 148
 Алексей, посыльный П. Новаковича 265
 Алексей, протопресвитер белградский 29
 Александр I (1777—1825), российский император (1801—1825) 5, 13, 35, 39, 41, 61, 64, 67, 72, 79, 80, 82, 84, 107, 111, 113, 121, 138, 146, 178, 182, 193, 196, 197, 200, 214, 216—218, 224—226, 236, 237, 239, 240, 250, 255, 258, 268, 272, 287, 297, 308, 310, 315, 319—321, 324—326, 329, 331, 332, 355—357, 360, 361, 363, 366, 379, 385—387, 392, 393, 395, 396, 401, 405, 409, 413, 420, 424, 427, 430, 435, 437, 440, 441
 Александр, князь имеретинский 286
 Александр, майор 338
 Алексич Матвей см. Непадович Матия
 Али-паша Янинский (Тепеленский) (1744—1822), правитель части албанских и греческих земель. В ходе войны с султанскими войсками потерпел поражение и был убит в 1822 г. 15—17, 29, 31, 35, 84, 95, 179
 Алил-ага Аседжия 22
 Амвросий, митрополит новгородский и петербургский 84, 85
 Амет-ага Кошанин, адъютант Мулы Юсуфа 22
 Ангальт Плесс, принц 161, 167
 Андреев Алексей 268, 272
 Антоний, протоиерей 185
 Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф, русский государственный и военный деятель 303, 439
 Арбутнот Чарли (1767—1850), английский дипломат, в 1804—1807 гг. — посланник в Константинополе 121, 235, 284—286, 334
 Арсениевич-Баталака Л. 21, 199, 287, 306
 Асан Алайбегович 22
 Асеин-ага Гурначия 22
 Астрич Лекра 45
 А[х]мет, султан 382
 Аци Георгий (прав. Хаджи Георгий), протоиерей шабацкий 185
 Аци Константин (прав. Хаджи Константин), архимандрит петровский 45, 185
 Аци Мелентие (прав. Хаджи Мелентие), архимандрит 45, 185
 Ашкович Михаил 111
 Багалея Д. И. 67
 Балле, полковник российской армии, командир батальона Олопецкого мушкетерского полка 375
 Баратынский Илья Андреевич (1776—1837), капитан-командир российского флота, в 1806—1807 гг. — командир корабля в эскадре Д. Н. Сенявина, с 1811 г. — контр-адмирал 317, 328, 329, 337, 338
 Бароцци, консул в Венеции 165
 Батал-оглу 20
 Безак Павел Христианович (1769—1831), русский чиновник, с 1806 г. — правитель канцелярии Молдавской армии 440, 441, 443
 Бекир-паша (Ебу Бечир-паша, Бечир-паша), боснийский вали. В мае 1804 г. был направлен на подавление сербского восстания и ликвидацию дахиев в Белграде; эта его миссия оказалась неудачной 32, 35, 38, 42, 48, 51, 57, 59—61, 95, 97, 124, 139, 162, 213
 Белье, полковник 282
 Бельвиль (Белваль), граф 23, 86
 Беляевсков Алексей, хорунжий Донского казачьего Исаева 1-го полка 379
 Беркич Петар 164
 Беганац Радован 111
 Бечир-паша см. Бекир-паша
 Бибескуло 300
 Бибииков, штабс-капитан, командир роты Олопецкого мушкетерского батальона 378, 405

* Имена даны в соответствии с транскрипцией имен в документах.

- Богинич В. 9, 13, 203, 274, 290, 366, 387
- Болкулов Ипполит Федорович, род. в 1760 г.; в 1796—1804 гг. — генеральный консул в Стокгольме; в октябре 1804 г. — декабре 1806 г. являлся генеральным консулом в Молдавии, Валахии 66, 77, 86—100, 106, 113, 122, 128, 130, 131, 134, 135, 138, 139, 143, 144, 149, 150, 155, 159, 161—164, 166, 167, 171, 174, 176, 177, 187, 195, 199, 200, 202, 203, 206, 215, 216, 219, 221, 223, 228, 235, 241, 243, 244, 247, 251, 253, 260, 265, 267, 268, 272, 287, 289, 291, 294, 296, 297—299, 301—304, 307, 308, 310
- Бондарев Герасим, урядник Донской копейной артиллерии 376
- Бради, австрийский генерал 87
- Брюн, Гийом Мари Анн (1763—1815), французский генерал и дипломат, в 1803—1804 гг. — посол в Константинополе 19, 34, 73, 76, 86, 87
- Бубукин, русский купец 241
- Будберг (Будберх) Андрей Яковлевич (1750—1812), барон, русский дипломат и генерал-от-инфантерии; в мае 1796 г. — феврале 1803 г. — посланник в Стокгольме; с 1804 г. — член Государственного совета, в июне 1806 г. — феврале 1807 г. — министр иностранных дел, сторонник войны с наполеоновской империей; 30 августа 1807 г., после заключения Тильзитского мира отстранен от должности, а в феврале 1808 г. вышел в отставку 7, 259, 268, 272, 290, 291, 294—296, 301, 310—312, 314, 315, 318—320, 329, 332, 335, 355, 356, 360, 362, 363, 366, 383, 385, 386, 392, 412, 418, 419
- Валуев 95, 97
- Варсанюфьев, капитан, командир роты Олоонецкого мушкетерского батальона 369, 378
- Васа см. Чарапич Васа
- Василаки 105
- Василевский, подпоручик, командир батальона 11-й артиллерийской бригады 377, 378
- Василий, урядник 423
- Васильев А. И., министр финансов 268
- Васильчиков А. А. 293
- Вассиф-эфенди 191, 192, 234, 281, 282, 285
- Вейротер Ф. 193
- Великович Коста 111
- Великопольский, подпоручик, командир стрелковых частей отряда И. И. Исаева 376
- Велимирович Васа см. Чарапич В.
- Велько см. Петрович, гайдук Велько
- Вениамин, молдавский митрополит 221
- Веселитский (возможно, Веселитский Гаврила Петрович), майор артиллерии корпуса Милорадовича 367, 368
- Вилотер Лазар, кнез 111
- Владевич Дометиап 157, 215, 243, 259, 306, 307
- Владеко см. Милованович Младен
- Владен см. Милованович Младен
- Владимиреску Тудор 5
- Владкович 168
- Власов Афанасий, рядовой Донского казачьего Исаева 1-го полка 376
- Войнович Федор (вероятно, Войнович Теодор), гайдук. Родом из Добрича в Ядре. В период австро-турецкой войны был буйюкбашой на Дрише. Когда началось восстание, находился в чете арамбаши Чурчии. Позднее сражался под командованием Якова Ненадовича и Антония Богичевича. В 1813 г. повешен турками в Зворышке 45, 113
- Волков Евдоким, почтовый экспедитор, исполнял должность второго драмана при консульстве в Яссах 86, 88, 94, 95, 100, 161, 163, 219, 298
- Волошенковский Ивап 376
- Воронцов Александр Романович (1741—1805), граф, русский государственный деятель и дипломат. В 1802—1805 гг. — государственный канцлер; главной дипломатической задачей считал обеспечение внешнеполитической независимости России; противник Наполеона, стремился к сближению с Австрией и Англией для совместного выступления против Наполеона; 16 января 1804 г. вследствие тяжелой болезни уволен в отпуск и фактически устранился от дел 18, 121
- Воцапин, курский дворянин, отставной майор 241
- Вуйчечич, офицер сербской волонтерской комаиды 420
- Вукичевич М. 9, 13, 17, 39, 42, 44, 46, 51, 62, 67, 72, 108, 112, 116, 137, 141, 148, 150, 154, 185, 198, 199, 200, 215, 219, 250, 306, 310, 325, 336, 350, 354, 356, 359, 360, 361, 371—373, 382—384, 387, 396, 399, 408, 410, 413
- Вукотич, архимандрит 245
- Вуксан Д. 52, 64, 138, 306, 324
- Вула (Вуле) см. Илич Коларац Вуле
- Вуличевич Джуша, воевода 113, 158
- Вуядинович Евто 52
- Вуянович (Вонпович) Гаврило, Гавриил (Габриель), секретарь Великого народного суда 47, 49, 115, 123, 127, 128, 131, 150, 168, 187, 219, 239, 251, 266, 287, 288, 291, 294, 296, 297, 300, 308, 310, 396
- Вязимитинов 303
- Гаврилович Лука, кнез 52
- Гаврилович С. 13, 51, 85, 187, 200, 221, 239, 310, 322, 341, 352, 354, 414, 418
- Гагич Иеремя (1783—1859). Был торговцем в Земуне, где оказывал значительные услуги сербским повстанцам; в 1807 г. перешел в Сербию и стал писарем и секретарем Правительствующего совета. Принадлежал к русофильской партии. В 1812 г. перешел на рус-

- скую службу. В 1815 г. стал русским консулом в Дубровнике и на этом посту оставался вплоть до отставки в 1856 г. 110, 326, 355, 359, 361, 363, 369, 379, 387, 391—393, 396, 405, 407, 412, 413
- Гагович Арсений, архимандрит монастыря в Пиве 42, 64
- Галиб-паша, Мехмед Саид (1763—1828), турецкий государственный деятель и дипломат. В 1802 г. вел в Париже переговоры о заключении мирного договора с Францией 409, 419
- Галиб-эфенди см. Галиб-паша
- Гебнер, майор, командир пионерной роты корпуса Милорадовича 367
- Гейлен, инженер-капитан 138
- Георгиевич Живан 45
- Гербович Милован см. Грбович Милован
- Гернет, штабс-капитан, командир роты Олопецкого мушкетерского батальона 378
- Гиллеспи 167
- Гильемино Арман Шарль (Гильемино) (1774—1840), граф, французский дипломат, посредник в русско-турецких переговорах о мире в августе 1807 г. в Слободзее; в 1812—1813 гг. — участник кампании в России 376, 395, 396, 403, 404, 409, 418—420
- Гирша, адъютант Миленко Стойковича 143
- Главаш Станое (Станой Главач), ясеничский воевода. Родом из Глибовца (около Смедеревской Паланки). До Первого сербского восстания был гайдучком. Один из кандидатов на роль вождя восстания. В период восстания был одним из самых храбрых героев. После 1813 г. остался в Сербии, и турки дали ему чин сердара с тем, чтобы он очистил страну от гайдучков и обезопасил дорогу на Константинополь. После мятежа Хаджи Продана по приказу визиря был убит турками 13 февраля 1815 г. 45, 143, 185, 348
- Гладков, фельдфебель Олопецкого мушкетерского полка 375
- Гирба (Грбич Милован) см. Грбович Милован.
- Горяннов С. М. 287
- Грбович Милован, воевода, участвовал в восстании с 1804 г. Принимал участие во взятии г. Валево, сражался под Белградом, Пожаревцем и Смедерево. Участвовал в боях под Лозницей и Еленчей, а также у Шабца 113, 143, 147, 185, 348
- Говер, лорд 129
- Грбович Никола, род. в с. Мратишич; с 1790 г. — колубарский княз. Участвовал в борьбе с янычарами в 1793 и 1794 г. и с Тосун-агой — в 1795 г. В восстании командовал отрядами, участвовал во взятии Белграда (1806), тогда же заболел и умер 36, 44, 45, 110
- Грачев В. П. 13, 67, 125
- Гросул Г. С. 287
- Груйович Божидар (Груйов, Груевич Божидар, Груевич Филиппов, Божжа Груевич) (1770—1807), получил юридическое образование в Буде, переехал в Россию, где стал профессором Харьковского университета. В 1805 г. вернулся в Сербию и стал секретарем Правительствующего совета 45—47, 58, 62, 66, 67, 113—115, 123, 159, 160, 162, 163, 175, 197—199, 238, 239, 244, 256, 298
- Груйович Михаил, брат Б. Груйовича 239
- Гузина Р. 209
- Гушани-али (Гушан-али, Гусап-али) см. Кусанджали Халил
- Гурджи Осман 17
- Дабич Живко (Дабин Живо), род. в 1777 г. Был буйюкбашой у Алексея Ненадовича. Поднял восстание в Бранковине. Отличился в бою под Свилицевоу (февраль, 1804 г.), после чего назначен капитаном. Участвовал в боях под Шабцем, у Чокешины, под Пожаревцем, Смедерево и в других местах. Погиб в бою под Лозницей в мае 1807 г. 36, 44, 45, 110, 185
- Девлет-татар, драгоман в Константинополье. С 1804 г. служил в русском посольстве 252
- Дезар-паша 32
- Дели-Ахмет 302
- Дели Кадри (Дели Кардий, Диликадрий, Дели-кардый, Деликардий, Делл Кадир) 24, 83, 124, 151, 161, 178, 206, 264, 429
- Демелич Васа из Оршовой (сын Тоши Демелича), доверенное лицо Карагеоргия 294, 296
- Демелич Тоша (Теодор, Таше, Феодор), оршовский торговец, главный связной Карагеоргия с русскими в первый период восстания 229, 267, 268, 294, 297—299, 300, 303, 304, 308, 319, 335
- Демороль 125
- Денисов, есаул 402
- Дервиш-паша, сын убитого белградского визиря Хаджи Мустафа-паши, мухадиз 19
- Джайкович, кадет 89, 159, 160—162, 174, 175, 216, 223, 243, 244, 252, 285, 287, 303, 304
- Джезар-паша 16
- Джелил-оглу, один из вождей кирджалиев в Свиштовом кадилуке 20
- Джорджев Живко 36
- Джорджев Сима 44
- Джорджевич М. 21, 98, 116, 200, 209, 287, 297, 306, 341, 393, 411, 413, 424, 434
- Дивлянович Пантелеймон, протоперей ядраский 185
- Диздар-бек 305
- Дико Николай 203, 204
- Димитриевич С. 44
- Димитрий 359

- Добринац (Тодорович) Петр (1771—1831). Вначале был гайдуком, затем стал торговцем. В восстании 1804 г. был буйюкбашой у Миленко Стойковича. Отличился в бою у Иванковца (1805) и при обороне Делиграда (1806). Был одним из соперников Карагеоргия. По январской конституции 1811 г. был назначен попечителем юстиции, но отказался от этого назначения и был изгнан из Сербии. Жил в России, получая пособие от русского правительства 111, 185, 347, 348, 359, 361, 413, 416.
- Довлекеев 303, 304
- Дольчи (Долчи) дон Фрино, аббат, секретарь черногорского митрополита Петра I. За связь с французами осужден черногорским судом. Умер в тюрьме в 1805 г. 81, 82, 196, 197
- Достян И. С. 67, 82, 85, 86, 287, 324
- Драгович М. 42, 138
- Дубровин Н. Ф. 9, 13, 250, 366, 387, 401, 434
- Дугаилевич Милич, кнез 110
- Евта, Евто, кнез из Обрежа, старейшина в Доне Левче (Ягодинская нахия) 185, 348
- Евтич Стефан (Стефано), секретарь и управитель имений Карагеоргия в Белграде; посланник в Валахии; умер в начале 1814 г. 131, 143, 185, 339, 340
- Езерский, майор, комендант крепости Котор 318, 338
- Екатерина II (1729—1796), российская императрица (1762—1796) 196, 253
- Елик-оглу см. Иликли-оглу
- Жерве Андрей Андреевич (1773—1832), до 1797 г. — на военной службе; в 1798 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел России; с 26 ноября 1802 г. по 1 мая 1804 г. — генеральный консул в Молдавии, Валахии и Бессарабии; с 1804 г. — чиновник Коллегии иностранных дел 14, 18, 19, 46, 48, 49, 50, 53, 54, 77
- Живкович Глигори 127
- Живкович Стеван (Стефан), родом из Сербии, белградский торговец. В 1801 г., спасаясь от дахийцев, перешел в Земул. Оттуда в начале восстания поставлял повстанцам боеприпасы. Впоследствии возвратился в Сербию. В 1805 г. был направлен делегатом в Константинополь, сражался на юго-восточном фронте. В 1811 г. поехал в Валахию, а с 1813 г. был в эмиграции, откуда возвратился в Сербию лишь в 1834 г., но вскоре умер 45, 112, 115, 116, 151, 154, 159, 160—163, 166, 177, 187, 203
- Жикич, капитан (? — 1807), род. в Далмации. Приехал в Сербию в 1805 г. Вместе с Петром Добрицем в 1806 г. участвовал в боях у Парачина, Ражня и Алексипца. Построил знаменитые укрепления у Делиграда. Погиб в 1807 г. 239
- Жюбер (Жубер) Пьер Амадей Эмельян Проб, французский генерал, в 1805—1806 гг. ездил в Турцию и Иран с дипломатическими поручениями Наполеона 34, 286
- Жуевич Радойца (Живнич Радонца) 45, 185
- Забазпов Иван, урядник Донского казачьего Исаева 1-го полка 376
- Зараханий, капитан 241
- Засс А. П., генерал русской армии 384
- Званцов, коллежский ассессор 82, 85
- Зорич, генерал русской армии 6
- Ибрагим-бей, бимбаша 159, 161
- Ибрагим-паша см. Ибрахим-паша skutарский
- Ибрагим-эфенди 283—286
- Ибраим-ага 178
- Ибраим-паша см. Ибрахим-паша skutарский
- Ибрахим-паша skutарский, брат Махмуд-паши Бушатлии. Был назначен skutарским пашой после восстания Бушатлии против Порты 29, 33, 134, 217, 234, 241, 249, 251, 217, 255, 266, 288, 298
- Иванов Арефий, унтер-офицер Олонецкого мушкетерского полка 375
- Иванович Стефан 111
- Ивелич Марк Константинович (1751—1825), выходец из Далмации, граф, генерал-майор и сенатор; с 1770 г. на русской военной службе; во время русско-турецких войн в XVIII в. дважды успешно выполнял возложенные на него поручения в Черпугории и Герцеговине; в 1803—1805 гг. выполнял важное поручение в Черпугории, а затем находился в Боке Которской для организации сопротивления французам и австрийцам, что содействовало успеху действий вице-адмирала Д. Н. Сенявина; позже причислен к министерству иностранных дел России; в начале 1812 г. послан с дипломатическими поручениями в Италию, где содействовал заключению мира между сербами и турками на основании Бухарестского мира 1812 г., с 1814 г. — сенатор 33, 81, 82, 157
- Ивич А. 13, 21
- Ивкович Симеон, черногорский архимандрит 356, 357, 362, 363
- Иелич Бранко 111
- Измаил-бег (Измаил-бей) 397, 401, 402, 409
- Иликли-Оглу (Илык-оглу), начальник Силистрии 20, 24, 30, 31, 57, 58, 81, 84, 124, 125, 142, 176, 321
- Илич Коларац Вуле из Колара, гайдук из четы Станое Главаша. В период восстания — воевода в Смедеревской нахии, начальник гарнизона г. Сме-

- дерево (с 1807 г.). С 1813 г. находился в эмиграции. Умер в 1834 г. в Бухаресте 347, 348
- Илич Милутин, протоиерей и воевода (Чачанская нахия). Род. в с. Гуча. Поднял на восстание народные массы Драгачева. Участвовал в боях под Карановцем (1805), во взятии Ужице. Протоиереем был назначен после взятия Карановца. После поражения 1813 г. остался в Сербии. Умер в январе 1814 г. 185
- Илч Т. 13
- Ильип 303
- Иванович Стефан 111
- Иоан, воевода 21
- Иоанович Илия, кнез 52
- Иоанович Павлутий 52
- Иован, поп 168
- Иованович Иован (Иоанович), епископ 84, 85, 194
- Иованович Константин 418
- Иованович Янко 111
- Иовович Евто, кнез 52
- Иосиф II (1741—1790), император Священной Римской империи (1765—1790); с 1765 по 1780 г. — соправитель Марии Терезии, венгерский король 253
- Иосиф, игумен 29
- Испиланти (Испилантий) Константин (1760—1816), сын господара Молдавии и Валахии Александра. В 1799—1802 гг. — господарь Молдавии; в 1802—1806 гг., в январе—мае и августе 1807 г. — господарь Валахии 17, 18, 21, 33, 34, 37, 51, 53, 54, 58, 63, 78, 81, 83, 84, 86—88, 93, 94, 100, 105, 123—125, 127, 130—132, 137—139, 142—144, 147—149, 159, 160, 162, 163, 173—176, 187, 195, 197, 202, 203, 206, 212, 213, 219—221, 223, 226—228, 235, 241, 245, 247, 250—252, 260, 264, 273, 319—321, 330—332, 336, 337, 339, 341—343, 346, 348, 352, 354, 366, 368, 381, 395
- Исаев Александр Иванович, сын генерал-майора И. И. Исаева, капитан Атамаского полка, после смерти брата (Исаева 3-го) командовал Донским казачьим Исаева 1-го полком 368, 376, 378
- Исаев И. И. 1-й, генерал-майор Войска Донского, командир отряда Молдавской армии, посланного на помощь Карагеоргию 326, 355, 356, 359, 360—366, 368—377, 379, 381—385, 390—395, 397—399, 400—406, 408, 410—417, 420, 421—426, 429, 431, 433, 436, 437, 439
- Исаев 3-й, полковник, командир Донского казачьего Исаева 1-го полка 367
- Исане, игумен 113
- Исмаил-бей 20, 151
- Исмаил-паша, командир турецкого гарнизона и крепости Юстендил 84, 165
- Исмет-бей 283, 284, 286
- Истоичевич 22
- Италинский Андрей Яковлевич (1743—1827), чиновник российской Коллегии иностранных дел с 1783 г.; в 1800—1802 гг. — российский полномочный министр в Неаполе; в 1802—1806 и 1812—1816 гг. — посланник в Константинополе; с 31 июля 1810 г. причислен к Коллегии иностранных дел; с 29 октября 1810 г. направлен с особым поручением в Задунайскую (Молдавскую) армию; с 1812 г. — первый русский уполномоченный на Бухарестском мирном конгрессе 16—18, 24, 32, 34, 38, 40, 48, 51, 53, 54, 56, 63, 66, 67, 76—80, 89, 90, 94, 95, 97—101, 103, 108, 119, 122, 123, 125, 128—131, 134, 135, 139, 141, 142, 144, 146, 147, 149, 150, 152, 154, 155, 166, 167, 169, 171, 172, 174, 187, 193, 197, 201, 205, 207, 210, 213, 215, 216, 225, 226, 229, 235, 241, 242, 247, 248, 256, 259, 260, 266, 269, 274, 286, 289, 293, 294, 301, 302, 303, 317
- Ихорем-паша 365
- Ичкоглия Петр (Ичко П.), родом из Котраницы (Македония); умер 16. V 1807 г. в Белграде; драгоман турецкой дипломатической службы в Вене и Берлине, сердар при князе Мурузи и, наконец, — базрджанбаша (консул) греческих торговцев в Белграде. В августе 1806 г. в Константинополе вел переговоры о мире между сербами и Портой. Первый предатель Белградского магистрата (1807) 7, 257, 259, 260, 262, 266, 298
- Ичь-Оглап-баша 265
- Кадипаша 264
- Казакон Н. И. 441
- Кайсаров 191
- Калигари, спатарь 143
- Калинац Живан 110
- Каменский С. М., граф, генерал-лейтенант 362, 395
- Карагеоргий (Черни Георг Петрович, Кара Джорджие Петрович, Кара Чеорч Петрович, Черный Георг Петрович, Черна Егор Петрович, Георгий, Георгий Петрович Черный, Црни Георгие Петрович, Кара-Георгий, Черно-Георгий, Черный Георгие Петрович, Карагеоргий Петрович, Кара Георгие Петрович, Черни-Георгий, Кара Георгий Петрович, Джордже, Кара Джордж Петрович, Георгий Петрович, Черный Георгий Петрович, Черный Георгий, Петрович Георгий, Черни Жорж, Црни Георгие Петрович, Георгий Черный, Черный Георгий Петрович) (1752—1817), вождь Первого сербского восстания против турецкого ига 1804—1813 гг. До начала восстания — гайдук; доброволец в австро-турецкой войне (1788—1790). Под его руководством сербы одержали ряд значительных побед над турецкими войсками. В 1808 г. скупщина провозгласила его верховным вождем Сербии. Сломив сопротивление воевод (1811), ввел

централизацию государственного управления и всю власть сконцентрировал в своих руках. В 1814—1817 гг. жил в России. Тайно возвратился в Сербию, но по приказу Милоша Обреновича был убит. К. Маркс и Ф. Энгельс называли Карагеоргия «основателем сербской независимости» 8, 13, 17, 39, 42, 44—46, 48, 50, 51, 62, 67, 72, 86, 88, 89, 95, 98, 105—108, 110, 112, 113, 116, 119, 123, 124, 131, 132, 135—137, 141—144, 147, 148, 150, 151, 154, 158—163, 172, 173, 177, 178, 185, 194, 198—200, 202, 203, 205, 214, 215, 219, 221, 227, 228, 237, 239, 242—245, 250, 251, 254—258, 260, 264, 265, 267, 272, 273, 282, 287, 288, 290, 294, 298—304, 306—308, 310, 311, 314, 315, 319, 321, 324—326, 331, 336—338, 340—343, 345, 348—350, 353—356, 358—361, 366, 369—374, 377—379, 381—387, 390, 392, 393, 396—399, 406—408, 410, 413, 415, 416, 418, 424, 429—437, 439, 440, 443

Караджа бан, валахский боярин 96, 99

Караджич В. 8, 62, 199

Караджич Стоян 133

Каразин В. Н. 67, 239

Карафеиз (Кара-феиз), предводитель кирджалиев из района Брезник 15, 19—21, 24, 31, 35, 83, 124, 161, 175, 178

Карл (1771—1847), эрцгерцог, австрийский фельдмаршал; с 1805 г. — военный министр 193, 234, 237, 239

Карпов 2-й (Аким Акимович), полковник Донской артиллерии в 1807 г., командир конной батареи 369, 377, 378

Катич Иван, капитан 322

Катич Янко, воевода, один из первых руководителей повстанцев; убит летом 1806 г. 29, 36, 44, 45, 107, 110, 112, 113, 138, 143, 147, 159, 185, 288

Кедрич Милич до 1804 г. являлся буйюкбашей при кнеше Илие Бирчанине. Участвовал в восстании в Подгорице. Отличился в боях под Валево (1804), Ужице (1805), при Чучугах (1806). Вместе с М. Ненадовичем сражался против турок в Боснии. В бою при Сребренице (1809) был смертельно ранен 110, 185

Киреев Карп, урядник Донского казачьего Исаева 1-го полка 376

Кирико Лука Григорьевич, род. в 1765 г.; с 1795 г. — российский вице-консул в Бухаресте, с 1800 г. — консул в Бухаресте; 30 ноября 1806 г., до вступления русских войск в Валахию был захвачен в плен рущукским пашой и отправлен первоначально в Рущук, а потом — в Константинополь, в августе 1807 г. вернулся в Бухарест и состоял при фельдмаршале Прозоровском по особым поручениям;

в 1812 г. участвовал в мирных переговорах с Турцией, с сентября 1812 г. по 1818 г. — генеральный консул в Бухаресте; 17 декабря 1827 г. уволен со службы 14, 16, 21, 46, 48, 54, 57, 63, 86, 87, 96—100, 103, 105, 122, 123, 125, 127, 128, 130, 132, 159, 161, 162, 166, 173, 174, 187, 195, 203, 204, 223, 226—228, 247, 248, 250, 260, 267, 273, 290, 291, 296, 297, 299—304

Кисович Евта 347

Кларк, генерал 265

Книппер Ф., полковник 317, 328, 337, 339, 354

Князевич Василий Иванович 370

Ковачевич Стефан, сербский курьер 337, 342, 436

Комненович Евто 52

Константин, игумен 45

Константин Александрович см. Ипсиланти Константин

Константин Павлович, великий князь 84, 218

Конюшенко 207

Коррал, испанский посланник в Константинополе 121, 122

Кошилев Семен, унтер-офицер Олонецкого мушкетерского полка 375

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834), князь, русский государственный деятель и дипломат; в 1792—1798 гг. — полномочный министр в Константинополе; в 1798—1799 гг. — вице-канцлер; в октябре 1801 г. — сентябре 1802 г. управлял Коллегией иностранных дел; один из «молодых друзей» Александра I и член «Негласного комитета»; в 1802—1807 гг. — министр внутренних дел; сторонник сближения с Англией против Наполеоновской империи; с ноября 1807 г. — в отставке 47, 65

Коюнжич Иоан 133

Крушевчанин Георгие 111

Крушевац Андрей 348

Крюсоль, граф 311

Кузмин Константин, рядовой Олонецкого мушкетерского полка 375

Кузминский, мл. лекарь 6-го егерского полка 395

Кузнецов Григорий, урядник Донского казачьего Исаева 1-го полка 376

Куличковский, фельдъегерь 166, 435

Куракин Александр Борисович (1752—1818), князь, русский государственный деятель и дипломат, член Государственного совета; в 1796—1898 и в 1801—1802 гг. — вице-канцлер; с июля 1806 г. по октябрь 1808 г. — посол в Вене; с октября 1808 г. по июль 1812 г. — посол в Париже; в 1807 г. — полномочный представитель России на мирных переговорах между Россией и Францией в Тильзите; подписал Тильзитский договор 1807 г. 427, 428

Курт, полковник, командир отряда бухарестских пандур 358, 377, 378, 399

Кусанджали Халил (Кусанчали-Халил, Кусанч-Али), предводитель кирджа-

- лпев, с 1804 до конца 1806 г. — военный комендант Белграда; с 1807 по 1810 г. — турецкий паша. Погиб на р. Янтре в 1810 г. 20, 23, 30—32, 56—60, 83, 84, 93, 124, 141, 142, 151, 152, 160, 162, 163, 173, 202, 264, 298, 301—303, 308—310, 358, 379, 391, 414, 430
- Кутивиц Демьян 106, 107
- Кутузов М. И. 9, 13, 193
- Кучук Алия (Кутчук), белградский ага и дахия. Убит в 1804 г. 25, 152
- Лавдон, австрийский фельдмаршал 34
- Лаврон, майор артиллерии, направленный для палаживания порохового завода близ Белграда 438, 439
- Лазаревич Алекса (Алексис, Алексей, Алексие), протоиерей, родом из Шопича, Белградской нахии. В апреле 1804 г. участвовал в переговорах с турками в Земуне. Член делегации, которая в 1805 г. представила сербские требования в Константинополь 45, 112, 114—116, 151, 154, 187, 219, 249, 251
- Лазаревич Лука (1774—1852), воевода Посавины и Тамнавы Шабачкой. В 1796 г. стал священником в Лютице и Кошелево. В восстании участвовал с его пачала. Командовал сербской конницей. Отличился в бою при Мишаре в 1806 г. С 1807 г. — начальник гарнизона г. Шабца. В эмиграции находился с 1813 по 1832 г. 45, 113, 185, 347, 348, 425
- Лазаревич Михаил 111
- Ламбрович Леонтий, грек по национальности, род. в Адрианополе, умер в Кишиневе в 1826 г. Митрополит белградский (1801—1813) 238, 244, 256, 330, 332, 339, 343, 346, 348, 350, 432
- Ласси Борис (Мориц) Петрович (1737—1820), русский генерал. В 1805 г. командовал союзными войсками в Неаполитанском королевстве 192, 193
- Лашкарев (Лощкарев) Сергей Лазаревич (1730—1814), русский дипломат, неоднократно выполнял ответственные дипломатические поручения русского правительства на Ближнем Востоке; с 1762 г. — на службе в Коллегии иностранных дел России; в 1791 г. подписал Мирный договор между Россией и Турцией; в 1800 г. принимал участие в переговорах о присоединении Грузии к России; 4 января 1804 г. вышел в отставку; в июне 1807 г. отправлен с особым поручением в Молдавию и Валахию; в августе этого же года в местечке Слободзея участвовал в переговорах с великим визирем Турции, в ходе которых обсуждался также и сербский вопрос, однако соглашение о перемирии с Турцией, подписанное Лашкаревым в Слободзее, не было утверждено царем; с 1807 г. Лашкарев снова в отставке 395, 397, 402, 404, 408—410, 412, 414, 415, 418—420, 425, 435—437
- Леду, секретарь французского консульства в Яссах 265
- Лекич Д. 82, 87
- Лиготович, переводчик в отряде И. И. Исаева 372, 378, 391
- Липанчук Фома, рядовой Олонецкого мушкетерского полка 375
- Лискин, подпоручик 381
- Лихачев, подпоручик отряда И. И. Исаева 378
- Логвинов 364, 385, 420
- Лопухин Петр Васильевич (1753—1827), князь, русский государственный деятель; с 1801 г. — член Государственного совета, в 1803—1810 гг. — министр юстиции 85
- Лористон, генерал 323
- Луенча Афанасий, рядовой Олонецкого мушкетерского полка 375
- Лузинцов 366
- Лука, священник см. Лазаревич Лука
- Лукич Аврам, родом из Чачанской нахии. Член Правительствующего совета 326, 355, 359, 361, 371
- Лукич Алекса 185
- Лучич Милич 185
- Лызлов, поручик 378
- Маврокордато Александр, господарь Молдавии (умер в 1819 г.) 88, 89
- Магденко, майор, начальствующий вагенбурга 368
- Мазуревский Алексей Осипович (умер в 1809 г.); в 1804—1807 гг. — консул в Боке Которской, в 1807—1809 гг. — чиновник Коллегии иностранных дел 87, 157
- Маскенzie P. 76
- Малиновский В. Ф., русский генеральный консул в Яссах (1800—1802), впоследствии — директор Царскосельского лицея 239
- Малиновский П. Ф. 239
- Малковский, подпоручик стрелковых частей отряда И. И. Исаева 378
- Мамед-бег 358
- Манаф, Мааф Ибрагим 16, 17, 20
- Манолаки (Манолат, Манолати) Глоцани, валахский боярин 38, 151, 159, 161, 291, 314, 331, 339, 341, 342, 345, 348, 350, 353, 354
- Мардирсов Магук 228
- Маркович (Марков) Сима, родом из Великого Борка (Белградская нахия), воевода, в восстании участвовал в 1804 г., с 1807 г. — председатель Правительствующего совета 7, 29, 36, 45, 110, 112, 113, 138, 147, 159, 185, 347, 348, 418
- Мармон, французский маршал 8
- Мартенс Ф. Ф. 409, 420
- Мartiнович Антон 113
- Мартынов Ермолай, рядовой Олонецкого мушкетерского полка 375
- Матвей, протоиерей см. Матвей Ненадович

- Махмуд-эфенди, с 1806 по 1808 г. — турецкий посланник в Париже 141, 142, 146
- Медакович М. 108
- Мейендорф К. И. (Меендорф, Мейндорф) (1749—1813), барон, генерал-от-кавалерии, командир корпуса; в 1806 г., после смерти И. И. Михельсона, временно командовал Молдавской армией 203, 228, 409—411, 416, 417, 419—424, 435—438
- Мелентьев, командир главного поста Дюпского казачьего Исаева 1-го полка 367
- Мемед 22
- Мертенс, полковник артиллерии корпуса М. А. Милорадовича 362, 367
- Мерьяж (Мериаж), барон, французский офицер, секунд-майор, в 1807—1809 гг. — консул в Видине 401, 404
- Мехмед-паша 84
- Мешер 16
- Милакович Д. 306, 307
- Милетич Иван Петрович, отставной майор, гражданский комендант в Будве 52, 167, 168, 318
- Милич Д. 434
- Милованович Младен, род. в Ботуне, Крагуевацкой пахии. До восстания — богатый торговец, в период восстания был воеводой Крагуевацкой пахии. В 1807—1811 гг. — председатель Правительствующего совета, в 1807—1813 гг. — комендант Белграда 45, 111, 143, 185, 199, 258, 310, 339, 341—343, 345, 347—349, 418
- Милое (Милое), протонерей ягодинский и смедеревский 29, 185
- Милорадович М. А. (1771—1825), генерал-от-инфантерии. Во время войны с Турцией 1806—1812 гг. командовал корпусом Молдавской армии 6, 337, 340, 341, 360, 362, 364, 365, 367—377, 381—384, 390, 394, 397, 400, 402, 414, 415, 434
- Милорадович, полковник, командир эскадрона черносербских гусар 337, 367
- Милосавлевич П. 98, 150, 187
- Милутине см. Илч Милутин
- Михаил, нерей 113
- Михаил, князь 111
- Михайлович Коля 110
- Михайлович Радоица, князь 52
- Михайлович Теодор 111
- Михайлович Юриша 110
- Михайловский-Данилевский А. И. 8, 13, 384
- Михельсон И. И. (Михелсон, Михелзон) (1740—1807), в 1806 г. назначен главнокомандующим Молдавской армией 243, 250, 254, 260, 268, 272, 274, 289, 301, 303, 307, 308, 310, 311, 314, 315, 318—321, 325, 326, 329, 331, 332, 335—337, 341, 342, 349—352, 354—356, 358—362, 365, 366, 368—370, 372—376, 379, 381—385, 390—398, 400—402, 404—406, 408—412, 414—419, 426, 433
- Мичурин, генерал-майор, командир отряда 368, 381
- Младенович Аксентие 111
- Моисей, игумен 113
- Моич Павле 111
- Молла см. Мулла-паша
- Момпр, князь 110
- Момирович Иосиф, протопресвитер пожаревацкий 29
- Моро 23
- Морозов П. О. 197
- Моруз-бег см. Мурузи Александр
- Мочениго (Моцениго) Георгий Дмитриевич (1764—1839) граф, уроженец о. Занте, русский дипломат; на службу в Коллегию иностранных дел поступил в 1779 г. и назначен переводчиком в миссию во Флоренцию; в 1802—1807 гг. — полномочный представитель в Республике Семи Островов 305, 317
- Мула Юсуф, предводитель белградских янычаров, дахия. Убит в 1804 г. 25, 152
- Мулла-паша (Мула) 358, 363—365, 377—379, 382, 394, 397, 401, 406, 416, 419, 420, 439
- Мурузи Александр, князь, господарь Молдавии в 1792—1793 гг., 1802—августе 1806 г. и октябре 1806—марте 1807 г.; господарь Валахии в 1793—1796 и 1799—1801 гг. 20, 33, 78, 92, 93, 96, 99, 103, 105, 106, 122, 132, 177, 252, 289, 353
- Мурузи Деметриус, князь 281, 282, 284
- Мусса Фоч-оглу 25
- Мутавчи Лазар (Мутаф Лазар) был ремесленником, делающим одеяла, попы из козьей шерсти, отсюда и его фамилия. В 1811 г. стал рудничным воеводой. Не уезжал из Сербии. Был связан с мятежом Хаджи-Продана. Умер в 1815 г. от рапа, полученных во время штурма Чачака 185, 348
- Мустафа-ага (Мус-ага) 21, 119, 397
- Мустафа-паша, Байрактар Мустафа, турецкий политический деятель и военачальник; глава тайного политического общества «рущукские друзья». С 1804 г. — правитель г. Рущук, в 1806—1807 гг. — командующий турецкой армией на Дунае. В июле 1808 г. участвовал в свержении с престола султана Мустафы IV и стал великим визирем. 16 ноября 1808 г. погиб во время янычарского бунта 25, 36, 117, 264, 273, 376, 403, 419, 428, 430
- Мутафчиева В. 125
- Назаревич Василий 239
- Наполеон I Бонапарт (Бонапарте, Буонапарт, Буонапарте, Бонапарт) 6—8, 13, 16, 19, 23, 34, 73—76, 82, 87, 125, 154, 166, 191, 192, 206, 209, 218, 233—235, 271, 282, 283, 285—287, 313, 325, 396, 405, 409, 418, 440, 443
- Нарочницкий А. Л. 441

- Негош Петрович Петр I (1747—1830) (Негуш Петр Петрович, Петр Петрович), с 1782 г. — митрополит и правитель Черногории 6, 33, 41, 42, 62, 64, 81, 82, 87, 88, 108, 137, 156, 158, 164, 165, 168, 169, 214, 215, 239, 242, 243, 258, 259, 306, 307, 318, 322—324, 329, 349, 355, 362, 363
- Непадович К. 205, 239, 255
- Непадович Марко 185
- Непадович Матия, прота (1777—1854), протоиерей, воевода и государственный деятель в период Первого сербского восстания. Еще в 1803 г. вместе со своим отцом участвовал в подготовке восстания. После начала восстания поднял весь валецкий край. Первый дипломат повой Сербии. Один из основателей и первый председатель Правительствующего совета (1805—1807) 22, 44, 46, 47, 50, 62, 66, 67, 107, 110, 113, 115, 119, 147, 178, 185, 199, 200, 203, 215, 216, 221, 223, 235, 236, 238, 239, 425, 428, 432, 439—441
- Непадович Яков (ок. 1765—1836), до восстания — горговец, в период восстания — «командир в нахии валецкой, шабацкой, ужичкой и сокольской» 21, 22, 29, 36, 44—46, 64, 110, 112, 113, 138, 147, 157, 166, 185, 347, 383, 418, 432
- Нераджич, генерал 6
- Нефедов, поручик стрелковых частей отряда И. И. Исаева 378
- Никитин С. А. 387
- Николай, родственник Джайковича 223
- Николич Бранко 36, 44, 110
- Николич Ранча 111
- Никшич Мина 196, 197, 370
- Нитич, полковник, командир отряда пандур 367, 368
- Новакович Петр Чардаклия, родом из Македонии, белградский ханджия (трактирщик); участвовал в австро-турецкой войне (1788—1791) в составе добровольческого отряда Михалевича и получил чин капитана австрийской кавалерии. В 1804 г. перешел в Сербию. В составе сербской делегации ездил в Россию (1804), в Константинополь (1805) и в Бухарест, в ставку главнокомандующего Молдавской армии (1807). Умер в Белграде в 1808 г. 44, 46, 47, 50, 62, 66, 67, 78, 89, 96—99, 100, 106, 112, 114, 123, 127, 128, 131, 135, 136, 141, 142, 144, 146, 150—156, 160, 164, 167, 176, 177, 186, 204, 205, 221, 223, 226, 239, 244, 249, 250, 252, 265, 267, 268, 290, 291, 297, 299, 301, 326, 337, 341, 355, 359, 361, 371, 396, 430
- Новакович С. 9, 13, 61, 98, 154, 199, 209
- Новокрещеный (Новокрещенов) Бей см. Угринчич-Требинский
- Норона, Гаспар Мария де Нава Альварес (1760—1816), граф, испанский посланник в С.-Петербурге 122
- Обрадович Досифей (ок. 1742—1811), писатель, народный просветитель. До восстания жил в Вене, а затем переехал в Карловцы и установил связи с Карагеоргием, по заданию которого в 1807 г. поехал в Бухарест в ставку русской армии просить помощь. В августе 1807 г. приезжает в Белград, где в 1808 г. основывает Великую школу. В том же году становится членом Правительствующего совета сербского и попечителем просвещения 307, 315, 340, 341, 354, 434
- Обрадович Милан см. Обренович Милан
- Обренович Милан (Обранович), род. в Бруснице, Рудничкой нахии. До восстания — зажиточный торговец скотом. В период восстания — рудничский воевода. В 1809 г. в составе сербской делегации ездил в Бухарест, в ставку командующего Молдавской армии. Умер в конце 1810 г. 45, 110, 113, 147, 185, 307, 347, 348
- Овсянников Василий, рядовой Олонецкого мушкетерского полка 375
- Ожегович Иван 64
- Омер-баша 22
- Осман Хаджия 194
- Павел I (1754—1801), российский император (1796—1801) 82, 196, 197
- Павичевич Б. 287
- Павлович Стоя 111
- Пазванд-оглу (Пазван-оглу, Пазвант-оглу, Пазванчия, Пасванд-оглу, Пасвант-оглу) (1758—1807), видинский аял, затем — видинский паша. С конца XVIII в. отказался от власти султана и был объявлен мятежником. Летом 1801 г. помог янычарам захватить Белград и позднее — убить Мустафу-пашу, белградского визиря. В июне 1802 г. получил амнистию Порты, но продолжал вести самостоятельную политику до 27 января 1807 г. 16, 17, 19, 20, 23, 30, 31, 34, 35, 57, 58, 81, 83, 84, 93, 95, 105, 136, 142, 144, 160, 163, 175, 176, 178, 202, 213, 217, 235, 246, 247, 250, 255, 264—266, 289, 291, 294, 297, 300, 302, 303, 321
- Пайкос Барба 376
- Панайодорос 94
- Пангалос Н. (Панголо, Понгало), майор, командир так называемого «греческого» корпуса волонтеров 336—338, 381, 385, 394, 398, 399, 402, 408, 411, 415
- Панов, поручик отряда И. И. Исаева 378
- Пантазев К. 431, 436
- Пантелеймон, священник из г. Валево 185
- Пантелич Д. 60
- Пантелич Петр из Шабца 45
- Паулуччи (Павлуччи, Пауличчи) Филипп Осипович (1779—1849), маркиз, выходец из Италии, на русской службе — с 1807 по 1829 г. В мае 1807 г. был послан с особой миссией к Карагеоргию 385—387, 392, 393, 412

- Пенч, полковник 365
 Перович Р. 383
 Петр I, российский император 6, 52
 Петро, капитан см. Новакович Петр Чардаклия
 Петров А. Н. 9, 13, 346, 372, 409
 Петрович, гайдук Велько, краинский воевода (1780 г.—июль 1813 г.). До начала восстания был гайдукром в чете Станое Главаша, затем — адъютант смедеревского воеводы Джуши Вуличевича. В 1807 г. освободил Црну Реку, успешно сражался против турок на реках Тимок и Морава. В 1810 г. вместе с русскими сражался на реках Дунай и Тимок. Погиб при обороне Негогина в июле 1813 г. 346, 348
 Петрович Иоанц, майор 52
 Петрович Милое (Ресавиц) 347
 Петрович Радич, родом из Остружницы. Участвовал в осаде Карановца (1805), когда и был назначен карановацким воеводой. Участвовал во взятии Белграда в 1806 г. В освобожденном Белграде был председателем магистрата 44
 Петрович Станко, кнез шабацкий 45, 115, 185, 239
 Петроний, игумен 64
 Пехливан-бимбаша из Рущука 20
 Пехливан-паша, Ибрагим (1760—1820), командир турецкого гарнизона в Измаиле 324, 384
 Пизани, драгоман английской миссии в Константинополе 285
 Пламенац Сава, дипломатический представитель черногорского правителя Петра I Негоша 349
 Пласали Мегмед-паша 35
 Плякич-Ристич Антоние, род. в Каменице, Рудничской нахии, карановацкий воевода. Участвовал в переговорах с турками в Земуне в 1804 г. Вместе с М. Миловановичем участвовал в боях у Ниша в 1806 г. 348
 Позняков, подпоручик (поручик) Одесского артиллерийского гарнизона 383
 Понтекулап 405
 Попов Иван, хорунжий Донского казачьего Исаева 1-го полка 369, 379
 Попов Н. А. 9, 13, 413
 Попович 435
 Попович Афанасий 185
 Попович В. 51, 187
 Попович Д. 60
 Попович Иоанн 52
 Попович Милоше 358
 Пошович Павле 111
 Попович Цветко, алексиначкий бимбаша из Горни Матеевца 347
 Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), князь Таврический, русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. 6
 Поцелуев, унтер-офицер Олонецкого мункетерского полка 375
 Поццо ди Борго Карл Осипович (Карл-Андрей) (1768—1842), граф, дипломат, генерал, уроженец о. Корсика; в 1805 г. принят на русскую дипломатическую службу в Коллегию иностранных дел и направлен с особым поручением в Вену и Неаполь, в 1807 г. — в Вену, а позднее — в Дарданеллы с особым полномочием заключить мир с Турцией 332, 335
 Прозоровский А. А. (1732—1809), генерал-фельдмаршал, в 1807 г. был назначен главнокомандующим Молдавской армией 409, 423—425, 427, 429—431, 434—436, 438—442
 Протич Василий 45
 Протич Иван, член Правительствующего совета от Пожаревацкой нахии, в 1804 г. в составе сербской делегации приехал в Россию 44, 46, 47, 50, 62, 66, 67, 115, 127, 131, 143, 156, 238
 Пузанов, прапорщик отряда под командованием И. И. Исаева 378
 Пустойтов Василий, рядовой Олонецкого мункетерского полка 375
 Puryear Vernon J. 76
 Радичевич Ф. 306
 Радованович Павел 111
 Разумовский Андрей Кириллович (1752—1836), граф, после Венского конгресса 1815 г. — князь, русский генерал и дипломат, на дипломатической службе — с 1777 г.; в 1801—1806 гг. — посол в Вене, в 1807 г., после заключения Россией Тильзитского мира с Наполеоном I, вышел в отставку, но продолжал выполнять ответственные поручения Александра I 84, 226, 238, 291, 293, 295, 305, 312, 321, 329
 Ракочевич Н. 306
 Ранке Л. 8, 9
 Раче Григорий 185
 Рашид-эфенди 401
 Реджеб-ага (Реджеп-ага, Реджед-ага, Реджеп-ага Имброхор), комендант турецкой крепости Орсова 48, 84, 92, 103, 105, 148, 149, 151, 154, 158, 159, 178, 195, 203, 213, 250, 255, 289, 294, 300
 Рейз-Осман 369
 Рипаняц Радовац 111
 Ристич М. 152
 Ришелье Эммануил Осипович (Арман-Эммануил-Софидо Плесси) (1766—1822), герцог, французский государственный деятель; в 1790—1814 гг. находился в эмиграции в России и состоял на русской службе; с 1803 г. — генерал-губернатор г. Одессы, в 1805—1814 гг. — генерал-губернатор Новороссийского края 154
 Ровинский П. 83
 Рогачев, капитан Олонецкого мункетерского батальона 378
 Роднонов Ефим, сотник Донского казачьего Исаева 1-го полка 379

- Родофиникин (Родифинкии) Константин Константинович (1760—1838), русский дипломат, член Государственного совета; в 1803 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел России правителем канцелярии министра иностранных дел; в 1805 г. командирован в 1-ю русскую действующую армию в качестве дипломатического агента; в 1806 г. отправлен с особым поручением в Константинополь к посланнику Италиинскому; со дня вступления русской армии в Молдавию находился там в качестве главного дипломатического агента в Молдавии, Валахии и при русской армии, а в 1807—1810 гг. — в Сербии 8, 268, 272—274, 286, 287, 289, 290, 294, 298—301, 308, 321, 336, 337, 341, 356, 360, 361, 366, 368, 369, 372, 373, 381, 383, 385, 390, 391, 393, 394, 396, 399, 401, 404, 406—408, 410—412, 414—418, 421—425, 427—431, 434—436, 438—440, 442
- Росет Георгий 204
- Ру, французский консульский чиповник 202
- Румянцев (Румянцов) Николай Петрович (1754—1826), граф, русский государственный деятель и дипломат; в 1801—1811 гг. — министр коммерции; в 1807 г., после заключения Тильзитского мира как сторонник союза с Францией назначен «управлять министерством иностранных дел с оставлением при нем министерства коммерции»; с 1808 г. — министр иностранных дел 424, 434, 437, 439
- Рюффен П. 87, 253
- Сава 29, 185
- Савич Марко 111
- Савостьянов Карп, сотник Донского казачьего Исаева 1-го полка 379
- Сали-ага 159
- Самборский Андрей Афанасиевич 13, 123, 156, 164, 239
- Самсонов Иван, сотник Донского казачьего Исаева 1-го полка 379
- Санковский С. А. 81—83, 106, 108, 132, 134, 137, 156, 157, 164, 168, 194, 195, 214, 244, 245, 287, 305, 315, 318, 319, 324, 326, 329, 337—339, 349, 354, 355
- Сари Омер, предводитель кирджалиев 35
- Сафропие 45
- Саши-паша см. Шахинт-паша
- Свистун Михайло, рядовой Олопецкого мушкетерского полка 375
- Себастиани (Себастьяни) Франсуа Гораций-Бастьен (1772—1851), французский генерал, дипломат и государственный деятель; в 1801—1803 гг. находился со специальной миссией в Турции, Египте, Сирии и др., в 1806—мае 1808 г. — французский посол в Константинополе 87, 281, 282, 284—286, 321, 334, 382, 418, 427, 436, 438, 442
- Седов Яков, есаул Донского казачьего Исаева 1-го полка 379
- Селим III (1761—1808), турецкий султан с 1789 по 1807 г., наследовал престол от своего дяди Абдул-Хамида I; султан-реформатор, который хотел европеизировать Турцию, чтобы спасти ее от феодальной раздробленности и гибели, укрепить и возродить ее; однако он натолкнулся на ярый отпор янычар, которые свергли его с престола и убили в июле 1808 г. 51, 58, 79, 108, 115, 116, 119, 123, 182, 185, 194, 199, 209, 211, 212, 218, 222, 224, 234, 235, 240, 242, 258, 269, 282, 283, 286, 382
- Сен-Люс, французский консул в Яссах 16, 19, 23, 34, 86
- Сентилер, маркиз, французский эмигрант 87
- Сенявин (Синявин) Дмитрий Николаевич (1763—1831), выдающийся русский флотоводец, адмирал, в 1805 г. контр-адмирал, флотский начальник Ревельского порта, в 1806—1807 гг. — командующий эскадрой в Средиземном море, участвовал в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. 242, 286, 287, 305, 317, 318, 323, 329, 335, 355, 385, 405
- Серафим, архимандрит 96
- Сиверс И. Х., генерал-майор, командующий артиллерией Молдавской армии. 416, 439
- Симич Брендрих 239
- Симон, кнез см. Маркович Сима
- Синап-паша 165
- Сироткин В. Г. 287
- Снапсарев 338
- Снок Л. 168
- Смаил-паша см. Исмаил-паша
- Смолинчанин Атанасие 110
- Солейман-паша см. Сулейман-паша
- Солейман-эфенди 22
- Соловьев С. М. 287
- Сотеп Василий, унтер-офицер Олопецкого мушкетерского полка 375
- Ставри бап 96, 99
- Стадион Ваотхаузен Йодапп Филипп, граф, австрийский посланник в Петербурге 40, 293
- Стапимирович Петар, кнез 52
- Станиславская А. М. 76, 287
- Стапко, кнез 111
- Стапоевич, капитан 318
- Стефан Душан (1308—1355), правитель средневекового сербского государства; с 1331 по 1345 г. — король; с 1345 по 1355 г. — царь 85
- Стева 158
- Стефанович Матей (Матео, Матфей, Матвей), протоиерей см. Ненадович М.
- Стефанович Милослав 111
- Стефанович Пано 111
- Стефанович Тома, кнез 52
- Стефанович Хаджи-Мелентий (Мелентий), родом из Бирча, умер 8.III 1824 г. в монастыре Рача; архимандрит монастыря Рача. Вместе с Яковом Нена-

- довичем поднимал восстание в Ядре и Радевине. В 1810 г. в качестве члена сербской делегации ездил в Бухарест и Петербург просить помощи. После поражения восстания переехал в Срем. В Сербию возвратился в 1815 г. 45, 113, 185, 427, 432, 439—441
- Стефанович (Степанович) Яков см. Непадович Яков
- Степанович Савва, кнез 52
- Стойкович Иоанн, кнез 52
- Стойкович Миленко, род. в Кличевце, Пожаревацкой нахии. До восстания — торговец и буюйбаша. Боролся против Пазванд-оглу и его янычар. В период восстания — воевода пожаревацкий и поречский. Наиболее выдающаяся личность в восточной Сербии. В 1811 г. изгнан из Сербии за непризнание нового внутреннего устройства. Умер после 1831 г. в Бахчисарае в Крыму 8, 45, 110, 113, 143, 148, 149, 161, 185, 244, 248, 249, 289, 294, 308, 310, 319, 320, 325, 335, 337, 341, 342, 345, 346, 348, 355, 358, 359, 361—364, 370—373, 377, 379, 385, 387, 390, 396, 398, 402, 404, 406, 408, 410—415, 417, 418, 422, 423, 428, 431, 432, 434
- Стойкович Стоян, рядовой отряда арнаутов 376
- Стойнович Петр, кнез 111
- Стратимирович Стефан (Стратемирович), карловацкий мигрополит 6, 86, 107
- Стратон, английский дипломат. В 1803 г. — доверенный, в 1804—1806 гг. — секретарь английского посольства в Константинополе 121
- Стрелия, лесковацкий воевода. С 1803 г. сражался в составе отряда Жикча около Ниша, при Делиграде 348
- Строганов Григорий Александрович (1770—1857). С 1805 по 1810 г. — русский посланник в Мадриде 122
- Строганов Павел Александрович (1772—1817). С 1802 по 1807 г. — товарищ министра внутренних дел России 287
- Сулейман-паша, командир части боснийской армии в Сербии, а затем — белградский визирь 48, 56—58, 97, 124, 142, 302, 310
- Сухарев, португей-прапорщик Олопецкого мушкетерского полка 375
- Суццо (Суцо) Александр (Алеко), умер в 1807 г. Господарь Молдавии в 1801—1802 гг. 30, 273, 281, 300, 353, 390
- Талейран-Перигор Шарль Морис (1754—1838), граф, с 1799 по 1807 г. — министр иностранных дел Франции 253
- Тарле Е. В. 287, 306
- Тачан Петр, сотник Донской конной артиллерии 376
- Тачан Федор, урядник Донской конной артиллерии 376
- Теодор, кнез 111
- Теодорович Никола, кнез 52
- Теодорович Петр см. Добринац (Тодорвич) Петр
- Теодосия из Книча 111
- Теол из Звезды 110
- Теофилович Груя 111
- Тернавац Радое 110
- Терсеникли-оглу (Терсеник-оглу) 16, 19, 20, 24, 30, 31, 35, 57, 58, 124, 125, 139, 142, 161, 176, 202, 203, 246, 247, 264
- Теста 129, 234
- Тома из Градиште 110
- Томасов Адам, рядовой Олопецкого мушкетерского полка 375
- Тормасов Александр Петрович (1752—1819), граф, генерал русской армии 174
- Тоска, разбойник см. Тосун-ага
- Тосун-ага, командир янычар. Участвовал во многих грабительских походах в Сербии. Близкий соратник Пазванд-оглу 20
- Трачевский А. 363
- Трегубов, майор, до июня 1807 г. — командир Олопецкого мушкетерского батальона 377
- Трифуневич Радован 111
- Трлаич (Терлаич) Глягорие, род. в Моле (Бачка), умер в 1811 г. в Харькове. Учился в Вене, секретарь русского посланника в Вене князя М. Голицына; профессор всеобщей истории Педагогического института в Петербурге. В начале 1811 г. был избран профессором права в Харьковском университете 239
- Трофим, герцеговинский игумен 52
- Убри Петр Яковлевич (1774—1847), русский дипломат; с 1801 г. — секретарь посольства в Париже; в 1803—1804 гг. — поверенный в делах в Париже. В 1806 г. был со специальным поручением в Париже, где подписал мирный договор с Францией, который не был ратифицирован Александром I 265, 287
- Угринич-Требиньский (Угринич, Угринич, Требиньский) Илья Федорович, он же — Бей Новокрещенный или Новокрещенов, офицер русской службы, в 1805 г. был послан к сербским повстанцам в качестве инструктора. Умер в 1813 г. 249, 254, 255, 265, 266, 272, 427
- Ульяницкий В. А. 9, 13
- Уразов 129
- Урошевич (Уросевич) Милош 221, 239
- [X]усейн-эфенди 22
- Фака, боярин 30
- Фальковский 286
- Фадарди Кастан Иванович, в 1804—1806 гг. — консул в Видице, в 1806 г. прикомандирован к главнокомандующему русской армией И. И. Михельсону, в 1808 г. — к фельдмаршалу Прозоровскому «для управления азиатскими делами» 51, 53, 57, 81, 87
- Федоров, фельдшер 313

- Федорович П. см. Добринца (Тодорович) Петр
 Филиппеску (Филиппеско) 390
 Филиппович Ф. (Филипович) см. Груйович Божидар
 Фирш 123
 Флори Егор, русский консульский чиновник 19, 129, 167
 Фок, подполковник, командир роты конной артиллерии корпуса М. А. Милорадовича 367
 Фомп Ивап, урядник Допской конной артиллерии 376
 Фонтон (Жозеф) Иосиф Петрович (род. в 1753 г.). В 1795 г. определен из французской в российскую службу, в 1795—1806 гг. — первый драгоман российской миссии в Константинополе. В 1806 г. в связи с разрывом отношений с Портой прикомандирован к вице-адмиралу Д. Н. Сепявину 146, 171, 191, 192, 282, 283, 285, 286
 Фонтон Карл Карлович (род. в 1765 г.). В 1793 г. принят на русскую службу, в 1799 г. служил при вице-канцлере В. П. Кочубее; с 1801 г. — генеральный консул в Рагузе, Далмации и Боке Которской (с 1802 г., кроме того, — в Флуме) 194
 Фочич-ага Мехмед (Фоч-оглу, Фош-оглу) 25, 151, 152
 Франкии Франсуа (род. в 1757 г.). В 1802—1816 гг. — первый драгоман французского посольства в Константинополе 282, 284, 286
 Франц I Иосиф Карл (1768—1835), из династии Габсбургов. С 1792 по август 1806 г. — император Священной Римской империи под именем Франца II, с августа 1804 г. — император Австрии под именем Франца I 193, 200, 221, 242
 Фродинг, чиновник русской миссии в Константинополе 242
 Фролов Егор, писарь Донского казачьего Исаева 1-го полка 376
- Хаджи Абдула 22
 Хаджи Симет 22
 Хаджи Яйя Аседжия 22
 Хаджич Марко 111
 Ханджерли (Хапжерли, Капжерли) Алеко, умер в 1807 г. С августа 1806 по февраль 1807 г. — драгоман Порты; с марта по август 1807 г. — господарь Молдавии 281—286, 353
 Хасан-ага 298
 Хасан-бег 301
 Хасап-паша, Хассан-паша, белградский вали с декабря 1801 г. до августа 1804 г.; затем — вали и мухадиз никопольский 20, 23, 31, 32, 36, 48, 57
 Хафиз-паша (Афиз-паша, Афис-паша, Афуз-паша, Хавис-паша), муселим нишский и капиджибаша Порты. В 1805 г. стал белградским визирем, в том же году был рапен в бою у Иванковца и от рап умер в Нише 130, 138, 142, 148, 149, 151, 152, 155, 156, 158, 160—163, 172, 173, 175, 176, 184, 186
 Хахлачев, урядник Донского казачьего Исаева 1-го полка 376
 Хосрев паша 234
 Хуршид-паша (Хоршид-паша), видный турецкий государственный деятель. В 1812—1815 гг. — великий визирь 207
- Церович Милутин 133
- Чайкович см. Джайкович
 Чарапич Васа (Васа Велимиров, Василий), род. в Белом Потоке, возле г. Авала. В период восстания стал воеводой Грочанской пахии и был известен как храбрый воин. Погиб при взятии Белграда, похоронен возле монастыря Раковицы 36, 44, 45, 110, 111, 113, 143, 185, 308, 348
 Чарапич Тапасне 347
 Чардаклия см. Новакович Петр
 Чарторыйский (Чарторыйский) Адам Адамович (1770—1861), князь, русский и польский государственный деятель; в сентябре 1802—июне 1806 г. — товарищ министра иностранных дел, одновременно в январе 1804—июне 1806 г. — управляющий МИД в связи с болезнью канцлера А. Р. Воронцова 5, 6, 17, 18, 32, 34, 38, 49—51, 53, 54, 60, 64, 66, 67, 76—81, 84, 86, 87, 89, 90, 95—97, 101, 106, 113, 119, 122, 128, 129, 132, 134, 135, 137—139, 143, 144, 149, 152, 154, 156, 161, 162, 164, 165, 169, 172, 174, 177, 186, 187, 194, 195, 199, 200, 202, 204, 205, 207, 209, 210, 212, 215, 216, 219, 226, 228, 229, 243—245, 251, 274, 309
 Челеби-эфенди 283
 Черкаев, поручик свиты е. и. в. полквартирмейстерской части 378
 Чернецп, корнет 376
 Чернушкин, находился в распоряжении командира Главного поста Донского казачьего Исаева 1-го полка 367
 Чичик Вучко, один из участников добровольческой четы Иованна Новаковича 348
 Чубрилович В. 214, 250, 346, 372, 434
 Чулков, поручик, командир роты Олопецкого мушкетерского батальона 378
- Шагин-оглу Гирей (Шакироклу), турецкий командир кавалерии 31
 Shupp P. E. 287
 Шапиро А. Л. 306
 Шах-Герай 35
 Шашиг-паша (Шаши-паша) из Лесковца 178, 198
 Шермет-бей (Шеремет-бей), турецкий адмирал, командующий турецким флотом на Адриатическом море, казнен в 1807 г. 74
 Штюрмер (Штирмер) Игнац Лоренц (1752—1829), барон, австрийский дипломат, 1802—1818 гг. — австрий-

ский интерпретаций в Константинополе 38, 103, 128, 129, 142, 234, 238, 248

Югович Софроний, капитан 84, 85

Югович-Савич Ивац (Иован) (1772—1813), в 1801—1804 гг. — профессор в Карловцах, первый писарь Правительствующего совета, с 1807 г. — его секретарь; в 1808 г. назначен профессором Великой Школы; в 1811 г. — попечитель просвещения 421, 422, 425, 426

Юсуф-ага, турецкий государственный деятель, умер в 1807 г. 92, 207, 284

Юсуф-паша (1747—1818), эзерумский сераскер и великий визирь 24, 30, 31, 124, 151, 255

Яня дыздар 22

Якобсон, фельдбергерь 434

Якоглич Петр см. Ичко П.

Янкович Д. 199, 418, 434

Янкович Лука 111

Янкович Пея, княз тамнавский. Участвовал в боях с турками под Свилеу-вой, Пожаревцем, Смедерево и Белградом, а также на Дрише. Погиб на Братачиче в июне 1806 г. 110, 185

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авала, гора к югу от Белграда 365

Австрия 5—7, 21, 31, 32, 40, 48, 50, 61, 66, 67, 76, 77, 85—101, 131, 132, 168, 187, 199, 200, 202—204, 209, 215, 225, 235, 241, 247, 248, 250, 251, 267, 288, 289, 291, 293, 295, 312, 314, 350, 352, 370, 372, 373, 382, 396, 398, 406, 418, 430, 432, 433

Ад 161

Адакале (Ада-Кале), соврем. Оршова, см. также Орсова 159, 289, 294, 394, 414, 416, 433

Адрианополь, соврем. Эдирне 35

Адриатика (Адриатическое море, Адриатическое побережье) 74, 76, 88, 209, 254, 318, 329, 355

Азия 93, 254, 273

Айдоста 31

Аккерман, соврем. Белгород-Днестровский 19, 252, 395

Алба-Изворил см. Изворил-Алба

Албания 29, 34, 134, 147, 218, 239, 254, 287, 296, 329, 348

Александрия 207

Алексиновачская нахия 239

Ападолия, Анатолия 151, 220

Англия 19, 33, 73, 74, 191, 233, 235, 271, 284, 285

Антивари, соврем. Бар 305, 323, 329

Архипелаг 193, 334, 353

Базарджик (Базаржик, Пазарджик), соврем. Толбухин 15, 35, 139, 175

Балайчук 196

Балканы, Балканский полуостров 5, 6, 16, 18, 24, 31, 76, 82, 85, 86, 88, 187, 209, 253, 286, 287, 354

Балтийское море, Балтика 8, 317

Банат 57, 316, 373, 401

Баня, соврем. Соко-Баня 348

Баияни, Баньяни 318, 329, 338

Бартенштейн, соврем. Бартошице 356, 363, 385

Бар см. Антивари

Белград (Белиград, Биоград, Београд) 16—23, 25—27, 31, 32, 34—36, 40, 42, 44—48, 50, 54, 56—59, 61, 77, 83, 84, 92, 93, 95—97, 99, 105, 109, 110, 112, 116, 124, 127, 131, 139, 142, 151, 153—

155, 160, 162, 163, 167, 173, 174, 177, 178, 184, 186, 187, 195, 198, 199, 202, 203, 212, 213, 216—218, 225, 250, 251, 253, 263, 266, 289, 298, 300—303, 308—310, 314, 319, 330, 337, 340—342, 345, 348, 354, 371, 386, 387, 398, 406, 408, 410, 411, 414, 417, 422—425, 427, 429—431, 435, 436, 438, 440, 442

Белградская губерния 163, 251

Белградская крепость 23, 40, 51, 58, 59, 131, 309, 310, 332

Белградский пашалык 5, 16, 17, 51, 95, 97, 98, 108, 125, 152, 155

Бендеры (Бендер), Бендерская крепость 19, 207, 228, 252, 334, 395

Берчел 132

Бессарабия 395

Беч см. Вена

Боговажда, монастырь 199

Бока Которская (Бока ди Каттаро, Бок от Котор) см. Котор

Болгария 14, 16, 19, 124, 142, 175, 182

Борица 178, 202, 203, 264, 265

Борка 199

Босния (Босна) 3, 8, 9, 21, 42, 61, 151, 152, 161, 167—169, 178, 182, 184, 192, 194, 198, 200, 212—214, 217, 218, 221, 236, 237, 239, 244—246, 255, 265, 266, 273, 288, 296, 308, 314, 319, 341, 345, 346, 348, 357, 363, 370, 371, 379, 382, 385, 386, 395, 396, 398, 406—408, 414, 417, 421, 425, 428, 432, 438

Босфор 271, 283, 286, 287

Браила (Браил, Ибраил) 16, 19, 99, 124, 142, 213, 252, 395, 437

Бранковина 115

Брда (Брдо, Берды) 194, 354

Брза Палашка (Брза, Бърза Палашка, Бързепалашка, Бърза Палашка) 364, 365, 369, 382, 423, 430, 431, 437, 438

Буджак 99

Буковина 95

Бургас (Боргас, Бургас, Бурзаз) 24, 161, 207

Бухарест (Букокрест, Букурест, Букурешт) 14, 16, 19—21, 23, 31, 32, 46, 53, 54, 58, 63, 67, 78, 86, 88—90, 93—96, 98—101, 103, 105, 106, 114, 115, 122, 123, 125, 127, 131, 135, 136, 138,

- 141, 143, 149, 151, 154, 156, 159, 162, 166, 167, 175—178, 187, 195, 198, 202, 203, 220, 221, 223, 226, 228, 251, 252, 264, 272, 287, 289—291, 294, 296, 297, 299—304, 308, 315, 319—321, 336, 337, 341, 349, 352, 354—356, 360—362, 364, 367, 373, 380, 381, 392, 393, 397, 400, 405, 407, 408, 411, 414—416, 418, 420—425, 431, 433, 436
- Буюкдере 54, 63, 129, 139, 144, 152, 155, 166, 169, 171, 259, 269, 274, 285
- Валахия (Валлахия, Влашка) 5, 8, 15, 17—19, 21, 24, 26, 35, 37, 38, 47, 48, 54, 57, 58, 75, 80, 81, 86, 87, 95, 96, 98, 103, 105, 139, 141—143, 151, 159, 162, 173, 175, 176, 178, 192, 197, 203, 208, 218, 220, 229, 233, 235, 245, 247, 252—254, 266, 268, 272, 273, 286, 290, 291, 300, 303, 310, 313—315, 319, 321, 325, 326, 334, 337, 342, 354, 356, 380, 384, 385, 390, 394, 395, 401, 409, 412, 414, 415, 419—422, 424, 428, 430, 433, 437
- Валахская провинция 125
- Валево 107, 288, 348
- Варна 24, 124, 127, 161, 176, 178, 272
- Вена 23, 24, 31, 32, 34, 35, 83, 84, 125, 427
- Венгрия 6, 149, 159, 164, 176, 191, 192, 251, 357, 385
- Венеция 165, 209
- Версаль 19
- Видин 19, 31, 34, 35, 57, 160, 213, 217, 287, 294, 300, 304, 308, 310, 319, 321, 325, 335, 341, 342, 346, 348, 350, 354, 358, 359, 361, 365, 374, 375, 378, 382, 390, 391, 404, 409, 416, 429, 430, 437
- Видинская область 34
- Видинский округ, пашалык 160, 163, 202, 265, 337, 350
- Видинский санджак 212
- Видинская Украина см. Крайна
- Волканешти 394
- Воложское княжество см. Валахия
- Волявча, монастырь (Волавцы) 160, 163, 199
- Воница 35
- Воскополь 134
- Врачар 44—46
- Всероссийская империя см. Россия
- Габсбургская монархия см. Австрия
- Гаджешти 368
- Галац 166, 176, 336, 409, 437, 438
- Гацко (Гатско, Гадско) 168, 305, 354
- Германия 47, 192, 226, 350, 385
- Германштадт (Германштат), соврем. Сп-бпу 86, 178, 252, 291, 300, 304
- Герцег-Нови см. Херцег-Нови
- Герцеговина (Ерцеговина) 8, 41, 52, 82, 134, 165, 167—169, 197, 217, 218, 287, 305, 317, 318, 322, 323, 326, 329, 337—339, 354, 355—357
- Гирлы 402
- Гогош (Гогаш) 363, 364, 369, 370, 372, 373, 410, 412
- Голак 348
- Голич 191
- Голландия 73
- Голубац 410
- Гора 107
- Градиште 110
- Грахово 323, 329, 338, 354
- Греция 5, 336
- Грузия 282, 386
- Далмация 8, 82, 134, 208, 209, 213, 214, 216, 218, 222, 239, 242, 271, 286, 287, 300, 318, 334, 356, 357, 385
- Дания 122
- Дардапеллы 75, 76, 284, 318
- Делиград 7
- Джума 24
- Днестр 252, 271, 287, 314, 403, 415
- Добрица 124
- Дрим 253
- Дрина 36, 42, 345, 348, 350, 385, 423—425, 427—429, 435
- Дробняки (Дробняк) 195, 318, 322
- Дубосары (Дубоссары) 166
- Дубровник 167, 168, 194, 239, 258, 282, 305, 322, 323, 357
- Дульчино (Дульцын), соврем. Ульяновск 323, 329
- Дунай 8, 15, 16, 19, 20, 24, 30, 31, 35, 36, 51, 57, 76, 81, 83, 88, 92, 124, 125, 142, 149, 159, 162, 176, 202, 220, 221, 226, 247, 250, 252, 253, 265, 266, 273, 294, 296, 300, 308—310, 314, 318, 331, 335, 337, 341, 342, 346, 350, 354—356, 358—361, 363—366, 369—374, 376, 377, 380, 382, 383, 385, 390—392, 396, 397, 399, 401—403, 409, 411, 413, 415—417, 419, 428, 429, 437, 438
- Дунайские княжества 17, 320, 384, 409, 419
- Дураццо 329
- Европа 5—7, 61, 66, 73, 93, 107, 186, 191, 198, 209, 217, 218, 260, 271, 293, 318, 346, 360, 441
- Египет 16, 23, 234, 273
- Ени-Пазар (Ени-базар, Енибазар) 124, 142, 273, 348
- Жабляк 323, 357
- Жия 361, 365
- Жупа 322
- Журжево (Журжа), соврем. Джурджу 203, 361, 395, 419, 420, 437
- Зара 357
- Зворник 348, 371
- Землин (Семлин), соврем. Земун 20, 83, 92, 96, 99—101, 103, 127, 128, 132, 143, 200, 203, 226, 339, 341, 354
- Зега 323, 329
- Зимница 337, 373
- Зитура 84
- Змардинешти 416, 417
- Зубцы, село 322, 323
- Ибраил (Ибраила) см. Браила
- Ибраильский округ 139
- Игрибазар 31
- Иванковац (Иванковцы) 150, 160, 162, 184, 244
- Иерихон 346
- Изворил-Алба (Изворил) 358

Измаил (Исмаил) 19, 31, 34, 213, 225, 252, 287, 365, 374, 381, 383, 384, 390, 392, 393, 395, 438

Индия 143

Ионическая республика 35, 66, 282, 287, 318

Ионические острова 74—76, 98

Иорданы 178

Исакача 438

Испания 121, 122

Истрия 209, 216, 222

Италия 34, 73, 95, 134, 193, 209, 218, 287

Каир 16

Калафат 297, 364, 370

Калемегдан 310

Каменец Подольский (Каменец) 303, 375

Каменница, село 348

Кандия, соврем. Крит 34

Караовац, соврем. Кралево 142, 148, 183, 249, 348

Караовацкая нахия 148

Карловцы 107

Карнабат, соврем. Карнобат 21, 24, 83

Кастельново, Кастельнуово см. Херцег-Нови

Катуц, село 263

Катунская нахия 322

Киев 46, 47, 50, 95, 99, 150, 156, 303

Килия 19, 252, 395

Кильнау 367

Кипр 34

Кирбово 364

Кладово (Кладов) 20, 34, 265, 266, 294, 341—343, 345, 348, 358, 394, 414, 416, 430, 437

Кличевац (Кличев) 148, 429

Клобук 305

Колар, село 158

Константинополь (Царьград, Стамбул, Истамбул) 6, 16—19, 29—32, 34, 35, 37, 38, 50, 53, 56, 57, 60, 67, 75—77, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 95—100, 105, 106, 108, 112, 113—115, 118, 122, 123, 127—129, 131, 133—135, 139, 142, 143, 146—148, 151, 154, 155, 158, 159, 161, 162, 167, 175—178, 186, 197, 198, 201—203, 213, 216, 219, 221, 222, 228, 238, 253, 254, 259, 263, 265, 266, 273, 282, 286, 289, 290, 298, 309, 310, 313, 314, 319, 380—382, 405, 428, 435, 436, 438, 439, 441, 442

Константинопольский пролив 271

Константинопольский канал 318

Корфу 15, 28, 76, 192, 193, 218, 287, 317

Котор (Каттаро, Каторо) 9, 82, 87, 157, 165, 167, 194, 209, 214, 239, 244, 286, 314, 315, 317—319, 322, 324, 326, 329, 356, 357

Крайна (Неготинская Крайна) 109, 217, 266, 304, 337, 343, 345, 346, 361, 364, 371, 372, 379, 387, 398, 407

Крайова (Крайов) 160, 264, 265, 290, 291, 300, 319, 337, 342, 349, 355, 358, 361, 363, 364, 368, 369, 373, 375, 380, 381, 390, 391, 394, 401, 412, 416, 421—423, 429, 431, 436, 439

Крайовский округ, уезд 142, 391

Кречешти 367

Крушевац 249

Крушевацкая нахия 239

Крым 207, 220

Лесковац 142, 348

Лешапская нахия 322

Лозница 264

Лондон 32, 74, 143, 284, 285

Мадрид 122

Малайница 359, 363, 375, 377, 379, 383

Массурица 348

Матеевац Горни 348

Мачва 263, 424, 428

Могилев 50

Молдавия 138, 139, 141, 167, 173, 192, 208, 220, 233, 254, 286, 287, 291, 308, 310, 313—315, 325, 326, 334, 336, 356, 395, 401, 409, 412, 415, 419, 420, 428, 430, 433, 437

Монастырь 20, 24

Монте-Негро см. Черногория

Морава, река 36, 42, 150, 156

Моравия 221

Морача 194, 318

Морея 34, 75, 84, 254, 282, 353

Мостар 305

Неаполитанская держава 218

Неготин 341—343, 345, 358, 382, 383, 385, 387, 391, 394, 397, 398, 400—402, 404, 411, 414

Неготинская Крайна см. Крайна

Никополь 253, 364, 366, 390

Никшич (Никшиц) 132, 165, 194, 196, 317, 322, 329, 337—339, 354, 355

Нисса (Ниса) см. Ниш

Ниш 7, 20, 127, 142, 151, 152, 156, 160—163, 165, 171, 172, 175, 176, 178, 184, 203, 205, 206, 217, 239, 249, 266, 288, 294, 298, 336, 337, 342, 348, 350, 363, 406, 407, 414, 421, 424, 428—430

Нови Базар, соврем. Нови Пазар 239, 249, 329

Новица 142

Обрез, село 263

Одесса 150, 154—156, 164, 176, 177, 221, 336

Олт, река, соврем. Олтул 253, 365, 373, 402

Орсова (Оршава), соврем. Оршава, см. также Адакале 37, 38, 57, 84, 92, 105, 149, 151, 154, 159, 161, 162, 178, 195, 203, 213, 247, 250, 291, 294, 296, 297, 300, 308, 319, 337, 361, 390, 430, 433

Османская империя 5—7, 16, 33, 34, 63, 67, 73, 76, 79, 82, 121, 146, 187, 202, 212, 233, 242, 254, 271, 284, 285, 287, 309, 313, 324, 334, 346, 353, 356, 359, 410, 441

Остров 363, 364, 369, 371, 372, 399, 405, 408, 411, 413, 416, 421

Острог 64, 329

Остружница 24, 29, 40, 111—114, 116, 199
Оттоманская империя см. Османская империя

Пазарджик см. Базарджик

Паланка 160, 162, 265

Панчово, соврем. Панчево 291

Парачин 244

Парачинская нахия 239

Парга 35

Париж 16, 19, 23, 34, 35, 86, 151, 161, 178, 235, 253, 265, 286, 287, 415, 418, 437, 442

Паштровичи 317, 323

Пера 17, 90, 94, 101, 172, 187, 205, 229, 241

Петербург (С.-Петербург, Санкт-Петербург) 5—7, 10, 17, 32, 39, 50, 54, 60, 64, 66, 67, 77, 86, 88, 92, 93, 95, 96, 100, 101, 103, 107, 108, 113, 122, 123, 131, 134, 135, 141, 146, 150, 154—156, 159, 164, 167, 174, 177, 186, 196, 197, 199, 204, 215, 219, 221, 226, 237, 238, 240, 250, 251, 287, 290, 291, 299, 301, 310, 337, 392, 393, 403, 409, 420, 433

Петроварадин, соврем. Нови Сад 340, 341

Печаны 108

Пива 64, 195, 318

Побои 322

Подгорица 323, 357

Пожаревац 45, 263

Польша 8, 192, 321

Пореч (Пореч, Поречье, Порица) 51, 149, 239, 246, 267, 268, 335, 337, 341, 345, 346, 363, 410, 414, 431—433

Португалия 122

Правово (Правово) 359, 364, 365, 369, 382, 383, 406

Превеза 35

Пресбург (Пресбург), соврем. Братислава 176

Приморье 315

Приштина 348

Приявор 428

Пруссия 8, 233

Прут 437

Пулавы 164

Рагуза см. Дубровник

Рагузская республика 287

Разград 264, 298

Рахов 142

Речкая нахия см. Рнекская нахия

Рнекская нахия 317, 322

Рисап (Ризано) 317, 329

Родос 34

Рудина 322

Россия 5—10, 17, 18, 24, 25, 33—35, 40, 41, 44—53, 61—64, 66, 72, 74, 76—79, 81—90, 93, 94, 96, 105, 106, 115, 119, 122, 132, 137, 146, 149, 150, 159, 160, 168, 194, 196—204, 209, 216—222, 225, 226, 235, 236—238, 241, 243, 247, 250, 253, 254, 256, 265—267, 271, 285—287, 293, 305, 312, 318—320, 324, 329, 331, 335, 336, 339, 341, 345, 352—357, 362, 372, 373, 376, 379, 382, 387, 393,

396, 398, 401, 407—409, 412, 416, 417, 420, 424, 427, 430, 432, 434, 440, 442
Румелия (Ромелия) 14, 16, 19, 20, 30, 34, 81, 83, 84, 93, 125, 151, 176, 178, 245, 246, 397, 441

Рушук (Рушчук) соврем. Русе 31, 35, 161, 176, 178, 203, 245, 247, 264, 272, 273, 300, 366, 382, 419, 438

Рушукский округ 176

Рыбня 263

Рымник 376, 397

Сабас см. Шабач

Сава 21, 36, 202, 289, 348

Сараево 42

Сарка 348

Семендрия 34, 158, 160, 161, 163, 173, 178, 197—199, 204, 235, 239, 254, 256—258, 263, 265, 288, 289, 294, 297, 298, 301, 307, 325, 326, 396

Сербия 5—9, 19, 25, 26, 32, 35, 37, 38, 44—46, 54, 56, 57, 60—62, 64, 67, 81, 87, 88, 90, 92, 94, 96, 99, 101, 103, 106, 110, 111, 113, 116, 122, 123, 127, 129, 131, 132, 141—143, 146, 149, 150, 152—156, 159, 161—164, 166, 168, 174, 175, 177, 178, 182, 186, 187, 196, 197, 199—202, 204, 212, 215—219, 221, 223, 226, 228, 234, 235, 238, 241, 243, 244, 246, 248—252, 254, 256—258, 260, 262, 263, 265, 266, 268, 272, 282, 287—289, 291, 294, 296—299, 301, 304, 309, 319—321, 325, 326, 331, 334—336, 349, 352—357, 360, 366, 373, 376, 386, 387, 392, 396, 398, 401, 403, 407—410, 414, 417, 418, 421, 422, 424, 427, 428, 430, 431, 433

Сербское государство 85, 168

Сикирич 424, 425, 427, 428

Силестрия, соврем. Силестра 16, 20, 24, 30, 31, 35, 57, 58, 84, 97, 124, 139, 142, 176, 252

Синай 30

Синоп 207

Синтешти 367

Сирия 16, 32

Сирмия, соврем. Сремская Митровица 341

Сицилия 218, 286

Скадар, Скутари, соврем. Шкодер 134, 168, 194, 217, 239, 317, 318, 329

Сливны 29

Слободзея 367, 368, 402, 403, 409, 413, 416, 419

Смедерево см. Семендрия

Смирна 207

Сокол, соврем. Сокоград 288, 321, 336, 348, 406, 407, 428

Сокольская нахия 432

София 20, 24, 35, 192, 249, 346

Спуж 323, 357

Средиземное море 271

Срем 341

Сремский округ 339

Станевич(и) 87, 106, 156, 157, 168, 242

Сулия 17

Татар Базарджик см. Базарджик

Текий 294, 296

- Темешвар (Темишвар), соврем. Тимишоара 354
Тенедос 405
Тильзит соврем. Советск 8, 353, 361, 409, 419, 440
Тимок 335, 341, 358, 418
Тирасполь 196, 370
Топола 134
Топчидер 35, 36
Травник 160, 162, 194, 287
Трансильвания 57, 62, 83
Трапезунд, соврем. Табзон 207
Требинье 329, 338, 357
Триест 24
Турно (Турна), соврем. Турну-Магуреле 361, 366, 390, 395, 402
Турция, Турецкая империя, см. также Османская империя 7, 8, 15, 16, 19, 21, 23, 29, 75, 76, 81—84, 95, 119, 129, 134, 209, 219, 220, 227, 228, 254, 269, 275, 282, 286, 293, 296, 310, 314, 315, 332, 335, 365, 390, 398, 407—409, 419, 420, 427, 4337
Ужица, соврем. Ужице 151, 152, 178, 249, 263, 321, 336, 342, 345, 348, 349, 352, 394, 395, 406
Ужидкая пахия 147
Фанар 125
Фетюль-Ислам, Фет-Ислам, Фетх-Ислам, Фетислам см. Кладово
Филиппополь (Филиппополь), соврем. Пловдив 15, 24, 124, 161
Фокшаны 368, 374, 391, 395, 424
Фракия 16
Франция 6, 8, 9, 16, 19, 23, 33, 63, 73, 74, 76, 78, 82, 87, 121, 122, 146, 201, 202, 209, 220, 233, 235, 245, 253, 269, 271, 273, 281—284, 286, 287, 293, 313, 321, 393, 398, 407, 409, 419, 420, 433, 440
Фурценешты 395
Харьков 66, 150
Херсонская губерния 196, 336
Херцег-Нови 168, 258, 306, 323, 328, 329
Хиршово, соврем. Хирсово 139, 151, 162
Хотин 19, 252, 253, 287, 334, 384
Хотинский край 380
Царьград (Цариград) см. Константинополь
Цесария (Цысария) см. Австрия
Цетинье, соврем. Цетине 42, 165, 214
Черневичи, прав. Риека Церпоевичи 133 134, 323, 348
Черногория 6, 9, 32, 33, 81—83, 87, 88, 95, 106, 132, 134, 137, 156, 157, 167, 168, 194, 197, 214, 218, 282, 287, 315, 317, 318, 324, 328, 329, 349, 355—357, 362
Черное море 8, 74, 76, 121, 122, 192, 193, 207
Шабач 7, 21, 22, 34, 47, 119, 217, 21, 263, 266, 298, 314, 319, 336, 432
Швеция 122
Штубик 8, 358, 359, 361, 364, 373, 377, 379, 380, 383
Шумла, соврем. Коларовград 24
Эльхариш 16
Эпир 23, 194, 287
Юрьов, Юрьово, соврем. Джурджу см. см. Журжево
Ягодина 263, 348
Ягодинский округ 263
Яломницкий уезд 57
Янина 35, 57, 282, 287
Яссы 14, 16, 18, 19, 21, 29, 34, 47—49, 53, 66, 67, 77, 78, 86—89, 95—97, 99, 100, 106, 115, 127, 139, 143, 144, 149, 154, 159, 160—162, 166, 167, 174, 176, 177, 187, 219, 221, 223, 228, 243, 250, 251, 265, 274, 282, 286, 287, 290, 301, 302, 310, 319, 336, 374, 380, 384, 431, 433, 437—442

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

- Аманет (тур.)* — наказ, поручение.
Арз-мазгар (тур.) — коллективное послание, жалоба или просьба.
Арзухан (тур.) — просьба, жалоба.
Арнаут (тур.) — наемник, преимущественно из албанцев.
Аян (тур.) — именитый гражданин, градоправитель, уездный начальник.
Бег (тур.) — титул турецкой знати.
Бейзаде (тур.) — сын бега.
Бейлербей, беглербег (тур.) — наместник, управляющий наиболее крупной турецкой административной единицей.
Берат (тур.) — султанский указ о назначении служащих на должности, предоставлении владения или пагады.
Бимбаша (тур. бимбаши) — тысячник.
Буюкбаша (тур. буюкбаши) — сотник.

- Буюруктия** (тур. буюрулду) — письменный приказ великого везира, пашестника области.
- Везир, везирь** (тур.) — член султанского Дивана; титул, который в XVIII в. давался многим управителям окраин. Например, Белградского пашалыка, Боснии и др.
- Дази** (тур.) — старейшина, ага, начальник янычарских подразделений в Сербии.
- Диуар** (тур. гяур) — северный, турецкое название христиан.
- Диван** (тур.) — совещательный совет при султанах, совет областного пашестника.
- Дивийтар** (тур.) — писарь.
- Есакчий** (тур.) — посольный, гонец.
- Зилькаде** — название месяца — ноябрь (тур.).
- Знак трехбунчужного паша** — знак воинского отличия и достоинства в виде конского хвоста, мог быть из одного, двух или трех хвостов.
- Зулум** (тур.) — пасилле, неправда.
- Интерпрунций** (от лат. interpretus) — посредник. С 1676 по 1856 г. звание интерпрунция носил австрийский дипломатический представитель в Константинополе.
- Кабаталия** (тур.) — храбрый, сильный, тиран.
- Каймакам** (тур.) — заместитель разного рода государственных сановников, пашестников.
- Капиджибаша** (тур.) — старший камердинер, с XVIII в. — титул, который давался многим нижним военным чинам в провинции.
- Капитан-паша** (тур. капуданбаша) — адмирал, верховный командующий турецкими морскими силами.
- Кеса** (тур.) — «мешок» денег в 500 пиастров (грошей).
- Кирджалии** (тур.) — турецкие бунтовщики-разбойники, которые служили и как пашестники; появились во Фракии в конце XVIII в.
- Ключар, ключарь** — боярин при дворе господаря Валахии, ведавший продовольственными запасами.
- Кязья-бей, кезайя-бей** — помощник, заместитель санджакбега или беглербега.
- Мамлюки, мамелюки** (арабск.) — гвардейцы египетских султанов, набравшиеся в XIII в. из рабов тюркского и кавказского происхождения. В 1250 г. захватили власть и самостоятельно правили до завоевания Египта турками (1517 г.). Фактически мамелюки сохранили господство в Египте до начала XIX в., когда были истреблены пашой Мухаммедом-Али.
- Межкеме** (тур.) — турецкий суд.
- Мирза** (тур.) — престолонаследник.
- Миср-валиси** (тур.) — правитель Египта.
- Мубашир** (тур.) — комиссар, представитель.
- Муселим, мусилим** (тур.) — представитель областного пашестника в наиболее крупных и значительных местах области, после реформ — начальник уезда.
- Муфти** (тур.) — высший сан духовного лица у мусульман в области или крае.
- Мухасил, муасил** (тур.) — комиссар, сборщик налогов.
- Мушафиз** (тур.) — комендант города, крепости.
- Мухордар** (тур.) — хранитель печати.
- Мушавере** (тур.) — местный совещательный совет.
- Назырь, назир** (тур.) — пашестроитель, управитель хасов.
- Назия** (тур.) — единица административного деления в Сербии.
- Падишах** (тур.) — с конца XV в. до 1922 г. — титул турецких султанов.
- Пандур** — часовой в карауле, ответственный за порядок и надежность на дорогах.
- Парох** — старейшина низовой церковной административной единицы.
- Пиастр** (лат. piastre, франц. piastre) — то же, что и куруш (гуруш), денежная единица, монета некоторых стран Востока, в том числе Османской империи.
- Порта** (Высокая Порта) — дипломатическое название канцелярии великого везира, выполнявшей правительственные функции.
- Постельник** — придворный боярин, ведавший покоем господаря Валахии.
- Райя, рая** (тур.) — христианские подданные Османской империи.
- Реис-эфенди** (тур.) — руководитель ведомства иностранных дел Османской империи.
- Румели-валиси** (тур.) — командующий турецкими войсками в Румелии.
- Сераскер** (тур.) — верховный главнокомандующий, командующий войсками во время похода или сражения.
- Сердар** (тур.) — начальник янычарского войска в небольшом населенном пункте, в пашии или срезе, часто — синоним сераскера.
- Спатар, спатарь** (греч.) — командующий войсками в Валахии.
- Спахий** (тур. спахи) — феодал, который получал от султана пожизненное земельное пожалование без права наследования.
- Сулиот** — православный албонец из района Сули на юго-западе Балканского полуострова
- Толмач** — переводчик.

Фанариот — привилегированный грек из Константинопольского квартала Фанар. С конца XVIII в. наиболее знатные жители этого квартала назывались турецкими дипломатическими представителями во многие государства Европы и церковными иерархами — в сербские и другие балканские земли, после ликвидации в 1766 г. печской православной патриархии.

Ферман, фирман (тур.) — султанский официальный документ, султанский приказ. *Фетва (арабск.)* — заключение муфтия по религиозному, юридическому или общественному вопросу, основывающееся на Коране, сунне и шариате.

Хазнадар — казначей.

Хатт-и шериф, хатт-и хумайюн, хат-и шериф, хат-и хумайюн (тур.) — собственноручно заверенное султанское письмо.

Четобаши (тур. четобаши) — старейшина четы.

Ямак (тур.) — солдат вспомогательных войск, с XVIII в. так назывались янычары в пограничных крепостях.

Янычары (тур.) — привилегированная пехота в Османской империи, до 1826 г. выполнявшая также полицейские и карательные функции.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ (вклеек)

1. Видовые иллюстрации 128—129
1. Портреты участников восстания 224—225
3. Карта Сербии в период Первого сербского восстания 352—353

СОДЕРЖАНИЕ

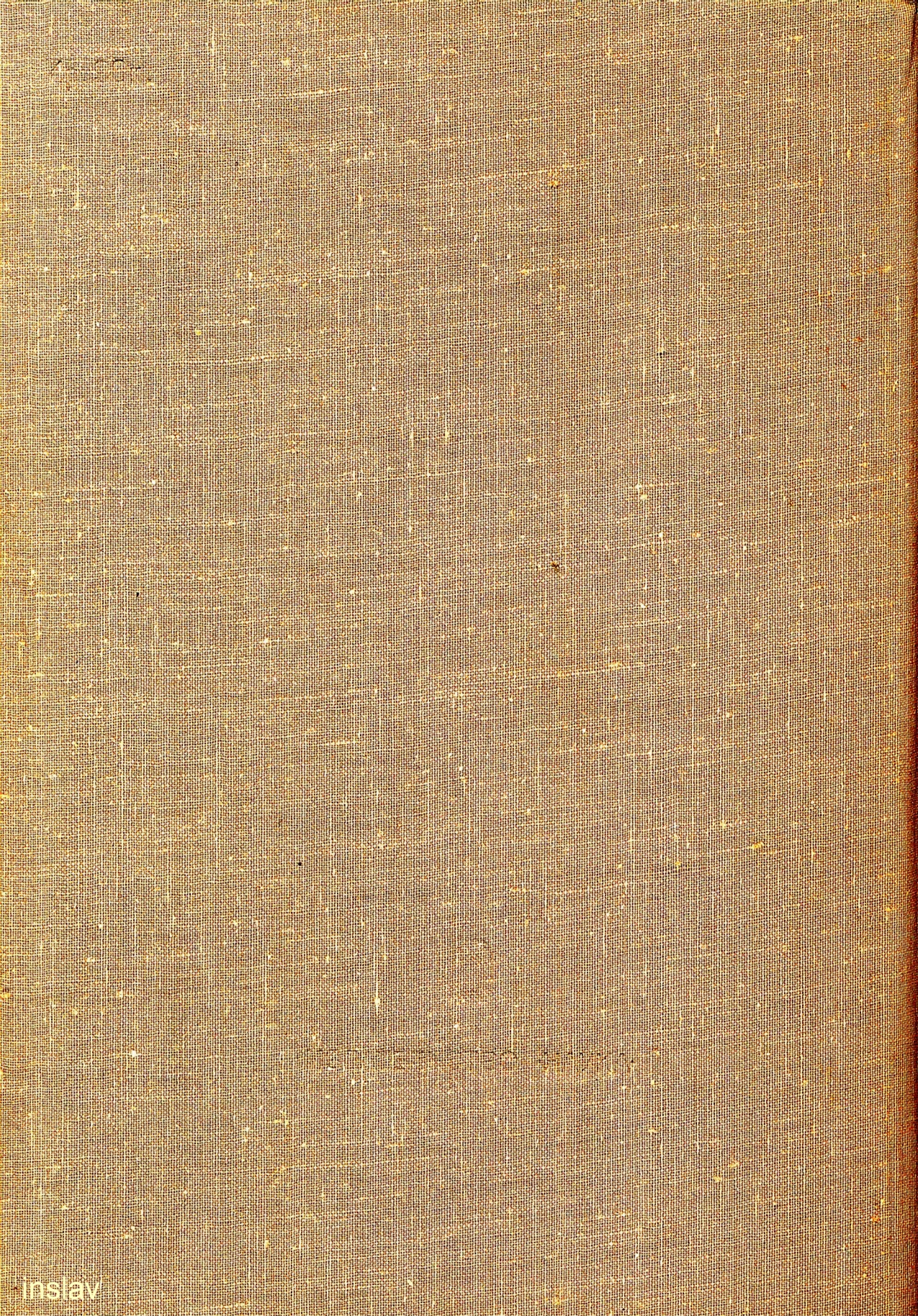
Предисловие	5
Документы	
1804 год (№ 1—33)	14
1805 год (№ 34—116)	80
1806 год (№ 117—192)	196
1807 год (№ 193—328)	312
Приложения	
Список использованной литературы	444
Перечень документов	447
Указатель имен	460
Указатель географических названий	473
Терминологический словарь	477

ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ 1804—1813 гг. И РОССИИ

Книга первая
1804—1807 гг.

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Л. И. Тормозова	ИБ № 18267
Художник Ю. П. Трапаков	Сдано в набор 20.03.80. Подписано к печати 8.07.80 г. Т-09867. Формат 70×100 ¹ / ₁₆ .
Художественный редактор Н. А. Фильчагина	Бумага типографская № 2 Гарнитура обыкновенная
Художественно-технический редактор Ю. В. Серебрякова	Печать высокая Усл. печ. л. 39,6. Уч.-изд. л. 45,4 Тираж 1850 экз. Тип. зак. 1359 Цена 4 р. 90 к.
Корректоры Л. С. Агапова, М. В. Борцова	Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90 Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Књига, коју предлажемо читаоцу, представља збирку дипломатских докумената из архива СССР, који први пут систематски осветљавају политику Русије о српском питању у периоду 1804—1807 гг., упознају нас са положајем српског народа и других балканских словена за време првог српског устанка 1804—1813 гг. и делимично карактеришу однос заинтересованих европских држава према ослободилачким покретима балканских словена.

У књигу су унети извештаји руских дипломата из Цариграда, Беча, Београда, Букурешта, Јапнија, Котора и других градова Османске и Аустријске империје, инструкције Министарства спољних послова Русије руским дипломатима, реферате руских министара цару, наредбе и саопштења руске команде Молдавске армије, молбе и писма вођа и депутата српског и црногорског народа руској влади и други материјали, који се односе на период 1804—1807 гг. Ову збирку докумената припремили су за штампу заједно совјетски и југословенски историчари.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ПЕРВОЕ СЕРЬЕЗНОЕ ВОССТАНИЕ 1804-1813 гг. И РОССИЯ

1